Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Сборник статей участников

IV международной научной конференции

25-26 апреля 2008 года

Челябинск

Том 3

Челябинск

2008

УДК 800(063)
ББК 81
С 48

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор Л.А. Нефедова (отв. ред.)
кандидат филологических наук Е.Е. Аникин
кандидат филологических наук, доцент Г.Р. Власян
кандидат филологических наук, доцент О.Л. Заболотнева
кандидат филологических наук, доцент Е.В. Ньюнэйбер
кандидат филологических наук, доцент Н.С. Олизько
кандидат филологических наук, доцент И.В. Степанова
кандидат педагогических наук, доцент О.Н. Ярошенко

С48 **Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах**: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г., Челябинск. Т. 3 / [редкол.: д.филол.н., проф. Л. А. Нефедова (отв. ред.) и др.] – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – 624 с.

ISBN 978-5-87039-203-5

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в IV международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В трех томах сборника освещаются общетеоретические вопросы фундаментальных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета.

Сборник издается в авторской редакции

УДК 800(063)
ББК 81

ISBN 978-5-87039-203-5

© ГОУ ВПО «Чел ГУ», 2008
© ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Л.Р. Абдуллина
Казань, Россия

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Закономерности функционирования любой языковой единицы в тексте определяются особенностями ее семантики и прежде всего характером денотативно-сигнификативного плана языковой единицы, а также зависят от специфики условий коммуникации [Осветимская 1988: 156]. Задачей данной статьи является рассмотрение особенностей семантической организации газетного текста французского и татарского языков. Объектом исследования послужили глагольные фразеологические единицы (ГФЕ), используемые в текстах редакционных статей газет «Ватаным Татарстан» и «Le Monde».

Согласно учению Кунина А. В., реализация любой фразеологической единицы возможна лишь в составе фразеологической конфигурации – минимальной структуры, в рамках которой осуществляется актуализация значения фразеологической единицы, выявление типов фразеологических контекстов, характерных для ГФЕ [Кунин 1986: 177].

Тип фразеологических конфигураций, непосредственно эксплицирующих основную семантическую информацию, концептуальное ядро фразеологизма, в диссертационном исследовании Осветимской Н. М. получил название базисных. Особенность базисных фразеологических конфигураций заключается в том, что развертывание основной семантической информации ГФЕ не имеет обязательного характера и диктуется коммуникативными потребностями.

Рассмотрим наиболее характерный для газетного текста вид семантического развертывания ГФЕ, который определяется нами как семантическое дублирование.

С целью уточнить информацию, заключенную в ГФЕ, и акцентировать внимание читателя на ее значимости авторы редакционных статей используют семантическое дублирование основной информации ГФЕ, осуществляемое в газетном тексте синонимичными лексическими единицами или словосочетаниями. Причем ГФЕ и ее семантический коррелят указывают на одно и то же явление действительности, но с разной степенью интенсивности, поскольку ГФЕ выступает в качестве экспрессивной

единицы языка, тогда как ее коррелят – в качестве нейтрального синонима [Беришвили 1982: 14].

Следует отметить, что в базисных конфигурациях, основанных на семантической дублировании, семантический коррелят всегда представлен глагольной лексемой, так как только при участии глагольной лексемы возможна реализация категориально-семантического признака процессуальности ГФЕ.

Приведем примеры семантического дублирования.

Во французском языке:

Les groupes de rebelles auxquels le gouvernement soudanais et ses milices supplétives arabes, les jajawids, livrent un combat féroce, consistant essentiellement à s'en prendre aux populations civiles, se sont scindés en une multitude de factions qui n'hésitent pas à batailler entre elles pour la rapine et les pillages [Le Monde 16.11.06].

Livrer un combat – engager une batatille.

В татарском языке:

Соңгы вакыттв республиканың күпчелек районнарында әледән-әявып узган яңгырлар урып-җыю эшләренә шактый комачаулык китерә. Әмма, соң булса да уң булсын, дигәндәй, дымның икмәкләргә зыяны тими [Ватаным Татарстан 05.04.06].

Комачаулык китерү - бәла, мәшәкать, зарар китерү.

Основная семантическая информация ГФЕ в обоих языках получает полное семантическое дублирование в тексте во французском языке при помощи синонимичной глагольной единицы *batailler*, в татарском языке при помощи антонимического глагольного словосочетания *зыян тию.* Если ГФЕ дает яркую и образную характеристику процесса, то ее дублет характеризует его с меньшей степенью интенсивности. В рамках таких конфигураций наблюдается своеобразная градация семантического развертывания: поскольку семантическое развертывание идет от ГФЕ к ее дублету, происходит ослабление интенсивности признака процессуальности. Возможен и обратный процесс, при котором семантическое развертывание идет от семантического коррелята к ГФЕ. В таком случае происходит усиление признака процессуальности. Проиллюстрируем это положение.

Comme Pasteur, je n'accepterai pas ce mensonge, a lancé Mgr Etsou.

Mettant en garde la « communauté internationale » qui finance les élections, l'archevêque a dit « non à toute tentative d'imposer au peuple congolais un candidat devant juste satisfaire les appétits des prédateurs » [Le Monde 16.11.06].

Dire non – refuser, ne pas accepter.

В татарском языке:

Дөньяда барлыгы 400 меңләп калмык яшәи икән. Шуларның 150 мең – Калмыкиянең үзендә яшәсә, тагын 150 мең Кытайда тормыш алып бара [Ватаным Татарстан 05.04.06].

Тормыш алып бару - яшәү.

В любом случае ГФЕ является экспрессивной единицей языка, а семантический коррелят – ее нейтральным синонимом. Однако нами зарегистрированы случаи дублирования семантики ГФЕ при участии других фразеологизмов.

В татарском языке:

Ләкин шуннан соң берничә эшмәкәр спиртлы сыклыкларны сатудан баш тарткан. Димәк, алар үз ирекләре белән табышны, акчаны кире какканнар [Ватаным Татарстан 09.07.05].

Баш тарту – эшне, бурычны үтәргә теләмәү, кире кагу.

Киру кагу – кабул итмәү, отказ бирү, хупламау, расламау.

В данных базисных конфигурациях семантическое дублирование осуществляется при помощи синонимичной ГФЕ. При этом их характерной чертой является отсутствие градации интенсивности признака процессуальности, так как обе ГФЕ, являясь экспрессивными, характеризуют одно и то же явление действительности с одинаковой степенью интенсивности, что приводит к усилению воздействия на читателя.

Во французском языке случаев дублирования семантики ГФЕ при участии других фразеологизмов не было отмечено.

Нами была предпринята попытка показать и сопоставить в процентном соотношении явление семантического дублирования информации ГФЕ в зависимости от степени интенсивности признака процессуальности в газетном тексте французского и татарского языков. Материал исследования отбирался методом сплошной выборки из редакционных статей газет французского (Le Monde) и татарского (Ватаным Татарстан) языков. Причем для обеспечения сопоставимости результатов был рассмотрен одинаковый объем ГФЕ в каждом языке (200 ГФЕ). В таблице приводятся округленные данные распределения базисных конфигураций в тексте.

Таблица 1. Сравнительные данные отражения интенсивность в газетном тексте базисных конфигураций, основанных на семантическом дублировании

	Усиление интенсивности	Ослабление интенсивности	Отсутствие градации интенсивности
Ватаным Татарстан	27,5%	27,5%	45%
Le Monde	25%	75%	___

Как видно из таблицы, для газет татарского языка свойственно концентрированное экспрессивное выражение мысли, оказывающее сильное влияние на читателя. В газетах французского языка наблюдается отсутствие такого типа семантического дублирования, выраженное нежеланием авторов перегружать текст экспрессивно-оценочной информацией и тяготением к выражению мысли и идеи в ясной и четкой форме с помощью экономных средств, не вызывающих затруднений в понимании текста, и соответственно, не сказывающихся на его декодируемости.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что французские газеты в отличие от татарских газет стараются подчеркнуть не экспрессивно-оценочные возможности понятия, выражаемого членами базисной конфигурации, а его значимость для коммуникации. В этом различии проявляется принадлежность исследуемых языков к разным языковым группам.

Список литературы

1. Беришвили, М. С. Стилистическое использование фразеологических единиц в жанре научной прозы [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / М. С. Беришвили. – М., 1982. – 26 с.
2. Осветимская, Н. М. Фразеологическая единица и семантическая организация газетного текста [Текст] / Н. М. Осветимская // Текст в функционально-стилистическом аспекте: сб. науч. тр./ МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Москва, 1988. – вып. 309. – С. 156-160.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] : учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / В. А. Кунин – М., 1986. – 336 с.

Н.П. Авдеева
Саратов, Россия

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНЕСЕННОЙ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

Проблема внутренней речи является актуальной в ряде современных областей гуманитарного и естественно-научного знания: теории речевой деятельности, психолингвистике, когнитивной лингвистике, художественной стилистике, нейрофизиологии. Первостепенна роль внутренней речи в изучении соотношения и взаимосвязи языка и мышления, речи и мысли.

Для полного понимания сложного феномена внутренней речи необходимо изучение внутренней речи в ее художественном воплощении. Внутренняя речь в художественном произведении является способом представления речемыслительной деятельности персонажа. Наиболее интересно изучение внутренней речи персонажей в творчестве писателей остро и тонко чувствующих внутреннюю душевную жизнь своих героев, показывающих «диалектику души» персонажей.

В 1930-е годы Л.С. Выготский одним из первых в психологии определил внутреннюю речь как «речь про себя» и «речь для себя» [Выготский 1956: 340]. Таким образом, он выявил основные признаки внутренней речи: беззвучность и Я – направленность. Важно отличать естественную внутреннюю речь от литературно воспроизведенной внутренней речи, так как в художественном произведении внутренняя речь носит условный характер и является результатом творчества автора.

Объектом нашего изучения является произнесенная внутренняя речь персонажей в рассказах А.П. Чехова 1886-1903 гг. Следует отметить, что не все исследователи выделяют произнесенную внутреннюю речь как способ представления внутренней речи в художественном тексте. Главным аргументом противников изучения произнесенной внутренней речи становится несоответствие одному из ключевых ее признаков – беззвучности. Условность внутренней речи в художественном произведении, по нашему мнению, предполагает возможность произнесения внутренней речи персонажами, если она не предполагает адресата, остается «речью для себя».

В рассказе «Тайна» произнесенная внутренняя речь действительного статского советника Навагина и его внешняя речь перемежаются в одном высказывании. Синтаксис произнесенной внутренней и внешней речи – ряд восклицательных предложений. Сигналом, позволяющим выделить во фрагменте произнесенную внутреннюю речь, является необращенность персонажа к слушателю, хотя мысли произносятся вслух: «***Удивительно!*** – изумился Навагин, шагая по кабинету. – ***Странно и непонятно! Какая-то кабалистика!*** *Позвать сюда швейцара!* – крикнул он. – ***Чертовски странно! Нет, я все-таки узнаю, кто он!*** *Послушай, Григорий,* - обратился он к вошедшему швейцару, - *опять расписался этот Федюков! Ты видел его?»* [Чехов 1985: Т.6. С.63]. Герой находится в эмоционально возбужденном состоянии, он не понимает происходящего, мысли его находят выход в произнесении вслух: *Удивительно! Странно и непонятно! Какая-то кабалистика! Чертовски странно!* Неполные восклицательные предложения в произнесенной внутренней речи Навагина передают высшую степень удивления, изумления героя. Его мысли не направлены на адресата, а передают непостижимость, необъяснимость сложившейся ситуации. *Нет* диалогизирует внутреннюю речь, передавая внутреннее желание героя разрешить загадочные обстоятельства. Восклицательное предложение *Нет, я все-таки узнаю, кто он!* содержит угрозу, которая не направлена Навагиным на присутствующих лиц, а является эмоциональным выходом. Внешняя речь персонажа в высказывании выражается побудительными восклицательными предложениями, содержащими прямое обращение Навагина к швейцару Григорию и другим людям.

В ранних и поздних рассказах А.П. Чехова произнесенная внутренняя речь передает сильное эмоциональное возбуждение персонажа. Как правило, в произнесенной внутренней речи выражаются сильные отрицательные эмоции персонажа, представленные с помощью ряда восклицательных предложений. Такова произнесенная внутренняя речь Мигуева в рассказе «Беззаконие», нашедшего на крыльце своего дома младенца и решившего, что ему подбросили его незаконнорожденного ребенка: «***Подкинули-таки!*** *– со злобой процедил он сквозь зубы, сжимая кулаки. –* ***Вот оно лежит… лежит беззаконие! О господи!»*** [Чехов 1985: Т.6. С.123]. Восклицательные предложения и усеченная конструкция передают ряд негативных эмоций персонажа: злобу, страх и негодование. Или, например, в произнесенной внутренней речи Ольги Михайловны в рассказе «Именины» восклицательные конструкции и повтор предложения передают ее возмущение, негодование, досаду: ***«Он не имеет права!*** *– бормотала она, стараясь осмыслить свою ревность и свою досаду на мужа. –* ***Он не имеет никакого права. Я ему сейчас все выскажу!»*** [Чехов 1985: Т.7. С.36].

В ранних рассказах А.П. Чехова при изображении тяжелых переживаний персонажей во время болезни, в бреду, в состоянии полусна внутренняя речь также прорывается наружу. Например, лепет старика в рассказе «Скорая помощь», желавшего утопиться, но вытащенного мужиками из воды: ***«Святители-угодники… братцы православные… Рязанской губернии, Зарайского уезда… Двух сынов поделил. А сам у Прохора Сергеева… в штукатурах. Таперича, это самое, стало быть, дает мне семь рублев и говорит: ты, говорит, Федя, должен теперича, говорит, почитать меня заместо родителя. Ах, волк те знать!»*** [Чехов 1985: Т.6. С.118]. Мыслительный поток героя в сложном психическом состоянии, близком к бреду, вырывается наружу неконтролируемым, бессознательным лепетом, организованным усеченными конструкциями, дистантными лексико-позиционными повторами *теперича*, *говорит*, придающими внутренней речи недосказанность, сбивчивость, сумбурность, эмоциональную напряженность.

В ранних рассказах внутренняя речь озвучивается для сосредоточения внимания персонажа при напряженном обдумывании мысли, когда ему трудно проделать в уме какие-либо умозаключения, решить задачу, наметить план дальнейших действий. Например, математические подсчеты Льва Ивановича Попова в рассказе «Житейские невзгоды», купившего в банковской конторе выигрышный билет: «***Хорошо-с,*** *- продолжал считать Попов. -* ***К 236 прибавить 14 рублей 81 копейку, итого к этому***

месяцу остается 250 рублей 81 копейка. Теперь, если я в марте уплачу 5 рублей, то, значит, останется 240 рублей 81 копейка. Хорошо-с…» [Чехов 1985: Т.6. С.55].

В поздних рассказах А.П. Чехова, как и в ранних, внутренняя речь персонажа прорывается наружу в состоянии сильного эмоционального возбуждения. Наряду с восклицательными предложениями в поздних рассказах эмоциональное состояние персонажа передают и вопросительные предложения, организуя мнимый диалог или мысленное обращение к себе. Цепочки вопросительных предложений и многократные анафорические дистантные повторы вопросительных слов передают чувства персонажа и стимулируют его мыслительный процесс. Такова произнесенная внутренняя речь Николая Евграфыча в рассказе «Супруга», нашедшего телеграмму для жены с подписью Michel: ***«Кто этот Мишель? Почему из Монте-Карло? Почему на имя тещи?»*** [Чехов 1985: Т.8. С.387]. Вопросительные предложения и двукратный анафорический дистантный повтор ***почему*** передают чувства недоумения, удивления персонажа и являются толчком к дальнейшим размышлениям героя.

В поздних рассказах произнесенная внутренняя речь, как правило, является не столько толчком к последующим раздумьям персонажей, но чаще становится выводом предшествующих размышлений, представленных внутренней речью воспроизведенной с помощью несобственно-прямой, косвенной и прямой внутренней речи, образуя фрагменты внутренней речи с контаминированными видами представления речемыслительного процесса. Произнесенная внутренняя речь в контаминированных фрагментах является эмоциональным выводом предшествующих размышлений персонажа, выраженным восклицательным предложением или усеченной конструкцией. Таков эмоциональный вывод размышлений Петра Михайловича в рассказе «Соседи»: «*Один обольстил сестру,* - подумал он, - *другой придет и зарежет мать, третий подожжет дом или ограбит… И все это под личиной дружбы, высоких идей, страданий!»*

- Нет, этого не будет! – вдруг крикнул Петр Михайлыч и ударил кулаком по столу.» [Чехов 1985: Т.8. С.19]. Глагол *крикнуть* в авторской ремарке сообщает наивысшую степень эмоционального напряжения персонажа.

Отличие произнесенной внутренней речи персонажей в ранних и поздних рассказах А.П. Чехова заключается в структурно-синтаксической организации и функционировании. И в ранних, и в поздних рассказах А.П. Чехова произнесенная внутренняя речь передает эмоциональное состояние персонажа. В ранних рассказах при помощи ряда восклицательных предложений, в поздних рассказах – цепочек восклицательных или вопросительных конструкций. В ранних рассказах внутренняя

речь произносится при сосредоточенном поиске героем правильного ответа в решении трудной задачи, бесконтрольном проговаривании мыслей в состоянии бреда, полусна. В поздних рассказах произнесенная внутренняя речь чаще является эмоциональным заключением размышлений персонажа, представленных другими способами воспроизведения внутренней речи. Произнесенную внутреннюю речь персонажей организуют восклицательные и вопросительные предложения, усеченные конструкции, лексико-позиционный повтор.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Издательство АПН РСФСР, 1956. – 520с.
2. Чехов, А. П. Собрание сочинений в 12 томах [Текст] / А.П. Чехов; сост. и общ. ред. М. Еремина. – М.: Издательство «Правда», 1985. – Т.6-Т.9.

О.А. Агаркова
Оренбург, Россия

ЭТИКЕТНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Слово «этикет» возникло во Франции и употребляется со времен Людовика XIV. Речевой этикет понимается как система языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией [Формановская 1989: 15].

Богатейший словарно-фразеологический состав русского вежливого обхождения формировался веками на исконно русской основе, хотя и не без влияния других культур. Сформировавшийся в условиях эволюционных и революционных общественных преобразований, межэтнических и межгосударственных связей, он хранит отпечатки сословных, профессиональных, религиозных, морально-этических, политических, национальных, половых, родственных и возрастных отношений между людьми [Балакай 2001: 4].

Анализ «Словаря русского речевого этикета», включающий 6000 слов и выражений, показал, что этикетные заимствования составляют 0,7 % (82 формулы речевого этикета) и входят в состав таких тематических групп, как обращение, приветствие, комплимент, прощание, просьба, извинение, благодарность, утешение.

Заимствования русского языка в области этикета можно свести к трем группам:

1) заимствования из европейских языков. Самая многочисленная группа, в которую входит 72 формулы вежливости, где заимствования из французского языка составляют 25 выражений, из английского – 18, из латинского – 12, из немецкого – 7, из

итальянского – 7, из греческого – 3, из шведского – 1;

2) заимствования из родственных русскому языков. Польский этикет обогатил русскую речь четырьмя выражениями, в украинском языке позаимствовано 2 формулы;

3) заимствования из тюркских языков. Самая маленькая группа, в которой было зафиксировано 3 выражения вежливости.

Наибольшее количество заимствований отмечено в тематической группе *обращение*. Среди них можно выделить наиболее употребительные выражения французского (*мадам/madame, мосье/monsieur, мон шер/mon cher*), английского (*леди/lady, мисс/miss, мистер/mister*), немецкого (*фрау/ Frau, герр/Herr, фрейлейн/Fraulein*), итальянского (*маэстро/maestro*), польского (*пан/pan, пани/pani*), тюркского (*джигит*) и украинского (*хлопец*) языков.

В тематических группах *просьба* и *утешение* выявлен самый низкий процент заимствованных формул вежливости, которые получили распространение как крылатые фразы. Например, выражение из латинского языка: *Sic fata voluerunt* – «так судьбе угодно». Поговорка, употребляющаяся как форма утешения: ничего не поделаешь, надо принимать всё, как есть, такова судьба; так на роду написано. Или шутливая формула утешения из популярной книги шведской писательницы А. Линдгрен «Три повести о Карлсоне, который живет на крыше»: *Пустяки, дело житейское!*

С XVI в. под влиянием модного польского этикета дошло до нас *вы*. Тому содействовало также влияние современных европейских языков на русское общество в XVIII в.

С конца XVII в. по иноземному образцу в господской среде стали появляться у нас *доброе утро, добрый день, добрый вечер*, но и им предшествовали чисто русские выражения типа *добръ здоровъ* – снова с пожеланием здоровья. Все начиналось и кончалось пожеланием здоровья, – и здравицы в застолье, и прощание при разлуке: «Будь здоров!». Этим национальным пожеланием русские отличались от многих европейцев, у которых смысл приветствия заключается в пожелании радости, счастья и добра. Русский человек все это вместе видел в здоровье.

С XVIII в. под влиянием европейских языков стали появляться своего рода «переводы» таких новых приветствий: «всего хорошего», «желаю вам». *Привет* – тоже старинное славянское слово, только значило оно «призыв» или «намерение», на которое должен следовать *ответ*. Уже в древности по образцу латинских сочетаний мы получили «привет пустили», что и сохранилось до наших дней: *приветы* посылают, получают, отвергают и т.д.

Пока, например, возникло в годы первой мировой войны, как перевод с немецкого *einstweilen* или французского *à bientôt*.

В большинстве европейских языков исходной идеей обращения было: «если вам это нравится» или «для вашего удовольствия» (французское *s'il vous plaît*, английское *if you like*). Русская мысль и чувство в поисках формы вежливой просьбы пошли по иному пути: не «ваше удовольствие», а «ваша доброта» – отзывчивость и расположение в центре внимания человека, который обращается к вам с русским словом *пожалуйста*.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют заимствования из греческого языка, употребляющиеся главным образом в церковной службе. Выражение *исполать!/Σis πολλα ετη – «многая лета» (многие лета, дай Бог многие лета)* является приветствованием архиерея. В обыденной речи данная этикетная формула представляет собой устаревшее, возвышенное пожелание долголетней благополучной жизни (чаще при поздравлении в адрес именинника, молодоженов).

Греческое выражение *осанна/hosanna* (древнееврейское – «спасение» – хвалебный возглас в христианском и иудейском богослужении) в русский язык вошло из Библии. У евреев это было приветствие, употреблявшееся при встрече, в котором выражалось пожелание человеку здоровья, мира и благополучия. По сказанию иудейского раввина Илии, слово *осанна* было возглашаемо у евреев в праздник сеней, кущей, то есть палаток, или шатров, сплетаемых из древесных ветвей, в воспоминание о странствии израильтян в пустыне. В этот праздник народ, после сбора урожая плодов, восемь дней жил на полях, в шалашах, носил в руках ветви и, встречая друг друга радостным приветствием, восклицал: *Осанна!* Отчего и сами ветви назывались *осанна!* Этим восклицанием евреи выражали радость, благожелание, любовь и преданность Иисусу Христу во время его входа в Иерусалим [Балакай 2001: 330]. В настоящее время в русском языке данное выражение является устаревшей формой шутливо-восторженного приветствия, восхваления. *И я восклицаю – ура! и даже Осанна! и даже Эльѐн, что по-венгерски значит что-то хорошее. Я очень рад за Вас, что Вы действительно сделали добрую покупку – и успокоились и получили новое поле для деятельности* [И. Тургенев. Письмо А.А. Фету, 27, 31 августа 1860].

Подводя итог всему вышесказанному, можно процитировать В.Е. Гольдина «… этикет – лишь одно из многочисленных средств общения, используемых людьми. Сравнение его с главным средством человеческого общения – языком – позволяет лучше разобраться не только в этикете, но и в самом языке» [Гольдин 1983: 4].

Список литературы

1. Гольдин, В. Е. Речь и этикет [Текст] / В.Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109с.

2. Словарь русского речевого этикета [Текст] : 2-е изд., испр. и доп. (6000 слов и выражений) / сост. А.Г. Балакай. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672с.
3. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Высшая школа, 1989. – 159с.

О.К. Андрющенко
Павлодар, Казахстан

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА ПРЕДВЫБОРНОЙ ЛИСТОВКИ

Как любой коммуникативный акт, предвыборный дискурс представляет собой процесс обмена информацией коммуникантов, причем со стороны исследуемого дискурса перлокутивный эффект прослеживается не сразу. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, коммуникативная ситуация предвыборного дискурса является непрямой, опосредованной или, по словам Темиргазиной З.К., неканонической – это «ситуация с так называемым «отодвинутым фактором адресата», например, письма. Для эпистолярной речи характерны координаты «я - ты - не здесь - не сейчас», поскольку говорящий и адресат не находятся в непосредственном контакте в момент речи, то есть разделены в пространстве и времени» [Темиргазина 2002: 81].

Во-вторых, в отличие от прямого контакта, когда адресант либо знает интересы адресата и за счет этого пытается достигнуть перлокуции, либо может изменить/заменить тактику общения, если реакция адресата на информацию не является положительной для отправителя, в неканонической коммуникативной ситуации у адресата такой возможности нет. Поэтому, чтобы извлечь максимальную пользу от данного общения, адресант должен знать, кому именно и с какой целью отправляет сообщение. Наиболее ярко такой вид коммуникативного акта, на наш взгляд, представлен в некоторых жанрах предвыборного дискурса, а именно в предвыборной листовке.

Листовка является посредником, особым текстом, при помощи которого осуществляется коммуникативный акт между участниками общения: кандидатом (адресант) и избирателями (адресат). Особенность такого коммуникативного акта заключается в том, что в качестве отправителя информации выступает один человек, а получателя – неопределенное количество. Но, как известно, «эффективное и успешное речевое общение невозможно без учета говорящим «фактора адресата» - тех характеристик личности слушающего (психологических, социальных, профессиональных, национальных), от которых зависит полноценное восприятие целей говорящего. <…> При полном отсутствии у говорящего сведений о слушающем речевое

общение может оказаться неэффективным» [Темиргазина 2002: 74-75]. Таким образом, чтобы преодолеть расстояние между коммуникантами и прогнозировать положительный для себя результат, адресант обращается к определенной категории людей (чаще фигурирующей как «незащищенные слои населения»). Зная интересы адресата, говорящий не допустит провала коммуникативного акта, так как «…этаблировать коммуникативный акт в надежде на случайное взаимопонимание есть в высшей степени рискованное предприятие. Проблема выбора адресата – это проблема его предварительного изучения, а отнюдь не проблема поиска единомышленника» [Клюев 2002: 70]. Таким образом, необходимым условием успешного общения является предварительное изучение адресантом интересов адресата. Применительно к коммуникативному акту предвыборного дискурса, это означает знание кандидатом нужд, проблем избирателей.

Изучив материалы листовок, мы можем выделить приоритетные направления, на которых адресант заостряет внимание и которые, на его взгляд, необходимо реформировать/улучшать. Это, конечно же, экономическая стабильность: «*Нельзя допустить того, чтобы удорожание товаров и инфляция «съедали» доходы казахстанцев*»; пенсионное обеспечение: *«Каждому пенсионеру – заслуженную заботу!»*; поддержка материнства и семьи: *«Крепкая семья – крепкая нация!*»; развитие образования: *«Нужно приближать казахстанское образование к мировым стандартам: оно должно стать передовым и доступным»*; жилищное обеспечение: *«Никто не должен остаться без крыши над головой!»;* борьба с преступностью: *«Казахстанцы должны чувствовать себя в безопасности и быть уверены в неприкосновенности своей личности, частной жизни и собственности!»* и т.д. (Из предвыборной платформы народно-демократической партии «Нур Отан»).

Помещая в листовку пункты предвыборной программы, адресант пытается не просто ознакомить с ней избирателей, но и сформировать положительной облик человека достойного, отвечающего за свои слова и смотрящего далеко вперед, знающего не только интересы граждан, но и всего региона/области/страны в целом. Именно поэтому в листовку включаются, помимо приоритетов конкретных/индивидуальных (имеющих материальное воплощение), всеобщие, направленные на улучшение политической ситуации в стране и жизни вообще и т.п. К ним относятся повышение эффективности работы государственных органов: *«Государство должно служить народу!»*; обеспечение стабильности и межнационального согласия: *«Мир и согласие в стране – достаток в каждом доме!»*; развитие культуры и нравственности: *«Нравственное здоровье общества основано на высокой культуре и традициях!»*;

укрепление позиций Казахстана в регионе и мире: *«Мы – за сильный Казахстан в стабильно развивающемся и безопасном мире!»* (Из предвыборной платформы народно-демократической партии «Нур Отан»).

Чаще всего, зная интересы адресата и делая на них ставку в своей предвыборной программе, адресант не стремится к конкретизации своих обещаний, обходясь либо (А) упоминанием в тексте листовки (в виде рубрики), либо (Б) дает контекст расплывчато, неясно, без сигнала, каким образом его необходимо развернуть:

А) *«Направляю свои знания, опыт и возможности на защиту жизненных интересов наиболее уязвимых и социально не защищенных слоев населения: пенсионеров, инвалидов, молодежи»* (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата Теренченко И.).

Б) *«Проявлять постоянную заботу о ветеранах ВОВ, воинах-интернационалистах, пенсионерах, инвалидах, привлекая к этому внимание депутатов, руководителей предприятий и организаций города»* (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата Ватутина С.). Каким образом данный кандидат собирается заботиться о перечисленных категориях людей (моральная или материальная поддержка будет оказываться, в листовке не оговаривается, поэтому, используя конструкции такого типа, адресант не берет на себя никаких обязательств) и привлекать внимание *сильных мира сего* к нуждам *незащищенных слоев населения* непонятно.

И наоборот, указывая якобы реальный путь воплощения своих обещаний, адресант вводит цифры, проценты, несуществующие данные, чтобы привлечь внимание адресата, заинтересовать его (ведь поверить в статистику легче, чем пустым словам): *«Довести уровень прожиточного минимума в 2008 году до 20000 тенге, базовой пенсии до 12000 тенге минимальной пенсии с учетом базовой до 24000 тенге. Довести размер средней пенсии до 90000 тенге к 2012 году»* (Из предвыборной программы демократической партии «Ак жол»). Однако неясным остается следующее: каким образом изменить систему расчета пенсий, если она описана в законе о пенсиях? И еще: из каких средств осуществлять увеличение выплат, если бюджетные средства (если они имеются в виду) планируются заранее и определенно на другие нужды.

Используя данные приемы воздействия на избирателей, создатели предвыборных текстов таким образом уверяют, что они *действительно знают*, как улучшить жизнь: *«Мы знаем, как создать в стране рабочие места. Как повысить зарплату и пенсии. Как повысить качество здравоохранения и образования. Мы знаем, как бороться с*

коррупцией. Мы знаем, как помочь тебе в достижении твоей мечты» (Из предвыборной листовки демократической партии «Ак жол»).

В других менее частых случаях контекст конкретизируется. Сначала предлагается сфера распространения обещаний: *«Нужно постоянно развивать систему обеспечения пенсионеров»*. Для того чтобы адресат правильно истолковал смысл программы, чтобы убрать из текста неясность, авторы листовки конкретизируют контекст: *«Наши достижения:*

Добившись высоких темпов экономического роста, государство стало направлять на улучшение жизни населения огромные ресурсы. Регулярно повышаются пенсии, заработная плата и пособия. Мы говорили о необходимости увеличения к 2009 году бюджетных расходов на финансирование здравоохранения, образования и науки в 2 раза. Уже в 2007 году государственные расходы на образование и здравоохранение выросли в 2,3 раза, а финансирование науки – в 2,2 раза».

Данный контекст подтверждает реалистичность выполнения обещаний с помощью доказательства выполнения прошлых обещаний, поэтому адресант развертывает текст, вводя новые цели, которые будут достигнуты, если он будет избран: *«Мы приложим все усилия, чтобы:*

- *увеличить средний размер пенсии в 2,5 раза;*

- *довести размер государственной базовой пенсии до уровня 50% от прожиточного минимума;*

- *развивать систему обеспечения пенсионеров медикаментами и лекарствами <...>»* (Из предвыборной платформы народно-демократической партии «Нур Отан»).

Таким образом, коммуникативный акт предвыборной листовки представляет собой неканонический коммуникативный акт, имеющий свои особенности и условия осуществления. Одним из необходимых условий инициации и успешности данного коммуникативного акта является знание адресантом интересов/нужд/проблем адресата. В зависимости от замысла автора листовки лексика в текстах получает разную степень конкретизации. Не уточняя смысл контекста, адресант делает его неопределенным, относительным, многозначным.

Список литературы

1. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация [Текст] : учебное пособие для университетов и институтов / Е.В.Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320с.

2. Темиргазина, З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике [Текст] / З.К.Темиргазина. – изд. 2-е, дополн. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2002. – 140с.

Д. В. Арсеньева
Санкт-Петербург, Россия

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ МЕТАТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Метатекст является структурно-семантическим аналогом соотношения семантического и прагматического аспектов языковых единиц в общем, что видно на разных уровнях функционирования метаединиц: уровня семантики и функционирования метаэлементов, уровня взаимосоотношения метатекста и образов, мотивов, сюжетных линий и сем романа, уровня интерпретации общего смысла произведения через метатекст. На основе функционально-семантического признака мы выделяем отдельные категории внутри метатекста (метатекстовый каркас) и категории, смежные с метатекстом (сюжетная линия, сема романа).

Существует внутренняя соотнесенность между планом формального выражения метаэлементов и их функциями, то есть между семантическим и прагматическим планом. Так, функцию 1) рациональной и 2) эмоциональной оценки в первую очередь выполняют вводные слова (кажется, увы); 3) функцию комментария по поводу построения текста – вводные слова (во-первых) и вставные предложения «...(представьте, что дальше следует история зеркал)» [Набоков 2000: 409]; 4) функцию информационного комментария, в том числе функцию приложения и авторизации чужого слова – а) вводные, б) вставные предложения, в) приложения; 5) функцию обращения – обращения.

Метаэлементы данных 5 групп составляют первый, базовый метатекстовый каркас текста. Метатекст 1 уровня является в прямом смысле слова структурным каркасом текста. Метатекст 1 уровня связан с сюжетом и с семами романа: так как весь текстовый объем романа, содержащий метаэлементы, относится к дневнику Германа (за мелким ислючением прямых реплик персонажей), то можно говорить о качественном соответствии метатекста 1 уровня, 1 сюжетной линии Германа и 1 семы нарративной стратегиии героя.

Каждый случай участия метаэлемента в тексте романа (единицы 1 метатекстового каркаса) рассматривается на предмет внутреннего логического диссонанса/ассонанса данной фразы. К случаям внесения во фразу логического диссонанса относятся следующие: 1) случаи логически излишней рациональной оценки в описании событий и явлений прошлого: «Да, она любила меня» (герой, описывая прошлые события и явления, пытается сам себя и читателя убедить в своей правоте или прямо высказывает свою неуверенность); 2) случаи логически излишней рациональной оценки в утверждении ментального модуса: «Конечно, я все помню» (герой пытается

эмоциональным, субъективным путем придать силу своим предположениям); 3) случаи логически излишнего в пределах данной фразы обращения, часто при большой плотности обращений в соседних фразах: «Я, дорогой читатель, пошел...» (герой навязчиво ищет внимания и сочувствия читателя). Однако обращения – особая категория метаэлементов коммуникативного режима, единственная категория, рассматриваемая одновременно с точки зрения правомерности использования в одной конкретной фразе и с точки зрения совпадения – несовпадения с другими единицами своего класса во всем тексте романа.

Метатекст 2 уровня составляют утверждения ментального модуса, содержащие мотивы – утверждения характера рассуждения, размышления, заключения об отвлеченных категориях (сходства, двойничества, обмана, преступления).

Единицы каркаса 2 уровня рассматриваются на предмет взаимного совпадения/несовпадения в пределах всего романа. Мы выделяем три внутренних вида метатекста в пределах данного метатекстового каркаса и в пределах каждой группы одинаковых, похожих или противоположных мотивов: смежный, дублирующий и разводящий, которые существуют только в их смежном по отношению друг к другу пространстве.

При соседстве метаэлементов, содержащих внутренний диссонанс в утверждение ментального модуса, это утверждение подвергается более тщательной верификации, даже если оно совпадает с совокупностью всех других утверждений, содержащих этот же мотив. Если в утверждении ментального модуса, содержащем какой-либо мотив, содержится метаэлемент, вносящий эффект логического диссонанса, то тем больше вероятность, что утверждение ментального модуса, содержащее этот мотив, будет ложно.

Большинство утверждений ментального модуса в романе входит в сферу автовысказываний Героя и содержит в себе мотивы сходства, двойничества как категорий общих и как практически связанных с Феликсом, поэтому очевидна близкая связь метатекста 2 уровня со 2 сюжетной линией Германа – Феликса и со 2 семой развития проблемы сходства/несходства героев.

Метатекст 3 уровня формируется различными текстовыми единицами, выражающими прямую и косвенную характеристику всех персонажей (включая третьи лица, авторов изречений), читателя и самого Германа.

Метатекст 3 уровня тематически связан с 3 сюжетной линией общения Германа с персонажами (включая Феликса, читателя, всех адресатов речи Германа – авторов изречений и т.д.) и с 3 семой истинности – ложности замысла Германа.

Мы выделяем образы в значении функционально значимых, семантически выделяемых единиц сюжета, относительно стабильных, которые важны с точки зрения дальнейшего нахождения варьируемых в тексте мотивов и, с другой стороны, для интерпретации некоторых случаев метатекста 3 уровня – уровня прямой и косвенной характеристики всех персонажей, читателей и Германа. В связи с дальнейшей работой нами выделены образы палки, зеркала, желтого столба, леса, коммивояжера.

Более сложные единицы романа – мотивы – литературоведческие категории, связанные в общем масштабе произведения с образами, сюжетом, семами, и категория, связанная с метатекстом разных порядков (прежде всего, с метатекстом 2 уровня – метатекстом утверждений ментального модуса, содержащим мотивы, а также в связи с метатекстом 3 уровня, содержащим прямые и косвенные характиристики всех персонажей, читателя и Германа). Для последующей с ними работы нами были выделены мотивы: 1) отвлеченных понятий: мотив способности, чудной силы, провидения, сходства, двойничества, отражения, преступления, шантажа, корысти, обмана, ошибки, памяти, небытия, сна, лжи, побега 2) конкретных понятий: мотив ветра, письма, портрета, оркестра, шоколада, бритвы/бритья, воды, дамы в лиловом/сиреневом с веером, черни, беженского беллетриста, животных, кинематографа.

В области взаимоотношения мотивов и метаэлементов встречаются случаи эмоциональной, рациональной оценкой утверждения ментального модуса, содержащего мотив, комментарием по поводу построения такого утверждения, комментарием – добавочной к утверждению информацией, и обращением, напрямую не связанным с интерпретацией данного утверждения, содержащего мотив, но сюжетно, композиционно значимым (с точки зрения объекта обращений персонажей романа).

Метатексты 3 уровней тематически связаны с 3 главными сюжетными линиями романа. Каждая сюжетная линия потенциально может содержать более широкие тематические пласты романа, нежели представленные в нашей статье в связи с метатекстом.

К линии Германа относится весь текстовый объем, посвященный описанию Германом событий романа, описанию персонажей, описанию своих состояний; к линии Германа – Феликса относятся все рассуждения персонажей и Германа об их сходстве/несходстве, относящиеся к этому портретные характеристики Феликса; к линии противостояния Германа другим персонажам относятся все прямые и косвенные характеристики персонажей, включая самого Германа, Феликса, читателя, всех третьих лиц (авторов изречений и т.д.).

Три семы романа тематически связаны с каркасами 3 уровней и с 3 сюжетными линиями. Учитывая то структурное (композиционное) наполнение сюжетных линий романа и лингвистически-семантическое наполнение метатекстовых каркасов, рассмотренное ранее, мы прослеживаем все случаи их неполного, но преобладающего взаимосоответствия: каждая сюжетная линия взаимопересекается с метатекстовыми каркасами всех уровней и часто захватывает лингвистическое наполнение 2 других метатекстовых каркасов и 2 других сюжетных линий. Мы выделяем наиболее значимые и очевидные взаимосоответствия сюжетных линий и метатекстовых каркасов с метатекстовой точки зрения, то есть ориентируясь на функциональный признак того или иного метатекстового каркаса, накладывая на него соответствующее содержание романа. Метатекстовый каркас 1 уровня соответствует 1 сюжетной линии Германа, то есть сюжетно-функциональный аналог соответствия метатекстового каркаса 1 уровня и 1 сюжетной линии (1 сема) – нарративная стратегия героя. Сюжетно-функциональный аналог соответствия метатекстового каркаса 2 уровня и 2 сюжетной линии (2 сема) – развитие проблемы сходства/несходства героев на материале романа. Сюжетно-функциональный аналог метатекстового каркаса 3 уровня и 3 сюжетной линии (3 сема) – истинность/ложность замысла Германа.

На следующем этапе мы прослеживаем метатекстовое наполнение каждой сюжетной линии и каждого метатекстового каркаса, вычисляем количество случаев метатекста каждого уровня, случаев вносящего дисссонанс метатекста, метатекста смежного, разводящего и дублирующего и на основе соотношения этих параметров делаем выводы об интерпретации каждой семы.

В тексте романа могут находиться лингвистически выраженные доказательства верности/неверности утверждений и характеристик, которые требуют особенно тщательной верификации: другое утверждение, однозначно говорящее о сути данного события или состояния, или другие утверждения, доводящие до ее понимания косвенным, индуктивным путем, при помощи единиц сюжета. Если имеется несколько тематически сходных но противоречивых утверждений и их верность/неверность сложно определить основываясь на сюжете, то в качестве относительного признака верности какого-либо утверждения рассматривается 1) преобладание тематически сходных утверждений с метаэлементами, не вносящими диссонанс, над тематически сходными утверждениями с метаэлементами, вносящими диссонанс, и 2) преобладание случаев, из случаев тематически сходных, смежного/дублирующего метатекста над разводящим (для метаэлементов с функцией обращения и информационного комментария – авторизации чужого слова и приложения, и для метатекста 2 и 3 уровня).

Основываясь на ключевых параметрах описания сюжетных линий и метатекстовых каркасов и их взаимоотношения в романе, можно утверждать о комплексах их семантико-прагматического соответствия: 1) сюжетная линия Германа реализуется в семе нарративной стартегии героя. Сема приобретает интерпретацию объективного недоверия к нарративной стратегии героя: несмотря на преобладние метатекста, не вносящего диссонанс, преобладает число никак текстуально не подтверждаемых утверждений. 2) сюжетная линия Германа – Феликса реализуется в семе развития проблемы сходства/несходства героев. Сема приобретает интерпретацию сходства героев с точки зрения Германа благодаря преобладанию случаев смежного метатекста данного мотива над разводящим и сравнительно малому числу вносящих диссонанс метаэлементов 1 уровня. 3) сюжетная линия противостояния Германа другим персонажам реализуется в семе истинность/ложность замысла Германа. Сема приобретает интерпретацию ложности благодаря преобладающим случаям разводящего метатекста данного мотива над смежным и большому числу вносящих диссонанс метаэлементов 1 уровня.

Таким образом, следуя определению прагматической функции метатекста на разных уровнях, выделяя метатекстовые каркасы разных уровней на основе образов и мотивов, на базе каркасов в соответствии с сюжетными линями романа выстраивая семы и определяя статус высказываний в пользу верности/неверности, мы приходим к выводу, что метатекст романа «Отчаяние» выражается тремя способами: с точки зрения адекватности конкретного текста – вносимыми в текст предпосылками верификации текста, которые формируют сему нарративной стратегии героя; предпосылками исследования через метатекст авторского мировоззрения, что формирует сему развития проблемы сходства/несходства героев; предпосылками исследования через метатекст адекватности искусства, что формирует сему истинности – ложности замысла Германа, которые интерпретируются в сторону ложности нарративной стратегии/сходства/ложности.

Список литературы

1. Набоков, В. В. «Отчаяние» [Текст] / В.В. Набоков // Собрание сочинений в 5 томах. – Том 4. – СПб., 2000. – 838с.

Г.С. Атакьян
Майкоп, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РЕКЛАМЫ ТУРИЗМА И ОТДЫХА В ПРЕССЕ

В лингвистической науке о рекламе прагматический аспект является одним из основных направлений исследования, что обусловлено предназначением рекламного текста – оказывать максимальное воздействие на потребителей. Очевидно, что в рекламной коммуникации воздействующая функция значительно преобладает над информативной функцией, и поэтому рекламный текст носит прагматический характер.

Однако прагматический аспект нельзя отнести к числу основательно изученных: с одной стороны, реклама представляет собой феномен, который требует повышенного внимания ученых на протяжении длительного времени (что касается отечественной рекламы, то это относительно новое для России явление); с другой стороны, достаточно сложной и многоаспектной является сама прагматика рекламного текста, поскольку исследование проблемы воздействия в рекламе осуществляется с привлечением знаний многих лингвистических наук. По словам ученых, сегодня прагматика представляет собой междисциплинарную область. «Не имея четких контуров, она включает комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [Маслова 2007: 32].

Безусловно, проблема воздействия находит отражение во многих монографиях и научных статьях, но в большинстве случаев этот вопрос рассматривается в рамках изучения рекламной коммуникации в целом. Между тем стратегия речевого воздействия строится, как правило, исходя из того, какой именно товар или услуга подлежит рекламированию. Отсюда следует необходимость дифференцированного подхода к исследованию рекламного текста. Предмет нашего внимания – реклама туризма и отдыха, размещенная на страницах периодических изданий. Туристическая реклама, занимающая большую часть российского информационного пространства, состоит из весьма разнообразных жанровых форм – от объявления до очерка, и вследствие своего богатого жанрового репертуара она является плодотворным материалом для исследования проблемы воздействия на целевую аудиторию.

Прагматическая направленность рекламного текста предполагает достижение заданного результата, а это значит, что «прагматика может рассматриваться как фактор определенного вида воздействия на поведение человека» [Колшанский 1983: 5]. Воздействие на поведение адресата рекламного сообщения осуществляется с помощью различных стилистических приемов и языковых средств, и задача данной статьи – показать, какие из них являются наиболее характерными для рекламы туризма и отдыха.

Обращение к тем или иным приемам во многом связано с выбранной стратегией речевого воздействия. В данном виде рекламной деятельности применяются как рациональные, так и эмоциональные стратегии, причем нередко они соединяются в одно целое.

Эмоциональные стратегии нередко применяются в текстах небольшого объема – в рекламном объявлении, развернутом рекламном обращении, а также корреспонденции. В этом случае первостепенную роль играют эмоционально-оценочные метафоры и эпитеты, которые следует считать прагматическими интенсификаторами, поскольку они экспрессивно выделяют рекламируемый объект из ряда однородных и тем самым акцентируют на нем внимание адресата. Например:

Я покажу вам остров, где золотые пляжи раскинулись у подножия гор, где меняются времена года, а радушие людей – никогда. Кипр – гавань беззаботности и тишины для каждого гостя, рай для гурманов с самым изысканным вкусом [Отдохни. № 46. 2007].

Следует заметить, что метафора, свойственная туристической рекламе, кардинально отличается от газетной метафоры, поскольку здесь она выступает как «способ украшения речи», выполняя не только эмоционально-оценочную функцию, но и изобразительную. Аналогичную роль играют и эпитеты:

Божественный остров Кипр, остров чистой любви и небесной красоты, откроется Вам своим завораживающим пейзажем, неизменно купающимся в лучах солнца [Отдохни. № 45. 2007].

Рекламируя то или иное путешествие, авторы нередко подчеркивают, что туристы могут отправляться в поездку не только «за впечатлениями», но и из сугубо практических соображений. В таком случае используются и точные эпитеты, то есть рациональное начало дополняет эмоциональное:

Малолюдные чистые пляжи и солнце круглый год. Роскошные гостиницы и рестораны, изысканные блюда любой кухни мира. Магазины мирового уровня. Золотой рынок и Рынок специй. Пленяющее очарование Аравии, которое рождается во время путешествий в пустыне и при знакомстве с памятниками прошлого. Одним словом, в Дубае есть все для отдыха и развлечений всей Вашей семьи [Домашний очаг. Ноябрь 2007].

Усиление экспрессивности путем нанизывания языковых единиц с высокой степенью проявления признака делает речь и благозвучной, и «сладкозвучной», что позволяет оказывать воздействие на психологическое восприятие передаваемой информации. Высокая частотность употребления экспрессивной положительно-

оценочной лексики помогает создать вокруг рекламируемого объекта атмосферу праздника, а также передать предвкушение счастья, радостных эмоций:

Скачка по полосе прибоя на изумительно красивом и идеально выезженном лузитанском жеребце, прогулка по утопающим в цветах холмам, а вечером – изысканный ужин под звуки фада, прекрасной и печальной песни о любви, - что еще нужно для полного счастья во время отпуска в седле [Конный мир. № 3. 2006].

В качестве прагматического интенсификатора выступает и лексический повтор, причем повторяемое слово (или его производные) обычно встречается в сильных позициях текста:

Кипр. Роскошные курорты и гостиницы.

Если вы ищете роскошь, мы приглашаем вас в одну из всемирно известных курортных гостиниц Кипра…

Для того, чтобы начать отдых в роскоши, посетите vwww. visitcyprus com [Отдохни. № 50. 2007].

Судя по нашим наблюдениям, в речевой структуре текстов, посвященных туризму и отдыху, главная роль отводится словам, обозначающим меру и степень проявления признака. Например, стилистически значимым может быть количественное наречие, выполняющее функцию усиленного воздействия благодаря тому, что занимает синтаксическую позицию анафоры:

В Лапландии все немного слишком: слишком долгий полярный день, когда солнце неделями не уходит за горизонт; слишком долгая полярная ночь, больше похожая на пронзительно-синие сумерки; слишком яркие краски северного сияния и слишком много волшебства на один квадратный метр [Домашний очаг. Ноябрь 2007].

Прагматически ориентированными становятся и выразительные, образные сравнения, если они апеллируют к переживаниям детского возраста или юности, то есть к тем периодам в жизни человека, которые связаны с теплыми воспоминаниями. Подобные сравнения особенно характерны для восточной поэзии, и поэтому не случайно их можно встретить в текстах, рекламирующих путешествие в арабские страны:

Горячий, как влюбленная женщина, песок, ласковое, как улыбка матери, море, легкий, как дыхание красавицы, ветерок, прозрачный, чуть дрожащий, как девушка на первом свидании, воздух… В ***ЕГИПТЕ*** *начался бархатный сезон [Отдохни. № 40. 2007]*.

Анализ показал, что прагматический потенциал текстов, рекламирующих туризм и отдых, формируется с помощью различных вопросительных конструкций, которые привлекают и удерживают внимание адресата и в то же время подталкивают его к

принятию решения. Вот почему здесь особенно распространены риторические вопросы, а также вопросно-ответные конструкции, создающие диалогичность и одновременно экспрессивность:

…Сколько вы знаете мест, где вы можете одновременно наслаждаться морем и кататься на лыжах? Анталия – Сакликент – одно из таких мест [Отдохни. № 47. 2007];

Где еще можно почувствовать себя богиней, как не в месте рождения богини любви? [Отдохни. № 50. 2007].

Учитывая большую роль вопросительных конструкций в установлении контакта с читателем, рекламисты нередко выносят их в зачин текста, с тем чтобы сразу заинтересовать читателя:

Хотите увидеть новые страны, посмотреть, как живут другие народы, почувствовать себя настоящим ковбоем или пожить в старинном замке? Или желаете встретить рассвет, мчась галопом по песчаному пляжу под шум прибоя? [Конный мир. № 3. 2005].

Обращает на себя внимание то, что употребление вопросительных предложений сочетается с прямыми призывами к читателю. Такие конструкции особенно характерны для газетных заглавий:

Позагорал? Вставай на лыжи! [Ком. правда. 25.10.2007]. *Надоело море? Езжайте к древним монастырям и гробницам [Ком. правда. 14.12.2007]*.

Таким образом, мы видим, что прагматический характер туристической рекламы отличает повышенная оценочность и повышенная экспрессивность.

Список литературы

1. Колшанский, Г. В. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации [Текст] / Г.В. Колшанский // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. – М., 1983. – Вып. 205. – С. 3 – 12.
2. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст] / А.Ю. Маслова. – М., 2007. – 152с.

М.В. Афанасьева
Нижний Тагил, Россия

НЕЙТРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения утверждение, что изучение языка неразрывно связано с изучением культуры страны, где говорят на этом языке. Для лингвиста важны те точки, где культурная компетенция перекликается с языковой. Сегодня, когда в мире все отчетливее осознается неизбежность

сосуществования разных культур, обществ с разными тенденциями и традициями в сфере коммуникации, изучение и учет этих особенностей становятся одним из приоритетных направлений. Опасность, которая подстерегает изучающего иностранный язык, представляют не только лексические и грамматические трудности. Важно правильное понимание культурной ситуации взаимодействия, что определяет адекватность выбора языковых средств: если мы хотим, чтобы нас поняли, мы должны действовать, не вызывая неприятия. Ошибки в вербальном поведении, которые часто не осознаются иностранцем, могут вызвать непонимание или негативную реакцию у собеседника – носителя языка.

В этой связи мы бы хотели уделить внимание такому получившему широкое распространение в англоязычных станах явлению, как нейтральная лексика. Использование этой лексики ставит своей целью искоренение из употребления как в устной, так и в письменной речи многих широко известных слов, которые прежде считались нейтральными, а в настоящее время приобрели отрицательную оценочность, так как их применение считается проявлением эйджизма, сексизма или расизма.

Под эйджизмом (*BrE* ageism, *AmE* agism) понимается проявление неуважения к пожилым и престарелым людям, превозношение лиц молодого возраста в противоположность более старшим и т.п. В своем нынешнем значении этот термин окончательно утвердился еще в 1970 г. Так, в Кембриджском словаре английского языка приводится следующий пример: They didn't even consider her for the job because she was 46 – it was a typical case of ageism. *Её кандидатура на это место даже не рассматривалась, т.к. ей было 46 лет – это было типичным проявлением эйджизма.*

Особенно сильное влияние на формирование современной английской «неэйджистской» лексики оказала возникшая в 1972 г. В США группа «Серые пантеры» (Gray Panthers), члены которой требуют большего внимания к пожилым людям в области здравоохранения, обеспечения жильем, предоставления финансовых и других льгот. Именно «Серые пантеры» впервые предложили применять слово «gray» *серый, седой*, вместо слов «old» *старый* и «aged» *престарелый*.

В настоящее время употребление «old» *старый,* «elderly», «aged» *престарелый* считается оскорбительным, т.к. наводит на мысль о физической слабости и отсутствие активности, в то время как все больше и больше людей живут долго и до конца дней ведут активный образ жизни. Следует заменять вышеприведенные слова нейтральными эквивалентами, которые дают более детальную и точную информацию касательно людей, о которых идет речь: Membership of this club is only availiable to **retired people**.

Членами этого клуба могут стать только пенсионеры. Many **senior citizens** enjoy going for long walks. *Многие пожилые граждане любят долгие прогулки.*

Во всех случаях, когда можно обойтись без указания точного возраста пожилого человека, рекомендуется вообще не указывать возраст. При устном и письменном общении желательно опускать само слово «age» *возраст* в сочетаниях типа «at age 60» *в возрасте 60-ти лет* (т.е. образовывать сочетание «at 60» *в 60 лет*) за исключением случаев, когда подобные сочетания употребляются в юридическом контексте.

Кроме того, нежелательным является подчеркивание в любой форме неудовлетворительного состояния здоровья, инвалидности человека. Так, вместо слов «crippled» *калека*, «handicapped» *инвалид* рекомендуется употреблять «disabled» *с частичной потерей трудоспособности*; вместо «blind» *слепой* и «deaf» *глухой* – «visually impaired» *слабовидящий* и «hearing impaired» *слабослышащий*; вместо «Aids sufferer» *больной СПИДом, страдающий от СПИДа* – «a person living with Aids» *человек, живущий со СПИДом*.

Сексизм (sexism) – это уничижительное отношении к тому или иному полу, проявление пренебрежения к представителю данного пола (будь то мужчина или женщина) как менее развитому, менее способному по сравнению с представителями противоположного пола, в связи с чем, например, утверждается, что женщины должны работать только на типично «женской» работе, а мужчины – на типично «мужской и т.д. Термин существует с 1968 г.

В новейших изданиях английских толковых словарей для замены устаревшей «сексистской» лексики предлагаются «несексистские» эквиваленты. При этом можно перечислить следующие случаи применения «несексистской» лексики:

1. В прошлом в различного рода документах, правилах, инструкциях и т.п. обычно употреблялось личное местоимение «he», даже когда пол человека, о котором шла речь был неизвестен. Сегодня считается целесообразным вместо «he» применять сочетания «he or she», «his or her» и т.д.: The driver may either send payment for **his** fine by mail or pay **his** fine in person in court. Водитель может послать сумму оплаты своего штрафа по почте или уплатить свой штраф лично в суде (нежелательная форма). The driver may either send payment for **his or her** fine by mail or pay **his or her** fine in person in court (рекомендуемая форма).

2. Личное местоимение единственного числа «he» или «she» может быть заменено нейтральным местоимением множественного числа «they»: If a researcher wishes to use this material in **his** experiments, **he** should first apply for written permission from the Ministry. Если исследователь пожелает использовать этот материал в своих экспериментах, то ему

сначала следует обратиться за письменным разрешением в министерство (нежелательная форма). If researchers wish to use this material in **their** experiments, **they** should first apply for written permission from the Ministry. Если исследователи пожелают использовать этот материал в своих экспериментах, то им сначала следует обратиться за письменным разрешением в министерство (рекомендуемая форма).

3. Очень часто во избежание нежелательной «сексистской» формы целесообразны перефразирование и замена местоимений артиклями: A researcher wishing to use this material in **the** (или: **his or her**) experiments should first apply for written permission from the Ministry. Исследователю, желающему использовать этот материал в экспериментах, следует сначала обратиться за письменным разрешением в министерство. Each student brought **a** dictionary. Каждый студент принес словарь.

4. Вместо полных форм при употреблении сочетаний «he or she», «his or her» допускается применение сокращений «he/she», «she/he» или «s/he», «(s)he»: If a researcher wishes to use this material in **his/her** experiments, **he/she** should first apply for written permission from the Ministry. Если исследователь пожелает использовать этот материал в его (ее) экспериментах, ему (ей) сначала следует обратиться за письменным разрешением в министерство.

5. После одного из неопределенных местоимений (everybody, everyone; somebody, someone; anybody, anyone; nobody, no one; either, neither; every, each) принято употреблять местоимения множественного числа «they», «their»: «Someone's on the phone, Mr. Jones. – «What would **they** like?» «Кто-то звонит по телефону, м-р Джоунз». – «Что им угодно?»; If anyone wishes to use this material in **their** experiments, they should first apply for written permission from the Ministry. Если кто-нибудь пожелает использовать этот материал в своих экспериментах, то им сначала следует обратиться за письменным разрешением в министерство.

6. В современном английском языке слово «man» человек рекомендуется заменять сочетанием «human being». Замене подлежат слова и словосочетания, в которые в качестве составных элементов входят слова «man», «master», «woman», «girl», «boy» и т.п., а так же суффикс женского рода –ess. Так, вместо «a businessman» бизнесмен, деловой человек, «a businesswoman» деловая женщина употребляется термин «a business person» или «a (business) executive»; вместо «businessmen» деловые люди – «business people» или «(business) executives»; вместо «a chairman» председатель – «a chairperson» или просто «a chair»; вместо «a cameraman», «a camerawoman» фотограф, кинооператор, телеоператор – «a camera operator»; вместо «an authoress» автор – «a writer»; вместо «a poetess» поэтесса – «a poet»; вместо «a salesman» продавец, «a

salesgirl», «a saleslady» продавщица – «a salesperson», «a sales agent»; вместо «a steward» стюард, бортпроводник, «a stewardess» стюардесса – «a flight attendant»; вместо «mankind» человечество – «humanity»; вместо «to man the office» возглавлять офис – «to run the office»; вместо «man-made» искусственный – «artificial»; вместо «a postman» почтальон – «a mail carrier»; вместо «a policeman» полицейский – «a police officer»; вместо «man hours» рабочее время – «working hours», «work hours»; вместо «the man in the street» человек с улицы, средний (простой, обычный) человек – «the average person», «ordinary people»; вместо «no man» никто, ни один человек – «no one»; вместо «a workman» работник, «a workwoman» работница – «a worker»; вместо «a busman» водитель автобуса – «a bus-driver»; вместо «a lorryman» (AmE «a truckman») водитель грузовика – «a lorry-driver» (AmE «a truck driver»); вместо «a taxi-man» (разг. «a cabman») шофер такси, таксист – «a taxi-driver" (разг. «a cabby»); вместо «a stationmaster» начальник станции – «a station manager»; вместо «a spokesman» оратор – «a spokesperson» и т.д.

В свете изложенного материала, касающегося нейтральной, несексистской лексики, необходимо отметить некоторые особенности в современном употреблении английских имен существительных с суффиксом -ess. Бесспорно правильным сегодня считается применение этого суффикса для указания на женский пол, когда речь идет о животных («a lioness» *львица*, «a tigress» *тигрица*) и женских титулах типа «an empress» *императрица, царица*, «a baroness» *баронесса*, «a countess» *графиня*. Во многих же остальных случаях существительные с суффиксом -ess в настоящее время заменены нейтральными, несексистскими эквивалентами. Кроме упомянутых выше слов («an authoress» – «a writer»; «a poetess» – «a poet»; «a salesgirl» – «a salesperson»; «a stewardess» – «a flight attendant") необходимо отметить следующие замены: вместо "a manageress» *заведующая* употребляется «a manager» *менеджер*, заведующий, управляющий; даже вместо «an instructress» *женщина-инструктор* или «an actress» *актриса* сегодня применяются эквиваленты «an instructor» *инструктор* и «an actor» *актер*.

Вместе с тем следует перечислить ряд современных английских имен существительных, употребляющихся с суффиксом -ess: «a waitress» *официантка*; «a governess» *гувернантка* (это слово, правда, имеет несексистские эквиваленты – «a tutor», «a teacher) «an adventuress» *авантюристка*; «a mayoress» *жена мэра (но не женщина-мэр)*; «an ambassadress» *жена посла (но не женщина-посол)*; «a conductress» *женщина-кондуктор (но не руководитель оркестра)*.

Ещё одним из направлений формирования нейтральной лексики в современном английском языке является введение и употребление таких слов и выражений, которые не несут на себе отпечатка расизма (racism) – проявления неуважения к человеку (людям) другой расы. Например, в современном английском языке не принято употреблять слова «a Negro» *негр* или «a Negress» *негритянка*. Сравнительно недавно допускалась замена этих слов на «a Black American» *черный американец, черная американка*. Сегодня же употребление слов «a Negro», «a Negress», «a Black American», а также «a Red Indian» *краснокожий (индеец)*, «a Coloured» *цветной*, «the Coloured» *цветные* считается оскорбительным. Вместо них применяются эквивалентные сочетания нейтральной лексики: «an Afro-American» *афро-американец, афро-американка, американец (американка) африканского происхождения*; «a Native American» *коренной американец (американка)*, «American Indian» («Amerindian», «Amerind») *американский индеец, американская индианка.* Но в то же время существуют и те, кто предпочитает называться «black», так как считают себя американцами, а не африканцами. Чтобы избежать путаницы и не обидеть людей, используя оскорбительные слова в тех случаях, когда мы имеем дело с представителями определенной расовой, этнической или культурной группы, рекомендуется осведомиться какие термины являются предпочтительными в каждой конкретной ситуации общения.

Следует отметить, что формирование нейтральной лексики в современном английском языке не ограничивается рамками искоренения проявления эйджизма, сексизма и расизма. Так, например, рекомендуется также избегать употребления старомодных и оскорбительных слов, когда речь идет о людях, которые имеют сексуальные отношения с представителями своего пола. Нейтральными считаются «gay» *гей* или «same-sex» *однополый*. Существует также шутливая нейтральная лексика: «vertically challenged» вместо «not tall» *невысокий*; «sartorially challenged» вместо «badly dressed» *плохо одетый* и т.п.

Рассмотренные направления формирования нейтральной лексики представляют несомненный интерес как для преподавателей, так и для изучающих английский язык и должны, по нашему мнению, найти отражение в учебно-методических разработках уже на начальном этапе обучения.

Р.Э. Бабаян
Волжский, Россия

КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Многочисленные исследования категории отношения свидетельствуют о том, что ученые находятся перед лицом сложной задачи. Современный уровень лингвистических изысканий, выход лингвистики за рамки сугубо лингвистических исследований убеждают в том, что анализ параметров отношения не может быть сведен к разработке методов или инструментария, позволяющего определить положительное или отрицательное отношение к той или иной реалии.

Понятие “Категория” восходит к Аристотелю выделявшему, в частности, десять категорий: «сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание» [БРЭС: http://slovari.yandex.ru].

Как отмечает Е. В. Стулина, отношение есть «величина психическая, прямо не наблюдаемая, изменяемая, латентная, т. к. занимает промежуточную позицию между стимулом и вербальной реакцией на данный стимул» [Стулина 2001: 12].

Категория отношения была активно исследована американскими, английскими, французскими учеными в лингвистическом, социологическом, психологическом плане. Внимание ученых было сосредоточено прежде всего на сложном комплексном характере категории, а также на ее чувственно-логической, психологической и социальной природе.

Отношение, вызванное объектом, соизмеряется личностью с нормами, установившимися в данном социуме. Объект, качество которого не соответствует нормам, вызывает у субъекта отрицательное отношение. Наоборот, положительные качества объекта, соответствующие нормам, вызывают положительное отношение субъекта. Это отношение фиксируется в лексическом значении слова. Через выражение мнения это отношение становится достоянием слушающего. Отношение возникает у субъекта, создается им в результате его взаимодействия с различными объектами, которые он встречает в жизни, и особым способом в его взаимодействии с социумом, который сам предрасполагает субъекта к формированию подобного отношения. Последнее получает фиксацию в значении слова. Такая постановка вопроса, по мнению Е. В. Стулиной, является вполне объективной ввиду прагматизации значения слова [Стулина 2001: 13].

Понимание категории отношения как психологического континуума позволяет рассматривать ее как сущность, имеющую начало и конец. Речь идет об изменяемой психологической величине, заключенной между стимулом, вызывающим отношение, и

ответом на данный стимул. Отношение прямо не наблюдаемо ввиду его психологической природы, кроме как через его вербальное именование.

На языковом уровне в лексической системе различных языков присутствуют слова, называющие различного рода отношения (положительные или отрицательные), свойственные психике человека [Стулина 2001: 14].

Е. В. Стулина выделяет следующие операционные признаки отношения:

1) направленность, содержащая привлекательность, симпатию или же отвращение, антипатию к объекту, идее, личности;

2) интенсивность, содержащая симпатию-антипатию, которые более или менее обозначены, более или менее сильны. Как категория психометрическая, интенсивность отношения проявляется постоянно или возникает при определенных условиях;

3) широта (глубина, величина). В данном случае реалия, к которой испытывают отношение, может быть объектом простым, четко определяемым и знакомым (мое любимое животное, моя жена, муж...) или может быть объектом сложным, сложно определяемым (Бог, деньги, свобода и т. д.).

Вышеперечисленные признаки открывают возможность поисков непсихических параметров категории отношения через вербальное выражение. Различные значимости реального объекта именуются посредством языковых единиц. В семантике таких языковых единиц на языковом уровне нет значимости субъективной, которая присваивается тому или иному объекту тем или иным субъектом.

В 1950-х гг. американский философ Пол Грайс сформулировал так называемые коммуникативные постулаты. В своих лекциях Г. П. Грайс составил каталог максим. Его функциональный подход объясняет ценность этих максим для человеческой коммуникации. Существует принцип кооперации, который представляет собой единство максим. По мнению Грайса, максимы определяют вклад участников коммуникативного акта в объединяющую их речевую ситуацию. Каждая максима состоит из нескольких постулатов. Максим четыре:

- Максима полноты информации;
- Максима качества информации;
- Максима релевантности;
- Максима манеры.

По собственному признанию Г. П. Грайса, при описании максим он пользуется категориями Канта: это категории Количества, Качества, Отношения и Способа. И если две первые максимы представляют Количество и Качество, то максима релевантности

информации связана с Отношением. Данная максима предполагает один постулат: Не отклоняйся от темы! [Клюев 1998: 95].

Любая из максим относительна и, более того, часто может «не согласоваться» с другими. О подобного рода конфликтах максим говорили как Г. П. Грайс, так и Дж Лич. В речевой практике то и дело встречаются случаи, когда коммуникант не имеет возможности выполнить одну максиму без того, чтобы не нарушить другую. Так, применительно к принципу кооперации постулат «Не отклоняйся от темы» иногда внезапно оказывается конфликтным по отношению к постулату «Избегай непонятных выражений»: ведь существует круг специализированных тем, предполагающих, в частности, работу терминологией (т. е. не всем понятными выражениями), объяснение которых может как раз и привести к отклонению от основной темы [Клюев 1998: 100].

Для того чтобы, дискурс был успешным необходимо сочетать в себе признаки эффективности, оптимальности и нормативности. Максимы Грайса уникальны еще и потому, что направлены на культуру мышления. Возможно, максимы Грайса кажутся абстрактными, но они релевантны для коммуникации [Шамне 2004: 46].

Таким образом, категорию отношения можно относить и к грамматическим категориям, и к понятийным, и к логическим, и к философским. Это объясняется тем, что между двумя разными явлениями – действительностью и языком – в качестве посредника выступают человеческое мышление и сознание, поэтому категория отношения, как и другие категории лингвистики, связана с логическими и понятийными категориями, и ее лингвистический анализ невозможен без изучения ее содержания в философии.

Список литературы

1. Большой Российский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://slovari.yandex.ru, свободный.
2. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация : учебное пособие для университетов и вузов [Текст] / Е. В. Клюев. – М.: 1998. – 224с.
3. Стулина, Е. В. Мнение и отношение как психометрические категории и лингвистические способы их передачи во французском языке [Текст] / Е. В. Стулина // Вестник Запорожского государственного университета. – 2001. – № 3. – С. 12–16.
4. Шамне, Н. Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Н. Л. Шамне. – Волгоград, 2004. – 136с.

М.Л. Бакалинский
Запорожье, Украина

К ВОПРОСУ О КОДИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИОЛЕКТЕ ИТАЛО-АМЕРИКАНСКОЙ МАФИИ

Данная работа является фрагментом диссертационного исследования, посвященного социолекту итало-американской мафии, который в западной лингвистической литературе называется *the Mobspeak* [Mobspeak 2003: xi] (далее СД *the Mobspeak*). СД *the Mobspeak* входит в состав общего криминального социолекта США (далее КС).

СД *the Mobspeak* подчиняется криминальному социолекту США, однако, как показало проведенное исследование, характеризуется определенной автономией в его составе. Об автономности социального диалекта в составе национального языка говорит В.П. Коровушкин [Коровушкин 2005: 382]; в нашем случае определенной автономностью отличается социальный диалект, который является компонентом другого социального диалекта. Существование одного явления в составе другого, типичного, однако на порядок высшего, описывают выдающиеся ученые М.М. Бахтин [Бахтин 2000: 301] и Ю.М. Лотман [Лотман 2001: 588].

В нашем случае автономность СД *the Mobspeak* выражается в наличии большого количества слов-заменителей для названия явлений, которые в КС описываются другими языковыми единицами. Поскольку данная работа не позволяет представить исследование в полном объеме с обоснованием причин, мы приведем наиболее яркие примеры: для названия преступной группировки в КС используется лексема *ring* [Cop talk 2000: 85]. Эта же лексема используется и в СД *the Mobspeak*, но лишь в коммуникативных актах с представителями других криминальных синдикатов или группировок [Carlito’s way 1993].

Другие примеры двойного функционирования единиц: “женщина легкого поведения”: в КС – *hooker* [Mobspeak 2003: 95]; в СД *the Mobspeak* – *cruiser* [Mobspeak 2003: 52], *gumata* [Pistone 2004: 53]; “преступник неитальянского происхождения, который работает на мафию”: в КС – *associate* [Dannen 2002]; в СД *the Mobspeak* – *connected guy* [Mobspeak 2003: 44 – 45], *cugine* [Pistone 2004: 125] и т.д.

Проанализированные языковые единицы позволяют сделать следующие выводы. Для КС и непосредственно для СД *the Mobspeak* характерно явление полиноминации, которое является одним из способов актуализации эзотерической функции языка. Однако для СД *the Mobspeak* характерной является также и металингвистическая функция [Бакалинский 2006: 233]. Используя единицы КС, мафиози актуализируют металингвистическую функцию с целью проверить, принадлежит ли коммуникант к

преступному миру. Используя языковые единицы СД *the Mobspeak*, мафиози проверяют, принадлежит ли коммуникант именно к итало-американской мафии. Мы предлагаем называть это явление “металингвистическая функция второго порядка”.

Однако, с другой стороны, мафиози используют эти единицы не только с целью проверки, но и в повседневной жизни, т.е. лексика и фразеология собственно СД *the Mobspeak* актуализирует референтную – название явлений и предметов (*to go on four or five more hours* – пойти в ночной клуб или специальный клуб для мафиози [Pistone 2004: 53]) или фатическую функцию языка (*Are you still at school?* – ты все еще не принес обет и не стал настоящим мафиозо? [Carlito's way 1993]) без утаивания какой-либо информации. Это опровергает существующую точку зрения, что функцией социолекта преступников является лишь утаивание информации.

Кроме того, применение такого социолингвистического метода, как “невключенное наблюдение” [Социологические наблюдения 2008] (т.е. наблюдать за речевым актом преступников, не участвуя при этом в нем) позволит изучить социолект криминального мира с позиции его носителя, рассмотреть вопросы отражения в нем картины мира преступников в контексте картины мира гражданского общества, выявить их алломорфные и изоморфные черты.

Список литературы

1. Бакалинский, М. Л. Фразеопредложения в социо-этнолекте *the Mobspeak*: лингвокультурологический и лингвокогнитивный аспект (на укр. языке) [Текст] / М. Л. Бакалинский // Язык и культура (научное издание). – Вып. 9. – Т.V (93). – Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. – Киев: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2007. – С. 226 – 231.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336с.
3. Коровушкин, В. П. Инвективная лексика и фразеология в английском и русском военных подъязыках: контрастивно-социолингвистический аспект [Текст] / В. П. Коровушкин // Злая лая матерня : сборник статей / под ред. Жельвиса. – М., 2005. – С. 376 – 420.
4. Лотман, Ю. Текст в тексте (на укр. языке) [Текст] / Ю. Лотман // Антологія світової літературо-критичної думки XX століття / За ред. Марії Зубрицької. – 2-е вид., доповнене. – Львів: Літопис, 2001. – С. 579 – 595.
5. Социологические наблюдения [Электронный ресурс] / Социологические наблюдения // Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRu.ourujo,lxqol!tghr8klto9. 2008, свободный.
6. Carlito’s way [субтитры] / Carlito’s way – 1993, Universal Pictures, Bregman/Baer Productions, Epic Productions Inc., USA.
7. Cop talk: a dictionary of police slang [Текст] / Cop talk / Ed. by C. Aaron and J. Lewis Poteet. – Lincoln: Writers club press, 2000. – 144p.
8. Dannen, F. The G-Man and a Hitman [аудиокнига] / F. Dannen // Mob. Stories of death and betrayal from organized crime / Ed. by Clint Willis. – N.J.: Listen & Live Audio, Inc. Roseland, 2002.
9. Mobspeak: the dictionary of crime terms [Текст] / Mobspeak / Ed. by Carl Sifakis – N.Y.: Checkmark books, 2003. – 352p.

10. Pistone, J. K. The Way of the Wiseguy [Текст] / J. K. Pistone. – Philadelphia/L: Running Press, 2004 – 224p.

С.Г. Барышева
Нижний Тагил, Россия

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ГЕРОЯ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ

Вопрос об экзистенциальном статусе героя в художественном произведении возник давно, но и сегодня его изучение является одним из самых активно исследуемых направлений культурологических и литературоведческих изысканий. Мир персонажем воспринимается онтологически, что позволяет говорить о том, что речевая характеристика – важнейший критерий для обозначения позиции героя к окружающей действительности. В этой связи нам интересно проанализировать позднее творчество Эрнеста Хемингуэя.

В настоящее время творчество американского писателя Эрнеста Хемингуэя широко известно во всем мире. Существует много работ, затрагивающих разнообразные аспекты творчества писателя и рассматривающих его со всевозможных позиций, что порождает многочисленные непрерывающиеся споры в литературоведении. Рассмотрение данной проблематики дает более полное и ясное понимание позднего творчества писателя, тех вопросов внутренней жизни человека, которые затрагивает автор.

К позднему творчеству Эрнеста Хемингуэя можно отнести «нобелевскую» повесть «Старик и море» (1952) и две книги, которые были опубликованы после смерти автора – «Праздник, который всегда с тобой» (1964) и роман «Острова в океане» (1970).

Более подробно остановимся на романе «Острова в океане». Само по себе название может вызывать множество ассоциаций. В тексте присутствует прямая отсылка к экзистенциальному восприятию действительности через речь персонажа – Томаса Хадсона – художника, потерпевшего внутреннее поражение. Разгадывание аллюзивных, философских высказываний – отдельный аспект изучения творчества Хемингуэя. Противоречия, которые терзают душу героя изнутри, перекликаются с метаниями художников - экзистенциалистов XX века [Анастасьев 1988: 42]. Однако душевные переживания у Хемингуэя сопровождаются картинами природы. В связи с этим уместно будет упомянуть о том, что в основе описания природы у позднего Хемингуэя лежит архетип воды. Двойной мотив неестественной смерти непосредственно восходит именно к нему: самоубийство Сумасшедшего, который был унесен волной в море, и смерть в

результате нечаянного случая, случившаяся с одиннадцатилетним мальчиком. В обоих случаях тела людей оставались ненайденными определенное время в результате действия стихии: «Я тогда нырял за ним несколько раз, но не мог найти, – сказал Роджер. – Было слишком глубоко, и вода очень холодная» [Хемингуэй 1987: 69]. Глубинные воды символизируют подсознательное; обильная вода забвения берет начало из страха перед «Великим Ничто» - пустотой загробного небытия. Забвение как синоним смерти - беспамятства, потери самосознания, которое символизирует мифологическая вода и потеря исторической и экзистенциальной памяти как забывание стоят в одном лексическом ряду.

В данном романе архетип играет смыслообразующую роль. Два раза возникает мотив дождя – независящее от человеческой воли явление имеет определенную эмоциональную нагрузку, хотя не разу не происходит в настоящем времени: « … на острове уже два месяца не было дождя. И комиссарский дом стоит сухой, как труха» [Хемингуэй 1987: 95]. И в упоминание о трупах, где дождь смыл какие-либо следы убийц невинных людей, дождь играет решающую роль: архетип Воды, проливающейся с небес как божий промысел, ограничивает действие, сужает экспрессивные рамки.

В ходе исследования возникает параллель с романом «Прощай, оружие!»: значимой деталью этого произведения является мотив дождя. Солнце светит всего два раза (когда есть надежда, что жизнь сделает новый поворот), и если речь идет о погоде, то это дождь – в сознании Фредерика навсегда останется этот образ, несущий безысходность, отчаяние, ответ на него заключается в самом романе. Ключевой образ дождя обладает широким кругом ассоциативных связей, расширяющих и углубляющих его конситуативное значение.

Упоминание страха перед небытием пронизывает ткань романа: «Под водой все страшно. Как только сделаю выдох, так мне становится страшно» [Хемингуэй 1987: 112]. Оттенки субъективных переживаний находят свое отражение в олицетворении, и в художественном пространстве это обращение объективируется в свойство времени: «Река может предать тебя и быть жестокой… Какой-нибудь ручей может стать твоим другом на всю жизнь… Но океан непременно должен обмануть, прежде чем он расправится с тобой» [Хемингуэй 1987: 74]. Что же такое небытие? Для автора это отчуждение от своего «Я», от своей личности. Последние секунды прощания с сыновьями, навсегда покидающими остров отца, просматриваются сквозь призму архетипа Воды, полностью уничтожающей живое пассивностью своего бытия – ее присутствие уже несет печать необратимой трагедии : «…остались только лица за стеклами небольших окошек, а потом лица, залитые водой, плеснувшей в стекла». В

романе возникает образ ада, который не только линейно связан с водной стихией, но и является одним из устойчивых символов: он «не обязательно такой, каким описывал его Данте или кто-нибудь другой из великих» – ад может быть «милым твоему сердцу пароходом, увозящим тебя на восток, в страну, к которой ты всегда приближался, заранее предвкушая свой приезд туда» [Хемингуэй 1987: 93]. Символы здесь составляют единство прозрачного сознанию образа и стоящего за ним сокровенного и неэксплицируемого смысла, уводящего в бессознательные глубины психики [Юнг 1997: 337].

Как известно, Хемингуэй – мастер лаконичной формы, недосказанностей и незавершенностей. Но подобная краткость у писателя особого рода. Внешняя лаконичность фраз компенсируется за счет внутреннего содержательного и философского подтекста, что означает стилистическую и семантическую напряженность. Эта особенность «Островов в океане» в целом дает возможность каждому читателю по-своему взглянуть на все происходящее, найти свой смысл в словах и фразах: «…и открытое море, и длинные рифы с разбивающейся о них волной, и темный бездонный тропический океан за ними – все было сейчас так же далеко от него, как и вся его жизнь» [Хемингуэй 1987: 86].

Таким образом, речевая характеристика в романе Эрнеста Хемингуэя определяет экзистенциальный статус героя, а также приобретает множество значений, которые реализуются не только на разных уровнях произведения (события, переживания героев, их чувства и мысли), но и в сознании читателя, способного увидеть высказанные автором мысли, а также бесконечный объем того, что не запечатлено в слове.

Список литературы

1. Анастасьев, Н. А. Творчество Эрнеста Хемингуэя [Текст] / Н.А. Анастасьев. – М., 1988.
2. Хемингуэй, Э. Острова в океане [Текст] / Э. Хемингуэй. – М., 1987.
3. Юнг, К. Г., Франц, М.-Л. Человек и его символы [Текст] / К.Г. Юнг, М.-Л. Франц; под общ. ред. С.Н.Сидоренко. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 337-346.

С.Т. Бейсембаева
Караганда, Казахстан

О НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ УМОЛЧАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

До некоторой поры существовало представление о противоположном характере языка и действия, например, у Гёте в знаменитой трагедии «Фауст» мы читаем: «Der Worte sind genug gewechselt, laßt mich auch endlich Taten sehen!». Однако

прагмалингвистика опровергла данное представление, выдвинув в качестве основополагающего принципа употребление языка говорящими, она рассматривает язык и говорение как действие, как акт: «Wann immer wir sprechen, handeln wir, oder noch kürzer: Sprechen ist Handeln. Dies ist die fundamentale These der Pragmalinguistik (griechisch: *pragma* = das Handeln)» [Holly 2001: 5].

Умолчание – сложное и многоплановое лингвистическое явление с языковым значением недосказанности, имеет прагматический характер: оно выражает отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. На прагматическую значимость семантики умолчания указал Г. Пауль: «Мы не всегда договариваем свои мысли. Тем не менее, даже недоговоренное «Опять!», могущее иметь поистине бесконечное количество значений, на практике будет понято наиболее точным образом» [Пауль 1964: 206].

Подчеркивая различие между молчанием и умолчанием, А. Беллебаум утверждает: «Schweigen als Vezicht auf gesprochene und geschriebene Sprache ist das eine, Verschweigen als bewußter Verzicht auf die Weitergabe von Informationen das andere. Wer schweigt, muß ja nicht zugleich etwas verheimlichen – und wer etwas für sich behält, muß übrigens nicht zugleich schweigen, weil man schließlich auch beim Sprechen etwas unausgesprochen lassen kann» [Bellebaum 1992: 82].

Как особое языковое значение умолчание может передаваться средствами разных уровней языка – фонетики, лексики, грамматики [Сенечкина 2003: 22].

Объектом умолчания часто является некая тайна, секрет. В немецком языке эти понятия передаются одним словом – das Geheimnis, а неразглашение, сохранение тайны – die Geheimhaltung, оба слова происходят от geheim, корнем которого является Heim – дом, квартира, т.е. нечто, где можно укрыться, скрыться от других. Таким образом, сама этимология слов Geheimnis, Geheimhaltung, а также глагола verheimlichen – скрывать (умалчивать) вызывает интерес и предполагает вопрос: с какой целью необходимо что-то скрывать, утаивать, о чем-то умалчивать? К лексическим средствам выражения семантики умолчания в немецком языке относятся также глаголы verschweigen, verbergen, geheimhalten, vertuschen, verstummen, verhüllen, verstellen, täuschen, lügen, verschleiern, употребление которых связано также с выражением определенных прагматических значений.

Прагматические значения умолчания имеют ряд экстралингвистических причин возникновения, базирующихся на комплексе психологических, социальных, ситуативных, логических факторов. О.Б.Акимова относит к ним, например, волнение говорящего, невозможность выразить своими словами чувства, смущение, боязнь

оскорбить собеседника, выход из напряженной ситуации, а также использование умолчания в целях шантажа, дезинформации, обмана [Акимова 1999: 28].

Причинами, порождающими умолчание, могут быть, например, соблюдение предусмотренных законом требований или установившихся в обществе этических конвенций с предупредительным или рекомендующим характером. А. Беллебаум, обращаясь к строкам из Библии, пишет по этому поводу следующее: «Die Forderung, seine Zunge zu zügeln und verschwiegen zu sein, ist sehr alt. Im Umgang mit Menschen soll man sich vorsehen, weil manche unfähig sind, etwas für sich zu behalten: Führe kein vertrauliches Gespräch mit einem Toren; er kann dein Geheimnis nicht für sich behalten. Geheimnisverrat hat unter Umständen schwerwiegende Folgen: Wer Geheimnis verrät, zerstört das Vertrauen, er findet keinen Freund, der zu ihm steht. Und noch: Eine Wunde lässt sich verbinden, ein Streit beilegen, doch wer ein Geheimnis verrät, hat keine Hoffnung . Ähnliche Warnungen und Empfehlungen gibt es in allen geschichtlichen Epochen zuhauf» [Bellebaum 1992: 84].

Умолчание возникает при необходимости соблюдения требований, входящих в круг обязанностей людей определенных профессий, где хранение профессиональной тайны и определенной информации предусмотрено законом или кодексом учреждения. Умолчание в таком случае сопровождается, как правило, особой вежливостью, тактом и сдержанностью говорящего. Такое речевое поведение характерно для говорящего и в случае наличия у него страха перед тем, что его личные секреты могут быть раскрыты другими.

«Коммуникативно значимое умолчание, как один из компонентов языкового общения, способно выполнять определенную коммуникативную функцию, т.е. быть единицей общения, коммуникативным актом» [Пузанова 1998: 13]. Умолчание является информативно и коммуникативно значимым компонентом процесса общения. Часть сообщения, которая умалчивается и не получает формального выражения, является, как правило, прагматическим фокусом и имплицирует информативно и коммуникативно актуальное содержание. Как целенаправленный коммуникативный акт умолчание характеризуется стремлением говорящего максимально воздействовать на рецепиента. Иллокутивная сила умолчания как коммуникативного акта сохраняется, несмотря на отсутствие вербальных средств. Умолчание используется автором для привлечения и акцентирования внимания собеседника на своей мысли, поскольку умолчание имплицирует некую коммуникативную информацию. В то же время отправитель сообщения побуждает адресата к поиску, направляет ход его мыслей, стимулируя при этом его умственную деятельность. Адресат декодирует имплицированное посредством

умолчания содержание с учётом глобальной темы сообщения, лингвистических и экстралингвистических параметров общения.

Рассмотрим несколько примеров умолчания с различными прагматическими значениями на материале романа Йоганны Карлани «Keiner schlafe» (1994). Героиня романа Саша Ортмунд не желает верить тому, что результаты анализов её мужа Рико выглядят очень плачевно. Ей становится не по себе, когда она их получает: «Aber es geht ihm doch besser», sagte ich verzweifelt. «Das ist oft so. Kurz vor dem Ende glaubt man noch einmal, jetzt wird alles gut. Das subjektive Befinden, sogar der Appetit und die seelische Komponente, alles zeigt eine positive Tendenz. Und dann ....» – der Professor sah mich mitleidig an.

Недоговоренное Und dann ... имплицирует коммуникативную информацию, о которой профессор предпочитает умолчать, не желая причинить боль Саше неприятным для неё сообщением, но о содержании которого Саша догадывается. О деликатном поведении врача свидетельствует и его сожалеющий взгляд – der Professor sah mich mitleidig an.

Умолчание может имплицировать широкий спектр значений: благодарность, просьбу, согласие, угрозу, упрёк, смущение, возмущение, обиду и др., отражая эмоционально-психологическое состояние говорящего, его речевые интенции и эмоционально-оценочное отношение к сообщаемому.

Саша Ортмунд попадает в больницу после того, как она неожиданно падает в обморок. Узнав об этом, родители спешат в больницу к дочери с намерением забрать её к себе:

Meine Mutter organisierte umgehend meine Entführung. Der Stationsarzt wurde herangeläutet.

«Wir nehmen unsere Tochter mit.»

«Das geht nicht! Sie wissen ja gar nicht, worum es sich hier geht.»

«Wir nehmen unsere Tochter mit, und zwar sofort. Ob es Ihnen passt oder nicht.»

«Aber so lassen Sie sich doch erklären ... Sie haben ja keine Ahnung…» Er strampelte mit Händen und Füßen.

Неуместное поведение матери Саши вызывает у врача возмущение, он требует дать ему возможность объяснить ситуацию, в которой находится Саша, но сделать это не удаётся, эмоции не позволяют врачу договорить. Эффект возмущения и негодования создаётся здесь путём лингвистических и графических средств – использованием противительного aber и многоточия, указывающего на недоговоренность, прерванность

информации. На возмущение указывает также невербальный сигнал – Er strampelte mit Händen und Füßen.

Умолчание часто выражает эмоциональное потрясение, когда говорящий не может выразить словами свои мысли и переживания. Полицейский Герберт, уходя на пенсию, приглашает по этому поводу друзей и коллег. Они вспоминают долгие годы совместной работы и особо запомнившиеся случаи. Герберт вспоминает, как однажды, прибыв на место происшествия, обнаружил в квартире труп застрелившейся женщины, упавшей и склонившейся при этом над детской кроваткой. Когда труп уже был готов к вывозу, Герберт увидел вдруг в этой кроватке среди окровавленных простынь ребёнка примерно двух лет, со следами удушья на шее. Как выяснилось позже, мать задушила сначала ребёнка, а затем застрелила себя. Герберт: «Ich werde diesen kleinen Jungen nie vergessen. Nie, solange ich lebe. Ich habe nie erfahren, warum seine Mutter Selbstmord begangen hat. Das war ohnenhin eine traurige Zeit, damals im Juli 42. Und es wurde immer schlimmer. Die Bomben im Februar 45 habe ich auch noch miterlebt. Aber dieser kleine Junge ... Könnt ihr das verstehen?» Об эмоциональном потрясении Герберта свидетельствует обрыв его фразы «Aber dieser kleine Junge ... », которой предшествует его сообщение о том, что он в общем-то видел и испытал в жизни немало – тревожное время войны, бомбёжки, но этот эпизод с задушенным собственной матерью ребёнком потряс его настолько, что он будет помнить о нём всю жизнь.

Разнообразные средства выражения семантики умолчания заменяют часто нейтрально используемые языковые единицы. Особенно характерно такая ситуативная замена для устной речи, где в качестве её сигналов выступают короткие паузы, возникающие при передаче неприятной информации. Паузы свидетельствуют о том, что говорящий «подбирает выражения», заменяя возникшие первоначально в его внутренней речи выражения на другие, более деликатные, смягчённые:

«Frau Ortmund, bitte verstehen Sie doch. Es ist auch zu Ihrem persönlichen Schutz. Es fällt mir schwer , Ihnen das zu sagen ... – Der Kollege Meinhard glaubt, es bestehe durchaus die Möglichkeit, daß Ihr Mann Sie irgendwann einmal bedrohen könnte. Langfristige Einweisung bedeutet also in seinem Falle, sehr langfristig. Sie verstehen.» Врачи, наблюдающие супруга госпожи Ортмунд, считают его болезнь настолько опасной для окружающих, что его необходимо «держать» в психиатрической больнице. Профессору Ламбрехьт нелегко сказать госпоже Ортмунд о серьёзности болезни её мужа, об опасной агрессивности его поведения – Es fällt mir schwer, Ihnen das zu sagen … – и он ссылается на мнение своего коллеги Майнхарда, употребляя при этом модальный глагол в Коньюнктив II – könnte, стараясь тем самым выразить свою мысль наиболее вежливо,

мягко, чтобы не расстроить госпожу Ортмунд. В начале и в конце своей речи Ламбрехьт просит её понять ситуацию – bitte verstehen Sie doch / Sie verstehen., не вынуждая его, описать конкретно состояние здоровья её мужа.

Описанные выше некоторые свойства и значения такого лингвистического явления, как умолчание подчёркивают его прагматический характер: умолчание передаёт отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. Оно имеет достаточно высокую коммуникативную информативность, многофункциональность и способствует реализации различных коммуникативных намерений.

Список литературы

1. Акимова, О. Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке [Текст] / О.Б. Акимова. – М., 1999. – 128с.
2. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964. – 206с.
3. Пузанова, О. В. Прагматика и семантика умолчания [Текст] : диссертация на соиск. уч. ст. к.ф.н. / О.В. Пузанова. – С.-Пб.: РГПУ им.А.И.Герцена, 1998. – 113с.
4. Сенечкина, Е. П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке [Текст] : диссертация на соиск. уч. ст. д.ф.н. / Е.П. Сенечкина. – М.: МГУ, 2003. – 417с.
5. Bellebaum, A. Schweigen und Verschweigen: Bedeutungen und Ersscheinungs-vielfalt einer Kommunikationsform [Text] / A. Bellebaum. – Opladen, Westedeutscher Verlag GmbH, 1992. – S. 82 – 84
6. Holly, W. Einführung in die Pragmalinguistik [Text] / W. Holly. – Berlin: Universität Gesamthochschule Kassel, Druckhaus Langenscheidt, 2001. – 5s.

К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская
Оренбург, Россия

ЗАГЛАВИЕ ТЕКСТА КАК КАТЕГОРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Акт *интерпретации*, являющийся центральным для теории и практики филологического анализа, способствует формированию плюралистического подхода к изучению безграничного многообразия форм языка и культуры, но сейчас зачастую он становится удобной формой оправдания «бездоказательного». Мы уже настолько привыкли к принципиальному сосуществованию множества разнородных / разноприродных толкований одного и того же факта, понятия, явления, что указание на «инаковость» освещения проблемы уже считается достаточным обоснованием выводов исследования. Между тем, очевидно, что такое развитие науки – «вширь», количественно, – не прирастает качественно. Широта и многообразие охвата большей частью остается лишь видимостью «нового», поскольку само появления новой,

непривычной и модной терминологии не дает еще нового знания. Обнаружение такого знания, в первую очередь, обусловлено разработкой и применением новых методов исследования, приводящих не просто к новому, а к достоверному знанию. Это задает вектор развития в сторону активного использования квантитативных методов и моделирования. Таким образом, качественный «скачок» в филологии может быть осуществлен при переходе от описательного состояния к модельным исследованиям. При этом интерпретация полученных моделей (как способов получения новой информации об объектах) остается необходимым компонентом всей деятельности исследователя.

Предметом данной статьи является модельное представление понимания термина *заглавие*, сложившееся в филологической литературе (лингвистической, литературоведческой, журналистской).

Материалом исследования послужили определения термина *заглавие*, встретившиеся нам в работах филологов (всего 52 источника), использовавших это понятие и в качестве центрального предмета изучения, и как операциональную категорию анализа произведения. Мы рассмотрели 108 контекстов, в которых осуществлялась филологическая рефлексия над определением данного термина. Реконструкция актуального для современного состояния филологии понятийного пространства термина *заглавие* проводилась с помощью разработанного нами метода графосемантического моделирования. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества. Основное условие, позволяющее использовать описываемый метод – наличие связей между компонентами множества. Метод графосемантического моделирования позволяет представить набор данных (выборку, целостность) в виде системы, в которой каждый из компонентов имеет четкую иерархическую и топологическую определенность по отношению к другим компонентам и всей системе в целом. Эта структурная контекстуальность, в свою очередь, позволяет интерпретировать каждый компонент системы (подробнее см. [Белоусов 2005; Зелянская 2007]).

В целом, предварительные процедуры, необходимые для построения графосемантической модели, можно представить в виде ряда шагов. Прежде всего, в каждом определении выделялся некоторый набор понятийных компонентов, принципиальных для выявления сущностных черт термина. Например, в классическом определении, принадлежащем Л.С. Выготскому: «…название… несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все

построение рассказа» [Выготский 1998: 202], – можно выделить следующие понятийные блоки: *раскрытие важной темы произведения*, *предопределение построения произведения*. Таким образом анализировались все 108 контекстов, в результате чего было выделено 240 понятийных компонентов. Далее полученные понятийные компоненты по общим основаниям группировались в понятийные поля. Общее количество сформированных полей – 20. И на последнем этапе определилось количество связей между полями, для чего выявлялось общее количество взаимодействий, которое образует каждое поле с другими полями в рамках понятийного пространства каждого определения термина *заглавие*. Например, понятийное пространство упомянутого выше определения Л.С. Выготского связывает два понятийные поля – *репрезентация семантики текста* и *композиционные функции заглавия*. По итогам данных предварительных процедур была построена графосемантическая модель – см. рисунок 1.

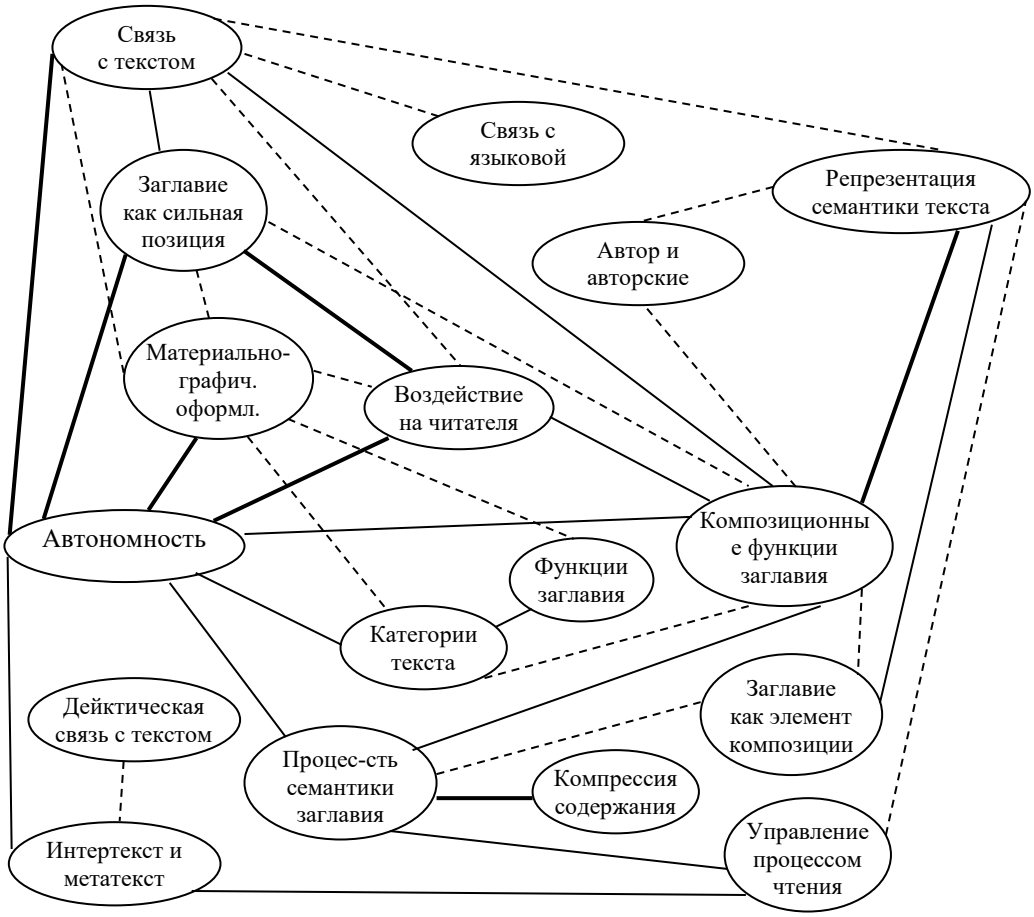

Рисунок 1. Графосемантическая модель термина *заглавие*

Прим. Модель состоит из полей, у которых показатель количества связей с другими полями преодолел статистический порог значимости, т.е. именно обозначаемые ими понятийные блоки востребованы филологами при использовании термина *заглавие*. Пунктирными линиями отмечены связи между компонентами, частотность которых выше средней частотности для всех связей ($\bar{x}$), но меньше $\bar{x} + \sigma$; тонкими линиями –

связи, частотность которых превышает $\bar{x} + \sigma$; жирными линиями – связи, частотность которых превышает $\bar{x} + 2\sigma$.

На рисунке 1 видно, что центральными компонентами (ядрами) системы являются *Автономность*, *Композиционные функции заглавия* и тесно соотнесенная с ними *Связь с текстом*. *Автономность* указывает на то, что наиболее востребованным для исследовательской практики оказалась способность заглавия функционировать отдельно от текста в силу, прежде всего, его композиционной самостоятельности (связь с *Материально-графическим оформлением*), суггестивной и социокультурной (с полями *Заглавие как сильная позиция, Воздействие на читателя)* самодостаточности. Однако настолько же сильно *Автономность* соотнесена с полем *Связь с текстом*, которое, напротив, представляет заглавие как неотъемлемую часть текста. Очевидно, что ученые рассматривают феномен заглавия, подчеркивая его двойственную природу – самостоятельность и зависимость от текста, но в качестве наиболее актуальных воспринимаются черты, обусловленные *Автономностью*.

Наиболее очевидной ветвью исследований, обусловленных постулатом самодостаточности заглавия, оказывается анализ его метатекстуальности и интертекстуальности: именно в метатекстуальном пространстве культуры, социума и в отношениях с другими текстами заглавие проявляется как отдельный текст. Но в рамках системы именно эта исследовательская область оказывается не достаточно разработана: ее развивают только в аспекте влияния на читательскую деятельность (*Управление процессом чтения*). Кроме того, только намечается рассмотрение с точки зрения проблемы автономности заглавия его дейктический потенциал (*Дейктическая связь с текстом*), однако, очевидно, что работы в этой сфере остается на уровне констатаций и деклараций.

Остальные следствия автономной природы заглавия тесно связаны с противоположным понятийным блоком – с тесной соотнесенностью с называемым текстом. И воздействие на читателя, и семантическая изменчивость, и (в меньшей степени) сильная позиция заглавия, и концентрация в нем категорий текста в интерпретации исследователей обусловливаются не только самодостаточностью заглавия, но и его встроенностью в произведение. Интересно, что на этом понятийном полюсе максимальной актуальностью обладают *Композиционные функции заглавия*, подчеркивающие участие заглавия в формировании произведения как целого (констатирующее поле *Заглавие как элемент композиции* играет подчиненную роль). Отталкиваясь от представления о такой внутритекстовой активности заглавия, исследователи решают, прежде всего, вопрос о способах репрезентации заглавием

семантики текста, в том числе (в меньшей степени востребовано), собственно авторских проекций.

Из проблемных блоков, отмеченных в заглавии, но не находящихся в центре внимания исследователей и, соответственно, на современном этапе не имеющих концептуальных приращений, бросается в глаза *Компрессия содержания*, т.е. способность к концентрации смысла произведения, что позволяет даже стать его эквивалентом. Признание значимости этой характеристики заглавия очевидна (она образует сильную связь), но невостребованность данного компонента свидетельствует об отсутствии стремления переосмыслить его в соответствии с новыми методами и знанием, полученным о заглавии. *Функции заглавия*, *Связь с языковой системой* также являются компонентами, которые пока можно определить как периферийные для понимания термина *заглавие*.

Итак, рассмотренная модель выполняет ряд функций: 1) позволяет рассмотреть анализируемое понятие в виде сложной иерархичной системы, компонентами которой служат другие научные понятия, раскрывающие (в единстве их связей) искомое понятие; 2) репрезентирует характер и качество проводимых с феноменом *заглавия* исследований. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет оценить проработанность отдельных сторон общего проблемного поля, а также наметить перспективные направления исследований. Таким образом, данная модель выполняет гносеологическую (получение нового знания), прогностическую (прогнозирование перспективных разработок) и аксиологическую (оценка проводимых исследований и их актуальность) функции.

Список литературы

1. Белоусов, К. И. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологических исследованиях [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 8. – С. 40-46.
2. Выготский, Л. С. Психология искусства [Текст] / Л.С. Выготский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 480с.
3. Зелянская, Н. Л. Основные семиотические тенденции прозы 40-х годов XIX века [Текст] / Н.Л. Зелянская // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 36-48.

М.А. Битнер
Красноярск, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДАЛИЗАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛУЧАЙНОСТИ

Язык как репрезентативная система [Бюлер 2000: 34] располагает широкими возможностями представления значения посредством номинации или формализации.

Так, признаки [возможно], [невозможно], [необходимо] и [случайно] могут выражаться как лексически, так и грамматически. При этом необходимо различать модальное и немодальное значение прилагательных с указанной семантикой и их метаязыковое и атрибутивное использование.

Так, безличное предложение с названными прилагательными в функции предикатива часто представляет соответствующий оператор перед модальным суждением: “It is necessary, possible, contingent that *p*” (модальность de dicto) или “*S* is necessarily *p*” (модальность de re). Например, в предложении, построенном по модели *‘It is necessary that S should do’*, прилагательное эксплицирует модальную характеристику. Происходит «сдвиг» значения с глагола на синтаксическую модель. Актуализационный контекст детерминирует значение модального глагола, точнее, лишает его значения долженствования, и модальный глагол should обретает в данном контексте черты вспомогательного.

Как значение формы оказывается зависимым от модели употребления, так и модальная нагрузка лексической единицы зависит от актуализационного контекста. В том случае, когда прилагательное *necessary* занимает позицию предикатива или атрибута как в предложении *Their meeting is necessary,* признак [необходимо] именуется. Он носит описательный характер и не несет модальной нагрузки. В случае формализованного представления признака (*They must meet)* признак индицируется, выражается посредством языковой категории модальности.

Рассмотрим вопрос о модальной нагруженности прилагательных со значением случайности в разных моделях вхождения признака, а именно атрибутивной (1) и предикативной (2).

(1) Apart from *accidental injury* at birth, accidents can occur at any time in life which may cause mental handicap [BNC (el.res.)].

(2) Furthermore, the public is told that ail similarities to dolphins are purely *coincidental* [BNC (el.res.)].

При анализе будем исходить из концепции, согласно которой модальная характеристика в предложении надпропозициональна, и ее идентификация производится при помощи принятого в логике приема вынесения модального оператора за скобки пропозиционального содержания предложения [Степанов 2002: 238].

Рассмотрим следующий пример:

(3) Their *chance meeting* brought them back together after seven years apart [Longman 2001].

Поскольку в качестве показателя грамматизированного выражения модального значения случайного принимается возможность его «надстроечного» функционирования, первым приемом анализа является попытка проведения этой процедуры в данном предложении:

(3') *It was a chance* (that) [their meeting brought them back together].*

Такая перестановка очевидно изменяет смысл предложения, а потому не может считаться правомерной.

Проведем пробу на элиминацию, предполагающую опущение единицы с исследуемой семантикой.

(3") Their [ ] meeting brought them back together.

Опущение прилагательного ‘chance’ меняет общую смысловую конфигурацию предложения, поскольку этот признак является значимым для понимания ситуации.

Используем прием подстановки или замещения:

(3'") Their chance meeting brought them back together

↓

[regular] meeting

[happy] meeting

[lucky] meeting

[strange] meeting

Указанные и многие другие прилагательные вполне способны занимать атрибутивную позицию, конкретизируя характер объекта, или, как в данном случае, именной репрезентации события.

На этом основании можно заключить, что прилагательное ‘chance’ в сочетании ‘chance meeting’ является дескриптивным, передающим специфику объекта (события), относящим его к разряду объектов (событий) определенного характера (chance fall, chance mistake, chance question // strange fall, strange mistake, strange question).

В качестве верифицирующей процедуры используем возможность замены расчлененной номинации события и его признака единицей нерасчлененной номинации:

(3"") Their *encounter* brought them back together,

где encounter = ‘chance meeting’ не разложимо на составляющие «модальный» – «пропозициональный».

Рассмотрим другой пример:

(4) Any resemblance to actual events, organizations, or persons, living or dead, is entirely *coincidental* [H. Fielding (el.res.)].

Прилагательное coincidental занимает позицию предикатива в структуре составного именного сказуемого после глагола-связки «be». Глагол-связка, как известно, осуществляет функцию передачи отношения «предмет – признак». Таким образом в данном случае меняется структура и характер связи в отношениях «объект-признак»: в атрибуции это модель Adjcontingent-N, в предикации N-Vlink-Adjcontingent. Разница атрибуции и предикации признака (coincidental resemblance // resemblance is coincidental) обусловлена характером когнитивного процесса. В первом случае объект и признак воспринимаются целостно. В языке это передается расчлененной номинацией (атрибутивное сочетание). Во втором случае признак является возведенным в абстракцию и приписывается объекту предикативно. Вхождение прилагательного, передающего семантику случайного, в нексус (подлежащее-сказуемое) *не* меняет модальности предложения.

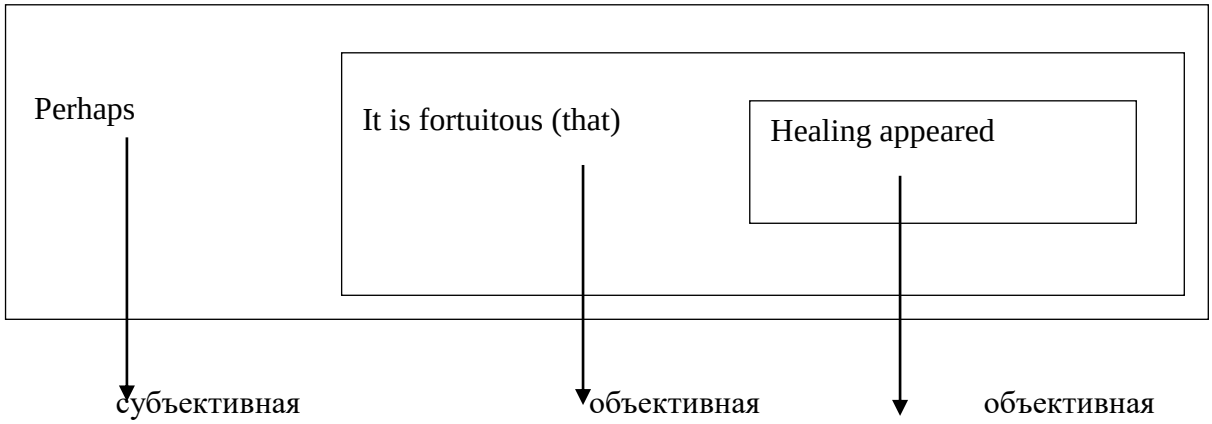
Рассмотрим другую модель, где прилагательное употребляется в рамках структуры с пропозициональным актантом.

(5) It is perhaps *fortuitous* that Healing appeared when he did, his milling business helping to fill the void [BNC (el.res.)].

Очевидно, что данный пример значительно отличается от примеров выше, где посредством прилагательного называется признак объекта. В данном случае характеристика ‘fortuitous’ относится к целой ситуации, представленной в придаточном ‘Healing appeared when he did, his milling business helping to fill the void’. Такой способ представления модальных признаков в предложении может считаться синтаксическим средством выражения модальности, так как модальная характеристика, вынесенная за пределы пропозиции, подчиняет себе ее содержание. Функция представления модальной характеристики смещается с предиката на внешнее синтаксически главное предложение. Положение прилагательного в позиции модуса позволяет говорить о его комментативном смысле, имеющим надпропозициональное представление.

Однако, в примере (5) имеется еще один модальный показатель ‘perhaps’, который, как и все вводные модальные слова, эксплицирует субъективную модальность возможности и представляет внешнюю модальную рамку. Так, предложение имеет следующую структуру: «Возможно это случайно, что *p*».

Применяя рамочную запись, покажем характер распределения модальных операторов в предложении:

Таким образом, структуры с прилагательным в предложениях с формальным подлежащим it являются средством выражения *надпропозициональной объективной модальности*. Это случай функциональной модализации языковых единиц (как, например, модализация эпистемических глаголов в однопорядковых синтаксических позициях). Надпропозициональный характер признака, выраженного посредством ‘it is fortuitous’, обосновывается зависимым положением придаточного с союзом ‘that’, а также возможностью перифраза с номинализацией ‘Healing’s appearance’:

(5') [Healing’s appearance] is ***fortuitous***.

Надстроечный характер модальности случайного можно продемонстрировать в другом структурном типе предложения:

(6) [That she was present that afternoon] was ***fortuitous*** [BNC (el.res.)].

В примере (6) естественным образом целая пропозиция, выполняющая функцию подлежащего, подчинена сказуемому. Так как прилагательное с семантикой случайного является сказуемым к целой пропозиции, то следовательно, правомерно заключить, что данная модель является грамматизированным способом передачи модального значения и допускает перифраз:

(6') ***It was fortuitous*** that [she was present that afternoon].

Таким образом, в предложениях, построенных по модели ‘it is [модальная характеристика] that …' имеет место процесс функциональной модализации, выраженный в способности названных структур передавать значение объективной модальности в структурах de dicto. Подобные структуры можно отнести к синтаксическим средствам выражения *надпропозициональной объективной модальности*.

Список литературы

1. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2000. – 528с.

2. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая

грамматика) [Текст] / Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 360с.

3. British National Corpus [Electronic resource] // Mode of access: http://www.natcorp.ox.ac.uk/

4. Fielding, H. Bridgit Jones's Diary [Electronic resource] / H. Fielding // Mode of access: http://greylib.align.ru

5. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New Words Supplement [Text] – Spain, Barcelona, 2001. – 1754p.

И.В. Богатырь
Краснодар, Россия

ПОНЯТИЕ ПРАГМАТИКИ И СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

Прагматика и семантика стали довольно популярными понятиями в лингвистике и лингвистических исследованиях. Наука исследует ситуацию, продуктом которой является текст. Каждый художественный текст обладает своей фоновой парадигматикой, строящейся из языковых составляющих текста. Идейные сущности (смыслы) текста соотносятся с содержанием всех конкретных художественных текстов, поскольку являются определенной степенью абстрагирования содержания текста. Универсальные смыслы – время, пространство, человек, событие образуют в совокупности с речевыми средствами их воплощения соответствующие текстовые категории – категории времени, пространства, героя, события.

Термин «прагматика» введен в конце 30-х годов XX столетия Ч.У. Моррисом как название одного из разделов семантики, которую он разделил на семантику, изучающую отношение знаков к объектам, семантику – раздел о межзнаковых отношениях, исследующую отношение к знакам говорящих. Выделение и формирование прагматики в качестве области лингвистических исследований, стимулированное идеями Ч.С. Пирса, началось в 60-х - нач. 70-х годах под влиянием логико – философских теорий речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Серла, З. Вендлера и др. В современной лингвистической литературе достаточно часто употребляется термин «прагматика» и понимается в основном как корреляция лингвистических признаков и экстралингвистических условий в рамках определенного типа коммуникативных ситуаций. С этих позиций прагматика текста как продукта коммуникации представляет собой вербальную реализацию коммуникативных установок участников общения: «… выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия», что во многом определяет законы текстообразования.

В поэтическом, художественном произведении есть те же самые «стихии», что и в слове: содержание (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому из

него понятию; внутренняя форма, образ, который указывает на это содержание, соответствующий представлению (которое тоже имеет значение только как символ), и, наконец, внешняя форма, в которой объективируется художественный образ. Разница между внешней формою слова (звуком) и поэтического произведения та, что в последнем, как проявлении более сложной душевной деятельности, внешняя форма более проникнута мыслью.

В современном языкознании утверждаются принципы анализа семантического пространства текста как разновидности когнитивной структуры в рамках фреймовой семантики.

Семантический анализ текста можем рассмотреть на основе языковой игры. Языковая игра в последние десятилетия весьма интенсивно исследуется как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике (например, Арутюнова 1987, Барботько 1999, Булыгина, Шмелев 1990; Земская и др. 1983; Немец 1993; Рядчикова 1996; Штеп 1989 и др.) Это обусловлено целым рядом причин: бурным развитием прагмалингвистических исследований, в особенности прикладных направлений (типа нейролингвистического программирования), акцентирующих внимание на аспектах языкового воздействия в сфере массовой коммуникации, рекламного бизнеса, в психотерапевтической практике и т.д., сближением собственно лингвистических исследований с семиотическими и литературоведческими изысканиями.

Произведем семантический анализ языковой игры слов. Группа сленгизмов, которые можно рассмотреть в контексте игры слов, представлена единицами, создающимися на чисто семантической основе, т.е. без опоры на созвучие обычного и заменяющего его наименования. При этом вновь создаваемая номинация либо берет за основу какой – либо необычный аспект денотата (ср., вратарь – «швейцар», неваляшка – «девственница», дума – «туалет», тряпки – предмет «материаловедение»), либо именует денотат необычным образом, например, посредством иностранного слова или на основе специфических коннотаций слова (ср.: сэконд-хэнд – «мужчина ранее уже состоявший в браке», кровельщик – «психиатр» от выражения кровля съехала). Например, в словарях молодежного сленга отличаются глаголы «приватизировать» и «прихватизировать», оба в значении «украсть». Здесь видна более сложная игра слов с «политическим подтекстом», а именно, контаминация слов, содержащая иллюзию на суть приватизации, произошедшей в России в девяностых годах. В просторечии можем наблюдать сдвиг значения, осуществляемый посредством семантики близких слов (ср. тачка – «легковой автомобиль», потоптаться – «потанцевать»).

Итак, семантика и прагматика – это еще незавершенные аспекты научных исследований. Так как речь наша обогощается с помощью новых лексических единиц, то и наука «Лингвистика» также будет развиваться.

Л.И. Богданова
Москва, Россия

РУССКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ АНТОНИМЫ В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Понимание языка как деятельности предполагает его описание с двух позиций: с точки зрения лица, воспринимающего чужую речь (в письменном или устном виде), и с точки зрения человека, производящего высказывания с той или иной целью. Указанное разграничение, на наш взгляд, вносит существенные коррективы в описание языка, способствуя более адекватному его представлению.

Проблема антонимии имеет богатую традицию изучения [см. об этом, напр., Новиков 1973]. Тем не менее, находящаяся в процессе становления новая парадигма научных исследований побуждает взглянуть на антонимы с позиций человека говорящего. В этом плане принципиально важными представляются такие вопросы, как систематизация функций антонимов в продуктивных видах речевой деятельности, выявление лакун при обозначении противоположных явлений, изучение способов компенсации обозначенных лакун и др.

Осознание противоположности в языке всегда опиралось на определённую точку отсчёта – норму. Человеческая коммуникация устроена таким образом, что сообщения фокусируются в основном на отклонениях от нормы и стереотипа жизни: «норма имеет слабый выход в лексику» [Арутюнова 1998: 65]. Этим и объясняется отчасти широкая употребительность антонимов в речи. Семантические функции антонимов тесно связаны с важнейшими сферами деятельности человека и являются оценочным выражением его мыслей, чувств, воли.

Важность фундаментального изучения антонимов далеко не исчерпывается потребностью говорящего «найти образное противопоставление, схватить полярные проявления того или иного признака, качества, свойства» [Новиков 1996: 3]. Как показали современные исследования по когнитивной лингвистике, способом хранения информации являются сценарии или фреймы. Свого рода «мини-сценарием» является и антонимическое противопоставление. Так же, как названия дней недели, месяцев и т.п. представлены в сознании как бы в одной упаковке, так же не существуют изолированно и члены антонимического противопоставления.

С позиций «активной» грамматики принципиальным является решение вопроса о возможности предсказать существование антонима в том или ином формальном облике. Рассмотрим с этой точки зрения семантические противопоставления в группе глаголов движения. Одним из важных противопоставлений такого рода является ‘начало – прекращение пространственной локализации’ [Апресян 1995: 288].

Средством выражения антонимических отношений при обозначении ‘начала или прекращения пространственной локализации’ являются префиксы *при-\ у-* соответственно, синтагматический тип для антонимов этого типа – N_1V_f *в(на)*N_4 *из (с)*N_2, где в позициях начальной и конечной точек – названия мест пространственной локализации. Если указанные позиции замещаются словами, обозначающими лиц, то синтагматический тип преобразуется следующим образом: N_1V_f *к* N_3 *от* N_2 (*Ребёнок приехал к бабушке от матери – Ребёнок уехал от матери к бабушке).* Глаголы движения регулярно образуют антонимические пары по этому типу, исходя из чего выводится такое правило: Если есть глагол движения, то можно прогнозировать наличие антонимической пары с семантическим противопоставлением ‘начало – прекращение пространственной локализации’: *идти – прийти в школу / уйти из школы; бежать – прибежать в парк / убежать из парка; ехать – приехать в город / уехать из города; лететь – прилететь в Москву / улететь из Москвы; плыть – приплыть в порт / уплыть из порта* и т.д.

Глаголы в переносных значениях далеко не всегда вступают в антонимические отношения указанного типа. Ср. *улетела юность*, но нельзя сказать: **прилетела старость* при вполне корректном: *молодость ушла – старость пришла.*

При прогнозировании наличия / отсутствия антонимической пары важен учет фигуры говорящего, организующей семантическое пространство высказывания. В частности, эмоционально окрашенные глаголы, содержащие темповые характеристики движения, обнаруживают существенные различия в образовании антонимических пар, что имеет прагматически обусловленный характер. Для говорящего является естественным отрицательно оценивать замедленное движение, связанное с прибытием субъекта в определенное место, и, с другой стороны, негативную оценку говорящего получает и слишком быстрое или незаметное удаление субъекта из места локализации. Поэтому глаголы, несущие в себе отрицательную оценку замедленного движения, как правило, не используются для выражения значения ‘прекращение пространственной локализации’, обозначая при этом её начало. Так, в частности, глаголы *плестись, волочься, брести, тащиться, тянуться* достаточно легко могут обозначать ‘начало пространственной локализации’ с помощью модификаций *приплестись, приволочься,*

прибрести, притащиться, притянуться. Ср. *Ну, что притащился, наконец. Весь день тебя ждала* (Разг.); *Домой-то я не пришёл, а приплёлся* (Ф. Достоевский). Однако глагольные модификации со значением ‘прекращение пространственной локализации’ типа *уплестись, уволочься, убрести, утащиться, утянуться* практически не используются в речи, особенно при оценке действий третьих лиц. Ср. некорректность высказываний типа: **Он уже уплёлся домой*. Не выражается значение ‘прекращение локализации’ и при глаголах, содержащих в своем значении негативную оценку интенсивности движения, как качественной (*переться*), так и количественной (*валить*): ср. *Он приперся домой – при некорректном *Он уперся из дома; Гостей привалило – *Гостей увалило* (при этом множество субъектов, прибытие которых нежелательно, обозначаются при помощи родительного падежа множественного числа). Если в значении глагола содержится отрицательная оценка слишком поспешного движения или движения, совершаемого украдкой, то, напротив, с помощью глагольных модификаций обозначается ‘прекращение пространственной локализации’: *удрать* (ср. **придрать*), *умотать, ускользнуть, улизнуть, урваться, улетучиться* и др. Ср. *Но по счастью, тот не успел улизнуть* (М. Булгаков) – при некорректном **Он прилизнул*; *…давно уже унёсся и пропал из виду дивный экипаж* (Н. Гоголь) – некорректно: **экипаж принёсся*.

Если глагол обозначает разные способы, виды ходьбы, бега, полета, то противопоставление указанного типа обычно также не образуется (*шагать, шаркать, трусить, реять, парить*).

Глаголы, составляющие антонимическую пару указанного типа, как правило, не различаются по способу обозначения транспортного средства: *приехать на поезде, поездом – уехать на поезде, поездом*. При этом средство передвижения не может выражаться с помощью творительного падежа без предлога в следующих случаях:

1. Если глагол имеет эмоциональную окраску: *прикатить – укатить на автобусе;* сомнительно ?*прикатил автобусом*;

2. Если субъект передвижения активен: *пришёл – ушёл на лыжах* (ср. **пришёл лыжами*)*; приехал – уехал на машине* (*в значении* ‘вести машину’);

3. Если транспортное средство обозначается одушевлённым существительным: *прискакать – ускакать на лошади.* Ср. пример Ю.Д. Апресяна: *Приехал поездом, вернулся ослом*.

Позиция транспортного средства может обозначаться с помощью $\boldsymbol{N_5}$ в том случае, если данный вид транспорта является обычным рейсовым средством передвижения, т.е. следует по расписанию: *прилететь – улететь самолетом, но на дирижабле, на воздушном шаре; приехать – уехать поездом, автобусом, но на* “*тачке*”, *на*

автомобиле, на “*Волге*”. При данном антонимическом противопоставлении недостаточно корректно звучит: ?*приехал – уехал трамваем, троллейбусом, электричкой* (ср. вполне корректно: *добраться трамваем, троллейбусом, автобусом*). Если акцент смещается на время, обозначающее начало или прекращение пространственной локализации, то оформление позиции транспортного средства с помощью $\boldsymbol{N_5}$ становится возможным: *приехал – уехал первым трамваем, последним троллейбусом, ночной электричкой* (ср. в связи с этим шутл.: *уехать вечерней лошадью*).

Определения к существительному, обозначающему транспортное средство, возможные в позиции $\boldsymbol{N_5}$, должны отвечать принципу релевантности, выделяемому Грайсом [Грайс 1985], т.е. в этой позиции уместны определения, характеризующие скорость движения (*пассажирский, скорый, сверхскоростной*), время отправления (*утренний, дневной, вечерний, ночной, первый, последний*), категорию транспортного средства (*фирменный поезд*): ср. *Он приехал скорым поездом, приплыл первым теплоходом, улетел ночным самолетом;* при невозможности*: *Он приехал комфортабельным поездом, *приплыл белым пароходом, *улетел маленьким самолетом*.

Итак, очевидно, что при описании глагольной синтагматики и выявлении лакун в области антонимии необходимо учитывать субъективный и прагматический компоненты значения.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды в 2-х томах. Том I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895с.
3. Грайс, Г. Логика и речевое общение [Текст] / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
4. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике. [Текст] / Л. А. Новиков. – М.: Изд. МГУ, 1973. – 289с.
5. Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание. Предисловие к словарю [Текст] / Л. А. Новиков // Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: Арсис Лингва, 1996. – С. 3-29.

А.А. Борисов
Ставрополь, Россия

ОПИСАНИЕ ПРИРОДЫ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕКСТОВОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ (социопрагматический аспект)

Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований последних лет ставит во главу угла проблемы, связанные с взаимодействием социума и языка. Как представляется, подобное истолкование сущности и специфики современного языковедения позволяет очертить два основных круга вопросов, релевантных с позиции адекватного описания обозначенной проблемной области. Во-первых, это изучение речевого воздействия, нашедшее свое отражение в работах по прагмалингвистике; во-вторых, сюда следует отнести исследования, характеризующие социальный статус говорящего и его репрезентацию в речевой деятельности, а также в тексте, являющемся ее результатом, зафиксированным в письменной форме. Интегративные тенденции, доминирующие в современной лингвистике, делают возможным объединить социо- и прагмалингвистические варианты осмысления сущности, структуры и функций текста, в том числе художественного, в единый социопрагматический подход к его изучению, который предполагает «исследования результатов влияния не только таких факторов, как род, класс, национальность, но и влияние установок, в том числе и идеологических, в определенную эпоху развития. В зависимости от социокультурной ситуации в языке могут возникнуть изменения, меняются способы и средства реализации языкового материала в тексте» [Карасева 2004: 4].

Социопрагматический подход к описанию текста позволяет выделить определенное количество типов текста, обладающих прагматическими, лингвистическими и социокультурными особенностями. Каждый тип текста представлен как модель взаимодействующих уровней:

а) социокультурная модель речеповедения, реализующаяся в тексте в виде его формальной и тематической структуры;

б) социокультурные ценности говорящего/пишущего и их лингвистическая реализация в структуре и ткани текста [Милостивая 2006: 27].

Описание природы является социопрагматическим типом текста, который включает в себя, опираясь на изложенные выше соображения, три основных параметра: особенности субъекта-повествователя (его аксиологические установки), фреймовую модель композиционного развёртывания (композиционно-речевую форму «Статическое описание» или композиционно-речевую форму «Динамическое описание») и

социокультурную дистрибуцию (специфику соответствующего литературного направления).

Перечисленные выше факторы способны, с одной стороны, отграничить описание природы от других конституентов структуры и ткани художественного текста (сюжетного нарратива, описания внешности и характера персонажа и т. п.) и тем самым представить его как особый феномен, требующий отдельного рассмотрения и изучения, а, с другой стороны, они детерминируют способность данного социопрагмалингвистического типа текста выступать в качестве одного из маркеров когерентности художественного дискурса. При этом имеется в виду, прежде всего, коммуникативно-прагматический ракурс истолкования когерентных отношений, связанный с сигнификативной сочетаемостью высказываний в рамках макроречевого акта.

В данной статье нашей целью является описание когерентообразующего механизма социопрагматического типа текста «Описание природы» в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Рассмотрим основные компоненты социопрагматической модели типа текста «Описание природы» и их роль в процессе достижения когерентности художественного произведения:

Аксиологические установки субъекта-повествователя. Вслед за Е.М. Лазуткиной под субъектом мы понимаем главную, организующую речь и текст субстанцию, человека со всеми его индивидуальными и социокультурными ценностями [Лазуткина 1994:56]. В пространстве художественного текста в качестве субъекта-повествователя может выступать как его автор, так и один из персонажей. Однако при интерпретации аксиологических характеристик художественного персонажа следует учитывать тот факт, что мировоззрение и жизненные ориентиры последнего детерминированы авторской интенцией, являющейся в тексте доминирующей. В процессе описания природы на страницах романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» мы довольно часто сталкиваемся со сравнительными конструкциями, где базисом сравнения служат явления, релевантные в ценностном отношении для повествователя: «*Здесь была сырая тьма, бурелом и падаль, было мало цветов и членистые стебли хвоща были похожи на жезлы и посохи с египетским орнаментом,* ***как в его иллюстрированном священном писании***» [Пастернак 1989: 21].

Маленький Юрий, от лица которого ведется повествование в данном фрагменте, достаточно религиозен, отсюда – выделенное жирным шрифтом сравнение. Таким образом, из описаний природы можно почерпнуть определенную информацию об аксиологических предпочтениях субъекта речи.

Фреймовая модель композиционного развертывания повествования. Изображение природы в художественном тексте осуществляется в форме статического или динамического описания. Статика при этом, в большинстве случаев, связана с идиллией, любованием пейзажем на фоне положительного душевного настроя персонажа художественного текста: «*Здесь была удивительная прелесть! Каждую минуту слышался трехтонный высвист иволг, с промежутками выжидания, чтобы влажный, как из дудки извлеченный звук до конца пропитал окрестность. Стоячий, заблудившийся в воздухе запах цветов пригвожден был зноем непосредственно к клумбам … Над лужайками слуховой галлюцинацией висел призрак маминого голоса, он звучал Юре в мелодических оборотах птиц и жужжании пчел»* [Пастернак 1989: 21].

Приведенный фрагмент описания природы рисует картину восприятия пейзажа маленьким Юрием Живаго, во времена его счастливого детства, когда он еще ничего не знал о предстоящих великих потрясениях. Спокойствие и безмятежность отражают в тексте существительные-наименования природных явлений в сочетании с конкретизирующими эпитетами (*трехтонный высвист иволг, стоячий, заблудившийся в воздухе запах цветов*), а также сочинительная связь компонентов сложного предложения, эксплицирующая пространственное и временное соположение описываемых фактов. Глаголы стерты в своем значении, ослаблены, нередко превращаясь в формальные связки (*был*).

При изображении переломных моментов в судьбе персонажа писатель задействует описание природы в динамике: «*Из-под сдвинувшейся снеговой пелены выбежала вода и заголосила. Непроходимые лесные трущобы встрепенулись. Все в них пробудилось. Воде было где разгуляться. Она летела вниз с отвесов, прудила пруды, разливалась вширь. По лесу змеями разливались потоки, увязали и грузли в снегу, теснившем их движение, с шипением текли по ровным местам и, обрываясь вниз, рассыпались водяной пылью»* [Пастернак 1989: 181].

Процитированное пейзажное описание локализовано в том пространстве романа, где Юрий Живаго изображен перед началом новой жизни в небольшом уральском городке после отъезда из послереволюционной Москвы. В данный период все в жизни персонажа нестабильно, что выражено в динамическом описании природы, сопровождающем этот эпизод, при помощи кратких предложений, асиндетических соположений однородных членов предложения и экспрессивных глаголов (*выбежать, заголосить, пробудиться, разливаться, течь*), причем упор делается на развитие действия, его пошаговый характер. Так описание природы обеспечивает связность

авторской трактовки образа и окружающей его социокультурной среды, делая текст когерентным.

Специфика реалистического направления в литературе как социокультурная дистрибуция описания природы. Когерентность, достигаемая при помощи использования пейзажного описания, вариативна в зависимости от принадлежности анализируемого произведения к определенному литературному направлению, которое определяет акценты, связывающие сюжетное действие и то, на фоне чего оно развертывается. Реалистический характер романа Б.Пастернака «Доктор Живаго» определил выбор явлений природы, попавших в фокус писательского восприятия. Это те элементы пейзажа, которые сопровождают повседневную жизнь в художественном пространстве романа: *невзрачный огород, кусты желтой акации, мерзлые лужи проезжей дороги, бисерный дождь, малорослые яблони, рыжелистая рябина, зимние пичужки* и т.д. Примечательно, что природные явления могут быть объединены в описанных выше условиях в рамках одного предложения с реалиями быта путем согласования с одним определяющим словом, что способствует приближению изображаемого к жизненным метаморфозам: *«Пахло началом городской зимы, топтанным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом, который выпекали в подвале вокзального буфета и только что вынули из печи»* [Пастернак 1989: 32].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что социопрагматические параметры типа текста «Описание природы» способны внести весомый вклад в обеспечение когерентности художественного произведения, понимаемой как коммуникативно-прагматический механизм глобальной связности структуры и семантики текстового целого.

Список литературы

1. Карасева, Е. О. Социопрагмалингвистический аспект новой лексики немецкого языка [Текст] : автореф. … дисс. канд. филол. наук / Е.О. Карасева. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – 19с.
2. Лазуткина, Е. М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы [Текст] / Е. М. Лазуткина // Филологические науки. – 1994. – № 5/6. – С. 56 - 65.
3. Милостивая, А. И. Социопрагмалингвистическая типология публицистического текста [Текст] / А.И. Милостивая. – Ставрополь: СФ МГОПУ им. М. Шолохова, 2006. – 152с.
4. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго [Текст] / Б.Л. Пастернак. – М.: Книжная Палата, 1989. – 431с.

Б.А. Булгарова
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛСГ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-НАИМЕНОВАНИЙ МИМИКИ, ПОКАЗЫВАЮЩЕЙ РАСПОЛОЖЕНИЕ К СМЕХУ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. БУЛГАКОВА

Данная ЛСГ существительных входит в состав семантического поля смеха и представлена следующими единицами: *улыбка, полуулыбка, усмешка, ухмылка.* Особенности функционирования единиц ЛСГ интересно наблюдать в художественных текстах, благодаря наглядности, разнообразию и своеобразию их употребления. В данной статье в качестве единиц исследуемой ЛСГ выступает лексика произведений М. А. Булгакова.

Существительные *улыбка, усмешка и ухмылка* образуют в русском языке синонимический ряд, члены которого различаются по следующим смысловым признакам. Основные различия между синонимами касаются с одной стороны, характера мимики субъекта, а с другой – характера испытываемых им чувств.

Улыбка – движение мышц лица (губ, глаз), показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку и т.п.: *улыбка превратилась в смех*. Губы при *улыбке* обязательно растянуты: раздвинуть губы в улыбке. Отсутствие *улыбки* тоже маркировано в русском языке: *без единой улыбки, без улыбки. «Воланд взял в руки поданный ему экземпляр, повернул его, отложил в сторону и молча,* ***без улыбки*** *уставился на мастера».* (Мастер и Маргарита.) *«Тот стоял на пьедестале уже* ***без улыбки*** *с обиженным лицом».* (Дьяволиада. Орган и кот.)

Степень растянутости губ при улыбке может быть различной. Если губы растянуты слишком сильно, то меняется все лицо субъекта, особенно его овал*: расплываться в улыбке, расползаться в улыбке: «Манит сюда запах шашлыка москвичей, и белые московские барышни, ребята, мужчины в европейских пиджаках, поджав ноги в остроносых ботинках,* ***с расплывшимися улыбками*** *на лицах, сидят на пестрых толстых тканях».* (Золотистый город.)

Усмешка – «улыбка, обычно с оттенком иронии, насмешки, недоверия и т.п.», а существительное ухмылка – « то же, что усмешка». *«Но тебе не придется примириться с этим, - возразил Воланд, и* ***усмешка*** *искривила его рот, - не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, - в твоих интонациях».* (Мастер и Маргарита.)

Существительное *улыбка* употребляется в сочетании с глаголами, указывающими на ее появление, изменение и исчезновение: *улыбка заиграла.* ***«Улыбки заиграли*** *на*

лицах фельдшера и акушерок». (Записки юного врача. Тьма египетская.) *Улыбка искривила: « Я теперь никто, - ответил мастер, и* ***улыбка искривила*** *его рот».* (Мастер и Маргарита.) *Улыбка тронула: «Шариковский рот* ***тронула*** *едва заметная сатирическая* ***улыбка,*** *и он разлил водку по рюмкам».* (Собачье сердце.) *Показалась: «Подобие* ***улыбки показалось*** *на щеках ученого».* (Роковые яйца.)

Обычно *улыбка* выражает радость или другое подобное приятное для субъекта чувство, что выражается атрибутивными словосочетаниями*: радостная, довольная, счастливая, сытая: «Ходя замкнулся в* ***лучезарной*** *и* ***сытой улыбке»****.* (Китайская история.)

Однако *улыбка* может выражать и противоположные чувства, разнообразные эмоциональные состояния, в том числе и очень сложные чувства, что на вербальном уровне также обозначается атрибутивными словосочетаниями: *мрачная, жалкая, плохая улыбка. «Та же* ***плохая улыбка*** *исказила лицо Левия, и он сказал…»* (Мастер и Маргарита.)

Различные эмоциональные состояния могут выражаться сочетаниями существительного *улыбка* с существительным в Род. падеже*: «Но и падая, сохранил на окаймленном небольшими бакенбардами лице* ***улыбку восторга*** *и* ***преданности****».* (Мастер и Маргарита.)

В улыбке может присутствовать большая доля рациональной оценки: *презрительная, недоверчивая, снисходительная улыбка: «Не имея возможности защищаться от всегдашних* ***снисходительных*** *и ласковых* ***улыбок*** *при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку».* (Записки юного врача. Полотенце с петухом.)

Улыбка может выражать непосредственное чувство, естественное состояние человека: *счастливая улыбка, беззаботная, нервная, конфузливая («Обладатель брюк был глух и поэтому, на лице всегда сохраняя вежливую* ***конфузливую улыбку****, в нужных случаях руку щитком прикладывал к левому уху».* (Записки юного врача. Великий провал.)

Улыбка выражает и вполне контролируемую эмоцию человека: *подавить, спрятать; выразить улыбку: «Пришедший откинул капюшон, обнаружив совершенно мокрую, с прилипшими ко лбу волосами, голову, и,* ***выразив*** *на своем бритом лице* ***вежливую улыбку,*** *стал отказываться переодеться, уверяя, что дождик не может ему ничем повредить».* (Мастер и Маргарита.) *Изобразить улыбку: «Пилат мертвыми глазами поглядел на первосвященника и, оскалившись****, изобразил улыбку».*** (Мастер и Маргарита.) *Повторить улыбку: «Не зная как ответить на это, секретарь счел*

нужным ***повторить улыбку*** *Пилата».* (Мастер и Маргарита.)

Выделяются «этикетные» улыбки. *Приветливая: «Его бритое круглое лицо, налитое желтоватым студнем, являло* ***приветливую улыбку».*** **(**Роковые яйца.) *Вежливая улыбка: «Мужчина, улыбаясь необыкновенно* ***вежливой*** *и гипсовой улыбкой, подошел к Короткову, нежно пожал ему руку и молвил, щелкнув каблуком….»* (Дьяволиада. Орган и кот.) *Благодушная улыбка: «Троцкий был изображен в пенсне, как полагается, и с достаточно* ***благодушной улыбкой*** *на губах».* (Трактат о жилище.) *Хозяйская улыбка: «Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин* ***хозяйской улыбкой».*** (Мастер и Маргарита.) *Заискивающая улыбка: «Набрав воздуху в грудь, он улыбнулся как бы* ***заискивающей улыбкой*** *и тихо молвил…»* (Мастер и Маргарита.)

Маркированными являются также и «искусственные» *улыбки*: *принужденная улыбка, безжизненная: «Молодые люди, спутники Азазелло, улыбаясь* ***безжизненными,*** *но приветливыми* ***улыбками,*** *уже теснили господина Жака с супругой в сторону, к чашам с шампанским, которые негры держали в руках».* (Мастер и Маргарита.) *Приготовленная улыбка, напряженная улыбка, неискренняя улыбка, патентованная улыбка: И даже свою вечную* ***патентованную улыбку*** *он убрал с лица.* (Белая гвардия.) *Фальшивая: «Умерев, Куролесов поднялся, отряхнул пыль с фрачных брюк, поклонился, улыбнувшись* ***фальшивой*** *улыбкой, и удалился при жидких аплодисментах».* (Мастер и Маргарита.) Искусственность улыбки у Булгаква может быть маркировано так: *«Ходя ответил на первый раскат* ***улыбкой №2*** *с несколько заговорщицким оттенком и повторением трех слов».* (Китайская история.)

Улыбка может манифестировать общее состояние человека, часто болезненное, что вербально выражается атрибутивными сочетаниями: *растерянная улыбка: «Он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то* ***растерянной улыбкой».*** (Мастер и Маргарита.) *Нервная улыбка, бессмысленная, сумасшедшая: «Как легионеры снимают с него веревки, невольно причиняя ему жгучую боль в вывихнутых на допросе руках, как он, морщась и охая, все же улыбается* ***бессмысленной сумасшедшей улыбкой».*** (Мастер и Маргарита.) *Уверенная улыбка: «Тут он зааплодировал, но в совершенном одиночестве, и на лице у него при этом играла* ***уверенная улыбка,*** *но в глазах этой уверенности отнюдь не было, и скорее в них выражалась борьба».* (Мастер и Маргарита.)

Восприятие *улыбки, усмешки* и *ухмылки* самим субъектом или другим человеком выражают различные атрибутивные сочетания. *Мудрая улыбка: «Ну, мы-то с вами*

понимаем, - тут Бенгальский улыбнулся ***мудрой улыбкой,*** *- что ее вовсе не существует на свете и что она не что иное, как суеверие…»* (Мастер и Маргарита.) *Дикая усмешка: «Николай Иванович, видный в луне до последней пуговки на серой жилетке, до последнего волоска в светлой бородке клинышком, вдруг усмехнулся* ***дикой усмешкой…»*** (Мастер и Маргарита.) *Поразительная усмешка: «И когда он залез в вагон со своим твердым чемоданом и огляделся,* ***поразительная усмешка*** *исказила его выразительное лицо».* (Записки на манежах. Столица в блокноте.)

Восприятие *улыбки* может сопровождаться как положительной оценкой: *славная улыбка,* так и отрицательной. *Недобрая: «Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь* ***недоброй улыбкой****, что лицо его обезобразилось совершенно».* (Мастер и Маргарита.) *Страшная улыбка: «О да, ты не похож на слабоумного, - тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то* ***страшной улыбкой,*** *- так поклянись, что этого не было».* (Мастер и Маргарита.)

Уменьшительное к *улыбка* существительное *улыбочка* служит, для обозначения отрицательной оценки говорящим и наблюдателем данного мимического жеста, воспринимаемого как искусственный: *«Он имел наглость выйти перед фронтом арапов и* ***с заискивающей улыбочкой*** *обратиться к Рики-Тики».* (Багровый остров.)

Улыбка может быть метафорически представлена как живое существо, способное к движению: *улыбка соскользнула с лица, мелькнул: «Все равно мне нужно было топить, - ответила она, и чуть* ***мелькнула*** *у нее в глазах* ***улыбка».*** (Белая гвардия.)

Типичными также являются растительная метафора: *лицо расцвело улыбкой, кто-либо расцвел в улыбке: «Те* ***расцвели улыбками****, зубы изумительные».* (Записки юного врача. Достукался до чеченцев.) ***«Умильнейшая улыбка*** *расцвела у того на лице».* (Роковые яйца.)

Улыбка может быть адресована собеседнику, может служить ответом на какие-либо действия или слова, выполняя коммуникативную функцию. *Ответить улыбкой на взгляд кого-либо: «Ходя* ***ответил улыбкой****, но от каких бы то ни было слов удержался»* (Китайская история.) *Отзываться улыбкой на чьи-либо слова, обмениваться улыбками с кем-либо, одарить кого-либо улыбкой, послать улыбку: «Однако,* ***послав*** *Петраковой обольстительную* ***улыбку****, Арчибальд Арчибальдович направил к ней официанта, а сам не покинул своих дорогих гостей».* (Мастер и Маргарита.)

Синонимы *улыбка, усмешка, ухмылка* употребляются с предлогом с: *с улыбкой, с усмешкой, с ухмылкой: «Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать* ***с улыбкой*** *на губах».* (Мастер и Маргарита.) *«И Ходя, безбольный и спокойный,* ***с*** *примерзшей к лицу* ***улыбкой,*** *не слышал, как юнкера кололи*

его штыками». (Китайская история.)

Анализ единиц лексико-семантической группы существительных-наименований мимики, показывающих расположение к смеху в произведениях Булгакова свидетельствует о высокой частотности их употребления в художественном тексте, подтверждает способность данных единиц образовывать метафорические сочетания. Данное исследование позволило представить эволюцию существительных-наименований мимики в указанных прозаических произведениях, выявить их функциональную природу, обозначить существенные концептуальные и формообразующие основы культуры и литературы прошлого столетия. Лексические единицы, включённые в данную статью, выступают как средство формирования особого мира прозы Булгакова.

Б.А. Булгарова
Москва, Россия

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Реализуя коммуникативную функцию, язык является средством выражения не только мыслей, но и чувств. В языке отражается эмоциональная сторона познания окружающего мира. В любом языке есть эмотивные знаки, с помощью которых выражаются и отражаются эмоциональные отношения человека к миру. Эмотивная лексика рассматривается в качестве объекта изучения лингвистики. Лексика, выражающая разнообразные чувства, входит, с одной стороны, в лексико-семантическое поле смеха, а с другой стороны, большей своей частью она в качестве микрополя входит в лексико-семантическое поле эмоций.

Для терминологического разграничения лексики, несущей эмоциональный смысл, принято разделять лексику эмоций и эмоциональную лексику. Такое разграничение кроется в различной функциональной природе данных слов. Лексика эмоций выполняет номинативную функцию и служит целям объективации эмоций в языке. Эмоциональная лексика выполняет экспрессивную и прагматическую функции, выражая эмоции и чувства говорящего, а также эмоциональную оценку объекта речи. Совокупность этих двух подразделений называют эмотивной лексикой.

Довольно сложно дать точное определение понятию эмоции. Психологические теории происхождения эмоций довольно разнообразны, и лингвистам приходится брать в качестве психологической основы классификации эмоций тот или иной подход.

В обыденном понимании эмоции толкуются как душевные переживания, чувства [Ожегов 1987]. В психологии эмоции рассматриваются как психические реакции, оценивающие характер воздействия на человека внешних факторов и тем самым служат одним из главных механизмов регуляции его деятельности, направленной на освоение действительности и удовлетворение актуальных потребностей.

Эмоции в смысле целостной эмоциональной реакции личности трактуются как эмоциональные состояния человека, например: страх, гнев, отвращение, тоска, грусть, гордость, радость, смех и т.п. До настоящего времени в психологии остаётся нерешённой проблема разделения эмоций и чувств. Эмоции обычно связываются с удовлетворением физиологических потребностей, а чувства – с интеллектом человека, и их отличие от эмоций определяется степенью участия корковых и особенно второсигнальных процессов. Отсутствие решения данной проблемы, с одной стороны, затрудняет создание единой классификации эмоций и чувств, а с другой стороны, позволяет рассматривать их в лингвистике в целостности в качестве формы отражения отношения человека к предметам и явлениям окружающего мира, способа оценки их личностной значимости для него.

Все многообразие эмотивной лексики может быть исследовано с позиций категории эмотивности, которая представляет собой трансформацию эмоций на языковом уровне. Важной проблемой в исследовании эмотивной лексики является проблема ее состава и ее классификации. Состав эмотивной лексики определяется лингвистами по-разному. Главная проблема заключается во включении или невключении слов, называющих эмоции, в разряд эмотивных. Эмоция, как сложное понятие, выражающее модификации внутреннего состояния индивида и его отношение к окружающему, объединяет в себе два рода явлений: эмоциональные состояния и эмоциональные реакции. Эмоциональные состояния – это внутренние, скрытые от посторонних глаз ощущения человека, которые он испытывает, переживая ту или иную эмоцию. Эмоциональные реакции обозначают внешние проявления эмоционального состояния, то есть представляют собой кратковременные реакции на определенный объект, ситуацию или событие. К указанным двум явлениям – эмоциональным состояниям как субъективным переживаниям и эмоциональным реакциям как объективному поведению – исследователями добавляется третье явление – эмоциональные ситуации как социогенное воздействие. В научной литературе к экспрессии эмоций принято относить: «1) психофизиологические симптомы – вегетативные реакции (изменение цвета кожных покровов лица), звуковые симптомы (плач, крик, вздохи), двигательные симптомы (дрожание губ, рук); 2) фонацию –

(интонация, высота тона, сила звука, паузы, молчание и т.п.); 3) кинемы – значащие положения и изменения положения человеческого тела и лица: мимика, пантомимика (жесты, движения, позы)» [Баженова 2004: 13]. О.М. Вертинская, опираясь на работы Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко и других исследователей, рассматривает три типа лексики, называющей эмоции: 1) базовая лексика – глагольные синонимические ряды беспокоиться, бояться, удивляться, восхищаться, любить и др.; ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий; 2) слова, не являющиеся обозначением эмоций в собственном смысле, но включающие в свое значение указание на различные эмоциональные состояния субъекта в момент выполнения какого-то действия или нахождения в каком-то состоянии; 3) слова, не называющие эмоции в собственном смысле, но имеющие к их выражению самое непосредственное отношение. Здесь подразумевается метафора, обозначающая определенный физический симптом чувства: блестеть, сверкать; покраснеть, зарумяниться и др. При этом она говорит о шести грамматических классах эмотивной лексики, среди которых субстантивные эмотивы выполняют номинативно-классификационную функцию, и в меньшей степени они отражают ситуативность эмоций, прежде всего связь с субъектом эмоций. Эмотивные глаголы и слова категории состояния функционально предназначены в первую очередь для отражения ситуативной семантики эмоций. Они – основное грамматическое средство текстового развертывания эмотивной семантики в полном объеме. Прилагательные и наречия содержат указания на эмоции в предельно сжатом виде, являются средством текстового эмотивного обогащения различных слов с предметной и событийной семантикой. Как одна, так и комплекс лексем может обозначать эмоции, осуществляя коммуникативную потребность языкового коллектива.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что вопрос изучения эмотивной лексики остается открытым, так как в связи с межпредметностью вопроса очень сложно четко очертить границы данного пласта лексики и сделать ее предметом изучения только одной науки.

Список литературы

1. Баженова, И. С. Обозначение эмоций в художественном тексте [Текст] : автореф. дис. … докт. филол. наук. / И.С. Баженова. – М., 2004. – 44с.

2. Вертинская, О. М. Эмоционально-оценочная лексика положительной направленности в прозе В. Набокова [Текст] : автореф. дис … канд. филол. наук. / О.М. Вертинская. – Калининград, 2004. – 22с.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е издание, испр. – М: Рус. Яз., 1987 – 750с.

С.В. Буренкова
Омск, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ *СТРАХА* В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (материалы к словарю)

Мир человеческих эмоций, богатый и разнообразный, привлекал и продолжает притягивать внимание представителей разных отраслей знания. Философы, психологи, социологи изучают сферу эмоционального, пытаются определить статус эмоций в ряду других психологических явлений и феноменов, таких как оценки, чувства, интенции, состояния. Не случаен и интерес лингвистов к данной проблематике, поскольку основным средством выражения эмоционального настроения человека выступает язык, обладающий весьма пестрой палитрой элементов различных уровней, служащих как для вербализации многочисленных эмоций, так и для характеристики эмоциональных состояний и чувств. Как полагает И.А. Шаронов, «без изучения “языковой картины” эмоций наши представления о них были бы неизмеримо беднее, если вообще возможны» [Шаронов 2005: 5].

Известно вместе с тем, что одни народы сдержанны в проявлении эмоций, другие предпочитают демонстрировать эмоции, используя громкость, тембр речи. Кроме общечеловеческих и национально-специфических особенностей выражения эмоций имеют место, конечно, и индивидуальные привычки и предпочтения. В рамках настоящего исследования решающее значение имеет тот факт, что в описании эмоционального настроения разные языки обнаруживают более или менее существенные различия, обусловленные спецификой языковой и концептуальной картины мира, отличительными характеристиками национального характера и менталитета.

Так, контрастивное описание русского, немецкого и английского коммуникативного поведения показывает, что коммуникативная эмоциональность русских в целом на порядок выше немецкой. У русских отмечаются довольно низкий уровень эмоциональной сдержанности при высокой искренности коммуникативных эмоций, стремление к выражению негативных переживаний. Немцы эмоционально сдержанны, но далеко не искренни в проявлении коммуникативных эмоций. И в этом случае немец руководствуется общепринятыми нормами, предписывающими необходимость демонстрировать положительные эмоции, недопустимость высокоэмоционального разговора и важность таких качеств, как спокойствие, уравновешенность [Прохоров 2006: 263].

Одно из первых эмоциональных переживаний, требующее пристального внимания, – это чувство *страха*. Выбор данного эмоционального состояния продиктован

значимостью названного феномена для немецкой истории и культуры, что подтверждают многие исследователи, причисляющие *Angst* к ключевым концептам немецкой нации. «Немцы раздираемы сомнениями и постоянно стараются предотвратить наступление хаоса … Несомненно, Германия – страна, где правит Страх (Angst). … Именно страх движет немцами в их стремлении все упорядочить, отрегулировать, проконтролировать …» [Зайдениц, Баркоу 2001: 14-15].

Кроме того, объективное преобладание языковых средств для выражения отклонений от нормы (в том числе и от нормального психического состояния человека), необходимость их систематизации, которая позволит выявить существующие в социуме правила поведения, объясняют интерес лингвистов, в частности лексикографов, к изучению языкового воплощения отрицательных эмоций.

А. Вежбицкая, исследовавшая весьма обстоятельно указанный концепт, приходит к выводу о том, что эмоция страха, обусловленная, казалось бы, биологической природой человека, а не культурой, получает тем не менее специфическое концептуальное содержание в немецкой лингвокультуре [Вежбицкая 2001: 44-122]. Самобытность этого содержания детерминирована в первую очередь взаимосвязью понятий *Angst, Ordnung, Sicherheit, Geborgenheit*. Сравните: *Für Deutsche ist unerlässlich, Ordnung zu haben und in einer Welt zu leben, in der Ordnung herrscht. In der Tat ist nur die Ordnung imstande, den inneren Frieden zu sichern. Damit der Kopf ordentlich funktionieren und die Seele sich frei fühlen kann, muss der Körper in einem geordneten Rahmen leben”* [Вежбицкая 2001: 116]. Культурное своеобразие и языковая репрезентация концепта Angst получили в работах А. Вежбицкой широкое освещение.

Следует подчеркнуть, что как русские, так и немецкие лексикографы отнюдь не единодушны в том, какое место, в рамках какого лексического множества должно отводиться понятию Angst/страх. Безусловно, это предопределено теми конкретными лексикографическими задачами, на решение которых нацелен каждый словарь [Буренкова 2006: 8-17].

Тем не менее важно указать на общий недостаток немецких идеографических словарей: номинации страха и сопутствующих ему характеристик, равно как и другие лексические единицы, представленные в словарях списком, едва ли понятны во всех своих оттенках изучающему немецкий язык как иностранный. К примеру, лексемы *Angst (die)* и *Furcht (die)*, хотя и используются в обиходном языке как синонимы, обнаруживают некоторые семантические особенности: *Angst* – это ничем не обоснованное чувство, в то время как *Furcht* предполагает наличие объекта,

вызывающего страх. В качестве синонима к *Furcht* употребляется лексема *Bangigkeit (die)*.

Подача номинаций страха в алфавитном порядке лишена всякой целесообразности уже потому, что чувство страха получает в лексике языка некую градацию по степени интенсивности: *Schock (der), Bestürzung (die), Grauen (das)*. Оно может перерасти в непреодолимый страх, приводящий порой к необдуманным действиям: *Panik (die), Entsetzen (das), Terror (der), Graus (der), Phobie (die; Med.), Todesangst (die; emotional verstärkend), Heidenangst (die; ugs., emotional verstärkend).*

Описываемое эмоциональное состояние бывает кроме того непродолжительным, вызванным внезапной опасностью: *Schreck (der), Panik (die), Schauder (der; geh.).* Это состояние сопряжено с явной или неясной угрозой, наказанием, испытанием. Анализ толкования и словоупотребления лексем позволяет выявить указанные нюансы: *bodenlose, panische Angst beschleicht; die Furcht vor dem Tode; aus Furcht vor Strafe; vor einer Prüfung, Entdeckung eine Heidenangst haben; Lampenfieber haben [bes. vor einer Prüfung, vor einem öffentlichen Auftreten]; einen Horror /ugs., emotional verstärkend/ vor etw., vor bestimmten Leuten haben* etc. Человек испытывает давящее, мучительное, парализующее чувство, которое охватывает его, нападает на него, овладевает им: *eine wachsende, würgende Angst befällt, quält jmdn.; lähmende Furcht ergriff sie; lähmendes Entsetzen befiel sie; ein leises Grauen erfasst, überläuft jmdn.* usw.

От сильного чувства страха следует отличать опасение, тревогу, напряженность, беспокойство: *Befürchtung (die), Besorgnis (die), Sorge (die), Unruhe (die), Beklemmung (die), Einschüchterung (die)*, а также робость, пугливость, неуверенность: *Befangenheit (die), Scheu (die), Schüchternheit (die), Bedenken (das), Zweifel (der)* usw.

Как видно из приведенных выше примеров, характеризуемые чувства и состояния могут быть детерминированы как определенными, реальными сущностями, так и вселяющими страх образами: *Gespenst (das), Schreckgespenst (das), Werwolf (der), Schreckensbild (das), Popanz (der; abwertend), ♦ der Böse/schwarze Mann (Schreckgestalt für Kinder)* usw. Очевидно, что представление анализируемых лексических единиц в словаре единым списком при отсутствии необходимого комментария не информативно.

Испытывая чувство страха, опасаясь чего-либо (*sich ängstigen, fürchten /sich/, befürchten, gruseln /sich/, bangen /geh./*), человек дрожит, впадает в замешательство: *ein angstvolles Schaudern ergriff sie; vor Angst schlotterte sie am ganzen Leib; ihre Hände zitterten; er stutzte einen Augenblick lang; sie soll nicht zagen (geh.)* usw. Характерными признаками страха являются ощущение температуры (холода или тепла) – *бросает то в жар, то в холод*; ощущение боли – *страх пронизал душу*; ощущение напряжения,

неподвижности – *окаменеть от страха* [Васильева 2005: 70-71]. Сравните в немецком языке: *mir brach der Angstschweiß aus; starkes, heftiges Herzklopfen bekommen; der Schreck fuhr ihm in die Knochen; ♦ jmdm. läuft eine Gänsehaut über den Rücken (ugs.); ♦ weiche Knie (ugs.) bekommen, haben*; *♦ wie angewurzelt stehen bleiben; sie war bleich wie der Tod; sprachlos vor Schrecken sein; er war stumm vor Schreck* usw.

Несмотря на обусловленную рамками статьи краткость, рассмотренные в ней примеры позволяют требовать от лексикографов особого внимания к номинациям, обладающим семантическими тонкостями, нетипичными для другого языка коллокациями, ассоциациями, прагматическими особенностями. Культурологическое основание феномена *Angst*, получившее обстоятельный анализ в лингвистической литературе, заслуживает упоминания и в словарях. Возможно, именно национальной спецификой объясняется существующее в немецком языке номинативное разнообразие данного феномена, что подтверждает и немецкая народная мудрость: *Die Angst hat tausend Namen*.

Список литературы

1. Буренкова, С. В. Структурные и содержательные аспекты идеографической лексикографии [Текст] : монография / С.В. Буренкова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – 166с.
2. Васильева, Е. А. Язык чувств и модальности восприятия: элементы синестезии в образном обозначении эмоций [Текст] / Е.А. Васильева // Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. / Под ред. И.А. Шаронова. − М.: РГГУ, 2005. − С. 62-73.
3. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева.– М.: Языки славянской культуры, 2001.– 272с.
4. Зайдениц, Ш., Баркоу, Б. Эти странные немцы [Текст] / Ш. Зайдениц, Б. Баркоу; пер. с англ. И. Мительман // Сер. «Внимание: иностранцы!» – М.: Эгмонт Россия ЛТД, 2001.– 72с.
5. Прохоров, Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328с.
6. Шаронов, И.А. Эмоции в нашей жизни и лингвистике [Текст] / И.А. Шаронов // Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. / Под ред. И.А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2005. – С. 5-6.
7. Bulitta, E. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme [Text] / E. Bulitta. – 4. Auflage. – F/M: Fischer Verl., 2007. – 968s.
8. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen [Text] / F.Dornseiff. – 8. Auflage. – Berl., N. Y.: W. de Gruyter, 2004. – 933s.
9. Schemann, H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten [Text] / H.Schemann. – Stuttgart, Dresden: Klett Verl. für Wissen und Bildung, 1991. – 428s.

Г.Х. Бухарова
Уфа, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (на материале эпоса «Урал-батыр»)

В тексте можно выделить два универсальных уровня: *информативно-смысловой* и *прагматический*.* Эти уровни можно рассматривать в *лингвистическом аспекте* (с точки зрения речевой манифестации и материализации) и *экстралингвистическом* (с точки зрения стоящей за текстом действительности и языковых личностей автора и читателя, их первичной и вторичной коммуникативной деятельности) [Болотнова 2007: 239]. Прагматика текста рассматривается как часть *коммуникативной модели,* описывающей отношения между текстом и другими субъектами литературного процесса: *автором* (адресантом текста), *читателем* (адресатом текста), *языком* (использованной автором для создания текста системы знаков) и *реальностью* (миром фактов, получившим отображение в тексте). Как видно, одни из этих явлений относятся к категории сущностей, другие имеют знаковую природу. А поскольку отношения типа «знак — не-знак» в логике называются *функциями,* теория текста, рассматривающая прагматику текста как одно из проявлений его функциональной природы, называется *функционально-прагматической* [Лукин 2006: 33]. Если до настоящего времени под лингвистической прагматикой понимали только изучение функционирования языковых знаков в речи, а также исследование связи между речевым актом и значением языковых знаков, то в современной лингвистике под ней понимается когнитивное, социальное и культурное исследование языка и коммуникации. Понимание текста зависит от контекста в самом широком смысле слова, т.е. от речевой ситуации, от фонда знаний говорящего и слушающего, от их целей и стратегий поведения в данный момент.

*Прагматика** (от лат. pragma — практика, гр. pragma – дело, действие) — отношения между знаками языковой системы и ее «пользователями», складывающиеся в процессе практического использования системы.

Рассмотрение фольклорных текстов в функционально-прагматическом аспекте, их анализ как речевых действий, регулирующих определенную практическую деятельность, требует выяснения и описания социального, ментального и собственно коммуникативного контекстов, в рамках которых осуществляется фольклорная акция. При таком подходе фольклорное высказывание можно проанализировать в следующих аспектах: в отношении к социальной ситуации, вызвавшей к жизни данное высказывание; в отношении к сообщаемому в высказывании факту; в отношении к

результатам данного высказывания, или к ответной реакции слушающего; в отношении к используемым для создания данного высказывания языковым средствам.

Если прагматический уровень художественного текста понимается как способность вызывать эстетический эффект, предусмотренный интенцией автора, его коммуникативной стратегией и эстетическим отношением к действительности [Болотнова 2007: 242], то в изучении фольклорного текста все больше внимание уделяется его обрядовой и магической стороне, выяснению его происхождения и функционирования в обрядовом контексте. Если до недавнего времени фольклористы в своих интерпретациях опирались, прежде всего, на литературоведческий анализ, ставя во главу угла эстетическую природу текстов, рассматривая их как отражение мифопоэтического освоения действительности, и фольклорные тексты были представлены как примитивная «зачаточная» форма литературы, форма искусства, то в последнее время в изучении фольклорного текста наметился коренной поворот к изучению его функциональной природы, его прагматики в обрядовом контексте. В настоящее время бытует мнение о том, что рассмотрение фольклора как поэзии или как формы искусства, не соответствует формам архаичного сознания: он носил не созерцательный, а прагматический характер. Возможно, позже, в связи с утратой мифологического смысла, и с усилением познавательных, эстетических функций таких произведений постепенно складываются каноны собственно фольклорного дискурса. Как известно, в основе фольклорных текстов лежит художественно освоенное событие. В них художественно-эстетическое отображение мира развивается до уровня искусства слова, и фольклорный текст гармонично вписывается в общую художественную картину мира народа: он становится способным вызывать эстетический эффект, предусмотренной интенцией коллективной языковой личности (народа), их коммуникативной стратегией и эстетическим отношением к действительности. И в эпосе «Урал-батыр», который относится к наилучшим образцам поэтического творчества в башкирском фольклоре, реальная или ирреальная действительность, мифологические образы, как положительные, так и отрицательные, описаны на уровне искусства слова, и в силу этого текст эпоса несет огромный эстетический заряд, оказывает воздействие на ум и сердца читателя, т.е. на его интеллектуальную и эмоциональную деятельность. В эпосе представлены яркие, впечатляющие образы Хумай и Айхылу, Урал-батыра и боевого небесного коня Акбузат и т. д. Божественная красота девушек, красота боевого коня, душевная красота этического героя Урал-батыра, также уродливость царя Катила, несущего людям смерть, безобразность старушки и вечно старого и вечно живого старика, испившего воду из Живого родника и познавшего трагедию бессмертия и в

результате этого осознавшего смысл жизни, описаны мастерски. Эстетический уровень текста эпоса создается при помощи экспрессивных, эмоционально-оценочных, стилистически-окрашенных языковых средств. Эстетическое воздействие текста эпоса также связано с его образностью и эмотивностью. Образность достигается способностью текста создавать различные представления о реалиях ирреального (мифологического) и реального миров с позиций определенного эстетического идеала, а эмотивность создается путем описания чувств героев, показа их внутреннего мира, эмоционального состояния. Таким образом, благодаря вышеописанным лингвистическим и экстралингвистическим средствам текст эпоса «Урал-батыр» оказывает сильное эстетическое воздействие на адресата, вызывая его ответную лирическую эмоцию.

Однако в корне эпос имеет мифо-ритуальное, обрядовое происхождение и носит характер коллективного творчества, т.е. принадлежит сознанию всех членов архаического общества. Изучение архаического фольклорного текста «Урал-батыр» требует особого подхода. Чтобы вписать его в дискурс культуры, обусловившей его появление, нужно расширить рамки лингвистического анализа, выделить предтекстовые пресуппозиции, важные для формирования концептуального пространства текста, обратившись к данным истории, этнографии, философии, психологии, фольклористики и т. д. Как известно, формирование структуры и семантики фольклорных текстов уходит корнями в далекое прошлое, они – продукт ранних форм сознания. В фольклорном тексте содержатся смыслы, зависящие от отношений и свойств традиции – структур сознания, породивших тексты. Поэтому исследователей интересуют в таких текстах не только элементы языковой семантики, но и аналоги категорий человеческого сознания, представляющие большую ценность для когнитивно-дискурсивной парадигмы описания языка. Вследствие этого перед нами встает задача – проникнув к сфере народного сознания, народного миропонимания в языковой форме, реконструировать концепт текста – прагматико-семантическое ядро, глубинный смысл, формируемый функцией текста – и тем самым выяснить особенности концептуализации действительности, которые достигаются на основе привлечения так называемых фоновых знаний, составляющих культурный контекст.

Функция текста определяется как его социальная роль, способность обслуживать определенные потребности создающего текст коллектива. При этом функция текста рассматривается с точки зрения той культуры, в которой он создавался. Текст способен реализовать свои функции только благодаря дискурсу. Поэтому для дискурса важна функция текста. Прагматический аспект оказывается чрезвычайно важным при классификации фольклорных произведений. Один и тот же текст может

актуализироваться по-разному. Как отмечает С.Н. Смольников, текст лирической песни выполняет разные функции, будучи включенным в структуру свадебного обряда, или исполняемым со сцены, или помещенным в фольклорный песенный сборник [Смольников 2000: 34]. Следовательно, функция не является постоянным признаком текста. Это категория дискурса.

Возможно, текст эпоса «Урал-батыр» первоначально возник и актуализировался в рамках обрядовой практики народа как реакция на определенную социальную ситуацию, как фольклорно-обрядовый дискурс. В архаичном обществе фольклорный текст, возникнув как знак, как реакция на ситуацию, преследовал весьма конкретную цель – обеспечение благополучного существования людей в этом мире. Конкретность архаичного сознания диктовала сугубо прагматическое отношение к действительности. Поэтому в изучении фольклорного текста его прагматико-семиотическая функция выступает определяющей и задает направление и ракурс исследования. Башкирский эпос как фольклорный текст, имел сугубо прагматическую направленность. Существуя в рамках ритуала и являясь манифестацией одного из множества кодов культуры, актуализируемых в обряде для достижения желаемой цели, он опирался, прежде всего, на ритмику текста, которая усиливала уровень его восприятия, оказывала эффективное воздействие не только на людей, но и на окружающую человека действительность, на мир. На структурном, на фонетико-интонационном и морфологическом уровнях текст эпоса «Урал-батыр» представляет собой серию повторений. Какова же их функция в тексте? Связь эпического текста с обрядом позволяет рассматривать его как знак, как магическое средство воздействия на мир, на окружающую действительность. Известно, что большинство молитв и мантр в различных историко-культурных традициях опираются на этот ритмо-фонетический воздействующий эффект. В заговорах повторы являются одним из главных средств словесного колдовства. В древнеегипетских «Текстах пирамид» повторы слов служили усилению магического эффекта. Поэтому при исследовании текста его прагматико-семиотическая сторона является обусловливающей ракурс наблюдений над ним.

Повтор в фольклорных текстах (в текстах космогонических мифов, заговорах) рассматривается в качестве своего рода «повторения» этапов сотворения мира, воспроизведения акта творения. По мнению А.К. Байбурина, фольклорный текст изофункционален обряду, суть которого в репродукции первопоступка, ориентации на повторное творение действительности [Байбурин 1993]. В эпосе «Урал-батыр», где описывается время «первотворения» современного состояния физического и духовного мира – ландшафта, рельефа и всей природы и культуры (ритуал, обряд, этические

параметры), т.е. весь процесс создания мира, произнесение самого текста непосредственно могло отождествляться с процессом сотворения мира, сам акт произнесения мог совпадать с актом творения. В рамках обрядового текста этот прием должен был эффективно воздействовать на окружающую действительность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что текст эпоса «Урал-батыр» на всех своих уровнях (в речевой организации) выражает идею творения. Повтор в эпическом тексте «Урал-батыр» является не только средством ритмофонетической организации текста и украшением речи, создающей его мелодику, но связан также со спецификой жанра *эпического кубаира (эпоса)*, прагматикой обрядового текста и имеет явный знаковый характер. Обряд был нацелен на достижение какого-нибудь результата, то есть воздействия на действительность. Чтобы эффективно воздействовать на окружающий мир, текст эпического кубаира на всех своих уровнях (в речевой организации) должен был обладать и особым речитативным характером произнесения, и особой лексико-семантической структурой, и особой грамматикой как отточенным средством оптимальной передачи информации. Речевая организация текста эпоса «Урал-батыр» связана со спецификой жанра кубаир, прагматикой обрядового текста и имеет явный знаковый характер. Вследствие этого сам кубаир можно рассматривать как эквивалент действия, поступка.

Список литературы

1. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре: Стуктурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] /А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 237с.
2. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста [Текст]: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520с.
3.Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа [Текст] : учеб. для филол. спец. вузов. / В.А. Лукин. – М.: Ось, 1999. – 189с.
4.Смольников, С.Н. Фольклорный текст и дискурс [Текст] / С.Н. Смольников // Текст. Культура. Социум. – Вологда, 2000. – С. 32-51.

К.Р. Вагнер
Казань, Россия

ПРЕДИКАТИВНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЛСГ «ПТИЦЫ» (на материале русских и английских метеорологических народных примет)

Целью настоящей статьи является анализ предикативной сочетаемости слов лексико-семантической группы (далее ЛСГ) «птицы» в русских и английских метеорологических народных приметах.

Существительные указанной ЛСГ активно распространяются глагольными предикатами со значением движения, наиболее частотным среди которых является

глагол «лететь / fly»: *Лебедь летит – к снегу* [Ермолов 1995: 89]; *When swans fly, it is a sign of wet weather* [Freier 1989: 88]. В русских народных приметах основное глагольное значение, в зависимости от той или иной приставки обогащается дополнительными семантическими компонентами. Например, однокоренными образованиями глагола «летать», представленными в русских народных приметах, являются глаголы «прилететь», «улететь», «полететь», «отлететь»: *Чибис прилетел - на хвосте воду принес* [Ермолов1995: 89]; *Если тетерева и куропатки улетают зимой с открытых мест и редких перелесков под защиту бора, скоро начнется пурга* [Лютин 1993:15]; *Если на Арину журавли полетят, то на Покров надо ждать первого мороза; а если их не видно в этот день, то раньше Артемьева дня (2 ноября) не ударить ни одному морозу* [Грушко 2003: 123]; *Грач отлетел – жди снега* [Копейка 2004: 112]. Общее значение движения заложено в самом глаголе «лететь», периферийные семы проявляются на синтагматическом уровне через валентность глаголов. Так, в анализируемых языках глагольный предикат «лететь/fly», в большинстве случаев конкретизируется обстоятельственными детерминантами, выраженными наречиями, либо сочетаниями существительного с предлогом, характеризующими признак «высота полета»: (высоко/низко, вверх/вниз // up/down, high/low): *Если журавли осенью летят низко – жди теплой зимы; летят высоко – холодной* [Грушко 2003: 98]; *Ласточки летают высоко – к ведру* [Даль 1992: 66]; *Ласточки летают то вверх, то вниз – жди бури* [Рыженков 1992: 95]; *When birds of long flight—rooks, swallows, or others—hang about home, and fly up and down or low, rain or wind may be expected* [Inwards 1994: 132]; *When men-of-war hawks fly high, it is a sign of a clear sky; when they fly low, prepare for a blow* [Inwards 1994: 140]; *If the lark flies high, expect fair weather* [Freier 1989: 16]. Обстоятельственные детерминанты и в русском, и в английском языках часто выражают признак направления полета: *Если кулик летит с болота на поле и неустанно кричит, то скоро пойдет дождь* [Грушко 2003: 148]; *Если грачи прямо на гнездо летят - дружная весна* [Ермолов 1995: 81]; *Журавль прилетит на наст – к неурожаю* [Рыженков 1992: 114]; *Журавли летят на север – потеплеет, на юг – возвратятся холода* [Копейка 2004: 46]; *Курица летает по избе — к морозу* [Даль 1992: 61]; *If crows make much noise and fly round and round, a sign of rain* [Freier: 39]; *If crows fly south, we'll have a severe winter* [Freier 1989: 57]; *But when the flock varies its flight to the west or east, the morrow will bring rain or snow*. [Sloane 1963: 31]; *Geese, flying directly south and very high indicate a cold winter* [Inwards 1994: 134]. В обоих сопоставляемых языках глагол «лететь» нередко заменяется синонимами. В русском частотным является глагол «порхать», в английском активно употребляются глаголы «soar» (парить), «circle»

(кружить). Например: *Ласточки порхают над водой — к дождю* [Ермолов 1995: 85]; *When swallows fleet, soar high, and sport in air, they tell us that the welkin would be clear* [Inwards 1994: 138]; *A heron, when it soars high, shows wind* [Inwards1994: 139]; *When chimney swallows circle and call, a sign of rain* [Freier 1989: 39].

С существительными ЛСГ «птицы» активно сочетаются глаголы авторизующего значения, которые характеризуют звуки, издаваемые птицами, наиболее частотным среди них в сопоставляемых языках является глагол «кричать/cry»: *Удод кричит – на дождь* [Ермолов 1995: 92]; *If peacocks cry in the night, there is rain to follow* [Freier 1989: 88]. В английском языке народных примет активно употребляются глаголы «scream» (вопить), «squawk» (орать), «squall» (пронзительно кричать): *If owls scream during bad weather, there will be a change* [Inwards 1994: 138]; *Guinea hens squawk more than usual before a rain* [Freier 1989: 39]; *Guinea-fowls squall more than usual before rain* [Inwards 1994: 134]. Частотным как в русском, так и в английском языках является глагол «реветь/bawl»: *Если гагара заревет – то перед северным ветром и дождем, а если закричит – то перед ведром* [Ермолов 1995: 89]; *When the peacock loudly bawls, soon we'll have both rain and squalls* [Inwards 1994: 135]. Активно сочетается практически со всеми существительными данной ЛСГ глаголы «петь/sing»: *If the robin sings loudly from the topmost of trees expect a storm* [Freier 1989: 38]; *If larks fly high and sing long, expect fine weather* [Inwards 1994: 139]; *Снегирь зимою поет на снег, вьюгу и слякоть* [Ермолов 1995: 92]*; Зяблик поет – на тепло* [Грушко 2003: 114].

Особенностью некоторых авторизующих глаголов является их ограниченная валентность, т.е. сочетание предикатов только с определенными лексемами. Так, в русском языке глагол «кудахтать» сочетается с существительным «куры»: *Куры кудахчут – к ненастью* [Даль 1992: 65], глагол «куковать» вступает в предикативные связи с существительным «кукушка»: *Кукушка кукует на сухом дереве – к морозу* [Рыженков 1992: 94]. Глагол «токовать» сочетается с лексемой «глухарь»: *Глухари прилетают токовать в ненастное утро – это значит погода наладится* [Лютин 1993: 21]; глагол «ворковать» – с лексемой «голубь»: *Ведро следует ждать, если голуби воркуют* [Грушко 2003: 31]; глагол «пищать» – с лексемой «синица»: *Синицы утром пищат – на ночной мороз* [Копейка 2004: 116]; глаголы «рюмит», «свирлит» – с лексемой «зяблик»: *Зяблик рюмит к дождю* [Лютин 1993: 36]; *Свирочек-зяблик свирлит к ненастью, к холоду* [Грушко 2003: 216]; глагол «каркать» вступает в предикативные связи с существительным «ворона»: *Ворона каркает – к дождю* [Лютин 1993: 39]. В английских приметах глагол «croak» (каркать) активно сочетается с лексемой «raven»(ворон): *Ravens, when they croak continuously, denote wind; but if the croaking is*

interrupted or stifled, or at longer intervals, they show rain [Inwards1994: 137]. С лексемой «воробей/sparrow» и в русском, и в английском языках активно сочетаются глаголы «чирикать/chirp»: *If sparrows chirp a great deal expect a storm* [Freier 1989: 88]; *Воробьи дружно чирикают – к теплу, зимой – к снегу* [Грушко 2003: 46]; Как в русском, так и в английском языках глагол «кукарекать/crow» сочетается с лексемой «петух/ cock»: *Петух без времени вечером кукарекает – к перемене погоды* [Рыженков 1992: 95]; *If a cock crows during a downpour, it will be fine before night* [Bowen 1978: 59]; глагол «крякать/quack» - с лексемой «утка/duck»: *When ducks quack loudly, it's a sign of rain* [Freier 1989: 17]; *Если утки плещутся в воде и крякают – к дождю; если они тихи – к грозе* [Ермолов 1995: 78]; глагол «гоготать/cackle» с лексемой «гусь/goose»: *Зимою, если гусь гогочет – к теплу, а если сидит, поджавши ноги – к холоду* [Ермолов 1995: 77]; *When geese cackle, it will rain* [Freier 1989: 17]. Помимо этого, в английских приметах активно употребляется еще один глагол, характеризующий крик гусей "honk" (кричать): *If the goose honks high, fair weather; if the goose honks low, foul weather* [Freier 1989: 16]. В английском языке глагол «whistle» (свистеть) характеризует звуки, издаваемые попугаем и малиновкой, глагол «finch» (чирикать, щебетать) – зябликом; «hoot» (ухать) – совы: *When parrots whistle, expect rain* [Freier 1989: 17]; *Robins will perch on the topmost branches of trees and whistle when a storm is approaching* [Inwards 1994: 138]; *When the finch chirps, rain follows* [Inwards 1994: 139]; *You can expect rain when owls hoot* [Dolan 1988: 205].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предикативная сочетаемость носит облигаторный характер и актуализируется в различных сочетаниях глаголов со словами ЛСГ «птицы». Причем наибольшую сочетаемостную зону составляют глаголы движения и глаголы, характеризующие звуки, издаваемые птицами.

Список литературы

1. Грушко, Е.А. Энциклопедия русских примет [Текст] / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – М.: Эксмо, 2003. – 384с.
2. Даль, В.И. Месяцеслов. Суеверия. Приметы. Причуды. Стихи. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – СПб.: Лениздат, 1992. – 96с.
3. Ермолов, А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Народное погодоведение [Текст] / А.С. Ермолов. – М.: «Русская книга», 1995. – 430с.
4. Копейка, В.И. Календарь народных примет [Текст] / авт.-сост. В.И. Копейка. – М.: ООО «Издательство АСТ», Донецк: «Сталкер», 2004. – 126с.
5. Лютин, А.Т. Народное наследие о приметах погоды: Календарь [Текст] / А.Т Лютин, Г.А. Бондаренко. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 96с.
6. Рыженков, Г.Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде [Текст] / сост. Г. Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 127с.
7. Bowen, David. Weather lore for gardeners. A guide to the accurate prediction of local weather conditions [Текст] / David Bowen. – Thorsons Publishers Limited / Wellingborough, Northamptonshire, Great Britain, 1978. – 95p.

8. Dolan, E. The old farmer's almanac book of weather lore: the fact and fancy behind weather predictions, superstitions, old-time sayings, and traditions [Текст] / Edward Dolan; foreword by Willard Scott. – Yankee Publishing Incorporated Dublin, New Hampshire, 1988. – 224p.
9. Freier, D. George. Weather proverbs [Текст] / George D. Freier. – Fisher Books USA, 1989. – 138p.
10. Inwards, Richard. Weather lore. A collection of proverbs, sayings and rules concerning the weather [Текст] / Richard Inwards. – Senate, Studio Editions Ltd, London, England, 1994. – 190p.
11. Sloane, Eric. Folklore of american weather [Текст] / Eric Sloane. – Hawthorn Books, Inc. Publishers, New York, USA, 1963. – 63p.

И.В. Винантова, Г.Р. Власян
Челябинск, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ, ВЫРАЖЕННЫХ В ФОРМЕ ВОПРОСА

Вся классическая теория речевых актов (ТРА) основывается на разграничении буквального и косвенного смысла. Прагматический анализ косвенных высказываний, предложенный Дж. Серлем [Searle 1976], следует традиции прагматического анализа П. Грайса [Grice 1975].

Вопрос – это речевой акт (РА), основной целью которого является получение от адресата неизвестной говорящему информации. Вопросительное предложение, как способ выражения вопросительности, рассматривается, главным образом, с точек зрения структурного и семантического подходов. Традиционное мнение о том, что единственно возможная цель вопроса заключается в запросе информации, дополняется новыми воззрениями, появившимися в свете разнообразных теорий, в частности, теории речевых актов (ТРА).

В ТРА речевой акт рассматривается как трехуровневое единство, включающее три вида действий: локутивное, иллокутивное и перлокутивное. Локутивный акт представляет собой совершение действия произнесения чего-либо, иллокутивный акт – совершение действия в процессе произнесения чего-либо. Перлокутивный акт – совершение действия посредством произнесения чего-либо [Беляева 1992: 5]. Иначе говоря, локутивный акт – акт говорения вообще, иллокутивные акты – различные типы речевых высказываний (вопрос, ответ, уверение и т. д.), содержание намерения говорящего, перлокутивный акт – это то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата [Остин 1986: 29]. Последователи Дж. Остина открыли новые грани речевого акта. Чрезвычайно важным стало замечание П. Грайса о необходимости разграничить то, что действительно говорится, и то, что представляет собой логическое

содержание высказывания. Речевые акты стали разделять на прямые, в которых буквальное значение оставалось основным, и косвенные, где акцент делался на вторичную функцию, скрытый смысл.

Проанализировав 500 косвенных речевых актов (КРА), извлеченных методом сплошной выборки из англоязычных художественных произведений, мы пришли к выводу, что отобранный материал может быть разделен на несколько групп, в зависимости от значения КРА. Всего было выделено 5 групп:

1. **Вопросы со значением упрека** (31 %).

Такая высокая частотность выражения упрека в КРА объясняется особенностями социокультурной организации общества и межличностными отношениями, существующими между его членами [Ларина 2005]. Большинство коммуникантов предпочитают не говорить напрямую о своем недовольстве:

Where on earth did you come from? [Golden 2005: 45]

- раздраженно упрекает гейша новую девочку в неопрятности.

Конструкции с отрицательным компонентом (встретились в более чем 38% случаев) придают вопросам-упрекам оттенок назидания:

Haven't you noticed anything? [Amis 2002: 122].

2. **Вопросы со значением предложения и совета** (25, 25 %).

Вопросы рассматриваемой группы чаще всего общие и специальные. Это объясняется тем, что, предоставляя что-либо на обсуждение как возможное, давая совет о том, как поступить, человек ожидает от реципиента определенной реакции, которая легче всего реализуется в виде ответа именно на эти два вида вопроса:

Now, what about those sandwiches? [Lewis 2000: 208]

- предлагает один из героев перекусить.

Отрицательный компонент в вопросах-предложениях (советах) делает анализируемый материал менее категоричным и, в некоторых случаях, более вежливым:

Can't Mrs. Welch throw any light on the matter? [Amis 2002: 111]

- предлагают миссис Уэлч прояснить сложившуюся ситуацию.

3. **Вопросы со значением просьбы** (17,5 %).

Вторичная функция данного РА представлена в намерениях адресата призвать коммуниканта удовлетворить нужды и желания. Так как просьба предопределяет будущее действие человека, то есть, ограничивает его свободу, одной из стратегий реализации просьбы является намеренная неясность, вуалирование смысла [Карасик 1992: 76]. Тем не менее, нередко для выражения просьбы используются простые полные

предложения (91 %) для того, чтобы собеседник смог догадаться об интенции адресата и в итоге выполнил задание:

Dixon, can I have a word with you? [Amis 2002: 95].

Модальные глаголы и отрицания существенно смягчают просьбу, благодаря чему собеседник с большей охотой может ее выполнить:

Mister, won't you please throw us down some coal? [Dreiser 2004: 29].

4. **Вопросы-приглашения** (13,75 %).

Большая часть (85 %) вопросов со значением приглашения выражена в форме общего вопроса. Такая высокая частотность является оправданной – приглашая, человек хочет знать, примет ли коммуникант приглашение. С помощью общего вопроса легче всего получить положительный или отрицательный ответ:

Do you want a lift? [McNicholl 2004: 5].

Интересно заметить, что из дополнительных компонентов наиболее частотным является использование обращений, что делает приглашения более направленными:

Won't you come, Jennie? [Dreiser 2004: 234].

5. **Риторические вопросы** (12,5 %).

Толкование риторического вопроса остается сложным и противоречивым, однако признано, что в таком вопросе аффективная сторона сообщения доминирует над логической. В художественной литературе риторический вопрос может заключать в себе определенный прагматический эффект. Вопросительные конструкции используются для придания высказыванию различных эмоциональных оттенков: удивления, отчаяния, тревоги и др.:

"What have I to do with it?" – she said to herself. "What have I to do with all this? Even a child I am going to have!" [Atwood 2006: 87].

Дополнительные компоненты в риторических вопросах практически отсутствуют. Это происходит в результате того, что в большинстве случаев адресант вопроса совпадает с адресатом, то есть, отпадает необходимость церемоний.

Список литературы

1. Беляева, Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык [Текст] / Е.И. Беляева. – Воронеж. Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
2. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М. Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
3. Ларина, Т.В. Вежливость в сознании и коммуникации: межкультурный аспект [Текст] / Т.В. Ларина // Международный сборник научных трудов "Актуальные проблемы коммуникации и культуры - 2". – Пятигорск, 2005.
4. Остин, Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Вып 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22 – 31.
5. Amis, K. Lucky Jim [Text] / K. Amis. – Arden, 2002. – 304 p.
6. Atwood, M. Surfacing [Text] / M. Atwood. – Virago, 2006. – 188 p.

7. Dreiser, Th., Jennie Gerhardt [Text] / Th. Dreiser. - Philipp Reclam, 2004. – 284 p.
8. Golden, A. Memoirs of a Geisha [Text] / A. Golden. – Vintage, 2005. – 503 p.
9. Grice, H.P. Logic and Conversation [Text] / H.P. Grice, P.Cole, J. Morgan. – New York: Academic Press. Vol.3: Speech Acts, 1975. – P. 41 – 58.
10. Lewis, C.S. The Complete Chronicles of Narnia [Text] / C.S. Lewis. – Harper Collins Publishers, 2000. – 524 p.
11. McNicholl, D. A Son Called Gabriel [Text] / D. McNicholl. – CDS Books, 2004. – 346 p.
12. Searle, J. Inderect Speech Acts [Text] / J.Searle. – Syntax and Semantics, vol. 3, 1976.

С.Г. Виноградова
Тамбов, Россия

ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ПО ТИПУ «ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ» → «СВОЙСТВО»

В соответствии со своей системной грамматической категоризацией английские экзистенциальные глаголы формируют кластерную категорию, одной из составляющих которой является группа процессуальных глаголов, реализующих наиболее существенные (прототипические) признаки категориального значения процессуальности.

Анализ примеров функционирования английских процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте на материале произведений английской и американской лирики XX века позволяет говорить о способности рассматриваемых языковых единиц актуализировать несвойственные им категориальные признаки в результате перекатегоризации (погашения системного значения глагола и образования нового посредством реализации прототипических признаков другой категории [Болдырев 2000: 34-35]).

В стиховой речи значение слова формируется на уровне стиха/ стихов, связанных переносом или линейной последовательностью, которую условно можно обозначить как предложение-высказывание, и на уровне целого текста стихотворения. Принимая во внимание данное обстоятельство, исследование категориальных значений английских процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте осуществлялось с учетом двух видов факторов – сентенциональных, влияющих на значение слова в рамках предложения-высказывания, а также текстовых, отражающих особенности функционирования языковых единиц в произведениях стиховой речи. Помимо этого, в ходе изучения семантики рассматриваемых глаголов в поэтическом тексте не

исключались способы языковой репрезентации пропозициональной модели ситуации существования или фрейма «экзистенциальность».

Исследование показало, что перекатегоризация английских процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте складывается по типу «процессуальность» → «свойство». Данный категориальный переход означает, что системное категориальное значение процессуальности, реализуемое изучаемыми глаголами на уровне линейной последовательности, преобразуется в категориальное значение свойства на уровне текста лирического произведения. Актуализация значения свойства определяется реализацией глаголами признака генерализованной активности субъекта при погашении признаков процессуального значения. Механизмами перекатегоризации служат контекстуальная синонимия, лексико-категориальные и лексико-семантические соотношения слов, обеспечивающие действие текстового фактора концептуальной аналогии между составляющими стихотворения.

Следует также добавить, что явление перекатегоризации английских процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте свидетельствует о рассогласованном действии сентенциональных и текстовых факторов. Когнитивным основанием осмысления глагола, выражающего событие-процесс как глагола, выражающего событие-свойство, является переструктурация фрейма «процесс» во фрейм «свойство».

Перекатегоризация по типу «процессуальность» → «свойство» наблюдается, например, у глагола *appear* в стихотворении канадской поэтессы Н. Берк «Mirrors»:

convex, concave,
distorting, magnifying,
hall of mirrors, dresser mirrors,
plate glass windows that give reflection
everywhere one passes – mirrors –
she always glances, checks her image there
not vanity, oh, no, not vanity
but simply an attempt to be sure
she still exists, has a reflection
reflecting glass is necessary
when your image does not appear
in the eyes of anyone else [Берк 2000: 34].

В произведении «Mirrors» *appear* функционирует в последовательности *when your image does not appear,* синтаксические рамки которой имеют продолжение в следующем

стиховом ряду (*in the eyes of anyone else).* Данная последовательность в языковом плане репрезентирует такие компоненты фрейма «экзистенциальность», как субъект, экзистенциальный предикат, место. При этом глагол *appear* актуализирует категориальное значение процессуальности за счет реализации основного признака категориального значения процессуальности, псевдоактивности субъекта, на что указывают лексическая семантика глагола, отражающая концепт «process», непассивная форма неопределенного настоящего у *appear (does not appear),* непрототипический характер субъекта, выраженного неодушевленным существительным, и непереходная конструкция последовательности.

Осмысление авторской интенции «Mirrors» наводит на размышления о возможном изменении категориального значения *appear* на уровне текста лирического произведения. В стихотворении речь идет о том, что образ женщины, отраженный в зеркале, может быть единственным индикатором ее существования. Так, в трагическом тоне обыгрывая типичную бытовую привычку женщин часто смотреться в зеркало, Н. Берк нетрадиционно раскрывает тему одиночества представительниц слабого пола.

Для того чтобы определить значение *appear* на уровне текста, важно проследить связи субъекта *image* и предиката *does not appear* с другими элементами стихотворения. В рамках статьи обратимся к описанию наиболее существенных связей подобного рода.

Слово *image* вступает в ассоциативные отношения с группой слов *convex, concave, distorting, magnifying*, объединенных по лексико-морфологическому и лексико-синтаксическому признакам на основе повтора части речи (прилагательного) и функции (определения). *Image* и языковые единицы *convex, concave, distorting, magnifying* концептуально связаны как «отраженный образ» и его «свойства», зависящие от особенностей зеркала. В то же время, ассоциативность *mirror* и ряда *convex, concave, distorting, magnifying* базируется на схеме «инструмент отражения» ↔ «свойства» Следовательно, *image* и *mirror* соотносятся как «отраженный образ» и «инструмент отражения», обладающие определенными свойствами. Функция, вытекающая из назначения зеркала быть инструментом отражения, передается фразой *give reflection* (см.: стих 4), а, судя по контексту, функция образа – *appear* (см.: стих 11), т.е. появляться, отражаться. Поэтому *give,* выступающий в роли предиката в стихе 4, и *does not appear* в стихе 11, эквивалентный *give* по лексико-синтаксическому признаку, вступают в ассоциативные отношения, что делает возможным перенос категориального значения *give* на глагол *appear*.

В стихе 4 *give* реализует категориальное значение свойства. Доказательством этого служат форма неопределенного настоящего у глагола *give*, переходная

конструкция низкой степени прототипичности, где объект *reflection* выражен абстрактным существительным, а также форма множественного числа и отсутствие артиклей у субъекта-антецедента *windows*, выраженного неодушевленным существительным. Все эти особенности последовательности 4 и ее составляющих позволяют сделать вывод о том, что *windows* лишен конкретных агентивных функций, а объект *reflection* не испытывает на себе конкретно-референтного (прямого) воздействия, т.е. *give* формирует категориальное значение свойства за счет реализации признаков генерализованной активности субъекта и обобщенно-референтного воздействия на объект. Категориальное значение *give* поддерживается и на уровне текста произведения, прежде всего, благодаря ассоциативным связям с предикатами *glances* и *checks* (см.: стих 6), обладающими тем же значением.

Поскольку *mirrors* и *windows* являются контекстуальными синонимами, а *mirrors* связано с *image* (см. выше), то генерализованная активность *windows* ассоциативно переносится на *image,* и *appear* в контексте стихотворения за счет данного субъектно-ориентированного признака приобретает категориальное значение свойства.

Еще одним существенным указанием на приобретение *appear* нового значения в контексте стихотворения «Mirrors» является связь вышеупомянутого глагола с наречием *always* (см.: стих 6), которая подчеркивает регулярный характер отсутствия образа, т.е. отсутствие образа как свойство.

Список литературы

1. Берк, Н. Избранное [Текст] / Н. Берк. – Воронеж, 2000. – 83с.
2. Болдырев, Н.Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола [Текст] / Н.Н. Болдырев // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллект. монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – С. 5–46.

Л.В. Воронина
Рязань, Россия

СИНКРЕТИЗМ СЕМАНТИКИ ФИНИТИВА

Обладая рядом отличительных признаков, в числе которых ирреальный модальный план с характерной для него интенциональностью и временной отнесенностью в будущее, вербально оформленный результат при наличии целенаправленных действий целесообразного субъекта, возможность постановки вопросов *зачем? для чего?* , – целевое значение в относительно немногих случаях способно выступать в чистом виде. Наиболее частыми являются случаи контаминации финитива с семами причины, следствия, условия, пространства, времени, образа

действия, объектности, делибератива. Это явление имеет место на уровне словосочетания и предложения, особенно при бессоюзной связи предикативных единиц в составе сложных конструкций или оборотов в составе простых.

Цель статьи – выявить причины и условия контаминации сем в рамках предложно-падежных конструкций (ППК) и предложений.

1. Цель + причина

Охват действительности категорией причинности значителен: она применима к природе и миру вообще, в то время как цель предполагает наличие целесообразных действий субъекта, приводящих к желаемому для него результату. Поэтому совмещение причины и цели ограничена миром человеческой деятельности.

Причинно-целевая контаминация имеет место на синтаксическом уровне и развивается в: 1) ППК ***«ради/ из-за, из + родит.падеж»,*** содержащих указание на мотив и цель одновременно: - *Я не подчиняюсь распоряжениям Временного правительства и* ***ради спасения*** *свободной России иду…* (Шолохов) : *Я иду (**почему**?),* ***потому что хочу спасти*** *Россию. Иду (**зачем**?)* ***спасать*** *Россию;* 2) бессоюзных конструкциях: *Она остановилась,* ***как бы желая что-то сказать…*** (Чехов): *Остановилась (**почему**?),* ***потому что хотела что-то сказать****. Остановилась (**зачем**?),* ***чтобы что-то сказать.***

В прагматическом аспекте диалогической речи причинно-целевая контаминации обнаруживает себя в тех случаях, когда на вопрос *зачем?* следует реплика-реакция семантики нужды, свойственная модальности долженствования:

- *Зачем ты шла?*

- *Тоска меня пихнула* (Шолохов). = ***Потому что тоска меня пихнула.***

Н.Д. Арутюнова полагает, что «причинный вопрос в норме не может получать целевого ответа» [Арутюнова 1992: 16], тем не менее в разговорной речи такие примеры существуют:

- *Почему же вы называете его мужем?*

- *Чтобы все видели, что он против распущенности.* (Маяковский)

2. Цель + условно-следственное значение

Контаминация целевого и условно-следственного значений имеет место в синтаксических конструкциях, построенных по модели ***«типизированная лексема + чтобы».*** При этом позицию типизированного компонента занимают лексемы со значением долженствования, образующие конструкции семантики **необходимого основания действий** (*надо, должен, нужен, стоит*) и **достаточного / недостаточного/ избыточного основания действия** (*достаточно, недостаточно, слишком*).

Деформация целевого значения в сторону условно-следственного связана с модальностью долженствования, устанавливаемой в обуславливаемом компоненте. Цель перестает быть актуальной, а конструкции собственно целевыми, развивая значение потенциальной или конвенциональной цели: - *На съезде* ***надо*** *постараться,* ***чтобы*** *было без войны дело (*Шолохов*):* ***Если на съезде постараться****, дело будет без войны.*

3. Цель + пространство

Выражать одновременно значение цели и пространства способны ППК ***«в/на + винит. падеж»:*** *Агафья отправилась* ***на богомолье*** *и не вернулась (*Тургенев*): Агафья отправилась (****куда****?)* ***на богомолье****. Агафья отправилась (****зачем****?)* ***молиться Богу****; Сашка, этой ночью придется идти* ***в разведку*** *(*Кондратьев*): Придется идти (****куда****?)* ***в разведку****. Придется идти (****зачем****?)* ***разведывать****.*

Лексическое наполнение позиций сказуемого и компонента цели ограничено. Подобные ППК возникли из сочетаний глаголов движения и отглагольных имен, обозначающих место, пункт назначения как цель движения. Рассматривая данные сочетания, Ю.Д. Апресян предполагает два пути их анализа: 1) как обозначающие направление движения или как цель, 2) как выражающие одновременно направление движения и цель [Апресян 1995: 141]. Выражать синкретичное значение цели в этом смысле способны и словосочетания с зависимым инфинитивом цели: *И после ходили* ***гулять*** *или ездили* ***кататься*** (Толстой).

4. Цель + время

ППК ***«к + дат.падеж», «на + винит.падеж»***, способны выражать цель и время одновременно: *В первый же день моего знакомства с господином Полутыкиным он пригласил меня* ***на ночь*** *к себе (*Тургенев*): Пригласил (* ***на какое время?)*** ***на ночь****. Пригласил* ***(зачем?)*** ***ночевать****; Мы все* ***к чаю*** *собрались (*Тургенев*): Собрались (****в какое время?)*** ***к чаю****. Собрались* ***(зачем?)*** ***пить чай****.*

Позиция компонента цели ограничена лексически: ее занимает существительное со значением времени или процесса, происходящего в то или иное время. Во всех остальных случаях целевое значение выступает как не осложненное другими оттенками значений.

5. Цель + образ действия

Дополнительное значение качества, способа совершения действия развивают ППК ***«на / в + винит. падеж»***. На сегодняшний день некоторые из них осмысливаются как наречные сочетания: *в отместку, в шутку, на отдых.*

Лексически ограничена позиция припредложного имени – это существительное, имеющее качественное значение, связанное с протеканием действия. Таких конструкций

в русском языке немного: *Не* ***в обиду*** *будь сказано (*пословица*): Сказано (****как? каким образом?)*** ***необидно.*** *Сказано (****зачем****?),* ***чтобы не обидеть****.*

6. Цель + объект

Совмещение обстоятельственного и объектного значений происходит как на уровне словосочетания, так и на уровне сложного предложения. На уровне словосочетания синкретичное целевое значение выражают ППК ***«за / по + винит.падеж», «за / с + творит.падеж»***: *Дурака пошли* ***по ложку****, а он тащит кошку (*пословица*); Каждый день ко мне* ***с жалобой*** *ходят (*Островский*).* Объектное значение в подобных конструкциях обеспечивает лексическая наполняемость позиции целевого компонента: это имя существительное, чаще конкретное, чем отвлеченное, – объект назначения движения агенса: ***чтобы принести*** *ложку,* ***чтобы пожаловаться****.* Исключение составляют сочетания винительного падежа с предлогом *за* – это конструкции патриотической семантики, своего рода лозунги: ***За правое дело*** *говори смело (*пословица*): Говори смело,* ***чтобы отстоять*** *право дело.*

На уровне сложного предложения контаминация наблюдается в следующих случаях: - *Я пришел с тем,* ***чтобы уговорить тебя сделать это****… (*Достоевский*): Я пришел* ***(с чем?)*** ***с уговорами****. Я пришел (****зачем?****),* ***чтобы уговорить.*** Неоднозначность конструкции придают коррелаты – предложно-падежные сочетания указательного местоимения *тот* с предлогами, способные выражать объектно-целевое значение.

Возможность контаминации обусловлена тем, что и дополнение, и обстоятельство связаны с глаголом и распространяют его. Однако в отличие от дополнений «обстоятельственные компоненты не предопределяются валентными свойствами глаголов-сказуемых, а диктуются коммуникативными установками и в той или в иной мере стимулируются семантикой предиката» [Арутюнова 1985: 9].

7. Цель + делибератив

Менее объяснимой с точки зрения семантической близости является совмещение целевого и делиберативного значений. Контаминация оказывается возможной, когда целевой компонент присоединяется к имени в составе глагольного сочетания (часто это относительно устойчивые конструкции): *Я немедленно отдал распоряжение,* ***чтобы из Салонии отправили отряд солдат (***Шолохов*): Отдал* ***распоряжение (какое?) ,*** ***чтобы из Салонии отправили****… Отдал распоряжение (****зачем****?),* ***чтобы из Салонии отправили…***

ППК ***«под + винит. падеж»*** (*поле* ***под картофель***), ***«для + род.падеж»*** (*сарай* ***для дров***), ***«по + дат. падеж»*** *(мастерская* ***по отливке пуль***) выражают значения определительное и обстоятельственно-функциональное одновременно. Делиберативный

смысл усиливается в них, когда управляющим именем становится конкретное существительное.

Контаминация финитива с другими значениями, более или менее близкими ему, представляется очевидной. Истоки синкретизма разные: совмещение целевого значения с семами обусловленности объясняется семантической близостью указанных значений; контаминация цели с пространственно-временными значениями, а также с семантикой образа действия обусловлена лексическим наполнением компонента, сообщающего о цели, в то время как на совмещение сем цели и делибератива влияет характер контактного слова (словосочетания).

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры»: Издат.фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 1. – С. 472.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык цели [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия / Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцев. – М: РАН, ин-т языкознания, Наука, 1992. – С. 14-23.
3. Арутюнова, Н.Д., Падучева, Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей / Е.В. Падучева. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16 – С. 3-36.

В.С. Воропаева
Челябинск, Россия

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ И МОТИВИРОВАННОСТИ ОДНОСЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ

Терминология – является особым пластом лексики, обслуживающая профессиональные сферы и служащая для кодирования, хранения и передачи специальных знаний. Ее цель – обеспечение коммуникации между представителями различных профессий.

Цель данной статьи – определить понятие внутренней формы и мотивированности и характер мотивированности экономической терминологии. Материалами послужили экономические термины, взятые методом сплошной выборки из толкового экономического словаря А.Б. Борисова [Борисов 2000]. В работе применялся метод компонентного анализа и анализа словарной дефиниции.

Языковая категория внутренней формы слова одна из самых древних и дискуссионных тем, затрагиваемых учеными – лингвистами и философами. Основоположниками теории внутренней формы были В.ф Гумбольдт и один из его последователей А.А.Потебня. В настоящее время проблема внутренней формы описана в работах Гака В.Г., Зализняк А.А., Никитиной С.Е., Маслова Ю.С., Голева Н.Д.и мн.др.

Современный подход к понятию внутренней формы основан на понимании данного языкового факта как связующего звена между ономасиологическими и семантическими характеристиками. Внутренняя форма слова определяется как «субъективный признак, который лег в основу наименования» [Гак 1977: 42], «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [Маслов 1998: 120].

Различные взгляды лексикологов на понятие внутренней формы слова обусловило различную трактовку данного явления. Внутренняя форма слова понимается как «буквальное значение», «этимологическая структура», «деривационное значение», «словообразовательное значение» и т.д.

Мы определяем внутреннюю форму как системную характеристику слова, семантико-структурную соотнесенность составляющих слово исходных морфем с другими морфемами данного языка, связь звуковой оболочки слова с его значением.

Внутренняя форма отличается от этимологии слова тем, что последняя представляет собой вспомогательную часть внутренней формы, архаичное значение слова, вышедшее из употребления и не существующее в непосредственной взаимосвязи с внутренней формой. По содержательности Кияк Т.Р. делит внутренние формы на имплицитные (непроизводные) и эксплицитные (производные). Слова с имплицитной внутренней формой характеризуются непроизвольностью плана выражения по отношению к плану содержания, независимостью выбора означающим означаемого. Это т.н. первозданная лексика или слова с первоначальным наименованием (например, слова с имплицитными формами – рынок, торговый дом, цена, дело, требовать, доля, собственность, земля, счет, учет, долг, корзина и пр). Данные внутренние формы обладают низким уровнем словоизменения, но высокой близостью к значению.

Эксплицитные внутренние формы дают указание конкретным признаком на единую, общую для всех коммуникантов языка форму (затрата, имущество, клад, дань, полномочия, дарение, защита, потребление, ставка, издержки, отгрузка и пр.). эксплицитной формой обладают чаще всего производные единицы, которые определяются по своему морфемному составу, в результате переосмысления исходного слова (переносного значения), либо представляет собой лексемное сочетание непроизводных слов [Кияк 1989: 18].

Отметим, что под производным словом мы понимаем единицу вторичной номинации, которая обусловлена другим знаком. Производные слова получены путем аффиксации от производящей (образующей базы) или путем звуковых чередований, а

также созданные путем конверсии или же усечения [Кубрякова 1985: 23-24; Ахманова 1969: 365].

В сравнении с терминологическими единицами, общеупотребительные слова имеют больший объем понятия, но более узкое содержание. Т.о. непроизводная лексика является более статичным фондом в плане номинации новых предметов и явлений, а также специализации значений уже имеющихся слов.

Наиболее распространенное определение внутренней формы связано с понятием мотивированности. Изучение данного языкового феномена представлено в работах Торопцова И.С., Канделаки Т.Л., Клюевой Т.В., Лотте Д.С., Ульмана С., Гринева С.В., Шелова С.Д. и мн.др. В таком ракурсе внутренняя форма предстает как осознаваемая мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова.

Между тем нельзя ставить знак равенства между внутренней формой и мотивированностью. Внутренняя форма есть имманентное свойство слова, а мотивированность – не обязательная характеристика внутренней формы. У разных авторов мотивированность понимается как знак значения (Комиссаров В.Н.), осмысленность внутренней формы (Будагов Р.А.), лексическая объективация, словообразовательное значение (Канделаки Т.Л.,Кубрякова Т.С., Улуханов И.С.), мотивация, мотивировка (Маслова-Лашанская С.С., Зализняк А.А.), показатель «оправданности»наименования (Косериу Э.). В нашем понимании мотивированность есть осознание рациональности связи значения и звучания.

Для раскрытия понятия мотивации необходимо изучение ее видов. Здесь мы опираемся на классификации мотивированности, данные Ульманом С., Кияком Т.Р., Гаком В. Г. В данной общей типологии выделяется мотивированность фонетическая (естественная, абсолютная у Гака В.Г.), морфологическая и семантическая (относительные виды). Фонетически мотивированные формы – междометия и звукоподражания, морфолого-семантическая мотивированность присуща сложным словам со значением составляющих слово морфем, а также при наличии семантических связей или переосмысления значения. Т.о. для общеупотребительных слов (и для специальных лексических единиц в т.ч.) характерна морфолого-семантическая мотивированность, например, слова без-убыточность, без-работн-ый, вы-слуга, от-грузка, рас-поряжен-ие, у-клон и пр. мотивированы значением их морфем и аффиксов, а слова счет, проводка, ценные бумаги, головной, «рука», «полный товарищ», «горячие деньги» и пр. мотивированы за счет переносного значения («рука» - должностное лицо, оказывающее протекцию кому-либо, «полный товарищ» - лицо, принимающее участие в

управлении, имеющий неограниченные управленческие полномочия и имеющий конкретные обязанности, «горячие деньги» - спекулятивные краткосрочные капиталы).

По степени содержательности выделяют полную, частичную и нулевую мотивированность в зависимости от близости внутренней формы к актуальному значению (Гак В.Г., Клюева Т.В., Кияк Т.Р.).

Существуют противоположные точки зрения на проблему мотивированности иноязычных терминов и заимствований. Одни ученые считают, что заимствованные иностранные слова лишены мотивированности, т.к. значение составляющих их морфем в конкретном языке известно только носителям исходного языка (Кияк Т.Р., Маслов Ю.С.); другие полагают, что большинство заимствований и неологизмов мотивированы в связи с явлениями развития мотивации, а также закрепления в общем лексическом фонде принимающего языка интернациональных слов и морфем (Гак В.Г., Какзенова А.К.). При этом для обозначения обоснованной связи между звучанием и значением слов разных языков можно говорить о межъязыковой мотивированности [Какзенова 2003: 72]. Так, интернациональные слова автор, агент, банк, автономия, тариф, операция, индекс, аграрный, амортизация, анализ, амнистия, гарант, банкнота, инвестиции, резервы, монополия составляют интернациональный фонд русского языка и не воспринимаются там как иноязычные слова в связи с их адаптацией. Изучение межъязыковой мотивированности является оправданным, т.к., по словам Гака В.Г., «наличие и характер мотивации становятся яснее при сравнении двух языков. Мотивированному слову одного языка в другом нередко соответствует немотивированное» [Гак 1966: 21]. Примерами таких слов могут послужить итальянские camera, del credere, banca, которые, будучи заимствованными в русском языке, имеют другое, немотивированное значение в итальянском (ср. камера – закрытое помещение, тюрьма, резиновая оболочка для колес и исходное немотивированное в итальянском комната, delcredere – экономическое поручительство – и исходное верить, полагать, banca – банк и прилавок, стойка.

Таким образом, мотивированность внутренней формы является важным в изучении сущности терминологии как в одном, так и при сопоставлении двух и нескольких языков. Определяемая как умственный образ, лежащий в основе номинации и обладающая мотивированностью внутренняя форма позволяет значительно шире раскрыть содержание терминов.

Список литературы

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М., 1969. – 303 с.

2. Борисов, А.Б. Большой Экономический Словарь [Текст] / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2000. – 893 с.
3. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
4. Гак, В.Г. Беседы о французском слове [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1966.
5. «Итальяно-русский и русско-итальянский финансово-кредитный словарь» [Текст] / Авт. Пахно В.А. – М.: Дрофа, 2004. – 968 с.
6. Какзенова, А.К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) [Текст] / А.К. Какзенова // Вопросы языкознания. – №5. – 2003. – С.72.
7. Кияк, Т.Р. Лингвистические основы терминоведения [Текст] / Т.Р. Кияк. – К., УМК ВО, 1989. – 250 с.
8. Кубрякова, Е.С. Что такое словообразование [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1977. – 156 с.
9. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – Изд-е 4. – М.: Академия, 2005. – 378 с.
10. Маслова–Лашанская, С.С. Из записок по шведской лексикологии [Текст] / С.С. Маслова–Лашанская. – Л., 1958. – 298 с.
11. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания [Текст] / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1979. – 271 с.

Н.Н. Гагарина
Воткинск, Россия

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ (КОМПОЗИТОВ) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Классификации сложных слов традиционно строятся на двух основаниях. Во-первых, учитывается принадлежность компонентов базовых словосочетаний тому или иному грамматическому классу (части речи) – тогда можно говорить об адъективном, субстантивном, глагольном словосочетании и, соответственно, композите. Это выражает общую семантику сложного слова: признаковую, предметную, процессуальную. Во-вторых, принимается во внимание характер подчинительных отношений компонентов производящего словосочетания: согласование, управление, примыкание. Однако каждый исследователь, углубленно изучающий тот или иной тип словосложения, обнаруживает такие детали и особенности отдельной группы композитов, которые позволяют представить более разветвленную систему структурно-семантических связей компонентов внутри сложного слова.

Г.Павский, характеризуя «составные» имена существительные, созданные на собственно русской почве, а не калькированные, утверждает, что «корень главного имени должен занимать последнее место, а имя подчиненное или дополнительное должно стоять впереди. Когда в состав имени войдет глагольный корень, тогда он и будет составлять главный член и станет на конце; а когда в состав имени войдут имена,

существительное и прилагательное, тогда главным, или стоящим на последнем месте, будет существительное. Наречие никогда не может быть здесь главным членом /…/» [Павский 1841: 234]. Нарушение этих моделей Г. Павский характеризует как случаи отклонения от русской словообразовательной системы и называет заимствованием путем калькирования (прежде всего, с греческих и немецких моделей). Ученый иллюстрирует данный тезис примерами: *φιλυίμια, φιλοσοφια, φιλοσοφος* и т.п. – *любочестие, любомудрие, любомудр.* Более того, исследователь не забывает отметить случаи аналогии: «Увлекшись однажды подражанием чужеземному, мы иногда в собственных своих непереводных словах превращаем порядок и говорим: *пустодом* вместо *домопуст*; а иногда допускаем и свой и чужой порядок слов и говорим: *зубоскал* и *скалозуб*, *мудролюб* и *любомудр*, *честолюбие* и *любочестие*» [Павский 1841: 234].

В.Т. Гневко в книге «Сложные прилагательные в современном белорусском литературном языке», говоря о словосложениях, образованных путем соединения нескольких прилагательных или грамматически независимых существительных, отмечает такие же семантико-синтаксические отношения, которые существуют между однородными определениями, и выделяет их четыре типа: соединительные, противительные, детерминированные и пояснительные [Гневко 1993: 6-7]. При этом исследователь утверждает, что в основах сложных прилагательных наблюдается «постоянная тенденция к обобщению, абстрагированию лексического значения отдельных компонентов основы» [Гневко 1993: 18].

С.В. Кириченко, исследующая окказиональные сложные прилагательные (ОСП), рассматривает их с позиций смысловых отношений между компонентами и на этой основе выделяет две группы сложений: 1) ОСП со смысловыми отношениями сочинения (компоненты равноправны по смыслу и в одинаковой мере определяют те слова, к которым относятся); 2) ОСП со смысловыми отношениями подчинения, предполагающие отношения конкретизации одного признака другим [Кириченко 1990: 6]. В качестве примера исследователь предлагает следующие сложения: *снежно-мглистые* дни (Ю. Нагибин, «Изба») – снежные и мглистые; *печено-яблочное* личико – личико, напоминающее печеное яблоко.

При этом семантический анализ не представляется нам достаточно полным. Например, мглистыми дни могут казаться именно потому, что они снежные, – то есть здесь как раз присутствуют те отношения детерминированности признаков, о которых говорит В.Т. Гневко. А в сочетании *печеное яблоко,* где структурно (грамматически) главным компонентом, несомненно, является определяемое существительное *яблоко*, смысловую нагрузку в синтагме *печено-яблочное личико* несет слово *печеный*, а точнее –

базовое для определяющего композита словосочетание *печеное яблоко* выступает как единый метафорический образ, который с трудом поддается разложению на составляющие. Таким образом, автор исследования, прежде всего, исходит не из характеристики внутренней взаимосвязи компонентов композита, а наблюдает и описывает сочетательные возможности ОСП с определяемыми словами.

Итак, различные словообразовательные модели, по образцу которых возникают сложные слова, выработались на основе определенных синтаксических сочетаний, трансформация которых в единый структурно-семантический комплекс происходит по внутриязыковым законам и обусловлена стремлением к словесной сжатости при увеличении смысловой емкости понятия. Номинативные инновации, возникшие как отступления от сформировавшихся словообразовательных отношений, также становятся слагаемыми языковой нормы и тем самым «потенциальной схемой порождения себе подобных» [Миськевич 1977: 57].

«Русская грамматика-80» рассматривает композиты по их принадлежности к определенной части речи и внутри каждой группы выделяет конкретные отношения между компонентами сложных слов. Так, например, сложные существительные могут быть образованы способом «чистого сложения – с интерфиксом (в том числе и нулевым)». Их словообразовательное значение определяется как «объединение значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение», и выделяется два типа отношений между основами внутри сложных слов – сочинительные (равноправные), которые называют предмет, «совмещающий в себе признаки предметов, явлений, названных мотивирующими словами», и подчинительные (неравноправные). Сложные слова с последним типом отношений содержат опорный компонент – существительное (немотивированное или аффиксальное) и предшествующую основу с уточнительной, конкретизирующей функцией [Русская грамматика 1980]. Подобным образом характеризуются все возможные типы сложных слов. Данная классификация представляется наиболее полной.

Исходя из достижений ученых, мы предлагаем упрощенный вариант системы описания композитов, на котором может основываться структурно-семантическая характеристика индивидуально-авторских композитов, причем как на синтагматической оси, так и в парадигматической плоскости. В первую очередь необходимо распределять все композиты в соответствии с их принадлежностью к той или иной части речи, поскольку каждый грамматический класс характеризуется совокупностью специфических структурно-семантических признаков. Во-вторых, внутри каждого грамматического класса следует выделять определенные модели словосложения по

опорному слову (существительное, прилагательное или глагол). На третьем этапе предлагаем устанавливать синтагматические отношения между компонентами сложного слова – сочинительные или подчинительные (согласование, управление, примыкание). И, наконец, на четвертом этапе описания композитов необходимо анализировать и прогнозировать сочетательные возможности с другими словами и парадигматические отношения друг с другом и с другими лексемами (отношения синонимии, антонимии, омоантонимии, паронимии).

В качестве примера проанализируем с этих позиций композит *полоумный.* Это имя прилагательное (обозначает признак предмета, лица), образованное на базе словосочетания *полый ум*, где главным (стержневым) является слово *ум* (имя существительное), которое и является «темой» словосочетания (дано для характеристики). Определяющим компонентом оказывается прилагательное *полый*, находящееся по отношению к определяемому существительному в подчинительных отношениях согласования. С точки зрения логики, синтагма *полый ум* представляет собою сочетание несовместимых понятий: в широком смысле – ‘пустоты, отсутствия, незаполненности’ и ‘наполненности, содержания, присутствия’. Однако язык допускает существование и функционирование алогичного сочетания в виде композита *полоумный.* Данный прием создает особую экспрессию в употреблении слова и формирует его как эмоционально-оценочное (а именно отрицательно характеризующее) по отношению к определяемому существительному, обозначающему лицо. Такова традиция употребления данного сложного слова.

Что касается парадигматических связей, то их можно обнаружить как внутри композита, так и в его отношениях с другими словами. Описание первых приводит Р.А. Будагов в «Очерках по языкознанию»: *полоумный* вовсе не означает, что у человека имеется лишь «половина ума», а означает *полый ум*, то есть пустой, ничем не заполненный. В этих случаях звуковая оболочка слова обманчива: она «заставляет» идти не по тому смысловому пути, по которому «действительно двигалось слово в своем историческом развитии» [Будагов 1953: 52]. Развитие такого представления о значении композита связано не только с процессами омонимии производящих основ (*пол-* - ‘половина’ и *пол-* - ‘полый’), но и существованием таких синонимичных определений, как, например, *недоразвитый* – с префиксом, выражающим значение неполноты, пустоты. Необходимо отметить, что качество оценки (отрицательной) определяется именно прилагательным *полый*, хотя структурно (грамматически) это зависимый компонент.

Сложные слова не являются ментально-базовыми единицами русского языка, напротив, они выражают, как правило, отношения «иноязычное слово - калька» и функционируют в контекстах, насыщенных абстрактной лексикой, например в художественных. Употребление композитов в несвойственном для них контексте бытового или нейтрального характера придает им статус эстетической категории. Изучая сложные слова в их функциональном применении, можно с уверенностью говорить о том, что они плотно вошли в русскую систему моделирования языковой картины мира. Процесс ментального впитывания структурно-семантически многокомпонентных лексем не прекращается и на современном этапе.

Список литературы

1. Будагов, Р.А. Очерки по языкознанию [Текст] / Р.А. Будагов.– М.: Изд-во АН СССР, 1953.– 280с.
2. Гневко, В.Т. Сложные прилагательные в современном белорусском литературном языке [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / В.Т. Гневко. – Минск: Изд-во Высш. шк., 1993. – 19с.
3. Русская грамматика: в 2-х томах [Текст].– М.: АН СССР, Наука, 1980. – Т. 1: Синтаксис.
4. Кириченко, С.В. Окказиональные сложные прилагательные и их функции в художественной речи (на материале советской художественной прозы) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. / С.В. Кириченко. – Алма-Ата, 1990. – 24с.
5. Миськевич, Г.И. К вопросу о норме в словообразовании [Текст] / Г.И. Миськевич // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 42–61.
6. Павский, Г. О составных и предложных именах [Текст] / Г. Павский // Филологические наблюдения протоирея Г. Павского над составом русского языка. – СПб., 1841. – 512с.

Р.Е. Гайда
Краков, Польша

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ (на примере газетной рекламы)

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими факторами:

1) изучение институциональных видов общения находится в центре внимания социолингвистики, прагмалингвистики и лингвистики текста, вместе с тем рекламный дискурс как один из видов институционального речевого общения освещен в лингвистической литературе недостаточно;

2) изучение лингвостилистических характеристик в рекламном дискурсе является одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики текста, вместе с тем специфика ее реализации в рекламном тексте не нашла отражения в работах по языкознанию.

Одной из функций языка является функция воздействия, иначе именуемая волюнтативной (Р. Якобсон, Г. Клаус, Е.Ф. Тарасов и др.); о ней и пойдет речь в данной статье.

Целью статьи является выявление лингвостилистических характеристик в рекламном дискурсе, а также реализация его в рекламе, выделение языковых средств, используемых в рекламном сообщении; выделение наиболее ярких особенностей языка рекламы.

Рекламный дискурс определяется как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечения внимания к предмету рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств[1].

Реклама является уникальным социокультурным явлением: ее формирование обусловлено социальными, психологическими, лингвистическими факторами, особенностями «эстетического сознания» социума и его культурными традициями.

Основной целью рекламы является «возбудить потребительский зуд», т.е. всеми средствами воздействовать на прагматическую сферу потребителей рекламы. Для этого наряду с другими средствами используются разнообразные стилистические приемы, целью которых является активизация интереса адресата и создание благоприятных условий для закрепления рекламного дискурса в сознании реципиента.

Стиль, как представляется, интегрирует, унифицирует средства, составляющие рекламный дискурс, и в то же время дифференцирует его, отличая от других. Стиль выступает как своего рода «цементирующий материал», так как он проявляется в отборе и аранжировке образующих элементов как на уровне собственно лингвистической структуры, так и на уровне содержания.

Частотны случаи детерминации, когда стилистически маркированный элемент употребляется на фоне стилистически нейтральных единиц и определяет стилистическую окраску всего рекламного дискурса:

Yes, it fits in your garage. No it doesn’t enjoy being cooped up.

Tahoe.

В этом рекламном тексте содержится единица фразового глагола to coop up (держать в взаперти). Этот элемент, включенный в самый конец фразы, создает более доверительную атмосферу общения людей. Такой прием помогает внушить потенциальным покупателям машины Tahoe, что это именно та машина, которую они

[1] Бове, К., Аренс, У. *Современная реклама. – Тольятти*: Издательский Дом Довгань, 1995.

хотели. Наличие единственного маркированного элемента to coop up позволяет говорить о принадлежности данного рекламного текста к разговорному стилю.

Использование маркированных языковых элементов (к которым относятся кроме фразовых глаголов также эллиптические конструкции, фразеологизмы) выводит адресата из состояния автоматизма восприятия рекламного дискурса. Адресат концентрирует внимание на выделяемых элементах, и при этом реализуется прагматическая установка адресата.

Таким образом, говоря о стиле как об «особом символически значимом свойстве человеческой деятельности, возникающим в результате выбора субъектом определенных способов деятельности в рамках общепринятых норм и несущим информацию о субъекте деятельности – о социальной роли, в которой он выступает, о его принадлежности к той или иной социальной группе, а также об определенных личностных свойствах субъекта» (где продуктом субъекта является для нас рекламный дискурс), мы отмечаем, что стилистические средства рекламного дискурса имеют ярко выраженную прагматическую направленность; эти средства определяют стилевую принадлежность дискурса, отличая его от других; они же создают совмещенность стилистических регистров, выводящую рекламный дискурс за пределы традиционной стилистической нормы.

Говоря о процессе рекламного воздействия на получателя, безусловно, необходимо отметить, что центральным его элементом является рекламное обращение. Именно рекламное обращение представляет коммуникатора его целевой аудитории, потенциальным покупателям.

Рекламное обращение можно определить как элемент рекламной коммуникации, являющийся непосредственным носителем информационного и эмоционального воздействия, оказываемого коммуникатором на получателя. Это послание имеет конкретную форму (текстовую, визуальную, символическую и т.д.) и поступает к адресату с помощью конкретного канала коммуникации.

При разработке рекламных обращений используют множество технологий. Одной из них является нейро-лингвистическое программирование (Neuro-Linguistic Programming - NLP). Данное направление прикладной психологии возникло в середине 70-х гг. в США. Его основателями стали Дж. Гриндер и Р. Бендлер. Как теоретическая концепция NLP находится еще в стадии развития, и в настоящее время нет ее общепринятого определения. Например, российский автор Л.Н.Хромов представляет NLP как «технологическую модель взаимодействия людей друг с другом на основе

познания внутреннего процесса, происходящего в человеке при воспоминании, т.е. при обращении к внутреннему опыту»[2].

Главное открытие NLP заключается в исходном положении: опыт человека состоит из зрительных образов, звуков и ощущений. В зависимости от того, какой тип восприятия преобладает, их носители также делятся на типы:

визуалы – воспринимают и организуют свой опыт и мышление в основном с помощью зрительных образов. Данный тип людей составляет примерно 80% всех людей;

аудиалы – представляют и описывают мир в аудиальных, слуховых образах (около 15%);

кинестетики – воспринимают и оценивают окружающую действительность, прежде всего с помощью ощущений и чувств (около 5%).

Эффективная коммуникация, с точки зрения специалистов NLP, предполагает диалог с получателем на его «языке». Причем само понятие «коммуникация» в данной технологии понимается значительно шире, чем та совокупность слов, которая произносится. Интересным является то, что по данным исследований, воздействия человека на собеседника определяются на 55% языком его телодвижений: позы, жестов, контактов глазами; 38% – тоном его голоса, и лишь 7% – содержанием того, о чем он говорит[3].

Практическое применение NLP также связано с двойным действием слова (эмоционально-образным и рационально-логическим). Это позволяет с помощью манипуляций со словами сформировать у человека неосознаваемое им самим позитивное и негативное отношение к чему-либо («слова-приглашения» и «слова-отторжения»).

Еще одно направление наработок NLP – использование привычных стратегий мышления людей, называемых метапрограммами. То, что не соответствует метапрограмме, независимо от сознания ее обладателя, не охватывается его вниманием. Основными метапрограммами являются: «К» и «ОТ». Первая из них означает нацеленность на успех, стремление к чему-то, вторая – постоянное стремление уйти от чего-то, преобладание мотивации избежания неудачи. И та и другая метапрограммы активно используются в практике рекламы. Так, в рекламном обращении, направленном на получателей с метапрограммой «К», можно показать преимущества, получаемые при

---

[2] Хромов, Л.Н. *Рекламная деятельность: искусство, теория, практика*. - Петрозаводск: Фолиум, 1994. - С. 158.

[3] О'Коннор, Дж., Сеймор, Дж. *Введение в нейролингвистическое программирование. Как понимать людей и как оказывать влияние на людей*. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 1998. – С. 34.

использовании рекламируемого товара. Для тех получателей, у которых преобладает программа «От», эффективней будет реклама, показывающая трудности, с которыми сталкивается потребитель, не пользующийся рекламируемым товаром.

Ярким примером использования концепции NLP в рекламе является обращение к покупателям автомобиля You've earned it. Now enjoy it Park Avenue: «Вы работали не покладая рук, настало время отдохнуть». Можно убедиться, что послание рассчитано одновременно и на визуалов, и на аудиалов, и на кинестетиков[4].

Содержание рекламного обращения определяется множеством факторов, среди которых главную роль играют цели и характер воздействия на адресата

Воздействие рекламы на получателя призвано создавать у него социально-психологическую установку (аттитюд). «Установка – это внутренняя психологическая готовность человека к каким-либо действиям»[5]. В целом можно утверждать, что реклама – это не только информация, это также психологическое программирование людей.

Уже с этой точки зрения можно выделить следующие основные уровни психологического воздействия рекламы[6]:

когнитивный (передача информации, сообщения);

аффективный (эмоциональный аспект, формирование отношения);

суггестивный (внушение);

конативный (определение поведения).

Сущность когнитивного воздействия состоит в передаче определенного объема информации, совокупности данных о товаре; факторов, характеризующих его качество и т.п.

Целью аффективного воздействия является превращение массива передаваемой информации в систему установок, мотивов и принципов получателя обращения. Инструментами формирования отношения являются частое повторение одних и тех же аргументов, приведение логических доказательств сказанного, формирование благоприятных ассоциаций и т.д.

Внушение предполагает использование как осознаваемых психологических элементов, так элементов бессознательных. Результатом внушения может быть убежденность, получаемая без логических доказательств. Необходимо отметить, что внушение возможно, во-первых, в том случае, если оно соответствует потребностям и интересам адресата, и, во-вторых, если в качестве источника информации может быть

---

[4] Мокшанцев, Р.И. *Психология рекламы*: Учебное пособие / Науч. ред. М.В. Удальцова. - М.:Инфра-М, Новосибирск: Новосибирское соглашение, 2000. – С.129 – 131.

[5] Лебедев, А.Н., Боковиков, А.К. *Экспериментальная психология в российской рекламе*. – М.: ИЦ «Академия», 1995. – С. 16.

[6] Ромат, Е.В. *Реклама*. – СПб, 2001. – С.269-270.

использован человек, обладающий высоким авторитетом и пользующийся безусловным доверием. Внушение будет эффективней при многократной повторяемости рекламного обращения.

Конативное воздействие обращения реализуется в «подталкивании» получателя к действию, в подсказывании, что он должен сделать.

Конативное воздействие выражают метакоммуникативные стратегии. Они рассматриваются как центральное звено речевой коммуникации, при помощи которой говорящий реализует свои намерения в дискурсе. Некоторые исследователи сводят стратегию к процессу выбора языковых средств, а так же тех или иных речевых действий. С когнитивной точки зрения стратегия рассматривается как глобальное представление о средствах достижения цели[7]. Оптимальное достижение цели является одним из типичных проявлений «хорошей» стратегии[8]. Вслед за А.А. Романовым под коммуникативной стратегией мы будем понимать проекцию, прогноз достижения глобальных и локальных целей с набором конститутивных действий необходимых для этого[9].

Коммуникативные стратегии выражают взаимодействие между участниками дискурса, поддерживают интерес читателя, способствуют тематическому продвижению. В дискурсе обнаруживаются реплики, которые имеют вопросительную форму, однако, их иллокутивная сила имеет иное назначение. Эти высказывания управляют тематическим развитием и, кроме того, являются важными для установления контакта и поддержания внимания. Поэтому иллокутивная функция вопросов в рекламном дискурсе направлена не на запрос об информации со стороны говорящего по поводу какого-либо факта действительности и не на выяснение его мнения. В рекламных текстах выделяются вопросы имеющие различные иллокутивные функции:

вопрос, который носит характер прямого обращения. На буклете компании Trail Blazer, на котором изображен 1 человек напротив автомобиля, представлен следующий текст:

The people inside have something you don’t: all their stuff

Рекламируется программа Graduate Development Programme, которая позволяет участникам совершенствовать профессиональные навыки, таким образом, она позволяет взлететь в карьерном росте.

вопрос-предложение:

---

[7] Водак, А. *Язык. Дискурс.Политика*. – Волгоград, 1997. – С. 53.
[8] Дейк, Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. – М., 1989. – С. 164.
[9] Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М., 1988. – С. 104.

What to earn lots of money?

(CDL –Class A Drivers Wanted)[10]

Фирме требуются на работу профессиональные водители, предложение заработать много денег с помощью вопроса привлекает внимание адресата, устанавливает более тесный контакт.

риторический вопрос:

Are you ready to step up to the plate and try a real machine?

Отказаться прокатиться на лучшем спортивном мотоцикле фирмы Aprilia невозможно, что подтверждается следующей фразой:

Once you ride it, you won't want to return it.

вопрос-недоумение:

If we're faster and cheaper than the AA or RAC why join them?

И в самом деле, почему? Недоумение позволяет более прочно установить контакт с адресатом.

Вопросы могут чередоваться с указанием на речевые действия адресата, коментарием по поводу его речевых действий. При этом происходит специфическое воздействие на сознание адресата посредством языковых выражений, организованных в соответствии с принятыми в данной культуре принципами убеждения.

Стратегия построения речевого действия базируется на гипотезе о ситуации и представлениях об адресате текста, включая такие параметры, как социально-ролевые, психологические, профессиональные и другие характеристики. На структуру речевой стратегии влияние оказывают системы ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций, устанавливающие в совокупности диспозицию личности. А. Вежбицкая указывает, что различные культуры находят выражение в различных системах речевых актов, которые кодифицированы в разных языках. Как отмечает А. Вежбицкая, широкий круг английских речевых стратегий может быть объяснен со ссылкой на высокооцениваемую личную независимость[11]. Данное положение объясняет тот факт, что для выражения просьбы или совета в английской культуре используются вопросительные формы, директивы в английском языке часто формулируются в виде псевдовопросов, как будто показывая, что адресат рассматривается как личность, самостоятельно определяющая свои действия.

В основном, рекламодатель в своей деятельности стремиться следовать аксиомам ответственности, контакта, интеракции, опираясь, таким образом, на моральные

[10] The Employment Guide. – Boston, 2003. – June 17 – June 23. – P. 3.

[11] Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1997. – С. 26.

ценности. Адресату предписывается действовать в соответствии с аксиомами безопасности, реализма, благоразумия, полагаясь на ценности утилитарного плана.

Регулирующие стратегии задают алгоритм действий покупателя, сообщают, где можно приобрести указанный товар, что нужно сделать для того, чтобы воспользоваться услугой. Следует отметить, что для английской рекламы не характерно использование директивных речевых актов, вместо них используются:

речевые акты, имплицирующие предложение совершить что-либо, например:

Earn more. Be independent. Take charge of your future. Join FedEx Ground in Warren! (Local pick-up and delivery contractor)[12]

Для того чтобы заработать больше денег и быть независимым, чтобы обеспечить себе достойное будущее, необходимо лишь обратиться в компанию FedEx Ground.

обусловленный совет или рекомендация, инфинитивные целевые конструкции, которые оставляют право решения за адресатом, например:

If you are looking for a great job that offers good wages, great benefits and a future packed with potential, then you'll fit right in at Nissan.

We are an industry leading tire retailer that specializes in tire & battery replacement. To find out more call our 24-hour, toll-free job hotline today!

Совет или рекомендация в данном случае не может быть отвергнута из-за усиления определений: не просто хорошая работа, а замечательная; хорошая зарплата, замечательная выгода. Ни зарплата, ни премии не уточняются, а в определение замечательный каждый вкладывает свое понятие.

Для того чтобы ослабить давление на адресата используются just, simply, например:

Just send off the coupon or call.

В некоторых текстах дается подробная инструкция, описывающая действия адресата, например:

Well, if you buy a Wheel Wax between 24th April and 31th May, we'll give you 20. All you have to do is simply cut out the coupon and send it to us with a SAE your receipt and product registered card and we'll send you 20[13].

Давление на адресата ослаблено словом simply. Если купить полироль, остается лишь вырезать купон и отослать его, и получить 20.

Для усиления воздействия на адресата и побуждения его к действию нередко используется вызов, например:

[12] The Employment Guide. – Boston, 2003. – June 17 – June 23. – P. 24.
[13] The Employment Guide. – Boston, 2003. – June 17 – June 23. – P. 24.

At Hertz we're so determined to offer you the best holiday deal, that if any other car rental company quotes you a cheaper weekly price – then we won't just match it, we'll beat it[14].

Данный вызов заключается в уверенности фирмы в том, что ее цены самые низкие. Адресат не сомневается, не отвечает на вызов, так как в этом нет необходимости.

Когда мы говорим о когнитивном уровне психологического воздействия (о передаче информации), необходимо введение определения понятия манипуляции. Манипуляция – способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направленно на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении. Как замечает Г. Шиллер, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться»[15].

Важнейшими мишенями, на которые необходимо оказывать воздействие при манипуляции сознанием, являются память и внимание. Задача манипулятора – в чем-то убедить людей. Для этого надо, прежде всего, привлечь внимание людей к его сообщению, в чем бы оно не выражалось. Затем надо, чтобы человек запомнил это сообщение, ибо многократно проверенный закон гласит: убедительно то, что остается в памяти.

"Аналитическое и теоретическое изучение внимания сопряжено с большими трудностями, но зато ему посвящено огромное количество опытных исследований, так что технологи манипуляции сознанием имеют неограниченный запас "раздражителей", позволяющих привлечь, переключить или рассеять внимание, а также повлиять на его устойчивость и интенсивность. Это касается всех способов подачи зрительной и слуховой информации, всех характеристик ее содержания и формы (вплоть до использования орфографических и логических ошибок как средства привлечения внимания)"[16].

Например, намеренная стилизованная деформация орфографии отдельных слов в рекламе автомобиля Riviera:

---

[14] The Guardian. – June 30. – 1995.
[15] Манипулятивные технологии в системе массовых коммуникаций // www.5ballov.ru
[16] *Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием*. – М.: "Алгоритм", 2000.

Whe wa th las tim yo reall ha fu in ca?[17].

Понятно, что для целей манипуляции одинаково важны приемы привлечения и удержания внимания на убеждающем сообщении (захват аудитории), и в то же время отвлечения внимания от некоторых сторон реальности или некоторых частей сообщения – всегда предпочтительнее не лгать, а добиться, чтобы человек не заметил «ненужной» правды.

Для успешной манипуляции вниманием важно верно оценить такие характеристики аудитории, как устойчивость и интенсивность внимания. Они зависят от уровня образования, возраста, профессии, тренировки людей и поддаются экспериментальному изучению. Не менее важна и технологическая база манипулятора. Телевидение, которое оперирует одновременно текстом, музыкой и зрительно воспринимаемыми движущимися образами, обладает исключительно высокой, магической способностью сосредоточивать, рассеивать и переключать внимание зрителя. Эффективность телевидения связана с тем, что оно мобилизует периферические системы внимания, что обеспечивает большую избыточность информации в центральной интегрирующей системе. Чем больше избыточность, тем меньших усилий требует восприятие сообщения.

В целях манипуляции сознанием приходится воздействовать на все виды памяти человека и разными способами. С одной стороны, надо, чтобы человек запомнил какую-то мысль, метафору, формулу.

Например, в рекламе Acura используется формула 1+1 =скидке в 25 %. Всегда приятно получить подарок, а если еще при этом такая большая скидка – веселей вдвойне.

One plus one

Equals 25 % off[18].

С другой стороны, бывает необходимо "отключить" краткосрочную или историческую память – они создают психологический барьер против внушения.

Рассмотрим сначала важность запоминания. Когда человек получает какое-то сообщение, его взаимодействие с памятью делится на два этапа: сначала происходит пассивное запоминание. Затем информация перерабатывается рассудком, и если она признается мало-мальски убедительной, эмоционально окрашенной и представляющей интерес, она «внедряется» в память и начинает воздействовать на сознание.

[17] Magazine Fortune. – October 30. – 1995.
[18] The Entertainment weekly. – №8. October 18. – 2002. – P. 64.

Исследователи пришли выводу: то, что в результате частого повторения прочно запоминается, действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение возражения или одобрение. Этот вывод проверен на коммерческой рекламе, ценность которой для ученых – в огромном количестве эмпирического материала. Мастера рекламы знают, что для ее эффективности неважно, вызывает ли она положительную или отрицательную реакцию, важно, чтобы она застряла в памяти. Так возник особый вид – «раздражающая реклама», подсознательное влияние которой тем больше, чем сильнее она возмущает или раздражает людей.

При передаче информации часто используются слова с манипулятивной семантикой (изменение смысла слов и понятий). Разновидностью лжи в прессе является «конструирование» сообщения из обрывков высказывания или видеоряда. При этом меняется контекст, и из тех же слов создается совершенно иной смысл. Истинный смысл можно замаскировать с помощью терминов. Это специальные слова, имеющие точный смысл, причем адресаты резко разделяется на тех, кто знает точное значение термина, и на тех, кто не знает. Но главное, что термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки.

Например, реклама Автомобиля Infiniti G35 состоит из терминов автомобильной индустрии:

Some say we outdid ourselves equipping the G35 with 260 horses, zero-lift aerodynamics' and technology like DVD navigation. Perhaps. But we've also outdone the competition. The Infiniti G35[19].

Существует правило: «Сообщение всегда должно иметь уровень понятности, соответствующий коэффициенту интеллектуальности примерно на десять пунктов ниже среднего коэффициента того социального слоя, на который рассчитано сообщение»[20].

Человек должен воспринимать сообщение без усилий и безоговорочно, без внутренней борьбы и критического анализа.

Упрощение позволяет высказывать главную мысль, которую требуется внушить аудитории, в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» – в форме утверждения. Утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения такой, какой она есть, без взвешивания всех «за» и «против» и отвечать «да», не раздумывая.

[19] The Entertainment weekly. – №678. October 18. – 2002. – P. 3.
[20] Моль, А. *Социодинамика культуры*. – М.: Прогресс, 1973. – С. 45.

В данной работе рассмотрено понятие дискурса с разных точек зрения, и сделан вывод, что дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия; дискурс уже не есть собственно речь, но скорее абстрактное понятие речи.

В словаре дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте»[21].

У нас сложилось вполне определенное понятие дискурса: дискурс не есть текст, но есть в тексте, если рассматривать последний как комплекс высказываний, т.е. речевой (или коммуникативный) акт и его же результат.

Таким образом, на основании выборочного анализа различных пониманий дискурса в лингвистике, мы можем дать дефиницию дискурсу. Дискурс – такое измерение текста, взятого как комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические идеологические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста[22].

Рекламный дискурс определяется как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечения внимания к предмету рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств[23].

Основной целью рекламы является всеми средствами воздействовать на прагматическую сферу потребителей рекламы. Для этого используются разнообразные стилистические приемы, целью которых является активизация интереса адресата и создание благоприятных условий для закрепления рекламного дискурса в сознании реципиента. Использование маркированных языковых элементов (к которым относятся сленг, эллиптические конструкции, фразеологизмы) выводит адресата из состояния автоматизма восприятия рекламного дискурса. Адресат концентрирует внимание на выделяемых элементах.

---

[21] Арутюнова, Н.Д. Дискурс //*Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136.

[22] Бове, К., Аренс, У. *Современная реклама. – Тольятти*: Издательский Дом Довгань, 1995.

[23] Мокшанцев, Р.И. *Психология рекламы*: Учебное пособие / Науч. ред. М.В. Удальцова. – М.:Инфра-М, Новосибирск: Новосибирское соглашение, 2000. – С.129 – 131.

Г.Р. Галлямова
Магнитогорск, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование категории времени обладает богатейшей философской традицией. Однако, представляя первоначально монополию философии, проблема времени с течением веков стала одной из центральных не только в естественных науках, но и гуманитарных. Что же касается «изучения лингвистического времени (=темпоральности), то – это изучение всех средств языка, используемых для раскрытия сущности реального физического времени» [Мыркин 1995: 53].

Являясь неотъемлемой частью содержательной стороны языка, время находит выражение в единицах различных языковых уровней: морфологических – в виде глагольной категории времени, лексических – в качестве слов с временным значением, синтаксических – в виде темпоральных синтаксических конструкций. Таким образом, категория темпоральности охватывает все уровни языковой системы, представляя собой единство грамматических и лексических средств выражения времени.

Рассмотрим грамматическую категорию времени глагола с точки зрения функционального подхода, который связан, прежде всего, с понятием «функционально-семантического поля» (ФСП) [Бондарко 1990]. Функционально-семантическое поле – «это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих вариант определённой семантической категории» [Бондарко 2002: 289].

ФСП темпоральности относится к ФСП с предикативным ядром, поскольку ядро, центр ФСП темпоральности образует грамматическая категория времени глагола, которая «представляет собой систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, используемых для выражения отношения действия к моменту речи или ко времени другого действия» [Бондарко 1971: 5].

Система категории времени строится на противопоставлении значений одновременности (*Praesens*), предшествования (*Perfekt*) и следования (*Futur*) действия по отношению к моменту речи. Такое время проявления действия принято называть абсолютным временем, а соответствующие формы – формами абсолютного времени. Выражение временной локализации действия по отношению не к моменту речи, а ко времени другого действия, называемое относительным временем, в немецком языке представлено посредством таких грамматических форм, как *Plusquamperfekt, Futur II*.

Ориентация на момент речи соотносится с понятием «точки отсчёта», что позволяет говорить о дейктичности глагольного времени. Точка отсчёта, или

«временной дейктический центр» как отражение внеязыкового момента речи выражена в системе временных форм глагола. «Система временных форм в составе её компонентов и в отношениях между ними – в самом факте существования форм прошедшего, настоящего и будущего времени – обнаруживает ориентацию на определённую точку отсчёта, на дейктический центр, заключённый в построении данной системы, её фокусировке. Каждая форма глагольного времени несёт в своём категориальном значении определённое отношение к этому дейктическому центру» [Теория функциональной грамматики 1990: 44].

Следует всё же отметить, что «в немецком языке, как и во многих других языках, глаголы для выражения временных отношений используются гораздо реже, чем другие средства» [Vater 1994: 23], и, так как «грамматическое время глагола или глагольной связки выражает темпоральный план содержания высказывания очень широко и абстрактно – постоянно возникает коммуникативная потребность конкретизировать время за счёт лексических средств» [Скобликова 1979: 189].

Таким образом, ядро функционально-семантического поля темпоральности, представленное грамматическими формами глагола, окружено периферийной сферой категориальных значений – «сферой лексики на службе грамматики». И, несмотря на то, что лексические средства находятся на периферии функционально-семантического поля темпоральности, именно за счёт них осуществляется временная ориентация.

Итак, основная роль в обозначении лингвистического времени принадлежит глаголу. Однако все грамматические значения могут быть с большей или меньшей точностью названы и интерпретированы при помощи лексических значений. Вряд ли вообще имеется денотат, содержание которого не может быть передано лексическим путём; более того временные формы глагола имеют ограниченные возможности, в то время как темпоральная лексика разных разрядов имеет гораздо более широкие возможности (например, бывший, нынешний, правящий, будущий президент и т.п.) [Ерзинкян 1988: 73].

Рассмотрим, как взаимодействуют между собой ядерные показатели времени (значение глагольных форм) и периферийные средства выражения темпоральности в тексте.

В предложениях без лексических показателей темпоральности основное или частное временное значение грамматической формы глагола выявляется относительно момента речи. В подобных высказываниях время референции представляет собой латентную, имплицитную величину, поскольку не имеет специальных средств выражения.

В предложениях с лексическими показателями темпоральности время референции – эксплицитная величина, которая выражается посредством обстоятельств времени. Мы вслед за Шуваевой Н.Д. считаем, что в таких высказываниях имеется три темпоральных ориентира: 1) время события (ВС), грамматически выраженное глагольной формой; 2) время референции (ВР), репрезентируемое лексическими показателями; 3) момент речи (МР). Учитывая соотношение этих трёх величин, которое позволяет определить контекстуальное время, мы можем выделить следующие типы темпоральных ситуаций:

1) Время референции совпадает с временем события, но не совпадает с моментом речи: а) Время референции и время события предшествуют моменту речи: *Die chinesische Regierung rief gestern die internationale Staatengemeinschaft auf.* В данном высказывании обстоятельство времени *gestern* и глагольная форма *rief* относят событие к прошедшему времени. б) Время референции и время события следуют за моментом речи: *In Warschau wird neue Stimmengewichtung naechstes Jahr eingeführt.* Обстоятельство времени *naechstes Jahr* и глагольная форма *wird eingeführt* относят событие к будущему времени

2) Время референции не совпадает с временем события: а) Время референции предшествуют моменту речи, а время события совпадает с моментом речи: *Vor 13 Jahren beenden die USA ihr Handelsembargo gegen Vietnam.* В данном примере временное обстоятельство *vor 13 Jahren* указывает на то, что событие имело место в прошлом, а глагольная форма *beenden* свидетельствует о настоящем времени. Под воздействием темпоральной лексики значение глагольных форм нейтрализуется в сторону прошлого. Данная ситуация типична для *praesens historicum*. б) Время референции следует за моментом речи, а время события совпадает с моментом речи: *Frankreichs Präsident Nicolas Sarkozy kommt morgen zu einem offiziellen Staatsbesuch nach Berlin.* Под воздействием темпорального наречия *morgen*, которое указывает на следование события за моментом речи, высказывание перемещается в сторону будущего, несмотря на совпадение глагольной формы *kommt* с моментом речи. Подобная темпоральная ситуация характерна для *praesens propheticum* (настоящего намерения или запланированного будущего).

Так, временные формы глаголов часто являются недостаточным средством выражения временной соотнесённости момента порождения высказывания и времени протекания события. В зависимости от темпоральной ситуации, лексические показатели могут либо конкретизировать, либо модифицировать значение глагольной формы. Таким образом, именно посредством обстоятельных слов, содержащих временные уточнители,

происходит конкретизация (абсолютная или относительная) положения события/действия во времени.

Список литературы

1. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. [Текст] / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239с.
2. Бондарко, А.В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании [Текст] / А.В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1990. – С. 6 – 21.
3. Бондарко, А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность [Текст] / А.В. Бондарко / Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под общей редакцией А.В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 72-79.
4. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка [Текст] / А.В. Бондарко. – М., 2002. – 595с.
5. Ерзинкян, Е.Л. Дейктическая семантика слова [Текст] / Е.Л. Ерзинкян. – Ер.: Изд-во Ереван. ун-та, 1988. – 172с.
6. Мыркин, В.Я. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии. [Текст] / В.Я. Мыркин. – Архангельск: ПГПУ, 1993. – 273с.
7. Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения [Текст] / Е.С. Скобликова. – М.: Просвещение, 1979. – 236с.
8. Vater, Heinz Einfuehrung in die Textlinguistik. Struktur, Thema und Referenz in Texten [Text] / Heinz Vater. – Muenchen: Fink, 1994. – 207s.

N. Gatsura
Omsk, Russia

THE EMOTIVE SYSTEM OF THE STORY "GIOCONDA'S SMILE" BY A. HUXLEY

The purpose of the given article is the analysis of the emotive system and its components in the story "Gioconda's Smile" by A. Huxley.

L.O. Butakova [Butakova 2001:13], who worked out the category of the author's consciousness as the combination of the internally structurized cognitive (semantic), semiotic, communicative, emotive structures represented in the text, considers the emotive subsystem as a part of the author's conceptual system. The intensity of such an emotive system can be defined through the quality of the specially designed for it means (lexemes, morphemes, syntactical constructions) and a number of all textual means conveying one and the same emotive meaning.

According to Babenko L.G and Kazarin Y.V [Babenko 2005: 122] the kernel of the emotive contents of the text is the combination of the dictal-emotive meanings (the level of the characters) and modal-emotive meanings (the level of the author's consciousness.)

Emotivity of the text comprises all emotive meanings, explicit and implicit, dictal and modal.

The author's superevaluation is a domineering factor in the text, and it binds all the semantic components of the text together as well as the emotive meanings, providing the integrity of the contents of the text.

Let us analyze the story of A. Huxley “Gioconda’s smile” with the purpose of tracing what the domineering emotion is and with the help of what means it is expressed.

The emotive function of the text is expressed both through the narrator and the character’s words.

The author uses traditional metaphors and symbols together with creating his own unique means as the result of associations occurred to him.

Unlike poetical works of A. Huxley, which are completely autocommunicative and aimed at self-expression, in the stories of his early years belonging to the gold decade of his career as a writer bright images of the characters are created, which is not the key feature of his "intellectual" novels).

In the story under analysis the author creates the bright image of the spinster Ms Spence, who tries to allure and trap Mr. Hutton, in which she finally succeeds.

The title of the story itself is an intermedia insertion and echoes the well-known picture of Leonardo da Vinci, bringing about the anticipation of some unsolved mystery and enigma. This initial image inspired by the picture is replaced by quite the opposite - the barrel which is about to fire:

And there was something enigmatic about her. *Mysterious Gioconda*. The smile grew intenser, focused itself, as it were, in a narrower *snout.*

Throwing a rapid Gioconda at him.

……that every woman’s small talk was like a *vapour hanging over mysterious gulfs*. With Janet Spence it was somehow different. Here one could be sure that there was some kind of queer face *behind the Gioconda smile and the Roman eyebrows*. The only question was: What exactly was there? Mr. Hutton could never quite make out.

She *fired off at him.*

Miss Spence leaned forward and *shot a Gioconda* in his direction. “Remember, I expect you to come and see me again soon.”

The white *aimed* face.

As for the compositional design of the story it is obvious that the interior monologue and descriptions prevail, thus giving the reader full detailed images of Ms Spence and Mr. Hutton. Even the first description of Ms Spence makes the reader be alert as it contradicts the associations connected with Gioconda’s smile.

The verbs Huxley uses to describe her smile are not accidental. The author tries to show her smile was unnatural and artificial, the only thing that resembled da Vinci's Gioconda was the mystery behind it, the mystery Mr. Hutton will have to face and suffer from later. Huxley uses the linguistic means in a special way, thus he deliberately combines diametrically opposite attributes:

She smiled on in silence while Mr. Hutton shook hands; *that was part of the Gioconda's business.*

They were fine eyes, but unchangingly grave. The *penholder might do its Gioconda trick*, but the eyes never altered in their earnestness. Above them, a pair of boldly arched, heavily penciled eyebrows lent a *surprising air of power, as of Roman matron*, to the upper portion of the face. Her hair was dark and equally Roman; *Agrippina* from the brows upward.

Julia Agrippina, a sister of Caligula and the wife of the emperor Claudius, was the mother of the Emperor Neron. The historians characterize her as an ambitious, merciless and powerful woman. She was accused of poisoning Claudius so that Neron could become a ruler. A. Huxley uses the precedent situation with Agrippina deliberately as we come to know at the end that Ms Spence poisoned Mrs. Hutton secretly hoping to take her place.

Another situation when Ms. Spence takes an active part in entertaining Mrs. Hutton:

Spence was loud in sympathy, lavish with advice. Whatever she said was always said with intensity. She leaned forward, *aimed*, so to speak, *like a gun, and fired her words. Bang! The charge* in her soul was ignited, the words *whizzed forth* at the narrow barrel of her mouth. She was a *machine-gun* riddling her hostess with sympathy. Mr. Hutton had undergone similar *bombardments, ….bombardments* of Maeterlink, of Mrs. Bezant, of Bergson, of William James. Today, the *missiles* were medical. Under the bombardment Mrs. Hutton opened out, like a flower in the sun.

The meanings of: *gun - barrel - missiles* are clearly actualized in the given paragraph. Mystery is interwoven with secret plans and weapons. Here behind the images created are the frames of the process of aiming and shooting and that of what envelops mystery. The names mentioned here are connected with literature, philosophy and psychology.

The author uses the space to contribute to the full image of the characters, their emotions, their feelings, their states. The reader is let into the psychological space (Mr. Hutton's thoughts when he has a talk to Ms Spence).

There are two spaces contrasted in the story: the green meadow and endless woods where Mr. Hutton with his lover walked; and the closed space of the room, where there is sick Mrs. Hutton. Her illness exhausted her, and her condition made Mr. Hutton tired. This effect is strengthened by the use of personification which is, in fact, a metaphor:

Mrs. Hutton was lying on the sofa in her boudoir, *playing Patience*. Mrs. Hutton continued to play Patience. *Her Patiences always came out*. …

The conversation stagnated. The *sick woman was usurping the place of the healthy one*. He was being dragged back from the memory of the *sunlit down and the quick, laughing girl, back to this unhealthy, overheated room with its complaining occupant.*

Analyzing this story from the view of the semiotic strategies of the author it is necessary to note that the author uses such a frame marker as a situation of the thunderstorm during the talk of Ms Spence and Mr. Hutton. In this example the author vividly demonstrates the metaphorical cognizing of the world.

The clouds (as something threatening, unpleasant, dangerous) are above Mr. Hutton's head.

The space plays a great role in the description of the talk with Ms Spence, the situation becomes tense, and this tension finally reaches culmination:

The *heat* and the silence were oppressive.

A huge cloud was mounting up the sky, and there were distant *breathings of thunder*. The *thunder* drew nearer, a *wind* began to blow, and *the first drops of rain* fell. Miss Spence and Mr. Hutton sat on in the *growing darkness.*

Miss Spence spoke louder and louder as *the rain came down more and more heavily*. Periodically *the thunder cut across her utterances*.

A flash revealed her, aimed and intent, leaning towards him. Her eyes were two profound and *menacing gun-barrels*. The *darkness reengulfed* her.

Anotherflash. She was still *aimed, dangerously*. The *thunder crashed and rumbled, died away*, and only *the sound of the rain* was left. *The thunder was his laughter, magnified, externalized* (metaphor). Flash and crash, there it was again, right on top of them.

Mr. Hutton perceives the claps of thunder as Ms Spence's mockery at him exaggerated to such an extent. Miss Spence considers this thunderstorm an embodiment of passion. Such different perceptions of them both built on the counterpoint create a comic effect.

Two spaces – storm one and the physical one of Ms Spence - are joined into one metaphor - one space. One frame is substituted by another. The image of the barrel shot and peal of thunder become one and mean the danger overhanging Mr. Hutton.

Mr. Hutton's ironical attitude at the beginning is replaced by fear and terror as the result of the realization of serious intentions of Ms Spence.

All this is even emphasized by the threatening picture of thunder and lightning:

The lightning was less frequent now, and there were long intervals of darkness. But at each flash he saw her still aiming towards him, still yearning forward with a terrifying

intensity. Darkness, the rain, and then flash! Her face was there, close at hand. A pale mask, greenish white; the large eyes, the narrow barrel of the mouth, the heavy eyebrows. Agrippina, or wasn't it rather George Robey?

The comparison of Ms. Spence with Agrippina and George Robey as the result of bringing out the analogies highlights such characteristics of Ms. Spence as craving for power and determination to get whatever she wants at any cost.

The comparison of Ms. Spence with the British star of music hall once more emphasizes her authority, power, and ability to mesmerize.

The author gives bright descriptions of the characters applying all possible means.

Mr. Hutton has a flattering opinion of himself, he admires his appearance, which is seen in the following example where the author uses analogy with Shakespeare. In the same way as Shakespeare is not affected by time, his charms and are still appealing to women:

Others abide our question, thou art free…. Footsteps in the sea…Majesty… Shakespeare, thou shouldst be living at this hour.

The play on words and metaphors (the Lady of Christ's, Christ of Ladies) intensify the effect of Mr. Hutton's irresistibility according to his own opinion:

No, that was Milton, wasn't it? Milton, *the Lady of Christ's*. There was no lady about him. He was what the women would call a manly man. That was why they liked him….. Lady of Christ's? No, no. He was the *Christ of Ladies.*

It is very important to take into consideration the role of a metaphor in the meaning formation.

According to M. Minsky [cit. by Zalevskaya 2003: 58] when the process of metaphorisation takes place, the association between two notions in spoken or mental act occurs due to the substitution of one frame, script, scenario (the circle of notions) by other meanings, as the metaphor points out to something which has no name.

V.A. Maslova [Maslova 2001: 91] stresses that a metaphor is such a way of perceiving the world when the previously accumulated knowledge is for cognizing new things. A new concept is being formed from some yet to be developed notion by using the original meaning of the word and the numerous associations connected with it.

When perceiving bright individual author's metaphor, there appear a number of various associations which are often vague.

The semantics of the words which create the metaphoric sense in the consciousness of the reader evokes purely subjective, additional associations, connected with the peculiarity of the person who perceives, his way of thinking and intelligence.

The linguistic mechanism of a metaphor (when the meaning of one word is explained through another, more comprehensible) penetrates all person's verbal activity, and in most cases, defines the linguistic picture of the world.

Having considered the definition of a metaphor let us examine some cases of how the author implements it in the text and its emotive system.

Huxley applies the analogy between people's appearances and animals. Mr. Hutton's thoughts of Dorris as a sea-mouse and high-flown words and feelings of Dorris towards Mr. Hutton are contrasted:

Doris, you look like the pictures of Louse de Kerouaille.

Doris, Doris, Doris. The scientific appellation of the *sea-mouse* he was thinking, as he kissed the throat of a victim awaiting the sacrificial knife. The *sea-mouse was a sausage with iridescent fur*: very peculiar. Or was Doris the *sea-cucumber*, which turns itself inside out in moments of alarm.

He was a *land animal*.

He had a protective affection for this little creature.

The opposition: *sea animals – land animals* is used by Huxley to underline the fact that Mr. Hutton is of higher opinion about himself than of Doris.

In this example the work of associative mechanism of thinking is shown. It is not accidental that Doris is a sea animal since in zoology this is a name for a type of shellfish and in Greek mythology Doris is a sea nymph, whose name means the bounty of sea.

In the following way the author describes the situation when Mr. Hutton is unable to struggle with desire he was overcome with at the sight of the maid- servant:

Today the curiosity defined and focused itself into a desire. An idyll of Theocritus. Here was the woman; he was not precisely *like a goatherd on the volcanic hills*.

Twelve steps led from the garden to the terrace. Mr. Hutton counted them. Down, down, down, down… He saw a vision of himself descending from *one circle of the inferno to the next-from darkness full of wind and hail to an abyss of stinking mud*.

In this example we come across the traditional symbols of sin. In religion the number 12 has magic characteristics - 12 apostles of Jesus, 12 Christmas days, 12 fruits of the Holy Spirit, East orthodox tradition celebrates 12 religious holidays. In this story twelve steps separate the hero from committing a sin.

Huxley one more time uses foreshadowing and metaphorization as a frame when the main hero sees himself, coming down from one circle of the hell to the other.

Metaphors and similes should be given special attention as by means of metaphors and comparisons the consciousness categorizes the reality.

The parallel drawn with Benjamin Franklin who invented the lightning rod creates an ironical effect.

Mr. Hutton realizes that he inflicted danger upon himself and found himself under the claps of thunder and lighting:

There she was, a cloud black-bosomed and *charged with thunder*, and he, *like some absurd little Benjamin Franklin*, had sent up a kite into the heart of the menace. Now he was complaining that his toy had drawn the lightning.

Huxley uses the association of the case against Mr. Hutton rapidly mounting with the growth of some tropical plant to convey Mr. Hutton's awareness of his hopeless position and coming danger. This plant surrounded him, clung to him, and he got lost in a tangled forest:

It was now, quite suddenly, that he saw it: there was a case against him. Fascinated he watched it *growing, growing, like some monstrous tropical plant*. It was *enveloping him, surrounding him; he was lost in a tangled forest.*

Finally the main here realizes that he got trapped, but he can't do anything about it and blames himself for not being thoughtful of his wife and having love affairs with other women. He considers his impending imprisonment as a necessary punishment:

He *dashed at last more horribly into the pit he had prepared for himself.*

He had become nothing but *a tired and suffering carcase*. This metaphor is the embodiment of exhausted body and soul.

To sum everything up, we can say that the dominant emotion in the story is irony (as in Huxley's most works) and the emotive system of the story comprises a number of components such as brilliant metaphors, analogies with precedent names, frame structures revealing the dominant emotion, thus being the examples of categorizing the world by the consciousness and showing the mechanisms of new meanings' formation.

References

1. Babenko, L.G., Kazarin, Y.V. The linguistic analysis of the artistic text [Text] / L.G.Babenko, Y.V. Kazarin. – Moscow: Flinta, 2005. – 496p.
2. Butakova, L.O. The author's consciousness in poetry and prose: cognitive modeling [Text] /L.O Butakova. – Barnaul, 2001. – 441p.
3. Zalevskaya, A.A. Conceptual integration as the basic mental operation [Text] /A.A. Zalevskaya // Sbornik statey Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tver, 2003. – P.58.
4. Maslova, V.A. Lingvokuliturologiya [Text] / V.A. Maslova. – M: Publishing centre "Academy", 2001. – 208p.

М.Г. Гашкова
Екатеринбург, Россия

ЭКСПРЕССИВНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В СТИЛИСТИКЕ

В толковании экспрессивности является важным, целесообразным и необходимым разграничить в первую очередь экспрессивное и эмоциональное, экспрессивное и стилистическое, экспрессивное и выразительное, экспрессивное и образное, экспрессивное и коннотативное, экспрессивное и эстетическое. Необходимость вытекает из того факта, что эти слова-термины часто используются как синонимы (особенно экспрессивное и эмоциональное, экспрессивное и стилистическое), и поэтому ставится вопрос, является ли что нибудь из них лишним, ненужным. Необходимо максимально разграничить вышеуказанные понятия, для того чтобы сохранить их категориальную принадлежность, терминологичность и устранить пестроту и путаницу в употреблении. Основная сложность состоит в том, что они во многом совпадают [Тошович 2006: 24].

Из всех категорий в соотносительном круге экспрессивности самой близкой является эмоциональность, точнее, она — важнейший компонент экспрессивности. Эти категории настолько пересекаются, пронизывают друг друга и совпадают, что трудно найти четкие дифференциальные признаки. В корреляции эмоция - экспрессия напрашивается элементарное разграничение: эмоции — это чувства (радость, горе, печаль, страх, тревога, гнев, презрение и т. п.), переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, нарушающие психическое и физическое равновесие, а экспрессия — их продукт. Обе являются результатом различных раздражений: в то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия зарождается под воздействием эмоций. Это значит, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция, точнее, эмоция предшествует экспрессии. В процессе декодирования происходит обратный процесс: экспрессия вызывает эмоцию.

Важным компонентом экспрессивности является эмотивное значение. Оно в более узком значении представляет собой способ выражения эмоций при помощи междометий и эмоциональной лексики [Азнаурова 1973: 67], а в более широком — значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это такое значение, в котором каким-либо образом представлены эмотивные смыслы, которые могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными или могут входить в логико-предметную часть значения [Бабенко 1989: 16]. В философии эмотивное значение толкуется как позиция или какое-либо другое эмоциональное состояние.

В процессе создания сообщения на базе эмоции автора возникает экспрессия автора, т. е. автор превращает душевные переживания в выражение, при помощи которого эмоционально воздействует на реципиента. В процессе декодирования реципиент дешифрует, раскрывает экспрессию автора , превращает ее в свою экспрессию и на основании ее создает собственную эмоцию, скажем, начинает восхищаться, радоваться, грустить и т. п. [Тошович 2006: 19].

Но результат может быть и другим: получатель не понимает или неправильно дешифрует первичную, исходную экспрессию, вследствие чего возникает вторичная экспрессия и эмоция, которую отправитель не имел в виду (автор может «излить душу», а получатель может это не почувствовать или ошибочно понять). Таким образом, в этом отношении экспрессия находится между двумя видами эмоции: между эмоцией отправителя и эмоцией получателя.

Для данной корреляции является важным «принцип воронки» — возможности восприятия намного превышают возможности реагирования на внешние впечатления (мы всегда воспринимаем больше, чем можем выразить языком). Эта невозможность касается в первую очередь эмоций, и выходом здесь может быть особый способ выражения — художественная речь.

Разница между экспрессивностью и эмоциональностью состоит в том, что каждое эмоциональное не является и экспрессивным, но каждое экспрессивное является эмоциональным. Любое языковое высказывание имеет эмоциональный фон (речевая реализация в принципе всегда более или менее эмоциональна), но нельзя сказать, что каждое языковое высказывание является экспрессивным. «Принимая условный характер разграничения эмоционального и рационального, мы тем самым принимаем условный характер разграничения эмоциональной и неэмоциональной речи, ибо совершенно неэмоциональной речи у нормального человека быть не может» [Малинович 1990: 9]. В основе экспрессии находится эмоциональное отношение (и в процессе кодирования, и в процессе декодирования), в то время как эмоциональное может быть и неэкспрессивным. Иными словами, экспрессия не включает в себя обязательно каждую эмоцию, а только сознательную, закодированную. Крайняя позиция – исключение из экспрессивности категории эмоциональности [Кожина 1962: 158].

То, в чем экспрессивность и эмоциональность также не совпадают, — это интенция: в то время как кодированная экспрессия всегда имеет сознательный характер, эмоция может быть и неосознанной (существует много ситуаций, в которых мы совершенно спонтанно эмоционально реагируем). Но и неосознанная эмоция может вызвать экспрессию. Экспрессивность является экстравертным явлением (речь идет о

воздействии отправителя на получателя), а эмоциональность — интровертным (речь идет о реакции «вибрации» автора или получателя на внешние и внутренние раздражения). Совпадение происходит, когда отправитель эмоциональную «вибрацию» сознательно превращает в экспрессивную. При кодировании исходной позицией является эмоциональность (она преднамеренно превращается в выражение, вызывающее экспрессию), а в декодировании — экспрессивность (которая вызывает эмоциональность).

Некоторые рассматривают соотношение экспрессивности и эмоциональности с содержательной стороны. «Эмоциональность семантически содержательнее экспрессии, она «многолика», многообразна в своих конкретных проявлениях (страх, гнев, радость, возмущение, презрение и т. д.), экспрессия же имеет однозначную семантическую интерпретацию — усиление; эмоция входит в высказывание как новое дополнительное содержание, экспрессия же, как правило, лишь усиливает заданный высказыванием смысл; эмоциональность более информативна: она выводит слушающего в мир субъективных представлений, оценок и отношений говорящего; воздействующий эффект экспрессии осуществляется через усиление уже заданного, «чужого» смысла, эмоции же воздействуют на слушающего своим собственным содержанием: эмоции всегда экспрессивны, эмоциональность же экспрессии (ее можно охарактеризовать как эмоциональный подъем, приподнятость, воодушевление) выявляется не регулярно. В силу уже этих различий экспрессивность уступает эмоциональности в сфере субъективно-модальных отношений» [Муханов 1998: 48].

В толковании отношения экспрессивное – эмоциональное существует еще один важный элемент — эмпатия (сопереживание), восприятие эмоционального состояния другого человека и возможность сочувствия ему, т. е. ситуация, в которой фактически возникают одни и те же эмоции.

Так как экспрессивное почти всегда соотносится с эмоциональным, в исследованиях очень часто используется двойная детерминация: экспрессивно-эмоциональное или эмоционально-экспрессивное (средство, единица, элемент, фактор, выражение и т. п.). Некоторые выделяют эмоциональную экспрессию [Малинович 1990: 5].

Список литературы

1. Азнаурова, Э.С. Очерки по стилистике слова [Текст] / Э.С. Азнаурова. – Ташкент: ФАН, 1973. – 405с.
2. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Уральский ун-т, 1989. – 184с.
3. Кожина, М.Н. О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей [Текст] / М.Н. Кожина. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1962. – 62с.

4. Малинович, Ю.М. Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса современного немецкого языка [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю.М. Малинович. – Иркутск: Ленинградское отд. Ин-та языкознания АН СССР, 1990. – 34с.

5. Муханов, И.Л. Речевая экспрессия в ее соотношении с эмоциями и субъективной оценкой [Текст] / И.Л. Муханов // Экспрессия в языке и в речи. – М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1998. – С. 48-50.

6. Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола руского и сербского/хорватского языков [Текст] / Б. Тошович. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.

Р.Т. Гильфанов
Тюмень, Россия

НЕМЕЦКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена проблеме перевода немецких модальных глаголов, участвующих в конструировании предложений со значениями необходимости, возможности, предположительности, оптативности и побудительности.

Как известно, в русском языке модальные значения в большинстве случаев выражаются формами наклонений и модальных слов, в то время как в немецком языке предпочтение отдается сочетаниям модального глагола со смысловым.

Многозначность и своеобразие модальных глаголов немецкого языка, их употребление в высказываниях различной семантики вызывают большой интерес лингвистов, на протяжении многих лет они являются объектом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Проблеме перевода модальных глаголов с немецкого языка на русский посвящены работы таких видных ученых, как К.Г. Крушельницкая, Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, Г. Бринкман. В том или ином аспекте они были исследованы в нескольких диссертациях (Мышкина Н.Л. Значения необходимости и способы передачи этих значений в оригинальных и переводных текстах немецкой и русской научной речи; Рудник Э.Я. Модальные глаголы и предикативы как имена модальных отношений; Левшина Е.В. Прагматика модальных глаголов в современном немецком языке и др.). Все эти работы в той или иной степени касались проблемы перевода немецких высказываний с модальными глаголами на русский язык. Однако в них потенциальные русские эквиваленты немецких модальных глаголов не были представлены в обобщенном и упорядоченном виде, что не может удовлетворить ученых, занимающихся сопоставительным исследованием русского и немецкого языков [Петрова 2003: 1].

Передача значений немецких модальных глаголов представляет специфические трудности в практике перевода в силу того, что в русском языке отсутствует четкая

система подобных глаголов, аналогичная немецкой. Большое влияние на процесс перевода оказывает также чрезвычайно высокая частотность этих глаголов в немецких текстах, а также их концептуальная многозначность.

Лингвисты, занимающиеся грамматикой немецкого языка, выделяют семь модальных глаголов: **muessen** (быть должным в силу необходимости), **sollen** (быть должным, быть обязанным), **wollen** (хотеть, желать), **mogen** (хотеть, желать), **koennen** (мочь), **duerfen** (сметь, иметь право, иметь разрешение), **lassen** (давать возможность, побуждать, разрешать).

Все эти глаголы объединяются в систему, поскольку своим лексическим значением обозначают модальность – отношение содержания речи к действительности с точки зрения говорящего, а также отношение действующего лица к действию.

Наиболее часто встречающимся в немецких текстах является глагол **muessen**, являющийся одним средств выражения долженствования в немецком языке: Sie muessen gehen. Sonst kommen Sie zu spaet. – Вам надо идти, иначе Вы опоздаете. Он также может передавать значения предположения, например: Das Kind sieht frisch und munter aus. Es muss sich im Sportlager gut erholt haben. – Ребенок выглядит свежим и бодрым. Он должно быть хорошо отдохнул в спортивном лагере.

Глагол **sollen** выражает долженствование, предписание, поручение, в результате распоряжения другого лица и переводится на русский язык словами «следует», «нужно»: Wir sollen heute den Text ins Russische uebersetzen (laut Anordnung des Lehrers) – Нам нужно сегодня перевести текст на русский язык (по заданию учителя).

Глагол **sollen** может выражать также модальное значение предположения, передаваемое с чужих слов. В этом случае при переводе предложений на русский язык используют дополнительные слова, например «говорят», «по мнению», «по-видимому»: Die Vorlesungen sollen interessant sein. – Говорят, что лекции интересные.

Также как глагол **muessen**, глагол **sollen** в сочетании с местоимением **man** обозначает модальное значение необходимости и переводится с помощью слов «нужно», «надо», «следует». Например: Erst muss man die-sen Text ins Russische uebersetzen, dann die Fragen beantworten. Сначала этот текст нужно перевести на русский язык, потом ответить на вопросы.

Глагол **wollen** означает хотеть», «желать», выражая модальное значение оптативности, например: Die Studenten wollen diese Ausstellung besuchen. – Студенты хотят посетить эту выставку.

В 1-м лице множественного числа в сочетании с инфинитивом другого глагол глагола имеет оттенок смягченного приказания (побудительная мо-дальность): Wollen wir eine Partie Schach spielen! – Сыграем партию в шахматы.

Модальный глагол **moegen** в настоящем времени конъюнктива выражает косвенную просьбу или пожелание и переводится словом «пусть»: Moegen als Beispiel fuer gute Leitfaehigkeit Kupfer und Aluminium dienen. – Пусть в качестве примера хорошей электропроводимости служат медь и алюминий. В имперфекте конъюнктива (moechte) он имеет значение «хотеть», «желать» и переводится сослагательным наклонением «хотел бы»: Wir moechten heute Abend unsere Grosseltern besuchen. – Сегодня вечером мы хотели бы посетить наших бабушку и дедушку.

Глагол **koennen** (мочь) выражает физическую возможность, имеющую различные оттенки, например: Er kann das Gedicht von Heinrich Heine vortragen. – Он может прочитать стихотворение Генриха Гейне.

Этот глагол может выражать также предположение. В этом случае он переводится словами «пожалуй», «вероятно»: Die Experimente koennten ja noch einige Wochen dauern. – Опыты могут, пожалуй, продлиться еще несколько недель.

Глагол **koennen** в сочетании с местоимением **man** переводится словом «можно», а если имеется еще отрицание **nicht**, то словом «нельзя», например: Heute abend kann man mit der ganzen Familie ins Kino gehen. – Сегодня вечером всей семьей можно идти в кино; Diesen Text kann man nicht ohne Woerterbuch uebersetzen. – Этот текст нельзя перевести без словаря.

Основное значение модального глагола **duerfen** «сметь», «иметь право, разрешение (что-либо сделать)», например: Darf ich hier rauchen? – Могу я здесь покурить? Auf dieser Wiese duerfen die Kinder Fussball spielen. – На этом лугу дети могут играть в футбол.

В сочетании с отрицанием **nicht** этот глагол выражает запрещение и переводится словами «нельзя», «не следует», «не должен», например: Im Bus darfst du nicht rauchen. – В автобусе тебе нельзя курить. Ins Geschaeft darf man nicht Hunde mitnehmen. – В магазин нельзя заводить собак.

Глагол **duerfen** в имперфкете конъюнктива с инфинитивом выражает предположение и переводится на русский язык словами «возможно», «вероятно», «кажется». «очевидно», например: Sie duerfte 18 Jahre alt sein. – Ей, возможно, 18 лет.

Глагол **lassen** можно переводить на русский язык глаголами «разрешать», «допускать», «заставлять», «позволять», «давать возможность» или другим глаголом, имеющем в данном предложении побудительный оттенок, например: Lassen Sie uns die

Zeichnungen betrachten. – Разрешите нам посмотреть чертежи. Die Zeichnungen lassen einige Fehler in der Konstruktion erkennen. – Чертежи позволили обнаружить в конструкции некоторые ошибки.

Конструкции lassen + sich + Infinitiv, очень часто встречающиеся в различных текстах, имеет пассивное значение с оттенком возможности и переводится на русский язык глаголом в пассивной форме или глаглом «можно», например: Dei Arbeit laesst sich lesen (Die Arbeit kann gelesen werden) – Работу можно читать. Dieses Problem laesst sich loesen. – Эту проблему можно решить (эта проблема решаема).

Таким образом, модальные глаголы наряду с наклонениями служат ведущими средствами выражения модальности в немецком языке. Своей семантикой они выражают действия желаемые, предполагаемые, возможные, а также действия, которые считаются необходимыми, обязательными. В этом случае мы имеем дело с аналитической формой, состоящей из вспомогательного модального глагола и инфинитива смыслового глагола.

Список литературы

1. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. – 392с.
2. Дружинина, В.В., Келлер, К. Модальность в языке и речи (на материале немецкого языка) [Текст] : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / В.В. Држинина, К. Келлер. – М.: Высш. шк., 1986 – 96с.
3. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков [Текст] : учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / А.Л. Зеленецкий. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 252с.
4. Петрова, М.О соответствиях при переводах модальных глаголов (на материале русского, английского и немецкого языков) [Электронный ресурс] / М.О. Петрова // Режим доступа: http:www.-dialog 21.ru/Archive/2003/Petrova_M.htm, свободный.
5. Хлебникова, И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке: Теория и практика [Текст] : учеб. пособие / И.Б. Хлебникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – «Красный Октябрь», 1994. – 176с.

Р.А. Говорухо
Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ КОНВЕНЦИОНАЛИЗИРОВАННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Анализируя принципы построения высказываний в разных языках, следует различать с одной стороны – окказиональные и универсальные, а с другой – конвенциональные значения и употребления. Последние близки (но не тождественны) явлениям, описываемым с помощью понятия «нормы речи» или «коллективного узуса», закономерности которого могут быть выявлены путем измерения относительной

употребительности языковых единиц [см. Гак 1998: 554]. Одним из критериев конвенционализации определенного языкового явления может служить факт его отсутствия в другом языке. При этом языковые конвенции следует отличать от неязыковых, например, от «конвенций употребления», связанных с принятыми в данном обществе представлениями. Так, по мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, принятый у американцев ответ *Fine!* на вопрос *How are you?*, также как и соответствующий русский «скромный» вариант ответа «*Как дела? - Ничего / нормально*» культуроспецифичны [Булыгина, Шмелев 1997: 9]. Это наблюдение в целом верно и для итальянского языка, причем различный порядок слов в русском и итальянском ответах является уже чисто языковой конвенцией: Ср.: - *Как дела*? - *Спасибо, хорошо* / - *Come va? - Bene, grazie.*

К универсальным постулатам речевого общения (речевым импликатурам) относится, также приводимое Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым, употребление вопросительных предложений в функции побуждения [Булыгина, Шмелев 1997: 9]. Конвенциональным для русского языка при этом является наличие поверхностного отрицания. Ср.: *Potrebbe chiudere la finestra? / Вы **не** закроете окно?*

Интересно, что в итальянском языке иллокутивная сила водных слов может вступать в противоречие с каноническим синтаксическим типом предложения, к которому они относятся. Примером этому явлению служат наречные формулы типа *пожалуйста, per favore, per piacere, se non ti dispiace*, которые в итальянском языке обладают большей свободой сочетаемости. Обычным, общим для обоих языков контекстом для таких слов является побудительное предложение (юссив), конвенционально соотносимое с иллокутивным актом побуждения: *Закрой, пожалуйста, дверь. Chiudi la porta, per favore.*

В то же время в итальянском языке вводные конструкции – “формулы вежливости”, обслуживающие речевые акты побуждения/просьбы могут включаться и в неканонические синтаксические структуры, конвенционально не относимые к побуждению, такие как декларативы и интеррогативы, тогда как русский язык в этих случаях не допускает употребления вводных слов [см. Фава, Говорухо 2001]. Ср.: *E’ tardi, ho sonno, per favore.*Уже поздно, я хочу спать, пожалуйста. Hai una penna, per favore? *У тебя есть ручка, пожалуйста?*

Частое использование отрицательной глагольной формы сохраняется в русском тексте и в иллокутивных актах вопроса, хотя в данных контекстах можно говорить о более низкой степени конвенционализации. Ср.:

*Disturbo? (= La disturbo) - Я **не** мешаю? (= Я вам **не** мешаю?)*

- *И вам* ***не*** *скучно?* (Маринина) - *Si annoia*?

Анализ корпуса примеров показывает что в подобных контекстах отрицательная (смягченная) форма чаще выбирается в итальянском тексте, тогда как русский вариант допускает большую категоричность. Ср.:

Non *potrebbe darsi che abbia bisogno di noi?* (Silone) / *А вдруг мы ему нужны?*

Non *vede, del resto, negli altri piani tutte le imposte sono aperte?* (Buzzati) / *Сами видите, на других этажах окна не занавешены.*

Sono Lucio, disse, ***non*** *mi riconosci?* (Tabucchi) / *Я Луций, говорит он, помнишь меня?*

Может, лучше снять эту дрянь? (Пелевин) / ***Non*** *farei meglio a togliermi questa schifezza?*

Как видно из примеров, оператор отрицания присутствует в итальянском тексте чаще всего в модусе высказывания. Остановимся кратко на некоторых различиях в оформлении модусов ментального плана в двух языках. В литературе неоднократно отмечалась близость предикатов ментальной семантики к перцептивным, связанным с приобретением знания субъектом перцепции. Оторванность от акта зрительного восприятия, возможность его интерпретации в когнитивном смысле (ср. определение «эвиденциальное заключение», данное этим структурам А. Вежбицкой [Вежбицка 1986: 361]) объясняет частую взаимозамену в корпусе перцептивных и ментальных глаголов, причем в итальянском тексте преобладает перцептивный модус, в русском – предикаты ментальной семантики. Ср.:

Глебову ***подумалось****, что другого выхода нет и надо сказать* (Трифонов) */ Glebov* ***si accorse che*** *non c'era altra via d'uscita, che bisognava parlare.*

Mi accorsi ***allora che...*** **(Levi) /** ***Тут я*** *понял****, что…***

Non vedo *perché la cosa interessi al maresciallo* (Cervi) / ***Не понимаю****, почему этот вопрос интересует старшину…*

Размывание границ между группами предикатов мысли и речи происходит прежде всего в ситуации «внутренней речи» которая передается в итальянском тексте, как правило, глаголами *dicendi*, тогда как в русском предпочтение отдается глаголам *putandi*. Ср.:

Ты лучше ***подумай****, почему это ты вдруг с мертвецом разговариваешь?* (Пелевин) *... Ma tu* ***domandati*** *perché stai parlando con un cadavere."*

Я – технический переводчик. Вы, наверное, ***подумали****, что я сумасшедший, - догадался я* (Токарева) *"Sono un traduttore tecnico. Lei, probabilmente,* ***si è chiesto*** *se sono matto," dissi.*

*"**Mi domando**" disse, "se non avresti fatto meglio a portare la bicicletta addirittura dentro... "* (Bassani) - *Я вот **думаю**, сказал он, может быть, тебе лучше было бы занести велосипед в дом…*

При имперсонализации модуса с помощью некоторых безличных модальных операторов с глаголами мнения, такие глаголы, как в русском, так и в итальянском тексте, конвенционально воспринимаются как выражающие мнение автора высказывания [Арутюнова 1999: 412]. В то же время само наличие / отсутствие модального оператора можно отнести к внутриязыковым конвенциям. Так, в итальянском тексте модусные элементы в целом встречаются значительно чаще [см. Говорухо 2006]. В русском тексте эпистемическая модальность может не получать поверхностного воплощения, тем самым устраняется указание на конкретный субъект пропозициональной установки и высказывание приобретает обобщенный характер:

*E poi, **ho sempre pensato che** si può sempre cambiare idea, magari... invecchiando...* (Lunari) */ В конце концов, ∅ убеждения можно менять - например, с возрастом, когда стареешь.*

*E perché mai, **ho pensato**, non dovrei fare anch'io qualche bel viaggio?* (Malerba) */ А почему бы **Ø** и мне не совершить какое-нибудь приятное путешествие?*

Компрессии подлежат как собственно эксплицитный модус, управляющий диктальным придаточным (пример 1), так и модальные элементы вводного типа (пример 2), не имеющие собственного места в составе грамматической схемы сложного предложения. В обоих примерах лишь итальянской вариант однозначно указывает на субъект модальной оценки. Подобная редукция модуса в русском тексте характерна прежде всего для диалогических контекстов, причем невыраженный модус может быть обращен как на первое, так и на второе лицо. В случае экспликации эпистемического модуса в русском тексте он может быть представлен не полнозначыми предикатами, а частицами и другими незнаменательными словами. Ср.:

***Ho capito che** devo essere più prudente altrimenti Eumeo si insospettisce* (Malerba) */ **Да**, мне следует быть осторожнее, не то Эвмей заподозрит подвох.*

*Ah, **vedo che** anche lei si è fatto influenzare dal nostro amico!* (Lunari) */... **Значит**, подцепили заразу от нашего друга!*

*Белый **как бы** и не чувствовал ничего* (Зайцев) */ **Pareva che** Belyj non si fosse accorto di nulla.*

В последнем примере модальной частице *как бы* соответствует итальянский глагол перцептивного модуса *parere* (*казаться*) в эпистемическом значении. Незанятость позиции Экспериента в дат. падеже (ср.: *ci/ mi pareva – нам/ мне казалось*)

указывает на генерализованный характер конструкции. Подобный генерализованный модус, при котором субъектом восприятия и оценки может быть как повествователь, так и герой повествования, часто также не получать поверхностного выражения в русском тексте. Ср.:

Teresa guarda dal vetro … gli enormi casoni dove ***pare che*** *i mutuati amino abitare* (D'Agata) *Тереза смотрит сквозь стекло на… огромные домища, в которых* ***Ø*** *любят жить члены больничной кассы.*

Però si studiava seriamente, mentre ***pareva che*** *a Parigi gli studenti facessero di tutto, meno che studiare* (Eco) */ К ученью относились уважительно, не то что в Париже, где студенты интересовались любыми вещами помимо науки.*

Таким образом, в сфере модально-диктальных отношений для речевой нормы итальянского языка более характерно эксплицитное выражение зависимости диктума от модуса, тогда как в русском тексте чаще встречается компрессия модальной составляющей, либо её преобразование во вводные модальные слова, наречия, частицы, которые не находятся в отношениях синтаксической зависимости с диктумом. Подобные конвенции употребления, с одной стороны, связаны с когнитивными установками и коммуникативными факторами, а с другой – эти внешне разрозненные явления во многом определяются структурно-типологической характеристикой каждого конкретного языка.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Типы модусов. Инверсия модуса и пропозиции [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира [Текст] / Т.В. Булыгина, Т.В. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
3. Вежбицкая, А. Восприятие. Семантика абстрактного словаря [Текст] / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986.
4. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Говорухо, Р.А. Эксплицитность модуса пропозициональной установки в итальянском языке [Текст] / Р.А. Говорухо // Вопросы филологии. – 2006. – № 3. – С. 24-32.
6. Фава, Э., Говорухо, Р.А. Синтаксис и семантика вводных слов – показателей иллокутивной силы высказывания (русско-итальянские параллели) [Текст] / Э. Фава, Р.А. Говорухо // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 4. – С. 36-48.

И.А. Голованов
Челябинск, Россия

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Функционирование любого фольклорного текста как устного словесного произведения осуществляется в условиях коммуникативного акта, является частью коммуникативного события. Как отмечает К.В. Чистов, в фольклорном тексте «реализуется процесс общения говорящего и воспринимающего, их взаимная активность» [Чистов 2005: 157].

Для осуществления фольклорной коммуникации необходимо не только наличие говорящего и слушающего, но и их взаимная ориентированность, «настроенность» друг на друга, а также – что особенно важно – владение традицией. Последнее означает сформированное естественным путем знание элементов обрядовой и необрядовой деятельности, опыт взаимодействия в процессе ее осуществления. Это то, что может быть обозначено термином «фольклорная компетенция».

К фольклорной компетенции следует отнести понимание правил воспроизведения фольклорных текстов, последовательности их исполнения в условиях обряда, умение воспринимать, переживать их смысловое и эмоциональное наполнение, устанавливать связь с ритуальными и бытовыми обстоятельствами народной жизни.

Среди фольклорных текстов, сгруппированных в жанры, можно выделить те, которые предполагают наличие определенных коммуникативных ожиданий (это, как правило, тексты обрядового характера, например, календарно-обрядовые или семейно-обрядовые песни), и те, которые не связаны с ожиданиями слушателей. В этом отношении весьма показательно противопоставление стихотворных и прозаических текстов. Стихотворные жанры (и прежде всего песни) уже самим своим ритмизованным характером выводятся за пределы обычной, обыденной речи. Прозаические жанры оказываются в этом отношении весьма дифференцированными. По нашим наблюдениям, четко противопоставляются тексты сказочного и несказочного фольклора. Первые объединяет установка на вымысел, вторые – установка на достоверность информации. У одних преобладает эстетическая функция, у вторых – информативная.

Начнем с того, что наличие традиционного зачина и других композиционных элементов в фольклорной сказке маркирует факт наличия определенных коммуникативных ожиданий при ее воспроизведении. Вместе с тем исполнение сказки не носит жестко предписанного характера, можно лишь говорить о ситуациях, благоприятствующих воспроизведению данных текстов, например, ситуации коллективного ожидания, корпоративного общения и др.

О наличии благоприятных и неблагоприятных ситуаций для воспроизведения сказки свидетельствуют наблюдения собирателей фольклора. Так, известный уральский филолог-краевед В.П. Тимофеев в книге «Сказки-складки» (Челябинск, 1996) описывает одну из типичных ситуаций слушания сказки в 50-е годы XX века: «Изба Захара Афанасьевича была полной горницей людей. <...> на полу, ступить некуда, была навалена ребятня. Кто сидел, кто – лежал. Все слушали долгие сказки». Тут же собиратель обращает внимание на непостоянный характер спроса на сказку, а в некоторых случаях ее неуместность: «…иногда его просят прийти или приехать порассказывать, а иногда, наоборот, велят не ходить никуда, где народу много». Сам рассказчик по этому поводу замечает: «Раньше жизнь неторопная была: на мельницу уедешь – по неделе в помельной сидишь, зима придет, ночи темные да длинные, вот и сокращается сказкой долгое ожидание».

Наш опыт многолетнего исследования сказочной традиции на Урале позволяет судить об изменении статуса фольклорной сказки: из явления массового, востребованного во всей полноте устнопоэтической традиции, она превращается в явление редкое, исключительное – с точки зрения сохранения художественной ценности. Чаще сказочные тексты существуют в виде некой сюжетной схемы, в связи с чем сказка оказывается лишена своей функции удивить, увлечь вымыслом, фантазией и лишь отдаленно напоминает традиционный текст. Это обусловлено как изменившимися коммуникативными условиями, так и новыми прагматическими установками в сознании рассказчиков и слушателей.

Прагматический аспект изучения народной сказки предполагает анализ ее жанрового состава и сюжетно-образного наполнения. В.П. Федорова в предисловии к сборнику зауральских сказок «У кота-Баюна» (Челябинск, 1992) отмечает: «...еще совсем недавно их было много: длинных, занимательных. Теперь рассказываются в основном сказки о животных, птицах, колобке». В данном случае речь идет об актуализации дидактических функций произведений. Этим, однако, прагматика современного сказочного текста не исчерпывается.

Анализ уральских записей сказок показывает, что наиболее воспроизводимыми являются тексты, связанные с семейными коллизиями, что, по-видимому, отвечает потребностям «простого» человека. Эти сказки обслуживают сферу чувственно-эмоционального мира носителей фольклорного сознания. Семейная тема в волшебных сказках раскрывается с привлечением древнейших, мифологических образов и мотивов, которые позволяют найти ответы на самые сокровенные, но в то же время «житейские» вопросы: жизнь и смерть, замужество, рождение ребенка, отношения детей и родителей,

таинство взросления и другие.

Трансформация бытующего сегодня сказочного текста связана с наполнением его бытовыми реалиями. Перед сказочным героем часто стоят узкопрагматические проблемы. В отличие от архаической, традиционной сказки, где многое предопределено судьбой, роком в сказке современной часто дается прямое указание на мотивацию героем своего выбора. Финал современной сказки часто имеет реалистическое переосмысление. Насыщение сказочного хронотопа бытовой стихией происходит не только благодаря характеристикам поступков героев, но и благодаря используемой в текстах лексике. Словарный состав русских сказок, судя по новейшим записям, стал более «прозаическим», бытовым, пестрым [см.: Голованов 2005]. Хотя общая коммуникативная установка сказочного текста и обусловленные ею художественные характеристики сказки остаются прежними, сказка претерпевает трансформацию.

Неспешность повествования, членимость текста на коммуникативные сегменты разной степени напряженности, разноуровневые повторы (лексические, грамматические, синтаксические, смысловые) – свидетельство определенности коммуникативной ситуации и наличия коммуникативных ожиданий. Текст сказки обращен не только к разуму, но и к воображению слушателя. Воспринимающий должен активно следить за динамикой повествования, «заполняя» обобщенные сказочные метафоры как необходимый элемент эстетически организованного текста содержанием собственного опыта.

Противоположный по коммуникативным особенностям разряд прозаических текстов представляют собой предания – самый сложный и многообразно востребованный из жанров несказочной прозы. Типичная ситуация воспроизведения преданий – обыденный разговор, бытовая речевая коммуникация.

Предания воспроизводятся при трансляции информации от представителей одного поколения к другому, от местного жителя к приезжему или в коммуникации местных жителей, когда требуется дать уточнение, продемонстрировать осведомленность в знании каких-либо фактов местной истории. У преданий нет устойчивых форм повествования (с определенными зачинами, концовками, приемами развития действия), они имеют свободную форму. Однако при этом через частное, конкретное предания изображают общее, типическое.

Предания реализуют разные интенции носителей фольклора. В одних случаях рассказчик стремится поделиться лично значимым для него, вводит собеседника в свой «ближний» мир, использует доверительные интонации. В других – ему необходимо рассказать о фактах, проливающих свет на местную историю, составляющую общий

интерес для всех жителей данной местности. Иногда рассказчику требуется обращение к событиям далекого прошлого, которые помогают объяснить настоящее. Они не входят в круг ближнего мира конкретного человека, но переживаются им и «связывают» в некий значимый узел информацию о прошлом, настоящем и будущем.

В основе каждого предания лежит исторический факт. В топонимических преданиях этот факт «вспоминается» носителем фольклорного сознания в связи с географическим обозначением. Данная группа преданий организуется художественно-эмоциональным вопросом: откуда пошло то или иное название? Отталкиваясь от фактов языка, рассказчик обращается к конкретным историческим фактам, образно переосмысливает их, придает им социальную, эмоционально-эстетическую, художественную окраску. Текст топонимического предания позволяет создавать и фиксировать языковыми средствами, и следовательно, сохранять, транслировать целостный образ, который связан с определенным локусом, значимым для носителей фольклорного сознания.

Героями исторических преданий выступают знаковые с позиций народного сознания личности (например, Ермак, Емельян Пугачев, Петр I), деятельность которых описывается при помощи мифологических мотивов и схем. Наиболее типичное содержание генеалогических преданий – начальный этап заселения и освоения той или иной территории (деревни, села), информация о том, откуда пришли предки местных жителей, как происходило заселение, кем были первожители-первопоселенцы, кто стоял у истоков отдельной семьи, рода.

В текстах преданий можно выделить формулы, которые представляют собой сверхтекстовые включения, объединяющие в некий единый гипертекст все предания как переживаемые повествования о минувшем. Как правило, это инициальные формулы («давно это было»; «эту историю рассказал мой дед» и др.). Но в отличие от сказки текст предания не отделен от обычной обиходно-практической речевой деятельности, он менее стабилен, имеет четкие связи с внетекстовой информацией.

Таким образом, коммуникативно-прагматические характеристики фольклорного текста определяют его содержательные, структурные и функциональные особенности. В фольклоре важно не только то, *что* рассказывается, но и *как* рассказывается, *кем* и *для кого*.

Список литературы

1. Чистов, К.В. Фольклор. Текст. Традиция [Текст] : сб. ст. / К.В. Чистов. – М., 2005.

2. Голованов, И.А. Динамика сказочной традиции на Урале [Текст] / И.А. Голованов // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – Сер. 3. Филология. – 3/ 2005. – С. 189-197.

Е.И. Голованова
Челябинск, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ФИКСАЦИИ И ПРОДУЦИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Актуальной задачей современной лингвистики и терминоведения является установление специфики фразеологической единицы как носителя профессиональной информации. Важно выяснить, в чем заключается отличие фразеологизма от других разновидностей наименований (слов и свободных словосочетаний) в составе языка профессиональной коммуникации; какого характера знание объективируется данным видом единиц.

Большинство однословных терминов и значительная часть терминов-словосочетаний (составные, или аналитические, термины) отражают классификацию действительности по канонам логического деления понятий – по одному основанию. В этом проявляется один из важнейших признаков терминологической единицы – стремление к точности обозначения. Создание такого рода единиц носит регулярный характер, а интерпретация их содержания, как правило, не вызывает затруднений. Например, *синхронный перевод, восклицательное предложение, регрессивная ассимиляция, семантический неологизм* и под.

Однако термины могут выражать не только однопризнаковую классификацию, но и многопризнаковую. Потребность в подобной классификации возрастает по мере развития конкретной области профессиональной деятельности, углубления знаний о профессиональных объектах: предметах, процессах, явлениях и ситуациях. Разные признаки профессионально значимых объектов получают вербальную объективацию либо в структуре однословного термина (посредством двух и более корней), либо в структуре словосочетания (через расширение состава зависимых компонентов). В результате профессиональное обозначение приобретает дескриптивный характер, многообразие признаков репрезентируется в нем в расчлененном виде.

Неэкономность такой номинации может быть разрешена за счет создания сложносокращенного слова (аббревиатуры). Не случайна в связи с этим позиция В.А. Татаринова, который рассматривает аббревиатуры как обозначения *сложных* объектов: «аббревиатуры называют такие явления действительности, которые могут быть отнесены к фактам, квалифицируемым как «сложные» [Татаринов 2006: 11]. Под сложностью исследователь понимает «комплексный характер явления, денотата, артефакта, их многогранность, многоаспектность, разнородность их элементов, разнообразие структурных связей в пределах системы, целого» [Татаринов 2006: 11]. Таким образом, аббревиатура, являясь внешне «простой» (по форме равной обычному

слову) единицей, выступает маркером категории сложности. Подчеркнем, что аббревиатура, прочно вошедшая в употребление, позволяет целостно представить расчленено увиденный и описанный языковыми средствами объект.

Альтернативным способом обозначения сложного объекта в сфере профессиональной коммуникации выступает фразеологизм. В основе фразеологической номинации лежит чувственно-наглядное видение мира. Данный тип номинации опирается на ассоциативное мышление, способность соотносить не только однокатегориальные, но и разнокатегориальные сущности. При этом термин-фразеологизм вербализует комплексную информацию о профессиональном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности.

Таким образом, рассмотренные способы номинации – расчлененный и нерасчлененный – отражают разные пути познания объектов. В первом случае это «мысленное прослеживание», когда какое-либо сложное явление охватывается мыслью постепенно, часть за частью [Шемякин 1960: 8]. Во втором случае мы имеем дело с «мысленным обозрением», когда человек охватывает мыслью «одновременно все стороны какого-либо сложного явления» [Шемякин 1960: 8]. Полученное знание в одном случае носит абстрактный, аналитический характер, в другом – конкретный, синтетический. Важным обстоятельством выступает то, что второй вид номинации прочно опирается на языковой опыт.

Выбор того или иного способа номинации всегда определен характером объективной действительности, с одной стороны, и личным опытом субъекта (номинатора), с другой. Покажем это на примере музыкального термина *нотный стан.* В словаре музыкальных терминов к рассматриваемому наименованию дается следующее пояснение: «*Нотный стан,* нотоносец — система горизонтальных параллельных линий для записи высоты звуков специальными знаками. Изобретение нотного стана из четырех линий принадлежит Гвидо д'Ареццо (XI в.). Теперь используется нотный стан из пяти основных линий и определенного количества (по необходимости) дополнительных (сверху и снизу нотного стана) линеек. Ноты пишутся под линейками, на линейках, между линейками и над ними».

Полагаем, что возникновение данного фразеологизма обусловлено яркостью представлений номинатора о процессе ткачества и его главном инструменте – ткацком стане. Форма последнего (контур, скелет), вероятно, и послужила основой для восприятия нотного стана, состоящего из горизонтальных линеек. В ткацком стане линейкам соответствуют деревянные перекладины – *нить*, которые расположены горизонтально на вертикальной конструкции станка (более древней по сравнению с

горизонтальным станком). Подобные ткацкие станки были некогда распространены по всей Европе.

Компонент *стан* в анализируемом фразеологизме, удерживая представление об основном инструменте ткацкого дела (что косвенно подтверждается названием однолинейного нотного стана – *нитка*), создает яркий образ конструкции для записи нот. Сама запись при этом уподобляется плетению сложного музыкального узора.

Если отвлечься от ткацкого дела и принять во внимание лишь результат инференции (выводного знания) на основе сравнения всех значений слова *стан* (включая значения омонимов) и его производных, таких как *станина, станок, становой*, то слово ***стан*** и его производные выражают общее значение «предмет, удерживающий нечто динамичное в определенном состоянии (положении)». Данное обобщенное значение хранится в языковом коллективном сознании и обеспечивает реализацию ориентирующих функций термина-фразеологизма.

Определим специфику информации, передаваемой посредством фразеологических единиц. Главное в ней – информация об объекте номинации. Как отмечает М.Э. Рут, объектом образной номинации выступает «предмет системно внеположенный», «обладающий сложным, не поддающимся абстрагированию на данной ступени познания признаком» [Рут 1992: 31].

Следовательно, фразеологическая номинация в профессиональных сферах деятельности актуальна в тех ситуациях познания, когда профессионально значимая информация о свойствах предмета не поддается абстрагированию, но потребность в вербальной объективации качественной определенности внеположенного предмета четко осознается специалистами.

На выбор фразеологической номинации влияют три важных фактора:

1) целостность объекта, его доступность чувственно-наглядному восприятию (или возможность соотнесения с чувственно-наглядным опытом номинатора);

2) наличие комплекса значимых характеристик объекта;

3) невозможность абстрагирования данного комплекса характеристик.

Главная особенность фразеологической номинации в том, что она отчетливо субъективно окрашена. Субъективность ее проявляется в выборе сферы отождествления объектов. С другой стороны, фразеологическая номинация стремится к полноте передачи свойств объекта. В результате во фразеологизме парадоксальным образом сочетаются субъективное и объективное, выбор сферы-источника для сопоставления объектов обусловлен индивидуальным и социальным опытом номинатора, но сами передаваемые свойства объективно заданы профессиональной ситуацией и

профессиональными потребностями. Свойства объекта, хоть и не вычленены логически, но уже вербализованы в виде наглядного образа, а значит включены в категорию освоенного.

Итак, в области профессиональной номинации мы сталкиваемся с противопоставлением результатов абстрактно-логического и наглядно-образного мышления. Второе преимущественно свойственно обыденному сознанию, поэтому фразеологические единицы легко переходят из узкопрофессиональных сфер в общеупотребительный язык. Они становятся той переходной зоной, где осуществляется взаимодействие двух видов сознания. Путь от чувственно-наглядного опыта к абстрактному мышлению, как известно, выступает в качестве традиционного способа человеческого познания, истоки которого имеют раннеисторическую основу.

Фразеологическая номинация оказывается более действенной, эффективной, по сравнению с прямой однопризнаковой номинацией, так как, активизируя чувственный опыт специалистов, задает программу их деятельности в конкретной профессиональной ситуации.

Удачно выбранный для фразеологической номинации образ способствует углублению понимания профессиональной ситуации, на основе этого образа может моделироваться целостное видение профессиональной области, в соответствии с которым формируется комплекс профессиональных обозначений.

Таким образом, при помощи фразеологической номинации не просто фиксируется объективная информация о профессионально значимых объектах, она подвергается особой обработке (индивидуализации), переработке и продуцированию. Дополняя общую картину знаний, фразеологизмы делают профессиональное знание более зримым, доступным, легко усваиваемым. Подобное знание носит синкретический характер, поскольку сочетает в себе результаты категориального, наглядно-образного и интуитивного мышления.

Список литературы

1. Татаринов, В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь [Текст] / В.А. Татаринов. – М.: Московский Лицей, 2006.
2. Рут, М.Э. Образная номинация в русском языке [Текст] / М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
3. Шемякин, Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) [Текст] / Ф.Н. Шемякин // Известия АПН РСФСР. – 1960. – Вып. 113.

И.В. Головина
Тула, Россия

DIE BESONDERHEITEN DES GEBRAUCHS DER PHRASEOLOGISMEN IN DEN ZEITUNGSÜBERSCHRIFTEN

In den auffallenden und die unwillkürliche Aufmerksamkeit der Leser ziehenden Zeitungsüberschriften, die die einfachen Aussagesätze darstellen, werden oft Phraseologismen oder phraseologische Einheiten gebraucht.

Der vorliegende Artikel ist der Forschung der Zeitungsüberschriften gewidmet, die die einfachen Aussagesätze sind und die phraseologischen Einheiten enthalten.

Das Ziel dieser Publikation besteht darin, die Besonderheiten des Funktionierens von den phraseologischen Einheiten in den Überschriften diesen Typs aufzudecken. Das Erreichen dieses Ziels erfordert die Lösung folgender Aufgaben:

– die wichtigsten Merkmale der phraseologischen Einheiten betrachten;

– die Rolle der Phraseologismen im Bestand der Zeitungsüberschriften bestimmen;

– die stilistische Färbung der phraseologischen Einheiten analysieren, die in den Zeitungsüberschriften in der Form von den einfachen Aussagesätzen figurieren.

Als Stoff für die Erforschung dienen die Überschriften aus den deutschen Zeitungen «Die Zeit», «Kieler Nachrichten», «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (2001–2005).

Phraseologische Einheiten sind feste, nicht freie Wortverbindungen, deren integrierende Charakteristik die phraseologische Bedeutung ist, weil die besondere, von den Bedeutungen der Bestandteile von Phraseologismen nicht abhängende Semantik für phraseologische Einheiten kennzeichnend ist [Шанский 1963: 17; Fleischer 1982: 8]. Als Beispiel kann man folgende Überschrift mit der phraseologischen Einheit anführen, die das Zitat aus dem Interview mit der Präsidentin Finnlands T. Halonen ist: ***Bei uns werden die wenigsten mit einem silbernen Löffel im Munde geboren*** *[Die Zeit, 10.Juli 2002, Dossier]*. Hier wird die phraseologische Einheit ***mit einem silbernen Löffel im Munde geboren werden*** gebraucht, die als fertige Spracheinheit wiedererzeugt wird, was durch die Ganzheit ihrer Form und die Ganzheit der Benennung bestimmt wird. Diese phraseologische Einheit ist in ihrem Bestand und ihrer Struktur fest.

Zu den Merkmalen der phraseologischen Einheiten gehören Polylexikalität/Mehrgliedrigkeit, Festigkeit/Stabilität, Idiomatizität/Figuriertheit, die Nicht-Motiviertheit, die Ganzheit der Benennung, die Beständigkeit der grammatischen Form, die Undurchlässigkeit der Struktur, die Unmöglichkeit der Einfügung und der syntaktischen Transformation, die streng geregelte, fixierte Wortfolge [Шанский 1963: 17–21; Fleischer 1982: 35; Hecken 2003].

Der Stil der Publizistik ist an den Phraseologismen sehr reich. Die Sprache der Zeitungen nimmt in sich leicht alles auf, was aus dem Prozess des Sprechens ins System der schriftlichen Rede übergeht, darum werden die Phraseologismen infolge ihrer Besonderheiten zu der obligatorischen Komponente des Zeitungsstils. Die Überschriften, die die phraseologischen Einheiten enthalten, werden durch solche Eigenschaften wie Originalität, Ausdruckskraft in Verbindung mit dem Streben nach der objektiven Widerspiegelung der Ereignisse, Auffälligkeit, Aktualität des Inhalts, das Vorhandensein einer bestimmten Intrige gekennzeichnet. Aus der Rolle der Phraseologismen in den Zeitungsüberschriften ergibt sich, dass sie die Überschriften anschaulich, treffend und emotional machen sollen, um ihnen die Überzeugungskraft zu verleihen, den Gesichtspunkt des Autors und seine Einschätzung bezüglich der von ihm beschriebenen Ereignisse und Erscheinungen zu zeigen. Phraseologische Einheiten werden zur Spannungserzeugung eingesetzt, sowie zur Hervorhebung von Gegensätzen, und die Idiomatizität wird genutzt, um eine übergreifende Bildlichkeit zu schaffen. Damit erfüllen sie die adressatenbezogene Funktion, sie wecken Aufmerksamkeit und bereiten intellektuelles Vergnügen, gleichzeitig gelingt es dem Autor, sich als sprachgewandt darzustellen (selbstdarstellende Funktion) [Hecken 2003]. Schlagende, gelungene, ausdrucksvolle Zeitungsüberschriften mit phraseologischen Einheiten sind ein außerordentliches Mittel der Einwirkung auf den Durchschnittsleser.

Die die Phraseologismen enthaltenden Zeitungsüberschriften passen sehr treffend dazu, um die maximal große Menge der Information in äußerst kurzer Form sensationell wiederzugeben. Nach der Meinung von T. S. Gussejnova wählen die Autoren für die Zeitungsüberschriften nur solche phraseologischen Einheiten, die die Eigenschaft besitzen, bestimmte Tatsachen und Erscheinungen möglichst ausführlich zu beschreiben, möglichst genaue Charakteristik und treffende Einschätzung der Ereignisse zu geben [Гусейнова 1997: 48].

Was die emotional-expressive Färbung der Phraseologismen angeht, so können nach der Meinung von E. Riesel phraseologische Einheiten verschiedener stilistischer Färbung in der Publizistik vorhanden sein [Riesel 1959: 203]. In den Zeitungsüberschriften in der Form von den einfachen Aussagesätzen überwiegen gewöhnlich phraseologische Einheiten, die zu dem neutral-umgangssprachlichen Redestil gehören, z. B.: ***Der Sieger bläst Trübsal*** *[Die Zeit, 12.Juni 2004, Politik]*. Im Artikel mit solchem Titel handelt es sich um die Wahlen in Thüringen, an denen zwei Kandidaten teilnehmen – der Premierminister Dieter Althaus und der Bewerber um seinen Posten Christoph Matschi. D. Althaus hat vor Ch. Matschi den Sieg bei den Wahlen voraus. Aber eine Menge der nicht gelösten Fragen erwartet den Wahlsieger, und es ist nicht so leicht, damit fertig zu werden. Die in der Überschrift gemeldete Information

schildert diese Situation und zeigt, dass die Freude an den Wahlen oft die Kehrseite hat – den Zweifel des Siegers an seinen Kräften bei der Erfüllung der ihm erteilten Aufträge. Die in der Überschrift gebrauchte phraseologische Einheit ***Trübsal blasen*** (*traurig, bedrückt sein, seinem Kummer nachhängen und nichts Vernünftiges tun*), die zum neutral-umgangssprachlichen Redestil gehört, lässt die im Zeitungsartikel dargestellte Situation anschaulich und zugänglich schildern und die Stimmung von dem Führer der Wahlkampagne wiedergeben.

Außer den neutral-umgangssprachlichen phraseologischen Einheiten verwenden die Journalisten auch pejorative Phraseologismen, weil sie den Wunsch haben, das persönliche Verhalten zu verschiedenen Tatsachen der Wirklichkeit zu zeigen, z. B.: ***„Wir müssen den Japanern auf die Finger klopfen“*** *[Die Zeit, 19.Juni 2004, Wirtschaft]*. Der Artikel stellt das Interview mit dem stellvertretenden Leiter der Kompanie General Motors Bob Lutz dar. Es wird die Frage der unbestimmten Zukunft der Automobilproduktion Deutschlands im Zusammenhang mit der schroffen Konkurrenz unter den gegenwärtigen Verhältnissen, insbesondere aus Japan besprochen. Es wird die Frage über die Notwendigkeit der kardinalen Veränderung der Situation gestellt, was diese Überschrift widerspiegelt. Das Vorhandensein der salopp-umgangssprachlichen phraseologischen Einheit ***j-m auf die Finger klopfen*** (*j-n zurechtweisen*) hilft eine treffende Gestalt schaffen, die das Interesse der Leser hervorruft, die Überschrift emotional, bildhaft und überzeugend macht.

Auf solche Weise sind die Zeitungsüberschriften in der Form von den einfachen Aussagesätzen, die die phraseologischen Einheiten enthalten, emotional, bildlich und inhaltsvoll. Der Gebrauch der Phraseologismen verleiht den Überschriften den treffenden, bildhaften Charakter, belebt sie, macht sie besonders überzeugend und lässt die Aufmerksamkeit der Leser auf die Artikel ziehen. Die Phraseologismen erfüllen sehr effektiv die Funktion der Einwirkung auf die Leser. Aber trotz der großen expressiven Möglichkeiten sind die Überschriften mit phraseologischen Einheiten in den deutschen Zeitungen wenig gebräuchlich.

Список литературы

1. Гусейнова, Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии (на материале центральных газет 1990–1996 гг.) [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Т.С. Гусейнова. – Махачкала, 1997. – 180с.
2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1963. – 156с.
3. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache [Текст] / W. Fleischer. – VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 250s.
4. Hecken, A. E. „Weiter im Text“ – zu den kommunikativ-pragmatischen Funktionen von Phraseologismen in Texten [Электронный ресурс] / A. E. Hecken // Режим доступа: http://viadrina.euv-frankfurt-o.de/~owl/2_hecken/hecken.html. 2003, свободный.
5. Riesel, E. Stilistik der deutschen Sprache [Текст] / E. Riesel. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – 467s.

М.М. Горбушина
Новокузнецк, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОВ-АНТРОПОНИМОВ

Антропонимы уже неоднократно являлись предметом изучения как отечественных, так и зарубежных лингвистов. При этом функционирование антропонимов в сфере терминологии представляется недостаточно изученным. Материалом для настоящего исследования послужил корпус английских терминов с именами собственными в основе, вошедший в «Словарь по науке и технике» [Галевский 2003]. Рассматриваемые термины с антропонимическими элементами функционируют в таких терминосистемах современного английского языка, как математика, металлургия, механика, строительство, физика, химия, электроника и т.д.

Прежде всего, следует отметить, что проникновение антропонимов в сферу терминологии обусловлено экстралингвистическими факторами. В данном случае речь идет о появлении в науке новых теорий, методов, технологий и т.д., которые связаны с именами выдающихся ученых. При этом антропоним избирается одним из ведущих признаков в процессе терминологической номинации, которая вслед за М. Н. Володиной понимается как «процесс именования специальных понятий из различных областей знания и человеческой деятельности. Неразрывно связанная с языковой номинацией, терминологическая номинация зависит от познавательной способности людей, обусловлена языковым выражением результатов познания и взаимодействием внешних и внутренних языковых факторов» [Володина 1997: 47].

Анализ антропонимических единиц позволяет прийти к заключению, что в сфере терминологии в результате терминологической номинации развитие антропонимов может происходить в одном из двух направлений: 1) метонимизация антропонима в структуре термина; 2) сохранение антропонимом в структуре термина семантики имени собственного.

В первом случае происходит метонимический перенос с имени учёного на результат его деятельности (в широком смысле под результатом деятельности понимается разработанная теория, сделанное открытие, сконструированное оборудование и т.д.). Примеры метонимических переносов в сфере терминологии весьма частотны: *ampere* «ампер» (единица силы электрического тока), *coulomb* «кулон» (единица количества электричества), *eötvös* «этвеш» (единица градиента ускорения силы тяжести), *farad* «фарад/а/» (единица электрической емкости), *hertz* «герц» (единица частоты периодических колебаний), *ohm* «Ом» (единица электрического сопротивления) и т.д. При этом соотнесённость антропонима с лицом – носителем данного имени в

значительной степени уступает место его соотнесённости с понятием научно-технического характера. В специальных словарях таким антропонимическим единицам приписывается лишь терминологическое значение без указания его связи с именем собственным. В результате метонимического переноса антропонимические основы в сфере терминологии могут самостоятельно функционировать в качестве термина: *kelvin* «кельвин», или служить базой для образования производных и составных терминов, например: *micro**volt*** «микровольт», ***mendeleyev**ite* «Менделеевит», *accelerating **volt**age* «ускоряющее напряжение».

Во втором случае антропоним в структуре термина в значительной степени сохраняет семантику имени собственного, при этом, в отличие от терминов метонимического характера такая основа-антропоним, как правило, не функционирует самостоятельно в качестве термина, а является структурной составляющей производных и составных терминологических единиц. Соотнесённость антропонима с конкретным лицом при этом проявляется более отчётливо, чем в ситуации с терминами метонимического характера: ***Abel**ian asymptotics* «абелева асимптотика», *anti-**Stokes** component* «антистоксова компонента», *non-**Poisson** model* «непуассоновская модель (входящего потока)», ***Kjellin** furnace* «печь Кьеллина», ***Schottky** locking media zone* «зона запирающего слоя Шоттки», ***Anderson-Dayem** bridge* «мостик Андерсона-Даймена», ***Bardeen-Cooper-Schrieffer** energy gap* «энергетическая щель Бардина-Купера-Шриффера».

Для антропонимических основ в структуре рассматриваемых терминов характерно смещение фокуса внимания с личности человека на результат его деятельности. Если в сфере общеупотребительной лексики «антропоним … приобретает реальное значение, содержанием которого является конкретное представление об определенном индивидууме» [Рут 2001], то в сфере терминологии антропоним выполняет не только функцию идентификации конкретного лица (учёного), а скорее указывает на его (её) достижения в научной сфере. Так, например, в структуре термина *Bessemer converter* «бессемеровский конвертер для выплавки стали» антропоним *Bessemer* прежде всего указывает на конкретный тип конвертера, а не идентифицирует личность учёного – английского изобретателя Генри Бессемера (1813-1898), который создал в 1856г. конвертерный способ передела чугуна в сталь (так называемый бессемеровский процесс).

Рассматриваемые термины с антропонимическими элементами во многих случаях имеют осложнённую семантическую структуру и наделены высокой степенью «семантической компрессии» [Кубрякова 1977: 284], или «семантического стяжения»

[Володина 2000: 75]. Информация, заложенная в рассматриваемых терминах, гораздо шире той, которая представлена ими эксплицитно на лексическом уровне. Так, например, термин *Faraday constant* «постоянная Фарадея» специалистом воспринимается адекватно и не требует полной дефиниции, поясняющей его смысл «произведение элементарного электрического заряда на число Авогадро; определяет количество электричества, проходящего через раствор электролита, равная 96485.309 ±0.029 Кл/моль». Информация, содержащаяся в развернутой дефиниции таких терминов, будучи репрезентированной лишь имплицитно, являет пример семантической компрессии. Сравните, например: *Chebyshev parallelogram* «параллелограмм Чебышева» (плоский 4-звенный шарнирный механизм для воспроизведения движения некоторой точки звена по прямой линии без применения направляющих), *Lorentz-Maxwell equation* «уравнение Лоренца-Максвелла» (уравнения классической электродинамики, определяющие микроскопические электрические и магнитные поля, создаваемые отдельными заряженными частицами).

Таким образом, анализ антропонимических элементов в сфере терминологии позволяет выявить их семантические характеристики, сближающие их с термино-элементами и отличающие их от антропонимов, функционирующих в других сферах.

Список литературы

1. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации [Текст] / М.Н. Володина. – М.: МГУ, 1997. – 180с.
2. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) [Текст] / М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 128с.
3. Галевский, Г.В. Словарь по науке и технике (Английский. Немецкий. Русский.) [Текст] / Г.В. Галевский, Л.В. Мауэр, Н.С. Жуковский; Под ред. Г.В. Галевского. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320с.
4. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 222-303.
5. Рут, М.Э. Антропонимы: размышления о семантике [Электронный ресурс] / М.Э. Рут. – Режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/rut-01.htm, свободный.

Е.А. Григорьева
Чебоксары, Россия

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ ИРРЕАЛЬНОГО МИРА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Как известно, существует целый ряд факторов, влияющих на формирование лексического значения слова. Вместе с тем значение лексемы неразрывно связано с такими важнейшими понятиями, как сигнификат и денотат и составляет с ними

своеобразную трехчленную цепочку «предмет – понятие – слово». Однако в некоторых случаях в языке мы наблюдаем особые ситуация, когда нет предмета, а понятие и слово существуют. Б. Ю. Норман называет подобные случаи фантомами [Норман 2004: 160], Ю. С. Маслов пишет о них как о словах, которые «соотносятся с воображаемыми денотатами, а их десигнатами (отображениями денотата) являются ложные понятия, возникшие на каком-то этапе развития культуры, а позже отброшенные» [Маслов 1987: 92]. А. А. Уфимцева замечает, что «среди лексем любого языка можно выделить такие единицы, сигнификатами которых являются понятия об ирреальных объектах, конструктах человеческой мысли, причем в реальной действительности им не соответствуют никакие реальные предметы» [Уфимцева 1986: 107]. В данную группу входят названия существ, порожденных человеческой фантазией: кентавры, русалки, грифоны и т. п. Сюда же следует отнести лексические и фразеологические единицы с архисемой ‘злой дух’, служащие для обозначения субъектов ирреального мира.

В русском языке указанным семантическим компонентом значения обладают единицы литературного языка (*бес*, *демон*, *дьявол*, *сатана*, *чёрт*), а также многочисленные диалектизмы, большинство которых зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» и в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (*агаль, адер, анафид, шехматик, шиш, шиликун, облом, отяпа* и др.). Общее количество лексем с указанной архисемой в русском национальном языке с его литературной и диалектной разновидностями превышает, по нашим подсчетам, 100 единиц. Из этого следует, что денотат – важное, но не единственное и даже не обязательное условие существования слова, не единственный фактор, от которого зависит его значение.

Названий нечистой силы на территории распространения русских говоров достаточно много. При этом число их увеличивается за счет ряда образований табуистического характера. Причины появления многочисленных эвфемизмов-синонимов, служащих для обозначения субъектов ирреального мира в языке, на наш взгляд, связаны с особенностями объекта номинации. Согласно русским народным представлениям, имеющим дохристианское происхождение, одним из качеств нечистой силы является её вездесущность. Подобные представления отражаются в произведениях устного народного творчества (волшебные сказки, былички), в этнографическом материале, а также зафиксированы собственно языковым материалом – единицами паремического фонда русского языка: *Заступили чёрту дверь, а он в окно*; *Бес около ходит да на грех наводит*; *Про чёрта речь, а он навстречь*. Примечательно, что подобные представления находят своё отражение в пословичном материале других языков, например английского и чувашского, ср.: *Talk (speak) of the devil and he will*

appear (букв. поговори (скажи) о дьяволе, и он появиться); *Talk (speak) of the devil and his horns will appear* (букв. поговори (скажи) о дьяволе, и появятся его рога); *When the devil is blind* (букв. когда дьявол ослепнет), никогда; *Шуйттан куçĕ вуниккĕ* (у чёрта двенадцать глаз).

Следовательно, у русских на произнесение слов-наименований субъектов ирреального мира было распространено табу, вследствие чего само название заменялось другой лексической единицей или описательным выражением, имеющим характер эвфемизма. По справедливому замечанию Н. И. Толстого, «в основе табу, возникающих в условиях домашней жизни, лежит вера в магию слова. Произнесенное слово или имя способно вызвать данное существо или явление. Поэтому люди стремились не называть имен духов, чтобы не накликать на свой дом» [Толстой 1995: 13]. Лингвокульторологический анализ диалектизмов с архисемой ‘злой дух’ позволяет сделать выводы о том, какие представления об указанном объекте номинации имели носители языка в момент создания лексемы-эвфемизма, продемонстрировать, как данные языка помогают реконструировать один из древнейших фрагментов национальной картины мира.

Следует отметить, что не вся диалектная лексика, входящая в указанную лексико-семантическую группу, имеет прозрачную внутреннюю форму. Например, такие единицы, как *анчутка*, *анцибол*, *апекан*, *багаль*, *баган*, *бука*, *буканай*, *гаман* и т. п. еще нуждаются в тщательном этимологическом анализе. Вместе с тем этимологизация многочисленных эвфемистических наименований не представляет большого труда для носителей современного русского языка. Очень часто эвфемизмы являются субстантивированными именами прилагательными или суффиксальными образованиями от имен прилагательных, характеризующих объект номинации (*черный, шехматик, луканька*). Мотивировочный признак диалектизмов имеет описательный характер и, как правило, указывает на внешний вид объекта номинации (*корнахвостик, куцый, лысой, хохлик*). Анализ лексического материала показывает, что этот злой дух представлялся носителям языка существом, которое имеет конкретный облик и определенные черты характера. Так, в отличие от людей, чёрт беспят, то есть вместо ног имеет копыта (*беспятый, анчутка беспятый*). У него есть хвост, но не длинный, а короткий и, возможно, изуродованный на конце (*куцый, корнахвостик*). Существо покрыто черной шерстью или кожей темного цвета (*волосатик, волосатка, мурин, черный*). Голова его венчается по одним представлениям лысиной (*лысой*), а по другим – хохлом (*хохлик*). Он обитает в мире, противостоящем миру людей (*ненаш*), и враждебно относится к людям (*недруг, вражбина, вражня, вражина*). Злой дух хитёр (*лукавый, луканька*), он может

приходить к людям в виде болезни, являясь её воплощением (*пралик*). Вследствие этого носители языка воспринимают его как существо нечистое (*некошный*, *немытик*, *нечистый*, *нечистик*), отвергаемое людьми (*окаянный*, *окаятка, окаяшка*). Указанные диалектные наименования нечистой силы встречаются и в пословицах русского народа: *Ты только затор затори (т.е. на пиво), а уж некошный чашку подставляет*; *Чёрта нянчить; пестовать ногами некошного (т.е. сидя качать ногами)*; *Некошный пошутит – чего не нашутит*; *Луканька (т.е. лукавый) хвостом накрыл* (говорят, если что-то в глазах пропадет, а потом найдется); *Луканька, поиграй да и нам отдай!* (говорят, когда ищут пропавшую вещь) [Даль 2004: 55]. В качестве эвфемизмов в говорах изредка используются либо имена собственные (*Амфилат*. Чёрт, нечистый дух. Калуж. [Словарь русских народных говоров 1965: 253]), либо их дериваты, имеющие разговорный характер (*Антипка, Антипка беспятый*. Чёрт. Калуж. [Словарь русских народных говоров 1965: 261]).

Таким образом, лингвокультурологическое исследование диалектной лексики русского национального языка позволяют ещё раз подтвердить её ценность как источника не только языковой, но и культурологической информации, обратить внимание лингвистов на этот уникальный лексический пласт.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 2004. – 752с.
3. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – М.:Наука, 1987. – 315с.
4. Норман, Б. Ю. Теория языка [Текст] / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта-Наука, 2004. – 296с.
5. Словарь русских народных говоров [Текст] / Под ред. Ф. П. Филина.– Вып. 1 – 23. – М.: Русский язык, 1965 – 1997.
6. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. – М.: Языки славянской культуры, 1995. – 295с.
7. Уфимцева, А. А. Лексическое значение [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239с.

Н.А. Гриднева
Самара, Россия

СЛОВАРИ ЦИТАТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Цитирование широко распространено в современном дискурсе, знание цитат и стоящих за ними представлений во многом предопределяет понимание текста [Карасик 2002]. Цитаты принадлежат к прецедентным феноменам, входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества. Являясь объектом рассмотрения различных лингвистических направлений, цитата получает различные названия (текстовая реминисценция, чужое слово, чужая речь, прецедентное высказывание, прецедентный текст, интертекст).

Мы рассматриваем цитату как единицу языка и культуры, как продукт речи, который подлежит восприятию и интерпретации, как материал, который регулярно актуализируются в речи лингвокультурного сообщества. Необходимыми характеристиками цитаты является наличие атрибуции (связь с образом автора, с текстом-источником), значения, совокупности «инвариантных знаний и представлений», общих для большинства носителей языка. Эти качества цитаты позволяют говорить о возможности ее лексикографической фиксации и описания [Лысикова 2005].

Что же такое словарь цитат (здесь и далее – СЦ)? Из английских СЦ мы узнаем, что это сборник общеизвестных, оригинальных, остроумных, авторских речений:

- A quotation dictionary is *a selection of the quotations that are most widely known and used* [Oxford Dictionary of Quotations].
- A dictionary of quotations is *a treasure-house of memorable, unexpected, witty and apposite sayings and writings* over many centuries arranged alphabetically by author for easy reference [Chambers Dictionary of Quotations].

О СЦ высказывались известные политики, писатели, ученые, например:

- It is *a good thing for an uneducated man* to read books of quotations [Sir Winston Leonard Spencer Churchill].
- *The wisdom of the wise and the experience of the ages* may be preserved by a quotation dictionary [Isaac D'Israeli].

Таким образом, СЦ – особое лексикографическое произведение, которое фиксирует и описывает цитаты из разных источников, это зеркало, отражающее картину мира, и просто увлекательная книга выборочного чтения для широкого круга читателей. СЦ выполняет информативную и мнемоническую функции. Он призван показывать структурно-семантические и прагматические особенности цитат. Кроме того, СЦ,

являясь конденсатором культурной памяти, играет немаловажную роль в осмыслении культурного наследия народа.

Первые английские СЦ стали появляться в начале в XVIII века из-за необходимости и желания зафиксировать и коллекционировать популярные речения, меткие, выразительные высказывания. До этого периода цитаты фиксировались в толковых словарях. Яркий пример тому – «Словарь английского языка» С. Джонсона, который содержит 114 тысяч цитат. По поводу использования цитат в толковом словаре С. Джонсон писал*: «Every quotation contributes something to the stability or enlargement of the language»* [Johnson 1747: 54]. «Словарь английского языка» стал источником многих литературных цитат, а также источником антицитат и способствовал началу работы над созданием цитатного фонда. В XVIII веке широкое распространение получают комические СЦ – сборники шутливых и сатирических высказываний ученых, философов, писателей, политиков. Один из первых сатирических СЦ, появившихся в Англии, был создан мировым судьей, журналистом, драматургом Г. Филдингом.

Структура первых СЦ была неоднородна и отличалась большой фрагментарностью, так как далеко не все цитаты получали атрибуцию. Словарная статья в основном состояла из 2-х компонентов: автор и цитата, отсутствовала зона толкования. В лучшем случае указывалось точное происхождение цитаты. Один из первых наиболее известных СЦ в английской лексикографии *The Oxford Dictionary of Quotations* (ODQ) появился в 1941 году. Последнее издание было дополнено значительным количеством новых ярких высказываний. Расширился круг источников цитат. Ведущими источниками в настоящее время являются литературные произведения и СМИ. Например:

6.20 F. Scott Fitzgerald 1896-1940

Let me tell you about the very rich. They are different from you and me. *All Sad Young Men (1926) "Rich Boy"* (Ernest Hemingway's rejoinder in his story "The Snows of Kilimanjaro" - in Esquire Aug. 1936 -was: "Yes, they have more money")

19.51 Bill Shankly 1914-1981

Some people think football is a matter of life and death. I don't like that attitude. I can assure them it is much more serious than that. *In Sunday Times 4 Oct. 1981*

23.45 Thornton Wilder 1897-1975

Marriage is a bribe to make a housekeeper think she's a householder. *Merchant of Yonkers (1939) act 1*

25.4 Robert Zemeckis 1952 - (Bob Gale 1952 -)

Back to the future. *Title of film (1985).*

Примеры словарных статей показывают, что ODQ состоит из авторских рубрик, расположенных в алфавитном порядке. В заголовке авторской рубрики указывается наиболее известное имя автора (нередко псевдоним), годы жизни, затем в хронологическом порядке приводятся цитаты с точным указанием источника. В некоторых случаях, когда требуется пояснение плана содержания или выражения цитаты, используется дополнительный комментарий (см. пример 1). Все цитаты на странице подвергаются индексации.

В последние годы СЦ переживают бум. Каждое последующее собрание становится рациональнее, полнее своих предшественников. Сейчас во многих английских СЦ мы можем наблюдать обновление состава. Ведется работа по уточнению атрибуций, формируется зона толкования, разрабатывается удобный поисковый аппарат, система сокращений, помет. Нельзя не отметить и тот факт, что использование компьютерной техники открывает новые возможности, становится стимулом для дальнейшего развития прикладной лексикографии, создания новых типов СЦ.

В настоящее время в английской лексикографии существуют не только общие СЦ, но и частные, например: **словари классических цитат** *(Hugh Percy Jones. Dictionary of Classical Quotations: Comprising idioms, proverbs, mottoes, allusions*), **политических цитат** (*Chambers Dictionary of Political Quotations*), **женских высказываний** (Michael McKee. Great *Quotes from Great Women)*; **античных высказываний** (Henry Thomas Riley. A Dictionary of *Latin and Greek Quotations, Proverbs, Maxims and Mottos, Classical and Medieval*; Including *Law Terms and Phrases*); **литературных цитат** (Peter Kemp. Oxford Dictionary of *Literary Quotations*), **комических цитат** (The Oxford Dictionary of *Humorous Quotations),* **цитат о любви и сексе** (Jean F. Thomsett. *Sex and Love Quotations*: A Worldwide Dictionary of Pronouncements *About Gender and Sexuality* Throughout the Ages); **цитат на военную тематику** (Trevor Royle. Collins Dictionary of *Military Quotations),* **на спортивную тематику** (Colin Jarman. The Guinness Dictionary of *Sports Quotations).*

Многообразие СЦ вызывает необходимость их систематизации, создания типологии этого справочного материала. Мы сделали попытку разработать типологию СЦ, опираясь на общую типологию лексикографических источников, на определение понятия о словаре цитат, его функции и дифференциальные признаки. Мы выделили 11 основных параметров типологизации СЦ: способ расположения материала, объем, временной охват, источники цитат, диапазон параметров описания и соотношению со смежным материалом, статус потенциального пользователя, прагматика цитирования, частотность, языковая принадлежность цитатного материала, лексикографическая

форма, технология создания и эксплуатации.

В заключение следует отметить, что многие вопросы в области лексикографирования цитат остаются не до конца изученными: проблема отбора и расположения цитат, организация макро- и микроструктуры словаря. Анализ ряда СЦ показал, что чаще всего страдает зона дефиниции и прагматики, что указывает на важность и перспективность работы в этом направлении. Не менее важной проблемой является составление новых типов СЦ, фиксирующих маргинальные единицы, к числу которых мы относим: **цитаты-аллюзии** – знаки-указатели, которые в свернутом виде отсылают к фактам накопленного социального знания (библейским, историческим, литературным и др.), скрытые цитаты, среди которых много цитат-заголовков, крылатых цитат. Например: *«This Side of Paradise»* («По ту сторону рая») – название первого романа американского писателя Ф.С. Фицджеральда – строка из популярного стихотворения английского поэта Руперта Брука «Тиара с острова Таити». У Брука эта фраза означает «здесь, на земле», или «здесь, в этой жизни»; **антицитаты** или модифицированные цитаты с новым или искаженным смыслом («ходячие», неточные). Например, высказывание музыканта Стива Сволоу о джазе "*Eventually, an idea always comes, and then the rest is science*"; **автоцитаты,** когда один и тот же автор в разные периоды своего творчества использует одну и ту же словесную формулу [Козицкая 1994: 159-160]. Это может быть удачно найденная форма, к которой автор неоднократно возвращается, наполняя ее новым смыслом, например, *«darkness»* у американской поэтессы Эдны Миллей *("the darkness of the grave", "die in darkness", "share the darkness"*) или фраза английского журналиста Бернарда Левина *"whom the mad would destroy, they first make gods", "whom God would destroy he first sends mad";* **цитаты-термины**, например: *Aquarian age* (Dowling, Levi H.), *The Beat Generation* (Kerouac, Jack), *Black Box* (Ashby, William Ross), *Cold war* (Baruch, Bernard Mannes), *Cyberspace* (Gibson, William Ford), *New Look* (Dior, Christiane).

Все вышеперечисленные явления часто всплывают в текстах разных жанров и потому требуют фиксации и объяснения в особых типах СЦ. Кроме того, учитывая тот факт, что цитаты – полифункциональные единицы, а СЦ могут выступать не только в качестве инструмента для получения информации о плане выражения и содержания цитаты, но и в качестве учебного пособия по лингвострановедению и межкультурной коммуникации, все больше осознается необходимость создания учебных СЦ, их использования в практике преподавания и изучения иностранных языков.

Список литературы

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476с.

2. Козицкая, Е.А. Автоцитаты в лирике как элемент художественного текста [Текст] / Е.А. Козицкая // Гуманитарное знание и педагогическая деятельность: тез. респ. науч.-пр. конф., 4-6 окт. 1994 г. – Пермь, 1994. – С. 159-160.
3. Лейчик, В.М. Типология словарей на пороге XXI века [Текст] / В.М. Лейчик // Вестник международного славянского университета. – Харьков, 1999. – Т. 2. – № 4. – С. 7-10.
4. Лысикова, Ю.А. Лексикографирование цитат [Текст] : автореф. дисс. … канд. филолог. наук / Ю.А. Лысикова. – Орел, 2005. – 22с.
5. Муравлева, Н.В. Лингвострановедческий словарь как продукт межкультурной коммуникации [Текст] / Н.В. Муравлева // Восток и Запад. Диалог культур. – М., 2000. – С. 478-489.
6. Johnson, S. The Plan of an English Dictionary [Text] / S. Johnson. – London, 1747. – 422p.

Н.В. Гуслякова
Ставрополь, Россия

КОММУНИКАТИВНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ АДРЕСАНТ – ТЕКСТ – АДРЕСАТ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ЗАГОЛОВКА В ПРЕССЕ (на материале газетных текстов переходного периода)

Вопрос о функциях газетного заголовка решается в литературе по лингвистике неоднозначно и связывается, как правило, с особенностями коммуникативного процесса. Поэтому при классификации функций газетный заголовок, как и более широкое понятие – заголовочный комплекс, обычно рассматривается с позиции ценности в ходе интеракции с использованием масс-медиа. Чтобы пояснить специфику функций текстового заголовка, следует, по нашему мнению, остановиться на некоторых аспектах деятельности участников газетной коммуникации – отправителя газетной информации (журналиста) и его читателя, а также охарактеризовать специфику газетного дискурса как особого коммуникативного канала.

В современных исследованиях по теории массовой коммуникации отправитель информации рассматривается как гетерогенный социальный субъект. При этом упор делается на тот факт, что «журналист не только выражает свою собственную позицию или позицию владельца периодического издания, но, в большинстве случаев, отправителем коммуникации (Ausgangskommunikator) становятся другие люди, к примеру, политики» [Hömberg, Fabris 1976: 261]. Социологические концепции по-разному интерпретируют участие журналиста в процессе производства текста газеты. В. Донсбах выделяет следующие его социальные роли в масс-медийном дискурсе:

1) журналист как «первооткрыватель» новых тем и идей;
2) журналист как педагог;
3) журналист как посредник [Donsbach 1981: 45].

В качестве иллюстрации к данной классификации социальных ролей журналиста рассмотрим заголовок из немецкой газеты "*Abendzeitung*" (06.03.1990) периода объединения Германии. Он включает заголовок *Dieser Regisseur kommt groβ raus* и подзаголовок *DDR-Wahl: AZ stellt "Bündnis 90" vor*. В заголовке сообщается журналистская оценка деятельности руководителя одной из политических партий в ходе объединительного процесса (актуализируется роль журналиста как педагога, стремящегося повлиять на решение своих читателей, являющихся потенциальными избирателями). Подзаголовок сообщает фактуальную информацию об описываемом событии, делается указание на то, о чем пойдет речь в статье (о характеристике одной из участвующих в предвыборной гонке партий – *"Bündnis 90"*), т.е. журналист предстает здесь как «первооткрыватель» новых тем и идей. В то же время это представление ведется от имени периодического издания, которое является субъектом конституирующего подзаголовок предложения: ***AZ*** *stellt "Bündnis 90" vor.*

С позиции нашего исследования релевантным представляется также тот факт, что «автор-журналист, руководствуясь желанием воздействовать на читателя, определяет способ речевой организации своего материала. Существенно, что он имеет право на домысел, но не искажающий факты» [Вахтель 2005: 13]. Из сказанного следует факт сосуществования в газетном тексте вообще и в заголовочном комплексе как в его «сильной позиции» в частности информативной и воздействующей функций. К примеру, рассмотрим следующий заголовочный комплекс из газеты *"Frankenpost"* (22./ 23.11.1989), где заголовок *Die ungleiche Schwester* содержит эмоционально-окрашенную оценку ситуации с ярко выраженной воздействующей функцией, достигаемой при помощи использования метафоры, отождествляющей позиции ФРГ и ГДР в ходе объединения с отношениями между неравными сестрами, а подзаголовок *Schwache Ost-Währung immer in Hintertreffen / Rapider Kursverfall* эксплицирует информацию об описываемых событиях.

Адресант текстов СМИ существенно отличается по своей природе от реципиента традиционной устной формы вербальной интеракции. Как отмечается в большинстве современных лингвистических, социологических и психологических исследованиях газетной коммуникации, он обладает следующим набором характеристик: массовостью, анонимностью, рассредоточенностью, отсутствием непосредственной связи с инициатором сообщения [Костомаров 1971].

Кроме того, следует отметить, что аудитория СМИ зачастую имеет разный образовательный уровень, возраст, пол, а также различные коммуникативно-прагматические цели в процессе чтения газетных текстов. Таким образом, при

восприятии статей «личность создает собственный текст, текст-интерпретацию, который зависит не только от исходного текста, но и от особенностей воспринимающего» [Лазарева 1994: 11]. Заголовок направляет восприятие реципиента, играя тем самым фатическую функцию, т.е. функцию налаживания контакта с удаленным автором статьи, являющимся инициатором коммуникативного действия:

- *Resiegnierten wir alle?* [Sächsische Tageblatt 20.11.1989];
- *Grenzgang mit Pferd?* [Tribüne 23.11.1989].

На современном этапе круг реципиентов газетного текста заметно сузился, что связано с распространением сфер влияния электронных масс-медиа: его адресатом являются, в основном, «те группы населения, которые редко смотрят телевизор – это люди старшего поколения или просто более образованные и имеющие более высокий социальный статус» [Вахтель 2005: 11]. На лицо также селективность восприятия материалов СМИ: газета редко читается от корки до корки, довольно часто реципиент ограничивается просмотром заголовков. Отсюда следует их значение в процессе современной коммуникации в дискурсе периодической печати. Н.М. Вахтель справедливо отмечает в этой связи, что читатель «не механически перерабатывает полученную из газет информацию, а отсеивает нужное ему, сортирует ее по степени важности и необходимости, и происходит это уже при восприятии заголовка как микротекста» [Вахтель 2005: 10]. Таким образом, заголовок (заголовочный комплекс) создает вектор восприятия информации, заложенной отправителем в текст статьи, что можно истолковать как его графически-выделительную функцию.

Специфика газетного дискурса как особого коммуникативного канала также накладывает определенный отпечаток на функции газетного заголовка. Периодическая печать носит идеологический, воздействующий характер: «Зная, чьи интересы выражает та или иная газета, можно создать общее впечатление о представленной в ней информации, ее прагматической направленности, коммуникативно-информационной задаче, которую ставит перед данным выпуском издатель» [Грушевская 2002: 11]. Этот факт определяет наличие воздействующей функции заголовочного комплекса, которая с наибольшей интенсивностью выражается с помощью конструкций в повелительном наклонении. При этом подзаголовок, как правило, отсутствует, что подчеркивает значимость призыва: *Bleibe im Lande und wehre dich täglich!* [Junge Welt 06.11.1989]; *Jetzt oder nie – Demokratie!* [Neues Forum Leipzig 02.10.1989].

Для интерпретации функциональной специфики газетных заголовков релевантным представляется также характер социальных ролей журналиста и читателя. Если первый предстает как своего рода «поставщик информации», то второй выступает

в качестве ее «покупателя» [Майданова 2000:83]. Следовательно, журналист, согласно законам рынка, вынужден заботиться о привлекательности оформления товара. Указанный социокультурный факт обусловливает существование рекламной функции газетного заголовка, которая необходима для того, чтобы читатель обратил внимание именно на данную конкретную статью, выделив ее из пестрой палитры материалов СМИ. Данная функция заголовочного комплекса в большинстве случаев реализуется с помощью экспрессивной лексики в заголовках статей: *Glasnost ist* ***keine Banane!*** [Junge Welt 06.11.1989]; *Und jetzt etwas* ***Verrücktes*** [Abendzeitung 14.03.1990] и фразеологии: *NATO-Zugehörigkeit bleibt* ***Zankapfel*** [Frankfurter Rundschau 13.02.1990]; *Manche* ***leben wie die Made im Speck*** [Tribüne 06.03.1990]. При этом подзаголовки, как правило, нейтральны с позиции эмоциональности и экспрессивности: ведь заголовок уже выполнил свою функцию, привлек читательский интерес к материалу. В процессе дальнейшего изложения сообщения пришло время обращаться к изложению сущности описываемой социально-политической, экономической или культурной проблемы.

Приведенные в статье размышления позволяют сделать вывод о наличии коррелятивной зависимости между социокультурной спецификой газетной коммуникации и функциональной направленностью заголовочных комплексов в СМИ.

Список литературы

1. Вахтель, Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика [Текст] : дис. … докт. филол. наук / Н.М. Вахтель. – Воронеж, 2005. – 271с.
2. Грушевская, Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста [Текст] / Т.М. Грушевская. –СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 116с.
3. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В.Г Костомаров. – М.: МГУ, 1971. – 267с.
4. Лазарева, Э.А. Газета как текст [Текст] : автореф. дис. … докт. филол. наук / Э.А. Лазарева – Екатеринбург, 1994. – 31с.
5. Майданова, Л.М. Функционально-стилевые разновидности русской речи. Газетно-публицистический стиль. Метаморфозы коммуникантов [Текст] / Л.М. Майданова // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: УралГУ, 2000. – С. 80-97.
6. Donsbach, W. Selektive Zuwendung zu Medieninhalten. Einflußfaktoren auf die Auswallentscheidung der Rezipienten [Text] / W. Donsbach // Kaase M., Schultz M. (Hrsg.) Massenkommunikation: Theorien, Methoden, Befunde. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. – S. 392 - 406.
7. Hömberg, W., Fabris, H. Politische Rolle der Journalisten [Text] / W. Hömberg, H. Fabris // Einfűhrung in die Kommunikationswissenschaft. – Műnchen: Verlag Dokumentation, 1976. – S. 259 - 289.

А.Р. Давлетбердина
Уфа, Россия

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Устойчивое сравнение относится к разряду таких образных средств языка, которые наделены способностью выражения национального сознания и обладают большим гносеологическим потенциалом, позволяющим им создавать в языке новые художественные образы. Вслед за Л.А.Лебедевой мы склонны считать, что выбранный нами для исследования объект – устойчивое сравнение – относится к числу универсальных средств развития языка и является особой языковой единицей, участвующей практически в любой сфере познания и несущей в себе различные виды информации. Оно связано с таким фундаментальным понятием человеческой деятельности, как понятие категоризации, предполагающим способность человека классифицировать явления, систематизировать наблюдаемое и видеть сходство одних сущностей в противовес различию других.

Рассматриваемая языковая единица – это самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету. В современной науке существуют различные интерпретации сравнения в зависимости от того, в какой области науки ведет свои исследования тот или иной ученый. Особенно много работ посвящено изучению сравнения в структурно-типологическом и семантико-функциональном аспектах (Н. А. Широкова, А. И. Федоров, Л. А. Лебедева, В. М. Огольцев, Г. А. Судоплатова), в то время как исследований в когнитивном, лингвокультурном и прагматическом аспектах очень мало. Лингво-когнитивному аспекту рассматриваемого явления посвящены работы В.А. Масловой, В.В. Красных.

Подчеркнем, что сравнение – это явление междисциплинарное, и каждая область науки склонна определять его по-своему. В филологии данное явление рассматривается как один из видов тропа. Так, Н.Д. Арутюнова [1999], определяя сравнение, обращает внимание на его близость к метафоре, и приводит несколько существенных признаков отличия между ними. Во-первых, для сравнения характерна свобода в сочетаемости с предикатами разных значений, метафора же лишена синтаксической подвижности (*Он горд и непреклонен словно скала* и *Этот человек – скала)*. Во-вторых, метафора лаконична, поэтому сокращает речь, а сравнение ее распространяет. В классическом варианте сравнение трехчленно (А сходно с В по признаку С), для метафоры в норме характерны две составляющие (А есть В). По мнению ученого, подобие (сравнение) может быть иллюзорным, это то, что показалось. Метафора – это то, что есть. Ср.: *Сегодня она порхала, как птица* и *Этот мальчик – настоящий медвежонок.*

В психологии принята трактовка сравнения как одного из мыслительных процессов, по этой причине оно определяется как логическое умозаключение, особый вид интеллектуальной деятельности человека. В философии оно рассматривается как мощное средство познания мира: «Взгляд на компаративные конструкции как на познавательную модель естествен и предопределен самой природой «выразителей» логико-семантических отношений и их функционированием» [Еримбетова 2001: 323]. В широком понимании сравнение – это установление тождества и различия между явлениями действительности, а способность сравнивать, по замечанию исследователей, является неотъемлемым составляющим процесса человеческого познания и представляет собой важное средство формирования языка. Известно, что в сравнениях ярко представлена языковая картина мира, эталоны и стереотипы национальной культуры, мировидение всего языкового коллектива, его различных страт и отдельных индивидов, его природа имеет глубокие корни в языке и культуре.

Как и любая языковая единица, устойчивое сравнение обладает признаками, отличающими его от других явлений подобного рода. Поэтому, считаем целесообразным, в рамках данного исследования более подробно рассмотреть его структуру, функции, способы выражения и признаки.

В большинстве случаев, исследуя структуру компаративной единицы, ученые сходятся на том, что она состоит из нескольких частей: того, что сравнивается, того, с чем сравнивается, и основания для сравнения (*словно бусинки глаза, по-детски наивный взгляд, проще пареной репы и т.д*). В разных исследованиях эти компоненты получают различное терминологическое обозначение: «субъект», «объект», «признак предмета» [Огольцев 1978: 8]; «номинатив», «ассоциатив» и «символ» [Блинова 1997: 8]; «денотат», «образный компонент» и «основание» [Лютикова 1999: 23]. Л.А. Лебедева даёт определение сравнения с точки зрения его формы: «...это многокомпонентное образование, отражающее логическую формулу сравнения А — С — mВ, где А — субъект сравнения (то, что сравнивается), С — основание (признак сравнения), В – объект сравнения (то, с чем сравнивается), а m — модус сравнения, обычно выраженный одним из сравнительных союзов», например, *глупый, как баран; преданный, как собака; ленивый, как кот* [Лебедева 1999: 7]. В зависимости от того, включена ли в рассматриваемую структуру компаративная связка, она может представлять собой трех- или четырехчленную конструкцию [Маслова 2001 и др.]. Отметим, что наличие в структуре данной языковой единицы связки, выраженной сравнительным союзом, зависит от типа компаративной конструкции. Материалом нашего исследования послужили данные свободных ассоциативных экспериментов – ответы испытуемых,

представляющие собой только четырехчленные сравнения, т.е. те, которые были образованы при помощи компаративной связки: ДОБРЫЙ, КАК *мама;* ВЕСЕЛЫЙ, КАК *клоун;* ГЛУПЫЙ, КАК *пень* и т.д.

Говоря о формах выражения устойчивых сравнений (УС), следует подчеркнуть, что они довольно разнообразны в русском языке – это и творительный падеж сравнения (*губы сердечком*), и сравнительная степень прилагательных при существительных в творительном падеже (*лицо мрачнее тучи*), и сравнения с лексическими элементами «похож», «подобный» (*специалист подобен флюсу*), и сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный» (*дугообразные брови*), и наречия, образованные от притяжательных прилагательных с формантом «по-» (*по-лисьи хитер*) [Лебедева 1999: 54].

Используемые в процессе познания сравнения способны выполнять как теоретико-познавательные функции, так и функции социокультурные, связанные с объяснением тех или иных процессов, происходящих в социуме. Осуществляя когнитивную функцию в языке, они способствуют освоению действительности, а также формированию новых гносеологических образов [Телия 1996: 35]. Образ, лежащий в основе сравнения, во многих случаях является представлением, адекватно отражающим мир. В каждом языке существует определенная «точка отсчета», с которой начинается формирование представлений у носителей конкретного языка.

Таким образом, основная функция сравнений сводится не только к передаче эмоций, но и к формулированию различных видов знания. Сравнительные единицы являются отражением той интерпретации мира, которая принадлежит тому или иному этносу, народу. Различия в восприятии и концептуализации мира языковыми средствами в разных языках могут оказаться существенными даже при их родственности. Вслед за В.Н. Телия мы пытаемся рассматривать сравнения не только как языковое, но и одновременно как когнитивное средство, поскольку важен учет его познавательного потенциала.

Семантика сравнения требует специального определения. Значение образного сравнения определяется путём анализа всех перечисленных выше семантических компонентов – субъекта, объекта и основания, не являясь суммой обозначенных составляющих, которые сохраняют свое прямое значение и передают метафорическое представление о предмете речи. Таким образом, семантика образа сравнения, по мнению многих специалистов, – это реализация сдвоенного видения явления действительности, закрепленная за особой языковой формой. В предпринятом исследовании устойчивых сравнений как единиц, специфическим образом отображающих национально-

культурный компонент значения, мы сформулировали следующее рабочее определение исследуемой языковой единицы. Сравнение – это синтаксически членимая языковая единица, обладающая образностью и сравнительной семантикой, состоящая из субъекта, объекта, основания сопоставления и оформленная при помощи соответствующих формальных средств выражения сравнительного значения. Разделяя некоторые положения концепции В.М. Огольцева, полагаем, что сравнение – это первичная форма языкового образа, позволяющая приблизиться к некоторым вербальным особенностям национального сознания, своеобразию языковой картины мира русских, башкир и татар в сравнении с носителями других языков.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896с.
2. Еримбетова, А. М. Познавательный потенциал сравнения (на материале русского и казахского языков) [Электронный ресурс] / А. М. Еримбетова // Режим доступа: http://www.philol.msu.ru /rus. 2001, свободный.
3. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии [Текст] / Л. А. Лебедева. – Краснодар: КубГУ, 1999. – 192с.
4. Лютикова, В. Д. Языковая личность и идиолект [Текст] / В. Д. Лютикова. – Тюмень, 1999.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208с.
6. Огольцев, В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка [Текст] / В. М. Огольцев. – Ижевск: Удмуртский ГУ, 1994. – 511с.
7. Словарь образных слов и выражений народного говора [Текст] / сост. О.И. Блинова, С. Э. Мартынова, Е. А. Юрина. – Томск: НТЛ, 1997. – 308с.
8. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семиотический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 300с.

Ю.А. Дрыгина
Белгород, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ПОДФРЕЙМ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Антропоцентрическое направление современной лингвистики уделяет особое внимание проблеме преломления информации об окружающем мире в человеческом сознании и анализу механизмов, задействованных в репрезентации человеческих знаний на языковом уровне.

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей взаимодействия семантических свойств лексических единиц со значением управления с когнитивным основанием – фреймом «управление», лежащим в основе данного взаимодействия.

Фрейм «управление» представляет собой когнитивную пропозициональную модель ситуации управления, имеющую концептуальные основания и определяющую семантические и синтаксические особенности объективирующих его лексем. Структура данного фрейма, являющегося единством ряда взаимосвязанных подфреймов, в том числе подфреймов управления государством, управления бизнесом, управления транспортным средством и т. д., представляет собой иерархию обязательных и факультативных компонентов и признаков. Семантико-синтаксическая специфика каждого глагола, репрезентирующего фрейм управления, определяется динамичностью фреймовой модели, её способностью к переструктурации. Проиллюстрируем это на примере некоторых ядерных глаголов, объективирующих подфрейм управления государством.

Самым частотным глаголом-репрезентантом подфрейма государственного управления является глагол govern. Он выражает идею управления государством в наиболее общей, простой и абстрактной форме, не отражая в своей семантике способ управления, не предполагая определённого субъекта или объекта управления. На языковом уровне в составе предложений-высказываний, содержащих данный глагол, могут находить языковое выражение все факультативные компоненты и признаки фрейма, дополнительно уточняющие ситуацию управления, например:

While Richard was away, England was governed by his brother John, who was unpopular [O'Driscoll 1997: 19].

В данном примере посредством определительного придаточного предложения вербализуется факультативный компонент фрейма *характеристики субъекта* управления (was unpopular), позволяющий репрезентировать отношение к управляющему в реальной действительности.

Компоненты *способ управления, время* и *продолжительность управления* чаще остальных факультативных компонентов фрейма получают языковую экспликацию в виде наречий (effectively, successfully, well и др.), обстоятельств места, придаточных предложений времени:

The cantons were governed as inefficiently as other governments under the protecting shade of the Holy Alliance [Dalberg-Action 1985: 77].

Lord Liverpool governed England in the greatest crisis of the war, and for twelve troubled years of peace… [Dalberg-Action 1985: 157].

Как и глагол govern, глаголы rule, reign и command также являются ядерными лексемами-репрезентантами подфрейма государственного управления. Их семантическую специфику определяет тот набор компонентов и признаков фрейма, на которые «выдвигаются на первый план» при переструктурации фрейма как ментального

коррелята реальной ситуации для её адекватного отображения средствами языка. Каждый глагол управления отражает ситуацию управления государством по-разному.

Второй по частотности ядерный глагол, вербализующий подфрейм государственного управления, – rule, подобно глаголу govern, представляет ситуацию государственного управления в наиболее общем виде. Но в случае с глаголом rule присутствуют некоторые ограничения для набора лексем, способных репрезентировать компоненты *субъект* и *объект* на языковом уровне. В терминах фреймовой семантики этот факт можно объяснить тем, что данные компоненты профилируются в структуре фрейма.

Компонент объект в предложениях-высказываниях с глаголом rule, как показывает анализ его дефиниций, вербализуют лексемы, называющие государство и людей его населяющих: rule – to have the official power to control the country and the people who live there [LDCE 2001: 1241]. Проследим это и на функциональном уровне:

On Ethelred's death in 1016, the Viking leader Cnut was effectively ruling England [Britannica].

Анализ дефиниций данной глагольной лексемы подтверждает также перспективизацию в структуре фрейма обязательного признака *обладание властью*: rule – to exercise authority or power over [M-W 1993: 857].

Значение «власть», передаваемое данной лексемой-репрезентантом, предполагает обладание властью авторитарной, единоличной, абсолютной, что детерминирует также семантические особенности лексемы, вербализующей обязательный компонент *субъект*. Анализ фактического материала показывает, что данный компонент репрезентируется лексемами king, emperor, monarch, queen, dictator и т.д., например:

The Annamese emperor, Khai Dinh, in theory ruled the two northern regions from Hue with the benefit of French protection [Grey 1982: 9].

Разграничивая области употребления глагола govern и близкого по значению к нему rule можно отметить, что глаголу rule отдаётся предпочтение при описании авторитарного управления, когда власть сосредоточена в одних руках или небольшой группы людей. Это может быть, например, абсолютная монархия или государство с тоталитарным режимом. Глагол govern употребляется для репрезентации такой ситуации, когда власть ограничена законодательными нормами, а форма правления – конституционная (парламентская) монархия или республика.

В семантике ядерного глагола command акцентируется идея обладания подавляющей неоспоримой властью, авторитетом, полномочиями в военной среде, что подтверждается включением в его лексикографическое толкование сочетаний dominating

influence, within one's power: command – to exercise a dominating influence over; have within one's authority or power [M-W 1993: 352]. В структуре подфрейма государственного управления, таким образом, профилируется обязательный признак *обладание властью*.

В словарных дефинициях данного глагола также отмечены ограничения на круг лексем, способных вербализовывать компоненты *объект* и *субъект,* которые также профилируются в структуре фрейма, на функциональном уровне: command – to be responsible for giving orders to a group of people in the army [LDCE 2001: 263].

Типичная сцена, которую активизирует глагол command, включает:

- управляющего, являющегося военнослужащим (представителем не только армии, но и других государственных силовых структур), как правило, офицером командного состава, включая главу государства:

…the Germans were commanded by kings [Dalberg-Action 1985: 69].

- управляемого, являющегося группой военнослужащих, составляющих вооружённые силы и другие силовые структуры, их любое подразделение:

With his tan uniform he wore the red forage cap of the Moroccan regiment he had once commanded [Grey 1982: 439].

Ещё одним глаголом, способным объективировать только подфрейм государственного управления, является глагол reign. Значение «управление государством» – основное словарное значение данного глагола, однако он не столь рекуррентен как другие. Отнести его к группе ядерных лексем позволяет способность отражать в своей семантике все этапы сценария управления государством.

Обращение к лексикографическому толкованию данного глагола позволяет очертить круг ситуаций, которые он может репрезентировать: reign – to be king or queen [LDCE 2001: 1192], hold supreme authority in a state, govern as king, emperor or other royal ruler [M-W 1993: 964].

Как видно, компонент СУБЪЕКТ в предложениях-высказываниях с данным глаголом вербализуется лексемой, номинирующей лицо, обладающее монархической властью:

Herod, who reigned over Palestine at the time, could not even claim to be a Jew by birth [BNC: EDY 448].

Проведённый анализ подтверждает одно из ведущих положений фреймовой семантики о том, что лексическая единица приобретает своё значение благодаря «высвечиванию» (профилированию) определённого участка когнитивной структуры, лежащей в её основе. Набор компонентов и/или признаков, выходящих на первый план,

когда остальные игнорируются, обеспечивает семантическое своеобразие каждой глагольной лексемы со значением управления. Таким образом, возможно обозначить ситуации, в которых предпочтительно употребление того или иного глагола-репрезентанта фрейма из синонимического ряда для оформления предложения-высказывания.

Список литературы

1. Britannica online [Electronic resource]: encyclopædia. – 2008. – Mode of access: http://www.britannica.com/
2. Dalberg-Action, J. E. E. Essays in the history of liberty. Selected writings of Lord Action [Text] / J. E. E. Dalberg-Action. – Indianapolis: Liberty classics, 1985. – Vol. 1. – 557p.
3. Grey, A. Saigon [Text] / A. Grey. – L. : Pan books, 1982. – 747p.
4. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text] – 3 ed., with new words supplement. – L. : Pearson Education Limited, 2001. – 1668p.
5. O'Driscoll, J. Britain [Text] / J. O'Driscoll. – Oxford: OUP, 1997. – 224p.
6. BNC – Simple Search of BNC-World [Electronic resource] / British National Corpus . – Mode of access: http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html.
7. M-W – Webster's Third New International Dictionary of the English Language [Text] : Unabridged : in 3 vol. – Chicago: Merriam-Webster, 1993.

Л.Ю. Дудченко
Псков, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО КОМПОНЕНТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ РУССКИХ ИКОН

Наименования икон, в дальнейшем именуемые *эйконимами* (от греческого "eikon" – образ), составляют обширный пласт православной лексики, до сих пор не получившей должного лексикографического описания в английском языке. Проблема англоязычного описания реалий русской Православной церкви (РПЦ) обозначилась после распада СССР [Кабакчи 2001: 86], в период возрождения религиозной жизни в России, расширения контактов между конфессиями. В процессе межкультурной коммуникации встал вопрос о корректном описании различных сторон деятельности РПЦ, о ревизии уже существующих лексико-семантических вариантов, которые зачастую искажали православную основу термина, подменяя его уже существующим католическим термином. Целью данной статьи является анализ особенностей реализации православного компонента в англоязычных эйконимах.

Язык, благодаря функциональному дуализму [Кабакчи 2005: 164], может использоваться для описания как внутренней, так и внешней культуры. Согласно терминологии В.В.Кабакчи, языковые единицы, описывающие элементы мировой культуры, в нашем случае реалии религиозной культуры, можно обозначить как культуронимы [Кабакчи 2001: 7]. Культуронимы включают полионимы, идионимы и

ксенонимы. Полионимы (от греческого *поли* “много”+ *оним)* – это относительно универсальные культуронимы, используемые для обозначения реалий, существующих в разных конфессиях: God, faith, religion. Идионимы (от греческого *идиос* “личный, собственный” + *оним*) – это лексические единицы, описывающие элементы родной, в данном случае православной культуры: в русском – храм, алтарь. Ксенонимы (от греческого *ксенос* “иностранный” + *оним*) – лексические единицы, обозначающие специфические элементы внешних культур, в данной статье реалии православной культуры, описываемые средствами английского языка. Анализ примеров англоязычных эйконимов показал, что наряду с полионимами, языковыми единицами, обозначающими общехристианские реалии (“The Last Supper” – “Тайная вечеря”, “Resurrection” – “ Воскресение“, “Crucifixion” – “Распятие”), существует и большое количество эйконимов-ксенонимов, обозначающих реалии православной культуры: the icon of the Mother of God “Joy of All Who Suffer” – икона Богоматери “Всех скорбящих Радость”, “The Blessed Silence” – Спас “Благое молчание” [www.orthodoxchurch.com]. При ориентации на внешнюю культуру язык становится средством вторичной номинации. Использование иностранного языка для описания культуры другого языка характеризуется, главным образом, концептуальной вариативностью [Юзефович 2007: 118]. Межкультурный христианский дискурс предполагает значительную концептуальную вариативность, что обусловлено спецификой языковой и концептуальной картин мира контактирующих языков. Участники единого христианского дискурса зачастую наполняют наименование одного и того же фрагмента действительности разными концептуальными смыслами. Общехристианские концепты приобретают национальную специфику определенной культуры, что связано с особенностями когнитивного пространства этноса.

Неудивительно, что икона, которая наиболее полно отражает православную концептуальную картину мира, остается непонятой для широкого круга представителей англоязычной культуры. Между тем, икона – это “евангельская проповедь”, согласно формулировке YII Вселенского Собора. Именно в иконе “выступает со всей наглядной убедительностью расхождение между учением и духовной жизнью православия и западных исповеданий” [Успенский 1989: 447]. По мнению Л.А.Успенского, в наше время “вопрос образа приобретает решающее значение и в плане вероучебном, и в плане духовной жизни” [Успенский 1989: 447]. Понимание иконы может способствовать пониманию основ православия и, как результат, более широкому конфессиональному диалогу.

Несовпадение православной и католико-протестантской концептуальных картин отражается в семантической структуре англоязычного эйконима и приводит к следующим несоответствиям:

1. Семантические несоответствия. К примеру, эйконим ”Спас Нерукотворный” в обнаруженных источниках переводится так:

“The Holy Face” (святое лицо, святой лик) – вариант, в котором утрачивается значение спасения [www.orthodoxchurch.com].

“The Holy Towel” (святое полотенце, святое покрывало) – вариант, в котором сохраняется идея “убруса” (полотенца, на котором чудесным образом отпечатался лик Христа), но, как и в предыдущем варианте, отсутствует значение спасения, жертвенности [www.orthodoxchurch.com].

“Savior”, “Redeemer” (спаситель). Оба варианта вербализуют догмат спасения, но семантика чуда осталась нереализованной.

Mandillion Portrait of Christ the “Savior Not Made with Hands” [Hamilton, 1983] представляет эйконим “Спас на убрусе” и хотя максимально полно передает объем православного эйконима, кажется громоздким, лишенным поэтического звучания русского варианта.

2. Исторические несоответствия. К ним можно отнести те случаи, когда хронологически несовпадающие иконографические типы и соответствующие им эйконимы “Спас на убрусе” и “Спас на чрепии” представлены одной номинацией – Savior. Это значительно обедняет вариант перевода и нивелирует семантически важные детали, относящиеся ко времени почитания “Спаса на убрусе” как священного изображения, помещенного над вратами в город Эдессу и впоследствии чудесным образом отпечатавшегося на глиняной кладке (чрепии).

3. Семиотические несоответствия. Наблюдаются в тех случаях, когда семантизация на уровне знака шире, чем вербальная. Утраты на уровне знака часто наблюдаются на уровне гипо-гиперонимических отношений. Так, эйконим “the Mother of God” используется для описания Богоматери Одигитрии, что является лишь одним из многочисленных иконографических изображений матери Христа. Вряд ли это можно считать догматическим несоответствием, но утрата значения путеводительницы (греч. Odigitria) значительно обедняет семантику англоязычного эйконима.

4. Догматические несоответствия, которые встречаются при замене православной терминологии на терминологию другой конфессии. Так, “Сретение” в некоторых источниках представлено эйконимом “Candlemas”. Значение этого праздника в англоязычном варианте восходит к древнееврейскому празднику светильников,

процессии, движущейся в сторону храма. В семантике данного эйконима полностью отсутствует указание на знаменательную встречу Богоприимца Симеона и Богомладенца, Ветхого и Нового Завета, “старой истории человечества с новой” [Воскобойников 2007: 45], что нивелирует духовное содержание праздника.

5. Стилистические несоответствия. Так, в результате метонимического переноса эйконим “Покров Богоматери” (покров – как мафорий Богоматери и как идея заступничества за род человеческий), расширяет свое семантическое поле, в то время как в семантике соответствующего англоязычного эйконима – “the Intercession of the Mother of God” – значение предстаяния присутствует, но стилистическую окраску эйконим утрачивает.

Анализ исследуемых англоязычных эйконимов свидетельствует о том, что в рамках единого христианского континуума у русской и англоязычной культур формируется разное концептуальное пространство. При межъязыковом сопоставлении православных концептов в их структуре обнаруживается устойчивое соотношение универсального христианского и идиоэтнического православного компонентов. Выявление православного компонента в структуре англоязычного эйконима может способствовать более эффективному межкультурному общению.

Список литературы

1. Воскобойников, В.М. Энциклопедический православный словарь [Текст] / В.М. Воскобойников. – М.: “ЭКСМО”, 2007. – 45с.

2. Кабакчи, В.В. Православная тема в англоязычном межкультурном общении (Постановка проблемы) [Текст] / В.В. Кабакчи // Иностранные языки в школе. – 2001. – N3. – С. 86 – 91.

3. Кабакчи, В.В. Практика английского языка межкультурного общения. Religion. Christianity. Russian Orthodoxy (Pravoslavie) [Текст] / В.В. Кабакчи. – СПб.: ИВЭСЭП, 2001. – 7с.

4. Кабакчи, В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) [Текст] / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Текст и перевод в когнитивном аспекте: сб.ст. к юбилею проф. Н.А.Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – Ч.2. – С. 164-175.

5. Успенский, Л.А. Богословие иконы Православной Церкви [Текст] / Л.А. Успенский. – Париж, 1989. – С. 447-474.

6. Юзефович, Н.Г. Отражение российского политического дискурса в английских лексических номинациях и текстах [Текст] / Н.Г. Юзефович // Вестник НГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Том 5, Выпуск 2 – 118с.

7. Hamilton, G. H. The Art and Architecture of Russia [Text] / G.H. Hamilton. – Yale University Press. New Haven and London, 1983. – 114p.

А.А. Елистратов
Челябинск, Россия

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СПОРТИВНЫХ ЖАРГОНИЗМОВ

В данной статье мы коснемся вопроса словообразования спортивных жаргонизмов и рассмотрим аффиксальный способ словообразования и способ образования жаргонизмов посредством усечения.

По нашим наблюдениям спортивные жаргонизмы создаются по существующим в языке словообразовательным моделям. При морфологических способах словообразования общенародное или жаргонное значение основы остается неизменным, тогда как окончания и аффиксы подвергаются модификации. Так, при аффиксальном способе словообразования жаргонизм имеет общую с соответствующими словами общенародного языка корневую морфему и несходные аффиксы.

При образовании жаргонной лексики аффиксальным способом наиболее продуктивны аффиксы, характерные для разговорной лексики. Это такие суффиксы как **-к-, -ак/як-, -уг/а/, аг/а/, -ух/а/, -ох/а/, -онк/а/, -ул'/а/, -'ар/а/, -ш/а/, -шк/а/** и др. [Земская и др. 1981: 109-110]. Назначение этих суффиксов полностью соотносится с экспрессивно-эмоциональной функцией жаргонной речи, поэтому большая часть производных посредством этих суффиксов слов лишь модифицирует значение производящих слов, чтобы выразить разные оттенки положительной или отрицательной оценки, например: *голяра*, *голина*, *голяк*, *голишко* - гол.

Аффиксальным способом образованы следующие спортивные жаргонизмы: *вторяк* - повторная попытка, *бицак* - бицепс, *голяк* - гол /суффикс **-ак/як-/**; *болелка* - болельщик, *дыхалка* - дыхание, *пеналька* - пенальти, *ничейка* - ничья, *сотка* - категория до ста килограмм: "*Цель была - выжать 200 кг в "сотке". Химичиться начал сразу*" [Мир силы (МС) 1/2003: 9] или дистанция в сто километров: "*На смену марафону вполне закономерно пришла дистанция в 100 км, или "сотка", как ее называют сверхмарафонцы*" [Легкая атлетика (ЛА) 1 – 2/2003: 22] /суффикс **-к-/**; *ретуха* - ретаболил: "*Меня ретуха не цепляет*" (из разговора в зале); *трёха* - трицепс: "*Выдвигай трёху!*" (тренер позирующему культуристу), *пятнаха* - пятнадцатикилограммовый блин, *двуха* - двести килограмм **/-ха-/**; *голяра* - гол **/-ар/а/**; *задок* - защита команды, *передок* - нападение команды **/-ок-/**, *мякушка* - мягкий пас партнеру **/-шк/а/**.

Отличие жаргонизма от соответствующего слова общенародного языка может достигаться тремя основными способами:

1) заменой суффикса, содержащегося в исходном слове, другим суффиксом (иногда прибавляемого к усеченной части слова): *футболер* - футболист, *тяжик* -

тяжеловес, *качальщик* - пассивно играющий, отбивающий теннисист, *судила* - судья, *бицуха* - бицепс, *воротчик* - вратарь, *вольник* - борец вольного стиля, *комбинашка* - комбинация, *ловила* - вратарь, *финтарь* - техничный игрок, *катуха* - 1. хорошая лыжня; 2. хороший ход лыж;

2) прибавлением суффикса к бессуфиксальной основе общенародного слова: *голино* - гол-красавец, *бегунок* - легкоатлет, *курсить* - проходить курс употребления анаболических препаратов, *мухач* - спортсмен-легковес, *желобок* - в футболе прямолинейно действующий крайний полузащитник или крайний нападающий;

3) отбрасыванием суффикса (или части, воспринимаемой в качестве суффикса), имеющегося в основе слова: *кач* - качок, культурист или занятия культуризмом: "*Серьезный "кач" традиционно стартовал в сентябре, поэтому следовало рассчитать свои силы на подготовку*" [Архитектура тела & развитие силы (АТРС) 2/2001: 32], *анабол* - анаболики, *центр* - центровой: "*Позиция центрового являлась нашим слабым местом. А без хорошего "центра" больших задач не решить*" [Хомичюс 2001: 97].

Большинство суффиксов жаргонных слов имеют сему экспрессивности, которая придает жаргонным словам внутреннюю оценочность и выразительность, то есть выражает негативную оценку, увеличительность, уменьшительность, враждебность, фамильярность и т. д.

Например, в жаргонизмах - *буцасики*, *буцашки* (бутцы), *крылышки* (широчайшая мышца спины), *двушка* (двести килограмм): "*На двести я сходил в четвертом подходе, но увы, они не пошли, подустал, да и будь рубаха пожестче, "двушка" была бы моя как пить дать*" [МС 1/2003: 10]; *стошка* (весовая категория до 100 кг): "*Выступал венгр не в своей обычной "стошке", а в весовой категории до 90 кг*" [МС 1/2003: 47]; *четвертушка* (четверть финала), *тяжик* (тяжеловес), *краек* (юркий, техничный крайний нападающий) - угадывается ласковая и небрежная оценочность. Однако уменьшительно-ласкательные суффиксы могут нести и уничижительный оттенок: *игрочишко* - заурядный игрок. Аналогичная оценочность и экспрессивность наблюдается в лексических единицах с суффиксами **-уха**, **-ара/-яра**, **-ага, -ак** и др.: *голяра* (гол), *портняга* (портняжная мышца), *ретуха* (ретаболил), *катуха* (хороший ход лыж), *колотуха* (хорошо поставленный, сильный удар), *смешак* (в лыжном спорте вид летней тренировки, включающий смешанное передвижение). Четко выраженная негативная окраска наблюдается в слове *судила* (судья), созданного при помощи суффикса **-л(а),** несущего отрицательную оценочность. Такая же оценочность присутствует в слове *маздон* (мазила) во многом благодаря необычному суффиксу **-дон**.

Для жаргонно-профессиональной речи спортсменов, как и для профессиональной речи вообще, характерно образование глаголов с помощью приставки **за-** [Земская 1992: 11]: *замазаться* - не суметь правильно подобрать мазь в лыжных гонках, *запалить* - отвратительно отыграть матч, провалить старты и пр., *затравиться* - войти в состояние азарта, *запузырить* - запнуть мяч подальше от своих ворот, *зачехлить* - в волейболе поставить блок, *забаранить* - получить нулевую оценку: "*Какие ощущения возникли после того, как Стэйси Драгила "забаранила" в квалификации, не сумев взять начальной высоты 4,30?*" [ЛА № 3-4, 2003: 16]. В жаргоне пауэрлифтеров и штангистов бытуют следующие лексемы: *засесть* - присесть со штангой, *захимичить(-ся)* - пройти курс употребления анаболических препаратов, *замотаться* - обмотать ноги специальными бинтами перед выполнением некоторых упражнений, *завеситься* - выступить в весовой категории: "*Обычный для WPC/WPO фаворит в весе до 75 кг немец Маркус Шик завесился на этом чемпионате в 82,5 кг* [МС 1/2003: 47].

В английском сленге существует тенденция к словообразованию посредством слэнговых полуаффиксов, которые являются вторыми элементами большой группы однотипных слов, занимающих как бы промежуточное положение между сложными и простыми словами. К их числу относится заимствованный из немецкого полуаффикс /-**fest**/ (от немецкого Fest *праздник*). В английском языке *-fest* не выступает в качестве самостоятельного слова. Данный полуаффикс используется в существительных, означающих какую-либо деятельность (часто чрезмерно интенсивную или неумеренную), продолжающуюся в течение определенного промежутка времени (*hit-fest* - бейсбольный матч с большим количеством попаданий; *slug-fest* - напряженный поединок боксеров).

Свообразное значение *помешанный на чем-либо*, *безумный*, *одержимый*, *возбужденый* прослеживается у полуаффикса прилагательных /-**happy**/: *slap-happy* - потерявший сознание (о нокаутированном боксере). Аналогичное значение имеет жаргонизм *punch-drunk* [Швейцер 1963: 162 – 163].

Среди профессионально-жаргонной лексики спортсменов довольно многочисленны слова, образованные способом усечения. Например, *метан* - метандростенолон: *А примечательный факт, что с недавних пор американские спортсмены перестали попадаться на метане, станозололе и прочих старых анаболиках, косвенно указывает на то, что замена им уже нашлась* [Родченко 2004: 31-32]; *сомат* - соматотропин, *дека* - дека-дураболин (анаболические препараты), *присед* - приседание, *юг* - югослав: "*Потерпели крупное поражение от испанцев, но все же с меньшей разницей, чем разгромили "югов*" [ФиС 11/2003: 29]; *тяж* - тяжеловес, *комбез*

(усечение слова с последующим стяжением его частей) - комбинезон пауэрлифтеров, тяжелоатлетов, хоккеистов, *полутяж* - полутяжеловес, *кик, кикс* - кикбоксинг, *сесть* - присесть (со штангой), *байда* - байдарка, *контра* - контратака, *хав* - хавбек, *andro* - androstenedione: *Androstenedione is a legal supplement that is readily available, though andro is classified as a steroid precursor because it raises the level of testosterone* [Sports Illustrated (SI) March 24, 2003: 120]; *bi* - biceps, *deads* - deadlift, *champ* - champion: *How can a team that lost to UNLV a month ago knock off the defending national champs?* [SI October 20, 2003: 44]; *vet* - veteran: *We have too many vets who go there separate ways and too many people who don't know each other outside football* [SI October 20, 2003: 59]; *ref* - referee: *There are some excellent refs, but in the two-referee system the second guy can make terrible calls, which reflects badly on the good ref, and that's not fair* [SI February 17, 2003: 42].

Иногда к усеченному слову добавляется суффикс, характерный для разговорной речи: *хавчик* - хавбек, *тяжик* - тяжеловес, *goalie* - goalkeeper: *Red Wings goalie Dominic Hasek began the season with consecutive 2-3 victories over the Kings and the Senators* [SI, October 20, 2003: 67].

Значение некоторых усечений (иногда с добавлением аффикса или окончания) соответствует значению сочетания слов: *широч* - широчайшая мышца спины, *дельта* - дельтовидная мышца, *полутяж* - полутяжелая весовая категория: "*Опять мне скучно в "полутяже*" [Ригерт 1987: 145]; *угол* - угловой удар, *метода* - методика подготовки спортсмена: "*Как бы там ни было, но "люберецкая метода" позволяла практически любому начинающему через два года занятий выйти на уровень 120 - 150 кг в жиме лежа и 150 - 180 кг в приседаниях*" [АТРС 2/2001: 32], *конь* - коньковый ход, *конкур* - конкуренция за место в основном составе, *зона* - зонная защита: "*Ведя нападение против зонной защиты, команде прежде всего следует систематически применять стремительные контратаки, чтобы не дать соперникам времени на построение "зоны*" [Баскетбол 1976: 90]; *вестибуль* - вестибулярный аппарат, *ахилл* - ахиллесово сухожилие: "*В июле у меня воспалился ахилл*" [ЛА 9-10/2003: 45]; *трёха* - трехочковый бросок: "*Едва появившись, он дважды забивает нам "трёхи*" [Хомичюс 2001: 157]; *фарма* - фармакологические препараты, *край* - крайний нападающий: "*А чужих "краёв" разберут для опеки наши защитники*" [Метаев, Ульянов 1987: 145].

Также встречается усечение первой части слова: *лифтер* - пауэрлифтер: "*WPC - пауэрлифтерская организация до последнего времени неизвестная, точнее практически неизвестная российским "лифтерам*" [МС 1/2003: 44]; *лифтинг* - пауэрлифтинг, *билдер*

- бодибилдер, *билдинг* - бодибилдинг, *кипер* – голкипер, *baller* (баскетболист, обычно любитель) - basketballer, *builder* – bodybuilder и др.

Тенденция к образованию спортивных жаргонизмов через усечение, наблюдаемая в английском и русском языках, свидетельствует о том, что “усечение - явление интернациональное для арго” [Елистратов 2000: 666]. То же самое можно сказать и об аффиксальном способе словообразования. Данный вопрос требует более глубокого исследования с привлечением материала из других языков. Работа в этом направлении нами уже ведется.

Список литературы

1. Баскетбол [Текст]: учебник для физ. институтов / Под ред. Н. В. Семашко. – М.: Физкультура и спорт, 1976. – 264 с.
2. Елистратов, В. С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.): Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
3. Земская, Е. А., Китайгородская, М. В., Ширяев, Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
4. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. - М.: Наука, 1992. – 164 с.
5. Метаев, Ю. А., Ульянов, В. А. Мастера хоккея – будущим мастерам [Текст] / Ю. А. Метаев, В. А. Ульянов. – М.: Физкультура и спорт, 1977. – 151 с.
6. Орлов, В. Б. Словарь спортивного жаргона: (Около 1100 слов и выражений) [Текст] / В. Б. Орлов. – Челябинск, 1993. – 72 с.
7. Панчишный, С.С. Самбо [Текст] / С. С. Панчишный. – М.: Московский рабочий, 1978. – 192 с.
8. Ригерт, Д. А. Благородный металл [Текст] / Д. А. Ригерт. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 191 с.
9. Родченко, Г. Прогормоны и их место в современном обществе [Текст] / Г. Родченко // Легкая атлетика. – № 3-4, 2004. – С. 30-32.
10. Хомичюс, В. Капитан великой команды [Текст] / В. Хомичюс. – М.: ОЛМА-пресс, 2001. – 350 с.
11. Швейцер, А. Д. Очерк современного английского языка в США [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: Высш. шк., 1963. – 216 с.

М.Н. Ельцова
Пермь, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ НАПРЯЖЕНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последние годы внимание лингвистов все чаще обращено к энергетическим характеристикам тех или иных языковых единиц. Большинство работ посвящено исследованию энергетических характеристик текста [Болдырева 2007; Куликов 1985; Кушнина 2003; Моисеева 2007; Москальчук 2003; Мышкина 1998 и др.]. Энергетические единицы предложения описаны менее подробно [Адмони 1963; Boost 1964; Drach 1963].

В настоящей статье делается попытка разработки моделей одной из энергетических характеристик предложения – напряжения. Разработка моделей напряжения простого предложения необходима для построения моделей напряжения для сложных предложений и текстов, что, в свою очередь, позволит прогнозировать развитие напряжения в тексте.

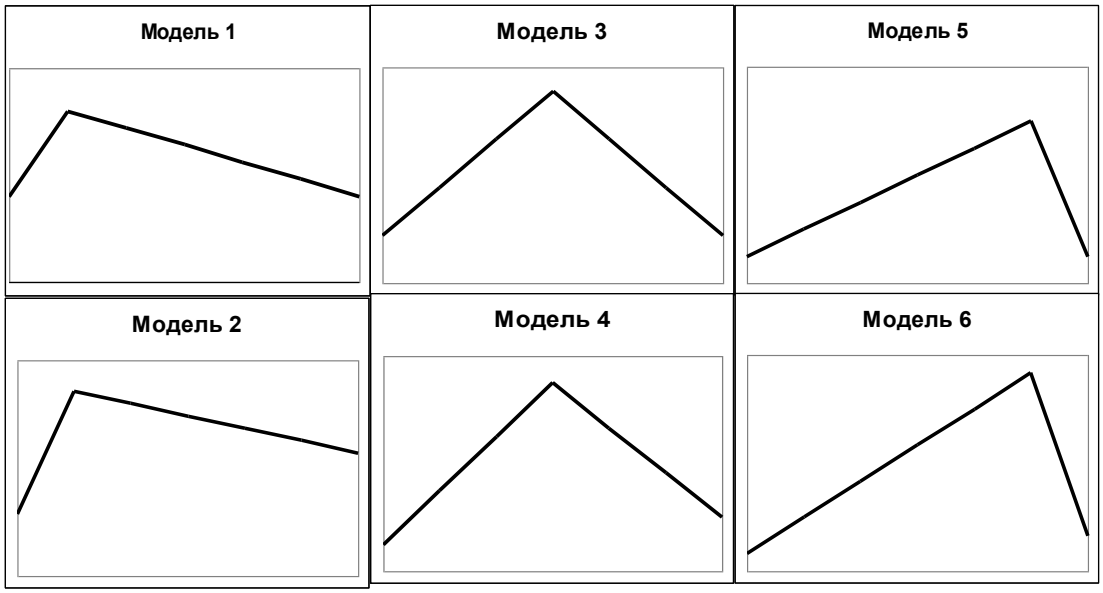
В своем исследовании мы разделяем напряжение и напряженность. Напряженность – это энергетическое свойство структуры предложения и его элементов. Это статическая категория, которая в простом предложении является постоянной величиной, возникающей из напряженности частей предложения. Нами различаются первичные и вторичные составляющие напряженности. Первичные – валентность и предикативность – универсальны. Они порождают напряженность. Вторичные составляющие факультативны, они увеличивают напряженность предложения. На этом основании нами различаются две группы предложений: 1) предложения с минимальной напряженностью (нет вторичных составляющих); 2) предложения, напряженность которых выше минимальной (присутствуют вторичные составляющие) (более подробно см. в работе [Ельцова 2006: 35-58]).

Напряжение – динамическая характеристика, возникающая в динамическом процессе развертывания предложения, которая поддается описанию как соотношение между предшествующими и последующими компонентами. Напряжение предложения меняется в каждой его точке. Нами установлено, что максимум напряжения приходится на ударный слог слова, выделенного в предложении логическим ударением. Напряжение возрастает до точки максимума, а затем спадает. Также было установлено, что в начале и в конце предложения его напряжение выше 0, т. к. напряженность любого, даже изолированного, предложения больше нуля [Ельцова 2006: 58-60; 150-155].

Итак, первым параметром нашей модели является сравнение начального и конечного напряжения предложения: 1) они одинаковы, 2) конечное напряжение выше начального. Вторым параметром является расположение точки максимума: 1) ближе к началу предложения; 2) в средней части предложения; 3) ближе к концу предложения. Таким образом, мы можем построить 6 моделей напряжения в простом повествовательном предложении:

Модель 1 описывает те случаи, когда конечное и начальное напряжение одинаковы, а максимум напряжения расположен в начале. Можно заметить, что данная модель не дает высокого роста напряжения, т.к. максимум расположен близко к началу, а напряженность, показывающая, как растет напряжение, невысока. Наиболее важная информация, содержащаяся в предложениях данной модели, расположена в самом

начале. Приведем примеры предложений, которые описывает данная модель: ***Wer (***здесь и далее жирным шрифтом выделяются ударные слова) *fehlt heute? –* ***Кто*** *сегодня отсутствует?* ***Das*** *ist wichtig. –* ***Это*** *важно.* ***Peter*** *fährt nach Berlin. –* ***Петер*** *едет в Берлин.* ***Kein Baum*** *und* ***kein Strauch*** *wuchsen dort.*

В немецком языке данная модель является наименее распространенной. В русском языке предложений, описываемых данной моделью, больше: ***Звали*** *его Чебурашка.* ***Я*** *возьму его к себе на работу. В тот же* ***вечер*** *он развесил объявления по городу и стал ждать. А* ***меня*** *зовут Гена.* ***Все*** *зависит от Вас. Ведь* ***сегодня*** *сам крокодил приходил к нему в гости. Я* ***как раз*** *собирался зайти к ней по дороге.*

Модель 2 описывает напряжение предложения, в котором максимум напряжения расположен в начале, а конечное напряжение выше начального. Напряжение предложений данной модели выше, чем в модели 1, т.к. оно возрастает здесь сильнее, но расположение точки максимума в начале предложения все же не дает ему значительного увеличения. В этих предложениях важная информация также расположена в начале: ***Wann*** *gehst du ins Theather? –* ***Когда*** *ты идешь в театр?* ***Morgen*** *gehe ich ins Theater. –* ***Завтра*** *я иду в театр. Mit* ***jedem*** *redest du anders.* ***Ohren*** *und* ***Beine*** *färbte er rot. В* ***это*** *время Чебурашка посмотрел на маленький будильник. В* ***этом*** *магазине продавали уцененные товары. Ты* ***совсем*** *немного похудела. К ним* ***никто*** *не приходит на день рождения.*

В **модели 3** максимум напряжения расположен в середине предложения, а начальное и конечное напряжение одинаковы. Напряжение предложений данной модели возрастает и спадает примерно одинаково, но и здесь максимальное напряжение не очень высоко. Эта модель является, пожалуй, наименее распространенной в немецком

языке: *Das Unternehmen erfüllt den* ***Plan*** *während der Woche. Sie wohnt in einem* ***Dorf*** *in Kanada. Die Kinder haben* ***Skier*** *an den Füßen.*

Как было установлено в ходе психолингвистического эксперимента, немецкие предложения, описываемые данной моделью, распознаются хуже всех. Очевидно, это связано с незначительным количеством таких предложений в немецком языке. В русском языке эта модель распространена более широко: *Наконец он* ***тоже*** *появился около домика. Но крокодил* ***почему-то*** *отказывался. Собачка* ***опять*** *начала всхлипывать. Но вот в дверь* ***кто-то*** *позвонил.*

Модель 4 описывает предложения, в которых максимум напряжения расположен в середине. Данная модель во многом напоминает предыдущую, но здесь максимальное напряжение, как правило, намного выше: *Jerry ist* ***zehn*** *Jahre alt. Gern schläft die* ***Katze*** *auf dem Sofa. Bald wuchsen* ***viele*** *Bäume auf dem Insel. Aber schon am dritten Tag drehte sich* ***niemand*** *mehr nach dem Grünesel um. На сцене появился* ***Гена*** *в красной шапочке. Там у меня* ***тоже*** *живет бабушка. В комнату вошел* ***большой-пребольшой*** *лев в пенсне и в шляпе. У них* ***совсем*** *нет друзей. Чебурашка оказался* ***совершенно*** *неизвестным науке зверем.*

Модель 5 характеризуется тем, что максимум напряжения расположен в конце, а начальное и конечное напряжение одинаковы. Эта модель достаточно распространена в немецком языке: *Der Vater redet auch mit der* ***Mutter****. Der Vare ruft* ***Hubert****. Ein Mann hatte einen* ***Esel****. Es war schon* ***Herbst****.*

Что касается русского языка, то эта модель также достаточно распространена: *Меня зовут* ***Галя****. У меня дома* ***все*** *есть. Они развесят по городу* ***объявления****.*

Модель 6 отображает те случаи, когда максимум напряжения расположен в конце, а конечное напряжение выше начального. В этой модели максимальное напряжение самое высокое. Основная информация расположена в самом конце предложения. Эта модель является наиболее распространенной в немецком языке: *Er will der Dame einen* ***Zahn*** *ziehen. Im Hof sieht der Vater die kleine* ***Mirjana****. Der Vater hat eine* ***Sprechstundenhilfe****. Der Vater beugt sich über die kleine* ***Sophie-Charlotte****. Dieses Bäumchen wuchs in vielen Jahren zu einem stattlichen* ***Baum*** *heran. Bald wuchsen viele Bäume auf der* ***Insel****. So entstand ein* ***Paradies****. Dort wohnte er mit seiner* ***Frau*** *und seinen* ***Kindern****. Manchmal bekam er auch* ***Besuch****.*

В русском языке данная модель также является распространенной: *На другой день поздно вечером к нему в дверь* ***кто-то*** *позвонил. Чебурашка был* ***очень*** *доволен. Он очень любил читать точные и серьезные* ***книги****: справочники, учебники или расписания движения поездов. Гена слушал все это* ***печальный-препечальный****.*

Таким образом, для немецкого языка наиболее употребительными являются модели предложений, в которых высоки напряженность и напряжение: модель 6, модель 2 и модель 5. В русском же языке, согласно нашим наблюдениям, чаще встречаются предложения, где максимум напряжения расположен в середине. Однако необходимо более детальное исследование данных категорий для русского языка.

Таким образом, нами было выделено 6 моделей напряжения предложения. Предполагается, что данные модели универсальны. Поэтому перспективным представляется исследование энергетических категорий в различных языках и сопоставительный анализ полученных фактов. Данные модели можно использовать и в качестве основы для моделирования напряжения в тексте.

Список литературы

1. Адмони, В.Г. Синтагматическое напряжение в стихе и в прозе [Текст] / В.Г. Адмони // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М.: Наука, 1969. - С.16-26.
2. Болдырева, Э.Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / Э.Т. Болдырева. - Челябинск, 2007. - 21с.
3. Ельцова, М.Н. Категории напряжения и напряженности простого повествовательного предложения [Текст] : дис. … канд. филол. наук / М.Н. Ельцова.- Пермь, 2006. – 186 с.
4. Куликов, С.В. Минимальная единица смысловой структуры текста (психолингвистическое исследование) [Текст] : дис. … канд. филол. наук / С.В. Куликов. - М., 1985. - 174 с.
5. Кушнина, Л.В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход [Текст] / Л.В. Кушнина. - Пермь: Издательство Пермского университета, 2003. - 232 с.
6. Моисеева, И.Ю. Текстообразование: системно-динамический аспект [Текст] / И.Ю. Моисеева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 344 с.: илл.
7. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г.Г. Москальчук. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 296 с.
8. Мышкина, Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики [Текст] / Н.Л. Мышкина. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. - 152 с.
9. Boost, K. Neue Untersuchungen zum Wesen und Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld [Text] / K. Boost. - Akademie-Verlag Berlin, 1964. – 88 s.
10. Drach, E. Grundgedanken des deutschen Satzes [Text] / E. Drach. - Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1963. – 99 s.

А.Ю. Епимахова
Челябинск, Россия

ВЛИЯНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА КОММУНИКАТИВНОЕ СОЗНАНИЕ (на материале англоязычных наименований сферы профессиональной деятельности)

Лингвистика давно перестала быть наукой только о языке. Язык отражает мир таким, как его видит говорящий на этом языке человек и, тем самым, лингвистика, а в особенности семантика, изучает не только язык, но и сознание человека и поэтому на данном этапе своего развития она снова может рассматриваться в одном ряду с психологией, философией и всеми теми традиционно гуманитарными науками, от которых она, как казалось, была навсегда отделена в период расцвета структурализма. Сегодня наоборот, лингвистов привлекает не сходство языка с совершенной машиной, а его антропоцентричность (в терминологии А. Вежбицкой), адекватность особенностям именно человеческого мышления [Рахилина 1999: 3].

Язык антропоцентричен по своей природе, поэтому отражая мир, он всегда «смотрит» на него с точки зрения человека, его сознания. Интерес представляет то, как язык, языковые единицы влияют на сознание людей. Известно, что коммуникативное сознание – это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека [Стернин 2002: 21]. Коммуникативное сознание является составным компонентом сознания народа в целом, поэтому появление иноязычных терминов, которые несут в себе информацию, сформированную в рамках совершенно другой культуры, не может не повлиять на когнитивное сознание носителей языка-реципиента.

Коммуникативное сознание формируется у человека с самого рождения в процессе овладения языком и совершенствуется всю жизнь. По мере развития и становления личности человека в профессиональной сфере, ему невольно приходится совершенствовать свои навыки общения, следовать нормам и правилам, которые диктует современное общество в условиях глобализации. На смену устаревшим формам поведения приходят новые.

Коммуникативное сознание человека, как отмечает И.А. Стернин, образовано коммуникативными категориями и коммуникативными концептами [Стернин 2002: 49]. Какое влияние на коммуникативное сознание человека оказывает такая категория, как «профессия» и репрезентирующие ее понятия «профессионализм», «профессиональная компетенция», «профессиональный деятель»? Для ответа на этот вопрос обратимся к исследованию концепта «профессия».

Начнем с анализа семантики имени концепта. Этимологически слово *профессия* восходит к латинскому profiteor – «объявляю своим делом». В энциклопедии приводится следующая дефиниция: «Профессия – род трудовой деятельности (занятий) человека, владеющего комплексом специальных теоретических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы. Профессиональная деятельность является обычно основным источником дохода» [БСЭ 1975: 21, 155]. В «Современном словаре иностранных слов» сохраняются почти все названные выше характеристики: «профессия – род трудовой деятельности, занятий, требующий специальных теоретических знаний и практических навыков и являющийся обычно источником существования» [СИС 1992], «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова определяет профессию очень широко: «основной род занятий, трудовой деятельности» [Ожегов, Шведов 1994]. Анализируя данные трех словарей и опираясь на выводы Е.И. Голованovой, можно выделить ряд важнейших признаков концепта «профессия», характерных для русской концептосферы: целенаправленная трудовая деятельность, наличие специальной подготовки, комплекс знаний и умений, материальное вознаграждение [Голованова 2004: 25-26].

Перейдем к содержанию соответствующего концепта в английском языке (прежде всего по данным его американского варианта). Как известно, лидерство США в экономической и технической областях обусловило приоритет англоамериканизмов в сфере заимствований не только в русском языке, но и в ряде других развитых языков.

В английском языке широко употребляется слово *occupation* (‘работа, профессия, род занятий’), менее официальными обозначениями считаются *business* или *line of work* (‘род занятий’). Само же слово *profession* в англоязычных странах означает лишь такой род занятий, для осуществления которого необходима специальная подготовка, включающая соответствующее образование (например, профессия врача или юриста). Ср.: profession – a paid occupation, esp one that requires advanced education and training, eg architecture, law or medicine [Oxford Advanced Learner’s Dictionary].

Некоторые профессии, к примеру, учитель или медсестра, принято называть призванием – *vocation,* что подразумевает, что представители этих видов деятельности стремятся прежде всего помочь людям, а не получить средства к существованию [Житникова 1998].

Таким образом, в английской концептосфере рассматриваемый концепт имеет те же характерные признаки: материальное вознаграждение, специальное образование и практика, целенаправленная трудовая деятельность, комплекс знаний и умений. Отличие

заключается в том, что в англоязычных странах право называть свой род деятельности профессией дает лишь «специальная подготовка».

Между тем нам представляется, что любой специалист, получив достаточную подготовку (пусть даже в процессе самообразования), усвоив определенный набор знаний и умений, считает себя профессионалом. Или степень профессионализма определяется престижем и ответственностью? Архитектор, юрист или врач – эти профессии всегда сопряжены с ответственностью; как перед врачом стоит обязанность помочь человеку, вылечить от недуга, так и архитектору предстоит произвести расчеты, которые не должны привести к опасности для жизни человека. Тогда какова же роль, преподавателя, водителя? Неужели людям этих профессий не приходится рисковать, неужели они не в ответе за других. Где вообще проходит грань между «профессией» и «не профессией»?

Может быть, именно потому, что не всякий способ получения средств к существованию, не всякий вид работы называется профессией, человек в англоязычных странах психологически готов поменять одну сферу деятельности на другую, освоить новые виды работы, относительно легко пополняет свои знания. Главное при этом – соответствовать предъявляемым в профессиональной среде требованиям, именно это вышло на первый план.

По-видимому, неслучайна переориентация обучения в современных российских вузах. Студентам, которые намерены стать специалистами, необходимо учиться дольше, так как степень бакалавра не всегда позволяет приступить к квалифицированной практике. Конечно, не надо списывать со счетов стремительное развитие новейших технологий, процессы глобализации и экономической интеграции, что также усиливает значимость повышения квалификации специалистов. Все это определяет изменения в коммуникативном сознании россиян, влияет на их поведение. Уверенность в себе, способность быстро ориентироваться в ситуации становятся залогом успешной профессиональной деятельности и коммуникации.

Список литературы

1. БСЭ – Большая советская энциклопедия [Текст]. – М., 1975.
2. Голованова, Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке [Текст] / Е.И. Голованова. –Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. - 330с.
3. Житникова, Л.В. Англоязычные заимствования наименований лиц по профессии в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.В. Житникова. – Челябинск, 1998.
4. СО – Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст]. – М., 1994.
5. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е.В. Рахилина. – М., 1990.

6. СИС – Современный словарь иностранных слов [Текст]. – М., 1992.
7. Стернин, И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание [Текст] / И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 314с.
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / A.S. Hornby. – Fifth edition. – Oxford University Press, 1999.

Ю.В. Железнова
Ижевск, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ PARENTÉ – РОДСТВО В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Современная сопоставительная лингвистика прочно завоевала свои позиции в теории языка. На сегодняшний день особый интерес в данной области представляют лингвокогнитивные исследования, активно использующие и синтезирующие данные психологии, культурологии и антропологии. Сопоставляя лингвистические факты разноязычных культур, в синхроническом и диахроническом аспектах, авторы стремятся проникнуть в глубинные структуры человеческого сознания и найти взаимосвязи между мыслительными, психическими процессами и их отражением в языке. Другой немаловажной целью является построение и последующее сравнение межъязыковых национальных картин мира, что позволяет проследить влияние культуры как особой идиоэтнической среды на формирование концептосферы у носителей языка.

Настоящая статья представляет собой сравнительный анализ лексем **parenté** – **родство**, рассматриваемых в качестве ядерных конституентов семантического поля «родственные отношения» во французском и русском языках, результаты которого могут быть использованы для лингвокультурологической интерпретации одноименных фрагментов концептосфер двух лингвосоциумов. Под семантическим полем нами понимается парадигматическое поле, экспоненты которого выражаются лексическими единицами [Васильев 1971: 111].

Этимологически лексема **parenté** восходит к слову *parentatus* XI века, производному от *parens, parentis* – «Père ou mère», не являвшимся нормативной единицей, и обладавшим значением «Famille, lien du sang» [Baumgartner, Ménard 1996: 566]. Согласно современным лексикографическим данным лексема **parenté** обладает несколькими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ):

parenté 1 **–** «Rapport entre individus établi par la naissance; lien unissant des personnes qui descendent les unes des autres». Синонимами к данному ЛСВ выступают лексические единицы:

filiation – «Ligne de parenté qui unit en ligne dirècte des générations entre elles»;

lignage – «Groupe de filiation unilinéaire dont tous les members se considèrent comme descendants d'un même ancêtre»;

parenté 2 – «Lien unissant des personnes qui descendent d'un ancêtre commun». По степени удаленности одного родственного лица от другого выделяют «**parenté proche**» – близкое родство; «**parenté éloignée**» – дальнее родство и «**parenté collatérale**» – родство по боковой линии. Синонимами к данному ЛСВ могут выступать лексические единицы:

consanguinité – «Parenté sanguine des personnes ayant un ancêtre immédiat commun»;

cognation – «Consanguinité», эта лексическая единица имеет словарную помету *antrop.,* лимитирующую сферу ее употребления.

cousinage – «Parenté entre des cousins».

parenté 3 – лексема **parenté** формирует новый ЛСВ при расширении своего значения «Parenté légale établie par l'adoption», **parenté adoptive.** При этом указывается, что родственниками в таком случае, считаются только усыновитель и лицо, им усыновляемое. Синоним к **parenté** 3: **adoption** – «Fait de prendre légalement pour fils ou pour fille».

parenté 4 – **«**Rapport entre individus établi par un lien d'alliance»: **parenté artificielle, par alliance**.

parenté 5 – «Ensemble des parents d'une méme personne». В словарной статье имеется ряд лимитирующих сем (О.А. Михайлова) – *méton., région*. и *pop*., что указывает на то, что данный ЛСВ образуется в результате метонимического переноса, является разговорным и региональным. Синонимами к данному значению выступает лексическая единица **famille**.

Исследуемая лексическая единица обладает двумя переносными значениями. Первое из них определяется следующим образом: «Caractères communs à des êtres vivants appartenant à la même espèce».

Второе переносное значение **parenté** – «Similitude de conception, de comportement, entre personnes, traits communs entre deux choses que l'on compare», **Parenté spirituelle, intellectuelle; parenté d'idées.** Например: *La mer se traverse aujourd' hui plus aisément que le moindre Sahara, et c' est grâce à elle, comme l' a fort justement dit un savant américain, qu'* ***une parenté universelle*** *s' est établie entre toutes les parties du monde [Verne J. [Les] enfants du Capitaine Grant, Эл. ресурс]*.

Лексическая единица **родство** обладает следующими ЛСВ:

родство 1 – «Связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого (прямое родство), или разных лиц от общего предка». Данный ЛСВ

актуализируется в устойчивых выражениях **Не помнящий родства –** «о том, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении»; **Иван, не помнящий родства –** «о человеке, не дорожащим старыми связями, а также прошлым своего народа», *презр.*

родство 2 – «Отношения между родственниками вступивших в брак людей; свойство».

родство 3 – «Родня, родственники», это значение имеет помету *устар.* Синонимом для данного ЛСВ является лексема **родня**. Например: *Пока дружко со свашкой состязались в остроумии,* ***жениховой родне****, согласно уговору, поднесли три рюмки водки [Шолохов 1991:86]*. В данном значении слово может относиться к субъекту единственного числа и в этом случае оно является разговорной единицей.

родство 4 – «Близость по общности происхождения, по непосредственному сходству», например: **родство славянских народов**, **родство идей, родство душ**. Синонимами для данного ЛСВ выступает лексемы:

родственность – «Сходность по основным свойствам, признакам, общности происхождения». Стоит отметить, что данное слово не является часто употребляемым в речи;

родня (перен) – «О том, кто, что имеет сходство с кем-, чем-либо в каком-либо отношении», **родня по душе, родня по судьбе**. Это значение реализуется в устойчивом словосочетании, имеющем помету *простореч*. **Далеко не родня –** «О ком, чем-либо, совершенно не похожем».

Итак, рассмотренный языковой материал в сопоставляемых языках демонстрирует, в целом сходные характеристики. Общность проявляется в эквивалентности интегральных сем в составе **parenté – родство:** «связь», «кровный», «некровный», «линия», что обусловлено универсальностью, общечеловеческим характером этой группы лексики и единым антропологическим подходом в ее систематизации.

Наряду с общими признаками изученных лексем представляется возможным выделение специфических черт. Относительно семантической структуры ядерных лексем обнаружены расхождения. В составе единицы **parenté** в сравнении с лексемой **родство** выделяются два специфических семантических компонента: «усыновление» (**parenté** 3) и «родственная связь по боковой линии» (**parenté** 2). Также обращает на себя внимание бóльшая дифференцированность парадигмы номинаций родственных отношений во французском языке в сравнении с русским, реализующаяся в наполненности синонимического ряда с гиперонимом **parenté – lignage, adoption, consanguinité, cousinage, filiation, cognation.**

Указанные результаты позволяют сделать следующие лингвокультурологические выводы. Для представителей французского лингвосоциума важно определить статус и положение родственника в «системе координат» родственных отношений. Четкая иерархия родственных отношений исторически мотивирована такими социальными институтами как институт наследования и институт брака.

Напротив, для русской лингвокультуры подобная дробность не значима. К объективным историческим причинам, объясняющим такое положение можно отнести общинно-родовой строй, длительное время существовавшим в качестве доминирующего способа общественной жизни. С точки зрения культурных причин, мы можем отметить национальные коммуникативные установки «коллективизм», «соборность», определяющих поведение и ценностные ориентации ее носителей [Язык и национальное сознание 2002: 44], «быть как все», «быть вместе со всеми» [Сергеева 2003: 103].

Список литературы

1. Васильев, Л.М. Теория семантических полей [Текст] / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – №7.– С. 106-11.
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова, – М.: АЗЪ, 1995. – 960 с.
3. Сергеева, А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] – М.: Изд-во «Русский язык» Полиграфресурсы, 1999.
5. Шолохов, М.А. Тихий Дон. Кн.1-2. [Текст] / М.А. Шолохов – М.: Художественная литература, 1991. – 606с.
6. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии [Текст] / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 286 с.
7. Baumgartner, E., Ménard, P. Dictonnaire étymologique et historique de la langue française [Текст] / E. Baumgartner, P. Ménard. P. – Paris : Librarie Générale Française, 1996. – 848 p.
8. Verne, J. [Les] enfants du Capitaine Grant [Электронный ресурс] / J. Verne // Режим доступа: http://www.bibliopolis.fr/, свободный.

Л.В. Житникова
Челябинск, Россия

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДЕЯТЕЛЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ СЛОВАРЕ ПРОФЕССИЙ

Большой вклад в развитие теории номинации внесли отечественные и зарубежные лингвисты: Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Е.И. Голованова, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Л.А. Шкатова; M. Bréal, R. Carnap, J.R. Firth, H.Hatzfeld, A. Tarsky, W.V.Quine и другие.

Номинации лица по профессии, представляющие базовый уровень категоризации и являющиеся достоянием всех носителей языка, составляют ядро культурного пространства, то есть входят в совокупность инвариантных знаний и представлений общества, становясь его доминантными структурами, из-за чего на их основе осуществляется кодирование культуроносного смысла. Их содержание подвергается унификации и стандартизации, поскольку терминология отражает логически осмысленные и обоснованные характеристики предметов и явлений (см. труды Е.И. Голованової, В.В. Красных и др.). «Акты номинации заключаются и в поисках формы “упаковки” для создаваемых человеком концептуальных структур» [Кубрякова 2004: 15].

Ряд ученых рассматривают названия лиц по профессии как часть соответствующей терминологии (производственной, научной, медицинской экономической и пр.), данные термины четко “встроены” в определённую понятийную систему, их номинативная структура отражает связи с другими наименованиями в системе терминологических единиц (см., например, работы Е.И Голованової, Е.В. Харченко, Л.А. Шкатовой).

По словам М.Н. Володиной «термин являет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [Володина 2000: 25].

Главная функция языкового знака состоит в том, как отмечает А.А. Уфимцева, чтобы «посредством знаковой репрезентации удовлетворять основным отражательным и мыслительным процессам, опосредованно и абстрагированно представлять мыслительное содержание, исторически закрепляющееся за знаком в виде общего для членов коллектива значения, и на этой основе обеспечивать коммуникацию во всех сферах человеческой деятельности» [Уфимцева 1974: 9]. Вслед за Е.И. Голованової мы отмечаем: «Особенность терминов (в нашем случае названий лиц по профессии) заключается в том, что в них закреплён результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержании которого входят человеческая практика и профессиональная деятельность» [Голованова 2004 а) : 75].

В настоящее время растет количество терминологических словарей (далее ТС), увеличивается разнообразие их классов как с точки зрения содержания, так и с точки зрения выполняемых ими функций. Проблемы создания ТС становятся актуальной теоретической и практической задачей, от решения которой в известной степени зависит

дальнейшее продвижение науки, техники, производства, ускорение научно-технического прогресса и т.д.

Специфическая особенность готовящегося Международного словаря профессий (далее МСП) по сравнению с другими лексикографическими трудами обусловлена тем, что он, во-первых, адресован специалистам разных отраслей производства и терминоведам, а, во-вторых, является результатом труда коллектива преподавателей, сотрудников и студентов ЧелГУ по унификации и стандартизации наименований лиц по профессии и должности с учетом интегративных тенденций социально-экономического и лингвистического характера. На основе МСП можно будет прогнозировать и конструировать новые номинации с учетом новейших интернациональных тенденций, моделировать информативное и лаконичное определение терминов (в нашем случае профессий).

ТС классифицируются по разным критериям, общими из которых являются назначение словаря, объект словарного описания, тип сведений об объекте, его структура (см., например, труды А.С. Герда, Е.И. Головановой, С.В. Гринёва, В.М. Лейчика, В.Н. Сергеева, А.Я. Шайкевича и мн. др.). Однако сложность в работе со специальной лексикой (в нашем случае НЛП) при подготовке ТС связана с отсутствием единого подхода лексикографов к созданию таких справочников. Поэтому перед составителями любого отраслевого ТС неизбежно возникает проблема – отбор терминов для словника задуманного словаря, от решения которой в значительной степени зависит научная значимость и прагматика словаря (см., например, работы Е.Н. Квашниной, В.Я. Михайлова). При разработке словаря перед терминологами возникали многочисленные вопросы: во-первых, отбор лексики (например, названий лиц по профессии), связанный с особенностями конкретных терминологических систем и отдельных языков, особенно в двуязычных словарях; во-вторых, разработка принципов, определяемых спецификой материала – русскоязычных и англоязычных наименований лиц по профессии; в-третьих, о совпадении и расхождении семантики номинаций в русском и английском языках, в-четвертых, старые и новые названия, и, наконец, структура словарной статьи.

Для нас представляется значимым «Словарь актуальных профессий» профессора Е.И. Головановой, в котором автор предпринял попытку систематизировать современные профессии в российском обществе: из более чем сорока тысяч действующих ныне профессий отобрана лишь тысяча наиболее современных и востребованных профессий и специальностей [Голованова 2004 б)]. Ученым разработаны назначение и источники словаря, принципы толкования слов, структура

словарной статьи; данный словарь безусловно окажет помощь в подготовке будущих выпусков МСП.

Согласно терминоведческим классификациям Международный словарь профессий (русско-английская и англо-русская его части) – терминологический толковый двуязычный словарь, словник которого определяется выходным языком, точнее спецификой жизни коллектива, говорящего на выходном языке словаря. Поэтому при отборе заглавных слов для двуязычного словника авторы руководствовались прежде всего функциональной ролью лексем в данном языковом коллективе, а также ролью эквивалента в коллективе выходного языка [Берков 1996]; так, словник составлялся и упорядочивался по русскому алфавиту, и каждому русскому термину-НЛП подбирались эквивалент/эквиваленты на английском языке, таким образом, основным содержанием МСП являются наименования лиц по профессии и определения соответствующих этим терминам понятий.

Системность терминов – названий лиц по профессии – в нашем терминологическом словаре прослеживается на установлении следующих отношений в словарной статье: 1) *родовых отношений* с обязательным одновременным определением всех встречаемых терминов на соответствующем по алфавиту месте; 2) *синонимов – дублетов*; 3) *антонимических отношений*; 4) *пересекающихся понятий*; 5) *видовых отношений*, закреплённых в словаре по принципу “гнезда”, включающего термины “меньшего / большего семантического объема”. В словарных статьях «уточнены дефиниции профессий, которые имеют длительную историю, отображены системные связи и отношения между различными профессиями, составляющими общее профессиональное поле» [Голованова 2004 б)], как в русскоязычном, так и в англоязычном культурных пространствах.

Готовящийся двуязычный терминологический словарь является одной из первых попыток систематизированного представления названий современных профессий и специальностей, существующих как в русском, так и в английском языках. В нём отражены все основные области профессиональной деятельности: наука, производство, образование, медицина, спорт, культура сфера обслуживания и средства массовой информации.

Как и в словаре Е.И. Голованової, все профессии разделены нами на три основные группы: производственные, творческие и управленческие. В английской части, т.е. в выходном языке дефиниции первой группы начинаются со слова “worker” (рабочий), третьей группы - “workman” (работник); в группе творческих профессий начальное слово в определении зависит от сферы деятельности данного лица; так, если

это научная сфера, то толкование вводится словом “specialist”(специалист), если медицинская - “doctor” (врач), если сфера искусств - “musician”(музыкант), “artist”(художник) если спортивная сфера - “sportsman”(спортсмен).

Благодаря русско-английской и англо-русской частям Международного словаря профессий, специалисты многих стран смогут провести оперативный поиск необходимой информации, вникнуть в сущность содержания труда по той или иной профессии, должности, установить идентичность того или иного наименования или разницу в содержании близких по звучанию терминов, провести сопоставление должностного и профессионального состава с точки зрения условий труда, его оплаты и других характеристик.

Список литературы

1. Берков, В.П. Двуязычная лексикография [Текст] : учебник / В.П. Берков. - СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. - 248 с.
2. Володина, М.Н. Когнитивно – информационная природа термина [Текст] / М.Н. Володина. – М., 2000. – 252 с.
3. Голованова, Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке [Текст] / Е.И. Голованова. – Челябинск: Челяб. гос. ун- т, 2004 а). – 330 с.
4. Голованова, Е.И. Словарь актуальных профессий [Текст] / Е.И. Голованова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004 б). – 103 с.
5. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. - М., 2004.- 280 с.
6. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. - М., 1974. - 295 с.

Н.З. Жуманбекова, К.С. Мейрманова
Кокшетау, Казахстан

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ МОДЕЛЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

Внутренняя форма – одна из центральных, универсальных категорий языка, введённая в научно-лингвистический обиход В. фон Гумбольдтом и получившая дальнейшее развитие в трудах А.А.Потебни, В.В.Виноградова, В.Н.Телии, Т.З.Черданцевой, А.И.Фёдорова, А.М.Мелерович, В.Г.Вариной, Н.М.Мигириной, О.И.Блиновой.

Внутренняя форма присуща не только слову, но и другим типам языковых единиц, в том числе и фразеологическим единицам. Во внутренней форме слова находят отражение признаки предметов и явлений объективной действительности, которые и составляют основу их номинации и идентификации. Основу внутренней формы

фразеологических единиц образует словосочетание, обозначающее определённую ситуацию реальной действительности, которая оказывается источником фразеологического образа, на базе которого формируется их актуальное значение. В лексическом значении, в отличие от фразеологического, мотивирующий признак, лежащий в основе наименования лексических единиц, нередко является составной частью внутреннего содержания многих слов. Для слова внутренняя форма чаще всего является семантическим потенциалом, для ФЕ роль внутренней формы значительно выше, так как она создаёт богатый мотивирующий подтекст, благодаря которому формируется не только фразеологический образ и концептуальное значение ФЕ, но и коннотация.

Внутренняя форма КФЕ разных языков обладает как универсальными, так и идиоэтническими свойствами. Универсальность внутренней формы КФЕ исследуемых языков выражается в двух моментах: а) в характере её общей логической структуры, обязательных её компонентов; б) в совпадении предмета сравнения. Идиоэтничность внутренней формы КФЕ обусловлена во всех языках двумя моментами: во-первых, несовпадением эталонов сравнения и, во-вторых, несовпадением основания сравнения, даже при совпадении эталона сравнения.

Типология моделей внутренней формы компаративных фразеологических единиц немецкого, русского и казахского языков устанавливается посредством метода фразообразовательного моделирования. Внутренняя форма КФЕ исследуемых языков – это та инвариантная, абстрактная составляющая в структуре деривационной базы фразеологических единиц или в структуре свободного или переменного словосочетания, которые лежат в основе ряда КФЕ и составляют инвариантный фразеологический образ. Тем самым устанавливаются инварианты компонентного, ситуационного и фразеосемантического (далее КИ, СИ, ФИ) аспектов языковой структуры КФЕ немецкого, русского и казахского языков. Такие инварианты способствуют определению, с одной стороны, системности, регулярности в рамках структуры КФЕ и типичных зависимостей и видов между внутренней формой, образностью и семантикой, актуальным значением ФЕ. Они, наконец, способствуют более обозримому, системному представлению типов сходств и различий, а тем самым типологических и идиоэтнических особенностей внутренней формы КФЕ в рамках исследуемых трёх языков.

Предмет, эталон и основание сравнения представляют собой обобщённую схему обязательных компонентов структуры сравнения. В качестве регулярного предмета сравнения в трёх языках выступает человек. Эталон сравнения как структурно

обязательный компонент КФЕ выражается лексемами, относящимися к самым разным семантическим и тематическим областям. Основными источниками эталонов сравнения являются следующие: человек, животный и растительный мир, птицы, насекомые, рыбы, явления природы, артефакты, продукты питания. При этом наблюдаются определённые сходства и различия. В немецком и русском языках в качестве эталонов регулярно выступают основания сравнения в сопоставлении с продуктами жизнедеятельности человека. В казахском языке в качестве эталона сравнения выступают, как правило, обозначения человека, домашних животных, домашних и диких птиц, насекомых.

В результате сопоставительного анализа средств выражения эталонов сравнения в немецком, русском и казахском языках были установлены типичные и регулярные компонентные инварианты. Несмотря на наибольшие сходства в характере языкового выражения эталона сравнения наблюдается такая закономерность: в качестве эталонов сравнения в каждом отдельном языке регулярны разные виды наименований животных. Так, в немецком и русском языках – это такие домашние животные, как *Schwein, Katze, Kuh,* в русском – *свинья, кошка, собака*, *корова,* в казахском – *жылкы, кой, ешки, туйе, ит*. Такую же закономерность проявляют компоненты-наименования диких животных, ср.: в немецком языке регулярны одни виды наименований животных (*Bar, Affe, Dachs, Hase*); в русском – другие (*лев, тигр, тюлень*); в казахском (*аю, каскыр, арыстан*). Явления растительного мира, которые регулярны как эталоны сравнения находят также различное отражение в КФЕ трёх исследуемых языков. Для КФЕ немецкого языка типичны и регулярны следующие представители флоры: *Baum*, *Bohne*, *Hopfen*, *Eiche*; для русского языка – *берёза, тополь, дуб, осина*, для казахского языка – *гул, агаш, байтерек, байшешек, кызгалдак.* Компоненты, обозначающие человека также регулярны в структуре КФЕ трёх языков. Однако конкретное проявление этой регулярности различно, ср.: для эталонов сравнения КФЕ казахского языка типичны наименования лиц по признаку родства (например, лексема *бала* выступает структурным элементом в 85 КФЕ); немецкий и русский язык предпочитают другие наименования лиц. В немецком языке эталонами сравнения чаще являются наименования лиц по профессиональному признаку, в русском – по национальному признаку или признаку пола.

В КИ мы включаем и языковые средства, выражающие основание сравнения. В КФЕ немецкого языка регулярны следующие основания сравнения: интеллектуальные и психологические признаки, социальная характеристика, абстрактные существительные для обозначения физических данных и для обозначения понятий из сферы мыслительной деятельности. В русском языке наиболее регулярны основания

сравнения: зрительное восприятие, речевая деятельность, физическое состояние, физические свойства объекта, социальная характеристика. В КФЕ казахского языка регулярны следующие основания сравнения: физические свойства объекта, физическое состояние. Для немецкого языка типичны следующие СИ: «Ситуация характеристики отношений объектов в сравнительном плане», для русского – «Ситуация характеристики физического состояния объекта в сравнительном плане», для казахского – «Ситуация характеристики физического воздействия на объект в сравнительном плане».

Фразеосемантический инвариант – это гиперсемантически различные фразеологические значения, вокруг которых могут быть объединены формально нетождественные ФЕ. В зависимости от того, какие признаки доминируют во фразеосемантических инвариантах, намечены наиболее типичные из них, например, «физическое действие», «физические свойства», «психологические свойства», «эмоциональное состояние», «интеллектуальные способности», «коммуникативная деятельность». Фразеологическое значение представляет собой самостоятельный тип языковых значений. Инварианты внутренней формы КФЕ находятся между собой в различных отношениях. КИ и СИ обнаруживают определённые типы корреляции по отношению к фразеосемантическому инварианту. Выявление и установление типичных корреляций между тремя инвариантами внутренней формы КФЕ трёх языков позволило обнаружить фразообразовательные модели внутренних форм КФЕ. Фразеологические образы в пределах данных фразообразовательных моделей различны, они, как правило, национально-культурно маркированы. Модели внутренней формы КФЕ носят, конечно, обобщённый характер и распространяются на все три языка.

В КФЕ немецкого и русского языков установлена модель КИ «интеллектуальный признак как основание сравнения в сопоставлении с одушевлённым объектом» – СИ «ситуация образной характеристики интеллектуальной деятельности в сравнении со способностями животных» – ФИ «не разбираться в чём-либо» (*von etw soviel verstehen wie die Kuh vom Schachspielen, разбираться как свинья в апельсинах*). Для немецкого языка характерна модель КИ «перцептивный признак как основание сравнения» – СИ «ситуация образной характеристики перцептивных признаков в сравнении с такими качествами одушевлённых/неодушевлённых объектов» – ФИ «дурно пахнуть, быть невкусным» (*stinken wie ein nasser Fuchs, schmecken wie Titte mit Ei*). Для немецкого, русского и казахского языков типичны следующие модели внутренней формы КФЕ:

1) КИ «физическое воздействие как основание сравнения + элемент сравнения + объект воздействия» – СИ «причинять неприятные физические ощущения» – ФИ «относиться к кому-либо плохо, избивать кого-либо», например, *j-n wie einen Hund*

behandeln, драть как сидорову козу, иттей қылу;

2) КИ «физическое положение субъекта как основание сравнения + элемент сравнения + эталон сравнения» – СИ «испытывать неприятные физические ощущения» – ФИ «испытывать неприятные эмоциональные ощущения», например, *wie auf glühenden Kohlen sitzen, сидеть как на горячих угольях, найза ұшында отыргандай;*

3) КИ «результат последствий воздействия (на субъект) + элемент сравнения + предмет воздействия» – СИ «испытывать болезненные, физически неприятные ощущения» – ФИ «испытывать неприятные эмоциональные ощущения», например, *wie vom Schlage getroffen, как из-за угла мешком прибитый, төбесінен түскен тастай.*

Основным механизмом формирования фразеологического значения на базе тех или иных КИ и СИ является образное переосмысление, либо метафорическое, либо метонимическое. Образное метафорическое, образное метонимическое переосмысление распределяется на все типы ФМ.

М.В. Заболотнова
Челябинск, Россия

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕФИКСОВ お（«О»）и ご（«ГО»）ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из особенностей японского языка являются специфические средства выражения вежливости, среди которых интересными представляются способы употребления префиксов お - «О» и ご - «ГО». В.М. Алпатов относит их к «именным формам вежливости» и указывает на тесную связь этого вопроса с проблемой женского и мужского вариантов японского языка [Алпатов 2003: http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml].

Префиксы お и ご, выполняя идентичные функции «приукрашивания» речи (слова с этими префиксами относятся к такой разновидности вежливой речи, как 美化語 «бикаго» - «красивая речь»), все же имеют различную специфику присоединения к именам.

Префикс お присоединяется к 和語 «ваго» - собственно японским словам с кунным чтением. Например, お酒 («осаке» - саке), お金 («оканэ» - деньги), お風呂 («офуро» - офуро). Префикс ご присоединяется к словам китайского происхождения с онным чтением 漢語. Существуют исключения из этого правила, наиболее известные из которых – お電話 («оденва» - телефон) и お正月(«осёгацу» - Новый Год). お и ご могут присоединяться практически к любым именам, однако случаи оформления ими

заимствований 外来語 «гайрайго» чрезвычайно редки и обычно создают комический эффект.

Например, оформление префиксомお заимствованного из английского языка ビール（beer） – おビール – иногда объясняется ситуативным контекстом, включающим в себя отношения «продавец - покупатель» и все чаще допускается в «деловом» японском. Но наряду с お手紙 (отэгами - «письмо») и お返事(охэндзи - «ответ»), употребляемых в электронной переписке, к メール（mail）お не присоединяется, что можно объяснить менее официальным, скорее неформальным характером японских текстов электронных писем.

И все же, в связи с широким использованием данных префиксов в японском языке, трудно указать ситуации, в которых образование «красивых слов» с их помощью было бы неуместным. Предположим, что, пожалуй, они являются наиболее необходимыми, когда речь идет о традиционных японских искусствах, например, таких, как икебана и чайная церемония. Некоторые из следующих слов имеют также широкое распространение в повседневной жизни и часто употребляются в ситуациях, не связанных с чаем или цветами. Здесь они приведены как формы, употребление которых желательно в контексте традиционных искусств.

お湯	«ою»	горячая вода
お茶	«отя»	чай
お菓子	«окаси»	сладости
お茶碗	«отяван»	чашка
お皿	«одогу»	утварь для чайной церемонии
お道具	«осара»	тарелка, блюдце
お茶室	«отясицу»	комната для чайной церемонии
お袱紗	«офукуса»	специальная салфетка для чайной церемонии
お懐紙	«окаиси»	специальная бумага, используемая при подаче сладостей
お花	«охана»	цветы
お花器	«окаки»	ваза, в которой устанавливается цветочная композиция
お稽古	«океико»	урок, занятие, практика
ご覧	«горан»	осмотр, взгляд (используется при приглашении осмотреть составленную композицию)
お水	«омидзу»	вода

お月謝	«огэсся»	плата за урок
お教室	«окёсицу»	аудитория
お掃除	«ососдзи»	уборка (при занятиях икебаной – стеблей и листьев, не вошедших в композицию)
お生花	«осэйка»	традиционная икебана
お正月花	«осёгацухана»	специальный набор цветов и ветвей, использующийся при составлении новогодней праздничной икебаны

Несмотря на изменения, происходящие сегодня в японском языке, префиксы お и ご остаются чрезвычайно востребованными в речи современного японца. Быстро распространяясь в сфере делового японского языка, где их употребление определяется ролями покупателя и продавца, клиента и менеджера, они традиционно многочисленны и в женской речи. Иллюстрируя это, приведем текст электронного письма Миюки Хокимото (44 года, служащая, преф. Сайтама), отправленного в январе 2008 года.

おはようございます。美由紀です。。。

ぜひぜひ、私もたくさん**お話**がしたいです。**お国**のことも伺いたいし。

もし、**お時間**が許すようでしたら、週末、ランチや**お茶**にご一緒させて頂けたら嬉しいです。

«Здравствуйте. Это Миюки… Мне бы также хотелось о многом поговорить с Вами, распросить о Вашей стране. Если у Вас есть свободное время в выходные, то я была бы рада пригласить Вас на обед и чай».

Даже в таком коротком тексте интересующие нас префиксы お и ご многочисленны (при переводе переданы местоимением Вы), что иллюстрирует их чрезвычайную востребованность в японском языке и указывает на важную роль при образовании вежливых конструкций в нем.

Список литературы

1. Алпатов, В.М. Япония: язык и общество[Электронный ресурс] / В.М. Алпатов // Режим доступа: http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml, свободный.

С.В. Закорко
Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Данная работа стала составной частью широкомасштабного проекта исследования семантического развития слова, в котором представлены результаты,

полученные в условиях нормы/патологии/одаренности, учитывающие специфические условия билингвизма/полилингвизма Республики Башкортостан, а также изыскания, выполненные на материале разносистемных языков. Успешную реализацию проект получает на уровне кандидатских и докторских диссертаций аспирантов и докторантов кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета. В нашей работе предпринимается попытка теоретико-экспериментального изучения семантики слова в индивидуальном сознании разных психологических типов (интровертов и экстравертов).

Теоретической основой работы стали положения Тверской психолингвистической школы, в частности, концепция слова как достояния индивида А.А. Залевской, где слово трактуется как единица ментального (внутреннего) лексикона человека и средство доступа к единой информационной базе человека как сложному продукту перцептивно-когнитивно-аффективной переработки индивидом его многогранного опыта познания и общения.

Ментальный лексикон представляет собой сложную сеть взаимосвязей, увязывающих «огромное количество знаний в памяти, при этом невозможно сказать, где кончается значение слова, и начинаются знания о мире. Поскольку каждое слово имеет связи со многими другими и с общей информацией в памяти, все эти связи в определенном смысле составляют сумму того, что мы понимаем под словом» [Залевская 1990: 87].

Идентификация любого слова в рамках психолингвистического подхода понимается как целый ряд психических процессов, продуктом которых выступает понимание, или, иными словами, переживание, знания и готовность человека оперировать им с учетом всего индивидуального опыта.

В качестве исследовательского материала были выбраны существительные, принадлежащие к ядру лексикона носителя русского языка: ЖИЗНЬ, ВОДА, ДЕНЬГИ, ЧЕЛОВЕК, СЧАСТЬЕ, КИНО; некоторые технические термины: ПАРОНИТ, ТРАВЕРСА, ДЕФЛЕКТОР, ПИТТИНГ, ЮЗ, БАББИТ, ЗОЛЬНОСТЬ, РОЯЛТИ, ТЕМПЛЕТ, ЭМУЛЯЦИЯ, МЕСДОЗА и псевдослова: КАЙОДЛА, ЛЯПУПА, КАЛУША, БУТЯВКА, ПЕРЕБИРЮШКА.

Испытуемые были разделены на 4 группы (с учетом пола): интровертов и экстравертов – по 50 мужчин и 50 женщин в каждой группе. Для определения принадлежности испытуемого (далее ии.) к тому или иному психологическому типу нами был проведен психологический тест Майерс-Бриггс (MBTI). С указанным контингентом информантов был проведен свободный ассоциативный эксперимент

(далее САЭ), суть которого заключается в том, что испытуемому дается слово-стимул и предлагается реагировать на это слово первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием.

Всего проанализировано 5088 реакций, полученных от 200 испытуемых. Информантами являлись студенты 1-3 курсов разных специальностей Уфимского государственного авиационного технического университета г. Уфы.

В рамках данной публикации остановимся подробнее на анализе ассоциативной структуры некоторых технических терминов, поскольку последние, по мнению специалистов, подвержены в большей степени, чем общелитературный язык, сознательному вмешательству в организации терминосистем [Иванова 1987: 3].

При идентификации исходных терминов наблюдается преобладание фонетических реакций, представляющих собой слова, схожие со стимулами по звукобуквенному комплексу или по созвучию. В ответах экстравертов были зарегистрированы следующие из них (см. табл.1).

Таблица 1
Соотношение фонетических реакций у мужчин и женщин-экстравертов

Ии.-мужчины		Ии.-женщины	
S	**R**	**S**	**R**
ПАРОНИТ	*паразит, гранит, парафин*	Пар**О**НИТ	*гранит, динамит, кАРбонид, паралич, параноя, парафин, пародия, пародонтит*
ТРАверРСА	*трава, таВЕРна, трасса*	ТРАв*ер*СА	*трава, таВЕРна, версия, трапеза, каверса, тЕРасса, тЕРмин, Траволта*
дефЛектОР	*рефлектор, дирек-тор, ДИФрактор, индикатор, рефлекс, дефЕКТ, коллектор, лектор*	дефЛектОР	*рефлектор, рефлекс, детектор, дефЕКТ, директор, корректор*

Вышеприведенные ассоциации различаются лишь по одному формальному признаку (звуку или букве), для наличия смысловой связи между ними необходим более широкий контекст. Аналогичное можно наблюдать и при обращении к данным таблицы 2, где приведено соотношение фонетических реакций у мужчин и женщин-интровертов.

Полагаем, что в подобных случаях значение стимула не осознается, основанием для актуализации ассоциативной связи служит наиболее рельефный для ии. элемент формы воспринимаемого слова, актуализующий лишь формальную сторону некоторого ассоциата, используемого также ии. без осознания его значения. При этом в качестве ассоциативной реакции фигурирует та словоформа, которая «на момент проведения эксперимента оказалась по идентифицированному признаку исходного слова ближайшей к нему в ассоциативном поле соответствующего яруса идиолексикона этого ии.». Поиск ассоциата в данном случае совершается автоматически, а степень интеллектуальной активности ии. является минимальной [Залевская 2005: 56].

Отсутствие необходимости осмысливать слово-стимул может в этих случаях объясняться совместным хранением форм компонентов таких ассоциативных пар в составе единых комплексов в поверхностном ярусе лексикона, благодаря чему их совместное воспроизведение оказывается возможным при минимальной степени интеллектуальной активности ии. При опознании формы исходного слова срабатывает механизм вероятностного прогнозирования, который актуализирует ближайший в данный момент контекст. Это может происходить без обращения к глубинному ярусу значений, хотя при становлении такого рода контекстов в основе объединения двух словоформ в единый комплекс поверхностного яруса лексикона должна была лежать смысловая связь.

Таблица 2
Соотношение фонетических реакций у мужчин и женщин-интровертов

Ии.-мужчины		Ии.-женчины	
S	**R**	**S**	**R**
ПАРОНИТ	*пар, парано́йя, гранит, паразит, пародонтол, сталактит*	ПАРОНИТ	*гранит, паразит, паронойя, парафин, парник, пародонтит, паром, перитонит, ранит*
ТРАв*ер***С**А	*трава, таВЕРна, тЕРасса, трасса, траектория, трайк*	ТРАв*ер***С**А	*трава, трасса, таВЕРна, тЕРасса, травести*
ДЕФЛЕКТОР	*рефлектор, детектор, лектор, рефлекс, прожектор*	ДЕФЛЕКТОР	*дефЕКТ, рефлекс, детектор, регулятор, ректор, рефлектор*

Установление различий в уровнях идентификации слов-стимулов группами испытуемых подтверждает гипотезу о многоярусном строении лексикона, а приведенные выше примеры актуализации ассоциативных связей без непременного обращения ии. к глубинному ярусу смыслов проливают определенный свет на

некоторые принципы организации единиц лексикона на поверхностном ярусе словоформ. Во-первых, это установление связей на основе совпадения элементов, во-вторых, – включение в контексты разной протяженности. Первый из этих принципов может реализоваться на базе совпадения элементов разной протяженности и разной локализации в составе вступающих в связь словоформ, второй принцип включения может реализоваться как через правый, так и через левый контекст. Отметим попутно, что в реакциях ии.-женщин обеих групп преобладает большая протяженность отрезков высказывания, нежели в ответах ии.-мужчин. Своеобразие реагирования таким образом женщин отмечалось в психологической литературе, в частности, посвященной гендерным различиям в речевом поведении ии. разного пола [Митина, Петренко 1999].

В ходе экспериментов особых различий в идентификации исходных слов экстравертами и интровертами выявлено не было. Вполне возможно, что эти слова-стимулы для многих ии. незнакомы. Еще одной стратегией, которая, на наш взгляд, реализуется при идентификации незнакомого слова, является *дефиниционная* стратегия, суть которой заключается в том, что ии. пытаются дать свое толкование слова, например: ПИТТИНГ – *что-то фантастическое, специально разработанная программа для похудения, что-то с физикой*; ДЕФЛЕКТОР – *что-то, что лишает чувств*; ЗОЛЬНОСТЬ – *когда вместо соли используют золу, отрицательное качество человека, темное пятно*; БАББИТ – *что-то черное*; ТРАВЕРСА – *что-то связанное с кораблем* и т.д.

Рассмотрев вышеописанные примеры, можно сделать следующие выводы: слова-стимулы терминологической лексики характеризуются высоким значением частоты несмысловых реакций. Большой удельный вес последних связан прежде всего с непонятностью для ии. исходного слова. В дальнейшем мы предполагаем провести сопоставительный анализ стратегий идентификации терминов и слов, принадлежащих к ядру лексикона избранного контингента испытуемых.

Список литературы

1. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование [Текст] / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1990. – 206 с.

2. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст [Текст] / А.А. Залевская. – Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

3. Иванова, О.В. Ассоциативная структура термина и общеупотребительного слова [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / О.В. Иванова. – Минск, 1987 – 22 с.

4. Митина, О.В., Петренко, В.Ф. [Электронный ресурс] / О.В. Митина, В.Ф. Петренко // Режим доступа: http://www.voppsy.ru/001068.htm. 1999, свободный.

И.В. Звездакова
Чайковский, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ПЛАНА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В настоящее время в лингвистике сформировалось представление о смысле текста как о динамичном образовании, обладающем сложной структурой (И.Р. Гальперин, А.А. Залевская, Л.В. Кушнина, Н.Л. Мышкина). Исследователи, в зависимости от целей и методов исследования, по-разному представляют структуру смысла. При этом большинство ученых считают, что смысл выражается скрыто, рассматривают имплицитность как универсальную категорию текста [Сыщиков 2000], ведущую концептуальную категорию текста [Нефедова 2001], подчеркивая иерархичность семантической структуры текста и выделяя в имплицитном измерении текста различные планы.

Представляется правомерным говорить о существовании эзотерического плана в некоторых текстах. В лингвистических исследованиях понятие «эзотерический» используется в работах А.М. Камчатнова и Н.Л. Мышкиной. А.М. Камчатнов, придерживаясь широкой трактовки данного понятия, отождествляет понятия эксплицитный и экзотерический, имплицитный и эзотерический. Столь свободный подход к понятию «эзотерический» позволяет исследователю определить бытовую речь как преимущественную сферу эзотерических смыслов [Камчатнов 1988: 44]. Другая точка зрения представлена в исследованиях Н.Л. Мышкиной, рассматривающей понятие эзотерический смысл в рамках контрадиктно-синергетического подхода в узком (строгом) понимании данного термина. Исследователь относит эзотерический смысл и понятие имплицитность к скрытому выражению знания в естественном языке, но не отождествляет их. Содержание понятия «эзотерический смысл» Н.Л. Мышкиной подробно не раскрывается [Мышкина 2002: 29-38].

Мы полагаем, что эзотерическая информация является одним из уровней имплицитной информации, которая содержится в текстах, она представляет собой наиболее глубинный уровень. Присутствие эзотерического смысла в текстах обусловлено свойством языка отражать категории и взаимосвязи мироздания. Представляется правомерным предположить, что эзотерическое знание скрыто в языке, в лингвистических пресуппозициях, в силу того, что пресуппозиции являются основой имплицитности.

В нашем исследовании под термином «эзотерический смысл» понимаются те кванты информации, которые заложены в текстах в скрытом виде и предназначены для сообщения законов взаимодействия человека и Высших сил. При этом мы принимает

трактовку Высших сил как сил, влияющих на человеческую судьбу, человечество, определяющих ход событий, жизни в мире и космосе в целом. Считается, что передача эзотерических смыслов осуществляется с помощью эзотерических и поэтических текстов; стихи «объясняют то, что трудно объяснить»; в творческом процессе происходит «непреднамеренное, интуитивное осознание поэтами звена, связующего нас с духом» [Кастанеда 1993]. Таким образом, эзотерический смысл является одним из возможных уровней анализа, который присутствует в поэтических текстах. Мы полагаем, что эзотерический смысл реализуется благодаря взаимодействию символов в тексте. Его возникновение можно проследить, используя контрадиктно - синергетическую методику анализа процессов порождения смыслов.

В настоящей статье рассматривается реализация эзотерического пространства символа *Путь* в поэтических текстах. В.Н. Топоров выделяет наряду с вертикальным и горизонтальным путями круговой путь, предполагающий освоение нового пространства, его освящение [Топоров 1983]. Фактически круговым путем является учение о Дао, эзотерическое учение, отражающее законы мироздания, идея Пути, Истины, Порядка, естественного пути самих вещей как выявления их внутренней сущности: «Великое Дао идет по великому кругу, достигая предела, возвращается к истоку… Каждая вещь возвращается к своему началу, возвратившись к началу, достигает покоя, выявляет свою сущность; выявив свою сущность, приобщается к постоянству, к высшему состоянию вещей, состоянию всеединства. Все возвращается к покою, в Небытие, чтобы вновь вернуться к жизни уже в новом качестве» [Григорьева: http://psylib.org.ua/books/grigt01/index.htm].

По нашим наблюдениям, эзотерическое пространство символа *круговой путь* находит реализацию в поэтических произведениях. В стихотворении А. Ахматовой «То, что я делаю, способен делать каждый…» *круговой путь* актуализируется квантом информации «возвращение к началу»: *«…О Господи! воззри на легкий подвиг мой \ И с миром отпусти свершившего домой».* Текстовая единица *домой* пресуппонирует возвращение в тот локус, который является естественным для путешествующего. В семантической структуре лексемы *подвиг* присутствуют компоненты *движение, стремление, путь, доблестный поступок, важное, славное деяние* [Даль 2007]. Лексическая единица *свершение* в толковом словаре С.И. Ожегова определяется как «великое дело, высокий поступок», а *свершить* - «совершить что-то большое, важное». Кроме того, лексическая единица *свершить* несет в своей семантической структуре компонент *конец действия*. Текстовая единица *свершившего* актуализирует таким образом квант информации *конец пути*.

Обращение в конце жизненного пути, в старости, к его началу, то есть в детство, юность, молодость, по нашим наблюдениям, также актуализирует в поэтических произведениях смыслообраз *возвращение к началу*: *«Под старость вновь становимся мы юными!»* [Матрынов 1990]. Текстовая единица *становимся* несет в своей семантической структуре кванты информации *развитие, реализация*: лексическая единица *становление* определяется в толковом словаре С.И. Ожегова как «возникновение, образование чего-н. в процессе развития»; лексическая единица *стать* среди прочих значений имеет значение «вспомогательный глагол со значением сделаться, превратиться» [Ожегов 1990]. Глагол *превратить* имеет дефиницию «придать иной вид, перевести в другое состояние, качество». Актуализируется квант информации *возвращение к жизни в новом качестве.*

Этот квант информации реализован и в стихотворении Ю. Левитанского «Кто-то упрямо и властно…»: *«…Яблоки моего детства, \ там, \ у меня за спиною, \ упадут только вместе со мною, \ однажды, \ когда я обернусь туда. \ Вот и иду, стараясь не оборачиваться, \ хотя слышу, как яблони мои \ шелестят в тишине, \ и дорога моя, \ удлиняясь, \ все укорачивается, \ и чем дальше они - \ тем ближе они ко мне"* [Левитанский 1987: 324].

Текстовая единица *яблоки упадут* имплицитно содержит архетипический квант информации *созревание*. Лексическая единица *зрелый* определяется как «спелый, созревший, 2. Достигший полного развития, вполне сложившийся 3. Свойственный человеку, достигшему полного развития 4.Обдуманный, свидетельствующий об опытности» [Ожегов 1990]. Таким образом, в семантической структуре этой лексической единицы присутствуют семы *достижение, развитие, опыт*; благодаря им квант информации *созревание* «втягивается» в эзотерическое пространство символа Путь. Текстовая единица *обернусь* актуализирует смыслообраз *круговой путь*: одно из значений данной лексической единицы, согласно толковому словарю, *совершить законченный круг работ, действий* [Ожегов 1990]. Кроме того, согласно дефиниции толкового словаря, *обернуться* - превратиться в кого-н. при помощи волшебства, что позволяет определить данную текстовую единицу как функтор. А лексема *превратиться* определяется как «принять иной вид, перейти в другое состояние, стать чем-н. иным» [Ожегов 1990]. Кванты информации: *развитие, опыт, достижение, тайна* «втягиваются» в эзотерическое пространство символа *путь*; актуализируются кванты информации *«возвращение к жизни в новом качестве», «бесконечность пути», «бессмертие души»,* которые вступают в отношения асимметрии с архетипическим

квантом информации *смерть*, и архетипической ситуацией «Конец пути», объективированными текстовой единицей *упадут … вместе со мною.*

Таким образом, благодаря присутствию символа в тексте возникает эзотерический план. Его возникновение можно проследить, используя контрадиктно-синергетическую методику анализа процессов порождения смыслов.

Список литературы

1. Ахматова, А.А. Собрание сочинений в двух томах. Том II [Текст] / А.А.Ахматова. - М.: Изд-во «Правда». «Огонек». 1990. - 382 с.
2. Григорьева, Т.П. Дао и Логос (встреча культур) [Электронный ресурс] / Т.П.Григорьева // Режим доступа http://psylib.org.ua/books/grigt01/index.htm, свободный.
3. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка [Словарь] / В.И Даль. - М.: Изд-во Эксмо, 2007. - 736 с.
4. Камчатнов, А.М. Подтекст: термин и понятие [Текст] / А.М.Камчатнов // Филологические науки. - 1988. - № 3. - С. 40-45.
5. Кастанеда, К. Сила безмолвия. Дальнейшие наставления дона Хуана. Кн. 8 [Текст] / К. Кастанеда. - СПб: София, 1993.
6. Левитанский, Ю.Д. Годы: Стихи. [Текст] / Ю.Д. Левитанский. - М.: Советский писатель, 1987. - 352 с.
7. Мартынов, Л.Н. Избранные произведения. В 2 т. Т 2. Стихотворения. Поэмы [Текст] / Л.Н. Мартынов. - М.: Худож. лит., 1990. - 478с.
8. Мышкина, Н.Л. Проблемы исследования языкового существования [Текст] / Н.Л.Мышкина // Ученые записки гуманитарного факультета. – Пермь: Пермский государственный технический университет, 2002. - С. 29-38.
9. Нефедова, Л.А. Когнитивно-деятельностный аспект импликативной коммуникации [Текст] / Л.А. Нефедова. - Челяб.гос.ун-т. Челябинск, 2001. - 151с.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Словарь] / С.И. Ожегов. - М.: Рус. яз., 1990. - 921 с.
11. Сыщиков, О.С. Имплицитность в деловом дискурсе [Текст] : автореф. …дис. канд. филол. наук / О.С.Сыщиков. - Волгоград, 2000.
12. Топоров, В.Н. Пространство и текст [Текст] / В.Н.Топоров // Текст: семантика и структура. - М., 1983. - С. 227-284.

Л.С. Зникина, И.А. Майорова
Кемерово, Россия

О СОВМЕЩЕННЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В НАУЧНОМ СТИЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Функциональный стиль научной и технической литературы является наиболее характерным лингвистическим индикатором современной эпохи развития человечества. Сфера его применения расширяется пропорционально ускорению темпов роста науки и техники. В настоящее время описание системы многих современных языков уже не мыслится без учета этого стиля и его роли в жизни современного общества. При этом из научной речи заимствуются не только термины, вливающиеся в состав

общеупотребительной лексики, но и словообразовательные и синтаксические стереотипы.

Исследованием научного стиля занимались Абрамов Б.А., Брандес М.П., Бухтиярова Н.С., Васильева А.Н., Гальперин И.Р., Гречко В.К., Залевская А.А., Косилова М.Ф., Костюрова М.П., Кожина М.Н., Мальчевская Т.Н., Миронова В.Ю., Митрофанова О.Д., Пумпянский А.Л., Разинкина Н.М., Ризель Э.Г., Сенкевич М.П., Сильман Т.И., Синев Р.Г., Троянская Е.С. и др.

В изучении научного стиля наблюдается тенденция к переходу от сопоставления частотности отдельных грамматических форм и разрядов (по сравнению с художественной литературой) к интенсивному исследованию структуры абзаца / сверхфразового единства, средств межфразовой связи, а также особенностей отдельных жанров научного стиля. Значительное внимание уделяется проблемам актуального членения предложения. В работах получает дальнейшее развитие также усовершенствование классификации основных стилевых черт (признаков, качеств) текста.

Не остается в тени также важнейшая единица языка и речи – предложение, ведь синтаксис реагирует на различные тональности и различную степень конкретности и абстрактности мировосприятия и даже просто описания явлений весьма тонко и не менее разнообразно, чем лексика. Предложение как единица измерения стиля отражает в своем «малом мире» существенные черты того восприятия действительности, которое находит свое выражение в данном произведении. Именно через структуру предложения, его объем, способы его распространения и членения осуществляется единое движение мысли автора, находит свое выражение присущий именно ему характер этого движения [Сильман 1967: 5-9].

Предметом исследования многих лингвистов явилось описание синтаксиса научной речи на уровне элементарного предложения, безличного, неопределенно-личного предложений. Также произведена классификация сложноподчиненных предложений по типу придаточного, описаны характерные особенности сложносочиненных предложений.

Несмотря на обширность представленных имен и направлений исследования синтаксиса в научном стиле, в германистике остается целый ряд вопросов о семантико-синтаксических связях, существующих между сложноподчиненным и простым предложениями в составе сложного предложения. Известно, что научно-технический текст имеет довольно жесткую структуру, дискретность, внутреннюю и внешнюю формализованность, присутствие так называемых локально привязанных предикаций.

Это дает возможность исследовать его с позиций дискретности и завершенности. Очевидно, такое членение текста на коммуникативно значимые отрезки подтверждает теоретическое положение о подходе к тексту с позиций единства плана содержания и плана выражения, а общий смысл текста определяется на основе «квантового» смыслового восприятия, реализуемого через прагматические функции.

Необходимость выразить сложную систему научных понятий, установить взаимоотношения между ними порождает использование сложных и осложненных предложений, в которых вмещается максимум информации. Рассмотрим следующие примеры: *Der Begriff "Energie" ist in allen Naturwissenschaften geläufig, und es ist bekannt, dass jeder Energie enthaltende Körper die Fähigheit hat, Arbeit zu verrichten.*

Sind in einem Atom gleich viel Elektronen enthalten, wie es normalerweise der Fall ist, so können nach aussen hin keine elektrishe Wirkungen auftreten; das Atom ist unelektrisch (elektrisch neutral).

В рассматриваемых нами примерах «сложное целое», а именно сложносочиненное предложение, образует сложноподчиненное и простое предложения. Они объединены сочинительным отношением, при котором синтаксическая функция всего предложения в целом совпадает с синтаксической функцией каждого предложения в отдельности. В то же время в сложноподчиненном предложении, где придаточное предложение образует с главным одну структурную и коммуникативную единицу, существует подчинительная связь по отношению к главному предложению. Таким образом, в данных примерах можно выделить внешние и внутренние связи предложений, образующих одно «сложное целое».

Наличие или отсутствие оформленных связей между предложениями сложного комплекса существенно сказывается на построении каждого отдельного предложения, входящего в этот комплекс, на его большей или меньшей потенциальной самостоятельности.

В.Г. Адмони, рассматривая зависимость между отдельными предложениями контекста, пишет: «Предложение … никогда в своем реальном существовании не оказывается абсолютно изолированным… Как говорящий (или пишущий) человек, так и человек слушающий (или читающий) никогда не имеет дела с отдельными изолированными предложениями … и поэтому содержание каждого предложения осмысливается ими не только на основе его непосредственно выраженной лексико-грамматическими средствами семантики, а в свете самого контекста. Контекст как бы разгружает предложение» [Адмони 1955: 180]. Сказанное в большой мере распространяется и на элементарные предложения, входящие в сложноподчиненный

комплекс, и, прежде всего, на предложения, находящиеся в сочинительном отношении друг к другу. Приведем примеры:

Für die Kunststoffe lassen sich bisher noch keine befriedigenden Abgrenzungen aufstellen, da sie bei jedem System, welches auch andewendet wird, doch zum Teil ineinander übergehen; sie lassen sich nicht in ein starres System einzwangen.

Der Raum in der Umgebung von Magneten und stromdurchflössener Leiter befindet sich offenbar in einem besonderen Zustand; ein Raum, in dem magnetische Wirkungen auftreten, wird (analog zum elektrischen Feld) magnetisches Feld genannt.

В данных примерах действительность представлена в виде последовательной цепи явлений и действий, вытекающих друг из друга: второе предложение в каждом из примеров оперирует элементами предшествующего контекста. Для синтаксического плана важно, что отдельные предложения (простые и сложноподчиненные в составе сложного предложения) охватывают относительно самостоятельный и целостный, хотя и разного объема, факт. Впечатление связности содержания может при этом достигать разной степени. Роль играет не только способ связи предложений, но и семантический объем самих предложений и степень их внутренней спаянности. Подобные предложения содержат большой объем информации и отличаются большой степенью синтактико-семантической уплотненности, что, с одной стороны, усиливает впечатление связности содержания, а с другой - заостряет внимание скорее на смысловой глубине предложений, чем на моментах смысловых переходов от одного самостоятельно оформленного факта к другому.

Основной структурой научного текста является полносоставное повествовательное предложение с нейтральным (в стилевом отношении) лексическим наполнением, с логически правильным (нормативным) прямым порядком слов и с союзной связью между частями предложения [Сенкевич 1984: 167]. Однако научная мысль зачастую длинна, подробна и не может быть выражена простыми предложениями. Поэтому в научном стиле следует отметить тенденцию к сложным построениям, например:

Die Anlagen zur Dampferzeugung haben die Aufgabe, den Dampf zwecks Erzielung eines grossten Arbeitsvermogens so zu erzeugen, dass er nach seiner Bildung aus dem Wasser einen moglichst kleinen Raum einnimmt, deshalb wird das Wasser im geschlossenen Dampfkessel verdampft.

Такие структуры представляют собой удобную форму выражения сложной системы научных понятий, установления взаимоотношений между ними. Необходимость объяснять, доказывать, аргументировать ведет к преимущественному

применению сложных предложений, среди которых емкую языковую форму представляют совмещенные сложные предложения. Совмещенные предложения – одновременное существование предложений различных видов в составе одного «сложного целого», между которыми существует внутренняя смысловая связь.

Исследование механизма взаимодействия предложений в составе совмещенных сложных предложений на примере научного стиля немецкого языка, установление внутренних и внешних связей между ними для выражения их семантики остается актуальной задачей, решение которой определяется нами через реализацию следующих условий:

- рассмотрение исходных теоретических положений, связанных с ролью сложных предложений в научном стиле;
- определение подхода к денотативному плану предложения на основе понятия «ситуация» и положений ситуационного анализа;
- раскрытие характера логико-грамматических связей предложений в составе совмещенного сложного предложения;
- раскрытие особенностей взаимодействия ситуационного, логико-семантического и синтаксического планов в организации семантики совмещенных сложных предложений.

Список литературы

1. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка [Текст] / В.Г.Адмони. – М., 1955.
2. Сенкевич, М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений [Текст] / М.П.Сенкевич. – М., 1984.
3. Сильман, Т.И. Проблемы синтаксической стилистики [Текст] / Т.И.Сильман. – Л., 1967.

С.А. Золотарева
Махачкала, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКОЙ НА КОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В РЕЧИ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО ПЕРЕДАЧИ «ПОКА ВСЕ ДОМА»

Фразеологические единицы, являясь единицами вторичной номинации, обладают богатыми возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей действительности. Фразеологизмы характеризуются ярко выраженной антропоцентрической направленностью. Особенно актуально это при исследовании роли фразеологических единиц в формировании такой эстетической категории, как

комическое. Основной характеристикой данной эстетической категории также является антропоцентризм, поскольку комическое возможно только в человеческом обществе и по отношению к самому человеку.

В этой связи представляется актуальным исследование комического потенциала, как самих фразеологизмов, так и их окказиональных актуализаций, изучение их способностей формировать комическую тональность высказываний и оказывать воздействие на реципиента, а также исследование прагматического механизма достижения комического на основе различного характера и типа актуализаций устойчивых сочетаний. Достаточно ярко прагматическая способность фразеологизмов вызывать комический эффект проявляется в речи телеведущего «народно-развлекательной, застольно-собирательной и семейно-обозревательной» программы «Пока все дома» Тимура Кизякова.

В.М. Никонов [Никонов 1999: 19], рассуждая о прагматическом потенциале фразеологических единиц, отмечает тот факт, что эти единицы языка позволяют решать названные А.А. Леонтьевым три психологические задачи: 1) привлечение внимания к тексту; 2) оптимизация восприятия текста; 3) принятие содержания текста реципиентом. Как замечает В.М. Никонов, сама природа ФЕ, предоставляет возможность использовать ее как языковое средство достижения комического эффекта: во-первых, в силу своего эмоционального содержания; во-вторых, в силу своей необычности – ФЕ выделяются на общем фоне и обращают на себя внимание получателя речи; наконец, сам корпус фразеологического состава содержит единицы, которые формировались и закреплялись в языке как единицы с прагматической заданностью на комический эффект или сами были образованы «в результате намеренного, мотивированного разрушения семантической сочетаемости слов, что является базой для достижения комического эффекта» [Вакуров 1983: 13]. В речи телеведущего наличие фразеологизма очень часто является основой комического эффекта. Например:

«В эфире программа «Пока все дома», которая вот уже 14 лет ***живет одним днем…*** *воскресеньем. Сегодня это воскресенье в доме у Олега Митяева»* (29.10.2006).

В данном высказывании наличие ФЕ решает не только названные А.А. Леонтьевым психологические задачи, но и является структурным и жанрообразующим элементом: на игре фразеологического значения устойчивого сочетания ***жить сегодняшним/одним днем*** – «Разг. Не отрываться от настоящего, ограничиваться его заботами, не думая о будущем или прошлом» [ФСРЯ 1986: 236] и прямого значения, которое поддерживается словом ***воскресенье*** в контексте и способствующим восприятию компонента ***день*** в прямом значении – «1. Часть суток от восхода до захода

Солнца, между утром и вечером». Таким образом, при помощи приема двойной актуализации ФЕ, достигается комический эффект, наличие которого доказывает прагматическую нагруженность данной единицы. С помощью включения в речь фразеологизмов Т. Кизяков стремится оказать максимальное воздействие, т.н. прагматический эффект, на зрителя, а также получает возможность более ярко, четко и живописно выразить свое отношение и свою позицию к описываемым фактам.

Обратите внимание, / какие поэтические аналогии приходят в голову на природе / программа / она/ женского рода/ зритель / он/ мужского/ возможно, поэтому/ их так и тянет друг к другу/ ну просто/ ***два сапога пара,//*** *чем не наши «оч. умелые ручки»//* (12.11.2006).

В текстах комической направленности фразеологизм всегда выступает в определенном окружении и, как правило, тесно с ним связан. Единица, подвергшаяся тем или иным окказиональным актуализациям, утрачивает ту относительную самостоятельность в тексте, которая присуща лексикализованным словосочетаниям. Следовательно, актуализация ФЕ полностью должна подчиняться задачам и целям коммуникативной ситуации – ситуации непринужденного общения. Все это позволяет нам говорить о текстообразующих потенциях окказиональных актуализаций ФЕ.

«Продолжая идеи, которые ***пришли в голову,****…и* ***нашли выход*** *…сегодня с очередным агропредложением выступит озеленитель от оч.умелых ручек Андрей Саныч Бахметьев»* (21.10.2007).

В основе данного высказывания лежит два типа актуализаций ФЕ ***приходить (прийти) в голову*** **(**кому) – «1. Возникать, появляться в сознании кого-либо. 2. Думаться, представляться, доходить до сознания кого-либо. 3. Хотеть, желать, намереваться и т.п.» [ФСРЯ 1986: 359]: 1) структурно-семантический (субституция) – ***мысль/идеи***; 2) семантический прием: частичное обнажение внутренней формы компонента ***приходить/прийти*** – «Идя, достигнуть чего-нибудь, явиться куда-нибудь», актуализации прямого значения глагольного компонента способствует наличие в тексте глагола, присоединяющегося союзом «*и»* – ***нашли***; 3) изменение нормативной дистрибуции ФЕ (типичного окружения): ***мысль пришла в голову*** (кому) и ***идеи пришли в голову*** *и* ***нашли*** (что). Таким образом, сочетанием перечисленных приемов окказиональной актуализации узуальной ФЕ достигаются прагматический и комический эффекты; результаты анализа данных приемов доказывают тот факт, что в данном тексте ФЕ выполняет текстообразующую роль.

Как и в других семантических приемах окказиональной актуализации фразеологизмов, при использовании буквализации ведущая роль принадлежит

контексту. «Фразеологизм рождается в контексте и в контексте же возрождается его буквальный смысл. <…> Специфика соотношения фразеологизм – контекст заключается в том, что ФЕ представляет собой, во-первых, особый самостоятельный контекст и, во-вторых, является частью контекста» [Вакуров 1983: 40]. Комический эффект основывается на возникновении ассоциативных связей свободного словосочетания и омонимичного ему фразеологизма и, как следствие этого, – возникновение противоречия.

«Передача "Пока все дома" ***не хватает звезд с неба****, потому что умеет застать их дома»* (26.11.2006).

Здесь механизм достижения комического эффекта проходит несколько этапов. Первоначально реципиент воспринимает словосочетание - ***не хватает звезд с неба*** в переносном смысле (фразеологическом) «Имеет весьма средние способности, ничем не выделяется» [ФСРЯ 1986: 504] – перестановка компонентов ФЕ придает своеобразный выразительный оттенок, повышает прагматический потенциал. Вторая часть способствует активизации буквального значения этой единицы: (*звезда* – о деятеле искусства, науки, о спортсмене: знаменитость; *хватать* – в значении ловить, задерживать (разг.); *застать* – найти, увидеть в каком-нибудь месте, положении, состоянии). Перевод ФЕ в разряд свободных словосочетаний (т.е. буквализация), неизбежно воспринимаемых на фоне фразеологически связанных, и, как следствие, совмещение буквального и фразеологического значений, разрушает стереотип восприятия и создаёт комическую экспрессию.

Интерес представляет анализ каламбуров в речи Тимура Кизякова, основанных на столкновении свободного и фразеологически связанного значения слова.

«Автор этого и трех десятков других фильмов /Эдуард Володарский / за всю свою жизнь насочинял столько, / что в ближайшие пять минут может позволить себе / ***говорить одну только правду,*** */ а если успеет / то и* <u>*две*</u> *//*» (11.12.2005).

(Одну — выделительная частица, входящая в состав фразеологизма; *две* — это количественное числительное.) Данный пример демонстрирует стремление телеведущего к оригинальности, созданию элокутивно удачного прагматически маркированного текста через использование синтаксической омонимии. Если цель Т. Кизякова – оценить явление или объект, то обыгранный компонент высказывания привлекает к себе внимание зрителя, с тем чтобы сделать очевидной заложенную в нем комическую экспрессию.

На неожиданности, эффекте обманутого ожидания строится следующее высказывание: «***Рыба ищет, где глубже, а человек*** *–* ***где рыба****, но прежде человек*

ищет, а где все-таки червяки, а червяк, как это не парадоксально, тоже ищет, где глубже, так вот, сегодня, наконец-то разрубить и разомкнуть /этот порочный круг /берется /известный червякодобытчик, он же покровитель всех странствующих, рыбачащих и рыбоохочащих - Андрей Саныч Бахметьев, ему, так сказать, и флаг /в руки / оч.умелые» (26.05.2007).

Общий комизм данного высказывания складывается из многих составляющих, среди которых — изменение финальной части пословицы ***Рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше***, использование в контексте одновременно нескольких ФЕ (насыщение текста ФЕ), семантически окказиональных образований с целью развеселить зрителя нетрадиционной подачей материала, пресуппозиция, экстралингвистические факторы.

Список литературы

1. Никонов, В.М. Коннотативные аспекты прагматически ориентированных фразем [Текст] /[Текст] В.М. Никонов // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: Тез. докл. Междунар. конф. - Волгоград: «Перемена», 1999. – С. 18–20.

2. Вакуров, В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона) [Текст] / В.Н. Вакуров. - М.: Моск. ун-та, 1983. – 176 с.

3. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

Е.П. Иванова
Санкт-Петербург, Россия

НОВОЕ В СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

«Словарь – приём, метод, способ, средство познания языкового явления. Всё не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятым, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обозримость, комплексность и системность рассмотрения» [Девкин 2000: 14]. Дидактическая функция словаря предполагает, прежде всего, семантизацию описываемого слова (от греч. semantikos обозначающий), т.е. выявление смысла, значения лексической единицы, одновременно понимаемого и как процесс, и как результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы. В современной лингвистике термин семантизация одинаково активно используется в методике преподавания иностранного языка и в теории лексикографии, где выступает в качестве синонима терминам толкование и дефиниция в значении результата процесса выявления значения.

Для каждого отдельного словаря характерен свой набор параметров, которые лексикографируются в словарной статье. Под понятием параметра в данном случае понимается «некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами — это особое словарное представление структурных черт языка» [Караулов 1981: 52].

Учитывая многообразие типов современных словарей, реализуемое на уровне микроструктуры словаря, мы полагаем, что узловым моментом при семантизации лексики выступает словарная дефиниция и зона примеров. Потенциальная загруженность этих элементов объясняет их константное присутствие в структуре словарной статьи большинства словарей. Даже в тех редких случаях, когда, исходя из теоретических предпосылок, авторы отказываются от дефиниции (например, в словаре французского языка *Dictionnaire du français vivant* семантика входной вокабулы представляется не через традиционное лингвистическое определение, а через фразу-пример, за которой следует объяснение, выступающее, таким образом, как дефиниционная глосса), сохраняется зона примеров. При этом мы полагаем, что из всех компонентов словарной статьи входная вокабула и дефиниция несут на себе важнейшую коммуникативную нагрузку и могут рассматриваться как *единый интродуктивный блок*.

К основным способам представления лексического значения в семантике можно отнести формулирование дефиниций и выделение семантических компонентов,

толкование, прототипическое описание, фреймовое описание, в соответствии с которыми обычно проводится и классификация метаязыков [Кронгауз 2001: 83-134]. Каждый из обозначенных способов имеет свою длительную историю применения, свои плюсы и минусы, отраженные в обширной литературе, посвященной каждому методу в отдельности. Однако в основе всех данных способов лежит идея *семантического разложения* представляемой лексемы на ряд признаков, процесс выделения и система представления которых в рамках каждого способа происходит *по-разному* (например, при компонентном анализе минимальные единицы значения, не взаимодействуя между собой, а, суммируясь, связаны между собой соположением, в то время как при прототипическом описании каждый из признаков имеет свое место в иерархической структуре признаков категории, в которой выделяются собственно прототип (как представитель наиболее типичных признаков) и периферия). Применительно к анализу словарных дефиниций наиболее распространенным является метод компонентного анализа лексического значения, восходящий к работам Э. Бендикса, Ю. Найды, М. Бирвиша и заключающийся в выделении минимальных дифференциальных признаков. Взятый на вооружение лингвистами в начале 80-х годов, данный метод со временем значительно усовершенствовался. Например, в рамках Московской семантической школы он превратился в метод анализа слова в типовом сентенциальном контексте, в свою очередь, И.В. Арнольд предложила для табличного анализа семантической структуры слова воспользоваться решетками (или матрицами) Вейтча [Арнольд 1999]. Отметим, что метод компонентного анализа активно используется за пределами лингвистики, например, в экономике, где называется методом компонент. Однако, говоря о развитии компонентного анализа нельзя упускать из виду, что речь идет только об эволюции его базового принципа, оставшегося при этом неизменным и основанного на использовании бинарных оппозиций.

Новая социальная парадигма открывает новые возможности для перехода от чисто филологического описания слова к цельному филологическому и культурному описанию слова-понятия, что, как отмечает Ю.Д. Апресян в обосновании лексикографической концепции нового большого англо-русского словаря, ставит на повестку дня необходимость привлечения элементов этнолигвистического знания, а также обновления лексикографических приемов и средств, используемых для толкования значения слова в словарной статье и для иллюстрации его употребления в речи [Апресян 2002].

В немалой степени обновлению методов семантизации лексических единиц способствует активное проникновение электронных носителей в область лексикографии.

Электронный словарь настолько стремительно вошел в нашу жизнь, что мы не заметили, как превратились из читателей словаря в пользователей. Между тем, как представляется, речь идет не просто о замене бумажного носителя на электронный и об открывшихся в связи с этим новых возможностях, а о новой странице в истории словаря. Если многовековую историю поступательного развития бумажных словарей, начиная с первых одноязычных словарей французского языка XVII века, можно охарактеризировать, по словам Б. Кемада, скорее как эволюцию, чем творческое обновление [Quémada 1968: 562], то появление в 90-х годах XX века первых онлайновых и электронных словарей на CD-Rom ознаменовало качественный, если не сказать революционный, переворот в лексикографии. При этом, с нашей точки зрения, невозможно анализировать радикальные изменения в современной электронной лексикографии вне общих трансформаций культурно-информационного пространства конца XX - начала XXI века, обусловленными сменой культурной парадигмы эпохи «галактики Гуттенберга», основанной на печатном тексте, на информационное общество средств массовой информации и компьютерных технологий.

Представление семантики описываемых лексических единиц приобретает новый аспект в гипертекстовом пространстве электронного словаря, существенно расширяющем возможности семантизации за счет включения фрагментов гиперсреды (невербальных компонентов дефиниции). Трехмерное гипертекстовое пространство, отличающее электронный словарь от бумажного, приводит к стиранию традиционных жанровых границ внутри лексикографического поля и открывает принципиально новые возможности семантизации лексической единицы и создания виртуального лексического пространства на невербальном уровне, в частности, использование иконических элементов и звукового сопровождения, которые, в свою очередь, характеризуются качественной неоднородностью.

Вместе с тем, функционирование электронного словаря, выступающего в качестве самостоятельной среды в системе координат компьютерного виртуального пространства, оказывается обусловленным целом рядом ограничений, с которыми сопряжено само понятие виртуального пространства, что позволяет прогнозировать отношения взаимодополняемости бумажного и электронного словаря, в которых электронный словарь займет приоритетное место как основной компонент единого информационного поля. Перспективы развития электронных словарей связаны как с использованием многомерности гипертекстового пространства, так и потенциальных ресурсов компьютерной виртуальной реальности.

Состояние теории семантизации лексических единиц находится в стадии активного обновления и развития, что вызывает объективную необходимость в дальнейшей разработке её основных положений и аспектов. Особое значение в свете того внимания, которое уделяется в последнее время всестороннему рассмотрению лексической единицы в словаре, приобретает определение механизма семантизации отдельных семантических признаков в рамках реализации единой модели категоризации. При этом дефиниция, сохраняя свое структурообразующее значение в формировании словарной статьи, может претерпеть качественные модификации с точки зрения возможностей представления семантики словарной единицы.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция нового большого англо-русского словаря [Текст] / Апресян Ю.Д. // Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой, А.В. Петровой. – М.: Русский язык, 2002. – Т.1. – С. 6-17.
2. Арнольд, И.В. О применении табличного метода анализа в семасиологических исследованиях [Текст] / И.В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Научн. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. – С.25-35.
3. Девкин, В.Д. Очерки по лексикографии [Текст] / В.Д. Девкин. – М.: Прометей, 2000. – 395 с.
4. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 104 с.
5. Кронгауз, М.А. Семантика [Текст] / М.А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 399с.
6. Quémada, B. Les Dictionnaires du français moderne (1539-1863). Etude sur leur histoire, leurs types et leurs méthodes [Текст] / B. Quémada. – Paris, Bruxelles, Montréal: Didier, 1968. – 683 p.

А.А. Иксанова
Уфа, Россия

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАДПИСИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Чтобы изучить древнетюркские художественные традиции в башкирской словесности, нам в первую очередь необходимо определить хронологические границы этого времени. Как полагают некоторые ученые, хронологические рамки древнетюркского времени примерно охватывают VI и первую четверть X в. н.э. По мнению И.В.Стеблевой, к этому времени относятся следующие литературные памятники:

1) группа текстов рунического письма, связанная с культурной жизнью тюркского каганата - VI-VIII вв.;

2) орхонские тексты, датируемые VIII в.;

3) группа текстов рунического письма;

4) рунический текст на бумаге или “Гадательная книжка” – середина VIII- начало IX вв.

Литературные памятники более позднего времени, такие, как, например, “Кутадгу билиг” (Благодатное знание) (XI в.) Юсуфа Баласагуни, относятся к классической тюркоязычной поэзии. Однако, на наш взгляд, это не мешает рассматривать данное произведение в качестве исходного материала, так как, во-первых, автор этого сочинения в основном опирается на общетюркские художественные традиции, во-вторых, в подтверждение своих мыслей он часто делает ссылку на древнетюркского мудреца или поэта.

К XI в. относится и сочинение М.Кашкари “Диван лугат ат-тюрк” (Словарь тюркских языков) написанное несколько позже предыдущего текста.

“Кутадгу билиг” и “Диван лугат ат-тюрк” являются своеобразными преемниками древнетюркских литературных памятников. И.В.Стеблева, размышляя об этом, пишет буквально следующее: “Решение проблемы преемственности между древней и классической поэзией тюрков позволяет в правильном свете оценить литературное наследие многих тюркских народов. Показать в нем соотношение между их собственными, национальными традициями и литературными традициями иноязычных народов” [Стеблева 1971: 3]. Автор, придерживаясь этой точки зрения, считает, что общетюркские художественные традиции обнаруживаются как в рунических текстах VI-VIII вв., так и в классической литературе более позднего периода. Несомненно, что на произведения, написанные в XI в., оказал значительное влияние расцвет мусульманской культуры, однако, надо отметить, что данное явление не смогло вытеснить полностью те древние традиции, которые были присущи тюркским народам многие столетия.

Как было отмечено ранее, орхонские и енисейские надписи являются наиболее древними образцами письменной культуры и языка древних тюрков, и, разумеется, памятниками истории. Отдельные ученые полагают, что рунические памятники при всем их историческом и лингвистическом значении не имеют прямого отношения к художественной литературе. Однако в этих надписях, восхваляющих тюркских каганов, нашли свое отражение некоторые элементы художественного творчества, несомненно, в тот период широко распространенного в устной форме.

К древнетюркскому времени относится “Гадательная книжка”, также написанная руническим письмом. По справедливому утверждению ряда исследователей, эти памятники письменности следует считать общим культурным достоянием не одного-двух, а многих тюркских народов. На наш взгляд, трудно не согласиться со словами

М.К.Хамраева, который пишет: “<…> до XIV-XV вв. еще не было ни узбекского, ни турецкого, ни татарского, ни казахского народов. Были только племена, носившие те или иные названия и входившие в союз племен под общим названием тюрки” [Хамраев 1963: 13]. Более того, те племена, обитавшие в древнетюркское время на очень отдаленных друг от друга территориях, были объединены широкими экономическими и культурными связями. Подчеркивая принадлежность древнетюркских текстов многим современным тюркоязычным народам, М.Хамраев ссылается и на Махмуда аль Кашгари, который неслучайно назвал свое произведение “Диван лугат ат-тюрк”, т.е. “Словарь тюрков”. “Этим самым, - пишет ученый, - он отчетливо подчеркнул мысль о том, что есть один народ – тюрки, в состав которого входят многие племена” [Хамраев 1963: 14].

Руническая письменность в свое время была распространена на огромной территории: история ее функционирования охватывает V-XI века. Всемирно известные рунические надписи ныне широко популярны как произведения древнетюркской поэзии. Известный исследователь И.В.Стеблева в работе “Поэзия тюрков VI-VIII вв. н.э.” выдвигает концепцию о принадлежности орхоно-енисейских надписей к произведениям поэзии. Однако В.М.Жирмунский, полемизируя с И.В.Стеблевой, отмечает, что орхоно-енисейские тексты написаны не стихами, а прозой [Жирмунский 1975: 78]. Этой же точки зрения придерживаются А.М.Щербак, Л.Н.Гумилев. Несомненно, в данной полемике можно поддержать гипотезу И.Стеблевой, считая, что надписи являются ранним примером поэзии, т.к. в них обнаруживаются поэтические элементы, например, аллитерация. Однако, на наш взгляд, в ту пору между прозой и поэзией явной границы не существовало, эти жанры, можно сказать, были синкретичны и подчинялись единым литературным традициям. И.В.Стеблева относительно поэтики литературы того времени пишет следующее: “Древнетюркские сочинения отразили существование единой литературной традиции, имеющей закономерную эволюцию и характеризующую наличием собственного художественного стиля, элементы которого легко прослеживаются в позднейших эпических сказаниях тюркских народов” [Стеблева 1965: 14].

Итак, весьма многие исследования ученых говорят о том, что руническая письменность имела непосредственное отношение к доисторической культуре башкир. И совершенно очевидно, что древнетюркские тексты являются общим культурным наследием тюркоязычных народов, содержат в себе те же художественные традиции, которые были накоплены нашими предками еще на заре пратюркского периода. Именно поэтому надписи в честь Кюль-тегина, Билык-кагана и Тоньюкука, а также “гадательная

книжка” послужат нам своеобразным мостом для исследования древнейших художественных традиций, многие элементы которых обнаруживаются и в нашей словесности.

Список литературы

1. Жирмунский, В.М. Теория стиха [Текст] / В.М. Жирмунский. – Л.: Сов. писатель, 1975. – С. 78.
2. Стеблева, И.В. Поэзия тюрков VI-VIII веков [Текст] / И.В. Стеблева. – М.: Наука, 1965. – С. 14.
3. Стеблева, И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке [Текст] / И.В. Стелева. – М.: Наука, 1971. – С. 3.
4. Хамраев, М.К. Основы тюркского стихосложения [Текст] / М.К. Хамраев. – Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1963. – С. 13-14.

Г.И. Исенбаева
Орск, Россия

МЕТОДИКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА (СА) КАК СРЕДСТВО ИЗВЛЕЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ О ВОЗМОЖНОМ МИРЕ ТЕКСТА

Возможный мир в семиотике понимается как мир, состоящий из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенсионалам языка. Возможный мир создается средствами языка. Общее понимание семантики языка как отношения каждого типичного пучка семантических признаков к чему-то, находящемуся во внеязыковом мире, к какому-то объекту, отражение которого в сознании и закрепляется языком в «пучке признаков» [Степанов 2001: 17, 21] может быть обращено и на семантику текста как знака. Заимствование представлений и понятийного аппарата системного анализа (СА) применительно к деятельности понимания текста способствуют его спецификации, приоткрывая, тем самым, «доступ к тайнам мыслительных процессов и получению данных о деятельности разума» [Кубрякова 2004: 13] в процессе извлечения и производства знания о его возможном мире. Нахождение эффективного частного способа извлечения знания из текста может способствовать продуктивности в постижении картины глубинного устройства мира, как она предстает с точки зрения данного текста или данного писателя. Обнаружение же закономерностей порождения структур знания путем перевода значений знаковой формы текста как системы в смыслы («пучки признаков»), то есть путем «переработки» или преобразования объектов в продукты может привести к общему способу когнитивного освоения мира текста, отвечающему критериям рациональности, системности и универсальности.

СА представляет собой обобщающую методологию исследования сложных систем, именно он в научном знании служит основой их проектирования и,

следовательно, может применяться при концептуальном моделировании такого сложного продукта понимания как проекция текста в ее частичности и целостности. Преломление СА применительно к языковой материи открывает перед исследователем возможность аналогизирования, поскольку он располагает практическими процедурами и моделями реализации диалектических законов.

Решение глобального семантического пространства целого текста являет собой самостоятельную исследовательскую проблему, поэтому покажем сам принцип действия когнитивного лингвистического СА (КЛСА).

Задача. Решить систему образа, изображенного предложением -высказыванием как пропозициональной функцией: *Le garçon lit le livre*.

Цель - выявить гносеологические объекты в последовательности их возникновения до фазы завершения = порождения субъектом знания в формате семантической ситуации (схемы ’ объекты, атрибуты и связи‘).

Подготовительный этап. Формирование базы лингвистических данных:

Дано:

1. семантическая структура каждого выражения, отраженная посредством комплексов лексических и грамматических сем:

Le garçon	*lit*	*le livre*
⎡+ предметность	⎡- предметность	⎡- предметность
⎢+ одушевленность	⎢+ действие интеллектуальное	⎢+ произведение печати
⎢+ мужескость	⎢+ длящееся	⎢+ информирующее
⎢+ детского возраста 6-8 лет	⎢+ реально протекающее	⎢+ служит человеку
⎣+ известность	⎣+ актуализированное	⎣+ источник знания;

2. синтаксическая метамодель: $(S + V + O_d)$;

3. семантическая формула: $S^2 \rightarrow (S^{1+} Pr + O_d)$.

Необходимо показать на этом примере, что требуемые результаты - систематика форм целостной семантической ситуации могут быть получены при любых допустимых исходных условиях путем применения методики КЛСА.

Шаг 1. Подзадачи на синтактику знака. В ментальном расплывчатом пространстве познающего индивида образованы простые понятия - частичные базовые гносеологические объекты: объект, атрибут, связь путем присваивания им пучков признаков: ’Le garcon’: = человек, мальчик, ему от 6 до 8 лет, он известен коммуникантам; ’lit’: = длящаяся интеллектуальная деятельность; ’ le livre’ : = произведение печати, служащее источником информации. Им приданы предварительные имена путем идентификации и категоризации. Получены отдельные воспроизводящие

представления (начало воссоздания объектов через прошлый опыт). - *Первичная форма чувственного отражения. Фаза генезиса образа – зарождение.*

Шаг 2. Подзадачи на переход от синтактики к семантике знака. В ментальном пространстве образовано первое главное понятие - промежуточный образ целесообразного действующего в ситуации объекта: одушевленный, человеческий, детского возраста, активный, по отношению к предикату – ‘субъект’. Второй главный объект - предикативный признак субъекта с качеством длящейся интеллектуальной деятельности, связанной с извлечением информации из письменного источника знания. Объекты опознаны и категорированы благодаря присваиванию им пучков признаков. Им приданы имена. Получена первичная целостность образа. - *Вторичное чувственное отражение. Фаза генезиса – становление образа.*

Шаг 3. Подзадачи на денотат знака. Ментальное образование получает дальнейшую конкретизацию. Обнажено соотнесение субъекта и предиката по линии денотативных и процессуальных сем (горизонтальная, координативная связь). На базе чувственного отражения построен промежуточный образ - первичная модель локальной картины мира (ситуация: объекты, атрибуты, связь). Пропозиция опознана, категорирована. Ей придано имя – ‘одушевленный, человеческий, детского возраста, активный субъект осуществляет интеллектуальную деятельность, связанную с извлечением информации из письменного источника знания. - *Рациональное отражение. Развитие целостности образа в пространственно-временных отношениях. Фаза генезиса – созревание образа.*

Шаг 4. Подзадачи на сигнификат знака. Ментальная конструкция сверяется с эталоном – образом мира. Обнажено логическое соотнесение зародившейся пропозиции с действительностью (вертикальная, субординативная связь). Построен усложнившийся промежуточный образ - вторичная модель локальной картины мира путем ее верификации, пропозиционализации, идентификации, категоризации. Ей придан смысл соответствия реальной картине мира и иное имя ‘ верно, что ‘одушевленный, человеческий, детского возраста, активный субъект осуществляет интеллектуальную деятельность, связанную с извлечением информации из письменного источника знания’. - *Рациональное отражение. Развитие целостности в пространственно-временных отношениях. Фаза генезиса – созревание образа.*

Шаг 5. Подзадачи на прагматику знака. Конструкт оборачивается новой гранью. Обнажено личностное соотнесение уточненной пропозиции с действительностью в целом - с точки зрения отражающего лица (вертикальная, субординативная связь). Построен промежуточный образ модели локальной картины мира с включенным

компонентом отражающего лица путем пропозиционализации, идентификации, категоризации. Ему присваивается иное имя - ‘субъект наблюдения и коммуникации строит в своем сознании нейтральное сообщение о ситуации с активным участником детского возраста, осуществляющим интеллектуальную деятельность, связанную с извлечением информации… ’. – *Рациональное отражение. Развитие целостности в пространственно-временных и социальных отношениях. Фаза генезиса – созревание образа.*

Шаг 6. Подзадачи на прагматику знака. Конструкт получает конечное ограничение в виде системы - целостного образа локальной картины мира. Образ опознается, пропозиционализируется, категорируется. Иерархия репрезентаций преобразуется в знание. Его имя уточняется – ’знаком изображен минимальный отрезок действительности, ограниченный одним активным участником детского возраста и его специфическим процессуальным признаком в виде интеллектуальной деятельности’. – *Рациональное отражение. Развитие целостности в пространственно-временных и социальных отношениях. Фаза генезиса – завершение образа.*

Шаг 7. Проверка точности и адекватности достигнутого теоретического понимания знака по системным параметрам.

Утверждение. Для любой предикативной единицы и для любых значений субъекта и предиката представленные шаги дают решение системы развития сложного гносеологического объекта.

Структуры порожденного знания определяются применением метапроцедур обобщения категориальных и ситуативных знаний. Производимые знания о мире текста не лежат на одном уровне. Одни из них отражают единичные факты, другие обладают определенной степенью общности.

Таким образом, шаги методики КЛСА представлены этапами познавательного цикла, который заключается в движении исследовательской мысли от обоснованных лексическими семами представлений первичной картины мира текста к предикатно-актантной теоретической схеме, обоснованной взаимодействием иерархических лексических и грамматических сем и представляющей вторичную картину к целостному образу мира текста, обоснованному прагматическими смысловыми категориями. Методика КЛСА отвечает критерию рациональности, системности и универсальности.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 6- 17.
2. Степанов, Ю. С. Вводная статья [Текст] : Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5-42.

Д.А. Ичкинеева
Оренбург, Россия

О ЗАВИСИМОСТИ ДИСКРЕТНОСТИ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА ОТ ЕГО ФИЗИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Текст может быть рассмотрен в нескольких аспектах, таких как «тело» текста (его материальное бытие) и проекция текста (его содержательно-смысловое существование). И «тело» текста и его проекция представляют собой единство, которое и есть текст (полионтологическая целостность [Белоусов 2005: 155]. Такое понимание текста ставит ряд проблем, в частности, как проявляются на уровне семантики и субстрата текста онтологические категории континуальности и дискретности / членимости. Существует ли один механизм дискретизации / континуализации смыслового и физического пространства, или же в каждом случае действуют свои принципы и способы проявления этих категорий?

Данная статья посвящена рассмотрению категории дискретности, проявляющейся на уровнях семантики и субстрата текста (в рамках проблемы коэволюции материального и идеального в процессе функционирования текста). В связи с поставленной целью следует выделить следующие задачи:

1) рассмотреть дискретность на материальном уровне текста;

2) рассмотреть проявления дискретности на смысловом уровне текста;

3) сравнить дискретность, на уровне семантики и субстрата текста.

При рассмотрении дискретности на материальном уровне использовались методы наблюдения. При рассмотрении дискретности семантики был использован эксперимент, по выделению микротем позволяющий представить текст в процессе его непосредственного функционирования [Белоусов 2006: 226].

Перед информантами ставились задачи: 1) прочитать текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах полагалось произвольным. Задания выполнялись каждым испытуемым индивидуально. Время проведения эксперимента не ограничивалось. В качестве материала использовались тексты художественной литературы (А. Гнедича, Л. Енгибаряна, В. Катаева, И. Тургенева) объёмом от 21 до 223 словоформ. Эксперимент был проведен с 9 текстами. Реципиентами выступили студенты-филологи 1-5 курсов. Общее количество информантов – 455. Нижний порог количества испытуемых был установлен эмпирически и составлял 50 человек, поскольку распределение количества микротем в реакциях испытуемых при данном количестве является нормальным (см. рис.1).

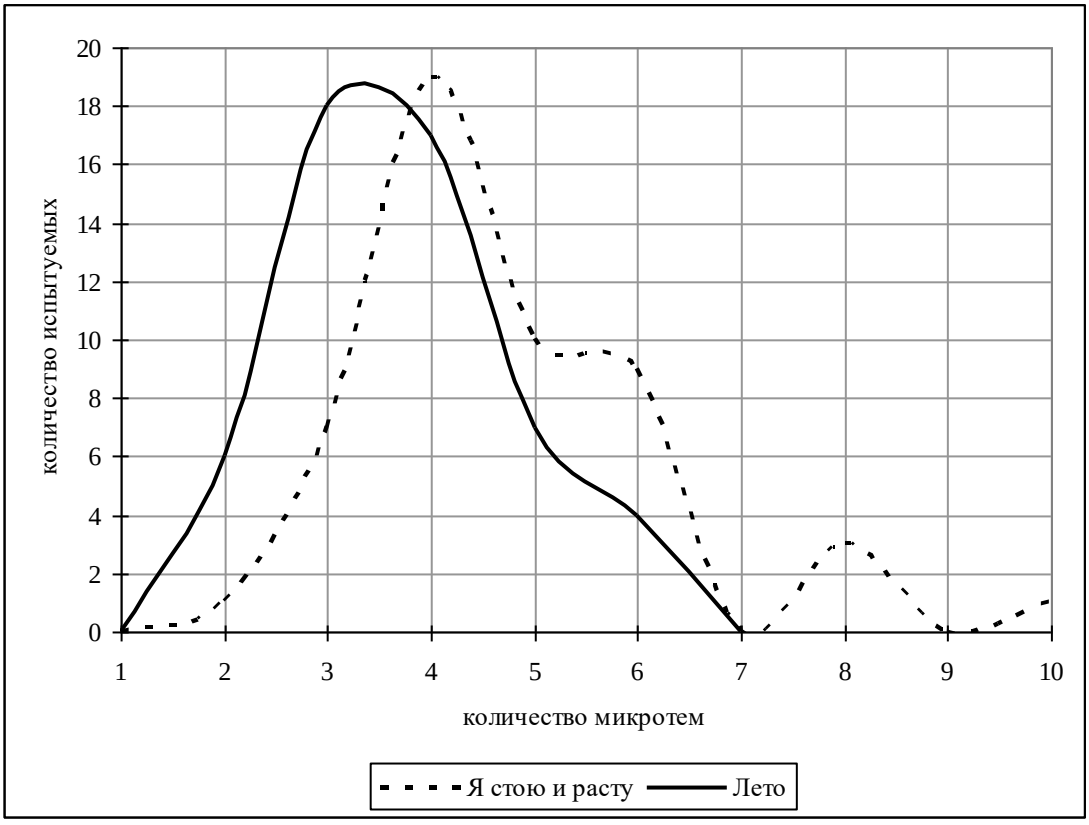

Рисунок 1. Распределение количества микротем в реакциях испытуемых

Таким образом, информанты-филологи работают с текстом, предложенным исследователем, определяя в тексте тему, микротемы, каждая из которых затем выступает наименованием лексико-семантической группы, составляющих ее лексем. То есть после того, как информант выделил микротемы, производится распределение слов данного текста по найденным группам (количество слов, которые реципиент использует в данном процессе, произвольно).

Количество микротем в реакции реципиента является свидетельством того, на какое количество частей членится смысловое пространство текста данным информантом. Распределение количества микротем в реакциях испытуемых демонстрирует то, что для каждого текста в зависимости от его объёма, а также от ряда других физических параметров существуют свои способы членения смыслового пространства. Например, текст «Лето» (21 слово) обычно членится на 3 микротемы, «Я стою и расту» (57 слов) – на 4 микротемы. Результаты соотношения между размером текста и средним количеством микротем, выделяемых информантами, для всех проанализированных текстов отражены на рисунке 2.

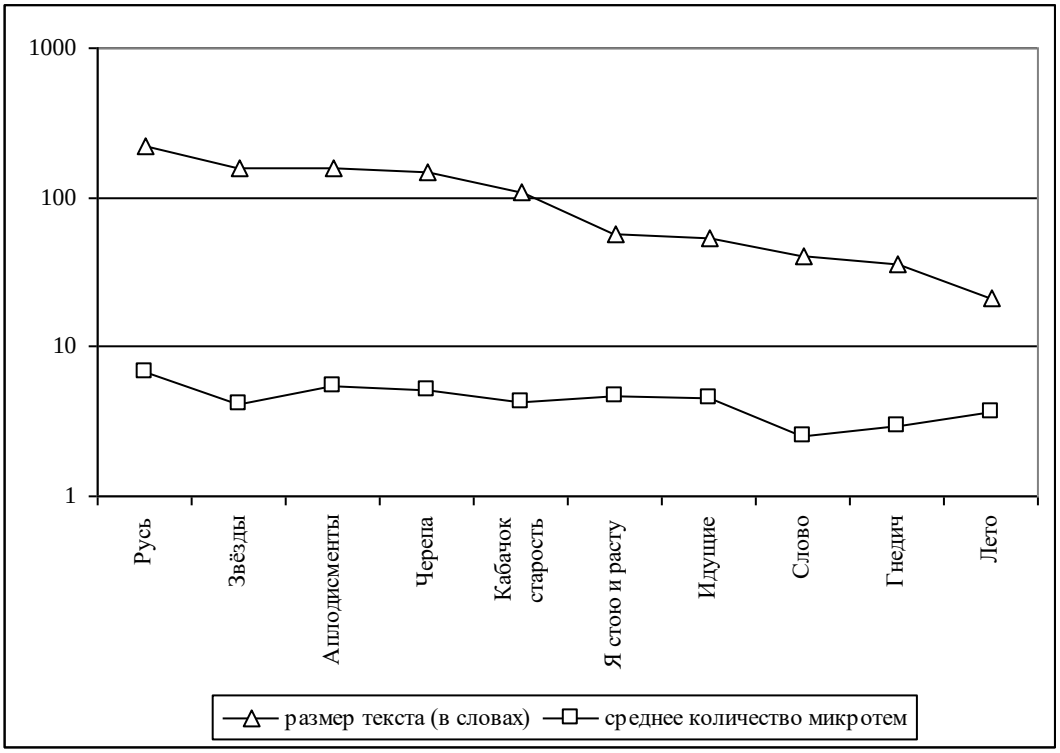

Рисунок 2. Соотношение между размером текста и средним количеством микротем

Этот результат уже показывает зависимость между физическими параметрами текста (его размером) и членимостью его смыслового пространства и одновременно ставит ряд проблем. В частности, существует ли связь между членимостью смыслового пространства и членимостью субстрата; эта связь может проявиться в наличие корреляции между количеством микротем, выделяемых испытуемыми, и количеством предложений в тексте. На рисунке 3 представлены результаты соотношения между количеством предложений в текстах и средним количеством микротем, выделяемых в них информантами.

На рисунке 3 видно, что общие контуры распределения размера текста и среднего количества микротем коррелируют. Действительно, коэффициент корреляции Пирсона для данных распределений равен 0,9, тем самым между количеством предложений и количеством микротем существует взаимосвязь. При этом среднее количество микротем больше коррелирует с количеством предложений, чем с размером текста, (где коэффициент корреляции равен 0,8). Таким образом, проблема изоморфизма смыслового и физического пространств текста (семантики и субстрата) может быть исследована и через проявление онтологических категорий текста, таких как дискретность / членимость и континуальность.

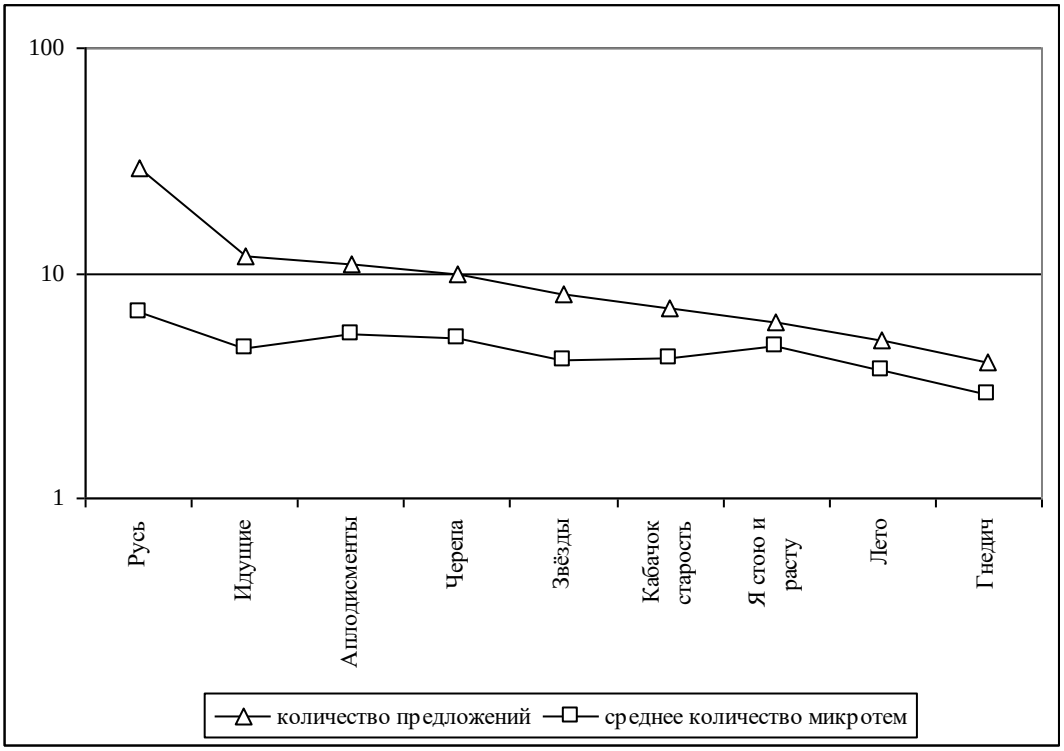

Рисунок 3. Соотношение между количеством предложений в тексте и средним количеством микротем

Список литературы

1. Белоусов, К.И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста [Текст] : дис. … д-ра филол. наук / К.И. Белоусов. – Оренбург, 2006. – 374 с.

2. Рубакин, Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию [Текст] / Н.А.Рубакин. – М.: Книга, 1977. – 264 с.

3. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста [Текст] / Ю.А. Сорокин; отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

Е.В. Кабанова
Омск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ПЕРЦЕПТИВНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В современных работах, посвящённых лингвокогнитивному и лингвокультурологическому исследованию языка, нередко утверждается необходимость изучения универсальных участков языковых картин мира (ЯКМ) разных народов [Карасик 2004; Маслова 1997; Бухаров 2001]. Причиной образования подобных фрагментов признаётся существование универсального генетического механизма оценки телесных ощущений [Маслова 1997: 70], или «соматического (телесного) кода культуры», играющего основополагающую роль при концептуализации действительности [Красных 2003: 298].

Вероятно, к «общечеловеческим» [Лихачёв 1997; Карасик 2004], или «универсальным» [Попова, Стернин 2006], можно отнести концепты сферы температурных ощущений, поскольку базой для их формирования является опыт взаимодействия с окружающей средой посредством универсального человеческого механизма тактильного восприятия температуры.

Предметом внимания в данной статье являются концепты «Kalt» / «Холодный» и «Warm» / «Тёплый» в немецкой и русской ЯКМ. Вероятно, их можно считать ядерными концептами сфер температурных ощущений в рассматриваемых ЯКМ, так как они регистрируют базовые ощущения тепла и холода, располагающиеся по обе стороны от «субъективного термического нуля» и возникающие при взаимодействии с объектами соответственно более высоких и более низких температур [Рубинштейн 1999: 196].

Поскольку концепты «Kalt» / «Холодный» и «Warm» / «Тёплый» фиксируют признак объекта (его температуру), с которым взаимодействует человек, то данные образования можно классифицировать как «концепты признаков» [Никитин 2004: 60], а их ядерными языковыми объективациями могут быть признаны соответствующие имена прилагательные как первичные репрезентанты признаков в языке [Кацнельсон 1972: 155].

В рамках данной статьи с целью уточнения когнитивного содержания концептов «Kalt» / «Холодный» и «Warm» / «Тёплый» представлены результаты сопоставительного исследования значений их адъективных номинаций, а также характерных оценок и ассоциаций. Материалом исследования послужили словарные статьи из толковых словарей немецкого [Duden; Langenscheidt; Wahrig] и русского [СРЯ; ССРЯ; ТСРЯ] языков и текстовые фрагменты из произведений немецкой и русской художественной литературы объёмом 1000 единиц по 500 соответственно.

1. В ходе исследования были выявлены значительные сходства в содержании концептов **«Kalt» / «Холодный»**.

1.1. К сходным прямым значениям слов «kalt» / «холодный» относятся:

1)‘имеющий низкую температуру, не дающий или не содержащий тепла’; 2) ‘не имеющий отопления, плохо отапливаемый’; 3) ‘остывший или подаваемый на стол не в горячем виде’.

1.2. К сходным переносным значениям слов «kalt» / «холодный» относятся:

1) ‘близкий к цвету воды, льда, воздуха’ (о цвете); 2) ‘недружелюбный, суровый’; 3) ‘неприятно интенсивный; 4) ‘рассудочный, трезвый’; 5) ‘равнодушный, бесстрастный’; 6) ‘сдержанный в проявлении чувств’.

1.3. Сходными являются оценки, сопровождающие номинации «kalt» / «холодный». Прямым значениям слов в большинстве случаев сопутствует отрицательная оценка. *Sie schimpfte auf ihr kaltes Zimmer (WUL). Стояла мерзкая холодная погода [Крестовский 1990: 420].* Однако под воздействием ситуации, субъективного опыта человека или его предпочтений данные номинации могут объективировать положительную оценку. *In kaltem Klima fühlt er sich besser (WUL). Отворив дверь на площадку вагона, Кузьма с отрадой вздохнул холодной и душистой дождевой свежестью [Пикуль 1991: 161].* Выступая в качестве отражения признаков объектов, связанных с некоторыми представлениями социума [Арутюнова 1999: 66], слова «kalt» / «холодный» могут нести положительную в случае соответствия норме (*kaltes Bier / холодное пиво)* либо отрицательную в случае отклонения от нормы (*kalte Suppe / холодный суп*) оценки. Последние оказываются сходными для обеих лингвокультур вследствие универсальной перцептивной базы нормы.

1.4. Номинации «kalt» / «холодный» вызывают следующие сходные ассоциации: ‘смерть’, ‘тьма’, ‘голод’, ‘страх’. Первые две ассоциации, вероятно, восходят к мифологическим представлениям, в которых холод, смерть и тьма переплетаются в едином образе загробного мира. Ассоциации «голод» и «страх» могут быть связаны с универсальным перцептивным опытом человека: сходством реакции тела на холод и страх и способностью одного ощущения (голода) порождать и усиливать другое ощущение (холода).

2. В содержании концептов «Kalt» / «Холодный» были выявлены некоторые различия, отражающие национально-культурные особенности языкового сознания носителей русского и немецкого языков.

2.1. Специфическим для русского языка является значение слова «холодный» – ‘плохо защищающий тело от холода’ (об одежде), что, вероятно, обусловлено переносом носителями русского языка признака возникающего температурного ощущения при взаимодействии с окружающей средой на объект, служащий защитой от «появления» подобного ощущения. В немецком языке данное значение выражается адъективами «leicht» (лёгкий), «ungefüttert» (без подкладки) [БРНС 2002: 677], то есть в основе концептуализации лежит не температурное соматическое ощущение, появляющееся при взаимодействии с одеждой как объектом, или признак одежды как таковой.

2.2. Специфическим для немецкого языка является обозначение словом «kalt» форм и поверхностей, создающих визуальное впечатление холода *(kaltes Marmorbild, kalte Formen, kalte Denkmäler).*

3. Подобно концептам «Kalt» / «Холодный» в содержании концептов **«Warm» / «Тёплый»** обнаруживаются значительные сходства.

3. 1. Сходными прямыми значениями слов «warm» / «тёплый» являются:

1) ‘имеющий сравнительно высокую температуру, излучающий тепло’;

2) ‘хорошо защищающий тело от холода’; 3) ‘хорошо сохраняющий тепло, отапливаемый’.

3.2. Сходными переносными значениями слов «warm» / «тёплый» являются:

1) ‘идущий от сердца, проникнутый добрым чувством’; 2) ‘дружелюбный, приветливый’; 3) ‘приятный для органов чувств, действующий успокаивающе’. 3.3. Во многом сходными для носителей немецкого и русского языков являются оценки, сопровождающие адъективные объективации концептов. Прямым значениям слов «warm» / «тёплый» в большинстве фрагментов выборки сопутствует положительная оценка. Под влиянием упомянутых выше нормативных представлений социума [Арутюнова 1999: 66], слова «warm» / «тёплый» могут иметь как положительные при соответствии норме *(warmer Tee / тёплый чай)*, так и отрицательные в случае отклонения от нормы (*warmes Bier / тёплое пиво*) оценочные коннотации. Сходство оценок может быть объяснено универсальным перцептивным характером базы нормы.

3.4. Сходными ассоциациями, сопровождающими номинации «warm» / «тёплый», являются ‘жизнь’, ‘свет’, ‘уют’. Представляется, что ассоциации восходят к результатам универсального человеческого опыта: к представлениям соответственно о тепле тела живого человека, повышенной температуре окружающей среды в часы солнечной активности (солнце выступает как источник света и тепла) и благоприятной температуре в доме.

4. В содержании концептов «Warm» / «Тёплый» были обнаружены некоторые различия.

4.1. Наиболее примечательным является различие в градации температурных шкал в немецком и русском языках. Слово «warm» в немецком языке имеет значения «тёплый» и «горячий» [БНРС 2000: 942], в то время как в русском языке номинация «тёплый» объективирует представление о некой средней температуре между горячим и холодным. Можно полагать, что в сознании носителей немецкого языка концепт «Warm» соотносится с более высокой температурой, чем в сознании носителей русского языка. В определённом контексте, где наблюдается различие в градации температурных шкал, адъективные номинации концепта «Warm» в прямых значениях несут специфическую для немецкого языка отрицательную оценку. *Es ist unheimlich warm bei dir, Velten! (WUL).* В русском языке данное значение выражается посредством

номинаций, репрезентирующих признак более высокой степени интенсивности, например: «горячий», «жаркий», «жарко», «душно». Ср. также следующие фразеологические сочетания в немецком и русском языках: *warme Speisen (WUL) – горячие блюда; kaltes und warmes Wasser (WUL) – холодная и горячая вода (о водопроводной воде); warme Arbeit (WUL) – работа кипит.*

4.2. Вероятно, именно различием в градации температурных шкал объясняется наличие специфического переносного значения немецкого слова «warm» ‘живой, ярый, убедительный’, передаваемое при переводе на русский язык атрибутами более высокой степени интенсивности. *Ср. warme Rede - пламенная речь; warmer Anhänger - ярый / страстный поклонник; warmer Eifer – ярое рвение; warmer Applaus – бурные аплодисменты.*

4.3. Специфическим для немецкого языка также является значение слова «warm» ‘гомосексуальный’ во фразеологическом сочетании *warmer Bruder*.

Таким образом, совпадения, обнаруженные в ходе анализа значений адъективных объективаций концептов «Kalt» / «Холодный» и «Warm» / «Тёплый», а также сопровождающих их типичных оценок и ассоциаций, позволяют прийти к заключению о наличии значительных сходств в содержании данных компонентов концептосферы температурных ощущений в немецкой и русской ЯКМ. По-видимому, это объясняется универсальностью перцептивного опыта человека, формируемым «соматическим» кодом культуры. Вместе с тем выявленные различия свидетельствуют о наличии некоторых национально-специфических особенностей концептуализации окружающего мира представителями немецкой и русской лингвокультур.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Понятие нормы [Текст] / Арутюнова Н.Д. // Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 65-73.
2. Бухаров, В.М. Концепт в лингвистическом аспекте [Текст] / В.М. Бухаров // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – Н.Новгород: Деком, 2001. – С. 74-84.
3. Карасик, В.В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / К.К. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 392с.
4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216с.
5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375с.
6. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-289.
7. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208с.
8. Никитин, М.В. Развёрнутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53- 64.
9. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантика. Когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226с.

10. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб: «Питер», 1999. – 720с.

Список словарей

1. БНРС – Большой немецко-русский словарь в 3-х томах [Текст] / Под рук. О.И Москальской. – М.: Рус. яз., 2000. Т. 1. – 760с.
2. БРНС – Большой русско-немецкий словарь [Текст] / Под ред. К. Лейна. – М.: Рус.яз., 2002. – 736с.
3. СРЯ – Словарь русского языка. Академия наук СССР. Институт русского языка. Т.4. [Текст] – М.: Рус. яз., 1984. – 790с.
4. ССРЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т.15. [Текст] – М.: Изд-во Академии Наук России, 1963. – 1286с.
5. ТСРЯ – Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 928с.
6. Duden –Universalwörterbuch. Dudenverlag. Bibliografisches Institut & F.A. Brockhaus AG, Mannheim 2003. – 1892 s.
7. Langenscheidt – Langenscheidts Großwörterbuch. DaF. 2002. – 1217 s.
8. Wahrig – Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Bertelsman Lexikon Verlag GMBH, Gütersloh / München 2001. – 1451 s.

Источники примеров

1. Крестовский, В.В. Петербургские трущобы [Текст] / В.В. Крестовский. – М.: Правда, 1990. – 736с.
2. Пикуль В. Нечистая сила. Кн. 1. [Текст] / В. Пикуль. – Омск: книжное изд- во, 1991. – 400с.
3. WUL – Wortschatz. Universität Leipzig. http://www.wortschatz.uni-leipzig.de

В.А. Каменева
Кемерово, Россия

АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ - ГАРАНТ СОХРАННОСТИ АНДРОЦЕНТРИЧНОСТИ ЯЗЫКА

В рамках данной статьи будет проведен анализ фразеологических единиц (далее ФЕ) по лексико-словообразовательному признаку на материале англо-русского фразеологического словаря [Англо-русский фразеологический словарь 2002], что позволит установить, является ли английский язык андроцентричным. Признаки, которые дают возможность говорить об андроцентричности языка, указала А. В. Кирилина [Кирилина 1999: 40-41].

1) Отождествление и взаимозаменяемость понятий "человек" и "мужчина". Так, слово man в английском языке имеет два значения: во-первых, human being и, во-вторых, male human being, кроме того, исследования употребления английского языка показывают, что если понятие "man" - человек включает в себя женщин, то понятие "woman" – женщина не включает в себя понятий "человек", "мужчина". Оно всегда гендерно окрашено, т.е. несет в себе сексуальные коннотации.

2) Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от существительных мужского рода, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность.

3) Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола.

4) Согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта.

5) Феминность и маскулинность резко разграничены и противопоставлены друг другу, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

На основе лексико-словообразовательного признака был проведен анализ андроцентричности английского языка. Выявлено наличие количественной асимметрии ФЕ с существительными, содержащими суффиксы **-er, -or,** обычно используемыми для образования номинаций нейтрального рода (то есть номинирующих лиц мужского и женского пола в совокупности), а также существительными, используемыми для номинаций лиц мужского пола и существительными, содержащими суффикс **-ess**, обычно используемый для образования существительных, обозначающих лиц женского пола.

Наличие первого признака андроцентричности подтвердили полученные данные следующих 4-х групп ФЕ: номинация лиц мужского и женского пола существительным man и его производными, общие номинации человеческого рода, номинация лиц мужского и женского пола личным местоимением he, номинация лиц мужского и женского пола мужскими именами собственными. Для каждой группы указан количественный состав.

1. **Номинация лиц мужского и женского пола существительным man и его производными - 194 ФЕ:**

beware of a man of one book - будь осторожен в спорах со специалистом [118];

if wise men play the fool, they do it with a vengeance - если умный валяет дурака, то за ним никакой дурак не угонится [405];

a man of salt - человек, льющий горькие слезы [687];

let every man praise of the bridge he goes over - не плюй в колодец, пригодится воды напиться [138] и др.

2. Общие номинации человеческого рода - 4 ФЕ:

Mice and men - все живое [738];

mouse and man - все живое [738];

every mother`s son - все до единого [989];

the sons of men - род человеческий [990].

3. **Номинация лиц мужского и женского пола личным местоимением he - 70 ФЕ:**

he that serves God for money, will serve the devil for better wages ~ "тот, кто служит за деньги богу, будет служить и дьяволу, если он заплатит больше" [454];

he bears misery best who hides it most - несчастье лучше всего переносит тот, кто умеет его скрывать [727];

he who laughs at crooked men should need walk very straight - тот, кто смеется над сгорбленным, должен сам держаться очень прямо [622];

he is not laughed at that laughs at himself first - не смеются над тем, кто сам первый над собой смеется [622] и др.

4. Номинация лиц мужского и женского пола мужскими именами собственными - 15 ФЕ:

John Long the carrier - человек, медлящий с доставкой чего-либо [166];

Jack of all trades - мастер на все руки [589];

Jack out of doors - уволенный с работы; чиновник не у дел [589];

John-Bullist - сторонник всего английского [595] и др.

5. Номинация лиц мужского и женского пола существительными, содержащими суффиксы -er, -or, - 37 ФЕ:

a bad actor - ненадежный человек [28];

the highest bidder - лицо, предложившее наибольшую цену на торгах, аукционе [95];

the little stranger - новорожденный [1028];

surly beggar - угрюмый, сердитый человек [1044] и др.

Номинация лиц мужского и женского пола женскими именами собственными не обнаружена, как не обнаружены и существительные, содержащие суффикс **-ess**, обозначающие человека вообще. Полученные данные позволяют констатировать наличие количественной асимметрии ФЕ с существительными, содержащими суффиксы **-er, -or,** которые обычно используются для образования существительных нейтрального порядка, а также существительных, используемых для номинации лиц мужского пола.

Были обнаружены следующие группы, подтверждающие андроцентричность фразеологии английского языка:

1. Обозначения лиц мужского и женского пола существительными, обычно обозначающими лиц только женского пола - 3 ФЕ:

dry nurse - человек, которому поручено присматривать за другим, "нянька" [774];

a weak sister - человек, на которого нельзя положиться [973];

Выражение Caesar`s wife must be above suspicion ~ жена Цезаря должна быть выше подозрений, породило фразеологизм Caesar`s wife ~ "человек, который должен быть вне подозрений" [Кунин 1972: 71].

Обращает на себя внимание тот факт, что ФЕ, входящие в данную группу, имеют отрицательные коннотации, так же, как и ФЕ, входящие во вторую группу, что, по нашему мнению, также можно отнести к признакам андроцентричности английского языка.

2. Обозначения лиц мужского пола существительными или именами собственными, обычно используемыми для номинации лиц только женского пола, - 7 ФЕ:

a Molly Coddle – неженка, "девчонка", "баба" [729];

lizzie boy - изнеженный, женственный мужчина [128];

old woman - робкий, суетливый человек, "старая баба" (о мужчине) [1201] и др.

Итак, анализ ФЕ по лексико-словообразовательному признаку на материале англо-русского фразеологического словаря подтвердил наличие признаков андроцентричности языка английской фразеологии на основании следующих признаков:

1) отождествление и взаимозаменяемость понятий "человек" и "мужчина";

2) преобладание существительных, содержащих суффиксы -er, -or, обычно используемых для образования существительных нейтрального порядка, и существительных, используемых для номинации лиц мужского пола при номинации "человека";

3) возникновение отрицательных коннотаций при обозначении лиц мужского пола существительными или именами собственными, обычно обозначающими и использующимися для обозначения лиц только женского пола.

Полученные данные позволили подтвердить предположение об ущербности образа женщины в картине мира, воспроизводимой языком английской фразеологии.

Список литературы

1. Кирилина, А. В. Гендер : лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. - М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

2. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Межд. отношения, 1972. – 288 с.

3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин. - 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2002. – 501 с.

А.В. Карабыков
Омск, Россия

ПРАГМАТИКА ОБЕТА В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Обет, наряду с благословением, проклятием и клятвой, относился к числу наиболее активных сакральных речевых жанров древнееврейской культуры. Приступая к его анализу, прежде всего коснемся экстралингвистических условий совершения обета. Рассматриваемый жанр был сопряжен по преимуществу с жертвоприношением. Дело в том, что ветхозаветный закон не только допускал, но поощрял принесение жертв сверх установленных в нем норм для того, чтобы «приобрести благоволение от Господа» [Лев. 22:18-19; 7:16]. «Делайте и воздавайте обеты Господу, Богу вашему, - восклицает псалмопевец, - все… да принесут дары Страшному» [75:12]. Налицо разительный контраст между переживанием данного жанра и восприятием сходной с ним формы речевого действия - клятвы, в отношении которой Писание рекомендует сдержанность, а не энтузиазм: «Не приучай уст твоих к клятве и не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святого» [Сир. 23:8]. При этом нельзя сказать, что исполнение обета было менее обязательным, чем соблюдение клятвы. «Если дашь обет Господу Богу твоему, немедленно исполни его, - читаем во Второзаконии, - ибо Господь… взыщет его с тебя, и на тебе будет грех» [23:21-23; Притч 20:25; Числ. 30:2]. Пытаясь объяснить указанное различие, заметим, что обет в большинстве случаев предполагал совершение конкретного, одноактного действия и был, как правило, делом совести отдельного человека, предстоящего перед Богом. Клятва же координировала жизнь разных людей, группировок и целых племен, принуждая их изменить образ мыслей и действий в отношении друг друга. Ее последствия могли достигать самых отдаленных временных горизонтов и даже уходить в вечность. Будучи к тому же менее конкретными, они делали затруднительной проверку соблюдения клятвы, что грозило культурной девальвацией этого жанра. Другой, пожалуй, самой важной причиной, ограничивавшей использование клятвы, было то, что в данном жанре Богу отводится par excellence пассивная роль наблюдателя, закрепленная в форме третьего лица. «Правовой институт клятвы делает богов надзирателями над человеческими действиями и поведением, т.е. над историей», - отмечает Ян Ассман, связывающий развитие культурно-исторической памяти человечества с осознанием вины за нарушение клятв и договоров [Ассман 2004: 321]. Но чтобы стать «надзирателем над историей», Бог должен сначала перестать быть ее творцом. Божественное имя, сообщавшее силу клятве, было подобно печати, скреплявшей договоренность. И как печать в руках злоумышленника, оно могло подвергаться злоупотреблению, например, использоваться как инструмент обмана или

ради праздной шутки. Иными словами, это речевое действие давало удобную возможность бесславить имя Бога, делая его беззащитным перед людьми [Лев. 19:12; Иез. 36:23; 39:7].

Говоря о жанровом своеобразии ветхозаветного обета, следует отграничить его от смежного речевого действия – обещания. Авторы библейских книг не проводят четкой границы между двумя этими жанрами: едва ли они строго различались древнееврейским сознанием. И все же имеющиеся данные позволяют нам выделить черты, специфические для обета. Его наиболее типичные образцы строились по одной устойчивой формуле: «Если Ты (Бог) сделаешь ρ1, то я сделаю ρ2» [см. 2 Цар. 15:8; Суд. 11:30; Быт. 28:20; Числ. 21:2]. Участие Иеговы в обете мыслилось как бытийное проявление Его энергии, делавшей возможным совершение этого акта людьми. Во-первых, Бог должен был изменить нечто в реальности, чтобы сложившиеся обстоятельства позволили осуществить обет его субъекту; во-вторых – наделить принесшего обет силой воли, достаточной для его воплощения в жизнь. «Помолишься Ему, и он услышит тебя, и ты исполнишь обеты свои», - наставлял Иова один из его друзей [22:27]. И когда Анна, мать Самуила, принесла свой обет: «Господи!.. Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей… дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу [в дар] на все дни жизни его», - ее муж пожелал ей: «Да утвердит Господь слово, вышедшее из уст твоих» [1 Цар. 1:11-12].

Поскольку обычное обещание тоже могло даваться Богу, дифференциальный признак этих действий не сводится к разнице их реципиентов. Он состоит в том, что, в отличие от обета, обещание не содержит в себе предварительного условия, которое должен исполнить Всевышний, чтобы и человек мог осуществить обещанное. Так, во второй Книге Ездры юноша обращается к Дарию: «Прошу тебя исполнить обещание, которое ты… обещал Царю Небесному исполнить» [4:46]. Из предыдущих стихов становится ясным содержание данного Дарием слова. В день своей интронизации он без каких бы то ни было условий обещал восстановить разрушенный Иерусалим и находившийся в нем храм [4:43-44]. В то же время помимо чистых образцов сопоставляемых жанров, в Писании встречаются переходные формы, в которых размываются разделяющие их границы. Возьмем, к примеру, Псалом 131. В нем вспоминается совершение обета Давидом: «Не войду в шатер дома моего, не взойду на ложе мое…, доколе не найду места Господу, жилища – Сильному Иакова» [131:3-5]. Определенное как обет (в русском переводе), приведенное высказывание не заключает в себе условия, выполнить которое царь бы просил Иегову и, стало быть, в большей степени напоминает обещание. Однако если прочитать слова Давида в контексте всего

псалма, данное условие делается очевидным: не царь, а сам Бог должен выбрать для Себя искомое место. На это указывает призыв: «Стань, Господи, на место покоя Твоего» [131:8] и его последующее исполнение: «Избрал Господь Сион, возжелал [его] в жилище Себе. «Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» [131:13-14]. Таким образом, содержа в подтексте конститутивное для обета «если Ты…», рассмотренное высказывание Давида является, по сути, обетом, формально приближенным к обещанию.

Итак, различие между сравниваемыми речевыми действиями касается не столько формальных, сколько прагматических характеристик, которым, по разделяемому нами мнению, всегда принадлежит последнее слово в определении жанра. Согласно утверждению Бр. Полтриджа, когда мы имеем дело с нетипичными примерами того или иного жанра, их идентификация производится «на основе одних только прагматических условий» [Paltridge 1995: 404]. Сходную идею выражает Д. Байбер, по словам которого жанровая принадлежность высказывания определяется «скорее на основании употребления, чем на основании формы» [Biber 1988: 170]. Обет и обещание строятся с помощью разных речевых тактик и обладают разным иллокутивным устройством. Используя классификацию иллокутивных актов Дж. Серля [Серль 1999: 4], нтенциональную структуру обета мы можем представить в следующем виде. По отношению к Богу человек реализует такие интенции, как директив (сделай ρ1) и комиссив (я сделаю ρ2). А участие Всевышнего в обете принимает форму констатива, выражающего выполнение первичного условия, и декларатива как воздаяния (благословение / проклятие) за исполнение или нарушение обязательства человеком. В силу того что божественные иллокуции, как правило, не вербализуются, а непосредственно претворяются в жизнь в виде определенных событий и стечения обстоятельств, они остаются предметом веры и имеют гипотетический характер.

Специфика обещания, реципиентом которого также может являться Иегова, состоит в том, что со стороны человека оно представляет собой чистый комиссив, тогда как со стороны Бога – возможный декларатив. Кроме того, различие между сопоставляемыми жанрами можно проследить еще в одном ракурсе. Для этого нужно выяснить, выступал ли Бог в роли субъекта исследуемых действий. Что касается обещаний, то да, мы видим в Библии, что Иегова часто обещает людям [Исх. 11:1; 12:12]. Причем, Его обещания в иллокутивном плане тождественны клятве. Ведь согласно логике ветхозаветного мышления, Бог может клясться только самим Собой: все его клятвы автореферентны [Исх. 32:13-14; 6:8]. Но так же и каждый, кто дает обещание, всегда исходит исключительно из собственного произволения, не апеллируя ни к какой

внешней инстанции. И поскольку речь Творца наделялась абсолютной онтологической силой, каждое Его обещание неизбежно осуществлялось в бытии, обладая той обязательной результативностью, которой израильтяне стремились достичь с помощью клятвы.

В отношении обета дело обстоит по-другому. Для совершения Своих действий Иегова не нуждается в выполнении каких бы то ни было предварительных условий человеком. Тем менее Он нуждается в том, чтобы люди сообщали Его намерениям бытийную силу для их воплощения. Вместе с тем Бог является субъектом прагматически сходных с обетом высказываний, жанр которых определяется в Писании как завет. Выступая инициатором завета, Иегова не требует от людей осуществления неких первичных условий. Напротив, совершаемый Им акт налагает на них определенные обязательства. В основе этого жанра лежит формула: «Я делаю ρ1 для тебя и потому ты должен делать ρ2 для Меня». Комиссив, связанный с обещанием сделать что-то в будущем, или репрезентатив, представляющий уже сделанное в настоящем, всегда предшествует в завете директиву. Так, обращаясь к Аврааму, Иегова сообщает: «…И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими… в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя; и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю… во владение вечное… Ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их. Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя [в роды их]: да будет у вас обрезан весь мужеский пол» [Быт. 17:7-10].

Список литературы

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж.Р. Серль // Зарубежная лингвистика II. – М.: Прогресс, 1999. – С. 229-253.
3. Biber, D. Variation across speech and writing [Text] / D. Biber. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
4. Paltridge, Br. Working with genre: A pragmatic perspective [Text] / Br. Paltridge // Journal of Pragmatics 24 (1995). – P. 293-406.

М.А. Карданова
Нальчик, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР В ТЕКСТЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

В современной лингвистике существует двоякое понимание экспрессии. Первое направление связывает экспрессивное с понятием субъективной модальности.

Модальность, как мы знаем, – это выражение отношения сообщаемого к действительности (объективная модальность) или говорящего к действительности (субъективная модальность). Субъективная модальность трактуется нередко как факультативный признак предложения, хотя существует мнение, что при формальной невыраженности субъективная модальность присутствует в предложении имплицитно. Речь эгоцентрична и субъективна по самой своей природе. Это главное и фундаментальное ее качество. И оно проявляется в любом высказывании как субъективно-модальное значение.

Наиболее ярко «экспрессивно-модальные» значения описаны Н. Ю. Шведовой, изучавшей синтаксические построения разговорного синтаксиса на материале художественной литературы. Речь идет о конструкциях типа *Ехать так ехать; Так я и поверни; Что ему до меня; Шути- шути, да оглядывайся; Вот так лужа!* В академических грамматиках подобные построения описаны как структуры с субъективно-модальным, или модально-экспрессивным, значением. Субъективная модальность противопоставляется объективной как наслаивающаяся на объективную и факультативная [Русская грамматика 1980]. Однако под экспрессивностью понимается проявление эмоционального отношения, с разных сторон оценивающее действительность. В подобном толковании, во-первых, наблюдается смешение понятий эмоционального и экспрессивного с включением оценочного, во-вторых, эти характеристики приписываются конструкциям устного синтаксиса или отражению их в соответствующих жанрах художественной речи.

Второе направление в разработке понятия синтаксической экспрессии связано с именем В. В. Виноградова. Он выдвигает понятия субъективно-экспрессивных форм синтаксиса, которые более всего связывал с несобственно-прямой («чужой») речью в повествовательном стиле. Субъектные формы синтаксиса В.В. Виноградов противопоставлял объектным формам. Субъектные формы, содержащие экспрессивное начало, более всего представлены на уровне предложения, объективные же формы - на уровне синтагм, под которыми понимаются простейшие синтаксические единицы, семантически интонационно отграниченные и обладающие более или менее замкнутыми формами словосочетания.

Таким образом, экспрессивная выразительность в синтаксисе была понята как определенный художественный прием, свойственный «новой» прозе и выраженный на формально-синтаксическом уровне.

Поскольку основной тенденцией развития синтаксического строя языка является тенденция к аналитизму, то новые явления синтаксического строя и экспрессивные

конструкции связаны между собой. Но экспрессивными конструкции становятся только при наличии соответствующего стилистического эффекта.

Экспрессивные конструкции образуют открытый ряд. Чаще всего к ним относят такие явления, как парцелляция, сегментация, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции (в монологической речи), цепочки номинативных предложений, вставные конструкции, особые случаи словорасположения и другие.

В художественной литературе самыми распространенными сферами употребления лексического повтора являются монолог и диалог. В них повторы играют немаловажную роль для передачи мысли и настроения автора. Монолог – это прежде всего речь, обращенная к самому себе, к слушателям, к зрителям. Автор пытается донести нам определенные оттенки настроения, мироощущений, внутренних переживаний говорящего. Повтор помогает выделить именно тот оттенок настроения, на который необходимо обратить внимание. Исследуемое нами Евангелие от Иоанна было написано в г. Ефесе в 85-90–е годы н.э. В Евангелии автор письма передаёт речь Иисуса, обращенную к Иудейской аудитории. Это были фарисеи, учителя Израилевы, жители Иудеи. Речь Христа полна повторов. Рассмотрим основные моменты лексического повтора в его речах и речах апостола Иоанна. Большую группу, представляющую из себя повторы, составляют наречия:

«… И говорит ему (Нафанаилу): *истинно, истинно* говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (гл. 1 с.51).

Иисус сказал ему (Никодиму – учителю Израиля) в ответ: *истинно, истинно* говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия…» (гл. 3 с.4).

«*Истинно, истинно* говорю вам (народу):.. что творит Он (Бог - отец), то и Сын творит…».

Иисус сказал им: *истинно, истинно* говорю вам: прежде, нежели был Авраам, Я есмь» (гл. 8, с.59).

Итак, опять Иисус сказал им (народу): «*Истинно, истинно* говорю вам, что Я дверь овцам (овцами Иисус метафорично называет избранный Богом народ) (гл. 10, с.8)»

Истинно, истинно говорю вам: «… Любящий душу свою погубит её, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную…» (гл. 12 с.26).

Имя существительное распространяется зависимыми членами только при его повторении:

«И сказал продавцам голубей: … и *дома* Отца Моего не делайте домом торговли» (гл.2, с.16).

«В *мире* был, и *мир* чрез Него начал быть, и *мир* Его не познал» (гл. 1, с.10).

Иисус сказал им в ответ: разрушьте *храм* сей, и Я в три дня воздвигну его… А он говорил о *храме* тела Своего…» (гл. 2, с.21).

Одному из начальников Иудейских Никодиму Иисус говорит:

1. Рожденное от *плоти* есть *плоть*, а рожденное *от Духа* есть *дух*».

2. … ибо всякий, делающий злое ненавидит *свет* и не идет *к свету*, а поступающий по правде идет к *свету…*» (гл. 3. с.21).

Иисус говорит ученикам: «… у Меня есть *пища*. Моя *пища* есть творить волю Пославшего Меня…» (гл.4, с.34).

Иисус обращается к Иудеям: 1) «… и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей *воли,* но *воли* пославшего Меня Отца…» (гл. 5, с.31).

2) Истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам *хлеб* с неба, а Отец Мой даёт вам истинный *хлеб*… Я есмь *хлеб* жизни…» (гл. 6, с.37).

Варианты распространения повторяемого глагола: сильноуправляющий глагол распространяется требуемой формой дважды: Христос говорит Иудеям: «Да не смущается сердце ваше, *веруйте* в Бога и в Меня *веруйте*» (гл.14, с.2).

«Я отдаю жизнь Мою… *имею власть* отдать её и *власть имею* опять принять её» (гл.10, с.19).

Повторяемое слово присоединяется при помощи сочинительного союза и «… Я от Бога *исшёл* и *пришёл*…» (гл.8, с.42).

Повторяемые предложения присоединяются сочинительной связью:

«Доколе *Я в мире, Я свет миру*» (гл. 6 с.5).

«Я есмь *пастырь добрый: пастырь добрый* полагает жизнь свою за овец». [Овцами, метафорически овцами Иисус называл народ Израиля – М.К.]

Апостол Иоанн в начале Евангелия говорит: «В нём (Боге) *была жизнь* (Иисус), и *жизнь была* свет человеков» (гл.1, с.4).

«В начале *было Слово*, и *Слово было* у Бога…» (гл.1 с.1).

«Был *Свет истинный, Который* просвещает всякого человека, приходящего в мир…» (гл.1 с.9).

При определении лексического повтора в качестве средства когезии были выделены виды связи, которые осуществляются лексическим повтором в тексте. Контактная связь может функционировать в тексте за счет небольшого расстояния между повторяющимися словами и словом, к которому отнесен этот повтор. Дистантная

связь осуществляется в тексте на более значительном расстоянии связанных компонентов. Дистантная когезия, осуществляемая лексическим повтором, обеспечивает континуум повествования.

Активность в данном произведении рассмотренных экспрессивных по своему функциональному назначению синтаксических построений – следствие устремленности к воздействующей коммуникации. В исследуемом тексте тесно переплетены логические, психологические и формально-структурные виды когезии.

Список литературы

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г.Н. Акимова. – М., 1990.
2. Иванчикова, Е.А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения [Текст] / Е.А. Иванчикова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М., 1977.
3. Одинцов, В.В. Синтаксис связного текста [Текст] / В.В. Одинцов. – М., 1980.
4. Святогор, И.П. Повторы как средство синтаксической связи в современном языке [Текст] / И.П. Святогор. – М.,2003.

Р.Д. Карымсакова
Алматы, Казахстан

О СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ОЦЕНОЧНЫХ ИМЕН ЛИЦА РУССКОГО ЯЗЫКА

В газетно-публицистическом дискурсе широко используются различные оценочные средства языка для реализации коммуникативных намерений автора текста, в том числе и намерения передать резко отрицательное отношение к тому или иному событию, к конкретному лицу.

Для обозначения лица и его негативной характеристики язык использует такую лексико-семантическую категорию, как имена лица (нарицательные существительные). Н.Д. Арутюнова, предлагая сравнить различие в коннотациях прилагательных *добрый, умный*, *простой, тихий* и существительных *добряк, умник, простак, тихоня,* отмечает, что «в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передается прилагательными». В зависимости от выполняемых семантико-прагматических функций негативные имена лица (пейоративы) можно подразделить на 1) рассудочно-оценочные слова и 2) эмоционально-оценочные слова. Оценочная (аксиологическая) функция имен лица первой группы основывается на описательной (дескриптивной) функции; эти имена лица негативно характеризуют референта и вызывают тем самым у адресата речи отрицательное эмоционально-оценочное отношение к объекту высказывания.

Номинации этого группы можно разделить на следующие две семантические подгруппы.

Первую подгруппу составят имена, обозначающие криминальных личностей (* далее выделены слова, послужившие основанием для судебных исков): *вор, жулик, бандит, шпион, мошенник, аферист*, шантажист*, грабитель, насильник, убийца, сутенер, диверсант, мародер, проститутка** и т.д. В констатирующей семантике этих слов содержится указание на совершаемые человеком противоправные действия, занятия, поступки (вор – человек, который ворует), негативно оцениваемые обществом. См., например, толкование основных значений некоторых таких слов в современных словарях: *Грабитель – тот, кто занимается грабежом, грабит; Грабеж – похищение, захват чужого имущества, совершаемое обычно с насилием* [БТСРЯ 2002: 68]; *Аферист – тот, кто занимается аферами; мошенник, жулик; Афера – рискованное, мошенническое дело; сомнительная сделка с целью наживы* [БТСРЯ 2002: 52]. В терминологии уголовного права эти слова имеют однозначную юридическую дефиницию. Используемые без достаточных оснований, они и обществом, и адресатом реально воспринимаются как оскорбительные и клеветнические.

Ко второй группе можно отнести слова с констатирующей семантикой, важнейшей составляющей которой является негативная оценка действий, поведения лица. Например: *скандалист*, ябеда, зачинщик, дилетант*, демагог, провокатор*, дармоед, двурушник, бездельник, двоечник, русофоб, юдофоб, псевдоправозащитник** и др. Употребляются они только в основных своих значениях; в их семантике отсутствует сема «криминальности», и действия и поступки кого-либо оцениваются негативно с точки зрения морально-этической. Например, пейоратив *дилетант* выражает неодобрительное мнение о человеке, который поверхностно относится к чему-либо или у которого отсутствуют необходимые специальные познания; *барыга* 'спекулянт, перекупщик'. Очень часто при использовании подобной лексики в текстах СМИ их авторам безосновательно приписывается умышленное и сознательное намерение унизить или оскорбить адресата общения, усматривается вербальная агрессия. Однако если такого рода слова обращены к какому-либо лицу без достаточного основания и доказательства, они могут быть расценены как клевета.

Эмоционально-оценочные слова, отнесенные нами ко второй группе негативных имен лица, выражая негативное отношение говорящего к предмету речи, могут сообщать адресату об эмоциональном состоянии адресанта. В толковых словарях на чувства, которые обычно вызывают лица, обозначаемые этими именами и

соответствующим образом оцениваемые обществом, указывают стилистические пометы *неодобрит., презрит., пренебр., уничиж., ирон., укор., бран.* Например: неодобр. *белоручка*, презрит. *прихвостень.* В этой группе имен лица также могут быть выделены отдельные подгруппы. Во-первых, это могут быть слова, в которых информация об эмоциональном отношении к предмету может наслаиваться на рассудочную оценочность (например, в словах *писака*, рифмоплет, торгаш, алкаш, болтун, хвастун*). Во-вторых, это имена, содержащие только отрицательную эмоциональную оценку адресата. Например: *лизоблюд* – презрит. 'человек, который подобострастно, униженно прислуживает кому-либо из мелких, корыстных побуждений'; *чинуша*, бездарь, деревенщина, голодранец, фифа, цаца, холуй*, лоботряс.*

В-третьих, в этой же группе могут быть выделены слова, получившие вторичное значение в результате их метафорического употребления, при котором, как известно, слова наряду с новым значением приобретают и новые смысловые, и экспрессивно-эмоциональные оттенки (например, *шляпа, бревно, чурбан, тюфяк, барин**). Так, в переносном значении, приобретая метафорический смысл, могут употребляться некоторые слова из первой группы. При таком использовании «слова приобретают пейоративную (осуждающую), инвективированную экспрессию и явно негативную оценку», которая в сравнении с прямой номинацией значительно усиливается. Например: *Шпион* [3] *– тот, кто следит за кем-либо, выслеживает кого-либо, доносит на кого-либо; Проститутка* – разг. *О ком-либо или о чем-либо продажном, крайне беспринципном* [БТСРЯ 2002: 1027]. Например: *При Паничеве Главная военная прокуратура стала дешевой проституткой, и только кардинальные меры могут вытащить ее из дерьма* («Комсомольская правда»). Метафорическое выражение *дешевая проститутка* оценивается денотатом как оскорбительное, вульгарное и подрывающее авторитет Главной военной прокуратуры и однозначно воспринимается ее сотрудниками как синоним продажности, угодливости, беспринципности.

Как «второе название» человека для его негативной характеристики могут употребляться практически очень многие зоонимы (*кукушка, осел, шакал*, жеребец, выдра, обезьяна**), фитонимы (*дуб, мухомор, сморчок, колючка*). Оценочная (аксиологическая) функция определенной части зооморфизмов основывается на описательной функции: актуализируются основания оценки, которая выражает частное отрицательное отношение к определенному параметру объекта (*боров, глиста, пиявка, вобла, корова*).

Ряд метафор, в основе которых лежит дескриптивная информация, содержащаяся в слове, наиболее полно реализует номинативную функцию. Например, слово *кукушка*

содержит следующую денотативную информацию – 'лесная перелетная птица, обычно не вьющая своего гнезда и кладущая яйца в чужие'. Метафорическая актуализация этой информации реализуется в следующем контексте, где зооморфная метафора выполняет номинативную функцию: *Брошенных детей не становится меньше. Ежегодно только в актюбинских роддомах местные кукушки оставляют на произвол судьбы по сотне младенцев* («Мегаполис»).

Для функционирования этих метафор часто бывает необходим поясняющий контекст, содержащий элементы, указывающие, какой семантический признак актуализируется в данном употреблении. Например, контекст может показать, как эмоциональная информация, содержащаяся в слове, позволяет выразить в речи эмоциональное состояние субъекта (негодование, злость, презрение и т.д.). Подобная речевая реализация зоонима наблюдается в следующем фрагменте интервью:

- *Вам бывает когда-нибудь не по себе?*

- *Однажды я вышел из Кремлевского Дворца, где* **всякие** *поп-звезды со сцены* **под фонограмму** *что-то* **крякали.** *А в первом ряду сидели люди, купившие билеты по 100 тысяч рублей. В общем, шел по подземному переходу, уже ночь, холодно. И вдруг слышу совершенно прекрасную музыку. Смотрю: стоит струнный ансамбль – с виолончелью, скрипками и контрабасом. Играют так, что у меня свело зубы. На полу лежит шляпа. И тут меня начинает вскрывать – Господи, там вот эти* **макаки прыгают с тремя классами в голове***, и они сейчас уедут оттуда в дорогих машинах! А тут люди с консерваторским образованием в переходе стоят, прямо по Достоевскому, а там в шляпе какие-то пятаки!...* («Время»).

Отрицательные образы могут быть созданы и при помощи криминальной метафоры (*крестный отец, шестерка*, подельник, лох, телекиллер**), театральной метафоры (*актер* 'тот, кто притворяется кем-либо или каким-либо, скрывая истинные мысли, чувства и т.п., или позирует, рисуется в расчете на благоприятное впечатление, успех у окружающих'; *клоун, кукла* и кукловод*, суфлер, Карабас-Барабас*). Метафора может стать источником значительных эмоциональных болезненных переживаний референта: «*...один известный журналист выступал по телевизору и сказал по поводу Жириновского: «А-а-а, это клоун вроде Леонова». Евгений Павлович Леонов это услышал, и с ним чуть инфаркт не случился* («Московский комсомолец»).

В-четвертых, это слова, которые эмоционально принижают предмет речи (*баламут, дылда, доходяга, деляга, верзила, балаболка*). В-пятых, к эмоционально-оценочной лексике, обозначающей людей, относятся и имена, выражающие шутливое,

ироническое или снисходительное отношение к предмету речи (например, *глупышка, заморыш, балерун, борзописец*, алконавт, всезнайка*).

В-шестых, к этой же группе негативно-оценочных имен лица мы относим и слова-эвфемизмы (*труженица коммерческого секса, агент иностранных спецслужб*), а также «окказионализмы, создаваемые с целью оскорбить, унизить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п.» *(иудокоммунисты, дерьмократы, демпроститутки пера, дристуны свободы, депутаты-пиарасты, соглядатаи законности).*

В-седьмых, отдельный разряд в этой группе составят слова с бранным оттенком и широким семантическим компонентом 'подлый, низкий' (*подлец, мерзавец, подонок, негодяй, ублюдок, сволочь*) и 'глупый' (*тупица, болван, балда, бестолочь, идиот, дурак/дура, дебил, даун*). Оценка в этом случае «дается по совокупности разнородных свойств, выражает общее отрицательное отношение субъекта к объекту» [Арутюнова 1999: 94]. Например: *Но в семье не без урода. Так же, как и среди чиновников, так и в журналистской братии есть мерзавцы. Позвонил мне как-то один из них и говорит: «Я – имярек. Газета «Время». Я ему говорю: «Не звони мне больше». «Почему?» - спрашивает. «Да потому что мне неприятно», - отвечаю. Журналисты имеют право на получение информации. Но, во-первых, журналисты, а не* ***проходимцы и аферисты от журналистики****, новоявленные* ***телекиллеры****. А во-вторых, информация должна быть правдивой, объективной и неодносторонней. Так что у вас есть право на получение информации, а у меня есть право выбора»* (К сожалению, министр культуры и информации РК свои утверждения оставил без аргументации и не дал объективно понятного объяснения употреблению слов с бранным оттенком, не изложил основания для выражения подобной негативной оценки журналистов газеты, что послужило поводом для обращения последних в суд за защитой чести, достоинства и деловой репутации). Резкое осуждение и бранный оттенок, выражаемый в словах этой подгруппы, делает их семантически тождественными и взаимозаменяемыми, однако, степень бранности в их семантике варьирует от средней до высокой и очень высокой.

Обе группы негативно-оценочных имен лица объединяет наличие в их семантической структуре эмоционального компонента. Н.А.Лукьянова отмечает, что «оценочность, как семантический признак в системе экспрессивов связана с семой «эмоциональность» и отдельно от нее не реализуется» [Лукьянова 1983: 17], что говорит о взаимосвязи аксиологической и волюнтативной (воздействующей) функций в высказывании. «Оценочное высказывание стремится повлиять на адресата, а через него и на ход практической жизни» [Лукьянова 1983: 183].

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. С.А.Кузнецова. – СПб., 2002.
3. Лукьянова, Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. Семантические классы экспрессивов в русском языке [Текст] / Н.А. Лукьянова // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сб. научных трудов. –Новосибирск: НГУ, 1983.

Е.Н. Квашнина
Челябинск, Россия

«ОТСЛОЕНИЯ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ» КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Настоящая статья посвящена недостаточно изученному в отечественной лингвистике вопросу о терминах как компонентах фразеологизмов.

В последнее время в лингвистической литературе активно разрабатывается такое понятие, как языковая профессиональная личность. То, что это особое образование в рамках проблемы языковой личности, ни у кого не вызывает сомнений. Ю.Д. Апресян считает, что «каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира, при этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую «коллективную философию» [цит. по Красных 2001: 65]. В этом случае можно говорить о том, что на формирование определенной картины мира, присущей субъекту, влияют не только национальные, культурологические общности, но и социальные, профессиональные, возрастные группы…» [Харченко 2003: 28]. Известный социолог Т. Шибутани отмечает, что «наиболее организованным является мир профессиональный, поскольку для вступления в него обычно требуется длительное обучение…» [цит. по Харченко 2003: 30]. Языковую личность с позиции той или иной профессии рассматривает и Е.И. Голованова. В сознании профессионала, по ее мнению, присутствует и бытовая, и профессиональная личность. Эти две сферы взаимообогащают друг друга. По мере «о-своения» человеком профессионального пространства он переносит свое личное восприятие на этот внешний мир – в рамках, которые допускаются условиями осуществления данной деятельности. Лексика, включенная в язык для специальных целей, так или иначе проникает за пределы профессиональной коммуникации, что проявляется в использовании характерных профессиональных слов, выражений и в актуализации стоящих за ними смыслов, а

также в реализации свойственных данной сфере и способов интерпретации объектов и отношений [Голованова 2004: 69].

Изучением фразеологических оборотов, в составе которых имеются термины, правда, на материале английского языка, занимаются такие исследователи, как В.М. Лейчик, Е.А. Никулина. Подобные выражения они называют терминологическими фразеологизмами, понимая под ними «языковые единицы, являющиеся терминами и фразеологизмами одновременно и реализующие свои значения – терминологическое и фразеологическое – в зависимости от контекста» [Лейчик 2003: 300]. Схожие исследования, опять же на материале английского языка, проводит Е.И. Шестак. Несколько ранее фразеологические обороты с включением терминов Н.М. Шанский назвал «отслоениями научной терминологии» и также считал их одним из источников фразеологизмов [Шанский 1972: 28].

Несомненно, обязательным условием терминологического фразеологизма является наличие термина. Именно термины, по замечанию М.Н. Володиной, «выступают в качестве основных носителей специальной информации, они являются необходимым условием существования, хранения и развития профессионально-научного знания» [Володина 2000: 79].

Процесс фразеологизации устойчивого терминологического оборота - одно из проявлений вторичной номинации в языке. Его можно проследить через сопоставление семантики прототипа и сформированной на ее основе семантики фразеологической единицы. Важную роль при этом играет внутренняя форма фразеологического оборота [Лейчик 2003: 300].

Отслоения научной терминологии встречаются далеко не во всех профессиональных сферах. К ним, в частности, относятся следующие: математика, физика, астрономия. Это, на наш взгляд, объясняется прикладным характером данных областей, их давней разработанностью, отчасти включенностью в обыденную жизнь людей. Наиболее многочисленны отслоения научной терминологии из области математики.

Так, фразеологическое выражение *ставить знак равенства* в качестве семантического прототипа имеет термин «знак равенства». Переносное употребление актуализирует элемент внутренней формы и придает сочетанию образное значение: *ставить знак равенства* - *считать совершенно одинаковым*. В связи с этим термин проходит стадию детерминологизации, что проявляется в употреблении его за границами определенной терминологической сферы в переносном значении.

Фразеологизм *приводить к общему знаменателю* в качестве ключевого содержит термин «общий знаменатель», который также реализует имеющуюся сему, связанную со словом «общий», и в переносном употреблении: *приводить к общему знаменателю - уничтожать различия, уравнивать*. Процесс фразеологизации опирается, как видим, на внутреннюю форму исходного сочетания. Происходит «генерализация», обобщение специального значения термина.

Общее значение терминологического оборота *возведение в квадрат* - «увеличение». Оно отражается в появлении образного, переносного значения, связанного со значением прототипа терминологического выражения: *возводить в квадрат - сильно, значительно преувеличивать что-либо*. Учет семантики исходного смысла терминологического выражения сохраняется. Переосмысление терминологического выражения осуществляется от конкретного явления – к более общему [ЛЭС 1990: 559].

Абсолютный нуль – устойчивый профессиональный оборот, в качестве основного элемента содержит компонент *нуль*, что получает отражение в появлении образного значения: *человек ничтожный, совершенно бесполезный в каком-либо деле*. В данном случае налицо «генерализация», обобщение специального значения термина.

Математическое выражение *угол зрения* содержит ведущий термин «угол», это значение в более широком смысле реализуется через переносное, образное употребление: *угол зрения - точка зрения*. Смысловая метаморфоза, сопровождающая формирование фразеологизма, основывается в данном случае на метафоре как виде тропа.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

во-первых, при переходе терминологического выражения во фразеологизм наблюдается «генерализация» специального значения терминов;

во-вторых, обобщение значения термина происходит чаще всего с опорой на семантический прототип терминологического сочетания;

в-третьих, в процессе приобретения терминологическим сочетанием переносного смысла термины, входящие в его состав, подвергаются процессу детерминологизации, в частности, употреблению за пределами соответствующей терминологической сферы;

в-четвертых, переосмысление компонентов приводит к возникновению идиоматичности - «невыводимости» значения целого оборота из значений составляющих его лексем.

в-пятых, «генерализация» специального значения термина носит явно выраженный антропоцентрический характер: многие компоненты, в качестве исходного

семантического ядра имеющие существительное, ассоциируются непосредственно с человеком: *абсолютный нуль – ничтожество, угол зрения – взгляд.* Если же речь идет о глагольной категории, то обобщение происходит в сторону придания им «человеческого» характера: *привести к общему знаменателю – уравнять, возвести в квадрат – увеличить;*

в-шестых, переосмысление терминологического выражения осуществляется преимущественно в соответствии с формой индуктивного умозаключения: от конкретного явления – к более общему, к возможным его проявлениям [ЛЭС 1990: 559].

Итак, фразеологизмы, имеющие в своем составе терминологический профессиональный компонент, отражают особое, профессиональное в*и*дение мира человеком. Это доказывает мысль Ю.С. Степанова о том, что «язык – это и «дом логики», и «дом знания», и «дом философствования» [Степанов 1995: 8].

Список литературы

1. Володина, М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) [Текст] / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 128с.
2. Голованова, Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке [Текст] / Е.И. Голованова. - Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. – 330с.
3. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст]: курс лекций / В.В. Красных. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270с.
4. Лейчик, В.М., Никулина Е.А. Источники возникновения терминологических фразеологизмов [Текст] / В.М. Лейчик, Е.А. Никулина // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. Челябинск, 21-22 октября 2003 г. / Отв. ред. Е.И. Голованова. Челябинск, 2003. С. 300-305.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Энциклопедия, 1990. – 685с.
6. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология [Текст] : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В.М. Мокиенко. – М: Высшая школа, 1989. – 287с.
7. Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении [Текст] / Е.В. Харченко. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. – 336с.
8. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. - М.: Просвещение, 1972. – 327с.
9. Шестак, Е.И. Фразеологические единицы в сфере профессиональной коммуникации (типологический аспект) [Текст] / Е.И. Шестак // Языки профессиональной коммуникации: Материалы 2-й международной научной конференции. Челябинск, 1-2 ноября 2005 г. / Отв. ред. О.В. Демидов; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2005. – С. 218-220.
10. Язык и наука конца 20 века [Текст] : сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – 432с.

Л.Ф. Килина
Ижевск, Россия

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

Настоящее исследование посвящено анализу семантики языковых единиц, реализующих категорию оценки, употребляющихся в памятнике древнерусской литературы «Повести временных лет» (далее ПВЛ), а также определению прагматических установок автора этого произведения как носителя древнерусского языкового мышления.

В первую очередь необходимо сказать о том, что интересующий нас период времени был ознаменован становлением религиозного (христианского) сознания русского человека. Нас интересует, каким образом в тексте не только на уровне семантики, но и на уровне структурной, смысловой организации репрезентируется языковая картина мира.

Мы рассматриваем уникальное произведение литературы с лингвистической точки зрения, в связи с чем не считаем нужным говорить ни о содержательной стороне ПВЛ, ни о художественных достоинствах (об этом уже очень много сказано), однако не учитывать названных аспектов мы не можем. Попытка взглянуть на хорошо известный текст иначе (под другим углом зрения), безусловно, должна быть обоснованна, и таким обоснованием, по нашему мнению, является принципиально новый подход к изучаемому текстовому материалу.

Существует мнение, что повествование ПВЛ подчинено погодным изложениям, несмотря на то, что в структуре текста выделяются также легенды, жития, предания и т.д. Тогда необходимо обнаружить то связующее звено, которое объединяет эти разножанровые отрывки, и в этом случае, как правило, говорят о том, что в произведении ведется рассказ о русской истории, следовательно, главным и первостепенным является именно отражение значительных событий, происходивших на Руси. Вместе с тем проведенное нами исследование показало, что изначально авторская установка была несколько иной.

Дело в том, что в данном тексте можно выделить несколько уровней (или пластов): во-первых, содержательный, во-вторых, идейно-смысловой, в-третьих, оценочный, в четвертых, структурно-композиционный. На уровне содержания, действительно, в ПВЛ представлен рассказ об исторических событиях и личностях, а вот на уровне идейно-смысловом – рассказ о христианизации Руси, об усвоении людьми христианских догматов, новых для славянского мировоззрения. Что касается категории оценки, то она «работает», в первую очередь, на идейно-смысловой уровень и

реализуется за счет особых языковых средств, эксплицитно и имплицитно выражающих три вида этой оценки в зависимости от ее субъекта: теистическая (мистический субъект), обыденная этическая (субъект – земной мир, человечество в целом), субъективная оценка (принадлежит отдельному человеку, субъекту текста) (см. об этом [Ковалев 1997]). Композиция произведения, его структура также подчинены основной идее – идее об обретении блага, коим является христианская вера.

Проанализировав употребление единиц категории оценки в тексте ПВЛ, мы установили, что они могут быть представлены как системно организованные слова, сопряженные семантически, и в этой системе можно выделить две подсистемы – благо (добро) и зло. Обусловлено это представлением об изначальной дихотомии мира: Бог и Дьявол (благо и зло) выступают как две равные сущности, человек же вправе выбрать ту или иную сторону, причем сделать он это может в любой момент своей земной жизни.

В первую подсистему будут входить слова, связанные со сферой божественного, так как Бог и есть благо. Такие единицы называют мистические субъекты, обозначают атрибуты веры, церкви, характеризуют человека, прикоснувшегося к Богу, ведущего праведный образ жизни. Соответственно вторая подсистема состоит из единиц, которые так или иначе можно отнести к сфере дьявола, т.е. наименования темной силы, действий, которые совершает человек, соблазненный дьяволом, а также связанных с ними последствий, характеристика человека, выбравшего путь зла.

Проводя анализ употребления единиц категории оценки в контекстах, мы обнаружили, что система представлений о благе и зле является важным источником получения информации о способах и результатах познания мира древними русичами. Именно эта система, основанная на архаических представлениях об устройстве мира, развернуто репрезентирована в тексте ПВЛ. Каждый поступок человека, каждое происходящее событие оцениваются сквозь призму данных этических категорий, однако существующая система оценки (см. выше) не позволяет однозначно интерпретировать тот или иной факт, а образ того или иного персонажа бывает иногда достаточно сложным.

Так, например, князь Владимир оценивается крайне негативно в ту пору, когда он был язычником (женолюбец, прелюбодей и т.д.), приняв же христианскую веру, Владимир становится праведником, и его образ представляется совершенно иным. В этом случае репрезентирована именно теистическая оценка, а пример наглядно иллюстрирует, что для автора было важно показать не историческую личность, а человека, нашедшего единственно правильный путь в жизни – путь к вере.

Нами был сделан вывод о том, что в тексте ПВЛ употребляются в значимых

контекстах определенные слова, реализующие оценочность, причем сема оценки, как правило, обнаруживается в смысловой структуре языковой единицы. Сема положительной оценки реализуется в словах с определенным корнем: -благ- (*благо, благыи, блаженьныи, благовЬрьныи, благочьстивыи, благородьныи, благословити, благословенье, благодать, благовЬщенье, благовоньныи, благоуханье, благоизволити, благопотребьныи, благочьстье*), -добр- (*добро, добрЬ, доброта, добрыи, добродЬтель, добродЬтельныи*), -люб- (*любы, любити, възлюбити, възлюбленыи, братолюбьство, братолюбье, братолюбивыи*), -прав- (*правыи, правьда, правьдьно, правьдьныи, правьдивыи, правьдьникъ*), -свЬт- (*свЬтъ, свЬтильникъ, свЬтло, свЬтлость, свЬтоносьныи, свЬтозарьныи*) т.д.

Отрицательная оценка также закрепляется за единицами с определенными корнями: -зъл- (*зъло, зълоба, зълобивыи, зълодЬяти, зълыи, злЬ*), -грЬх- (*грЬхъ, грЬховьныи, грЬшьныи, грЬшьникъ, грЬшити, согрЬшити, согрЬшенье*), -бЬс- (*бЬсъ, бЬсовьскыи, бЬсованье, бЬсослуженье, бЬшьныи*), -блуд- (*блудъ, блудити, блудьныи, блуженье*) и т.д.

Особо следует выделить слова с начальными не- и без-, которые могут репрезентировать как положительную, так и отрицательную оценку, но последняя все же преобладает: *независть, безгрЬшьныи, незълобивыи – безаконьныи, безаконьникъ, безаконье, безбожьныи, нечистыи, неправьдьныи, неправьда, нечьстивыи, нечьсть, невЬрьныи, нечисто, нечистота, нечистыи, ненавидЬти, ненавидьно, ненавидимыи, ненависть.*

Таким образом, древнерусский автор задает полярные ценностные ориентиры для человека, выбирающего свой путь, и эти ориентиры определяются оппозициями Бог – Дьявол, благо (добро) – зло, вера – отсутствие веры (*невЬрныи, поганыи*), знание истины – незнание истины, правда – неправда, любовь – ненависть, чистота – нечистота, красота – уродство, свет – тьма и т.д.

Реализация оценки зависит от прагматических установок субъекта и обусловлена ориентацией на канонические тексты, или на мегатекст. Н.С. Ковалев определяет мегатекст как систему нормативных текстов эпохи, которая была воспринята древнерусской культурой, макротекст как «речевое произведение, отвечающее критериям текстуальности и функционирующее в системе жанрово-стилевых форм подобных смысловых образований», а микротекст как «функционально-смысловой или композиционный отрезок макротекста, реализующий частные оценки объекта в конкретной ситуации речи» [Ковалев 1997: 18]. Таким образом, анализируя конкретные микротексты, которые могут входить в определенный макротекст, мы неизбежно

должны будем выйти на мегатекст, т.е. на модель смыслообразования.

Выход на мегатекст осуществляется в ПВЛ в ряде случае с помощью цитирования прецедентных текстов, причем иногда цитируемый текст преобразуется (например, выделяются отрывки из разных частей и соединяются в одном контексте) в соответствии с той задачей, которая решается автором. Как правило, цитаты служат для авторитетного подтверждения мыслей и включаются в повествование в особо значимых фрагментах. Однако данный прием нельзя недооценивать, так как цитаты не только искусно вплетаются в смысловую ткань произведения, становясь вполне органичной его частью, но и несут особую нагрузку: выдержки из хорошо известных произведений канонической литературы помогают создать впечатление, что вся русская история – это путь к Богу, к Истине.

Кроме цитирования, а иногда и в дополнение к этому приему, в ПВЛ отмечаем различные библейские реминисценции, т.е. напоминания о сюжете, событиях, героях Библии. Такие напоминания в ряде случаев еле уловимы и при поверхностном прочтении текста не обнаруживаются, поэтому, чтобы найти ту или иную реминисценцию, часто необходимо очень внимательно текст прорабатывать. Однако эти трудности, как нам кажется, связаны лишь с недостаточным знанием текста Библии современным читателем, именно по этой причине такого рода исследования ПВЛ вообще редко встречаются в науке. Нами установлено, что этот аспект является очень важным в изучении указанного памятника письменности, кроме того подобный анализ позволяет лучше понять интенцию адресанта, который является носителем средневекового мышления.

Применение приведенных выше приемов и позволяет создать многоуровневый текст, в котором единицы категории оценки играют ведущую роль, образуя системы и подсистемы слов, близких по семантике. Теистическая оценка является главным смыслообразующим фактором не только в ПВЛ, но и в большинстве древнерусских текстов. Следовательно, возникает необходимость в разработке методологии исследования текстов с точки зрения организации их смыслового пространства.

Список литературы

1. Ковалев, Н.С. Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки [Текст] / Н.С. Ковалев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1997. – 220с.

О.В. Кравченко
Таганрог, Россия

ДЕПРАГМАТИЗАЦИЯ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ АБСУРДА В ТЕКСТЕ

Известно, что одно их основных функциональных предназначений языка состоит в передаче информации, в опредмечивании и трансляции нематериальных смыслов. Выполнение данной функции стало возможно благодаря знаковой сущности языка - органичному соединению звукового (графического) комплекса и идеального содержания. Передача смыслов фактически сводится к процессу означивания (семиозису), а важнейшими свойствами языка являются его свойства семиотической системы. Язык как любая семиотическая система имеет три измерения, которые Ч. Моррис - один из основоположников и крупнейших теоретиков семиотики - назвал семантикой, прагматикой и синтактикой. Под семантикой Ч. Моррис понимал «отношения знаков к их объектам» [Моррис 2001: 50], под прагматикой - «отношение знаков к интерпретаторам» [Моррис 2001: 50], под синтактикой - «синтаксические отношения знаков» [Моррис 2001: 56]. Развивая идеи Ч. Морриса и других семиотиков, современные ученые пришли к пониманию семантики как «отношения между знаконосителем, предметом обозначения и понятием о предмете», прагматики - как «отношения между знаками и тем, кто их использует», синтактики - как «отношения между знаками … в речевой цепи и вообще во временной последовательности» [Степанов 1998: 441].

Жизнь языка, согласно знаменитой метафоре академика Ю.С. Степанова, протекает в «трехмерном пространстве», т.е. в пространстве его семантики, прагматики и синтактики. Именно гармоничное взаимодействие этих трех измерений обуславливает адекватность передачи мыслей и успешность коммуникации.

В нашей статье мы остановимся на некоторых особенностях «аномальной» коммуникации, продуктом которой выступают явления лингвистического абсурда. К лингвистическому абсурду относятся ненормативные, не предполагающие особой знаковой конвенции и не соответствующие реальной дискурсивной ситуации языковые конструкции, состоящие из значимых единиц и семантически противоречащие сложившейся языковой картине мира.

Анализ эмпирического материала, собранного методом сплошной выборки из текстов произведений современных русских писателей, показывает, что явления лингвистического абсурда возникают в результате «разрушения» одного или нескольких семиотических каналов. Иными словами, лингвистический абсурд порождается «аномалиями», затрагивающими одно или несколько семиотических измерений.

Нарушая стандартное течение процессов, происходящих в знаковой системе языка, абсурд проявляет себя как своеобразный анти-язык, а механизм абсурдизации имеет ярко выраженную семиотическую природу и заключается в намеренном ненормативном использовании семантических, прагматических или синтаксических ресурсов языка.

Рассмотрим случаи порождения лингвистического абсурда, обусловленные нарушением прагматических ресурсов языковых знаков. Заметим, что в настоящей работе сам термин «прагматика» трактуется широко. К прагматическому содержанию языковых конструкций относятся все смыслы, которые выходят за пределы собственно языковой семантики слов, составляющих те или иные высказывания. В «зоне» прагматики оказываются внеязыковые структуры знаний, представленные разного рода пресуппозициями, фреймами, скриптами, сценариями и формирующие так называемый «когнитивно-прагматический субстрат» текста. Выражаясь словами В.З. Демьянкова, прагматика вбирает в себя информационный аспект высказывания, а сопровождающий аспект высказывания лежит в области семантики [Демьянков 1981: 373]. Практически всякое высказывание обладает ассертивной и презумптивной частями значения. Именно презумптивный аспект значения составляет прагматическое поле высказывания.

Лингвапрагматические процессы и их результаты, приводящие к появлению образцов лингвистического абсурда, мы будем называть *депрагматизацией*. Депрагматизация охватывает достаточно разнородные языковые явления и способна принимать различные лингвистические формы. Являясь родовым понятием, депрагматизация включает в себя прагмакоммуникативные, прагмакогнитивные и прагмастилистические аномалии, которые приводят к абсурдизации высказываний или целых фрагментов текста.

Прагмакоммуникативные аномалии могут возникать при развертывании диалогического дискурса. В частности, депрагматизация имеет место при дезактуализации так называемых пропозициональных функций, формируемых исходными высказываниями в диалогическом дискурсе. Известно, что «…в речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс. При этом оценка адресатом речевого содержания (коммуникативного смысла) высказывания обычно сопровождается оценкой адекватности его данной прагматической ситуации» [Арутюнова 1981: 360]. Исходные реплики диалогических единств, как правило, задают контуры возможного ответа, определяют его предметную область. Имплицируемое содержание, предваряющее высказывание, являющееся семантическим фундаментом высказывания, в лингвистике принято называть пропозициональным знанием, а общее значение вопроса,

определяющее смысловые рамки ответа - пропозициональной функцией вопроса. В приведенном ниже примере дезактуализация пропозициональной функции вопроса (функция «как»), иначе говоря, несоответствие информации, данной в ответе, запрашиваемой информации (вместо ответа на специальный вопрос поступает ответ, предполагающий наличие общего вопроса) приводит к порождению лингвистического абсурда: *А может быть, реки просто не было? Может быть. Но как же она называлась? Река называлась* (С. Соколов «Школа для дураков»);

В следующем примере не получает реализацию пропозициональная функция «где», что является условием абсурдизации фрагмента текста: *Вода текла, шумела и ванна постепенно наполнялась, и вот смотритель спросил Трахтенберг: где кран? И старая женщина отвечала ему: у меня есть патефон…*(там же). Приведенные выше высказывания представляют собой яркий пример нарушения принципа «Кооперации», который, согласно прагмалингвистической концепции Г.П. Грайса, обеспечивает адекватность коммуникации [Грайс 1985].

Прагмакогнитивные аномалии, приводящие к лингвистическому абсурду, являются следствием противоречий, возникающих в результате сопоставления эксплицитно представленного в высказывании знания и знания, сформулированного в презумпции высказывания, составляющего его когнитивный фон. Так, содержание приведенных ниже высказываний противоречит сложившимся в коллективном сознании образу сторонников фашистской идеологии и представлениям о профессиональных и личностных качествах, которыми должен обладать офицер - командир дивизии: *…доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях*…(В. Пелевин «Generation “P”»); - *Я, Василий Иванович, совершенно не понимаю, как это человеку, который путает Канта и Шопенгауэра, доверили командовать дивизией* (В. Пелевин «Чапаев и Пустота»).

Прагмастилистические аномалии не затрагивают коммуникативных и когнитивных основ речевой деятельности и в известной мере обладают меньшим потенциалом абсурдизации текста, чем прагмакоммуникативные и прагмакогнитивные нарушения. Возникновению лингвистического абсурда в следующих примерах способствовало неадекватное использование стилистических ресурсов языка (выбор лексико-семантических средств языка не соответствует форме и содержанию повествования): *Ты не забыл, как однажды, много лет назад, мы повстречали на станции нашего учителя Норвегова? Нет, не забыл… Он сказал, что покинул час назад*

берега ***водоема, где производил ужение на мотыля*** (С. Соколов «Школа для дураков»); *Только* ***ведайте****: ваш племяш перенервничал, перетерпел, судьба распорядилась им негуманно* (С. Соколов «Палисандрия»).

Таким образом, механизм порождения явлений лингвистического абсурда в тексте заключается в целенаправленном ненормативном использовании семиотических ресурсов языка. Одним из средств абсурдизации текста выступает депрагматизация, эффект которой основан на разрушении прагматических значений высказываний. Депрагматизация, в свою очередь, может принимать различные языковые формы и охватывает прагмакоммуникативные, прагмакогнитивные и прагмастилистические аномалии.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия Литературы и языка, Т. 40, 1981, №4. - С. 356-367.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С. 217-237.
3. Демьянков, В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания [Текст] / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия Литературы и языка, Т. 40, 1981, №4. - С. 368-377.
4. Моррис, Ч. Основания теории знаков [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика: Антология. - М., 2001. - С. 45-97.
5. Степанов, Ю.С. Семиотика [Текст] / Ю .С. Степанов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. - М., 1998. - С. 440-442.

А.С. Крапивенский
Волгоград, Россия

СЕМАНТИКА И ФОНОСЕМАНТИКА КАК МАРКЕР ВОСПРИЯТИЯ МЕТОДА УБЕЖДЕНИЯ В РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЯХ

Тексты рекламных сообщений, в силу огромной прикладной значимости их социальной природы, представляют собой один из наиболее актуальных предметов для эпистемологического процесса исследования различных аспектов восприятия их читателями. Под «рекламным сообщением» в данном случае понимается “элемент рекламной коммуникации, являющийся непосредственным носителем информационного и эмоционального содержания, передаваемого в процессе рекламной коммуникации” [Головлева 2004: 153].

По своим когнитивно-психолингвистическим характеристикам рекламный текст может быть либо максимально приближен к тексту художественному (в случае, если задействуется потенциал скрытого психологического воздействия на реципиента при манипуляции сознанием), либо может представлять собой вариант адаптированного для

целевого потребителя текста технического (при убеждении). Возможен также и вариант синтеза в рекламных сообщениях текста художественного и технического (при внушении). Синтез технического и художественного в рекламном тексте (или же присутствие в нем только какой-либо одной из этих двух составляющих) и есть критерий, позволяющий, с одной стороны, определять соотношение в данном виде словесной культуры рационального и эмоционального аспектов соответственно.

Однако даже в рекламных сообщениях, построенных на основе метода убеждения, то есть максимально приближенных к рациональному воспрятию их потребителем, можно говорить о наличии в них условной эмоциональной окраски. Частично пробудить чувства реципиента при прочтении таких сообщений могут как *семантическая* окраска его условно-художественных элементов (скажем, имен собственных - названия товара, фирмы, топонимических объектов), так и *фоносемантический* характер рекламного сообщения в целом, или его отдельных составляющих.

“Коммуникативная эффективность слова-названия определяется потенциалом, заложенным в слове и детерминирующим возможность его использования в качестве коммерческого названия” [Новочихина 2006: 279]. Например, в рекламном сообщении: *“Кронштейн (для внешних блоков сплит-систем). Комплект от 190 руб. Фирма «Монтаж-Холод»”*, совокупное семантическое значение названия фирмы-продавца («Монтаж-Холод»), должно ассоциироваться у потребителя с профессиональной специализацией, совпадающей с профилем коммерческого предложения (крепежные материалы для монтажа систем охлаждения воздуха), что будет психологически порождать положительные эмоции (чувство доверия). Употребление названий в рекламных сообщениях, основанных на социально-психологическом методе убеждения, может порождать и отрицательные эмоции. Так, в частности, в объявлении: *“Кафе «Белая акула», час 306 руб.”*, название пункта общественного питания («Белая акула»), напрямую ассоциирующееся с каннибализмом, вряд ли будет способствовать притоку посетителей.

Касательно использования в рекламных сообщениях, использующих социально-психологический метод убеждения, топонимических объектов, следует согласиться с мнением О.В. Кирпичевой, что они также могут быть “функционально нагруженными единицами” [Кирпичева 2006: 292]. Поясним данный тезис на следующих примерах: - *“Краснооктябрьский район, ул. Депутатская. Продаю: 5-комнатную квартиру на 1 этаже, S = 124, 1 м², евроотделка, телефон, охранная система, 2 лоджии остекленных, решетки на окнах + Подвал, S = 436,9 м². Собственник – юридическое лицо, документы*

готовы. цена за все 3 420 700 рублей” (семантическое значение названия улицы – Депутатская, связано в сознании реципиентов с солидным социальным статусом законодателя, что безусловно будет служить привлекательности предложения); - *“Дома в Волгограде. Продаю. Вишневая Балка, Камчатский переулок. Обложен кирп., 4 комн., 34/55/9, веранда 7м², газ, АОГВ, вода, туалет, ванна в доме, гараж кирп. 5х6, 4,5 сотки”* (в данном случае употребляемое в объявлении название топонимического объекта – Камчатского переулка, будет ассоциироваться с другим объектом – полуостровом Камчатка, и, соответственно, трансформироваться в сознании реципиента в нежелательное для рекламодателя представление о предлагаемой им к продаже недвижимости, как находящейся очень далеко – чуть ли не на краю Земли).

Условную эмоциональную окраску рекламные сообщения, использующие метод убеждения, могут нести и на уровне фоносемантики. Родоначальником оценки эмоционального воздействия фонетики слова и текста на русском языке на подсознание человека является А.П.Журавлев. В основе его теории лежит соответствие между значением слова и его звуковой формой, опирающееся на способность звука вызывать незвуковые представления. Это объясняется изначальной ролью в жизни человека предметов и явлений, связанных с различными звуками. В данном случае речь идет о так называемом синестетическом эффекте - скрытой связи звукового образа с незвуковым.

Подчеркнем, что понятие “звуковой образ” распространяется также и на текст, так как при его прочтении реципиент как бы мысленно проговаривает, то есть “озвучивает” его в своем сознании – в данном случае рассматриваются не просто фонемы, а “звукобуквы”, так как “носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы” [Журавлев 1974: 36]. Кроме того, согласно теории А.П. Журавлева, на фонетическую значимость также оказывают влияние такие параметры, как позиция звука в слове и нахождение его под ударением.

Исходя прикладных результатов исследований А.П. Журавлева и его алгоритма, в 2001 г. В.И. Шалаком была создана компьютерная программа “ВААЛ”, позволяющая автоматически производить фоносемантический анализ как отдельных слов, так и целого текста [Шалак 2001]. Проанализируем с помощью демо-версии данной программы условную фоносемантическую эмоциональную окраску, отличающуюся от семантического значения коммерческих названий, в следующих рекламных сообщениях: - *“Компания «Автоимпорт». SUBARU B9 Tribeca от 63 500 у.е.”* (название компании - «Автоимпорт» (с ударением на букве “и”), вне зависимости от совокупного

семантического значения его составляющих – “авто” и “импорт”, согласно фоносемантического анализа программы «ВААЛ», на эмоциональном уровне производит впечатление чего-то хорошего и простого); - *“Примем на работу лицензированных охранников. Охранное предприятие «Серж»”* (фоносемантическая эмоциональная окраска названия охранного агентства – «Серж», проанализированная программой «ВААЛ», трактуется как что-то сложное, шероховатое, низменное, тихое, что явным образом не соответствует положительному восприятию данного рекруитерского предложения).

Эмоции на уровне фоносеманики могут рождать не только отдельные слова, но и целый текст рекламного сообщения, причем текст абсолютно технический, то есть на семантическом уровне (на уровне оценки его смыслового содержания) не порождающий никаких эмоций – ориентированный исключительно на рациональное восприятие его реципиентом. Поясним это следующим примером: объявления *“Изолон ППЭ-3004, кв.м 31,13 р. (23) 31-35-45”* и *“Щебень, фракция 5х20. 380 р. 39-62-64”*, представляющие собой исключительно набор технического текста, производят абсолютно разное эмоциональное впечатление на уровне фоносемантики. Так, по данным аналитической программы «ВААЛ», объявление о продаже изолона производит впечатление чего-то хорошего, красивого, безопасного, простого, гладкого, округлого, величественного, мужественного, сильного, холодного, громкого, храброго, большого, медленного; а текст объявления о продаже щебня подсознательно воспринимается как что-то страшное, сложное, шероховатое, темное, низменное, слабое, тихое, трусливое, хилое, пассивное, тусклое, печальное.

Тем не менее, еще раз подчеркнем относительность эмоциональной нагрузки, которую несут рекламные сообщения, построенные на методе убеждения. Продиктовано это как психологическим приоритетом семантического значения слова над фоносемантическим, так и социальной доминантой мотивации реципиента при прочтении таких сообщений, его нацеленностью на удовлетворение своих низших (базовых) потребностей. То же самое верно и относительно условной эмоциональной нагрузки, которую придают методу убеждения использующиеся в тексте имена собственные - названия товаров или топонимические объекты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эмоциональная нагрузка, которую несут в себе рекламные сообщения, использующие метод убеждения, достаточно низкая (в сравнении с методами внушения и манипуляции сознанием она близка к нулю), однако данный фактор (наличие в таких сообщениях *условной*

эмоциональной окраски), безусловно, надо учитывать в процессе управления дискретным потоком рекламы.

Список литературы

1. Головлева, Е.Л. Основы рекламы [Текст] / Е.Л. Головлева. – М.: Московский гуманитарный институт, Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 320с.
2. Журавлев, А.П. Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлев. -Л.: изд-во Ленинградского университета, 1974. – 160с.
3. Кирпичева, О.В. Особенности функционирования топонимов в рекламных текстах [Текст] / О.В. Кирпичева // Язык. Культура. Коммуникация: материалы международной научной конференции, г. Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.: в 3 ч. Ч. 3. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 292-295.
4. Новочихина, М.Е. Коммуникативная эффективность коммерческого названия: об эффективности понятия [Текст] / М.Е. Новочихина // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике. – М.: Флинта, Наука, 2006. – С. 279- 280.
5. Шалак, В.И. Компьютерная программа «ВААЛ» [Электронный ресурс] / В.И. Шалак // Режим доступа: http://www.vaal.ru. 2001, свободный.

А.Ю. Крохмальник
Гомель, Россия

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ОКУЛЕСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

Термин *окулесические единицы* соотносится с термином *окулесика* [Крейдлин 2004: 374] и используется нами для обозначения вербальных компонентов, отражающих в пределах литературного текста невербальные коммуникативные элементы с участием человеческих глаз. В современной лингвистической науке разработан целый ряд классификаций взглядов на основе определенных параметров визуального взаимодействия [Крейдлин 2004]. Грамматическая, синтаксическая и семантическая многоплановость выражения взгляда в художественном тексте обуславливает определенную трудность типологизации окулесических единиц, однако позволяет наметить целый ряд параметров, на основе которых возможно выделение особых групп данных компонентов по определенным значениям либо способам выражения той или иной окулесической единицы. Целый ряд данных групп можно выделить в соответствии с классификацией взглядов, приведенной Г.Е. Крейдлиным [Крейдлин 2004: 384]. Несмотря на то, что в основу данной классификации положен критерий формы, выражения, а в основе нашего выделения большей части групп – критерий значения, содержания, существует определенное соотношение формальных и содержательных признаков взгляда. Помимо этого значимыми признаками взгляда являются его

пространственные, временные характеристики, а также степень интенсивности, что позволяет рассматривать взгляд и как проксемную, т.е. пространственную единицу.

Объектом нашего рассмотрения явились информативно значимые окулесические единицы в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина», выполняющие, таким образом, одну из трех функций – информативно-фактуальную, информативно-характеризующую и информативно-коммуникативную. Общий объем проанализированного материала – 140 единиц. При исследовании данного художественного текста были выделены следующие группы окулесических единиц (одна и та же единица может входить в состав нескольких групп одновременно):

1. Единицы с выражением переглядывания (по Г.Е. Крейдлину – *контакт глаз* или *визуальный контакт*), 5 единиц, например: - *Тит Бородин. Кто "за"? - собрание тягостно промолчало. Нагульнов* ***смущенно переглянулся*** *с Разметновым. Любишкин папахой стал вытирать мокрый лоб*; *Но ребята молчали, потупив головы и, как один,* ***изредка переглядываясь****, чертили босыми ногами узоры на первой в этом году холодной дорожной пыли.*

2. Единицы со значением заявленного ожидания (по Г.Е. Крейдлину – *односторонний взгляд*, *взгляд в лицо*, *контакт глаз*), 16 единиц, например: - Слава богу, - сдержанно ответила ему хозяйка, ***выжидательно, вопрошающе глянув*** на мужа: ***"Что это, дескать, за человека ты привел и какое с ним нужно обхождение?"***; *Был он с виду суровей обычного, с Давыдовым поздоровался сдержанно, но* ***взглянул*** *на него* ***со скрытой тревогой*** *и* ***ожиданием****. Оставшись вдвоем, Давыдов, не сдерживаясь, резко спросил: - Это что у тебя за новости? Щукарь* ***долго, испытующе глядел*** *в* ***серьезное*** *и даже* ***помрачневшее, очевидно, от неприятных воспоминаний лицо*** *Антипа, под конец уверовал в подлинность сказанного и негодующе спросил: - А где же полиция была, язви ее душу?! Чего же она глядела на такое пришествие?; Она улыбнулась уже торжествующе и нагло,* ***победно щурила лихие лучистые глаза, ожидая встретиться взглядом*** *со своим бывшим мужем. Но Макар, повернувшись* ***к*** *ней лицом, посмотрел на нее тяжело и спокойно и, так же спокойно и тяжело роняя слова, ответил: - Нет, мы не Давыдова у тебя ищем, а Тимофея Рваного*.

3. Единицы с выражением ухода от взгляда, избегания взгляда (по Г.Е. Крейдлину – *избегание взгляда*, *пропуск взгляда*), 10 единиц, например: *Балабин торопливо плеснул из графина воды, протянул стакан Макару,* ***не глядя*** *на него*; *Корчжинский* ***взглянул*** *на Нагульнова,* ***проворно отвел взгляд****: рука Нагульнова, сжимавшая боковины стакана, неудержимо дрожала; Держась за дверную скобу, Нагульнов повернулся к Давыдову, но* ***глядел не на него, а куда-то в сторону,*** *и в голосе*

его, когда он заговорил, появилась легкая хрипотца: - Моя предбывшая супруга, а твоя краля подалась куда-то из хутора. Слыхал?

4. Единицы со значением тревоги (по Г.Е. Крейдлину – *односторонний взгляд*, *контакт глаз*), 3 единицы: *Был он с виду суровей обычного, с Давыдовым поздоровался сдержанно, но* ***взглянул*** *на него* ***со скрытой тревогой*** *и* ***ожиданием****. Оставшись вдвоем, Давыдов, не сдерживаясь, резко спросил: - Это что у тебя за новости?*; *- А папаша-то живой? Семейство как, в здравии? - продолжал Яков Лукич, но с коня не сошел и время от времени* ***тревожно поглядывал*** *по сторонам*; *- Ты размениваться не надумаешь? - спросил Федотка, слегка забегая вперед и* ***встревоженно заглядывая в глаза*** *Давыдову. - Ну что ты! Дело у нас с тобой решенное, - успокоил его Давыдов.*

5. Единицы с выражением поиска контакта (по Г.Е. Крейдлину - *односторонний взгляд*, *взгляд в лицо*, *контакт глаз*), 6 единиц, например: *- Почему тишина? В чем дело? - Давыдов, недоумевая,* ***оглядел ряды*** *сидевших* ***людей*** *и,* ***не встретившись*** *ни с кем* ***глазами***, ***перевел взгляд*** *на Нагульнова* (в данном случае перед нами пример синтаксической реализации поиска контакта); *По проулку шли молча. Рядом с плотной, большой фигурой Половцева Тимофей выглядел подростком. Он шел рядом с валко шагавшим есаулом,* ***назойливо заглядывая*** *ему* ***в лицо****. Но темнота и поднятый воротник мешали...*; *“За всю свою жизнь получил я два подарка: кисет от своей старухи, когда она еще в девках ходила и на меня, на молодого коваля,* ***поглядывала****, да вот этот инструмент лично от товарища Давыдова за мою ударность в кузнечном деле”*; *- Опять же не с кем работать. Баб-то, говорю, нету, - уже неохотно проговорил Нечаев,* ***оглядываясь*** *на остальных,* ***вероятно***, ***ожидая от них поддержки*** (в данном случае – пример реализации окулесической единицы с авторским комментарием к ней).

6. Единицы, выражающие прямой взгляд либо взгляд в упор (в состав вербальных заместителей соответствующего взгляда входят наречия *прямо*, *в упор*), (по Г.Е. Крейдлину - *взгляд в лицо*, *контакт глаз*), 7 единиц, например: *Нагульнов, пришедший на собрание последним, встал,* ***в упор глядя*** *на Давыдова* ***слезящимися, налитыми кровью глазами****, заговорил, и Давыдов почувствовал, как от Макара резко нанесло запахом водочного перегара: - Говоришь, в глаз мне эта статья попала? Нет, не в глаз, а в самое сердце! И наскрозь, навылет! И голова моя закружилась не тогда, когда мы колхоз создавали, а вот сейчас, посля этой статьи...*; *-Так вот, давайте уж окончательно закончим про выходные, - сказал он,* ***в упор глядя*** *на Устина. - Много ты зимой работал, Устин Михайлович?*; *- А вы еще не полностью утратили некоторые*

человеческие чувства, - тихо, намекающе проговорил Лятьевский, ***глядя*** *на Половцева* ***в упор.***

7. Серия редких взглядов, 5 единиц, например: *И снова приезжий* ***промолчал, улыбаясь про себя, редко взглядывая*** *на словоохотливую стряпуху*; *Устин привязал коня к колесу будки, сел против Давыдова, по-калмыцки поджав ноги,* ***изредка*** *и* ***быстро взглядывая*** *на него*; ***Изредка*** *он* ***взглядывал*** *на Варю,* ***ободряюще улыбался*** *ей, тихо говорил: - А ну, Варюха, перемести глаза на сухое место.*

8. Встреча взглядом, 6 единиц, например: *Нагульнов подъехал. Титок* ***встретил*** *его* ***долгим взглядом***; *Островнов промолчал, как-то неопределенно улыбаясь, а Шалый подошел к столу,* ***встретил сияющий, признательный взгляд*** *Давыдова и, протягивая заявление, кое-как нацарапанное на восьмушке листа старой пожелтевшей бумаги, сказал: - А вот поручателей-то у меня и нету. Как-то надо вылазить из такого положения... Кто из вас, ребятки, за меня поручится? А ну-ка, пишите; Холодно обнявшись с приезжавшими, распахнув двери горницы и* ***встретив взгляд трепетно стоявшего*** *в сенях Якова Лукича, Половцев не сел, а упал на койку.*

9. Единицы, выражающие взгляды «сверху вниз» либо «снизу вверх» (взгляды со значением господства или подчинения), 4 единицы: *Но Давыдов с силой хлопнул плетью по голенищу своего порыжелого сапога и,* ***глядя сверху вниз*** *на Устина, тщетно пытаясь улыбнуться, громко сказал: - Нет, не ударю я тебя, Устин, нет! Не надейся на это, белячок!*; *- Ты ученица, милая? - ласково спросил Давыдов. - Да, - тихо ответила девочка и* ***смело снизу вверх взглянула*** *на Давыдова*; *Минут пять они шагали, как и подобает мужчинам, в солидном молчании, а потом Федотка не выдержал - не выпуская из руки пальца Давыдова, снова забежал вперед,* ***глядя снизу вверх,*** *сочувственно спросил: - А тебе не жалко ножа? Не горюешь, что променялся? - Ни капельки! - решительно ответил Давыдов*; *Андрей подошел к крыльцу,* ***глянул снизу вверх*** *на старуху просящими глазами: - Бабушка, хоть из своего председательского жалованья, хоть осенью с нашего огорода - расплата будет произведена полностью!*

Таким образом, один из параметров классификации окулесических единиц – значение. Как правило, значение любой окулесической единицы контекстно, ситуативно, то есть непосредственно связано с внешними обстоятельственными характеристиками, и одним из основных методов работы с подобными элементами текста – контекстный метод.

Список литературы

1. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык [Текст] / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584с.

2. Верещагин, Е.М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) [Текст] / Е.М. Верещагин, Г.В. Костомаров // Вопросы языкознания. – 1981. - № 1. – С. 36-47.

Н.Б.Кудрявцева
Москва, Россия

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В отечественном языкознании грамматически однородными считаются синтаксические единицы, одинаково относящиеся к некоторому третьему элементу, с которым они связаны подчинительной или предикативной связью. Однофункциональность синтаксических единиц предполагает также их равноправие и независимость друг от друга. Равноправие же в свою очередь обусловливает особый характер их связи – сочинение, которое может быть союзным (эксплицитным) или бессоюзным (имплицитным), когда сочинительный союз легко восстанавливается по контексту.

Грамматическая однородность соотносится с логической, что обусловлено связями логики и грамматики, но тождества здесь нет. В логике однородными считаются видовые понятия, соподчинённые одному и тому же родовому понятию. Грамматически однородными являются члены предложения, объединённые одинаковым отношением к одному и тому же соподчиняющему их или соподчинённому им члену предложения. Общим для обоих видов однородности является одинаковость отношения двух и более компонентов к чему-то третьему. Однако «третьи члены» этих двух видов однородности никогда не совпадают: «синтаксическое третье» не бывает выражением родового понятия по отношению к понятиям, выражаемым однородными членами предложения; «логическое третье» для предложений с однородными членами – это нечто, лежащее за его пределами, либо, что также случается, родового понятия по отношению к понятиям, выражаемым однородными членами, вообще не существует: *Au Brésil, on parle peu des pauvres, mais énormément des rats (Clavel).* Так, в приведённом примере сочинённые компоненты *pauvres* и *rats* не укладываются в рамки логических отношений род – вид. Вместе с тем, они охватываются неким общим понятием, которое, например, можно сформулировать как «нечто, способное вызвать беспокойство у бразильцев». Таким образом, отношение грамматической однородности всегда подкрепляется известной семантической общностью компонентов, образующих однородный ряд. Но возможность объединения в одном ряду семантически далеких элементов также свидетельствует о вторичном характере критерия семантической общности по сравнению с синтаксической

однофункциональностью. Последнее обстоятельство часто служит основанием для создания людического эффекта, т.е. различных видов языковой игры: *Ce carré de toile lui sert à étancher ses rhumes et ses chagrins (San-Antonio). L'Argentine produit des troupeaux et parfois des révolutions (Jean-Charles). Il me donne la clé et le conseil de prendre garde au tapis de l'escalier (San-Antonio). Elle est ruisselante d'eau et de questions (San-Antonio).*

В стилистическом плане однородные члены предложения (ОЧП) довольно часто играют роль изобразительного средства: при их помощи рисуются детали общей картины, показывается динамика действий, создаются ряды определений-эпитетов и т.д. Например: *Il y a beaucoup de choses place Saint-Sulpice, par exemple : une mairie, un hôtel de finances, un commissariat de police, trois cafés, un cinéma, un kiosque à journaux, un marchand d'objets de piété, un parking, un institut de beauté (Perec). Madame de Tillières, cette mince et pâle et fine Juliette, cette délicate et fière et pure créature (France).* Причём, с конструктивной точки зрения, ряды однородных членов предложения могут значительно варьировать: а) lire des livres, des brochures, des revues, des journaux; б) lire (et) des livres, et des brochures, et des revues, et des journaux; в) lire des livres, des brochures, des revues et des journaux; г) lire des livres et des brochures, des revues et des journaux.

В первом случае речь идёт о бессоюзных (имплицитно сочинительных) конструкциях, образующих так называемый незамкнутый ряд, т.е. о структурах, не содержащих в себе полное перечисление: *De tous côtés retentissent des appels au secours, des plaintes, des imprécations (Bazin).* Такие предложения с однородными членами обычно характерны для спокойной повествовательной речи. Впрочем, они могут также использоваться в ораторской речи, позволяя придать каждому элементу ряда бóльшую степень автономности и подчёркнутости. Ср.: *Tous ces propos ne sont que balivernes et inepties. Tous ces propos ne sont que balivernes (!), inepties (!).* Кроме того, имплицитно сочинительные конструкции, не содержащие запятой на письме и паузы в произношении, типичны для просторечного общения, которое, например, пытается сымитировать известная французская журналистка и писательница Клод Саррот: *Dans les semaines qui viennent, les Français en siffleront chacun au moins une bouteille(=de beaujolais nouveau). Moi mes copines, c'est déjà fait (« Le Monde »).*

Второй тип конструкций (с повторением союза перед каждым однородным членом) тоже имеет характер незаконченного перечисления, но при этом все ОЧП логически или интонационно подчёркиваются: *La jeune femme belle, et blonde, et jeune, et douce, et tendre, et nostalgique se dresse dans l'embrasure de la porte (San-Antonio).* Предложения подобного рода обычно встречаются в речи эмоциональной.

Третий вариант (с постановкой союза перед последним ОЧП) образует замкнутый ряд, имеющий значение законченного перечисления: *Le mur est d'un blanc si pur que toute comparaison avec la neige, la craie ou le lait resterait bien au-dessous de la vérité (Grevisse).* Такие конструкции, представляющие собой наиболее употребительный тип сочетания ОЧП, встречаются в любом стиле речи, однако особенно они характерны для научного и делового стилей.

Четвёртая разновидность конструкций (с попарным соединением ОЧП) может выступать в двух формах: а) в форме структур, в которых парные группы образуются близкими по смыслу словами: *Et brusquement sa rogne et sa hargne, sa grogne et sa rancoeur fondent comme glace à la pistache au soleil (San-Antonio)*; б) в форме структур с попарным соединением слов, обозначающих контрастные понятия: *Il tenait en mains les clefs du paradis et celles de l'enfer, le pouvoir de pardonner et celui de punir (Charaudeau).* Конструкции с попарным соединением ОЧП встречаются преимущественно в художественной литературе и публицистической речи.

В конкретной ситуации общения говорящий может стремиться к созданию того или иного стилистического эффекта (например, выделения ОЧП, их автономизации, противопоставления и т.п.). Немаловажную роль в этом плане играет не только выбор модели построения однородного ряда, но и фактор повторения/ неповторения предлога перед каждым ОЧП, в том случае если подобные синтаксические единицы образованы предложными конструкциями. В самом общем виде употребление или неупотребление предлога перед каждым ОЧП зависит от: а) природы самого предлога; б) специфики сочинительного союза; в) формы однородных членов.

Так, например, французские предлоги *à, de, en* имеют обыкновение повторяться перед каждым членом однородного ряда: *Les rues d'Oran sont vouées à la poussière, aux cailloux et à la chaleur (Camus). Voyez ces paysans dans ce qu'ils ont de bon et de vrai (Sand). En moisson et en vendange, il n'y a ni fête ni dimanche (Proverbe).* Другие предлоги, напротив, чаще всего не повторяются. Причём, предлог *entre* не повторяется никогда: *J'avance à travers les herbes, les orties, les mousses, les lianes et l'épais humus (Chateaubriand). Ecris-le avec un bloc et un bic (C.Sarraute). Entre chien et loup, la lumière prenait des tons ardoises (Sabatier).* Однако, если говорящий хочет выделить каждый элемент сочинённого ряда, придать ему больший вес или противопоставить другим, предлог, скорее всего, будет повторяться: *C'était un enfant sans couleur, sans regard et sans voix (Hugo).* Напротив, если говорящий желает представить компоненты однородного ряда как некое единство, то даже такие предлоги, как *à, de, en,* опускаются: *écrire à son collègue et ami; école des arts et métiers; condamner aux frais et dépens; inscrire*

les adresses des amis et connaissances. Данные рассуждения и отсутствие синонимии между рядами ОЧП с повторением и неповторением предлога перед каждым сочинённым элементом могут быть наглядно проиллюстрированы двумя примерами: *J'ai invité les amis de Paul et Nathalie. J'ai invité les amis de Paul et de Nathalie.* Смысл первого из них состоит в том, что Поль и Натали имеют общих друзей, тогда как согласно второму, и у Поля, и у Натали свой круг друзей.

Что касается влияния специфики сочинительного союза на выбор конструкции с повторением или неповторением предлога перед каждым ОЧП, то оно выражается в следующем: а) если однородные члены соединены повторяющимся союзом, то, независимо от семантики последнего, предлог также повторяется: *Ce stoïcisme gratuit n'est ni sans beauté, ni sans grandeur (Maurois).* При этом предлог и союз выполняют общую стилистическую функцию автономизации и выделения каждого сочинённого элемента. Указанная особенность анализируемых конструкций становится особенно наглядной при сравнении высказываний с одиночным и повторяющимся союзом *ni*: *Ce n'était pas sans intérêt ni beauté (Hanse). Elles dansaient le chahut non sans grâce ni impudeur (Léautaud)*; б) если ОЧП соединены противительным союзом *mais* или разделительным союзом *ou*, то предлог также повторяется: *Son succès ne s'explique certainement pas par un travail opiniâtre, mais par son habileté ou par l'aide de ses amis (Grevisse). L'hyperbole n'est pas dans l'esprit, mais dans le coeur (Duhamel).* В подобных случаях предлог совместно с союзом создают в предложении с однородными членами эффект сопоставления, разграничения и контраста; в) если элементы однородного ряда связаны двухместным союзом *non seulement ... mais*, то им тоже всегда предшествует предлог, наряду с союзом участвующий в передаче лексического и стилистического значения градации : *On m'a imputé non seulement de vouloir être original, mais de faire autrement que les autres (Rousseau).*

Наконец, форма ОЧП требует повторения предлога перед каждым из них, если: а) элементы однородного ряда сильно распространены пояснительными словами: *Parmi les autres nouveautés à signaler: le relèvement du taux du crédit d'impôt pour les frais de garde des enfants et pour certaines dépenses de la résidence principale (« Le Figaro »)*; б) ОЧП требуют разного предложного управления: *Un courant d'air perpétuel sifflait sous les préaux, dans l'escalier, dans les couloirs (Martin du Gard)*; в) ОЧП морфологически разнооформленны: *Il parvint à rentrer sans être aperçu et sans bruit (Hugo).*

А.В. Кузнецова, Т.В. Цалко
Ростов-на-Дону, Россия

РОЛЬ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК В ДЕФОРМАЦИИ ОБРАЗА СОБЫТИЯ В СМИ

Проблема речевой культуры в СМИ – одна из наиболее часто обсуждаемых в последние годы (Л.П. Крысин, Н.С. Валгина, О.Б. Сиротинина, О.И. Северская и др.). Эта проблема не может быть рассмотрена изолированно, то есть только в культурно-речевом аспекте. Неправильное, неточное словоупотребление может вести также к деформации образа события.

Читатели стремятся получить объективную информацию о происходящих в мире событиях, однако нередко информация доходит до адресата в искаженном, деформированном виде. А.А. Леонтьев [Леонтьев 2001: 40] выделил несколько видов деформаций: 1. неадекватный образ события у самого журналиста; 2. неадекватность перевода образа события в текст; 3. деформация самого текста, который недостаточен или непригоден для восстановления реципиентом образа события; 4. неспособность реципиента (или группы реципиентов) восстановить из текста правильной образ события. Намеренные деформации – одно из средств манипуляции сознанием читателя, когда недостоверное событие представлено журналистом как достоверное. В современных СМИ, особенно региональных, довольно часто встречаются ненамеренные деформации, к которым могут вести в том числе и речевые ошибки. В этом случае мы имеем дело со вторым (по А.А. Леонтьеву) видом деформации. Рассмотрим, какие речевые средства влияют на деформацию образа события в печатных СМИ.

Так, в материале *«Олимпийцы на балу ели и скучали»* с подзаголовком *В четверг прошло чествование героев Афин,* опубликованной в «КП-на-Дону» в апреле 2005 г., мы можем наблюдать контрастное использование оценочных слов, мешающее адекватному восприятию образа олимпийцев-победителей. Оценочность, заявленная в подзаголовке (*чествовать* – 1. публично, в торжественной обстановке приветствовать, поздравлять, оказывать почести кому-л - [МАС 1981: т.4, 671], противоречит общей оценочности последующего текста. В нем использованы слова с ингерентной изобразительностью, т.е. такие, в которых изобразительность достигается их внутренней структурой (в силу логико-понятийной природы их денотатов) [Хазагеров 1999: 227]: *жадно набрасывались* (*жадный* - 1. Стремясь взять себе, захватить, съесть и т.п. как можно больше и как можно быстрее [МАС 1981: т.1, 466]); *выпытывая последние новости*; *одиноко глядели в пустоту*. К такому же контрасту ведет и использование кавычек (*лишь раз в четыре года они могут пожить «нормальной» жизнью*), в результате чего слово воспринимается в противоположном значении.

Весь текст стилистически неоднороден: в нем наряду с книжными используются просторечные и разговорные конструкции. Помимо этого, в тексте встречаются и речевые ошибки: ***медленно брели*** *к выходу* (Брести – идти медленно или с трудом, едва передвигая ноги; плестись [МАС 1981: т.1, 115]); - *Мне очень нравится Ростов. Здесь меня всегда хорошо принимали. Поднимаю свой бокал за донских олимпийцев!* ***Кураж*** *Тягачева подхватил весь зал, который едва не взорвался от троекратного «ура»* - использование слова без учета его семантики *(Кураж - прост*, задор, смелость, развязность [МАС 1981: т.2, 151]; *Вартерес Самургашев* ***говорил*** *добрые слова* ***за спортсменов, за их*** *тяжелый каждодневный* ***труд.***

В СМИ нередки случаи, когда к искажению восприятия образа события, к формированию у читателя искаженной оценки события ведет отбор лексических единиц без учета широкого контекста. В материале «*Из мемориала на Змиевке торчит арматура*» речь идет о памятниках Великой Отечественной войны. Текст опубликован в «КП-на-Дону» в апреле 2005 г. и приурочен к 60-летию Победы. Общая тональность материала задается контекстуальным употреблением таких слов: *у солдата* ***уперли*** *автомат; у* ***несчастного*** *солдата* ***штаны, как у Арлекина****; рука женщины в цех* ***не влезла****, ее,* ***горемычную****, не месте доделывали; она* ***получилась как обрубок****; у нее* ***из пальцев*** *арматура* ***торчит****, эта женщина изображает Родину; памятник [Кумженский мемориал] –* ***местечковый.***

В информационной заметке под заголовком «*Опять какой-то козел-импотент ополчился на оленьи рога*» («Вечерний Ростов», август 2007) говорится об изуродованном цветнике в форме оленя, которому оторвали рога и уши. Нарушитель не был найден, однако в заметке он представлен как *взрослый мужчина, имеющий проблемы в интимной жизни.* Автор характеризует его с помощью таких лексем, как *козел/двуногий козел, импотент, вандал, урод.* По отношению к действиям, совершенным гипотетическим нарушителем, используются следующие фразы: *демонстрирует свое половое бессилие; подсознательное желание избавиться от рогов, которые ему наставляет жена или подруга; агрессия – один из симптомов борьбы с потенцией.* Негативная оценочность этих лексем очевидна. Использование просторечной зоосемантической метафоры (*козел* по отношению к человеку) придает высказыванию помимо неодобрения, презрения, грубую экспрессию. Кроме того, намерение унизить, оскорбить адресата речи достигается и употреблением «лексики половой сферы».

Необходимо отметить, что тексты такого рода не только позволяют читателю считать допустимым подобное речевое поведение – они содержат нулевую информацию,

т.к. событие подменяется его оценкой. Агрессивная авторская позиция навязывается реципиенту, формируя у него только впечатление о событии, а не представление о нем. В тексте мы наблюдаем подмену реальной информации – гипотетической.

Таким образом, неадекватный перевод образа события в текст может быть вызван неверным использованием различных речевых средств: неточным отбором лексических единиц; использованием слов без учета широкого контекста и коннотаций. Журналисты, стремясь привлечь внимание читателя, сделать текст более выразительным и доступным, пренебрегают законами языка, что ведет не только к нарушению этических норм, но и к деформации образа события.

Список литературы

1. Леонтьев, А.А. Образ события в СМИ и возможности его искажения [Текст] / А.А. Леонтьев // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 39-41.
2. Леонтьев, А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев // Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/06.htm,свободный.
3. Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Текст] / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1981. - МАС.
5. Современный словарь иностранных слов [Текст] – М., Русский язык, 1992. - СИС.
6. Хазагеров, Т.Г. Ширина, Л.С. Общая риторика [Текст] / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 1999. – 320 с.

В.А. Кузьмичева
Белгород, Россия

ВЛИЯНИЕ МЕЖФРЕЙМОВЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И СИНТАКСИСА ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ

В данной статье мы ставим перед собой цель представить когнитивный анализ глаголов с позиций фреймовой семантики. Объектом нашего исследования являются глаголы социальной деятельности по достижению цели: aim, achieve, attempt, accomplish, deserve, fulfill, insist, manage, obtain, reach, succeed, try, wangle и др.

Необходимость обращения к фрейму «социальная деятельность по достижению цели» для анализа семантики соответствующих глаголов обусловлена объектом исследования. Глаголы с указанным системным значением, рассматриваемые как изолированные от фразы сущности, передают лишь часть признаков концепта «социальная деятельность по достижению цели». Глаголы других семантических групп вообще не способны на системном уровне репрезентировать данный концепт.

На функциональном уровне благодаря совмещению значений предиката, субъекта, объекта и модификаторов смысла в предложении-высказывании, этот концепт может быть вербализован не только глаголами с системным значением социальной деятельности по достижению цели, но и глаголами движения, попытки, борьбы и др. Иными словами, проанализировать особенности репрезентации концепта «социальная деятельность по достижению цели» английскими глаголами возможно через соотнесение глаголов с когнитивной структурой, воплощающей знание и мнение носителей английского языка о значимых признаках данного концепта и участниках этой ситуации.

При фреймовом подходе в центр исследования ставятся когнитивные механизмы, которые, собственно, и порождают смысл слова, при этом фреймовая семантика позволяет выявить одновременно семантические и синтаксические особенности лексической единицы, а также объяснить явления синонимии и полисемии. Сам термин «фрейм» трактуется в лингвистике по-разному. Мы опираемся на толкование фрейма как некоего инструмента, дающего возможность привлекать необходимую часть экстралингвистической информации для понимания естественно-языкового сообщения. В наши намерения входит объединить и объяснить семантически родственные слова на фоне общего для них фрейма, а именно фрейма «социальная деятельность по достижению цели».

Данный фрейм является когнитивно-пропозициональной схемой, представляющей собой логически организованную структуру знаний, соотносимых с концептами «цель» и «деятельность». Исследование межфреймовых процессов заставляет обратиться к проблеме темпоральных и пространственных категорий в процессе концептуализации действительности.

Начнем с того, что Деятельность отделена от Цели временной протяженностью, тем самым она приобретает процессуальное значение. Если действие локализовано на линии времени в виде точки, то деятельность – процесс – в виде отрезка. Пространственная метафора времени – линия – порождает темпоральную метафору – путь. Особенность анализируемой ситуации в том, что если Путь подразумевает прежде всего пространственно-временное перемещение, то Деятельность требует продвижения к цели, т. е. к концу пути. Цель ограничивает процесс протекания Деятельности во времени. Иными словами, напрашивается вывод о том, что общим для исследуемого фрейма и фрейма «путь» является признак ДВИЖЕНИЕ.

Активизация данного компонента в структуре фрейма «социальная деятельность по достижению цели» позволяет передать идею продвижения субъекта к своей цели.

Само представление о жизни как о движении вперед, о цели как атрибуте любой деятельности человека, а также о препятствиях на пути к достижению цели, т. е. непосредственно мировоззренческий фон делает образ пути одной из основных метафор для репрезентации данной ситуации.

Фрейм «путь» является, таким образом, смежным с фреймом «социальная деятельность по достижению цели», а репрезентирующие его глаголы активизируют компоненты исследуемого фрейма через актуализацию различных модификаторов смысла на уровне предложения-высказывания.

Данную лексико-семантическую группу формируют глаголы: advance, arrive, approach, near, reach и др., причем лексема reach занимает доминирующее положение (около 96,5 % от общего числа указанных глаголов). Следует также отметить, что возможность репрезентации фрейма «социальная деятельность по достижению цели» у глагола reach наблюдается в 37, 7 % случаев от общего числа употреблений данной лексемы. Остальные глаголы демонстрируют гораздо более низкий показатель в 3 – 5 %.

Рассмотрим, как передается общая идея исследуемой ситуации на системном уровне. В словарных дефинициях это отражено через ЛСВ4, ЛСВ5, ЛСВ6. Например: to reach – ЛСВ4: to achieve an aim – to succeed in doing what you were trying to do: reach a decision/agreement/result, etc [LDCE]. У лексемы approach это тоже ЛСВ4, однако в словарной дефиниции присутствует глагол reach: to approach – ЛСВ4: to almost reach a particular high level or amount, or an extreme condition, or state [LDCE].

Принимая во внимание тот факт, что в структуре предложения-высказывания приведенные глаголы в первую очередь актуализируют фрейм «путь», можно выяснить, какие из его характеристик являются наиболее важными для говорящего и как пересечение смежных фреймов находит свое отражение на языковом уровне.

Концепты «путь» и «деятельность» можно схематично представить в виде дороги. Только в первом случае ее воображаемый конец упрется в физический объект реального мира, а во втором – уйдет в будущее, в область желаемого и потенциально достижимого. Проиллюстрируем сказанное на примерах.

(1) At last the happiest of the happy moments arrived [Keller 1974: 63].

(2) When we arrived at the station they told us that the train did not leave for Boston until eleven o'clock…[Keller 1974: 165].

Приведенные примеры (1), (2) наглядно свидетельствуют о том, что фрейм «социальная деятельность по достижению цели» не активизируется, если при данных глаголах объект выражен конкретным существительным (местоимением) (пример (2)).

Абстрактное существительное в качестве объекта (пример (1)), наоборот, способствует реализации исследуемого фрейма.

Объясняется это тем, что для концепта «путь» необходим своеобразный «пункт прибытия», реально существующий в мире. Цель, лежащая в основе ситуации социальной деятельности по достижению цели, существует, прежде всего, в сознании человека.

На основании сказанного можно сделать вывод, что при метафорическом употреблении глаголов указанной группы в структуре фрейма «социальная деятельность по достижению цели» активизируется факультативный признак ДВИЖЕНИЕ. В этом случае имеет место такое осмысление ситуации, при котором говорящий рассматривает затраченные или предстоящие усилия с точки зрения их протяженности во времени. На первый план выходит темпоральная характеристика ситуации.

Действительно, анализ языковой репрезентации фрейма «путь» показывает, что в его структуре непременно содержится компонент ВРЕМЯ, на языковом уровне получающий эксплицитное выражение.

(3) On May 26th they arrived in Boston and went to the Perkins Institution…[Keller 1974: 137].

Фрейм социальной деятельности по достижению цели также допускает указание на время, однако, «событийность» деятельности, придаваемая ей целью, ограничивает сочетание рассматриваемых глаголов с временными обстоятельственными выражениями.

(4) Before we parted, we discussed what our next step to be, but could arrive at no result [Stoker 1994: 369].

Окончание деятельности вызвано не физическим преграждением пути (например, достижением материально существующего объекта, как в примере (3), а субъективным концом, объективируемым абстрактными существительными result, climax (пример (4)). Прекращение деятельности актуализируется и с помощью временного придаточного, а также герундия, указывающих на внешние раздражители, а не на объективное прекращение деятельности.

Представление процесса достижения цели в виде преодоления некого пути расширяет возможности грамматического оформления. Так, семантика глаголов пути допускает употребление практически всех видо-временных форм (примеры (5), (6)).

(5) We and you too – you most of all, my dear boy – will have to pass through the bitter water before we reach the sweet [Stoker 1994: 205].

(6) “I shall always reach for the stars,” Christina interrupted, smiling at Audra [Bradford 1988: 356].

Возможна и сочетаемость указанных лексем с модальными глаголами (примеры (7), (8)).

(7) We ought to be able to talk this matter over together and reach an understanding [Dreiser 1954: 428].

(8) He would soon be alone with no one to talk to perhaps, and if a sympathetic understanding could be reached with this man now, so much the better [Dreiser 1954: 492].

Всё сказанное позволяет представить исследуемую ситуацию в несколько ином свете – метафорическое осмысление характеризует ее с точки зрения процесса преодоления пути при достижении цели. Глагольные лексемы, репрезентирующие фрейм «путь», способствуют передаче субъективного восприятия указанной ситуации средствами языка. На когнитивном уровне это обеспечивается переструктурацией фреймов, имеющих общие терминалы.

Список литературы

1. Bradford, B. T. Act of Will [Text] / B.T. Bradford. – London: Grafton Books, 1988. – 526 p.
2. Dreiser, Th. The Financier [Text] / Th. Dreiser. – M.: Foreign Languages Publishing, 1954. – 566 p.
3. Keller, H. The Story of My Life [Text] / H. Keller. – New York: Dell Publishing, 1974. – 416 p.
4. LDCE – Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English [Text] / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1982. – 1036 p.
5. Stoker, B. Dracula [Text] / B. Stoker. – Great Britain: Penguin Books, 1994. – 450p.

О.В.Курбанова
Махачкала, Россия

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ЭВАЛЮАТИВНОСТИ (на материале стихотворения Максимилиана Волошина «Красная Пасха»)

В литературе давно и подробно описаны эмоционально-экспрессивные средства выразительности, вследствие чего нет нужды подробно останавливаться на характеристике основных художественных тропов. Интересно другое – *как* поэт использует богатые возможности языка, какие средства отбирает для отражения состояния своего внутреннего «я», как создает мир внутренней чувственности.

Творчество Максимилиана Волошина никогда не привлекало внимания исследователей в том объеме, которое характерно для поэтического наследия

Б.Пастернака или А.Ахматовой. И, тем не менее, самобытный, ни к какому литературному течению явно не принадлежавший, глубоко сопереживавший всему, что происходило вокруг него, Максимилиан Волошин остался одной из самых ярких поэтических фигур начала XX века – периода великой смуты и амбициозных планов.

Стихотворение «Красная Пасха» написано в Крыму 21 апреля 1921 года не просто поэтом, а очевидцем, окидывающим мир скорбным взором. Гражданская война практически идет к своему завершению. Какая она? Что принесла?

Первая часть текста, включающая в себя 7 строк, рисует читателю картину недавней зимы: трупы, стаи голодных псов, поедающие человеческое мясо, пулеметный стук по ночам и снова трупы. Но это не натурализм: поэт в нескольких словах описывает то, чего нельзя не заметить (тела вдоль дорог) и нельзя не услышать (пулеметные очереди в ночи). Ночь, вой ветра, разбитые окна, свист - это зима. Это период страха и безысходности.

Но вот «Весна пришла…» Весна. Время возрождения, солнца и тепла. Но картина оживающей природы у М.Волошина оказывается не менее удручающей, потому что весна пришла «зловещая, голодная, больная». Солнце глядит «незрячим оком»: олицетворение усиливает образ больной земли, оно дает понять читателю, что над таким запустением не может быть радостного и щедрого светила. Поэт продолжает: таял снег, обнажая кости, и «*подснежники мерцали точно свечи*». Яркое сравнение *подснежники точно свечи* отражает картину хаоса; да, среди останков пробиваются цветы, но у поэта они не ассоциируются с возрождением жизни, а звучат как реквием по погибшим. Следующие неожиданные определения усугубляют дисгармонию, царящую в природе:

Фиалки пахли гнилью. Ландыш – тленьем.
Стволы дерев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем [Волошин 1988: 232].

Фиалки, ландыш, листья, трава, зелень злаков, - какие чистые и прекрасные образы! Но они характеризуются словами, которые и в словарной дефиниции несут экспрессию негатива, а в данном тексте выполняют коннотативную функцию активизаторов смерти: гниль, тленье, огонь, гной. Лексема «обглоданных», несущая отрицательную семантическую образность, усилена определением «голодными», вследствие чего картина хаоса дополняется не только ожесточившимися людьми, но и одичавшими животными. И даже эпитет «красными» представляется зловещим, хотя листья и трава только *кажутся* красными. Авторская модальность очевидна: красный

цвет – это уже не цвет знамени революции, а цвет горя и крови, окрасивший весеннюю поросль.

Волошин – не революционер и не контрреволюционер. Просто русский человек. Он скорбит о тех сотнях казненных, чьи души были вырваны «насильственно из жизни». Беззаконие порождает безнаказанность, Волошин-поэт ищет и не находит в лексике слов, которые отразили бы суть того, что происходит. Но авторская экспрессия требует своей лексической обозначенности, и появляется неологизм «безумили»: неуспокоенные души погибших

Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу… [Волошин 1988: 233].

Безумили, то есть, сводили с ума. Традиционно *сумасшествие* в литературе рассматривается как болезнь, а *безумие* – как некий рок. Авторский неологизм передает ощущение вселенского фатализма, поругания всех нравственных начал, гибели не только физической, но и духовной.

Последние строки сухи, лаконичны и потому особенно экспрессивны:

Зима в тот год была Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал [Волошин 1988: 233].

Надо обладать немалым гражданским мужеством, чтобы в обстановке тотального красного террора дать такую уничтожающую оценку всему происходящему. Страстная неделя, в течение которой мучили Сына Божия, растягивается на месяцы страданий и мук гражданской смуты. И красный май (большевиков) стал Пасхой, но не со знаком (+) – Воскресение, а со знаком (-) – кровавая.

Завершает хаос безрадостный итог: *но в ту весну Христос не воскресал*. Поэт скорбит: преступлений совершено столько, что, как он думает, и Бог отвернулся от России. Образ невозвращающегося Христа, который не может воскреснуть вследствие всеобщего кровавого безумия, превысившего жестокость библейских гонителей, – как последний отчаянный вздох поэта, его последняя несбывшаяся надежда на благополучный исход.

Стихотворение «Красная Пасха» – крик души Максимилиана Волошина. Остается поражаться внутреннему мужеству, которым обладал поэт, если при той безысходности, в которой находился его внутренний мир, он продолжал жить и творить, создавая не внешний портрет, но духовный мир эпохи!

И как тут не вспомнить Владимира Высоцкого с его знаменитым «Я не люблю…», которое заканчивается неожиданно, но так же внутренне логично и цельно: «Вот только жаль распятого Христа!»:

Я не люблю насилья и бессилья,
вот только жаль распятого Христа [Высоцкий 1981: 225].

Это не вырванный вне контекста образ. Это не две стороны одной медали: распятия и возрождения. Это – дыхание в унисон! Два поэта, разные эпохи, разное творчество, но одна душа.

Творчество Максимилиана Волошина создает честный, нелицеприятный, нетенденциозный реальный слепок русской жизни того периода, которому он был очевидец, вследствие чего обладает несомненной значимостью и требует более пристального внимания исследователей.

Список литературы

1. Волошин, М.А. Избранные стихотворения [Текст] / М.А. Волошин; сост., вступ. ст. и примеч. А.В.Лаврова. – М.: Советская Россия, 1988. – 384 с.
2. Высоцкий, В.С. Нерв [Текст] : стихи / В.С. Высоцкий; сост. Р.Рождественский. – М.: Современник, 1981. – 237 с.

М.Л. Кусова
Екатеринбург, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Характерной частью номинативного состава языка являются фразеологические единицы, которым, как и слову, присуща номинативная функция. Однако указывая на близость слова и фразеологической единицы, исследователи подчеркивают отсутствие тождества у данных единиц, отмечая, что денотатами фразеологических единиц в системе языка служат социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях [Мелерович 1979:12].

В.Н. Телия подчеркивает, что фразеологизмы «не столько называют обозначаемое, сколько характеризуют его», что номинативная функция фразеологизмов связана не столько с обозначением явлений реальной действительности, сколько с приписыванием признака обозначаемому, значение идиом прагматически нагружено оценочной и объективной модальностью [Телия 1996: 79, 152].

В этом плане представляется небезынтересным описание фразеологических единиц, связанных с отражением социального пространства, в том числе и современного. Как и лексический состав языка, фразеологический состав динамичен, регулярно пополняется, характер этого пополнения находит отражение в том числе в материалах СМИ, что обусловлено спецификой публицистики. В произведениях публицистики находят отражение новые фразеологические единицы, тем более что для

публицистики, очевидно, нередко значимо наличие у фразеологических единиц первичного денотата, позволяющего ярче определить некоторые логические связи, коннотативного компонента значения, связанного с репрезентацией эмоционального или оценочного отношения.

Говоря о фразеологических единицах, связанных с обозначением пространства, следует заметить, что в современной публицистике выделяется ряд фразеологических единиц, семантику которых можно определить как конкретизация пространства, очерчивание пространственных границ:

политическая поляна - зона действия олигархов,

российская почва, на российской ниве,

единое экономическое пространство,

срез страны (о студенческом конкурсе и его победителях) и т.д.

Следует заметить, что фразеологизация единиц в современной публицистике достаточно регулярно соотносится именно с конкретизацией пространства, даже если фразеологическая единица и не имеет пространственного значения, а связана с номинацией и оценкой конкретного лица, например:

лондонский сиделец (о Березовском).

Приведенный пример позволяет обратить внимание на тенденцию, которая наблюдается при анализе фразеологических единиц в современной публицистике: их сознательно увеличенную денотативную и сигнификативную соотнесенность. Кроме связи с первичным денотатом, подобные фразеологизмы содержат намек на литературный контекст и контекст исторический, благодаря чему субъективная модальность в них превалирует над объективной, вызывая иронию, поскольку «конспирировать» подобным образом известную политическую фигуру нет никакой необходимости. Использование аллюзии регулярно наблюдается при трансформации фразеологизмов в современной публицистике.

Важнейшими категориями языка являются категории пространства и времени, пространство и время – параметрические характеристики деятельности, поэтому остановимся на обозначении времени фразеологическими единицами. И хотя приводимые нами примеры из современной публицистики не являются результатом большой выборки, тем не менее в наших материалах очень редко встречались трансформированные либо новые фразеологические единицы, связанные с обозначением времени, хотя для понимания некоторых фразеологических единиц значимы ассоциативные связи с прошлым: «красный» директор. Примечательно, что новые фразеологические единицы с временным значением в качестве адресата предполагают

человека с определенным культурным уровнем, способным соотнести первичный денотат со значением фразеологизма, понять фразеологизм в широком литературном и историческом контексте:

розовое детство демократии – о начале существования РФ как суверенного государства,

оранжевая революция – о президентских выборах на Украине,

оранжевая чума – о повторении аналогичной ситуации в странах Ближнего Зарубежья и возможности повторения в некоторых субъектах РФ.

Налицо и динамика оценки при трансформации фразеологической единицы. В фразеологизме «оранжевая революция» оценочность явно не выражена, тогда как предельно категорично выражена в единице «оранжевая чума». Можно также предполагать, что в современной фразеологии появляется новая тенденция, когда фразеологические единицы соотносятся с устойчивыми конструкциями времен социализма, но при этом их значение трансформируется: изменение значения происходит не в силу изменения лексического наполнения фразеологизма, а в силу изменения его коннотации.

Обращение к современной публицистике позволяет выделить новые тематические фразеологических единиц: это фразеологизмы, связанные с обозначением политической деятельности и финансово-экономической. Появление данных групп фразеологизмов объясняется экстралингвистическим фактором. По нашим наблюдениям, в фразеологизмах, обозначающих финансово-экономическую деятельность, доминирует отрицательная коннотация, в большинстве своем они стилистически снижены:

грязные деньги,

деньги крутятся,

деньги отмываются, здесь же отмытые деньги,

черный нал,

выброс денежной массы,

страна на крючке (название статьи о западных производителях продуктов питания и бытовой техники),

рутинная экономическая плоскость,

хотя могут быть и нейтральными по отношению к оценочной модальности:

мелкий (средний) бизнес,

жилищно-коммунальном тоннель (забрезжил свет в жилищно-коммунальном тоннеле).

В качестве первичного денотата носители русского языка при оценке экономической ситуации апеллируют к денежной массе, экономическая деятельность, ее результаты измеряются той единицей, что принято называть наличными, т.е. очевидно ситуация «деньги в чулке» еще сохраняется в сознании русского человека. В качестве дополнительного аргумента к сказанному можно привести еще одну фразеологическую единицу, доказывающую, что рост благосостояния в нашей стране напрямую связывается с количеством денег, при этом не учитывается, например, степень доступности каких-либо жизненно важных услуг: вырастает пенсия.

Цивилизованное развитие экономики ведет к возрастанию удельного веса такой составляющей деятельности предприятий, как налоговая. Однако для российской экономики уплата налогов не всегда является нормой, что отражено в появлении таких фразеологизмов, как

налоговая горячка,

громкие аресты (аресты олигархов из-за неуплаты налогов).

Полагаем, первичный денотат фразеологизма «налоговая горячка» как раз акцентирует внимание на несоблюдение нормы в этой стороне экономической деятельности, когда уплата налогов подобна болезни, к тому же связанной с отклонениями в психике.

В фразеологизмах, обозначающих политическую деятельность, нередко не утрачивает актуальности первичный денотат, при их употреблении наблюдается элемент языковой игры, когда первичный и вторичный денотат воспринимаются одновременно:

публичный политик,

пятна на репутации (питерской) власти (ср. пятна на солнце),

чистые люди (нужно прийти к власти с чистой программой и чистыми людьми),

под ковром, слететь с поста.

Последний фразеологизм употребляется только по отношению к кругу должностных обязанностей, связанных с государством.

Негативная оценка политической деятельности может определяться и осознаваемой говорящим двуплановостью фразеологизмов, принадлежащих просторечию и употребляемых в политических статьях, где речь идет о государственной политике:

рвать на куски (губернаторов),

высосать компромат из пальца.

В связи с последним фразеологизмом отметим, что в публицистике идет оценка и самой публицистики. До сих пор актуальны такие параметры деятельности публицистов,

как свобода слова: глоток свежего воздуха (о гласности), подчеркивается степень влияния публицистики на сознание адресата: информационная бомба.

Таким образом, обращение к семантическим группам фразеологических единиц, обозначающих деятельность человека, позволило увидеть, какие аспекты деятельности наиболее значимы для носителя языка, какие сферы деятельности не имели ранее собственных номинаций на уровне фразеологических единиц, а также увидеть некоторые тенденции в возникновении новых фразеологических единиц.

Список литературы

1. Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка [Текст] : уч. пособие / А.М. Мелерович. – Ярославль: Ярославский гос.пед.ин-т, 1979. – 78с.

2. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты [Текст] : монография / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288с.

К.И. Кучеренко
Елец, Россия

О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Язык, как и любое другое явление действительности, не стоит на месте, изменение – постоянно присущее языку свойство. По словам Э. Косериу, «язык создаётся посредством изменения, и «умирает» как таковой, когда он перестаёт изменяться» [Косериу 1963: 343].

Лексическая система языка наиболее активно по сравнению с другими уровнями отражает внеязыковую реальность, непосредственно реагируя на все изменения в историческом движении общества.

Процесс обновления словарного состава немецкого языка, как и любого другого, непрерывен. Развитие общества отражается в многочисленных лексических единицах; общественные изменения неизбежно влекут за собой лексические инновации и преобразования в языке. Наиболее ярко влияние общества на лексику проявляется в переломные моменты жизни социума. Обычно именно эти периоды привлекают пристальное внимание исследователей (Брейтер М.А., Костомаров В.Г., Крысин Л.П., Пивоварова Е.В., Скляревская Г.Н., Хельманн М. и др.)

Следует отметить, что процессы, происходящие в языке в моменты резких преобразований в жизни общества, имеют много общего в различных странах и в разные исторические периоды. Так, говоря о языковых изменениях в русском языке конца XX

века, Г.Н.Скляревская отмечает, что важное место в этот период занимает актуализация лексики [Скляревская 2001: 200].

Под актуализацией автор понимает:

- активные семантические преобразования;

- возникновение серий устойчивых сочетаний;

- словообразовательную активизацию.

В качестве примеров актуализовавшейся лексики автор приводит следующие лексемы: *валютный, великий, гуманитарный, диссидент, информационный, рублевый, рынок, террор, правовой, правозащитник, гуманитарный, экология* и др.) [Скляревская 2001: 201].

Сходный процесс можно наблюдать в языке современной Германии. Одним из социальных явлений, оказавших наибольшее влияние на развитие современного немецкого языка, мы считаем продолжающийся процесс объединения Европы, вызвавший, в частности, семантические изменения в структуре такой лексемы, как „Europa".

Под термином активные семантические преобразования понимается прежде всего изменение сочетаемости, а также образование новых значений слов. По мнению Г.И. Шевелёвой, для понимания сути процесса изменения значения слов, необходимо обратить внимание на такие критерии, как языковое время, языковое пространство, понятийно-содержательный и структурный признаки [Шевелёва 2001: 24].

Языковое время – это исходный пункт возникновения нового значения слова. Однако поскольку процесс образования новых значений слов идёт в языке почти непрерывно, момент вхождения в язык изменённого значения трудно зафиксировать с достаточной точностью. Это возможно в том случае, если новое слово или новое значение слова создаётся для наименования новой реалии из политической, экономической, технической и других сфер, время появления которой известно более или менее точно („Wende" – "события периода объединения Германии"). Ещё одним способом определения языкового времени является, на наш взгляд, фиксация нового значения слова в словарях. Говоря о лексеме „Europa", следует отметить, что словарь Duden 2002 года издания указывает значение „Erdteil" – „часть света", „континент", в то время как словарь 2003 года издания к этому значению уже добавляет: „Staatenkomplex, der durch einen Zusammenschluß der europäischen Staaten entstehen soll" – „государственное образование, которое должно возникнуть путём объединения европейских стран". То есть можно предположить, что семантическая структура слова „Europa" претерпела изменения именно в конце XX – начале XXI веков.

Языковое пространство позволяет установить, в какой области языка возникает и существует новое значение слова: в литературном языке или в субъязыке. Нужно отметить, что в своём новом значении лексема „Europa“ встречается в средствах массовой информации (журналы „Deutschland“), а также зафиксирована в словаре общелитературной лексики (Duden), то есть скорее принадлежит к пласту литературного языка.

В формальном аспекте новизна лексических единиц относительна. Эффект неожиданности производят слова, созданные искусственно, либо некоторые заимствования, необычные по форме или по произношению. Чем более различаются системы языков, тем более оригинально выглядит неологизм-заимствование („Glasnost”, „Perestroika” – обозначение общественных преобразований в ГДР в конце 80-х - начале 90-х годов).

Однако в большинстве случаев неологизмы формируются на основе имеющегося в языке материала. Примером тому могут служить неологизмы, обозначающие явления объединённой Германии – „Wendehals“ („тот, кто сумел получить выгоду в результате объединения“), „Mauerspecht“ („тот, кто собирает кусочки Берлинской стены в качестве сувениров“), „Begrüßungsgeld“ („деньги, выдаваемые восточным немцам, приезжавшим в ФРГ после объединения“) и др.

Что же касается неологизмов – новых значений известных слов, то здесь говорить о формальной новизне вообще не приходится. В процессе образования нового значения слова наиболее ярко, на наш взгляд, проявляется понятийно-содержательный критерий. Так, в словаре синонимов Duden (1986) приводятся следующие слова-синонимы к лексеме „Europa”: „Abendland (Запад, Европа), die Alte Welt (Старый Свет), Kontinent (материк)”. Словарь Duden (2002) даёт значение „Erdteil“ – „часть света“, „континент“. То есть фактически зафиксировано только одно значение – „часть света“.

Анализ материалов СМИ показал, что в последнее время сформировалось ещё одно значение данной лексемы – „новое государственное образование как результат европейской интеграции – Европейский Союз“. Это же подтверждают и данные словаря „Wiktionary”, где даётся следующая статья к лексеме „Europa”:

1) „ein Kontinent und auch Kontinent der Erde“ (континент, часть света),

2) „Kurzwort für die Europäische Union“ (сокращение к словосочетанию Европейский Союз).

В свою очередь словарь Duden (2003) к значению „Erdteil“ – „часть света“ также добавляет: „Staatenkomplex, der durch einen Zusammenschluss der europäischen Staaten

entstehen soll“ – „государственное образование, которое должно возникнуть путём объединения европейских стран“.

Следующим признаком актуализации лексемы Europa можно считать возникновение устойчивых сочетаний, как-то: „das neue Europa“ (новая Европа), „Lust an/auf Europa“ (стремление к Европе), „viel/mehr Europa“ (много/больше Европы), „die Idee Europa“ (идея Европы), „in Europa geeint“ (объединённый в рамках Европы), „sich für Europa einsetzen“ (бороться за Европу).

Такой признак актуализации, как словообразовательная активность, выражается, на наш взгляд, в том, что в своём новом значении слово „Europa“ стало основой для таких лексем, как „Europäer“ (европеец) – в значении „лицо, принадлежащее к новой исторической и культурной общности“, а также „тот, кто чувствует себя обязанным проекту европейской интеграции воплощённой в Европейском Союзе“ [Шевелёва 2001: 25] и „europäisch“ (европейский) в значении „связанный с Европейским Союзом“. Данные лексемы в свою очередь встречаются в таких свободных сочетаниях, как „im europäischen Interesse“ (в европейских интересах), „das europäische Ziel“ (европейская цель), „die europäische Außenpolitik“ (европейская внешняя политика), “der überzeugte Europäer“ (убеждённый европеец).

Процесс актуализации лексического состава языка происходит непрерывно, проявляясь особенно ярко в переломные периоды истории общества. Об этом свидетельствует анализ развития языка в период объединения Германии, а также инновационные процессы в лексике немецкого языка, вызванные активизировавшейся в последнее десятилетие европейской интеграцией.

Список литературы

1. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э.Косериу // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М., 1963. – 206 с.
2. Скляревская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Текст] / Г.Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. - № 6. - Сеул, 2001. - С. 177-202.
3. Шевелёва, Г.И. О социальной обусловленности лексических инноваций современного немецкого языка [Текст] / Г.И. Шевелёва // Социальная власть языка: Сборник научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 270 с.
4. Электронный словарь Wiktionary [Электронный ресурс] // Режим доступа http://www.de.wiktionary.org 2008, свободный.
5. Deutsches Universalwörterbuch. 5., überarbeitete Auflage [Text]. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2003. – 1893 s.
6. Duden Lexikon A – Z. 8., neu bearbeitete Auflage [Text]. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2002. – 827 s.
7. Sinn- und sachverwandte Wörter [Text]. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1986. – 800 s.

Е.В. Лаврищева
Елец, Россия

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «DIE HAND»

В последние десятилетия возрос интерес лингвистов к проблеме человеческого фактора в языке. В центре внимания оказалась антропологическая лингвистика, «предлагающая изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Роль человеческого фактора в языке: язык и языковая картина мира 1988: 8]. Поэтому представляется не случайным тот факт, что соматическая лексика, как одна из наиболее древних лексических групп, является в настоящее время востребованным объектом исследования в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных и лингвокультурологических работах отечественных и зарубежных лингвистов (Ю.С. Степанов, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Н.К.Рябцева, Ю.Д. Апресян, Г. Крейндлин и др.).

Предметом данной работы является концепт «Hand» и его репрезентация в языковой картине немецкого языка. В данном исследовании мы остановили свое внимание на ключевой лексеме «die Hand» (рука), которая характеризуется высокой частотностью и большой фразеологической активностью и продуктивностью. Нами были проанализированы фразеологизмы, содержащие лексему «die Hand», отобранные путем сплошной выборки из словарей 1) Duden. Duden «Deutsches Universalwörterbuch» 2) Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. Корпус исследуемого материала составил 97 фразеологизмов.

В результате когнитивной интерпретации фразеологизмов нами были выделены следующие когнитивные признаки концепта «Hand»:

Основным когнитивным признаком является «**обладание, владение чем-либо, кем-либо»** 26 % от общего числа проанализированных ФЕ указывают именно на этот признак и это не является случайным. Основным семантическим компонентом значения лексемы «Hand» является выполнение функции держания, хватания и т.д., поэтому можно говорить, что данный когнитивный признак обусловлен функционально (*in guten, sicheren* ***Händen*** *sein – быть в надежных, хороших руках; etw. in die* ***Hände*** *nehmen – взять в свои руки; die/seine* ***Hand*** *auf etw. legen – наложить руку, прибрать к рукам; j-m in die* ***Hände*** *fallen/kommen – попасться кому-либо в руки; etw. in j-s* ***Hand/Hände*** *legen – предоставить кому-либо, что-либо; j-m, etw. in die* ***Hand****/in die* ***Hände*** *bekommen/kriegen - (случайно) получить что-либо; in j-s* ***Hand*** *sein/liegen, stehen – быть в чьих-либо руках; etw. in* ***Händen*** *halten – держать в руках)*. Язык зафиксировал также и возможность потери того, чем обладаешь *(etw. aus der* ***Hand*** *geben – отдавать, уступать,)* либо

смены владельца, т.е. предоставление в распоряжение другому (*in j-s **Hand/Hände** übergehen – перейти в чьи-либо руки; von **Hand** zu **Hand** gehen - переходить из рук в руки, ходить по рукам).*

Функционально обусловленным является и когнитивный признак **«выполнение работы»,** при этом положительно оценивается быстрота при выполнении действий **(***j-m in bestimmter Weise von der **Hand** gehen – спориться, удаваться; etw. unter den **Händen** haben – работать над чем-либо; (die) letzte **Hand** an etw. legen – закончить, завершить что-либо; in die **Hände** spucken - приниматься за работу; alle/beide **Hände** voll zu tun haben – иметь много хлопот).*

Во фразеологизмах репрезентируется и когнитивный признак **помощь:**

*j-m, einer Sache in die **Hand**/in die **Hände** arbeiten – помогать кому-либо, действовать, играть кому-либо на руку; j-n an der **Hand** haben – иметь помощником кого-либо; j-m (bei etw.) an die (zur) **Hand** gehen – помочь кому-либо, выручить; **Hand** in **Hand** arbeiten – помогать кому-либо, действовать, играть кому-либо на руку; zur **Hand** sein – помогать кому-либо; (bei etw. selbst mit) **Hand** anlegen – приложить руки к чему-либо).*

В объективации когнитивного признака **поручительство** присутствует представление о руке как о символе права, власти**:** *(j-m, etw. in die **Hand** versprechen – твердо пообещать кому-либо, что-либо; für j-n, etw. die/seine **Hand** ins Feuer legen – ручаться головой за кого-либо, что-либо; j-m auf etw. die **Hand** geben – твердо пообещать что-либо, поручиться).*

Фразеологизмы с компонентом «Hand» служат также и для **характеристики человека:** человека, у которого работа спорится (*mit leichter **Hand***), который интуитивно чувствует, как нужно правильно поступать (*eine glückliche **Hand** bei etw. haben*). В этой группе присутствуют также фразеологизмы с негативной коннотацией (*klebrige **Hände** haben – быть нечистым на руку*).

В проанализированных нами фразеологизмах актуализируется и когнитивный признак **«брак»:** *j-n um j-s **Hand** bitten/anhalten – просить руки, j-m die **Hand** (zum Bund) fürs Leben reichen – отдать руку и сердце*. Интересным представляется тот факт, что все фразеологизмы этой группы маркированы как высокая, устаревшая лексика, таким образом можно предположить, что данный когнитивный признак не является релевантным, актуальным для современной немецкой языковой картины, но эта гипотеза требует дальнейшей проверки.

Фразеологизмы с компонентом «Hand» репрезентируют достаточно большой фрагмент языковой картины мира, в том числе и эмоциональную сферу, при этом

репрезентируются эмоции как положительные, так и отрицательные**: удивление -** *die **Hände** überm Kopf zusammenschlagen (всплеснуть руками);* **искренность, откровенность -** ***Hand** aufs Herz (положа руку на сердце),* **мужество -** *sein Herz in die **Hand** nehmen (собраться с духом),* **злорадство -** *sich (D) die **Hände** reiben (потирать руки).*

Фразеологизмы с компонентом «Hand» являются репрезентантами пространственных отношений, например, во фразеологизмах *etw zur **Hand** haben – иметь что-либо под рукой, **Hand** in **Hand** – рука об руку* находит свое языковое выражение оппозиция «близко-далеко», где лексема «Hand» выступает как эталон пространственных координат. В рамках вышеназванной оппозиции можно выделить фразеологизмы, описывающие дистантное (контактное) положение объектов с позиции «близко-далеко». В пространственной модели, объективируемой фразеологизмами с лексемой «Hand» также выделяется и оппозиция «правый-левый» (*linker **Hand** – слева; rechter **Hand** – справа*). Как отмечает Маслова В.А., в основе этой оппозиции лежит миф о том, что каждый человек имеет доброго и злого духов рядом с собой: ангел-хранитель – справа, бес-искуситель – слева, поэтому фразеологизмы, указывающие в качестве ориентира правую руку имеют положительную коннотацию, левую руку – чаще всего отрицательную: *j-s rechte **Hand** sein (быть правой рукой) - zwei linke **Hände** haben (быть неумелым, неловким в работе),* но немецкая языковая картина зафиксировала и другие примеры, где наряду с неодобрением присутствует и положительная коннотация, так, например, фразеологизм *etw. mit der linken **Hand** machen* имеет два семантических компонента: делать что-либо легко, играючи и делать что-либо небрежно, кое-как, также и фразеологизм *die linke **Hand** kommt vom Herzen* вербализующий жест, когда левую руку подают для приветствия, фиксируется отклонение от общепринятой нормы (для приветствия принято подавать правую руку), но при этом отмечается, что «левая рука ближе к сердцу, левая рука для друга».

Характерной чертой для немецких фразеологизмов с компонентом «Hand» также является и наличие антонимических признаков: *aus erster **Hand** (из первых рук) – aus zweiter **Hand** (из вторых рук); die **Hand** auf der Tasche halten (быть скупым) – eine milde/offene **Hand** haben (быть щедрым); mit vollen **Händen** (бросать деньги на ветер)– mit leeren **Händen** (с пустыми руками).*

Еще одной интересной особенностью соматизма «Hand» в немецкой языковой картине является его парность, которая, как подчеркивает Г.Крейндлин, является важным свойством многих языковых органов (т.е. органов, освоенных языковым сознанием). Парность органов – это явление языковое, т.е. для ряда органов существуют

парные к ним, которые образуют языковые биномы [Крейндлин, Летучий 2004: 129]. Таким языковыми биномами будут Hand-Fuß (рука-нога). Судить о наличии таких биномов можно по наличию двухчленных сочетаний (***Hand*** *und* ***Fuß*** *haben – быть хорошо обоснованным, продуманным; j-m sind die* ***Hände/Hände*** *und* ***Füße*** *gebunden – быть связанным по рукам и ногам*), а также по дополнительности функций, сходство строения или функций (*sich mit* ***Händen*** *und* ***Füßen*** *gegen j-n, etw. sträuben/wehren – отбиваться руками и ногами; mit* ***Händen*** *und* ***Füßen*** *reden – отчаянно жестикулировать*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологизмы с компонентом «Hand» репрезентируют значительный фрагмент языковой картины, при этом актуализируются как функционально-обусловленные когнитивные признаки, так и признаки, не связанные с прототипической функцией данного соматизма.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Феномен молчания [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке / Под. Ред. Н.Д Арутюновой. – М.: ЯРК, 2000.
2. Крейндлин, Г., Летучий, А. Языковая концептуализация частей тела в русском языке (на примере плеч) [Текст] / Г. Крейдлин, А. Летучий // Сокровенные смыслы: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 128-137.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивно – семантический анализ языка [Текст]: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
5. Роль человеческого фактора в языке: язык и языковая картина мира [Текст] : монография / Б.А. Серебренников [и др]. – М.: Наука, 1988. – 212 с
6. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект [Текст] : монография / Н.К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 640 с.

О.Г. Лещинская
Омск, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ЖАЛОБЫ (на материале городской устной речи)

Воспринимая внешний мир, человек оценивает его фрагменты с точки зрения норм и ценностей. Кроме того, с сенсорным восприятием связаны разнообразные физические ощущения и эмоциональные переживания субъекта. Это объясняет использование различных лексических и синтаксических единиц со значением восприятия в жанрах, целью которых является эмоциональное воздействие на адресата, стремление автора изменить его состояние. К таким жанрам относятся прежде всего «жалобы», «сочувствия» и «оскорбления». Объектом настоящего исследования

являются высказывания, относящиеся к жанру жалобы. Мы рассмотрим некодифицированные единицы со значением чувственного восприятия, функционирующие в этом жанре.

Сравним толкования жанра Жалобы А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997: С.105]. ЖАЛОБА 1: «говорю: у меня происходит нечто плохое»; «чувствую себя плохо по этой причине»; «говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне сочувствовал»; ЖАЛОБА 2: «говорю: по вине кого-то у меня происходит нечто плохое»; «чувствую себя плохо по этой причине»; «говорю это, потому что хочу, чтобы ты сделал этому кому-то нечто плохое».

В первом случае речевое намерение автора высказывания состоит в том, чтобы повлиять на эмоциональное состояние адресата, т.е. изменить его в соответствие со своим самочувствием. Подобные высказывания можно рассматривать в одном ряду с такими жанрами, как «сочувствие». Если же высказывание производится с целью побудить адресата изменить какую-либо ситуацию, то такое высказывание относится к императивным жанрам. Как показывает анализ разговорных и просторечных высказываний о восприятии, императивность – обязательный компонент жанра в официальной коммуникации и факультативный в неофициальном общении.

Темой высказываний-жалоб является отрицательное самочувствие говорящего субъекта, вызванное какими-либо внешними факторами. В высказываниях-жалобах, содержащих информацию о восприятии внешнего мира, могут функционировать единицы, обозначающие процессы, явления, признаки, воспринимаемые с помощью разных подсистем. Наиболее часто встречаются единицы со значением слуха и тактильных ощущений (болевых и температурных).

Если причиной дискомфорта является человек, то речь, как правило, идёт о неприятных эмоциональных переживаниях, связанных с нежелательным для адресата речевым (реже невербальным) поведением данного конкретного лица. Подобные высказывания часто граничат с порицаниями. Говорящий (пострадавший), стремясь вызвать сочувствие адресата, выражает негативную оценку (поскольку поведение человека, о котором идёт речь, не соответствует этическим нормам), а также отрицательное эмоциональное отношение (говорящий огорчён и испытывает чувство обиды). В таких случаях жанр не всегда определяется чётко и однозначно, поэтому можно лишь говорить о пограничном явлении. Ср.: *Глотку распускать научилась. А такая тихоня была. Такая славненькая девочка. Щас лишний раз пройти по дому боюсь (ж., 55-60 л.)//*

Средством выражения отрицательного отношения к человеку, вызывающему негативные эмоции, являются некодифицированные глаголы речевого поведения, выступающие в функции предиката высказывания. *1. Наша классная орёт на нас. 2. А эта (сноха) вякает постоянно. Все не так. А куды пойдешь? Угла своево - то нету (ж., 65-70 л.) //* Иногда в высказываниях оценка выражается не посредством предиката, а посредством объекта восприятия – существительного, обозначающего процесс говорения. *(Мне эти базары-вокзалы с этой тетей (свекровкой) осточертели (ж. 32 г.) //. Их трескотня мне уже надоела).* Предикат высказывания несёт информацию о самочувствии говорящего.

Негативные переживания говорящего могут возникнуть под воздействием невербального общения, осуществляемого посредством взгляда и мимики, которые могут нести информацию об отрицательном эмоциональном отношении одного партнёра коммуникации к другому. Ср.: *Чуть што не по ней. Сразу надуется. Сковородники откапустит и ходит сопит. Может неделями не разговаривать! Обрыдло все! (ж., 69 л.) //* Высказывания этого типа могут представлять собой полипропозитивную синтаксическую единицу, одна часть которой содержит информацию о внешнем поведении лица, а другая сообщает о психическом состоянии говорящего субъекта.

Итак, в высказываниях-жалобах, предметом которых является человек, вызывающий отрицательные переживания, функционируют те же средства выражения эмоционального и оценочного отношения, что и в «порицаниях». Жанр высказывания можно определить в том случае, если имеются лексические и семантико-синтаксические показатели. Для «жалоб» таким показателем является пропозиция со значением психического состояния субъекта с предикатом-глаголом или фразеологизмом с глагольной семантикой типа *надоело, осточертело, стоит поперёк горла, сидит в печёнках* и др. Показателем жанра и средством усиления эмоционально-оценочного компонента может быть риторический вопрос типа: *«Когда всё это кончится?»*

Отсутствие подобных показателей создает ситуацию, когда высказывание одновременно несет признаки жалобы и порицания. Это обусловлено общностью средств выражения оценки для обоих жанров.

Причиной дискомфорта могут быть физические ощущения субъекта, возникающие под воздействием внешних раздражителей. В высказываниях, где речь идёт о таких ощущениях, обычно функционируют предикаты с тактильной семантикой. Чаще всего это некодифицированные обозначения ощущений перегрева и переохлаждения, дрожи, мышечного напряжения, а также тактильно воспринимаемые

состояния окружающей среды. Подобные высказывания включают две части: 1. Пропозицию восприятия с предикатом тактильного ощущения. 2. Пропозицию с обозначением состояния окружающей среды, являющегося источником дискомфорта. Ср.: *Заколела на остановке вся. Ничо не ходит до вас (ж., 60-65 л.) //* При этом экспрессивный предикат ощущения может сочетаться с экспрессивной номинацией источника этого ощущения (например, состояния окружающей среды): *Вся заколела у вас. Ну и дубарциловка! (ж., 50 л.) //*

Часто встречающиеся в разговорной речи высказывания о чувстве голода с семантико-синтаксической точки зрения являются, скорее, высказываниями не о восприятии, а о физическом состоянии субъекта. Однако они включают предикат и объект с семой вкусового восприятия. В просторечном высказывании предикат выражен общеупотребительным глаголом *есть* или его некодифицированными синонимами. Роль объекта выполняют синонимы литературного существительного *еда.* Если в жанре порицания подобные единицы используются как средство оценки и выражают негативную оценку, то в жанре жалобы их роль иная. Говоря о чувстве голода, автор высказывания выражает позитивное отношение к еде и негативное отношение к её отсутствию. Некодифицированные языковые единицы могут быть нейтральными и указывать лишь на неофициальный характер общения. 1. *Щас со жратвой совсем плохо стало (м., 77 л.) //* 2. [*кусакать нечива, а-жрать хоцца!*]1996. Коммуникативное намерение автора высказывания предопределяет не только прагматическую функцию единиц, выступающих в роли объекта и предиката, но и семантико-синтаксическую структуру высказывания. Высказывание может включать две части: информацию об объективном положении дел (*кусакать нечего, со жратвой плохо стало*); информацию о состоянии субъекта (*жрать хочется*). Предикат высказывания о чувстве голода выражен модальным глаголом *хотеть* в форме изъявительного наклонения (он является показателем позитивного отношения к еде) и некодифицированным глаголом в форме инфинитива (либо нейтральным, либо экспрессивным). В последнем случае возрастает интенсивность, поскольку акцентируется сильное чувство голода, нуждающееся в немедленном удовлетворении. Ср.: *Жрать хочу, аж желудок к спине прилип.*

Ситуация поглощения пищи может быть представлена в разговорной речи в тех высказываниях, предметом которых является человек, вызывающий явный дискомфорт субъекта речи. Это высказывания близки к порицаниям, имеют своей целью выражение негативно-оценочного отношения к поведению конкретного лица, являющегося предметом высказывания. Ср.: 1. *Жамкают дома все, а сумки (таскаю) тока я (ж. 64 г.)*

// 2. Тока успевают наворачивать детки эти. А мне цельными днями у плиты париться (ж. 65-70 л.) //

В подобных высказываниях деятельность одного субъекта (предмета речи, потребителя) осмысливается как причина дискомфорта другого субъекта (говорящего, пострадавшего). Типичная синтаксическая структура высказывания – предложение с семантикой противопоставления одного действия другому, которое грамматически выражено сочинительной связью с противительным союзом.

Ощущение дискомфорта, возникающего под воздействием внешних факторов, может осознаваться говорящим субъектом как проявление неблагополучия жизни в целом. Этим обусловлено включение высказываний-жалоб, содержащих информацию о восприятии, в более крупные жанры – рассказы и воспоминания.

В речевом материале преобладают высказывания, информирующие о тактильной модальности. Основным источником дискомфорта являются различные ощущения. В количественном отношении им в два раза уступают высказывания, содержащие информацию о слуховом восприятии (преимущественно о речевом поведении), а также о поглощении пищи.

Итак, в жанре жалобы используется некодифицированная лексика со значением восприятия или сенсорно воспринимаемых явлений окружающего мира, характеризующаяся интенсивностью, экспрессивностью и оценочностью. Именно это позволяет наиболее полно реализовать коммуникативное намерение говорящего субъекта, которое состоит в его стремлении выразить негативное отношение к каким-либо явлениям окружающей действительности, вызывающим дискомфорт, и воздействовать на эмоциональное состояние адресата. Человек склонен замечать разного рода отклонения от нормы, сосредотачивая внимание на негативных проявлениях жизни. Всё, что соответствует норме и воспринимается как должное, не возбуждает эмоций и не даёт пищи для повседневной коммуникации [Арутюнова 1999: 282]. Предметом высказываний является чаще всего то, что вызывает отрицательные эмоции говорящего субъекта (в частности, чувство физического или эмоционального дискомфорта). Следовательно, жанр жалобы можно считать одним из наиболее типичных жанров повседневного, непринуждённого, неофициального общения.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры,- 1999. – 896 с.

2. Вежбицкая, А. Речевые жанры [Текст] / А. Вежбицкая; пер. В.В. Дементьева // Жанры речи / Отв. ред. В.Е. Гольдин. - Саратов: Изд.-во Государственного учебно-научного центра “Колледж”,1997. - С. 99 -112 .

3. Юнаковская, А.А. Омское городское просторечие: Фразеология. Словарь [Текст] / А.А. Юнаковская. - Омск: «Вариант-Омск», 2004 – 89 с.
4. Юнаковская, А.А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале города Омска) [Текст] : хрестоматия / А.А. Юнаковская. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 168 с.

К.В. Лопатина
Воронеж, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕН РЕАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (на примере романа К.Х. Селы «Улей»)

В современной литературной ономастике пока нет общепринятого взгляда на употребление имен реальных исторических лиц в тексте художественного произведения. Одни исследователи исключают их из самого понятия «литературный антропоним», которое, по их мнению, должно включать в себя только имена-характеристики (см. напр. Привалова, 1952). Другие ученые наполняют этот термин более широким и разнообразным содержанием, полагая, что литературный антропоним – это любое личное имя, употребленное в художественном произведении, включая и имена исторических деятелей (см. напр. Михайлов, 1965; 1981, 1986, 1988; Карпенко 1970; Мурадян 1984 и др.). Мы опираемся на последнюю точку зрения, поскольку считаем, что хотя автор и не участвует в создании имен исторических деятелей, тем не менее он волен выбирать те или иные их формы, окружать их определенным контекстом в зависимости от своего художественного замысла. В результате в тексте художественного произведения такие имена наполняются яркими коннотациями и выполняют различные функции, важные для раскрытия авторского художественного замысла.

Автор не участвует в их создании, они, по словам М.В. Карпенко, «исторически произвольны», но и функции, которые они выполняют в тексте произведения «не совпадают с их использованием в речи вообще, далеко выходя за рамки только указателя, дифференциального знака, за рамки только номинативной функции» [Карпенко 1980: 24].

Необходимо отметить, что в романе «Улей» одного из крупнейших испанских писателей современности, лауреата Нобелевской премии в области литературы за 1989 год, Камило Хосе Селы, который мы выбрали в качестве объекта исследования, нет исторически реальных действующих персонажей, а есть лишь имена известных людей, упомянутых в определенной связи.

Вслед за Д.И. Ермоловичем [Ермолович 2001] мы используем термин «единичные антропонимы» для обозначения личных имен, полностью заимствованных из общемирового культурного арсенала. Любой писатель, создавая художественное произведение, опирается на общий культурный контекст, и, стремясь к наиболее полной реализации своей художественной идеи, использует имена людей, которые получили широкую известность в обществе и не нуждаются в разъяснениях или ссылках уточняющего характера.

Чаще всего Села пользуется именами политических деятелей (Alcalá Zamora, Cipriano Mera, Hitler и др.), знаменитых писателей и поэтов (Cervantes, Juan Ramón Jiménez и др.), известных актеров и режиссеров (Jean Harlow, Frank Capra и др.), ученых и философов (Platón, Isaak Peral и др.), а также людей, принадлежащих к «элитарным» слоям общества (Romanones, duque de Alba).

Итак, согласно нашим наблюдениям, единичные антропонимы в тексте романа выполняют следующие основные функции:

1. Функция хронотопа – ориентации читателя во времени и пространстве, связи событий вымышленных с реально происходившими. В данном случае принцип речевой экономии воплощается в стремлении писателя передать как можно больше информации, используя по возможности меньше слов. А для этого идеально подходят имена реальных исторических лиц того периода. Например:

«… Radio Moscú anuncia que la Conferncia entre Churchill, Roosevelt y Stalin se ha celebrado en Teherán hace unos días».

«Московское радио сообщает, что несколько дней тому назад состоялось совещание между Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным».

«Las dos (hijas) mayores se fueron monjas hace ya mucho tiempo, cuando cayó Primo de Ribera».

«Две старшие дочери постриглись в монахини, еще когда свергли Примо де Риверу…».

2. Функция косвенной характеристики действующих персонажей. Чаще всего характеризуются политические пристрастия, мировоззрение или особенности характера (хотя в романе можно найти и несколько примеров возрастной характеристики персонажа посредством единичных антропонимов). Этот вид характеристики является одним из наиболее ценных для художественного творчества, поскольку ни одним нарицательным словом не получится заменить богатейший комплекс идей, содержащийся в единичных антропонимах. Приведем примеры:

«Celestino Ortiz guarda cuidadosamente desde hace muchos años ya un sucio y desvalido ejemplar de la "Aurora" de Nietzsche...».

«Селестино Ортис уже много лет бережно хранит грязный, растрепанный экземпляр «Авроры» Ницше – это его настольная книга…».

Еще один пример: хозяйка кафе донья Роса восхищается Гитлером. Это имя автор вводит не случайно - одна только фраза доньи Росы о том, что она связывает свою судьбу и судьбу своего кафе с судьбой Гитлера и вермахта дает понять читателю характер и взгляды этой женщины, не прибегая к описаниям и открытому выражению авторской позиции:

«Донья Роса озабочена судьбами германской армии… судьба Вермахта видится ей связанной с судьбой ее кафе…»

(напомним, что действие происходит в 1943 году в Мадриде). Таким образом, одним упоминаем имени Гитлера и германской армии в определенном контексте Села добивается желаемого впечатления о характере доньи Росы, которое впоследствии находит подтверждение в тексте: *«Ей доставляет удовольствие, когда у других неприятности… О порядочности у доньи Розы особое понятие… Она в жизни никому реала не простила и не позволила платить в рассрочку»*. Необходимо заметить, что прямая характеристика появляются в романе не сразу – вначале автор как бы предварительно характеризует этот персонаж, связав его с единичным антропонимом – Адольф Гитлер.

3. Функция усиления иронической окраски некоторых эпизодов. Например:

«Ya, ya. Y eso que Margarita Gautier está mala la pobre. Fíjate que camelia roja lleva en la solapa».

«М-да, здорово. У этой Маргариты Готье и впрямь чахоточный вид, а в петлице-то, видишь, красная камелия, все как положено».

Надо отметить, что в данном случае, иронический намек автора направлен на мужчину нестандартной сексуальной ориентации, действительно носившего, на женский манер, красные камелии, прикрепленные к одежде. Этот единичный антропоним появляется с целью высмеять подчеркнуто гомосексуальное поведение персонажа и рассчитан (как, впрочем, почти все единичные антропонимы в произведениях Селы) на довольно эрудированного, начитанного читателя, который сумеет правильно расшифровать эту литературную аллюзию.

4. Единичные антропонимы служат средством создания дополнительной образности текста, употребляясь в переносе наименования по сходству (метонимия) и по смежности (метафора). Единичные антропонимы легко вовлекаются в данные процессы

- ведь круг деятельности человека и его связь с окружающим миром так широки, что включают самые разнообразные отношения по сходству и смежности. Антропонимы, избранные для сравнения, выступают в тексте в своём основном значении, то есть называют его исконного носителя. Однако среди всех многообразных характеристик этого человека выделяется какая-то одна черта, которая прямо называется в тексте, и по которой с ними сравнивают другого человека. Например:

«...Hombre! No creo yo que haga falta ser un Romanones para fumar estos puros».

«- Э, бросьте! Чтобы курить такие сигары, я полагаю, вовсе не надо быть графом Романонесом» (т.е. необыкновенно богатым и влиятельным человеком).

Наиболее часто в художественной литературе наблюдается перенос по принципу: автор - его творчество - его произведение:

«Martín no salió a la calle con la cara rota en pedazos gracias a Nietsche».

«Мартин Марко ушел из бара цел и невредим лишь благодаря Ницше…».

Конечно, речь идет не о самом Ницше (немецкий философ умер в 1900 году), а его произведении, чтение которого удержало владельца бара от расправы над Мартином. Здесь единичный антропоним употреблен даже не для косвенного называния книги этого автора, а для намека на влияние, которое оказывала эта книга на владельца бара, не учинившего расправу лишь потому, что вспомнил фразу из книги Ницше о том, что надо сдерживать гнев.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что учет прагматического аспекта имен реальных исторических лиц (единичных антропонимов) является важным условием создания характерного колорита художественного произведения и адекватного воплощения авторского замысла.

Список литературы

1. Карпенко, М.В. Русская антропонимика [Текст] / М.В. Карпенко.- Одесса, 1970. – 42 с.
2. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д.И. Ермолович. - М.: Р.Валент, 2001.- 200 с.
3. Села, К.Х. Семья Паскуаля дуарте. Улей [Текст] / К.Х. Села; перевод Е. Лысенко. - М.: Изд-во «Прогресс», 1970.- 429с.
4. Cela, C.J. La Colmena. Edición Eduardo Alonso [Text] / C.J. Cela. - Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1997. - 447 p.

Л.Н. Лубожева
Челябинск, Россия

СПЕЦИФИКА ОСВОЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ СРЕДНИМ НОСИТЕЛЕМ ЯЗЫКА

В последнее десятилетие в языковой системе совершаются значительные преобразования и главным образом в наиболее подвижной ее части – лексике. Происходит активитизация процессов миграции лексем из одного языкового регистра в другой, в частности, мы рассматриваем переход профессиональных единиц в общелитературный язык. Для установления связи между такими лексическими пластами, как профессиональный и общеупотребительный, а также для выяснения степени освоенности терминологических единиц общелитературным языком нами проводился лингвистический эксперимент, спецификой которого является его сквозной характер. Этот эксперимент был направлен на распознавание экономических терминологических единиц, расшифровку терминоаббревиатур, выявление наиболее распространенных значений многозначных специальных лексем, определение уровня овладения новыми терминами, нахождение информационно-приоритетных и информационно-актуальных полей терминологии, проверку осведомленности об этимологии сленгизмов, фразеологизмов и слов-табу.

Материалом для изучения были выбраны следующие термины: специальные лексемы сферы экономики; профессиональные единицы различных информационно-приоритетных и информационно-актуальных полей; многозначные термины; терминоаббревиатуры; фразеологизмы терминологического происхождения; сленгизмы терминологического происхождения; табуизированные слова с терминологическим происхождением. Всего лингвистическому анализу были подвергнуты 210 профессиональных лексем, из них 105 терминов английского языка и 105 терминов русского языка.

Материал был отобран методом сплошной выборки из печатных СМИ, повседневного дискурса и телевизионных программ. При выборе терминологической единицы во внимание принималась ее высокая употребляемость в этих источниках.

Анкетируемые были разделены на различные группы: гендерные (женщины и мужчины); возрастные (16-22; 23-40; 41-60; 61-70); социально-профессиональные (школьники старших классов и студенты, учителя школ и преподаватели ВУЗов, правоведы, программисты, экономисты, инженеры, медики, водители, домохозяйки, предприниматели и менеджеры). Всего в эксперименте участвовало 40 англоговорящих и 40 русскоговорящих испытуемых. Географическая отнесенность русскоязычных информантов – г. Челябинск; г. Орехово-Зуево; г. Белгород; г. Алма-Аты; г. Костанай; г.

Рудный. Англоговорящие участники эксперимента являются гражданами США (штат Техас) и Англии (г. Лондон).

Различные цели эксперимента повлекли применение разных методик: методика прямого толкования специальных единиц; ассоциативный эксперимент, методика этимологического анализа и другие.

Эксперимент проводился в один этап в форме письменного опроса-анкетирования. Испытуемым была предложена следующая форма опросника:

Просим Вас принять участие в нашем эксперименте. Выполните следующие задания, фиксируя свои ответы письменно. При отсутствии вариантов ответов ставьте прочерк. Перед фиксированием своих ответов укажите свой пол, возраст, образование, вид профессиональной деятельности (Ф.И.О. указывать не надо).

Спасибо за Ваш вклад в наше исследование.

№	Термин	Напишите значение слова, как вы его понимаете	С чем ассоциируется данное слово	Где вы его слышали, встречали	Употребляете ли вы это слово в своей речи
1	2	3	4	5	6

К терминам 1, 2 группы применялся полный вариант опросника; при анализе 3, 4 группы специальных лексем из полной анкеты исключался 4 блок; для терминологических единиц 5, 6, 7 групп использовались все блоки, но 4ый блок, помимо основного вопроса, включал и дополнительный пункт – «что вы знаете о происхождении данного слова или выражения?».

Более того, с целью выяснения причин зависимости степени усвоения терминологических лексем средним носителем языка, в первых анкетах были предложены лексические единицы различных профессиональных полей.

Результаты эксперимента показали, что стопроцентное усвоение терминологических единиц зависит, прежде всего, от профессиональной деятельности носителей языка. Так, больший процент усвоения экономических терминов показали представители сферы экономики. Все это логически объяснимо: члены профессиональных групп изучают лексемы своего специального поля быстрее, чем единицы других терминологических полей, так как сталкиваются с ними ежедневно, что обеспечивает, помимо активной фиксации терминологии, пассивное запоминание терминов.

Лексика информационно-приоритетных полей одинаково хорошо понимается участниками разнопрофессиональных категорий, что поясняется ростом статуса той или

иной сферы деятельности, ставшей значимой в общественной жизни, а также частым освещением данной области различными СМИ. Кроме того, лексемы такого поля интенсивно постигаются как русскоязычными информантами, так и англоязычными анкетируемыми, так как многие терминологические единицы дублируют друг друга.

Специальные слова информационно-актуальных полей воспринимаются точнее и стабильнее носителями языка той страны, где они распространяются.

Интерес представляет словосочетание «черный рынок» («black market»), одинаково хорошо распознанное как «нелегальный рынок» и русскоязычными, и англоязычными опрашиваемыми. Исключение представляют несколько англоговорящих анкетируемых (в частности, американцы), которые считают, что «черный рынок» - это рынок, на котором потребителями являются афроамериканцы. Разногласие в определении этого сочетания объясняется существованием представителей афроамериканцев в США. Но в то же время стопроцентное распознавание данного словосочетания другими участниками эксперимента позволяет нам отнести это выражение к информационно-актуальному полю.

Данные лингвистического эксперимента относительно освоения экономической терминологии общеупотребительным языком показали значительную вариативность овладевания профессиональными единицами средними носителями языка.

Возрастно-гендерная особенность восприятия специальных лексем сферы экономики проявляется в более активном распознавании терминов мужскими информантам русского языка в возрасте от 23 до 40 лет и англоговорящими мужчинами в возрасте от 41 до 60 лет. Превосходство данных категорий в овладении экономической терминологией объясняется тем фактом, что в этом возрасте мужчины начинают думать о своем благосостоянии, создавая маленькие фирмы или большие компании с устойчивым годовым доходом. Возрастное различие англоязычных и русскоязычных анкетируемых может поясняться разной системой образования и продолжительностью обучения. Представители англоязычных стран предпочитают более длительное обучение, переходя от ступени к ступени и получая опыт в других странах, в то время как российское образование дается комплексно. Россияне также могут продолжать свое обучение, но в большинстве случаев это будет считаться дополнительной специальностью к основной профессии или повышением квалификации.

Второе место в эксперименте занимают русскоговорящие женщины от 23-40 и мужчины от 41-60, а в англоязычной части мужчины от 23 до 40 и женщины от 41 до 60.

Третье место представляют мужчины и женщины от 16 до 22 и женщины от 23 до 40 в иноязычных странах, среди русскоговорящей публики это также мужчины и

женщины от 16 до 22 и женщины от 41 до 60. На последнем месте остается возрастная группа от 61 до 70 лет в обоих анализируемых языках.

Кроме того, следует отметить, что мужчины более успешно освоили подъязык экономики и в русском, и в английском языках.

Далее, необходимо подчеркнуть неодинаковую распознаваемость терминологических лексем. В связи с этим все термины можно разделить на: 1) распознаваемые и правильно понимаемые лексемы; 2) распознаваемые, но неправильно трактуемые слова; 3) нераспознаваемые единицы.

Исходя из этого, общими особенностями специальных лексем, мигрировавших в общелитературный язык, следует признать: 1) успешное освоение экономических единиц общеупотребительным узусом и русского и английского языков; 2) зависимость степени овладения терминологией от: принадлежности профессиональных лексем к информационно-приоритетному, информационно-актуальному полям; профессиональной деятельности; гендерно-возрастных характеристик; 3) зависимость овладения терминологией, но в меньшей степени от: образования; общего уровня владения языком; среды общения; 4) независимость степени освоенности терминов от: внутренних характеристик специальной единицы; факта фиксации или нефиксации лексемы общеупотребительным словарем.

Следовательно, большая зависимость степени освоения экономических терминов общелитературным русским и английским языками проявляется в принадлежности данных единиц к информационно-приоритетному и информационно-актуальному полям, а также зависит от профессиональных, гендерно-возрастных параметров говорящего дискурсанта.

А.Б. Лукашанец
Минск, Беларусь

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРОСОДИИ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОСОДИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В современной лингвистике вопросы, связанные с функциональными свойствами просодии и содержательной стороной просодических единиц, относятся к числу наиболее обсуждаемых. По целому ряду проблем – в частности, количества и систематизации просодических функций, значений, передаваемых речевой просодией, семантического содержания просодических единиц – до сих пор имеются существенные расхождения во мнениях.

Количество функций, приписываемых просодии различными исследователями, колеблется от двух до двенадцати, причем значимость той или иной функции и соотношение функций с точки зрения их первичности/вторичности варьируется в очень широких пределах.

В российской лингвистике наиболее радикальную точку зрения на количество просодических функций высказал Л.Р. Зиндер. Он выделил только две функции – коммуникативную («все, что связывает интонацию (просодию – А.Л.) со смыслом и синтаксическим строем предложения») и эмоциональную, выражающую модальность высказывания. Внутри общей коммуникативной функции просодии автор отмечает следующие значения: 1) просодия является средством членения речи на высказывания, а высказываний на синтагмы; 2) просодия является средством различения коммуникативных типов предложения; 3) просодия является средством актуального членения предложения [Зиндер 1978: 6].

В зарубежной лингвистике основоположником функционального подхода к просодии считается чешский лингвист Ф. Данеш, который разграничил первичные и вторичные функции просодии. К первичным функциям ученый относит функцию превращения слов (назывных единиц) в высказывания (коммуникативные единицы) и функцию сигнализации о соотношении темы и ремы. Вторичные функции Ф.Данеш называет модальными и подразделяет на основную (характеризовать цель высказывания) и дополнительную (выражать эмоции) [Danes 1960: 48].

В числе других функций, выделяемых исследователями речевой просодии, можно упомянуть семантическую, синтаксическую, стилистическую, эвфоническую, апеллятивную, эстетическую, конститутивную и др.

Обобщив мнения отечественных и зарубежных лингвистов по вопросу функций просодии и абстрагируясь от терминологических расхождений, можно утверждать, что большинство исследователей признает за просодией выполнение следующих функций: *делимитативной* (членение речевого потока на высказывания и синтагмы), *организующей* (обеспечение единства и связи компонентов высказывания), *кульминативной* (выделение наиболее важных речевых единиц, тема-рематическое членение), *коммуникативной* (выражение иллокутивной модальности высказывания), *эмоциональной* (передача модально-эмоциональных оттенков).

Данные просодические функции реализуются в любом устном высказывании, причем если три первые из перечисленных функций связаны с *организацией* смысла высказывания, то коммуникативная и эмоциональная функции – с *выражением* смысла высказывания. В вопросе о функциональных свойствах просодии между учеными

достигнута определенная согласованность мнений в рамках первой группы функций, и наблюдаются многочисленные разногласия относительно функций выражения языкового содержания средствами просодии (проблема знаковости просодических единиц, дистинктивные и сигнификативные свойства просодии и т.д.).

Перечень значений, передаваемых просодическими средствами, представляет собой открытый список, так как содержательная сторона просодии еще не подвергнута полному систематическому изучению. Первоначально к значениям, дифференциация которых может происходить при помощи просодии, относили коммуникативный тип высказывания (утверждение, вопрос, побуждение), тема-рематическое членение, категорию завершенности/незавершенности и смысловую важность частей высказывания [Торсуева 1984: 117]. Дальнейшие исследования семантики тона позволили дополнить этот список значениями эмотивно-оценочного плана (заинтересованность-безразличие, одобрение-осуждение). Иными словами, семантическое содержание, выражаемое просодией, связывается с названными выше выполняемыми ею функциями. Так, просодия передает *логико-семантические отношения* между частями высказывания (завершенность/незавершенность, тема/рема), *иллокутивную модальность*, *эпистемическую модальность, эмоциональные состояния* и *эмоциональные значения.*

Столь широкий круг значений, передаваемых просодическими средствами, а также одновременность их выражения в просодическом контуре, затрудняют исследование семантической структуры просодических единиц. Отдельную сложность представляет также тот факт, что одни значения выражаются просодией только своими собственными средствами, а другие – в сочетании с определенными лексико-синтаксическими структурами.

На нынешний день в языкознании можно выделить два основных подхода к анализу семантической структуры просодических единиц. В рамках первого подхода исследователи ведут поиск наиболее общего семантического инварианта, своего рода «архисемы» просодического контура высказывания. Так, в качестве семантического инварианта восходящего контура предлагаются значения незавершенности, неопределенности или «ожидания продолжения» [Кодзасов 1999: 206]. Стоит отметить, однако, что коммуникативное содержание восходящего контура очень многообразно и в силу этого не сводимо к предлагаемым значениям; например, во французском, белорусском, русском языках восходящий контур употребляется для выражения уверенности, очевидности содержания утвердительного высказывания [Морозова 2007: 86].

Второй подход подразумевает поликомпонентность семантического плана просодической единицы. Согласно этой теории, семантическая структура просодического контура понимается как сложное поликомпонентное образование и включает значения *логико-семантического, иллокутивного* и *модально-эмоционального* планов, присущие каждой конкретной реализации просодического контура. Данный подход хорошо согласуется с полифункциональным характером речевой просодии и положением об одновременной реализации всех ее функций в рамках просодического контура высказывания. Нерешенным остается вопрос о том, какое из значений считать первичным, базовым значением просодической единицы. Некоторые авторы относят к основным *логико-семантические* значения просодической структуры (завершенность/незавершенность, определенность/неопределенность), объясняя это константностью и независимостью данных значений от контекста, в отличие от дополнительных зависимых от контекста модально-эмоциональных значений [Карневская 1982: 215].

По мнению ряда исследователей, основу семантики просодического контура составляют *модально-эмоциональные* значения, описываемые в терминах заинтересованность/безразличие, аффективность/неаффективность, «эмоциональная вовлеченность говорящего» [Морозова 2007: 77]. Исследования последних лет подтверждают возможность определить без опоры на контекст и сегментное содержание нейтральное отношение и разные степени эмоционального участия говорящего, однако высказываются сомнения относительно степени лингвистичности данных значений.

Отнесение значений *иллокутивной модальности* к разряду базовых в семантической структуре просодической единицы восходит к многочисленным интонационным работам, в которых просодическим структурам приписывались значения иллокутивных типов высказывания (Делаттр 1966, Брызгунова 1977, Торсуева 1979 и др.). Количество выделяемых иллокутивных значений варьируется в зависимости от языка и автора от двух (вопрос/утверждение) до десяти (утверждение, уверенное утверждение, вопрос, переспрос, сопоставительный вопрос, побуждение, обращение и т.д.). На сегодняшний день можно констатировать, что в языковом сознании носителей языка на уровне продуцирования и восприятия речи основные типы контуров прочно ассоциируются, по крайней мере, с двумя основными коммуникативными типами высказываний: восходящий контур – с общим вопросом, а нисходящий контур – с утверждением [Морозова 1998: 98]. Просодическое противопоставление вопроса и утверждения, подробно изученное на материале разных языков, часто относят к языковым универсалиям – свойствам, присущим большинству языков мира. Кроме того,

первичность иллокутивно-модальных значений по отношению к логико-семантическим подтверждается результатами исследования становления речи у младенцев. Модально-коммуникативная интонация у детей появляется еще в довербальный период задолго до формирования у них логической интеллектуальной интонации [Konopczynski 1991: 176].

Таким образом, содержательная сторона просодической единицы имеет сложную поликомпонентную структуру, что связано со множественностью функций, реализуемых просодией одновременно в рамках одного просодического контура. Просодический контур высказывания полисемантичен, он способен актуализировать одновременно несколько значений (иллокутивных, модальных, эмоциональных, логико-семантических). В связи с этим представляется необходимым исследовать, каким образом различные значения взаимодействуют в семантической структуре просодического контура высказывания, как это отражается в формальной структуре последнего, а также какое из этих значений может быть принято в качестве инвариантного.

Список литературы

1. Daneš, F. Sentence intonation from a functional point of view [Text] / F. Daneš // Word. – 1960. – Vol. 16, №1. – P. 34–54.
2. Konopczynski, G. L'intonation de question dans le langage émergent [Text] / G. Konopczynski // Actes du XIIème Congrès International des Sciences Phonétiques, Aix-en-Provence, 1991 : en 5 vol. - Aix-en-Provence, 1991. - Vol. 4. - P. 174-177.
3. Зиндер, Л. Р. Вместо предисловия [Текст] / Л.Р. Зиндер // Интонация / Под ред. И.Г. Торсуевой - Киев, 1978. - С. 5-8.
4. Карневская, Е. Б. Семантика просодических единиц и просодическая синонимия [Текст] / Е.Б. Карневская, А.А. Метлюк // Вопросы семантики и методики преподавания иностранных языков : сб. ст. / Каф. иностр. яз. АН БССР ; редкол. : К.Ф. Лукьяненков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1982. – С. 214–218.
5. Кодзасов, С. В. Уровни, единицы и процессы в интонации [Текст] / С.В. Кодзасов // Проблемы фонетики : сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН ; редкол. : Р.Ф. Касаткина (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1999. – Вып. 3. – С. 197–216.
6. Морозова, Л. П. Индивидуальная вариативность речевой мелодии в системе языка [Текст] / Л.П. Морозова. – Минск: МГЛУ, 2007. – 272с.
7. Морозова, Л. П. Индивидуальное варьирование речевой просодии и изучение семантики интонационных единиц [Текст] / Л.П. Морозова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи : материалы междунар. науч. конф., Минск, 10–12 ноября 1998 / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол.: Н.П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1998. – С. 97–99.
8. Торсуева, И. Г. Современная проблематика интонационных исследований [Текст] / И.Г. Торсуева // ВЯ. – 1984. – №1. – С. 116–126.

Н.Н. Лыкова
Тюмень, Россия

ОБЩЕЕ НАИМЕНОВАНИЕ НАКАЗАНИЯ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Задача данной статьи – показать, каким образом организовано знание о системе наказаний в одном из правовых терминополей старофранцузского и древнерусского языков. Терминополе «наказание» может быть представлено в виде тезауруса. Тезаурусное представление, как известно, позволяет формализовать знания путем выделения и систематизации понятий. По сути дела, эта модель представления знаний может быть сопоставлена с фреймом, вырисовывающим структуру типичной ситуации. Обнаруживается, что терминополе «наказание» имеет иерархическую структуру (графически отношения иерархии маркируются сдвигом вправо), в которой выделяются следующие уровни и подуровни:

НАКАЗАНИЕ

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ

Материальное воздействие: Штрафы

Конфискация имущества

Лишение свободы: Ссылка, изгнание

Арест

Заключение:

Место заключения

Содержание в тюрьме

Заключенный

Тюремщик

Физическое воздействие: Телесные наказания, пытки

Смертная казнь

Месть

Как видно из тезаурусной модели, из множества видов наказаний, предусмотренных современным правом, в исследуемую эпоху применялись следующие: материальное воздействие, лишение свободы, физическое воздействие.

Терминология, обозначающая наказания, очень объемна, например, в старофранцузском языке было выявлено более 150 лексических единиц. В данной статье мы рассмотрим лишь те термины, которые обозначают наказание вообще и выступают в качестве родовых по отношению к лексемам, называющим конкретные виды наказаний. Таких терминов немного: десять – в старофранцузском языке, два – в древнерусском.

По происхождению все слова, обозначающие наказание в старофранцузском языке, восходят к латинскому языку. Семь из десяти лексем являются однокоренными и входят в группу слов, образованных от латинского poena ‘пеня, выкуп; возмещение, наказание’, которое в свою очередь было заимствовано из греческого poinê ‘цена за кровь; деньги, которые платят родственникам убитого’. Это существительные *peine, penitance, peneance, penitant, punissement, punition* и глагол *punir*. В латинском языке, судя по всему, в значении слова еще чувствуется денежный характер наказания, поскольку и в старофранцузском слово *peine* встречается в контекстах, обозначающих денежный штраф: *…X. lb. de peine, .C. lb. de peine* (Beaum., II: 171) – ‘10 ливров штрафа, 100 ливров штрафа’. С другой стороны, слова ***peine, punir*** приобретают уже и более широкое значение, обозначая телесное и денежное наказание: *peine de cors et peine d’argent* (Beaum., II: 171); *punir en son cors et en ses biens* (Olim: 23) или употребляясь в значении «наказание вообще», как в выражении *estre quitte de la peine* ‘быть освобожденным от наказания’ (Luxe, 309) или в следующих контекстах: *Li sages escrit que l’en ne doit condepner nul home por sopeçon; melz est que l’en lest a* ***punir les mesfeteurs****, que il n’est que l’en condenpne ceus qui n’ont riens mesfet* (Plet, XXIV, 2: 277) – ‘Мудрый пишет, что не должно осуждать никого по подозрению; лучше наказать преступников, чем тех, кто не совершил никакого правонарушения’; *Cil qui* ***sont dampné à aucune paine,*** *et il sont pris contre* ***l’establissement de la paine****, et il soient alé encontre, et il sont pris, en ce* ***la poine doit doblier*** (Plet, XXIV, 5: 277) – ‘Те, кто приговорены к какому-либо наказанию и пошли против установления наказания и сбежали, и были схвачены, за это наказание должно удвоиться’.

В Книге правосудия и суда сказано, что при определении наказания должно учитываться семь параметров: вид преступления (дело, причина), личность, то есть социальный статус преступника, место совершения преступления (к отягчающим обстоятельствам относилось совершение преступления перед судьей, в церкви, в святом месте, на рынке или ярмарке), время совершения преступления (днем или ночью, в святые дни или святые ночи), количество (незначительное или серьезное правонарушение), качество (более или менее тяжкое, явное или тайное), случай (случайное или предумышленное преступление): *Et por ce est-il resons que* ***paines*** *soient establies par sept manieres: la premiere, par cause; la segonde, par persone; la tierce, par lieu; la quarte, par tens; la quinte, par quantité; la siste, par qualité; la septime, par aveinture* (Plet, XXIV, 6: 277).

По силе воздействия на человека выделяется пять степеней наказания: первая и вторая степени – это штрафы, третья степень наказания предусматривает ссылку,

изгнание, четвертая степень – потеря какой-либо части тела, пятая – предание смертной казни: *Li degrié des **paines** sont tex: la premiere paine si est en vint deniers de clamor. La segonde si est, se li vint deners ne sont randuz, ou depliez en la place, la paine est de cinq sols. La segonde paine si est de quinze à celui à qui l'en a fet sanc et chaable, et de soixante sols à la justice. La terce poine si est d'ome envoïer en eissill. La quarte si est perdre membre. La quinte si est d'ome livrer à mort* (Plet, XXIV, 66: 283).

В Кутюмах Бовези в одной из статей объясняется разница между телесным наказанием и денежным. Отмечается, что телесное наказание установлено для того, чтобы предостеречь от совершения преступления. Если же преступление совершается, то оно должно наказываться телесным наказанием в зависимости от преступления. Денежное наказание в виде штрафов полагается за определенные правонарушения согласно обычаям, размер штрафа может быть бо̀льшим или меньшим опять же в зависимости от проступка: *Il a grant disference entre **peine d'argent** et **peine de cors**, car les peines de cors si sont establies pour ce que l'en se gart de fere mal et, se l'en ne s'en garde, que l'en en port peine de cors selonc le mesfet; ... Et l'autre peine si est de cele qui est pramise, ... ou de cele que coustume donne sans pramesse et sans convenance, si comme amendes pour certains mesfès, de l'un plus et de l'autre meins, si comme li mesfès le requiert* (Beaum., II, XLII: 174).

При этом уже в XIII веке основным положением, на которое опирались при решении вопроса о наказании, был тезис: *Nus ne doit estre puniz sanz **cope*** (Plet, XXIV, 21: 279) – 'Никто не должен быть наказан без вины'. Представляется, что эта идея предвосхищает современное понятие презумпции невиновности.

А.И.Солопов, изучавший этимологию и первоначальное значение латинского culpa, к которому собственно и восходит старофранцузское *culpe* (*colpe, coupe, coulpe, cope*), отмечает, что это существительное образовано с помощью суффикса *-pa* от основы глагола, сохранившегося в балтийских и германских языках. Этимологическим значением латинского culpa было 'долг (выраженный в денежном или другом материальном эквиваленте)'. Прослеживая путь, который прошло слово в своем развитии, А.И.Солопов реконструирует те значения, которые привели к полному изменению значения слова. Он выделяет следующие этапы изменения значения: 'необходимость отдать взятое взаймы' > 'сознание необходимости вернуть долг, (внутреннее) состояние должника' > 'ответственность (за совершение чего-то недолжного' > 'чувство вины' > 'вина'. Исследователь констатирует, что первоначально существительное culpa не имело отношения к праву, обозначая этическое понятие ('чувство ответственности за содеянные проступки, чувство вины'), а до этого было

экономическим термином [Солопов 1998: 82]. В старофранцузском это слово является уже правовым термином и в цитированном выше примере понимается как условие ответственности. От него образовано еще и прилагательное *coupable*, которое в текстах встречается в выражении *estre coupable du fait* ‘быть виновным в деянии’ (Olim: 23).

В этом же значении употребляются термины *вина*, *виновный* в древнерусских правовых текстах. Так, в Русской Правде пространной редакции встречаем: … *сведитеся, кто будеть виноват, на того татба снидеть …*; *Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины …* (ПП, 35, 62: 66, 68), в более поздних текстах отмечается, что наказание должно соответствовать вине: *а изличив казнити по его вине* (ПСГ, 8: 332). Е.В.Падучева предлагает следующее толкование слова *вина*: «плохой поступок/плохое последствие поступка, который совершил X и за который он несет ответственность /должен быть наказан» [Падучева 1999: 24]. Исследуя семантику прилагательного *виновный*, О.Ю.Богуславская также отмечает, что оно указывает на то, что субъект непосредственно совершил какое-то действие, которое привело к нежелательным последствиям, или же не сделал того, что должен был сделать, чтобы предотвратить что-то плохое. В семантике этого слова заложено, что оно предполагает предосудительность самих действий, а не результата. Это прилагательное используется для выражения социальной оценки действий, именно поэтому оно используется в правовых текстах в качестве термина [Богуславская 2000: 85].

В терминологии древнерусского права не существовало лексемы со значением ‘преступник вообще’ или ‘преступление вообще’ [Лыкова 2005: 160]). Эта ситуация не затрагивает понятие ‘наказание вообще’. По крайней мере, две лексемы с этим значением отмечаются уже в договорах русских с греками. Это существительное *казнь* и глагол *казнити*: … *и будет казнь, яко же явиться согрешенье*; … *и тъ показненъ будеть по закону гречьскому, и по уставу и по закону рускому* (Дог.: 4-5). В Русской Правде краткой и пространной редакции подобного термина не отмечается. В этом кодексе речь идет о конкретных видах преступлений и о конкретных наказаниях за них. В Материалах для терминологического словаря Г.Е.Кочина и в специальной работе А.Н.Шиловского, посвященной терминологии наказаний эпохи Московской Руси, также указываются только две лексемы *казнь* и *казнити*, имеющие значение ‘наказание’, ‘наказывать’ [Кочин 1969: 44]. При этом термин *казнь* должен был употребляться без определения, в противном случае он обозначал уже определенный вид наказания: *казнити смертной казнью, казнити торговой казнию*.

Таким образом, характеризуя группу терминов с общим значением наказания, можно отметить, что эта группа представлена в старофранцузском языке синонимичными или дублетными терминообозначениями, при этом значение ‘наказание’ может быть лишь одним из компонентов семантической структуры многозначного слова (*justice, jostice; reconoissance; coster*). Тогда как в древнерусском языке начинает складываться взаимно-однозначное соответствие между термином и понятием: одно понятие – один термин.

Список литературы

1. Солопов, А.И. Этимология и первоначальное значение латинского culpa [Текст] / А.И. Солопов // Древнее право. – 1998. – № 1. – С. 82-83.
2. Падучева, Е.В. Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексемы [Текст] / Е.В. Падучева // НТИ. – Сер. 2. – Информационные процессы и системы. – 1999. – № 8. – С. 22-28.
3. Богуславская, О.Ю. И нет греха в его вине (виноватый и виновный) [Текст] / О.Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Языки этики / Отв.ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е.Янко, Н.К.Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 85-86.
4. Лыкова, Н.Н. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X-XV веков) [Текст] / Н.Н. Лыкова. – Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2005. – С. 160-161.
5. Кочин, Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней Руси [Текст] / Г.Е. Кочин // Вопросы лексикологии: сб. работ кафедры рус. языка / Отв. ред. О.А.Красильникова. – Днепропетровск: ДГУ, 1969. – С. 42-51.

Э.М. Ляпкова
Челябинск, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ

Проблема национальной специфики мышления в настоящее время широко обсуждается в самых различных аспектах. Лексическая лакунарность относится к наиболее важным аспектам данной проблемы.

Лакуны обеспечивают заметную долю национальной специфики любого языка, и возникает вопрос – свидетельствуют ли лакуны об отсутствии у народа соответствующих концептов?

Отсутствие стабильного, системного языкового выражения для какого-либо концепта ещё не свидетельствует об отсутствии концепта в концептосфере народа, так как концепты могут не иметь общеязыкового выражения в силу следующих причин:

- они могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые наименования, но не общеязыковые);

- они могут быть коммуникативно нерелевантными, т.е. не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления [Попова, Стернин 2003: 20] .

С другой стороны, о наличии концепта в сознании народа можно судить по наличию соответствующих языковых единиц, при помощи которых концепт обсуждается и передаётся в процессе общения.

Проблема соотношения лакуны и концепта на практике не так проста, и, прежде всего, это связано с проблемой национальной специфики концептосфер. Национальная специфика концептосферы того или иного этноса проявляется в двух основных аспектах: национальные различия в содержании близких концептов у разных народов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере народов.

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются не полностью совпадающими по своему содержанию, причём именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. «Было бы каким-то чудом, если бы при наличии различных условий жизни различные народы мыслили с помощью систем совершенно одинаковых понятий» [Беляев 1964: 56].

Общепризнано, что понятие отражает действительность в самых общих чертах, абстрагируясь от несущественных деталей, беря лишь то общее, что является существенным для предметов и явлений. Следовательно, понятия могут быть абсолютно тождественными лишь постольку, поскольку действительность жизни народов, носителей данных языков, является идентичной.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептосфер народа проявляется в наличии или отсутствии концептов.

При обнаружении лакун правильнее говорить не только об отсутствии эквивалента в виде слова слову другого языка, но и об отсутствии эквивалента в форме устойчивого словосочетания этому слову (или фразеологизму) другого языка. Следовательно, лакуны это такие иноязычные слова и словосочетания, передача которых в другом языке осуществляется при помощи свободных словосочетаний (пространные объяснения их значения).

Лакунами являются наименования специалистов по профессии *éditorialiste, domoticien* – они выражают понятия, которые можно выразить по-русски лишь свободными словосочетаниями: «тот, кто пишет передовые статьи в газете» и «тот, кто занимается оборудованием жилищ домашней электроникой».

Современная теория лакунарности в отечественной лингвистике представлена в основном исследованиями межъязыковых лакун. Между тем, в каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть пустых, незаполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут присутствовать. По внеязыковой обусловленности эти единицы можно отнести к немотивированным, т.к. не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета – соответствующие предметы и явления в культуре есть, а слов, их обозначающих, нет. Исследование показало возможность выделения гендерных лакун. Такие лакуны отражают отсутствие наименований отдельных разновидностей занятий по половой принадлежности обозначаемых референтов. И в русском, и во французском языке отсутствуют стилистически нейтральные наименования женского рода профессий *врач* (*médecin*), *инженер* (*ingénieur*), *моряк* (*marin*), *скульптор* (*sculpteur*), *пожарник* (*sapeur-pompier*) и т.п. Во французском языке нет родового коррелята женского рода, обозначающего профессию *манекенщица*, есть только форма мужского рода *mannequin*, хотя в этой профессии заняты представители обоих родов. В английском языке существует лексема *housewife*, ей соответствует русское слово «домохозяйка». В то же время лексема *househusband* (муж, ведущий домашнее хозяйство) не имеет соответствий в русском языке и может рассматриваться как гендерная лакуна для русского языка.

Лексически невыраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами, существуют в национальном сознании, поскольку все они носят отражательный характер. Они репрезентируют в сознании денотаты, присутствующие в национальной действительности. Причины их лексической невыраженности – коммуникативного, а не концептуального порядка: если возникает коммуникативная потребность в лексической объективации, данные концепты будут названы: *femme médecin* «женщина-врач», *modèle* для обозначения манекенщицы и т. д.

Таким образом, определенная социально-культурная окраска понятий ещё не мешает им быть тождественными в двух языках. Можно, однако, привести примеры понятий, национальная окраска которых оказывается достаточно сильной, чтобы повлиять на их содержание и сделать соответствующее слово лакуной для другого языка. Так, *chansonnier*, обозначающее поэта и композитора, исполняющего свои сатирические песни в кабаре Франции, не находит свой полноценный эквивалент в русском слове *куплетист*. Понятие, выражаемое этим словом, не имеет лексически закрепленного способа выражения в русском языке и *chansonnier* оказывается для русских абсолютной этнографической лакуной. В данном случае речь идет о словах, имеющих, хотя и яркую национальную окраску, но еще недостаточно специфичную,

чтобы сделать их абсолютными лакунами. Естественно, что существование этнографических лакун, хотя и мешает, но не исключает взаимопонимания. Однако для осуществления нормальной коммуникации необходимо глубоко знать национальную культуру, быт, нравы народа, говорящего на данном языке [Махонина 2003: 42].

Что касается универсальности всех человеческих понятий, то говорить об этом следует безоговорочно. Действительно, понятия универсальны как категория мышления, свойственная только человеческому мозгу. Понятия универсальны в том смысле, что каждый человек, на каком бы языке он не говорил, способен их понять, осмыслить, образовывать.

Тот факт, что и абсолютные лакуны в данном языке можно «заполнить» на уровне речи пояснительными перифразами, также свидетельствует об универсальности человеческих понятий.

Возможны ситуации, когда отдельной лексической единице одного языка соответствует устойчивое словосочетание в другом языке. Приведём такие примеры на русско-французском материале: почтовый работник – *postier,* страховой агент – *assureur,* учитель начальной школы – *insituteur*, а также целый ряд наименований, образованных во французском языке по модели *bibliothéc(que) + aire: vidéothécaire, médiathécaire, ludothécaire* – служащий видеотеки (хранилища видеозаписей), медиатеки (хранилища материалов, средств массовой информации, относящейся к коммуникации), игротеки. И наоборот: aide soignante – *санитарка,* employée de maison – *горничная* и т.д. В этом случае о наличии лакун говорить нельзя, налицо просто разные структурные типы номинации концепта в различных языках. Лакуны, если оказывается необходимым выразить соответствующий концепт речи, компенсируются, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными сочетаниями, развёрнутыми объяснениями, пояснительными перифразами.

То, что словами можно объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объёма коммуникативных средств), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть компенсирована. Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации любой лакуны [Попова, Стернин 2003: 29].

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации лакуны – ещё одно свидетельство того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть;

только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

Итак, национальная специфика мышления обусловлена не национальным языком, а национальной действительностью. Отсутствие лексической единицы (внутриязыковая или межъязыковая лакуна) не означает отсутствия в сознании народа соответствующего концепта, за исключением случаев мотивированных межъязыковых лакун, отражающих отсутствие у народа конкретных предметов или явлений. В остальном лексическая лакунарность вносит свой вклад в обеспечение национального своеобразия лексической системы языка, однако не влияет на формирование национальной специфики мышления народа.

Список литературы

1. Беляев, Б. В. Психологические основы усвоения лексики иностранного языка [Текст] / Б. В. Беляев. – М.: Учпедгиз, 1964. – 174 с.
2. Махонина, А. А. К вопросу о классификации межъязыковых лакун [Текст] / А. А. Махонина // Язык и национальное сознание. – Выпуск 4. – Воронеж, 2003. – С. 40-45.
3. Попова, З. Д.; Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2003. – 60 с.

С.В. Ляпун
Майкоп, Россия

ЯЗЫКОВОЙ ПОВТОР КАК ПРИЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ
(на материале современной газетной публицистики)

Языковой повтор всегда занимал немаловажное место в системе выразительных ресурсов газетной публицистики. В постсоветскую эпоху этот прием стал одним из самых популярных и востребованных в связи с тем, что обращение к повтору обеспечивает реализацию воздействующей функции публицистики, которая неотделима от ее основной интенции – убедить аудиторию, привлечь на свою сторону как можно больше читателей.

С помощью языкового повтора автор-публицист делает текст не только экспрессивным, эмоциональным, но и прагматически ориентированным, оценочным, добиваясь реакции читательской аудитории. Затрагивая чувства и интересы читателя, журналист в то же время влияет на его мышление, и таким образом воздействие оказывается разносторонним. Характер воздействия – открытый или завуалированный – может зависеть от того, к какому виду повтора обращается автор, но в любом случае этот прием привлекает и удерживает внимание массовой аудитории, воспринимающей передаваемую информацию в заданном журналистом ключе.

Рассматривая повтор как стилистический прием, мы разделяем мнение В.П. Москвина, который, устанавливая типологию повторов, выходит за рамки синтаксической стилистики и предлагает уровневую классификацию: «Повторяющаяся единица может (и это не раз подчеркивалось специалистами) принадлежать любому уровню языка – фонетическому, морфемному, лексическому, синтаксическому» [Москвин 2000:8].

В данной работе подвергаются анализу лексический и синтаксический повторы, которые нередко в контексте взаимодополняют друг друга, выполняя не только текстообразующую роль, но и актуальные стилистические задачи. Лексический повтор, отличающийся структурным и семантическим разнообразием (повторяться могут разные формы одного слова или разные значения), способствует созданию прагматической направленности газетного текста, и поэтому он по праву считается одним из интенсификаторов воздействия. Как полагает Е.А. Покровская, в настоящее время категория интенсивности в публицистике реализуется через отношения противоречия (принцип контраста), лексический повтор и языковую игру. Именно эти приемы, взятые вместе, формируют как прагматический потенциал газетного текста, так и сегодняшний языковой вкус [Покровская 2003: 152]. Материалом нашего анализа служат аналитические тексты, поскольку прежде всего в исследовательских жанрах, в силу специфики их формы и содержания, повтор проявляет себя как особая языковая единица, сочетающая значение количества и качества.

Лексический повтор лежит в основе другой классификации –позиционной, на которую обычно опираются ученые, выделяя разновидности этого приема исходя из того, какую позицию занимают повторяющиеся единицы. Среди позиционных разновидностей повтора ведущее место по частоте употребления занимает лексическая анафора, направленная на то, чтобы выделить ключевые фразы рассуждения и эмоционально вовлечь читателя в ход авторской мысли. Прагматический эффект, обусловленный данной стилистической фигурой, возрастает, когда анафорическое построение смежных отрезков речи сопровождается их графическим выделением, вследствие чего они приобретают динамизм и, конечно, экспрессивность:

Возможно, реформаторы свято верили, что всегда будут в правительстве.

Возможно, они свято верили, что в стране будет президент, проводящий либеральные реформы.

Возможно, они свято верили, что эта система умеет бороться только с коммунистической оппозицией, а против них она не сработает.

Сработала. (Новая газета. 22.12.03. – далее НГ). В данном случае анафора

переходит в анадиплозис, текстообразующая функция которого не получает дальнейшего развития, а сводится к тому, чтобы сделать лаконичное резюме.

Лексико-синтаксический повтор может выступать структурной основой для построения семантических фигур, которые, по мнению ученых, «являются непосредственными выразителями эмоционально-оценочной и образной экспрессии, в то время как синтаксические фигуры являются выразительно-интенсифицирующими компонентами категории интенсивности» [Сковородников 2001:75]. Обратимся к примеру, где анафора сочетается с градацией:

Когда мне с экрана сообщили, что замечательный саночник Демченко «отхлестал по щекам немцев и швейцарцев», мне стало как-то не по себе. Когда промах великого Бьорндалена встречался чуть ли не радостным воплем, было уже стыдно. Когда на финише женской лыжной эстафеты история «с флагом ей в руки» продолжалась на протяжении всего финишного створа, хотелось выключить звук (НГ. 06.03.06). Как видно из контекста, автор, используя вышеназванные приемы, больше апеллирует к чувствам и эмоциям читателя, которому передается внутреннее состояние журналиста, его негативная оценка описываемых событий.

В создании прагматического потенциала газетного текста большую роль также играет эпифора, употребляющаяся, как правило, тогда, когда автор хочет подчеркнуть отрицательный результат или логически выделить резюме. И анафору, и эпифору ученые считают приемами смыслового акцентирования, что объясняется спецификой занимаемых ими позиций, которые привлекают внимание к коммуникативно значимым элементам речи. В соответствии с так называемым «эффектом края» лучше запоминается то, что дается в начале и конце сообщения. Вот почему журналисты стремятся максимально использовать прагматические возможности сильных позиций. Например, использование эпифоры делает авторскую мысль более упругой, оценку - более выпуклой. Приведем пример, где на основе данной стилистической фигуры построен лид журналистского комментария:

Уйти – плохо. Остаться – плохо. Не контролировать нового президента – опасно. Пытаться его контролировать – еще опаснее. Доверять друзьям – глупо. Не доверять – еще глупее (НГ. 29.11.07). Характерно, что выделенный фрагмент текста предваряется заглавием *«В кольце концов»*, тоже построенном на повторе, но уже – фонетическом, который, однако, несет большую смысловую нагрузку. Здесь стилистически сильные позиции текста являются семантически насыщенными, что обеспечивает необходимое воздействие на читателя и готовит его к восприятию информации.

Как уже отмечалось, лексический повтор не всегда бывает тождественным. Более того, в некоторых случаях повтор преднамеренно сопровождается вставкой какого-либо слова, например, подчеркивающего проводимую аналогию между событиями или явлениями:

Касьянов, образованный, холодный, флегматичный чиновник, которого загнали в угол и который именно в силу этого может стать выразителем других холодных и флегматичных людей, которых тоже загнали в угол (НГ. 28.07.05).

Интересно заметить, что в результате обращения к приему смыслового акцентирования может возникать юмористический эффект. В таком случае повторяемое слово получает в контексте дополнительные смысловые оттенки, которые и обусловливают юмористическую тональность определенного фрагмента текста. Немаловажным здесь является то обстоятельство, что автор добивается своей цели без особого психологического давления на читателя, и таким образом, его оценка не навязывается аудитории и вследствие этого не вызывает у нее отторжения. Приведем отрывок из интервью, взятого у сына известного украинского политика В. Януковича:

- А какой он, отец?

- Правильный.

- В смысле – не бьет, не ругает?

- Правильный – это когда сыновья восхищаются.

Сын у Януковича, я заметил, тоже правильный. Правильная такая семья.

- А как насчет стать президентом в будущем?

- Нет. Пока нет.

Еще он рассказал, что с сыном Ющенко и дочкой Тимошенко он ни разу не пересекался. Тоже правильно (Комсомольская правда. 24.03.06 – далее КП).

Прагматическая целеустановка предполагает подачу фактов или событий в установленном автором ракурсе, поэтому стремление повысить прагматический потенциал материала заставляет соответствующим образом организовывать текст. Так, весьма эффективным в плане выражения имплицитной авторской оценки, возникающей в результате приращения смысла, следует считать и кольцевой повтор, который также распространен в аналитической публицистике. Как это часто бывает, имплицитная оценка является иронической:

<…>Происшествие сочтено хулиганством. Без мотивов национальной розни, потому что с национальной рознью у нас можно не только убивать, оказывается. А порядочно «хулиганить», исключительно просто так, без мотивов (КП. 25.03.05).

Итак, проведенный анализ показал, что языковой повтор обладает несомненными

возможностями для того, чтобы повысить воздействие на массовую аудиторию. Этот прием является привлекательным потому, что с его помощью автор-публицист, интерпретируя события или явления, оказывает не только эксплицитное влияние на читательское восприятие и оценку окружающей действительности, но и имплицитное.

Список литературы

1. Москвин, В.П. Типология повторов как стилистической фигуры [Текст] / В.П. Москвин // Русский язык в школе. – 2000. – №5. – С. 81-85.
2. Покровская, Е.В. Понимание современного газетного текста (прагматический аспект) [Текст] / Е.В. Покровская. – М., 2003. – 274 с.
3. Сковородников, А.П. Фигуры речи в современной прессе [Текст] / А.П. Сковородников // Филологические науки. – 2001. – №3. – С. 74-80.

Т.А. Марчук
Белгород, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для того чтобы язык мог оптимально выполнять свою функцию средства общения, он должен адекватно выражать и передавать то, что для человека наиболее важно в его познавательной и практической деятельности, т. е. некоторые содержательные величины, смысловую информацию, или смыслы. Необходимо, чтобы такие смыслы были достаточно постоянны и одинаково понимаемыми и используемыми всеми говорящими; они должны быть узуальны. С точки зрения и человека и языка как средства передачи такие смыслы не могут быть не выраженными.

Такими узуальными смыслами мы считаем содержательные отношения, которые называем смысловыми отношениями (СО), поскольку они являются не только компонентами семантической структуры языковых единиц, но и их коммуникативной целью, передаваемой информацией, их смыслом. К ним относятся: А—отношения по преимуществу с пространственно-предметными параметрами: 1) пространственные, 2) части — целого, 3) принадлежности, 4) родовидовые; Б — отношения с событийно-временными параметрами: 5) временные, 6) причинно-следственные, 7) условные, 8) цели, 9) результата; В—отношения двойственной ориентации: 10) сравнения и 11) сходства/различия, 12) уступительные, 13) соединительные, 14) противительные, 15) разделительные, 16) по рядка, 17) именования. Следует иметь в виду, что классификация основана не на онтологических свойства отношений, а на видах категориальных значений языковых единиц.

В системе языка категория отношения также наиболее абстрактна, поскольку отношения, во-первых, включаются в число свойств языковых элементов и, во-вторых,

служат средством их организации, объединяя в структуры. Отношения соединяют предметные и призначные значения, а также значения других отношений. Каждая единица языка характеризуется множеством отношений с другими элементами и единицами, в противном случае она оказалась бы вне системы. Смысл – это то, что должно быть передано в акте коммуникации, в устной или письменной форме. Смысл выражается языковыми единицами, выступающими в единстве формальной стороны, структурной грамматической формы, и содержания, т. е их значения, семантики.

Таким образом, можно говорить о четырех семантических областях в структуре языка: лексической и синтаксической (в их денотативно-отражательном аспекте), грамматической и словообразовательной.

Почти все традиционно выделяемые СО в лексике языка имеют определенные названия: «время» – временные / темпоральные отношения, «пространство» – «пространственные / локативные / локальные отношения» и т.п.

Локативные СО. Из всех рассматриваемых СО локативные представлены наиболее широко – словами разных частей речи. Можно отметить две особенности, характерные для подсистемы локальной лексики: с одной стороны, в английском языке существуют достаточно крупные классы слов (прёжде всего существительные и глаголы), значение которых содержит релятивный локальный компонент, и, с другой – доминантой в их семантической структуре является вещественный компонент. Наиболее крупные подклассы глаголов, так или иначе связанных с передачей локативных значений, обычно выделяемые лингвистами,– то глаголы местоположения (to lie, to stand) направленного движения (to come, to go), направленного действия.

СО части-целого. Для иллюстрации СО «часть-целое»обычно приводятся взаимотрансформируемые конструкции, выражающие данное отношение в наиболее чистом виде,– b is a part of a, a has b: The handle is part of the door – the door has a handle. A petal is a part of a flower – the flower has a petal.

Для номинации членов отношения «часть— целое» в английском языке используются существительные двух типов К первому у типу относятся имена нарицательные, конкретные, или «собственно имена» предметов, которые могут быть, в действительности частями других предметов и выступать как целое (например, door, handle, cuff, sleeve, finger, hand и пр.)

Второй тип — релятивные существительные. К именам обозначающим часть, кроме part относятся такие релятивные существительные, как element, component, constituent (member), organ,unit,item,article,entry (статья в словаре), синкретично называющие отношение и член отношения «часть».

СО принадлежности. Данное СО выражается глаголами, прилагательными и существительными. Глаголы to possess, to own (обычно определяемые в словарях друг через друга), указывают направление от обладателя к объекту обладания; и to belong — направление от объекта к обладателю. Они называют отношение и не несут какого-либо дополнительного значения.

Существительные — имена членов отношения (possessor, owner – possessions, belongings) обладают определенной степенью релятивности, что проявляется в их обязательной сочетаемости с именами соответственно объекта и субъекта обладания:

СО сходства и СО различия. В английском языке наличествует достаточно большое (по сравнению с количеством имен других СО) число полнозначных слов, в первую очередь прилагательных, образующих два синонимичных ряда по значению соответственно сходства (тождества) (similar,analogous) и различия (different). В классе существительных и глаголов им соответствуют однокорневые слова similarity, difference.

Временные СО предшествования/следования и одновременности. В языке названные СО выступают как цельные автономные понятия предшествования, следования, одновременности с общим категориальным значением ‘когда’ и составляют лишь часть понятийной и функционально-семантической категории темпоральности. На фоне достаточно ярких различий в системе форм и значении грамматической категории времени данные значения выступают как универсальные. Эксплицитно они слабо представлены в системе и существительного и глагола. Среди существительных можно отметить редко употребляющиеся имена СО (sequence, simultaneity), а среди глаголов — to precede, to follow, to ensure, выражающие к тому же идею порядка, пространственного следования) ранга и результата. Полнее темпоральные СО представлены в системе прилагательных, особенно широко в подсистеме производных единиц. Внутри группы прилагательные находятся друг к другу в разнонаправленных отношениях (синонимии, антонимии).

Причинно-следственные СО. С семантической точки зрения, т. е. системы значений, причинно-следственные СО обнаруживают еще меньшее разнообразие, чем временные СО. Значения «причины», «основания», значение противочлена — «следствия», а также значение «результата» (как следствия), характеризуются цельностью и однозначностью.

Кроме имен отношений, упоминавшихся выше, значения данных СО часто выражаются глаголами, организованными синонимическими и конверсными отношениями, образующими лексико-грамматический комплект. Во-первых, это синонимический ряд «быть причиной», «вызывать» (to cause, to bring on, to bring about,

to create, to generate, to lead, to induce, to produce, to provoke, to result in) и фразеологическое сочетание to give rise to.

Во-вторых, это глаголы с конверсным значением ‘быть следствием’, ‘результатом’: to result from, to arise from, to come from, / out of, to originate from/ in и сочетания to be due to/to be owing to.

Отношение «результата», «следствия» может быть передано также соответствующими существительными: result, consequence, effect, issue, outcome, aftermath (to be the result/ the consequence of).

В разряде прилагательных СО причины находит выражение кроме due и owing, в отглагольных и отсубстантивных образованиях resulting, resultant, consequent, выражающих элемент R в формуле aRb, т.е. само отношение.

СО цели. Это отношение передает связь между двумя действиями одного или нескольких субъектов и выражается предложениями с придаточным или с инфинитивом цели.

В лексике СО цели именуется рядом существительных aim, goal, object, purpose, design, а так же end, cause, result, передающих значение, намерения «достичь чего-то».

В глагольной лексике прослеживается еще одно противопоставление в парах глаголов, обозначающих в основном, но не всегда, действия со строго детерминированной последовательностью, «процессы с одной степенью свободы». Здесь имеется в виду противопоставление действие – результат действия или цель, например в парах таких глаголов: to look for – to find, to go – to arrive, to look for – to see.

СО условия. Условные СО представлены в лексике как будто бы бедно существительным condition (условие) и глаголом to condition. Существительное condition характеризуется теми же особенностями употребления, что и другие имена отношений, но встречается реже.

Таким образом, в системе полнозначных слов СО представлены как собственно-лексическими, так и словообразовательными значениями существительных, прилагательных, глаголов, наречий.

Разные СО по-разному представлены в системе лексических средств. Существительные называют отношение или члены отношения. Прилагательные и глаголы для некоторых СО объединяются разнонаправленными семантическими (синонимическими, конверсными) отношениями, образуя лексико-грамматические комплексы, или комплекты, единиц.

Список литературы

1. Варшавская, А. Смысловые отношения в структуре языка [Текст] / А. Варшавская. – Л., 1984. – С.5-49.

2. Никитин, М. Лексическое значение в слове и словосочетании [Текст] / М. Никитин. – М., 1974. – С. 218-222.
3. Солнцев, В. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. Солнцев. – М., 1977.– С.238-241.
4. Сусов, И. Семантика и прагматика предложения [Текст] / И. Сусов. – Калинин, 1980.– С. 47-51.

Г.Г. Матвеева
Ростов-на-Дону, Россия

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ КАК НАУКИ

Прагмалингвистика вышла из прагматики. А прагматика – это аспект семиотики наряду с семантикой и синтактикой. Критерием оценки семантики является ее адекватность объективной действительности. Критерием синтактики является ее правильность линейной организации. Критерием прагматики является ее успешность в практике общения.

Семиотика, как известно, это наука о знаках. Если объектом изучения является языковой знак, то мы говорим о прагмалингвистике.

В настоящее время нет общепринятого определения прагмалингвистики. Однако можно проследить эволюцию её дефиниции. Так, в 1999 году в таком авторитетном издании, как Лингвистический энциклопедический словаре, в статье «Прагматика» ее автор Н.Д.Арутюнова относит прагматику к области «исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [Арутюнова 1999: 389]. Из этого определения вытекает, что, во-первых, в языкознании еще изучается прагматика, а не прагмалингвистика, а, во-вторых, человек, присутствие которого обязательно постулируется в прагматике как аспекте семиотике [Морис 1983], в данном случае еще не находит прямого упоминания. Однако предложенное определение, тем не менее, имеет важное методологическое значение, так как в нем мы видим отступление от структурной парадигмы и переход к новой антропоцентрической парадигме в языковедческих исследованиях.

И это принципиально, потому что именно в прагматике, как и в прагмалингвистике, изучается, во-первых, влияние человека на знак; во-вторых, влияние знака на человека и его поведение; в-третьих, взаимодействие людей с помощью знаков, и, наконец, функционирование знаков в деятельности человека. Так что акцентирование внимания современных языковедов на тот факт, что в лингвистике изучается не просто знак, а языковой знак, позволяет нам остановиться на термине прагмалингвистика. Известно, что было несколько предложений относительно именования дисциплины –

прагматическая лингвистика, лингвистическая прагматика. Мы остановились на самом компактном термине – прагмалингвистика.

Современное определение прагмалингвистики как языковедческой дисциплины стало возможно в результате исторического поступательного развития некоторых предшествующих дисциплин, в которых изучалась речь человека. Среди них упомянем теорию речевого акта (ТРА), лингвистику текста (ЛТ), функциональную грамматику, психолингвистику, социолингвистику, этнолингвистику.

Теория речевых актов сложилась в рамках лингвистической философии [Арутюнова 1999: 412] под влиянием идей Л.Витгенштейна о множественности назначений языка и их неотделимости от форм жизни. Оформилась ТРА как дисциплина в 1955 г. в лекциях Дж.Остина, где ее основная категория – речевой акт (РА) – была определена как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [Арутюнова 1999: 412]. Обратим внимание на тот факт, что в определении не уточняется, кто совершает речевое действие и для кого это действие целенаправленное. Иными словами, действующее лицо не называется, но подразумевается. Проблематика РА и речеобразования содержится в лингвистических концепциях В.Гумбольдта, Ш.Балли, С.Карцевского, Л.П.Якубинского, К.Бюлера, Э.Бенвениста, М.М.Бахтина.

Лингвистика текста (ЛТ) – это дисциплина о правилах построения текста и его смысловых категориях, выражаемых по этим правилам. В данном случае так же, как и в ТРА не уточняется, кто строит текст по правилам его построения, и кто выражает смысловые категории по этим правилам. Однако действующее лицо, т.е. отправитель текста, подразумевается и выводится из данного определения. Истоки лингвистики текста можно найти в работах, посвященных правилам выбора актуализации языковых единиц при переходе от языка к речи. Назовем имена А.М.Пешковского, Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, Ш.Балли и др.

Функциональная грамматика – это разновидность грамматики, имеющая объектом изучения функции единиц строя языка и закономерности их функционирования [Бондарко 1999: 565]. Под функционированием понимается взаимодействие с элементами окружающей среды. А функции языковых средств рассматриваются как свойственная им в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи. Функция также рассматривается как результат функционирования, т.е. как реализованное назначение, достигнутая цель. Опять-таки действователь, т.е. тот, кто реализует и достигает в речи цели, здесь не назван, но подразумевается и выводится как отправитель

текста. Истоки функциональной грамматики находим в трудах Л.В.Щербы, И.И.Мещанинова, В.В.Виноградова. Разработка проблем функциональной грамматики реализуется в трудах С.Д.Кацнельсона, А.В.Бондарко и его многочисленных учеников, прежде всего, разработчиков идеи функционально-семантического поля (см. работы Ю.Н.Власовой и ее учеников).

Психолингвистика – это наука о процессах речеобразования, восприятия и формирования речи (в их соотношении с системой языка) [Леонтьев 1999: 404]. Хотя в данном определении человек как носитель речи прямо не назван, однако нельзя даже подумать о том, что в разработках психолингвистики речь идет не о человек, потому что в психолингвистике разрабатываются модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации именно человека. Психолингвистика зародилась в 30-х гг. XX века в трудах Л.С.Выготского, А.Р.Лурия, Н.И.Жинкина, С.Д.Кацнельсона и разрабатывалась в трудах А.А.Леонтьева и его учеников.

Социолингвистика – это дисциплина, изучающая проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества [Швейцер 1999: 481]. Здесь уже назван субъект речи – общество: изучается речевая деятельность не отдельного человека, а группы людей. Социолингвистика зародилась в 20-30-х гг. XX в. в трудах Л.П.Якубинского, В.В.Виноградова, Б.А.Ларина, В.М.Жирмунского, Е.Д.Поливанова и др.

Этнолингвистика (от греч. ethnos – народ) - это направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре народа. В этом направлении изучается взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка [Кузнецов 1999: 597]. Здесь, как видно из определения, в качестве речедеятелей выступает еще более крупное общество – народ. Начало исследований данной проблематики в России было положено в трудах Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни, А.Н.Афанасьева. В США данное направление как самостоятельное оформилось в 70-х гг. XX в. в связи с изучением индейских племен Северной и Центральной Америки.

Как видно из истории формирования антропоцентрической парадигмы в различных направлениях языкознания в XX веке, вовлечение человека и его практики речевого общения в науку о языке заняло довольно длительный период, который увенчался переходом интересов исследователей от структурной парадигмы к антропоцентрической парадигме, в центре которой стоит человек и его взаимоотношение с языком. В полной мере идеи антропоцентрической парадигмы

реализуются в новой науке о языке – прагмалингвистике. Прагмалингвистика вобрала в себя достижения всех наук, разрабатывавших различные аспекты использования человеком языка. Поэтому можно дать такое рабочее определение данной дисциплине.

Прагмалингвистика – это дисциплина языкознания, в которой изучается функционирование лингвистических единиц в практике речевого общения коммуникантов.

Разумеется, как и во всякой дисциплине, в прагмалингвистике есть свой объект, предмет, цель и задачи, разработана своя гипотеза. Данная наука построена на твердой методологической почве, имеет свой материал исследования, использует специализированные методы изучения, наряду с философскими и общенаучными. В прагмалингвистике разработан ряд категорий – категория выбора, речевой деятельности, речевого поведения, намерения и интенции и ряд других. Прагмалингвистика реализуется в двух направлениях – функциональной прагмалингвистике и скрытой прагмалингвистике.

Современное языкознание уже не мыслится без прагмалингвистических исследований. И это свидетельствует об актуальности данного научного направления.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Прагматика [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999.
2. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко // Лингвистический Энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999.
3. Кузнецов, А.М. Этнолингвистика [Текст] / А.М. Кузнецов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999.
4. Леонтьев, А.А. Психолингвистика [Текст] / А.А. Леонтьев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999.
5. Моррис, Ч. Основания теории знаков [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.
6. Швейцер, А.Д. Социолингвистика [Текст] / А.Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999.

И.А. Матросова
Абакан, Россия

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА “MELT” В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрим некоторые семантико-синтаксические особенности глагола “melt”. Проанализированные примеры с компонентом “melt” в исходном значении “(cause to) become liquid” можно разделить на три сферы использования: 1) природные явления, 2) химические процессы, 3) деятельность человека: а) литье металла, б) приготовление пищи.

В рамках каждой сферы мы составим модели с учетом типа предиката (P) и присоединяемых им аргументов.

К сфере «природные явления» относятся примеры с компонентом melt в значении “to become liquid” (таять, растаять), описывающие изменение состояния веществ и объектов в природе (snow, ice) под воздействием температурных изменений (sun, heat), синонимом “melt” в данном значении является глагол “thaw”.

*The **snows** of many winter nights **had melted** from that ground, the withered leaves of many summer times had rustled there, since she had fled* [3].

Синтаксическая модель представленного примера - N+V. Семантическая структура предложения (ССП) включает процессуальный предикат и аргумент в функции Patient (объект, подвергающийся воздействию). Таким образом, семантическая модель предложения может быть записана как:

P (process) x Patient (+common, +count, + concrete, - animate) y covert.

Аргумент *y* не выражен во внешней структуре предложения, хотя подразумевается, что изменение агрегатного состояния снега происходит под температурным воздействием, то есть роль *y* - скрытая (covert).

Если аргумент *y* в подобных примерах эксплицитен, то он функционирует как роль Force: то есть неодушевленный инициатор действия.

Например: ***The snow had melted under the rain**, and only the hilltops showed White* [6].

В структуру представленного предложения входит процессуальный предикат и аргументы Patient и Force. Семантическая модель предложения -

P (process) **x** Patient (+common, - count, + concrete, - animate) y Force (+common, - count, + concrete, - animate).

Синтаксическая структура данного примера N1+V+prep+N2 представлена двумя актантами: N1- *snow* и N2- *rain*.

В рамках группы «химические процессы» представлены примеры, описывающие процесс изменения состояния легкоплавких веществ, которые растапливаются под температурным воздействием. Например:

*You are getting fat and wheezy. I shall take my time with you until your **fat melts** and your lungs pant and wheeze like leaky bellows* [7].

Модель представленного предложения:

P (process) **x** Patient (+common, - count, + concrete, - animate) **y** covert

ССП включает процессуальный предикат и аргумент в функции Patient и реализуется в синтаксической структуре N+V.

Если в примере указывается температурный показатель, при котором происходит плавление вещества, то мы имеем дело с ролью Range:

The eutectic mixture melts at relatively low temperature of 183 C [5].

Синтаксическая модель предложения- N1 V prep N2 отражает семантическую структуру - P (process) **x** Patient (+common, - count, + concrete, - animate) **y** Range (+common, - count, - concrete, - animate).

Сферу «деятельность человека» можно разделить на две подгруппы: приготовление пищи и промышленность (литье металла).

К подгруппе «приготовление пищи» относятся примеры, описывающие технологию приготовления различных блюд. Глагол “melt” сочетается с существительными, обозначающими продукты питания (вещественными существительными), способными расплавляться под температурным воздействием: *sugar, chocolate, butter, cheese, etc*. Эти существительные обозначают объекты, подвергающиеся воздействию, претерпевающие изменение и выполняют роль Patient.

Например: *And the place was getting hotter and hotter and the* ***butter beginning to melt*** *and run down my neck and behind my ears* [8].

В некоторых примерах указывается инициатор действия, который выражен либо именем собственным, либо личным местоимением и выполняет роль Agent: *Secluded in the solitude of the head-waiter's pantry,* ***Bishopriggs*** *sat peacefully* ***melting the sugar*** *in his whisky-punch* [2].

В данном примере ССП с акциональным предикатом и аргументами Agent и Patient соотносится с ситуацией, в которой участвует производитель действия и объект, подвергающийся воздействию. Таким образом, семантическая модель предложения- P (action) x Agent (+common, + count, + concrete, +animate) **y** Patient (+common, - count, +concrete, - animate).

Синтаксическая структура предложения с двумя актантами может быть представлена моделью N1+V+N2, в которой N1- имя собственное или личное местоимение, а N2- вещественное существительное.

В примере*: The microwave melted the butter* [1] делается акцент на инструменте воздействия **(***the microwave)*, при помощи которого изменяется состояние вещества **(***the butter).* То есть конфигурация ролей в представленном предложении- Instrument + Patient. Семантическая модель проанализированного примера- P (action) x Instrument (+common, + count, + concrete, -animate) y Patient (+common, - count, +concrete, - animate).

Семантическая структура предложения соотносится с синтаксической моделью N1+V+N2, как и в выше проанализированном примере, однако в данном случае N1 обозначает инструмент воздействия, а не инициатора действия.

Вторая подгруппа примеров, связанных со сферой деятельности человека-промышленность (литье металла). Проанализированные в рамках данной сферы примеры описывают процесс литья металлов, таких как *gold, silver, lead,* etc. Это так же вещественные существительные, которым приписывается роль Patient.

Рассмотрим конфигурацию ролей, типичную для данной подгруппы.

However it is done, it is certain that a ***beam of heat*** *is the essence of the matter. Whatever is combustible flashes into flame at its touch, lead runs like water, it softens iron, cracks and* ***melts glass****, and when it falls upon water, incontinently that explodes into steam* [9].

Синтаксическая модель данного предложения N1+V+N2 реализует семантическую структуру: P (action) x Force (+common, +count, + concrete, -animate) y Patient (+common, - count, +concrete, - animate).

В примере ***"He*** *had made a new* ***squirrel-stick,*** *it seemed. Made it all himself****; melted the lead*** *and everything"* [4] инициатор действия (he-Agent) путем плавления меди (lead-Patient) создает не существующий до описанного процесса объект (squirrel-stick-Factitive).

Данное предложение можно записать как: ***He melted the lead into squirrel-stick.*** Семантическая модель P (action) x Agent (+common, + count, + concrete, +animate) y Patient (+common, - count, +concrete, - animate) z Factitive (+common, + count, + concrete, - animate) реализуется в синтаксической структуре N1+VprepN2.

Таким образом, мы выделили 3 сферы употребления глагола "melt" в исходном значении «таять, растаять, растопить». Для сферы «природные явления» характерно функционирование анализируемого глагола как процессуального предиката в значении "to become liquid". В примерах, связанных со сферой «деятельности человека» и сферой «химические процессы», типично употребление глагола melt в значениях to become liquid как процессуального предиката и to cause to become liquid как акционального предиката.

Семантическая структура предложений с глаголом "melt" в исходном значении представлена моделями: P (process) x Patient y covert,

P (process) x Patient y Force, P (action) x Force y Patient,

P (action) x Agent y Patient, P (action) x Instrument y Patient,

P (action) x Agent y Patient z Location, P (process) x Patient y Range

Данные модели реализуются в синтаксических структурах NV, N1VprepN2, N1VN2.

Семантическая модель x Patient y covert свойственна для всех выделенных нами сфер использования анализируемого глагола.

Аргумент *y* не выражен во внешней структуре предложения, но он подразумевается, так как процесс изменения состояния вещества происходит под воздействием человека (Agent) или внешних факторов (Force), таких как жара, солнце, высокая температура.

Схемы x Force y Patient и x Patient y Force типичны для всех выделенных нами сфер, кроме «сферы деятельности человека», так как само название сферы подразумевает вмешательство человека, что исключает использование роли Force. Акцент делается на намеренном воздействии на вещество человеком (роль Agent, выраженная личными местоимениями или именами собственными) или различными инструментами (роль Instrument): приборами, нагревающими вещества до состояния плавления. В подгруппе данной сферы «Литье металла» мы имеем дело с ролью Range, используемой для описания величины температурного воздействия и ролью Location, выраженной существительными с предлогом, которые функционируют в предложении в качестве обстоятельства места. В позиции подлежащего эти же существительные выполняют роль Instrument, так как выражают уже не место, а инструмент воздействия.

Проанализировав предложения с компонентом “melt” в исходном значении “(cause to) become liquid”, мы можем сделать вывод, что роль Patient является обязательной в падежной структуре описанных примеров, так как аргумент Patient выражает объект, который подвергается температурному воздействию и претерпевает изменение. Роль Patient функционирует в сочетании с ролями Force, Agent, Instrument, причем данные аргументы не употребляются в одном контексте. Схематически конфигурацию падежных ролей глагола “melt” в исходном значении можно записать как Patient +Force/ Agent /Instrument.

Список литературы

1. Brinton, L. The Structure of Modern English [Текст] / L. Brinton.-Amsterdam, 2000. - 143 с.
2. Collins, W. Man and Wife [Электронный ресурс] / W. Collins // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.
3. Dickens, Ch. The Battle of Life [Электронный ресурс] / Ch. Dickens // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.
4. Grahame, K. Dream Days [Электронный ресурс] / K. Grahame // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.
5. Hawthorne, N. Grandfathers Chair [Электронный ресурс] / N. Hawthorne // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.

6. London, J. Love of Life [Электронный ресурс] / J. London // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.
7. London, J. The Jacket [Электронный ресурс] / J. London // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.
8. Twain, M. The Adventures of Huckleberry Finn [Электронный ресурс] /M.Twain // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.
9. Wells, H.G. The world of the worlds [Электронный ресурс] / H.G. Wells // Режим доступа: http://www.mavicanet.com/lite/rus/.2001, свободный.

S.A. Meiramova, Zh. Amankulova
Astana, Kazakhstan

THE ISSUE OF IDIOMATICITY OF THE TEXT IN THE PRAGMATICAL CONTEXT

English is a language with a vast idiomatic basis, which makes its learning very exciting and intriguing. There are about 4,000 idioms used in the American English. Wikipedia suggests that "to even explain what they mean needs about 2000 words of the vocabulary." Idiom has the meaning only as a unit. Professor Koonin [Koonin 1984: 56] defined idiom "as a stable combination of words with a fully or partially figurative meaning." This definition emphasizes two inherent and very important features of the idiomatic expressions. Idioms have lexical and grammatical stability. It implies that they are fixed in their form, hence any substitutions and rearranging in their structure can lead to complete loss of their primary meaning. Idiomaticity does refer to quality; however, it does not necessarily need to imply that the idiomaticity of an expression depends on its containing of an idiom. Learning idioms present a host of difficulties to English learners in the pragmatical aspect, primarily because they don't know the culture and history behind English idioms. That's why they often use idioms incongruous with the situation. Indeed, English learners utilize idiomatic expressions very carefully, being afraid of using them incorrectly and being misunderstood. They find idioms very problematic to both understand and use.

The essence of idiomaticity deals with 'a history of idiomatology, or idiomaticity, or idiomatics, or perhaps phraseology'. According to Reichstein [Reichstein 1974: 21], for instance, the term idiomaticity is used for semantic and structural irregularity of phrasal idioms. As for understanding the term in its broader sense, we should note that an expression is 'idiomatic' or it has 'proper idiomaticity' if it is judged intuitively by native speakers as usual, natural, and commonly acceptable. Taking into account the sociolinguistic and pragmatic aspects of language use it is appropriate to mention George W. Grace as he was the first not only to introduce the term 'idiomatology' but also to use it in the sense that coincides with the conviction that it shows principal features of a science. Grace [Grace 1981: 4] presents several

types of idiomatological phenomena that range from many kinds of seemingly arbitrary and unmotivated restrictions, via illogical and semantically anomalous forms, to grammatical exceptions, e.g. *fifty-cent cigar; by and large; I slept late; kick the bucket; didn't you know that?* The scholars who have probably done the most to systematize the field of Grace's idiomatology are Andrew Pawley and Francis Syder. They introduced the notion of speech formula, which meant a conventional link of a particular formal construction and a particular conventional idea. Let us notice here that the very term 'formula' is widely used by linguists in various subtle meanings and specifications; however, it seems to be a sort of cover term embracing what might simply be called an idiomatic expression. Thus, if understood correctly, in Pawley and Syder's view all genuine idioms are speech formulas, but not all speech formulas are idioms. In psycholinguistic terms, accepted by these two scholars, true idioms are such speech formulas that are semantically non-compositional and syntactically non-conforming. This opinion naturally obtains for the present paper. There are two or three things worth pointing out in connection with Grace, Pawley and Syder, and others. While Grace tried to offer a serious, purely linguistic description of what is called here 'idiomatic expressions', Pawley and Syder zeroed in on that kind of language, which was required, and more or less rigidly set, by social convention. They strive to give answers to two points: (1) what can be said appropriately and (2) how it is to be said. Undoubtedly, the latter concerns form, the former reflects the pragmatic sense. As for 'pragmatic' aspect, J.Strassler [Strassler 1982], chose the pragmatic route as an intermediate step in the prevailing sociolinguistic direction; he defined the idiom as a functional element of language, namely, as a pragmatic phenomenon, i.e. something that is judged from the point of view of the language user.

It can be distinguished three main periods of idiom investigation. The first one was the very beginning of the 20th century; the next was in the 1950s, when the work in the field was resumed thanks to theoretical developments. The late 80s and the 90s brought about results of great interest, probably also owing to the scholars' inclination to pragmatics and psycholinguistics. However, to date, this period is not history proper yet. In 1925 Logan P. Smith published a book entitled 'Words and Idioms', which was a collection of his essays. The longest one, called simply 'English Idioms', contains the greatest number of examples that Smith was able to gather, file and classify. It should be remarked that Smith was influenced by Jespersen, and that he worked within the favourite tradition of etymology, apparently using lists of idioms that had been compiled mostly by others. Nevertheless, the extension is his, and the classification is indeed detailed and elaborate, encompassing every area of origin possible, *be it sea, war, nature, farming, cattle, birds, etc*. He informs us of idioms 'from foreign sources', he deals separately with idioms drawing on the Bible, as well as with Shakespeare's own original idioms [Smith 1966: 72].

The first scholars to have dealt with idioms within the transformational generative framework were Jerrold J.Katz and Paul M.Postal. Two fairly novel proposals that they offered were (1) separation of the lexicon into two parts, namely lexical part and phrase-idiom part, and (2) criterion of non-compositionality. This is what we will probably take into granted nowadays. What we must point out, however, is their distinguishing of lexical idioms and phrase idioms, the two types being defined on syntactic grounds. The idea of the two types seems important for the reason that 'idiomatic expressions' can subsume such lexemes as clichés, compounds, or even phrasal verbs. For instance, Balint argued that compounds are not phrases, while others treat compounds as minimal idiomatic expressions, and still others do not seem to be quite certain about the issue and prefer to coin a category labelled cross-cutting terms [Balint 1969: 2]. It is fair to say that he who did the most to refine Katz and Postal's tactics was Uriel Weinreich [Weinreich 1972: 31]. He assumed the view, at present also accepted generally, that an idiom is a complex expression, the meaning of which cannot be derived from the meanings of its elements. However, he developed a more truthful terminology, claiming that an idiom is a subset of a phraseological unit. At first sight phraseological units have much to do with Katz and Postal's lexical part of the lexicon, and perhaps with their lexical idioms, too. Let us recall the fact of syntactic domination by one of the lowest syntactic category as, e.g., *in white lie, chew the fat* and compare this with Weinreich's understanding of what he calls phraseological unit. As he claims, a phraseological unit is an expression in which at least one constituent is polysemous; and, indeed, '*in white lie'*, for instance, *white* is polysemous in the intended terminological sense. Then, if Weinreich claims that an idiom is a subset of a phraseological unit, he is certainly right in postulating that such an idiom must be a unit where there are at least two polysemous constituents. And again, Weinreich's idioms seem to be Katz and Postal's phrase idioms. Nevertheless, his approach is certainly more subtle, and more elaborate too, although laid open to criticism. What we will appreciate very much is Weinreich's reference to context. In his definitions of the phraseological unit and its subset of idiom, respectively, he writes to say that in a phraseological unit a selection of subsense is determined by context and also that in an idiom there is a reciprocal contextual selection of subsenses. Weinreich's work is a very significant contribution to idiomaticity studies within the current grammatical framework, which at his time demanded rigor and explicitness. In addition, his work the first valuable hints concerning (1) idiomaticity in terms of unproductive and semiproductive (syntactic) constructions, and (2) the aspect of familiarity of use [of idioms]. Finally, Frederick J. Newmeyer [1974] illustrated the difficulties that we face when we try to incorporate idioms within the generative model. He concluded that if idioms were treated as units, which he had defined before, then those must be

semantic units, not lexical ones. Adam Makkai's distinguished lexemic idioms and sememic idioms, which are said to be placed in two separate idiomaticity areas (i.e. *strata, layers*). Very briefly, an idiom is made up of more than one minimal free form, and then we have two different characteristics: (1) each lexon (i.e. component) can occur in other environments as the realisation of a monolexonic lexeme – hence so-called lexemic idioms, e.g., *White House, blackbird*, and (2) the aggregate literal meaning as derived from the respective constituent lexemes works additionally as the realisation of a sememic network which is unpredictable – hence so-called sememic idioms, e.g. *chew the fat.* Another terminological invention is the distinction between the act of encoding and the act of decoding in the pragmatical sense. The former can be illustrated by using proper prepositions: thus we do not say *...with but rather at in,* e.g., He drove…70 M.P.H. Actually, Makkai prefers to speak of phraseological peculiarities here rather than of idioms. Genuine idioms are based on the act of decoding, and in his truly precise taxonomy these are of various types, such as lexical clusters, e.g. *red herring; tournures, fly off the handle,* etc. We could very well add that all idioms of decoding are simultaneously idioms of encoding, but not necessarily vice versa [Makkai 1972: 83]. Thus *hot potato,* for instance, in the sense 'embarrassing issue' is idiomatic from the semantic point of view (in terms of so-called sememic idioms), and it is also idiomatic as a peculiar phrase since we do not say *burning potato / hot chestnut*. On the other way around, it holds that not every act of encoding is idiomatic. According to Makkai, in every natural language there is a sort of middle style, that is to say neutral, devoid of either type of idiom.

To conclude it should be noted that there is a view according to which everything in natural languages is idiomatic – based on encoding and decoding, from phonology through word-formation up to syntax and semantics, including also sayings, proverbs, even literature and culture. Hence this view would promote the study of idiomaticity in the pragmatical context of the texts since the issues of it to be considered are not limited.

Used Literature

1. Koonin, A. V. English Lexicology [Text] / A.V. Koonin. – Moscow: Higher school, 1984. – P. 56-57.
2. Reichstein, A. D. Nemeckie ustoichivye frazy i ustoichivye oredikativnye edinicy [Text] / A.D. Reichstein. – Moscow, 1974. – P. 21-26.
3. Smith, L. P. The English language [Text] / L.P. Smith. – Oxford, UK.: Oxford University Press, 1966. – P. 72-75.
4. Balint, A. Sector analysis and idioms [Text] / A. Balint. – Kivung 2, 1969. – P. 2-12.
5. Weinreich, U. Explorations in semantic theory [Text] / U. Weinreich. – The Hague/Paris, 1972. – P. 31-47.
6. Makkai, A. Idiom structure in English [Text] / A. Makkai. – The Hague/Paris: Mouton, 1972. – P. 83-87.

Ю.Н. Менщикова
Курган, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА

«Человек не был бы человеком, если бы ему было отказано в том, чтобы говорить – непрестанно, всеохватно, обо всем, в многообразных разновидностях», ибо его «сущность покоится в языке» [Хайдеггер 1993: 259]. Произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, состоящее из названия и ряда единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической и стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку, представляет собой текст [Кривоносов 2002: 50]. Подобное понимание речевого сообщения, текста, позволяет рассматривать его как диалог, т.е. информативное взаимодействие между коммуницирующими сторонами – субъектом и объектом речи.

Коммуникативная партия субъекта речи, или отправителя информации, заключается в языковом оформлении и подаче некоторого текста, а также организации употребления элементов ситуации коммуникативного контакта, которые, по его мнению, являются контекстнозначимыми. «Сказать – значит показать, объявить, дать видеть, слышать, – считает М.Хайдеггер. – Говорить друг с другом значит: вместе высказываться о чем-то, показывать друг другу такое, что выявляет в говоримом обговариваемое, выводит его собою на свет» [Хайдеггер 1993: 265]. Коммуникатор при этом руководствуется такими целями, как формирование у адресата конкретной точки зрения относительно некоторой предметной сферы или выполнение им некоторых действий, обеспечивающих достижение инициировавших коммуникацию целей. Речевые феномены, проявляющиеся в ситуациях коммуникативного взаимодействия с высоким уровнем целеполагания, считаются прагматическими речевыми актами [Шнейдер 2002: 35].

Конструируя собственную модель объективной действительности и используя при этом определенные речевые акты, субъект речи, автор текстового сообщения, должен учитывать разные виды информации: предметно-логическую, или объективную, не связанную с коммуникативной ситуацией и ее участниками, и прагматическую, или субъективную, функцией которой является передача адресату своего отношения к предмету речи и воздействие на него с целью организовать его поведение. Предметно-логическая информация, следовательно, не зависит от языковых средств, оформляющих речевой акт, в то время как прагматическая является результатом языковой реализации

коммуникативной стратегии говорящего, которая может иметь интракоммуникативную или посткоммуникативную силу.

Ориентируясь на конкретную цель, коммуникатор постоянно находится в состоянии выбора одной из многочисленных языковых форм, которые ему предоставляет в распоряжение система языка для реализации его намерения. При этом невыбранные им языковые формы характеризуют его личность столь же полно, как и те формы, которым он отдал предпочтение, поскольку «всякое слово позволяет присутствовать в настоящий момент его сказывания также и всему несказанному, с которым оно соотносится, отвечая или указывая» [Гадамер 1988: 529].

При моделировании текста его автор также ориентируется на индивидуальные или социально значимые характеристики адресата. К примеру, расположение наиболее важной информации в конце сообщения, кульминация, является предпочтительной для заинтересованного адресата, который при незначительном стимуле внимательно читает текст до конца, где он ожидает веских аргументов. Напротив, расположение важной информации в начале текста, антикульминация, эффективна для нейтрального или совсем незаинтересованного адресата, которого приемлемыми аргументами нужно расположить к коммуникативному сотрудничеству. Для этого используются психологические и рациональные элементы коммуникативного воздействия, причем первая группа представлена фонетическими особенностями оформления высказывания, а вторая – аргументацией некоторой точки зрения или целесообразности выполнения адресатом тех или иных действий. При этом любая аргументация предполагает предварительный выбор фактов и ценностей, их описание языковыми средствами с акцентами на понятиях и признаках, которые автор сообщения считает наиболее существенными. Исходя из этого, аргументацию определяют как комплекс вербально реализованных когнитивных процедур обработки знания, приводящих к изменению его онтологического статуса в модели мира адресата и тем самым реально или в перспективе влияющих на процесс принятия решений [Тарасов 1990: 41].

К речевым актам, наиболее приспособленным к явному аргументированию, относятся императивы, непосредственно затрагивающие процесс принятия решений через приказ, совет, пожелание, и речевые акты утверждения, выражения мнения, ориентированные на адресата. В случае необходимости сокрытия истинного смысла сообщения аргументация вводится речевыми актами, влияющими в некоторой степени на адресата, но не соотносимые с его решениями, вызывающими лишь согласие, недоумение, вопрос, намек, сожаление, радость.

Социальные фреймы приказа, просьбы и другие связаны с соответствующими стилями и жанрами изложения, имеющими функциональную закрепленность и определяющими использование тех или иных типов предложения, их последовательность, порядок слов, выбор выражений и грамматических форм, а также языковые стереотипы и предметную ориентацию. Однако, задачу адресата – правильно понять и адекватно отреагировать относительно намерений автора высказывания – облегчают элементы предложения, содержащие модальную оценку сообщаемого факта. Именно она является для получателя той новой информацией, которая придает всему высказыванию коммуникативную целесообразность и прагматическую устойчивость. Модальность, или субъективная оценка, выражается интонацией, модальными частицами и словами, которые переключают внимание собеседника с неинформативных предложений и в то же время упрощают ему процедуру декодирования смысла, который вкладывает в текст его автор.

В связи с этим возникает вопрос об информационной насыщенности речевого сообщения, под которой понимается отношение общего объема передаваемой информации к количеству знаков кода, т.е. слов и предложений, которыми она передается. Информационная насыщенность определяет оптимальный диапазон возможного увеличения или уменьшения ее количества, за пределами которого восприятие сообщения адресатом может оказаться неадекватным. Крайними точками этого диапазона можно считать сообщения с минимальной или максимальной избыточностью, т.е. скопление информации или расплывчатые в смысловом отношении контексты. Информационные вариации в рамках диапазона, обеспечивающего эффективное общение, обусловлены психологическими особенностями восприятия и активизации внимания. Важной характеристикой этого процесса считается дискретность, т.е. ритмичное чередование фаз активности и пассивности, во время которых внимание усиливается или соответственно ослабевает. Вероятно, избыточность является способом страхования от потерь информации, которые могут возникнуть во время пассивной фазы ее восприятия. В результате этого речевые сообщения, функционально нацеленные на точность и однозначность истолкования, как например, тексты официальных документов, научных статей, характеризуются высокой степенью избыточности. Напротив, поэтические произведения и тексты SMS-сообщений являются в максимальной степени информационно насыщенными, но не избыточными, вследствие уменьшения количества языковых знаков и сочетания образов.

Вместе с тем, текст имеет собственную темпоральную структуру, включающую в себя элементы прошлого, настоящего и будущего времени, соотношение которых

определяет его жизнеспособность. Если смысловая структура текста ориентируется на временную плоскость прошлого, он не обладает информационной ценностью; преобладание элементов настоящего времени свидетельствует о том, что это текст-однодневка; текст с ориентацией на временной отрезок будущего не воспринимается коммуникантом адекватно вследствие его информационной перегруженности. В том случае, когда временные элементы текста сочетаются гармонично, он является «вечным» [Храпова 2006: 86-87].

Для адекватного толкования адресатом авторского замысла при оформлении текста следует также уделить внимание контексту его подачи, т.е. сопутствующему информационному материалу. Так, размещение сообщения на первой полосе или странице газеты подчеркивает его социальную значимость и уже в силу этого привлекает к нему внимание. В любом случае, целесообразным представляется такое расположение текста, которое обеспечивает положительные контекстные эффекты и способствует правильному пониманию его содержания коммуникантом.

Коммуникативная партия объекта речи – интерпретация – представляет собой процесс декодирования информации адресанта, т.е. сопоставления знаков текста с их значениями, результатом которого является некоторая версия его понимания. При равномерном распределении в тексте объективного и субъективного компонентов между субъектом и объектом речи наступает состояние равновесия, поскольку разница когнитивных потенциалов взаимодействующих субъектов незначительна, и коммуникативная дистрибуция задействованных в речи знаков приблизительно одинакова. Крайняя разбалансированность при интерпретации текста вызывается критической разницей потенциалов между автором и его адресатом. Напротив, в случае использования языковых единиц с прямой оценочной семантикой, открыто выражающих интенции автора, вероятность гармоничной коммуникации намного больше, поскольку адресат не прибегает к механизмам интерпретации в полном объеме, а, опираясь на свою языковую компетенцию, без труда улавливает основное содержание текста [Самигуллина 2007: 18].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что субъективная модальность текста, выражающая отношение его автора к предмету речи и влияющая таким образом на поведение адресата, оформляется прагматическими речевыми актами. В свою очередь, они способствует успешной речевой коммуникации, в которой «каждое произнесенное слово есть … ответный сказ, идущая навстречу, слышащая речь» [Хайдеггер 1993: 269].

Список литературы

1. Хайдеггер, М. Путь к языку [Текст] / М.Хайдеггер; пер. с нем // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 259-273с.
2. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций [Текст] / А.Д.Кривоносов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 288с.
3. Шнейдер, В. Б. Коммуникация, нормативность, логика [Текст] / В.Б.Шнейдер. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 250с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод [Текст] / Х.-Г.Гадамер; пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова // Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704с.
5. Тарасов, Е. Ф. и др. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации [Текст] / Е.Ф.Тарасов и др. – М.: Наука, 1990. – 136с.
6. Храпова, В. А. Текст как социокультурный код общества [Текст] / В.А.Храпова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – 248с.
7. Самигуллина, А. С. Когнитивная лингвистика и семиотика [Текст] / А.С.Самигуллина // Вопросы языкознания. – 2007. – №3. – С. 11-24.

С.В. Минина
Брянск, Россия

НЕПОНИМАНИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИСКОМФОРТ

В лингвистической прагматике выделяют такое понятие, как коммуникативная неудача (или коммуникативный провал – И.М. Кобозева), которая имеет место, когда намерение говорящего (иллокутивная сила речевого акта) было неправильно понято слушающим, в результате чего реакция слушающего оказалась неадекватной. Наличие коммуникативных неудач достаточно редко приводит к полному непониманию, которое можно определить как коммуникативный конфликт. По нашему мнению, только данного понятия недостаточно при рассмотрении коммуникативных рассогласований. Согласно Б.Ю.Городецкому, «следует отличать собственно коммуникативные неудачи от фактов употребления неправильно построенных высказываний, от коммуникативных трудностей и «неудобств» [Городецкий 1990: 51]. В лингвистике появилось понятие коммуникативного дискомфорта.

При определении коммуникативного дискомфорта, скорее, следует исходить из понятия комфортной/ удобной коммуникативной ситуации. Л.П.Семененко считает, что коммуникативную ситуацию можно считать идеально комфортной, если она включает в себя множество необходимых и достаточных условий для того, чтобы участники ситуации могли в полной мере реализовать свои коммуникативные намерения и/или коммуникативные ожидания. Дискомфортной можно считать коммуникативную ситуацию, если в ней присутствуют черты, затрудняющие реализацию тех или иных коммуникативных намерений и/или ожиданий участников. Таким образом, уровень

успешности коммуникации может определяться степенью расхождения между намерениями / ожиданиями и их реализацией [Семененко 1996: 67].

Следовательно, комфортная ситуация является коммуникативной правильной ситуацией и соответствует правилам ведения разговора. Коммуникативная правильность есть соответствие правилам ведения разговора, подчиненные так называемому принципу кооперации, рекомендующему строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора, они, как и другие условия успешности речевых актов, рассматриваемыми Дж. Остиным, Дж. Сёрлем, Дж. Личем, Е.В.Падучевой и др., носят нормативный характер и определяют успешное протекание коммуникативного акта.

Ситуации общения, в которых реакцией на вопрос является тоже вопрос, можно рассматривать как речевые ситуации коммуникативного дискомфорта, которые нарушают типичную для диалогической речи содержательную и конструктивную связь реплик, когда за вопросом следует ответ. Практически любое реагирование вопросом на вопрос вызывает непонимание, причины которого могут быть различны, но основной причиной является – нарушение принципа кооперации.

Рассмотрим следующие речевые ситуации.

(1) — Ваши родители знали о том, что у вас с Мерцаловым был... — Игорь секунду колебался, прежде чем произнести это слово, роман?

— У нас не было никакого романа, — сказала она так, как будто он ее чем-то оскорбил. — У нас с ним была любовь. И будет всегда. Понимаете?

Нет, подумал Игорь… Не понимаю и, наверное, никогда не пойму. Какая, к черту, любовь может быть с женатым мужиком, имеющим двоих мальцов?!

— Как они относились к вашей... любви?— пересилив себя, Игорь назвал это так, как ей хотелось или представлялось верным [Устинова 2002 (а): 162].

В данном речевом акте один из коммуникантов задает вопрос, то есть его иллокутивная цель – получить информацию от собеседницы, которая, определено, распознает эту цель, хотя она не сразу отвечает на поставленный вопрос. Даму не устраивает особенности «употребления языка» речевым партнером: он определяет связь собеседницы и референта коммуникативного акта как *роман,* она считает, что между ними была *любовь.* На данном этапе имеет место коммуникативный дискомфорт для обоих участников речевого акта, вызванный непониманием, причина которого разногласие в их моральных установках. Поскольку собеседница задает встречный вопрос: *«Понимаете?»*, речевой акт мог завершиться коммуникативной неудачей, и даже привести к коммуникативному конфликту, что следует из внутренней речи Игоря, пожелай он поменять референт беседы и вступить в спор или настоять на своем

определении. Игорь нейтрализует ситуацию коммуникативной неудачи, соглашаясь с собеседницей, чтобы достигнуть своей первоначальной иллокутивной цели, хотя для него коммуникативный дискомфорт сохраняется: ему приходиться быть неискренним, т. е. имеет место нарочитое нарушение условий успешности коммуникации.

(2) — Ну вот, — прошипела Александра. — Ты его уведешь, а я буду стоять посреди зала, как Александрийский столп, и все будут на меня натыкаться.

— Что такое Александрийский столп? — спросил тот <…>

— Чему только вас учат в ваших Гарвардах и Йеллях? Александрийский столп — это я. Я, понимаешь? Александрийский столп — это Александра, длинная, как столб [Устинова 2002 (б): 284].

Приведенный выше речевой акт представляет ситуацию коммуникативного конфликта. Александра, употребив, на ее взгляд, удачную метафору, ожидает, что данное сравнение должно быть оценено собеседником, как хорошая шутка. Но его реакцией является вопрос, который и создает коммуникативный дискомфорт, при котором участники коммуникации чувствуют себя неловко: один из-за незнания денотата и его характеристики, а другая из-за того, что ей стало очевидно данное незнание. Своим ответом Александра старается «сгладить» возникшую неловкость, хотя первая часть ее ответа, выраженная в виде вопросительного высказывания, является упреком и имеет иллокутивную силу репрезентатива, фиксирующую состояние положения дел в действительности. В данном примере коммуникативную неудачу удалось избежать, превратив все в шутку. Оставшаяся неясность речевой ситуации сохранила коммуникативный дискомфорт.

(3) <…> — Как он выглядел?

— Да... как все... — подумав, сказал пенсионер Белов и вдруг улыбнулся. У него были крепкие белые зубы. Явно свои, а не американские. — Как все обладатели мобильных телефонов.

— И как выглядят обладатели мобильных телефонов? И конкретно этот?

— Дайте вспомнить... — пробормотал пенсионер Белов. — Он такой... ваших лет...

— Каких моих? — перебил Андрей. — Тридцать пять? Сорок?

— Скорее сорок, — подумав, сообщил пенсионер. — Но ниже вас и…

[Устинова 2002 (а): 81].

Инициатор данного коммуникативного акта испытывает коммуникативный дискомфорт, т. к. его намерения (получить информацию) реализуются не в полной мере, и речевому акту «грозит» коммуникативная неудача: собеседник не понимает ожидания

спрашивающего. Чтобы избежать коммуникативного провала первый коммуникант задает собеседнику уточняющие вопросы, последний, в свою очередь, находится в ситуации коммуникативного дискомфорта из-за обилия вопросов: отвечающий отдает себе отчет в том, что его ответы не устраивают спрашивающего.

(4) — Филипп, вы женаты? — спросила Александра совершенно бездумно.

— Нет, — ответил он, слегка удивленный. — Почему вы спрашиваете?

— Тогда вам просто необходимо срочно жениться на мне, — сказала Александра. — Понимаете?

— Нет, не понимаю, — искренне ответил Филипп. — Может, объясните?

— Хотите есть? — спросил он <…> — Пойдемте поедим где-нибудь. И поговорим.

— О чем? — пролепетала Александра — ей стало страшно [Устинова 2001 (б): 67].

Перед нами ситуация коммуникативного дискомфорта. Неожиданное предложение Александры очень смущает Филиппа, он не понимает намерений собеседницы: ее высказывания неуместны, и он не знает, как реагировать на них – речевой акт может завершиться коммуникативной неудачей. Однако его личная симпатия к Александре «заставляет» Филиппа предпринять удачный тактический прием – он приглашает собеседницу на обед и, тем самым, перенимает инициативу беседы на себя. Если в начале данного речевого акта Филипп испытывал дискомфорт, то в конце Александра чувствует себя неловко.

Мы рассмотрели некоторые примеры дискомфортных коммуникативных ситуаций, которые могли привести участников речевых актов к коммуникативной неудаче. Во всех случаях нейтрализовать коммуникативный провал помогают удачные тактические приемы: уточняющие вопросы, шутка, создание видимого согласия с собеседником (стратегия «завуалированной искренности»), приглашение на обед (стратегия «перехвата» инициативы беседы), но при этом коммуникативный дискомфорт сохраняется для одного или обоих собеседников, так как намерения/ ожидания коммуникантов реализуются не в полной мере.

Список литературы

1. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] : учебник / И.М.Кобозева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
2. Городецкий, Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения [Текст] / Б.Ю. Городецкий // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет филос. (методол.) семенаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С.39-56.
3. Семененко, Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога [Текст] / Л.П.Семененко. – М.: Московский гос. лингв. ун-т, 1996. – 324 с.
4. Устинова, Т.В. Миф об идеальном мужчине [Текст] : роман / Т.В. Устинова. –

М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 384с. (а)
5. Устинова, Т.В. Мой личный враг [Текст] : повесть / Татьяна Устинова.– М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 320с. (б)

Ю.С. Михайлова
Белгород, Россия

КВАЗИСИНОНИМЫ «РАБОТА» И «ТРУД» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лексические синонимы – одна из наиболее изученных семантических категорий. Её изучением занимались многие ученые: Ш. Балли, Г. Стерн, В.В. Виноградов, С. Ульман, Е.Р. Курилович, Ю.Д. Апресян и др.

Существует несколько классификаций синонимов. Ю.Д. Апресян, в частности, выделяет точные синонимы и квазисинонимы. Ученый выделяет три признака лексических синонимов и отмечает, что «квазисинонимы отличаются от точных синонимов по первому признаку (их толкования имеют большую – в терминологическом смысле – общую часть, но не совпадают полностью) и не отличаются по второму и третьему признакам (наличие одинакового числа активных семантических валентностей, причем таких, что валентности с одним и тем же номером имеют одинаковые роли (или присоединяют к предикату имена одних и тех же актантов); принадлежность к одной и той же (глубинной) части речи)» [Апресян 1974: 223].

Следуя классификации Ю.Д. Апресяна, мы считаем лексические синонимы «работа» и «труд» квазисинонимами.

Сравним толкования данных слов в русском языке. Словарь Ожегова С.И. дает следующее определение слову «работа»: «1. Процесс превращения одного вида энергии в другой; вообще нахождение в действии. 2. Занятие, труд, деятельность. Физическая, умственная р. 3. Служба, занятие как источник заработка. 4.Производственная деятельность по созданию, обработке чего-н. 5. Продукт труда, готовое изделие. 6. Материал, подлежащий обработке, находящийся в процессе изготовления. 7. Качество, способ исполнения» [Ожегов, Шведова 1995: 548]. У слова «труд» в этом же словаре фиксируются следующие значения: «1. Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей. Умственный т. Физический т. 2. Работа, занятие. 3. Усилие, направленное к достижению чего-н. 4. Результат деятельности, работы, произведение. 5. Привитие умения и навыков в какой-н. профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания. Уроки труда» [Ожегов, Шведова 1995: 720].

Как мы видим, в основных своих толкованиях данные квазисинонимы совпадают, «работа» и «труд» трактуются через посредство существительных «занятие», «деятельность», и согласуются с прилагательными «умственный/- ая», «физический/- ая». Но есть и различия. На наш взгляд, понятие «труд» в русском языке является более ёмким по сравнению с «работой». В этом можно убедиться, сравнив первые значения данных дефиниций. В словаре утверждается, что «труд» - это (именно) «целесообразная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей», в то время как «работа» трактуется как «… вообще нахождение в действии» [Ожегов, Шведова 1995: 548, 720]. В то же время понятие «работа» обладает специфическим значением, которое не встречается у понятия «труд» - «… занятие как источник заработка» [Ожегов, Шведова 1995: 548].

С помощью понятия «труд» репрезентируется один из основополагающих концептов русской концептосферы. Данный концепт неоднократно подвергался рассмотрению в кандидатских и докторских диссертациях, в частности, в докторской диссертации «Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке» Г.В. Токарева, в которой он вводит понятие ключевых слов: «Ключевые слова формируют ядро репрезентаций того или иного концепта. Они первыми приходят на ум, когда возникает необходимость обозначить данный концепт. Адекватная форма репрезентации ключевых слов — абстрактное существительное. … К ключевым словам концепта «Труд» мы относим *труд, работа, дело,* поскольку они удовлетворяют психологическому критерию выделения подобных языковых знаков (первыми приходят на ум), имеют достаточно простой семный состав, что обусловливает их широкую экстенсиональность, общеупотребительность, частотность, широкую сочетаемость» [Токарев 2003: 27]. Тот факт, что Токарев Г.В. исследует концепт «труд», а «работу» причисляет лишь к ключевым словам, раскрывающим концепт «труд», доказывает, что понятие «труд» мыслится им как более объемное.

Рассмотрим теперь толкования аналогов русских слов «работа» и «труд» - «work» и «labor» в английском языке. В словаре Webster’s Third New International Dictionary of the English language у слова «work» фиксируются следующие основные значения: «1. activity in which one exerts strength or faculties to do or perform: a: sustained physical or mental effort valued as it overcomes obstacles and achieves an objective or result; b: the labor, task or duty that affords one his accustomed means of livelihood; 2. energy expended by natural phenomena; 3. something that results from a particular manner or method of working» [Webster’s… 1980: 2634]. В этом же словаре поясняется разница между “work” и “labor”: work is a very general word used in a variety of contexts; labor differs from work in often

being limited to purposive, necessary expenditure of effort, usually of a fatiguing or onerous nature." [Webster's… 1980: 2634].

У слова "labor" в английском языке наблюдаются практически такие же значения, что и у слова «труд» в русском, кроме возможности называть школьный предмет. У "labor" имеется одно интересное значение, отсутствующее в русском языке: "the physical activities involved in parturition" [Webster's… 1980: 1259]. Следует также отметить, что Рабочая партия – по-английски the Labour party; в данном словосочетании наблюдается полное несовпадение значений рассматриваемых слов.

Мы видим, что в английском языке разница между "work" и "labor" практически такая же, как и в русском языке: labor указывает на целенаправленную деятельность, не обязательно с каким-либо материальным результатом, work же имеет более общее значение и является деятельностью, позволяющей заработать на жизнь.

Итак, анализируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Квазисинонимы «работа» и «труд» в русском и английском языках взаимозаменимы во многих контекстах. «Работа», как правило, переводится "work", «труд» - "labor". Это рекомендует и словарь The Concise Oxford Russian Dictionary [The Concise… 1998: 982]. «Труд» в обоих языках указывает на целенаправленную деятельность и часто имеет более обширное значение по сравнению с «работой». В то же время «работа» в обоих языках имеет значение деятельности, связанной с зарабатыванием денег. Обе рассматриваемые дефиниции имеют специфические значения в русском и английском языках, которые являются весьма интересными для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 366 с.
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 907 с.
3. Токарев, Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке [Текст] : автореф. дисс. … докт. филол. наук / Г.В. Токарев. – Волгоград, 2003. – 48 с.
4. The Concise Oxford Russian Dictionary [Text]. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 1007 p.
5. Webster's Third New International Dictionary of the English language unabridged [Text]. – Chicago: Encyclopedia Britannica, Inc., 1993. – 3135 p.

Г.Г. Москальчук
Оренбург, Россия

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ «ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА»

Вопрос о том, как языкознание обращается с текстом как объектом изучения и рефлексий представляется весьма продуктивным не только с позиций металингвистики, но и в качестве способа моделирования текста в сознании современного лингвиста. Сложились следующие способы рефлексий ученых: применение к объекту определенных методов, принципов и процедур исследования; дефиниции; формулировки новизны, практической и теоретической значимости исследования; приоритетность изучения текста в определенных аспектах и междисциплинарных контекстах (актуальность) и т.д. Интерес в качестве материала изучения представляют также формулировки гипотез, постановка проблемы, задачи исследования и пр. Среди различных путей рассуждать о тексте как основном объекте лингвистики текста привлекает внимание речемыслительная стратегия метафорического обсуждения. Это так называемые проблематизирующие контексты: «текст как что».

Из работ 50 авторов методом сплошной выборки извлечены 526 метафорических контекстов. Были использованы статьи, обзоры, в том числе коллективные монографии за 30 лет. Разумеется, охват контекстов не исчерпывающий, но все же позволяет увидеть некоторые стратегии осмысления текста в отечественной лингвистике. Следует оговорить, что многие исследователи и весьма известные их научные тексты не попали в представленную выборку, так как не во всех научных произведениях встречаются метафорические контексты осмысления понятия текст.

В данной статье мы ограничились лишь анализом открыто метафорических стратегий осмысления текста, то есть выбирались контексты, построенные по модели «текст как (что), (какой), (принадлежность чего). Данные распределения изученных 375 контекстов представлены в таблице 1. Указанные три стратегии метафоризации понятия текст в лингвистических работах распределяются неравномерно. Так, стратегия *текст как какой* (187 контекстов) показывает направленность метафоризации на приписывание тексту все новых и новых признаков.

Таблица 1. Параметры метафорических контекстов (упорядочены по частотности употребления)

Метафора	Кол-во контекстов	Стратегия		
		какой	чего	что
Объект	48	28	12	0
Знак	45	9	2	24
Система	44	29	8	9
Целое	32	12	2	27

Единство	25	13	6	6
Единица	23	16	10	0
Процесс	22	2	3	17
Феномен	21	13	2	10
Образование	16	16	0	0
Пространство	14	14	0	0
Информация	12	1	0	11
Явление	12	4	5	5
Результат	10	1	4	9
Структура	9	7	1	1
Предмет	9	4	4	0
Категория	9	8	1	0
Семиотика	7	0	0	7
Сигнал	7	2	0	4
Реальность	5	4	2	0
Данность	5	4	0	2

Метафора *текст как объект* (48 контекстов) развивается лишь в двух направлениях *какой и чего:*

(какой) *более сложный, чем язык; лингвистический; физический (природный); природный; естественный; пространственно-временной; системный; лингвистический; становящийся; целостный; многомерный; функционирующий; сложный; исследовательский; изучения с позиций лингвистики текста; специфический; самостоятельный объект лингвистики вне речевой деятельности; лингвистический / психолингвистический; специальный лингвистический; обладающий особой природой, которую нельзя понять и объяснить, исходя из свойств языковых единиц, изучаемых названными; негэнтропийный самоорганизующийся; самостоятельный объект исследования, представляющий собой организованную последовательность языковых единиц разных уровней; лингвистический, имеющий свою имманентную структурную организацию, не сводимую к линейной последовательности непосредственно связанных друг с другом высказываний; не как простая динамическая система, а как синергетическая система; в функционировании которого значительную роль играют хаотические самодвижущиеся энергетические процессы; нечто, существующее объективно, независимо от воспринимающего субъекта;*

(чего) *исследования; лингвистики; лингвистического исследования (изучения); лингвостилистики; понимания (как реальность); восприятия; понимания и оценки его реципиентами; изучения разных наук: психологии, философии, социологии, лингвистики, культурологии, прагматики и т.д.; художественное произведение; лингвистическая реальность (возникающая в процессе познания мыслящим субъектом феномена объективной действительности).*

Стратегия «чего» (62 контекста) развертывает метафору *текст как принадлежность, составляющая чего* в предметное русло, в основном в зону принадлежности текста какому-либо смысловому полю. Стратегия *текст как что* имеет 32 контекста. В то же время достаточно активны в употреблении и обратные метафоры: *что как текст*: *сад, геном, музыка, подарок, история, афоризм, природа, город (Петербург, Москва как текст евроремонта и т.п.), местность (Крым)* и т.д. Причем часто встречаются категоричные взаимообратимые суждения: *природа как текст и текст как природа*, *картина как текст и текст как картина* и т.п.

По количеству реализованных стратегий процесс метафоризации понятия текст распадается на три стратегии метафоризации (8 полей); на 2 стратегии в 7 случаях, единственный путь метафоризации возможен в трех полях (см.: Табл. 1). Иными словами, картина выбираемых путей метафоризации текста функциионально неравнозначна (рис. 1).

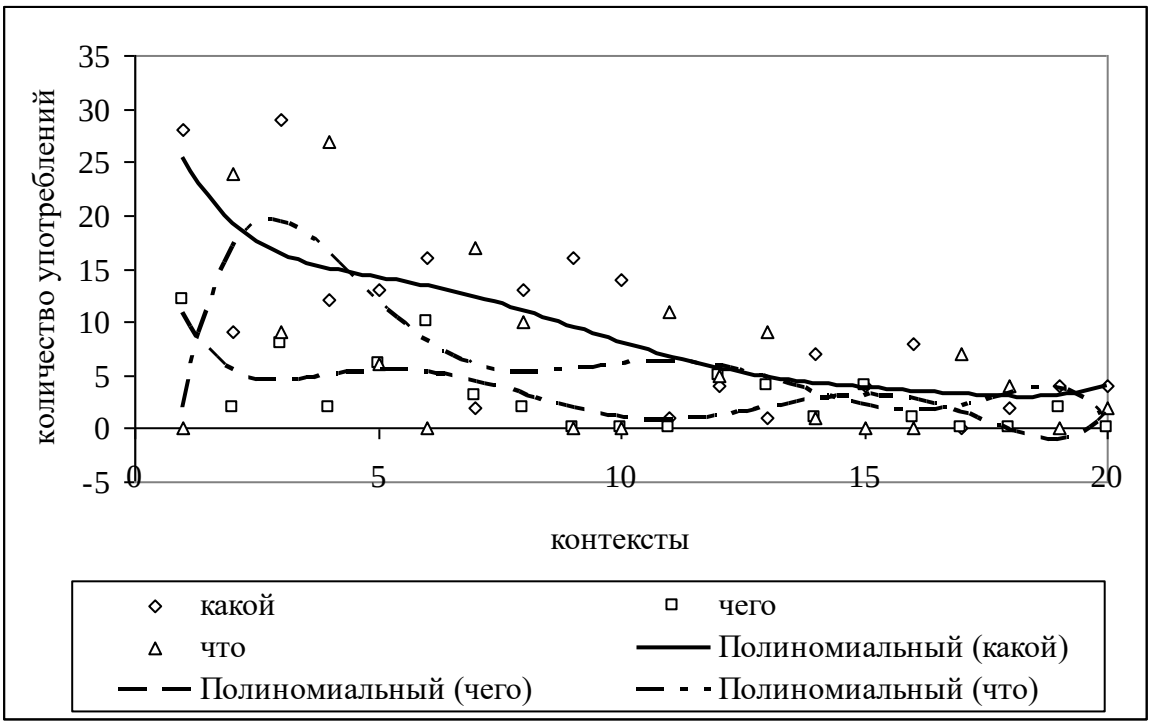

Рис. 1. Распределение основных стратегий метафоризации

Проблемное поле расслаивается в сознании исследователей, о чем можно судить по группировке основных смыслов, через которые очерчивается текст как объект исследования и рефлексии (рис. 2). По оси признаков расположены актуальные для теоретического осмысления метафорические сближения понятия текст с *объектом*, *системой*, *целым*, *единством*, *единицей*, а также с понятиями *феномен*, *образование*, *пространство*. В исследованных контекстах наблюдается активное их наделение признаковыми номинациями.

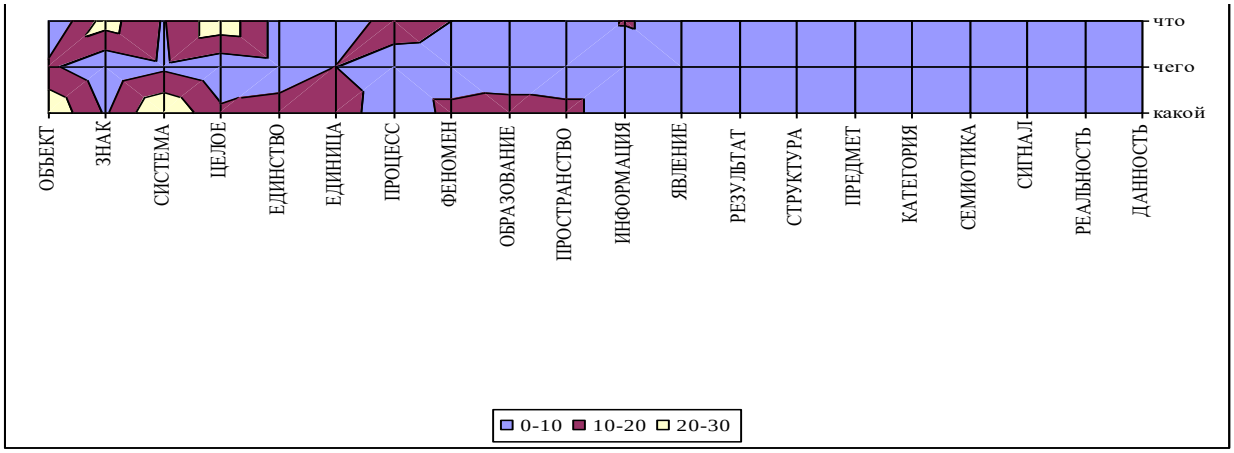

Рис. 2. Распределение метафорических стратегий по количеству употреблений (слева направо базовые смыслы расположены в порядке убывания их частотности)

СИСТЕМА (44): (какая) *сложноорганизованная многоуровневая; состоящая из компонентов языковой системы (фонем, морфем, лексем, синтаксем и гиперсинтаксем); функциональная; кооперативная; многоонтологичная; пространственно-временная; функциональная, отрицающая принцип априорного структурного детерминирования; самоорганизующаяся; концептуальная; динамическая; особым образом организованная; языковая; индивидуальная динамическая; частная динамическая; самоорганизующаяся; функциональная (процессуальная); двухуровневая (уровни континуума и дискретов); синергетическая; открытая нелинейная диссипативная; синергетическая с наиболее высокой (по сравнению с иными речевыми произведениями) степенью энтропии смысла; самоорганизующаяся; саморазвивающаяся и самоорганизующаяся; открытая неравновесная система, упорядоченность которой возникает и поддерживается благодаря постоянному притоку энергии извне, от человека; саморазвивающаяся синергетического типа; энергетическая система, т.е. как синергетическая система, в которой важную роль играют спонтанные движения текстовых единиц; динамическая; не как динамическая, а как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся (синергетическая) система; саморазвивающаяся, в самоорганизации которой значительную роль играют спонтанные процессы; вторичная моделирующая; семиотическая;*

(что) *тип и феномен; деятельность; процесс или система процессов; система его личностных смыслов, возникших в результате интерпретации реципиентом - на основе его фоновых знаний, тезауруса - представленного в художественном тексте речевого произведения автора; не статичная иерархия смыслов хотя бы и разной природы, разной степени сложности; нестабильная равновесная; актуализированная в*

мышлении реципиента система смыслов, соотносящаяся со смыслами, представленными в художественном тексте; гетерогенная знаковая система; объект, в функционировании которого значительную роль играют хаотические самодвижущиеся энергетические процессы; (чего) *система пропозиций, микротем и др., и как система, организованную по другим основаниям: сюжета, композиции, мотивов, системы персонажей и мн. др.; новой информации, приводящей концептуальную систему реципиента в неравновесное состояние; соотнесения разнородных структур и элементов, но и имеет открытый характер.*

ЕДИНСТВО (25 контекстов): (какое) *материально-идеальное; сукцессивно-симультанное; непрерывное; информационное; смысловое; иерархическое, разбивающееся на все более дробные составные части; предметно-процессное; некое структурированное по определенным законам, состоящее из нескольких предложений; осмысленное и целесообразное; содержательно-функциональное; некоторое; коммуникативное единство, которое конструируется расчлененной во времени последовательностью речевых действий; статическое, не членимое во времени; которое конституируется расчлененной во времени последовательностью речевых действий;* (чего) *когнитивной, предметной и коммуникативной деятельностей; разрешающих признаков; информационно разнородных структур; элементов, следующих друг за другом; синтаксических, семантических и прагматических сторон;*

(что) *коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее структурно-смысловым единством, обусловленным его эмоциональной доминантой; целостное единство; такое лингвистическое единство, которое характеризуется межфразовыми структурными отношениями.* Помимо указанных случаев вне групп оказались следующие контексты: *исторически обусловленный и исторически понятый определяющий единство творчества и понимания, написания и чтения феномен человеческой культуры; исключительно монолитный, отмеченный единством стиля, авторской манеры повествования и образов героев.*

По оси (*что*) активными организующими полей метафоризации понятия текст являются смыслы: *знак*, *целое*, *процесс*, *информация* (рис. 2). Область принадлежности текста какому-либо полю метафоризации (стратегия *чего*) не обнаруживает активности в номинациях. Это скорее попытка онтологизации проблемного поля, область его экстенсивного развертывания.

Итак, рассмотрение научных метафор лингвистического объекта сложной и неоднозначной природы позволяет констатировать, что текст изучается экстенсивно, путем расширения проблемного поля. Область креативных номинаций понятия текст

расширяет представления об изучаемом объекте, в то же время происходит адаптация научного сообщества к некоторым прорывным метафоризациям текста. Например, метафора текст как природный объект была предложена еще Б. Спинозой, но лишь на рубеже 21 века она начинает активно осваиваться лингвистикой текста.

Е.А. Москвичева
Волгоград, Россия

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ ПОСЛОВИЧНОЙ ПАРЕМИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

В последние годы в области фразеологии разрабатываются проблемы, посвященные механизмам создания фразеологической образности, семантической и функционально-коммуникативной характеристике фразеологических единиц, функционально-стилистическому компоненту коннотации фразеологических единиц, лингвокультурологическому аспекту фразеологии, вопросам библейской фразеологии, этническим стереотипам, этимологическому и сопоставительному анализу фразеологии.

Сложным остается в теории языка вопрос о статусе паремий. Под паремиологией мы понимаем совокупность устойчивых высказываний, относящихся к малым фольклорным жанрам: в первую очередь это пословицы и поговорки, а также афоризмы и крылатые слова, загадки и прибаутки и т.п.

Пословицы и поговорки являются тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточено культурно-национальное мировидение народа, его миропонимание, осознаваемое в контексте культурных традиций.

Пословицы и поговорки отражают и формируют те свойства человека, которые ценятся или осуждаются в соответствующем обществе и соответствующей культуре. Можно сказать, что в них запечатлены характерные черты менталитета народа.

Вопрос об отношении единиц паремиологии к фразеологии вызывает много споров и дискуссий. Одни исследователи считают невозможным включить паремии в состав фразеологии (В.П.Жуков, С.И.Ожегов, А.С.Спирин), другие же, наоборот, являются сторонниками широкого подхода к пониманию фразеологии (В.Л.Архангельский, Ю.А.Гвоздарев, М.М.Копыленко, А.В.Кунин, И.И.Чернышева).

Структурно-семантическая самодостаточность пословицы, ее текстовая природа служат здесь камнем преткновения. Так, С.И.Ожегов считает, что пословицы и поговорки выходят за пределы собственно фразеологии языка и, подобно «крылатым словам», не являются элементом системы языка [Ожегов 1986].

«Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.Н.Молоткова не относит пословицы и поговорки к фразеологическим единицам. Авторы словаря полагают, что у пословиц иная, чем у фразеологизма, природа: в основе содержания высказывания, передаваемого предложением-пословицей, лежит суждение, тогда как в основе лексического значения фразеологизма – то или иное понятие.

Того же мнения придерживается и А.С.Спирин. В «Словаре русских пословиц» он четко разграничивает три типа устойчивых образований: пословицы, поговорки и фразеологические единицы (фразеологизмы) [Спирин 1985].

Сторонники другого подхода (А.В.Кунин, И.И.Чернышева, М.М.Копыленко, Р.Н.Попова) уверены, что возвести барьер между фразеологизмами и пословицами не удастся, а их взаимодействие проявляется все отчетливее.

Подавляющее большинство пословиц относится к фразеологическим единствам, так как значение их мотивировано в современном языке и они не содержат компонентов с несвободным значением [Кунин 1955: 143].

По мнению И.И.Чернышевой, пословицы, обладая рядом свойств: меткостью, образностью, выразительностью, создают экспрессивность высказывания, то есть создают тот же эффект, что и фразеологические единицы. В состав фразеологии можно включить те пословицы, которые отличаются высокой частотностью употребления, воспроизводимостью, «общеупотребительностью» [Чернышева 1997: 78].

Единицы паремиологии могут быть включены во фразеологический фонд, поскольку большинство пословиц, согласно В.Н.Телия, это прескрипции – стереотипы народного самосознания [Телия 1996: 240], которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурологической общности менталитет, служащий для нее, как пишет А.Я.Гуревич, духовной оснасткой, психологическим инструментом [Гуревич 1984: 9].

В нашем исследовании мы опираемся на мнение сторонников широкого понимания фразеологии, включающих в ее состав пословицы и поговорки. Это, как нам кажется, позволит более полно рассмотреть весь объем фразеологических единиц. В качестве признаков, позволяющих отнести пословицы и поговорки к фразеологическим единицам, можно назвать следующие: устойчивость состава, структуры и значения; воспроизводимость в речи в готовом виде; семантическое преобразование компонентов или семантический сдвиг; непереводимость на другие языки; экспрессивно-эмоциональная окрашенность. Отсутствие резких границ между данными типами языковых средств проявляется в том, что пословица или поговорка нередко

«сворачивается» до фразеологизма, а фразеологизм, со своей стороны, может «разрастись» до объема поговорки или пословицы.

Также как и паремии, фразеологизмы оценивают действительность. Они являются единицами языковой личности, в них отражены ее базовые ценности. Фразеологизмы являются средством вербализации этих ценностей в речи.

Мы считаем, что пословицы, наравне с поговорками, представляют собой материал исследования фразеологии; это фразеологизмы, но, согласно В.Л.Архангельскому, особого типа – это пословичные фразеологизмы. От других фразеологизмов они отличаются тем, что это не словосочетания, входящие в предложение в роли члена предложения, а целые предложения, простые и сложные [Архангельский 1964: 160].

Фразеологические единицы как продукт духовной деятельности являются объективированной ценностью культурного наследия народа. Во фразеологизмах закреплены общечеловеческие, этнические, групповые ценности, отражающие представления о должном в различных сферах общественной жизни. Главенствующее положение занимают абсолютные ценности: жизнь *‘Жизнь прожить – не поле перейти’*; любовь *‘Где любовь, там и согласие’*; знание *‘Знание – сила’*; счастье *‘Всяк человек своего счастья кузнец’*; семья *‘Детишек воспитать – не курочек пересчитать’*; дружба *‘Друга на деньги не купишь’*; добро *‘Доброе дело само себя хвалит’*; бог *‘На бога надейся, а сам не плошай’*; труд *‘Без труда не вытащишь и рыбку из пруда’*; родина *‘Каждому свой край сладок’* и др.

Фразеологические единицы, проходя стадию личностного присвоения в сознании отдельного индивидуума, становятся носителями личностно значимых ценностей, определяющих мотивацию поведения человека. Фразеологизмы встраиваются в структуру языковой личности, устанавливая ценностные отношения между элементами картины мира данного человека.

Во фразеологии закрепляются и передаются результаты культурного, национального, исторического опыта народа. Фразеология, обладая культурной памятью, воздействует на воспроизведение культурных традиций носителями языка, а также на формирование национально-культурного менталитета.

Аксиологический характер фразеологии предопределяет необходимость наличия именно оценочной лексики в языковых единицах.

В основе различных культур лежат системы ценностных ориентаций, которые находят свое выражение в языке, в частности во фразеологизмах. Языковая модель мира складывается из комплексной презентации мира всеми уровнями языка, включая и

фразеологический, связанный с наивной, обыденной картиной мира, свойственной сознанию рядового носителя языка.

В фразеологических единицах как в зеркале отражаются сменяющие друг друга общественные формации. Единственно неизменным остается ценностная шкала, на которой зиждется нормы общества. Без оценки невозможно существование.

Лингвистический анализ фразеологизмов дает возможность объективно установить некоторые ценностные приоритеты изучаемой культуры, выявить особенности национального характера того или иного народа.

Список литературы

1. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в русском языке [Текст] / В.Л. Архангельский // Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1964.
2. Белецкая, А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе [Текст] : дисс. канд. филол. наук / А.Ю. Белецкая. – Самара, 2002.
3. Гуревич, А.Я. Философия культуры [Текст] / А.Ю. Гуревич. – М., 1984.
4. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М., 1996.
5. Новосельцева, В.А. Концептуализафия времени в русской фразеологии и художественных текстах [Текст] : дисс. канд. филол. наук / В.А. Новосельцева. – Краснодар, 2005.
6. Норманн, Б.Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках [Текст] / Б.Ю. Норманн // Славянский вестник. – Вып. 2. – М., 2004.
7. Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю.Г. Круглов. – М., 1990.
8. Телия, В.Н. Русская фразеология [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1996.
9. Чернышева, И.И. Старые проблемы в новой лингвистической парадигме [Текст] / И.И. Чернышева // Филологические науки. – М., 1997. – № 2.

О.А. Муллинова
Краснодар, Россия

ПАРАДИГМАТИКА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛЯ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

В основе организации процессуального поля передачи информации лежат гиперо-гипонимические отношения его единиц. Гиперо-гипонимические корреляции носят неоднолинейный, многоступенчатый характер, который выражается в том, что одна и та же семема одновременно может входить в состав двух и более гипонимических групп, но в разном количестве: либо в качестве видового значения, либо ядра родового значения. В процессуальном поле передачи информации слова, соответствующие видовым понятиям (*говорить, писать, передавать* и др.), выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием, или гипероним – *сообщать*.

В то же время глагол *говорить* выступает в качестве гиперонима по отношению к лексическим единицам *повторять, объявлять, объяснять, лгать* и др. Последние являются согипонимами по отношению друг к другу.

В отличие от синонимии гипонимия определяется в терминах односторонней замены (односторонней импликации): в тексте возможна эквивалентная замена гипонима на гипероним, обратное же – не всегда допустимо. Ср.: *«Он рассказал об этом вчера»* и *«Он сообщил об этом вчера».* В данном случае двусторонняя замена невозможна, так как сообщить можно не только устно. В тексте возможен переход от гиперонима к гипониму или их совмещение, что связано с получением дополнительной информации и конкретизацией обозначаемого.

При сопоставлении синтагматики гиперонима и гипонима синтаксическая сочетаемость должна быть одинаковой, а лексические проявления гипонимов (по сравнению с гиперонимом) будут ограничиваться, так как содержание значения у гиперонима богаче, чем у гипонима.

Следующим семантическим отношением между составляющими поля является конверсия. Конверсией в современной лингвистике называют семантическое отношение пары слов, описывающих одну и ту же ситуацию относительно разных участников этой ситуации – актантов.

Лексические конверсивы выражают двусторонние субъектно-объектные отношения, обладают как минимум двумя валентностями и представляют в тексте одно и то же действие (отношение) в разных, обратных направлениях:

X сообщает У новость <=> У получает от X новость.

Обозначая с разных точек зрения один и тот же внеязыковой факт, конверсивы имеют достаточно различные значения, взаимно отрицающие друг друга. В отличие от синонимов конверсивам не свойственно контактное или хотя бы относительно близкое по расположению употребление в тексте. Один из конверсивов употребляется в тексте, а другой остается за его пределами, но всегда подразумевается благодаря закономерной мене субъекта и объекта, связанных конверсивными отношениями. Общим конверсивом для всего процессуального поля передачи информации можно считать глагол *получать* (информацию). В то же время каждому семантическому классу в составе поля соответствуют различные конверсивы. Так, лексические единицы, входящие в семантический класс глаголов передачи информации устным путем, находятся в конверсивных отношениях с глаголом *слышать*. Глаголы, обозначающие передачу информации письменным путем, находятся в конверсивных отношениях с лексико-семантическим вариантом *читать.* Лексические единицы, входящие в семантический

класс глаголов передачи информации техническими средствами, имеют различные конверсивы: *получать, слышать, видеть, читать.*

Широко распространенным семантическим отношением в процессуальном поле передачи информации является синонимия лексических единиц. Для отнесения слов к одному синонимическому ряду релевантными будут такие признаки синонимии, как: семантическая общность и частичная заменяемость слов; факультативными признаками членов синонимического ряда являются: понятийная общность, общая денотация и так называемые «схождения» в звуковом и морфологическом составе слов [Вилюман 1980: 42]. В качестве примера приведем синонимический ряд с доминантой *лгать*, являющейся отправной единицей сравнения синонимов: *врать* (разг.), *обманывать, сочинять* (разг.), *брехать* (прост.), *заливать* (прост.), *травить* (прост.) [Словарь синонимов русского языка 1970: т.1, 501]. Эти глаголы объединяются значением «говорить ложь» и отличаются оттенками значения, которые нейтрализуются в тексте.

Антонимия – семантические отношения слов (лексико-семантических вариантов), значения которых осмысляются как противоположные. Антонимы выступают в качестве знаков раздвоенного на противоположности единства, указывая на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении данной сущности. Различается два вида противоположности: контрарная (выражается видовыми понятиями, между которыми есть средний (промежуточный) член: *кричать – шептать – молчать*) и комплементарная (образуется видовыми понятиями, которые дополняют друг друга до родового, между которыми нет промежуточного члена: *говорить – молчать*).

Таким образом, основополагающим при построении процессуального поля передачи информации является принцип гиперо-гипонимических отношений составляющих его единиц. Наиболее регулярными являются синонимические отношения слов, менее регулярными – антонимические.

Список литературы

1. Вилюман, В.Г. Английская синонимика [Текст] / В.Г. Вилюман. – М.: Высш.школа, 1980. – 128 с.

2. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. [Текст] / Под ред. А.П.Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970 – 1971 с.

Е.В. Муругова
Ростов-на-Дону, Россия

К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Прагматика словообразования, прежде всего, связана с развитием антропоцентрического подхода к построению языковой картины мира, реализующегося в именовании и восприятии речевых актов, в физических возможностях человека, в выборе языковых средств. Человек, участвующий в процессах номинации, категоризации объективной действительности, при помощи языка стремится посредством разнообразных понятий системно и в то же самое время иерархически отразить взаимосвязь объектов реальной действительности. Язык как саморегулирующаяся система ищет разные способы компенсации недостающих в языке слов для отображения тех или иных сторон объективной действительности. В этой связи на помощь приходят многочисленные словообразовательные средства, которые человек использует в своей лингвокреативной деятельности в конкретных условиях речевого общения для номинации предметов окружающего его внешнего и ментального мира. При этом каждый из способов словообразования занимает свою собственную нишу, выполняет свои функции в языке и используется с учетом коммуникативных намерений говорящего: потребность в номинации новых объектов. удобство в использовании, стилистическая уместность, точность выражения мысли, отсутствие затрат внимания при осмыслении, оптимизация процесса коммуникации и т.д. Язык – это среда обитания человека и, наоборот, средой обитания языка является языковой коллектив, народ, нация. Поэтому рука языковеда, как справедливо отмечает В. К. Журавлев, должна постоянно лежать на пульсе национально языковой ситуации своей страны [Журавлев 2004: 10].

Одной из задач исследователя в его лингвокреативной деятельности является попытка определить как проходят словообразовательные процессы и какие факторы способствуют выбору тех или иных словообразовательных средств и какие препятствуют взаимодействию частей речи. Следует отметить влияние как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые ставят человека перед оптимальностью выбора для осуществления коммуникативной функции языка. Необходимо иметь в виду, что для их актуализации, выполнения определенной функции словообразования, очень важно учитывать контекстное окружение, ибо язык несет в себе не только информацию, но и функцию выражения эмоций и субъективных оценок, не нарушая прагматической установки высказывания. В коммуникативных ситуациях языковые единицы приобретают стилистическое значение, некоторые

словообразовательные средства служат для выражения оценочности, эмоциональности, выразительности, обладают важной особенностью, связанной с их употреблением в том или ином стиле. Наиболее широкую сферу применения представляет разговорный стиль, поэтому продуктивные способы словообразования дают большое количество новых образований в разговорной речи.

Продуктивность в нашем исследовании является фактором, влияющим на выбор той или иной модели, а вместе с тем и способа словообразования. Так, ядро комплексного словообразовательного поля существительных составляют поля суффиксации и конверсии. На ближней периферии располагается поле словосложения, на дальней – поле различных типов сокращений, аббревиации. Продуктивными способами образования прилагательных являются аффиксация, словосложение, конверсия, различные типы сокращений. Наибольшей глубиной взаимодействия обладают аффиксальные прилагательные, мотивированные, в основном, субстантивными, глагольными и адъективными основами. Комплексное словообразовательное поле глаголов состоит из следующих взаимодействующих полей: конверсии, аффиксации, реверсии, различных типов сокращений. В русском языке добавляется поле сложных глаголов с подчинительными отношениями между компонентами сложного слова, а конвертированные глаголы ограничиваются разговорной лексикой. Комплексное словообразовательное поле наречий состоит из четырёх взаимодействующих полей: ядерного поля аффиксации и периферийных полей конверсии, словосложения и различных типов сокращений.

В результате словообразовательного акта происходит оперирование говорящим определенными словообразовательными моделями, которые отражают в своей когнитивной структуре свойства человеческого мышления воспринимать и осмысливать окружающий мир, а именно различные объекты, процессы, свойства, отношения, что, безусловно, влечет за собой изменение как грамматического, так и лексического значения слова, вызывает к жизни новые слова. Выделяются не только специфические способы словообразования для определенного лексико-грамматического класса слов, но и учитываются индивидуальные особенности каждого конкретного языка.

Разделение зоны действия способов словообразования происходит, прежде всего, в области действия морфологической, семантической и этимологической структуры их производящих основ. К частным причинам, вызывающим взаимодействие частей речи и способов словообразования, относятся индивидуальные особенности производящей базы частей речи и лексико-грамматические свойства самих производных слов, их природная сущность. Специфика взаимодействия частей речи в лингвокреативной

деятельности зависит от социолингвистических различий в структуре словообразовательных полей, функциональных, стилистических особенностях производных слов, их употребления в той или иной сфере, в том или ином функциональном стиле. Каждый способ словообразования характеризуется своим набором продуктивных моделей в стандартной лексике и сленге.

Обращает на себя внимание и этимологический фактор, ограничивающий взаимодействие способов словообразования, особенно для языков, отличающихся неоднородностью этимологического состава, проявляя свои специфические черты в каждом конкретном языке.

Познавая мир, человек стремится осмыслить его, чтобы спрогнозировать будущее развитие языка в ближайшей перспективе, прибегая в свою очередь к категоризации языковых единиц, их обобщению, к манипулированию знаками, их интеграции и дифференциации. Лингвокреативная деятельность человека предполагает союз мыслительной и языковой креативности (от англ. глагола to create – создавать, творить<лат. creat-, creare “to produce”).

Носитель языка, занимаясь словотворчеством, нередко имеет дело со словообразовательными вариантами. Словообразовательное родство помогает в выборе нужной лексики, а иногда и сбивает говорящего с толку. В языках множество проявлений асимметрии. Если во французском языке есть глагол embellir (хорошеть), который можно противопоставить по значению глаголу enlaidir (подурнеть), то в английском есть только to beautify. В каждой языковой сфере у непосредственного и опосредованного взаимодействия обнаруживается своя специфика, но везде сохраняется постоянная взаимообусловленность. Производные слова являются вторичными знаками, так как обусловлены другими словами. Используя при моделировании лексические структуры, в лингвокреативной деятельности человек способен также отобрать те языковые средства, которые обладают наибольшей информативной значимостью и в наилучшей форме передают тончайшие оттенки мысли. Неслучайно в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» под креативностью понимается «языковая способность человека к производству и пониманию бесконечного количества высказываний на основе конечного числа элементов системы языка» [Баранов 2001: 92].

Языковеды научились моделировать структуру языка и речевое поведение на основе тех многочисленных фактов, которые можно получить при наблюдении за речевой деятельностью людей. Следует отметить, что при исследовании производных слов выделяются не только одноосновные разноаффиксные дериваты, но и дериваты, образованные различными способами словообразования от разных основ, реализующие,

однако, одно и тоже словообразовательное значение (далее СЗ). Так, например, взаимодействие суффиксации и конверсии наблюдается при образовании глаголов со СЗ «создавать, превращаться, делать то, на что указывает производящая основа (далее ПО)» (to novelize, to blaze), «делать (-ся) таким, как на это указывает ПО» (to cave, to laminate). Реверсия не принимает активное участие в образовании глаголов с данными типами СЗ, так как основным источником глаголов, относящихся к микрополю реверсии, являются существительные на -er, -ing называющие действие и лицо (war-gaming –> to war-game, burglar –> to burgle). Безусловно, провести однозначные параллели между СЗ производных и способами их образования невозможно в силу существования общелингвистического явления ассиметрии языкового знака. Одно и то же СЗ может реализоваться в различных формулах построения слова и, наоборот, по одной и той же модели могут строиться производные с различными СЗ [Муругова 2007: 319−380]. Однако существуют определенные закономерности, регулирующие использование способов словообразования для выражения СЗ. Одним из таких факторов является семантика производящей основы. Обычно слова образуются от основного значения многозначной производящей основы.

На наш взгляд, суверенитет и возможности словообразования в коммуникативном процессе ограничены, но без него нормальное функционирование человеческого языка было бы не возможно. Говорящий использует семантический потенциал слова каждый раз выборочно в соответствии с нуждами конкретного момента.

Список литературы

1. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О., Михайлов, М.Н., Паршин, П.В., Романова, О.И. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов, П.В. Паршин, О.И.Романова / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. − М.: Азбуковник, 2001. − 2-е изд., исп. и доп.– 623с.

2. Журавлев, В.К. Язык, языкознание, языковеды [Текст] / В.К. Журавлев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. − 2-е изд., стереотип.− 208с.

3. Муругова, Е.В. Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека [Текст] : монография / Е.В. Муругова. − Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ АПСН, 2007. − 460с.

Г.В. Мустакимова
Костанай, Казахстан

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЁН В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале произведений Ч. Валиханова)

«Язык и культура находятся в сложных отношениях взаимовлияния и взаимозависимости. Несмотря на универсальность некоторых когнитивных процессов, существуют различия в восприятии, сегментации и категоризации окружающего мира представителями различных лингвокультурных сообществ. Различия эти находят свое отражение в языке, системе языка, принципах описания языка» [Борисова 2003: 91].

Целью статьи является описание семантической природы и прагматических особенностей собирательных имён в русской и казахской языковой картине мира. Благодатный языковой материал для описания категории собирательности представляет творчество Ч. Валиханова, первого казахского учёного-билингва, владевшего в совершенстве русским языком и глубоко знавшим свой родной язык. Учёный представляет множество лингвистических интерпретаций, этимологизаций как собственно ономастических (топонимических, этнических), так и аппелятивных (диалектных, архаических, этнографических и др.) единиц, выполненных профессионально, с любовью к исследуемому объекту, что говорит о разносторонних интересах выдающегося учёного-этнографа, географа, историка и лингвиста.

Способность языка отображать в языковом сознании носителей внеязыковую объективную действительность определяет содержательный аспект языка, его семантическое пространство. Это семантическое пространство в каждом языке определенным образом структурировано, организовано в функционально-семантические категории. Каждая грамматическая категория содержит набор признаков, по которым она определяется. Признаки, т.е. представление о грамматической категории, обусловлены внутренней природой каждого конкретного языка. Номенклатура многих грамматических категорий может совпадать в разных языках, но в плане содержания и употребления такие грамматические категории могут не совпадать, т.е. они будут употребляться в соответствии с языковой природой того или иного лингвокультурного сообщества. Грамматические категории в разных языках отражают различные явления действительности.

Картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она и формирует язык его носителя, и определяет особенности речеупотребления. Картина мира отражает специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры. Исследуя и сравнивая грамматики

разноструктурных языков, можно отметить, что в них есть как универсальные категории, так и категории, присущие каждой из сопоставляемых грамматик. К таким категориям относится и категория собирательности.

В современной лингвистике категория собирательности определяется как «понятийная категория, выражающая трактовку некоторого множества как целостной, нечленимой, совокупности однородных предметов». Категорию собирательности называют также единством высшего порядка, с логической и прагматической точек зрения она совмещает в себе черты единичных и общих понятий [Ярцева 1990: 473].

Большое место в лексической системе занимают существительные, в которых уже заложена семантика предметности изначально (таково их категориальное значение). Их использование в текстах учёного позволяет наиболее *точно* отразить окружающую действительность той этнической среды, передать её особенности и проникнуть в наиболее интересные стороны народной жизни.

Обозначая совокупность предметов и лиц, как неделимое целое, ученый - Валиханов использует большое количество собирательных существительных. Одни из них «оформляют» свою собирательность с помощью специальных суффиксов собирательности: - еств(о) духовенство, казачество, юношество, мусульманство, начальство, купечество рыцарство); -щин(а) (татарщина, византийщина); - ник(-няк) (топольник, таволжник); -й- (белье)» Например: «Женщины одеваются во всё лучшее, распевая песни и прельщая дикокаменную **молодежь**:»» «Обычай этот мог быть изменен и без участия мусульманского **духовенства**» [Валиханов 1961: 522, 389].

«Нет сомнения, что казачество началось и развивалось в Азии и перешло к русским от татар» [Валиханов 1961: 206]. «Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспитывает (молодежь) киргизское **юношество** мы приведем один только пример» [Валиханов 1961: 521]. «В последнее время **правительство** наше деятельно занялось преобразованиями в нашей **администрации**» [Валиханов 1961: 494]. «В каждом действии русского **начальства** киргизы *видят* зло» [Валиханов 1961: 501]. «Находясь постоянно в обществе купцов, *я* особенно хорошо познакомился с среднеазиатской торговлей, с среднеазиатским... **купечеством**» [Валиханов 1961: 402]. «... Которое /имя **казак**/... в то время имело значение довольно почтенное и означало возвышенность духа, здравость — соответствовало европейскому **рыцарству**» [Валиханов 1961: 207]. «Ргай, смородина, **таволжник** покрывают берега ручьёв горных» [Валиханов 1961: 319].

Собирательные существительные с суффиксом – щин(а) не столь продуктивны, как слова, описанные выше, автор путевых заметок использует их не только для

обозначения собирательности, а в большей степени для выражения качественной характеристики общности, давая явлению часто отрицательную оценку, подчёркивая или явное пренебрежение или некоторую снисходительность.

Некоторые слова со значением совокупности предметов, лиц, не имея языковых соответствий в русском языки, передаются исследователем с помощью «звуковой» формы слова языка-источника, т. е. собственно-тюркским образованием. Например: «Гаремы, наполнены мальчиками – **бадча**» [Валиханов 1961: 319]. «Самые их владельцы, **манапы**, тоже не требовательны и довольствуются почти тем же, что и простой чёрный **бухара** (простолюдин).

В трудах «Киргизское родословие», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах» и др. Ч. Валиханов нередко использует и конкретные существительные в форме единственного числа, которые выступают в обобщенно-собирательном значении. Например: «От урочища Кошкурган русло реки покрыто густым **камышом**» [Валиханов 1961: 313]. «Какие памятники своего существования могут оставить эти народы, снискавшие свое пропитание скотом, живущие в палатках и защищающие себя **луком** и **стрелой**» [Валиханов 1961: 323]. «Они Орды сеют тут свой хлеб и до сбора его удаляются в прохладные ущелья, где скот их не беспокоят ни **комар,** ни **овод**» [Валиханов 1961: 304]. «Певчих птиц ... я нигде не видел, кроме **жолтяка** и **дубоноса**» [Валиханов 1961: 320]. «За пикетом сзади рос морковник и дикий **тюльпан**» [Валиханов 1961: 232]. «Понятие о кочевом **монголе** или **киргизе** тесно связано с идеей грубого и скотоподобного **варвара** [Валиханов 1961: 390]. «Язык киргизский, как выдающийся из диалектов тюркских, не имеет той обработанности ..., как гиперболический фигуральный язык **араба**» [Валиханов 1961: 1, 390]. В приведенных контекстах существительные употреблены в форме единственного числа и в их семантике (в отвлечении от контекста) нет ничего от собирательности, т. к. они свободно могут образовать формы множественного числа (араб — арабы; стрела — стрелы; тюльпан — тюльпаны), однако в данных примерах их собирательное значение обусловлено контекстом, и формы единственного числа подчеркивают единство, цельность, массовость. Употребление форм единственного числа конкретных существительных в значении собирательных ярко демонстрируют прагматическую способность существительных закреплять это значение в формах единственного числа.

Анализ фактического материала показывает, что Ч. Валиханов а своих трудах использует большое количество существительных с семантикой вещественности и собирательности, в том числе и тюркизмов, сохраняя внешние приметы, форму лексемы, при этом происходит расширение семантического значения, закрепленного за словом в

языке - источнике. Таким образом, семантический и прагматический анализ существительных со значениями вещественности и собирательности позволяет представить многообразие оттенков выражаемых ими значений и объясняет широту их употребления в различных дискурсах.

Рассмотренные языковые факты показывают возможность функционирования собирательных имён как единиц, обладающих определённым системно-языковым значением, формирующимся в условиях контекста, и поэтому прагматически обусловленного. Актуализация того или иного значения собирательности, вещественности связана со сложным взаимодействием семантики и прагматики имени существительного. Прагматическая возможность переосмысления указанных значений в определённой речевой ситуации кроется в особенностях потенциальной сферы носителя языка. Во всех случаях употребления вещественных и собирательных имён во вторичной функции есть одна прагматическая черта – обобщение (предметов, лиц, обозначений), которая отражает специфику русской и казахской картины мира.

Список литературы

1. Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. [Текст] / Ч.Ч. Валиханов. –Т-1. – Алма-Ата, 1961. – 577 с.
2. Борисова, М.А. К вопросу о расхождениях грамматических категорий в разных языковых культурах [Текст] / М.А. Борисова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №4. – С. 91-103.
3. Собирательности категория [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия; 1990. – 685 с.

И.А. Наличникова
Оренбург, Россия

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В НЕМЕЦКИХ АФОРИЗМАХ

Одной из главных задач афоризмов является убеждение, поэтому тексты этого жанра характеризуются яркой авторской интенциональностью. Информация основывается на знании разной степени полноты, поэтому в данной статье предполагается рассмотреть два вида знаний: полное и неполное знание, выделить способы выражения модуса знания автора в немецких афоризмах с учетом эксплицитных и имплицитных лексических средств и оценить воздействие этих средств на адресата.

Несмотря на различие точек зрения относительно количества и характера модальных значений в языке большинством лингвистов признается важность отдельного типа модальности, выражающей устанавливаемое говорящим отношение содержания

высказывания к действительности в плане его достоверности / недостоверности. Выбор именно эпистемической модальности в качестве предмета исследования не случаен, т.к. модальность знания является способом выражения одной из самых важных составляющих модальности афористического текста.

В нашем понимании эпистемическая модальность выражает степень познанности говорящим существования связи между объектом и его признаком. Эпистемическая модальность выделяется в модальной логике как модальность знания (от греч. epistemus – знание) и термин этот используется в лингвистике для обозначения модальной оценки, отражающей степень познанности говорящим связей и отношений действительности [Панфилов 1977: 39]. Семантическую сущность эпистемической модальности составляет тот факт, что он не дает оценку событиям и связям действительности, а является модальностью всего афористического высказывания, оценивая его как возможное, вероятное, сомнительное или обязательное, истинное или парадоксальное. И оценка эта зависит от степени знания говорящего о действительности [Беляева 1985: 126].

О средствах выражения модальности знания в афоризмах можно говорить в широком и узком смысле. Узкое понимание включает в себя рассмотрение ядра эпистемической модальности высказываний с эксплицитным ментальным модусом; например: **Es ist bekannt, dass; Alle wissen, dass.** Широкое понимание предполагает рассмотрение не только всех эпистемических составляющих ментального модуса, но и учет соответствующих компонентов структуры речевого акта, выделение шкал значений эпистемической модальности (например, уверенность / неуверенность; достоверность / недостоверность) и, в конечном итоге, весь объем функционирования модуса знания в афоризмах [Матвеев 2002: 89].

В афоризмах часто встречаются попытки автора выдать неэмпирические знания («домыслы», «возможное», «предполагаемое», «мнимое») за истинные знания. Этому служат разнообразные лексические и синтаксические элементы, имеющие сильный ассертивный (утвердительный) компонент смысла, начиная с предикатов знания **wissen, behaupten** и заканчивая имплицитными (скрытыми) средствами, вплоть до приема замалчивания информации с определенными целями [Федосюк 1988: 67]; например:

Gott schuf den Menschen nach seinem Bilde, das heisst **vermutlich**:
Der Mensch schuf Gott nach dem seinigen [Lichtenberg 1963: 120].

Бог создал человека по своему подобию, это значит, наверно,
Человек создал Бога по своему.

В этом афоризме Г.К. Лихтенберг использует синтаксическую модель с элементом допущения (предположения) – модальным словом, указывающим на неполное знание.

Wer die Latern trägt, stolpert leichter, als wer ihr folgt [Paul 2001: 653].

Кто несет фонарь, тот быстрее спотыкнется, чем тот, кто идет за ним.

В данном афоризме отсутствует модальное слово, неопределенность действующего лица указывает на неполное знание авторов, т.е. он пытается выдать неполное знание за полное.

Эксплицитный способ. Информация, закодированная в афоризмах с помощью языковых средств, неоднородна по степени легкости и осознанности ее декодирования. Часть информации в афоризмах выражается эксплицитно, т.е. с помощью языковых средств, специально предназначенных для ее непосредственного выражения. К эксплицитным лексическим средствам выражения модальности знания следует в первую очередь отнести эпистемические предикаты **wissen, behaupten, erfahren.** Семантический анализ субъектно-предикатных групп, в состав которых входит эпистемический предикат **wissen** с разными именами в позиции субъекта: **Ich weiss, dass … (A); Alle wissen, dass … (B),** показывает разную степень уверенности автора в полном знании. Личное местоимение в высказывании А подчеркивает уверенность в полном знании только адресанта, а местоимение **все** (высказывание В) в позиции субъекта несет в своей семантике референтную неопределенность, указывая на то, что некоторое неопределенное количество людей, а также сам автор уверены в полноте знания. С целью усиления воздействия на читателя автор прибегает к употреблению модальных частиц **zwar … doch**; например:

Zwar weiss ich viel, **doch** möcht ich alles wissen. [Goethe 2001: 1392].

Хотя я знаю много, но хотелось бы все знать.

Понижение роли агенса в афоризме приводит к созданию демагогических синтаксических образцов – неопределенно-личных предложений, имеющих лексическое значение неопределенности, служащих сигналами общего неполного знания (знания из вторых рук); например:

Man spricht viel von Aufklärung und wünscht mehr Licht. Mein Gott, was hilft aber alles Licht, wenn die Leute entweder keine Augen haben oder die, die sie haben, vorsätzlich verschliessen? [Lichtenberg 1963: 280].

Много **говорят** о просвещении и желают больше света. Мой Бог, но чему поможет весь этот свет, если у людей либо нет глаз , либо, если они есть, они умышленно закрыты.

Сравнительный анализ высказываний **Man sagt, dass … (A)** и **Alle wissen, dass … (B)** показывает, что различаются они не только разными местоимениями. В высказывании А субъект имплицитен, т.к. выражен неопределенно-личным местоимением man. В высказывании В субъект эксплицитен и семантически связан с предикатом, поэтому с неопределенно-личным местоимением man высказывание обладает меньшей достоверностью. Сравнив предикаты высказываний А и В, можно прийти к выводу, что «**wissen**» обладает большей иллокутивной силой, т.к. имеет в своей семантике интенцию говорящего уверить адресата в достоверности и полноте знания, тогда как «**sagen**» не значит «иметь в виду». Поэтому А ≠ В как синтаксически, так и семантически: они имеют разную иллокутивную силу и, как следствие, разную референтную отнесенность. Отсюда можно сделать вывод и о разной интенсиональности высказываний А и В, т.е. о разном выражении авторского замысла: в высказывании А автор снимает с себя ответственность за сказанное, перлокутивный эффект которого зависит напрямую от информированности адресата. В высказывании В автор, апеллируя к якобы общепринятому знанию, пытается усилить эффект полного достоверного знания.

Имплицитный способ. Помимо эксплицитной информации практически любой афоризм содержит имплицитную информацию, которая характеризуется пониженной коммуникативной значимостью и косвенностью кодирования. Эта информация тоже передается адресату, но в отличие от эксплицитной она в меньшей степени контролируется его сознанием, сосредоточенным на эксплицитной информации. Это свойство имплицитной информации часто используется с целью манипулирования сознанием: сомнительные идеи «протаскиваются» именно в этой, слабее контролируемой части содержания высказывания [Борисова 2000: 146]. Под имплицитным содержательным элементом афоризма мы подразумеваем семантику, понимаемую в информативном плане как скрытое, но предназначенное для сообщения содержание. Афоризм выражает имплицитную информацию в том случае, если единство его семантических и формальных сторон осознается в совокупности с условиями его употребления.

Полное и неполное знание определяется референтным (прозрачным) и нереферентным (непрозрачным) содержанием афоризма. Так, при референтном содержании выражается в истинности афоризма с точки зрения автора, например:

Der Umweltschutz hat grosse Fortschritte gemacht. Viele sehen jetzt schon,
was ihre Nachbarn falsch machen [Hohl 2008: 4].

В сфере защиты окружающей среды произошел прогресс. Теперь уже

многие видят, что их соседи делают неправильно.

Данный афоризм характеризуется референтным содержанием, при котором автор, указывая на признаки объекта, выделяет его из класса подобных объектов. В указанном примере эти признаки не выражены эксплицитно, они содержатся в фонде знаний адресата, т.е. автор предполагает, что адресату известно о последствиях несоблюдения требований по выбросу мусора, и он (адресат) знает: за то, «что неправильно сделаешь», можно поплатиться.

Нереферентное содержание типично для кратких афоризмов и является признаком неполного знания, т.к. неполнота семантики таких конструкций заключается в неоднозначности их трактовки:

Kinder würden Kasper wählen [Hohl 2008: 4].

Дети выбрали бы Каспера.

Таким образом, полное знание делает афоризмы информационно насыщенными и представляет собой истинностную информацию, тогда как неполное содержит утверждение о знании.

Список литературы

1. Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках [Текст] / Е.И. Беляева. – Воронеж: Изд-во воронежского университета, 1985. – 179с.
2. Борисова, Е.Г. Имплицитность в языке и речи [Текст] / Е.Г. Борисова. – М., 1999. – 185с.
3. Матвеев, А.А. Модальность знания как модальность логического типа (на материале русских и английских публицистических текстов) [Текст] / А.А. Матвеев // Филологические науки. – М., 2002. №2. – С. 89 – 97
4. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуру предложения и суждения [Текст] / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – М., 1977. №4. – С. 32 – 39
5. Федосюк, М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте [Текст] / М.Ю. Федосюк. – М., 1988. – 150с.
6. Harenberg Lexikon der Sprichwörter und Zitate: mit 50000 Einträgen das umfassendste Werk in der deutscher Sprache [Text]. – 2. Auflage. – Harenberg Verlag, 2001. – 1600S.
7. Hohl, P. Aphorismen. [Электронный ресурс] / P. Hohl. // Режим доступа: http://AphorismEn.de. 2008, свободный.
8. Lichtenberg, G.C. Aphorismen. Essays. Briefe [Text] / G.C. Lichtenberg. – Dieterich·sche Verlagsbuchhandlung Leipzig, 1963. – 285s.

С.А. Никифорова
Ижевск, Россия

К ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ХРИСТИАНСТВА: КОМПОЗИТЫ С НАЧАЛЬНЫМ МЪНОГО – В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

На ранних этапах распространения христианского мировоззрения в славянской культурной среде ведущую роль играет письменность: славянская переводческая традиция формируется как результат поиска оптимальных (как в семантическом, так и в грамматическом плане) языковых средств, позволяющих отразить важнейшие понятия христианства, эксплицировать логические (здесь – понятийные) связи фрагментов новой картины мира. Одним из таких показательных, содержательно и структурно ярких средств становятся, безусловно, сложные слова – композиты. В структуре композита фиксируются смысловые связи, которые могут быть определены как константные в силу безусловной большей спаянности элементов сложного слова, нежели словосочетания. Эти образования, стилистически и даже жанрово приуроченные, маркируют (в первую очередь структурно, а затем – содержательно) в религиозном тексте концептуально важные понятия.

1. Так, в композитах, зафиксированных в тексте Ильиной книги XI-XII вв. (РГАДА, Тип. 131) [Ильина книга], с одной стороны, достаточно последовательно отражаются греческие смысловые модели в соотношении начальных вьсе – (παν-) и мъного- (πολύ-), с другой – формируется яркая славянская словообразовательная модель (впоследствии префиксальная или конфиксальная), отражающая наиболее важные компоненты понятийной сферы «Божественное» – всесущность Бога (например, **вьсе**гоубительство – **παν**ωλεθρίαν, **вьсе**дьржителА, **вьсе**дьржителевъ, **вьсе**дьржителенъ – **παν**τοκρατος, **вьсе**дЬтель – **παν**τουργω, **мъного**образьнъ – **πολυ**τρόπων, **мъного**различьнъ – **πολυ**τρόποις ιδέαις) и его всесилие (например, **вьсе**могаи – **παν**τοδύναμος, **вьсе**сильныи – **παν**τοδύναμε, **вьсе**славьныи – **παν**αοίδιμε, **вьсе**чьстьныи – **παν**έντιμος, **πάν**σεπτον, **παν**σεβάσμιε, **мъного**гласьнъ – **πολύ**φθογγος, **πολύ**φωνος, **мъного**свЬтьлъ – **πολύ**φωτος, **мъного**цЬньнъ – **πολύ**τιμον).

2. Отметим достаточно строгое распределение славянских форм с начальными вьсе- и мъного- в соответствии с греческими образованиями с παν- и πολύ. Начальное вьсе- в контекстах Ильиной книги во всех случаях употребления привносит в семантическую структуру слова значение интенсивного проявления признака. Среди таких образований ряд вьсесильныи, вьсеславьныи, вьсечьстьныи представляет характеризующие имена, структурно плеонастические, где начальное вьсе- лишь актуализирует уже выраженный основой смысл. Так, вьсесильныи определяется как ‘всесильный, всемогущий’ [Словарь... 1989: 278] прямым переводом единицы в

современном русском языке. Однако иллюстративные контексты, приводимые авторами словаря, свидетельствуют о жесткой приуроченности характеризующего имени к сфере Божественного – это только наименования Бога, именно он единственный всесилен, всемогущ. При этом И.И. Срезневский [Срезневский 1989: 353] фиксирует и одноосновное сильныи для наименования Бога: Се бо отъселЬ блажАть мА вьси роди яко сътвори мънЬ величиЕ сильныи (греч. о δυνατος) Лук. Остр. ев., станеть же (рабъ) сильнъ бо Есть Гь поставити и Рим. Апост. посл. Такое соотношение словарных контекстов с синонимичными вьсесильныи и сильныи позволяет нам утверждать, что композит с начальным вьсе- становится для древнерусского книжника актуальным структурным образованием, отсылающим русича к особой понятийной системе значений слова – к сфере «Божественное», призванным формировать свойственное христианскому религиозному сознанию представление о надмирной, непостижимой сущности Бога и о противопоставлении мирского и Божественного в жизни человека.

Начальное мъного- может толковаться в ряде случаев иначе: в частности, в формах мъногообразьнъ – πολυτρόπων (От многообразьнъ сЬтии неприязниньскыхъ. Изъ всЬхъ напасти грАдУщиихъ. вьсА избавити рабы своА 54v), мъногоплодьнъ – ευφορώτατα (дЬлателю дшь Петре. разорА льсть. И многоплодьны я съвьрші. дЬлателю всея твари 116v, где греческий источник представляет суперлатив) начальное славянское мъного- выбирается переводчиком в соответствии с семантикой основы –‘много’ [Старославянский...: 335], когда слав. много – О.с. *mъnogъ на базе и.е. основы *menegh- ср. с гот., др.-в.-нем., голл. ‘многий’, ‘много’, др.-ирл. ‘обильный, частый’ [Черных: 536-537]. В таком соотношении форм (с одной стороны, мъногосвЬтьлыи, с другой – мъногоплодьныи) мы предлагаем видеть модель, реализованную, например, в парах типа мъногобезбожьныи – мъногобожьныи [Срезневский 1989: 205], также появившихся в результате перевода греческих композитов с начальным πολυ-.

Исходный синкретизм значения начального слав. мъного- (‘очень/ многий, частый’) уже в ранних древнерусских контекстах распадается: яркий пример тому уже проанализированная нами пара мъногобожьныи – мъногобезбожьныи (где оба славянских слова стали соответствиями для греческого πολύθεος, отражая разное понимание начального мъного- – как ’очень (интенсивное проявление признака, выраженного производящей основой’ – ‘крайне, очень безбожный’) и ‘множество, множественность проявлений, высокая численность единиц, названных производящей основой’ (‘имеющий много богов или относящийся к имеющему много богов’) (см. также [Срезневский 1989: 205]).

Контексты, приведенные, например, в [Срезневский 1989: 205-207], также демонстрируют распадение семантики славянского элемента и формирование новых семантических отношений на славянской почве. Так, в качестве соответствий для греческих образований с πολυ- славянин использует композиты с начальным мъного- двух типов: 1) мъногогранесьныи ‘состоящий из многих статей или стихов’ (мнОгогранесьныя врачебныя книги Кирилл.Иерус.огл.), мъноговЬтвьныи (древо бо многовЬтвено поклонениемь подидеши и мимоидеши Злат.цеп.), мъногодьневьныи (влЬчеши многодньвьны тьрьпЬньно Мин. 1096), мъногоженитвьныи (о мъногоженитвьныихъ канонъ Ефр.крм.Вас.), мъногоименьныи (вЬчьное имА многоименьно есть много бо нарече Ио.екз.Бог.), – этот ряд образований, бесспорно, соотносится с представлениями о множественности проявлений однотипного явления в силу а) конкретного значения (либо близкого таковому) смысловой основы (отмечены сочетания с дьнь, вЬтвь, грань, имА, око, плодъ, слово); или б) наречного значения основы мъного-, что также предполагает собственно множественность действий, а не их интенсивность (мъного + женити, мъного + оумЬти); 2) мъноговълньныи (страстьноЕ оусъпи многовълньноЕ море Мин. 1097), мъногогрЬшьныи (аще и многогрЬшенъ Емь но правою вЬрою твои Есмь Мол.Феод.), мъногодаровьныи (многодаровьною блдать Мин.1097), мъноголукавыи (врагъ многолукавыи Мин.1096 – греч. κακουργος), мъноголюбьзныи (многолюбьзныи Гь нашъ марфоУ изоучаеть ны глА к неи Панд.Ант.), мъногомилостивыи (избавителА поЕмъ Единого многомлства Мин.1096), мъногомучьныи (страсть стыя многомчныя мчцЬ анастасиЬ Мст.ев.) – многие композиты этого ряда, на первый взгляд, реализуют в структуре суперлативное значение начального мъного- ‘признак, названный во второй части композита, проявляется интенсивно’ (например, многоцЬньныи ‘чрезвычайно, самый ценный’, многолукавыи ‘чрезвычайно, самый лукавый’, многомилостивыи ‘чрезвычайно, самый милостивый’ и др.). Однако в формах типа многопрЬмилостивыи, многопрЬпотрЬбьныи это значение оказывается представлено дублетными элементами структуры слова – начальными мъного- и прЬ-, что, на наш взгляд, говорит об известной смысловой условности начального элемента мъного- в аналогичных образованиях: на первый взгляд славянский переводчик / переписчик идет в таких случаях вслед за греческим текстом, но при этом модель оказывается чрезвычайно востребованной в славяно-русских рукописях, изобилующих композитными образованиями –показателями содержательной специфики текста. По всей видимости, начальное мъного- в этих формах не привносит в слово тех элементов смысла, которые «считывались» бы славянином как содержательно значимые

в пределах разворачиваемой синтагмы: такие компоненты слова могут осознаваться как эквивалентные морфемным, а не осно́вным.

3. При таком подходе возникает необходимость интерпретации функций композитов с начальным мъного- и вьсе- в первую очередь в таких сложных образованиях, где структурная «развертка» композита не ведет к появлению синтагматически значимого сочетания (например, хвальныи – въсехвальныи, различьныи – мъногоразличьныи). Чаще всего они являются характеризующими именами для Бога (например, спсе. блгыи члвколюбьче. **вьсесильне** ги слава тебЬ 14г; Луна елисавефь примЬшьшисА. **многосвЬтьло** яко слнце захариЕ. свЬтьла свЬлитьника свЬта роди сияУща намъ. сУщимъ въ тьмЬ страсти дьржимымъ 16г) или святого (например, нетьлЬющии же дши прЬмУдрьно прилежа. и мчниЕмь **многоразличьномь** раждьжесА. яко злато очищено. седмь седмицею геОргиЕ 63г), что позволяет нам утверждать: такие образования маркируют в складывающейся русской христианской языковой картине мира имена понятийной сферы «Божественное», формально и содержательно указывая на специфику характеристик этой сферы – абсолютность проявления любого качества, свойства, действия.

Список литературы

1. Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. [Текст] / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. – М.: Индрик, 2005. – 904 с.
2. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : в 10 т. [Текст] / РАН. Ин-т рус. яз.; гл. ред. В.Б. Крысько. – М.: Рус. яз., 1988.
3. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): около 10 000 слов. [Текст] / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес [и др.]; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
4. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. [Текст] / И.И. Срезневский. – М.: Книга, 1989.
5. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : 13560 слов. [Текст] / П.Я. Черных.– М.: Рус.яз. 1993. – 1 т. – (А – Пантомима). – 623 с.

Н.В. Обвинцева
Миасс, Россия

ПОНЯТИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Понятие *отношение* принадлежит к самым широким и общим категориям, которые весьма трудно поддаются исчерпывающей и простой интерпретации.

В «Русском толковом словаре» Лопатиных В.В. и Л.Е. данное понятие представлено как взаимная связь различных величин, явлений и связь, образующаяся из общения; как характер поведения кого-нибудь с кем-нибудь и взгляд на что-нибудь.

С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова в своем словаре тоже рассматривают понятие отношения как взаимную связь предметов, действий, явлений и как связь между людьми, возникающую при общении; при этом затрагивая более частное отношение в математике.

Таким образом, можно сказать, что толковые словари русского языка раскрывают самое общее понятие отношения - взаимосвязь. В то время, как термин *отношение* охватывает бесчисленное множество самых различных признаков и свойств объектов в их взаимозависимости друг от друга, в их взаиморасположенности и взаимосвязи.

В силу своей всеобщности данное понятие как категория приобретает предметно-содержательный характер только в случае его интерпретации применительно к какой-либо определенной системе: формальной (в логике и математике), материальной, социальной, духовной и других. Каждая область знания имеет свои особые категории. Например, физика пользуется такими категориями, как «атом», «масса», «энергия». Биология использует понятия «организм», «наследственность», «изменчивость».

Но наряду с этими люди пользуются категориями, которые свойственны любой науке и знанию вообще. Таким образом, наряду с лексическим толкованием понятия *отношение* возникает необходимость его пояснения с точки зрения философии, как науки изучающей наиболее общие связи, законы, свойственные всем явлениям мира и мышлению, чей категориальный аппарат является опорой для всех остальных наук.

«Философский словарь» под редакцией И.Т.Фролова трактует это понятие, как «момент взаимосвязи всех явлений», обращая внимание на то, что вещи не существуют вне отношений, что развитие каждой вещи зависит от всей совокупности ее отношений к другим вещам объективного мира. При этом различают внешние взаимоотношения с другими объектами и внутренние отношения различных сторон самого объекта.

В «Логическом словаре» под редакцией А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова понятие *отношение* рассматривается как «абстрактная взаимосвязь между объектами».

Таким образом, в философской и лингвистической литературе понятие отношения обычно соотносят с понятием связи, взаимосвязи, взаимодействия. Будучи философской категорией, связь рассматривается как зависимость одного явления от другого в каком-либо отношении. Но между понятиями *отношение* и *связь* существует различие. Согласно точке зрения некоторых исследователей (А.А.Зиновьева, Н.Б.Новика, А.И.Уемова), категория отношения возникает при переходе с одного предмета на другой и их сопоставлении.

Если делается заключение о свойствах одного объекта на основании свойств другого, то делается вывод о наличии отношений. При этом если вывод о наличии или

отсутствии свойств у одного объекта мы делаем, основываясь на наличии или отсутствии свойств у другого объекта, этот вывод выражает отношение. В том случае, когда мы говорим об изменении свойств и когда изменение свойств одного объекта сказывается на изменении свойств другого, мы имеем дело с частным типом отношения – связью. Итак, зависимости изменяющихся свойств есть отношение, зависимости изменяющихся свойств – связь.

В английском языке понятие отношение представлено такими основными лексемами, как relation, treatment и attitude. Словарь Вебстера (Webster's New Word Dictionary) дает следующее определение этих понятий:

Attitude: Данная лексема раскрывает понятие «отношение» как положение, принимаемое телом, то, как человек ведет себя, демонстрируя свое расположение, чувства, а также расположение и мнение кого–либо.

Relation: связь, по родству, браку, человека связанного данными узами родства, связь между людьми в деловой и личностной сферах, связь между государствами и нациями.

В словаре издательства Макмиллан (Macmillan English Dictionary) эти понятия трактуются следующим образом:

Attitude: чье-либо мнение или переживания, проявляющиеся в поведении; гордая, уверенная манера поведения, как положение тела.

Relation раскрывает понятие с точки зрения отношения между странами, людьми, организациями, связи между предметами или людьми, добавляя значение «член вашей семьи».

Treatment: понятие отношение в лексеме treatment раскрывается в таких значениях, как особенное обращение с кем- чем-либо и как процесс ухода за чем-либо, например, чтобы сохранить в порядке или почистить.

Как видно из данных определений, составные части английских понятий *treatment, attitude* и *relation* раскрывают более общее понятие *отношение* в русском языке. В английском языке каждое из значений данного понятия рассматривается как отдельная лексема, при этом происходит конкретизация значения относительно определенной ситуации, приобретая дополнительные смыслы.

Так, значения «тот или иной характер поведения, обращения кого-либо с кем-либо» и «взгляд на что-либо, понимание чего-либо» реализуются в сопоставляемом языке в лексеме *attitude*, при этом конкретизируется ситуация употребления данной лексемы: гордая, уверенная манера поведения, которая воспринимается некоторыми людьми, грубой; и приобретает добавочный смысл – положение тела.

Значение «взаимная связь различных величин, явлений» реализуется в лексеме *relation*. При этом так же происходит уточнение понятия при указании ситуации, в которой оно употребляется: отношения между странами, людьми, организациями; добавочный смысл, который мы находим в этой лексеме – это член семьи.

Значение «особенное обращение с кем- чем-нибудь» реализуется в понятии *treatment*, ситуации, которые конкретизируют лексему - оказание медицинской помощи; процесс ухода за чем-нибудь.

На основании этих определений можно сделать вывод, что в сопоставляемых языках структура значений данного понятия различна. При этом более обобщенное значение представлено в русском языке, в то время как в английском мы имеем дело с конкретизацией каждого отдельного значения. В английском языке мы видим, как данное русское понятие представлено несколькими лексемами, которые отражают каждый лексический компонент значения «отношения» в русском языке.

Данный факт можно объяснить с точки зрения структуры сопоставляемых языков. Так как английский язык является аналитическим, то можно предположить, что понятие аналитизма охватывает не только грамматический строй языка, но и характеризует его лексический состав, присутствуя потенциально и реализуясь лишь в некоторых случаях. Аналитизм может проявляться в лексике по-разному. На примере лексемы *взаимодействовать* можно наблюдать следующее:

Лексема *взаимодействовать* в словаре В.В и Л.Е.Лопатиных имеет значение находиться во взаимной связи с предметами, явлениями, действуя согласованно, при выполнении работы, поставленной задачи, в то время как в английском языке данное значение раскрывается в двух лексемах: *interact* и *cooperate*, каждая из которых уточняет значение с разных сторон. *Interact* – действовать согласованно, влиять друг на друга; *cooperate* – работать вместе с другими людьми на один результат.

Другое проявление аналитизма мы можем наблюдать в следующих случаях на примере данного поля: *обанкротиться – to become bankrupt, обезлюдеть – to become deserted, отвыкать – to lose a habit, влюблять – to make somebody fall in love, вразумлять – to bring to a reason, отстреливаться – to return fire, вызволять – to get somebody out of something*.

Первый пример можно назвать аналитизмом значения, тогда как во втором случае мы видим аналитизм представления.

Таким образом, можно предположить, что все семантическое поле отношения в английском языке будет иметь более детальную структуру, с большим количеством

конкретизирующих лексем и с меньшим числом производных слов, чем в сопоставляемом русском языке.

Список литературы

1. Логический словарь: ДЕФОРТ [Текст] / Под ред. А.А.Ивина, В.Н. Переверзева, В.В.Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268с.
2. Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е. Русский толковый словарь [Текст] / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1998. – 832с.
3. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.- М., 1992.
4. Общее языкознание. Внутренняя структура языка [Текст] / Под ред. Б.А.Серебренникова. – М.: Наука, 1972. – 566с.
5. Философский словарь [Текст] / Под ред. И.Т.Фролова – 5-е изд.- М.: Политиздат, 1986. – 590с.
6. Разумовский, О.С. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky.htm, свободный.
7. Macmillan English Dictionary / For Advanced Learners [Text]. – Bloomsbury Publishing Plc., – 2002.
8. Webster’s New Word Dictionary[Текст] – Second College Edition, 1973.

М.Г. Овчинникова
Тюмень, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ»

Около пяти десятков лет тому назад появились первые научные труды, посвященные вопросам фразеологической вариантности. Но проблема эта все еще далека от своего решения и с каждым годом привлекает внимание все большего и большего числа исследователей языка [Федуленкова 2006: 44].

Воззрения лингвистов на проблему вариантности подразделяются на две группы. Одни исследователи рассматривают варианты как избыточную категорию в языке, как недостаток естественного языка, как анормальное явление [Горбачевич 1975: 55]. Другие (Болгова, Кодухов, Воронов) пишут о вариативности как о фундаментальном свойстве языка, присущем всем его единицам и уровням, подчеркивая, что способность к варьированию является неотъемлемым свойством функционирующего языка, без которого его изменение и развитие немыслимы [Болгова 1974: 20].

Вариантность в области фразеологии – это результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: адаптация к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, передача колорита времени, создание эффекта новизны единицы, а также стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции.

А.В. Кунин предлагается следующее определение вариантов: "Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов" [Кунин 1964: 442].

Автор выделяет следующие типы фразеологических вариантов: 1) лексические варианты 2) морфологические варианты 3) синтаксические варианты 4) позиционные варианты 5) квантитативные варианты [Кунин 1964: 445-491].

Вслед за Куниным мы распределили ФЕ, взятые нами из романа С.Моэма «Луна и Грош» (выборка составляет 400 единиц) по соответствующим группам. Приведем несколько примеров:

1. Лексические варианты ФЕ (разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе).

(а) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми **глагольными компонентами:** *alter (change) one's mind; catch (get a) sight of smb./smth.; cast (put) a spell on (over) smb.; fly (get) into a temper (lose one's temper)*.

(б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми **субстантивными компонентами:** *bore (smb.) to death/to distraction; eat dirt /humble pie; go to hell!/ to the devil!; goodness/heaven/ God knows!*.

(в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми **адъективными компонентами:** *a great (good) deal (of); larger (bigger)than life; give smb. enough rope/ plenty of rope (to hang oneself).*

(г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми **препозитивными компонентами:** *you cannot get blood from/ out of a stone (turnip); cast (put) a spell on/over smb.; at/in heart.*

2. **Грамматические варианты** ФЕ (разновидности фразеологической единицы тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант, но отличающиеся в морфологическом, синтаксическом или морфолого-синтаксическом отношении).

(а) **морфологические варианты** ФЕ: *take one's(a) chance (take chances)*

(б) **морфолого-синтаксические варианты** ФЕ: *on account of smth. (on account; on smb's account); in smb's eye (in the eyes of smb.); break smb's heart (the heart of smb.).*

3. **Квантитативные варианты** ФЕ (разновидности фразеологической единиц, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при различном количестве компонентов в результате усечения компонентного состава ФЕ): *above all (things); in fact (in point of fact); do (a power of/ a world of) good; without (saying) a word.*

4. **Функциональные варианты** ФЕ (разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий функциональный инвариант при частично различном лексическом составе, заключающемся в варьировании разноаспектных компонентов, и при сохранении тождества синтаксической функции варьируемого компонента в прототипе ФЕ: *out of (the) common; throw (cast, turn, shed) light (a light) on (upon); if (the) worst comes (came) to (the) worst.*

5**. Комплексные варианты** ФЕ (глагольно-препозитивные варианты ФЕ, глагольно-структурные варианты ФЕ, глагольно-квантитативные варианты ФЕ, лексико-грамматические варианты ФЕ, структурно-грамматико-квантитативные варианты ФЕ, лексико-морфолого-синтаксические варианты ФЕ и др.): *make (win) one's way (in the world); mind one's (own) business (affairs); if (the) worst comes (came) to (the) worst*

Проведя анализ ФЕ, использованных в романе «Луна и грош» С. Моэмом, можно сделать вывод, что в произведении обнаруживаются все типы фразеологических вариантов классификации А.В. Кунина с преобладанием следующих: 1) лексические варианты с взаимозаменяемыми глагольными и субстантивными компонентами 2) квантитативные варианты 3) комплексные варианты.

Концепция фразеологической вариантности ощутила на себе также влияние дискуссии о возможности **стилистической и экспрессивной дифференциации вариантов** в результате формально-структурных изменений. Значительная часть исследователей фразеологии допускает возможность таких расхождений, включая их в определения фразеологической вариантности [Федуленкова 2006: 48].

Изучение ФЕ в контексте дает представления о многообразии связей, в которые они вступают в контексте, об ассоциациях, которые они могут вызвать в том или ином окружении [Кунин 1996: 198].

Рассматривая фразеологические варианты в контексте романа С. Моэма, мы обнаруживаем, с одной стороны, их стилистическую и экспрессивную дифференциацию, а с другой – схожесть в выполняемых прагма-стилистических функциях:

1) Один из вариантов может обладать большей экспрессивностью, чем другой. К примеру, из вариантов *to have no idea of smth.* и *to have not the slightest idea of smth.* второй более экспрессивен за счет компонента «slightest».

2) Варианты могут также отличаться своей эмотивностью. Эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, т. е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека. Эмоции делятся на два класса – положительные и отрицательные. Гамма чувств может быть самой разнообразной: негодование, раздражение, уважение, восхищение [Кунин 1996: 178]. Например, вариант *not to care tinker's curse/ tinker's damn* выражает большее негодование, пренебрежение героя, чем *not to care a bit/ twopence.*

3) Фразеологические варианты могут различаться по силе воздействия языкового знака на адресата, но в обнаруженных нами примерах варианты в равной степени усиливают прагматическую направленность текста, с их помощью герои управляют, направляют, воздействуют друг на друга. В качестве примеров можно назвать варианты *you cannot get blood from (out of) a stone (turnip); mind one's (own) business (affairs); as you make your bed, so you must lie on it (one has made one's bed and one must lie in или on it)*

4) Также различные варианты ФЕ помогают в лаконизации речи. Эта функция образуется путем усечения некоторых компонентов. Примером могут служить данные ФЕ: *cross one's t's* и *cross one's t's and dot one's i's*; *do good* и *do a power of/ a world of good; to make (win) one's way* и *make (win) one's way in the world.*

Подводя итог, следует отметить, что С. Моэм использует разные типы фразеологических вариантов. В контексте реализуются стилистические возможности ФЕ. Автор выбирает тот или иной вариант ФЕ в зависимости от его большей или меньшей экспрессивности, эмотивности, силе воздействия языкового знака на адресата и т.д. Таким образом, фразеологические варианты в контексте выполняют различные прагма-стилистические функции.

Список литературы

1. Болгова, Л.А. Фразеологическая вариантность и механизмы фразеобразования (на материале периферийных слоев фразеологического фонда современного немецкого языка) [Текст] : дис… канд. филол. наук / Л.А. Болгова. – Москва, 1974. – 168 с.
2. Горбачевич, К.С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен [Текст] / К.С. Горбачевич. – ВЯ. – 1975.– № 1. – С. 55-64.
3. Федуленкова, Т. Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии. Монография [Текст] / Т. Н. Федуленкова. - Архангельск: Поморский университет, 2006. – 208 с.
4. Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря [Текст] : дис. … д-ра филол наук / А.В. Кунин. – М., 1964. – 1229 с.

Л.Р. Омарова
Махачкала, Россия

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАГМАТИКИ

Основой ментальности российского государства издавна являлось православие. Православная религия как форма общественного сознания официально интегрировалась в исторический процесс России на протяжении более десяти веков и имела неоспоримое влияние на развитие всех сфер деятельности, начиная от языка и заканчивая общественно-политическими метаморфозами.

Вместе с тем, ввиду сложившихся на протяжении XX века общественно-политических условий, стиль церковного языка до сих пор не выделялся как особый функциональный стиль, хотя еще в середине XX века на необходимость выделения шестого функционального стиля – религиозного – указывала М.Н.Кожина [Кожина 1966].

В конце XX – начале XXI веков в лингвистике, наконец, появились работы, в которых обосновывается необходимость выделения функционального религиозного стиля. Ученые еще не пришли к общему обозначению данного стилистического направления; номинации предлагаются различные: это религиозно-проповеднический стиль [Гостеева 1997], религиозный стиль [Лейчик 2000], церковно-религиозный стиль [Крылова 2001] и др. На наш взгляд, обозначение стиля как церковно-религиозного более соответствует общему функциональному направлению, а включение слова «проповеднический» в обозначение стиля не вполне правомерно. Проповедь, безусловно, является первичным жанром богослужения, но сфера предъявления данного стиля не ограничивается жанром проповеди, вследствие чего номинатив «проповеднический» искусственно сужает жанровое богатство стиля. В настоящее время наряду с традиционными жанрами церковно-религиозный стиля (проповедь, молитва, псалом и т.д.) появились новые жанры (интервью, обращение, доклад). Священнослужители выступают на съездах и встречах, участвуют в торжественных мероприятиях на высоком государственном уровне.

В каком социальном контексте звучит сегодня православное слово? Какую целевую установку несет? Для иллюстрации мы обращаемся к тексту выступления митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Съезде православной молодежи в мае 2001 года.

Во вступительной части митрополит Кирилл сразу определил конкретную цель выступления: «…кем мы являемся в современном мире, для чего мы собрались в этом зале именно теперь и что нам надлежит делать впредь» [Кирилл 2001: 1]. Развернутое

выступление представляет собой размышление-диалог, в котором православное слово максимально приближено к современной аудитории. Речь митрополита насыщена общественно-политической лексикой – *молодежное движение, активисты, агитация, современность, баррикады, молодежный бунт, ключевая роль, потенциал, идеологи*, *либеральная идея и т.д.* Данный языковой ряд ставит молодых священников и новообращенных верующих на передний край борьбы за нравственность. И это соответствует специфике момента. Православная церковь в настоящее время, действительно, переживает период возрождения православных традиций, период борьбы за сердца и умы тех, кто за долгие годы безверия утратил нравственные ориентиры.

Выступление митрополита – это вместе с тем и лекция на общественно-педагогическую тему, поэтому оратор широко использует научную терминологию: *сленг, жаргон, мифологемы, цитаты, схоластика, риторика, аудитория, доклад, богословие, цивилизация и т.д.:*

Светский гуманизм претендует на то, чтобы подменить собой религию в современном секулярном обществе, адаптировав ее нравственные императивы к эгоистическим потребностям падшего человека [Кирилл 2001: 5].

Данный языковой пласт свидетельствует о достаточно высоком уровне аудитории, перед которой выступает гомилет и о тех широких задачах, которые определил для себя выступающий. Лексемы *секулярный*, *адаптировав*, *императивы* взаимодействуют с лексемой *падший* (*человек*), что придает всей диктеме особое религиозное звучание, возвращает к языковым «истокам».

В речи пастыря употребительны слова и словосочетания, обозначающие отвлеченные нравственные понятия: *духовная сила, духовная зрелость, благорасположенность, духовная одаренность, духовная жизнь, нравственное состояние, религиозный талант*. Как показывает материал, подавляющее большинство положительных явлений ассоциируются с понятием «*духовный*». Это глубоко закономерно, так как дух – вечен, а материя – тленна, соответственно, сила духа должна преобладать в человеке. Вся предыдущая лексика – лексика бытия – подчиняется лексике духовной, и именно в этом заключается сила православия. Православная этика становится основой всего мировосприятия и реализации человека в социуме.

Наряду с использованием различных семантических лексических групп, в текстах современных проповедников наблюдается изменения некоторых понятий, всегда имевших место в православной риторике. Например, для обозначения понятия «*грех*» митрополит Кирилл использует современные лексические средства: *растление, порнография, гомосексуализм*. При этом данная лексика не вытесняет прежнюю, более

свойственную православию: *соблазны и искушения*, а взаимодействует с ней, создавая особый рисунок, максимально приближая проблему к слушателю:

Православные спрашивают: почему позволяется растлевать людей? Почему по телевидению свободно распространяется порнография? Им в ответ на это предлагают не смотреть тот или иной телеканал…Но как быть с тем, что телевидение доставляет человеку соблазны и искушения прямо в его дом? А никак, - отвечают нам. Действия владельца телеканала не ограничивают свободу телезрителя. В итоге общество привыкает жить в условиях отсутствия понятия греха… Мир, живущий по закону греха, не имеет будущего [Кирилл 2001: 4].

Митрополити Кирилл не позволяет аудитории отходить от проблемы возрождения православия и снова обращается к общественно-политической риторике:

«Я поддерживаю межрелигиозные и межхристианские контакты как одну из возможностей свидетельствовать инославному миру об истине Православия.

С другой стороны, современная глобализация, порожденная техническим прогрессом, не имеет альтернативы» [Кирилл 2001: 5].

Интеграция православной риторики в современную жизнь осуществляется активно. Безусловно, упор на воспитание молодежи правомерен, так как старшее поколение, воспитанное на идее строительства коммунизма, не представляет значения для формирования новой государственной идеи. Отбор структурно-функциональных языковых средств подчинен задаче активизации восприятия аудиторией православной ментальности, возвращая тем самым российскую государственность к духовным истокам.

Список литературы

1. Гостеева, С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ [Текст] / С.А. Гостеева // Журналистика и культура русской речи: Вып. 2 – М.: МГУ, 1997. – С.87-93.

2. Кожина, М.Н. К основаниям функциональной стилистики [Текст] / М.Н. Кожина. – Пермь: Из-во ПТУ, 1966. - 275 с.

3. Крылова, О.А. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского языка разновидность газетно-публицистического? [Текст] / О.А. Крылова // Стереотипность и творчество в тексте. - Пермь, 2001. - С. 259-269.

4. Лейчик, В.М. Обновление религиозного стиля: взгляд лексиколога [Текст] / В.М. Лейчик // К культуре мира через диалог религий, диалог цивилизаций. - Омск, 2000. Т.1.- С. 165-171.

5. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Быть религиозным человеком в молодые годы есть свидетельство духовной одаренности / Выступление на Съезде православной молодежи (май 2001 г.) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.zavet.ru/publ/kiril001.htm, свободный.

Н.А. Переверзева
Воронеж, Россия

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ МЕЖДУ ПРЕДИКАТИВНЫМИ ЧАСТЯМИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Главным образом, в отечественной испанистике сочинение и подчинение рассматриваются как некая оппозиция в синтаксическом плане, в то время как бессоюзие не составляет оппозиции ни к сочинению, ни к подчинению. В этом типе связи решающую роль играют не синтаксические элементы, а чисто смысловые [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 219-221].

Признаки «завершенность формальная» и/или «семантическая незавершенность» одной из частей бессоюзного сложного предложения, а также порядок следования частей аккумулирующие в себе основные формальные и семантические характеристики бессоюзного сложного предложения, выступают как дифференциальные [Зильберт 1967: 370]. В этой связи, все бессоюзные сложные предложения членятся на четыре структурно-семантических подкласса. Первый подкласс образуют предложения с формально и семантически незавершенной первой частью: *Estoy tranquilo, alegre; no lo dudo, en el día de hoy tendré suerte* (Cortázar); Второй подкласс представлен бессоюзными конструкциями с семантически незавершенной первой частью: *Todavía no comprendía una cosa: el arte es el mundo entero, complicado e inaccessible por el momento para él* (Cortázar); К третьему подклассу относятся бессоюзные сложные предложения с семантически незавершенной второй частью: *El reloj dió la hora, en la oscuridad no podía verse...se oían los cascos del caballo: el señor llegaba* (Delibes); Четвертый подкласс объединяет предложения с формально и семантически завершенными предикативными частями: *El muchacho le echó un curioso vistazo: nunca se haíba topado con Juana antes, pero habia oído mucho a cerca de élla* (Medio).

Внутри каждого подкласса наиболее существенным и в то же время наиболее универсальным различием между предложениями является характер смысловых отношений между предикативными частями.

Объектом нашего исследования явились бессоюзные испанские сложные предложения с формально и семантически незавершенной первой частью, а именно бессоюзные испанские сложные предложения с изъяснительно-объектными отношениями между предикативными частями, так как данный тип бессоюзного сложного предложения составил наиболее продуктивную группу в рассматриваемом подклассе. Описание строится с учетом их формально-грамматической организации, типового содержания предикативных частей, возможностей использования их как

отдельных высказываний в процессе общения. При описании мы отмечаем также их принадлежность как речевых единиц к тому или иному стилю речи.

В плане формально-грамматической организации, в предложении с изъяснительно-объектными отношениями - доминирующей является первая предикативная часть. Все бессоюзное сложное предложение строится на основе модели (грамматической формулы) первой части. Семантическая структура ее такова: субъект (лицо) + событийный предикат (изъяснительного типа) + объект. Вся вторая часть сложного предложения занимает в семантической структуре первой части место зависимого объекта, который, в отличие от предметного объектного распространителя в простом предложении, называет событие. Изъяснительно-объектное отношение между первой и второй частью устанавливается по требованию опорного слова первой части, выполняющего в ней функцию предиката. Более того, формально-грамматическая структура первой части определяет и грамматическую, а не только семантическую, позицию второй части в структуре первой. Так, если первая часть имеет форму личного двусоставного предложения: N1+ Vf $+N_4$, то вторая часть занимает место грамматического объекта (дополнения); если же первая часть представлена безличной конструкцией: N3 + V (3-е л. ед. ч.) или Pred $+N_1$, то вторая часть оказывается в позиции грамматического субъекта (подлежащего). Например:

De súbito lo vi con mucha claridad: empezó la guerra (Delibes)*;*

Estoy escalando la montaña…ahora desde la altura se ve: el enemigo ha concentrado todas sus fuerzas en el territorio de nuestro barrio (Gallegos).

Занимая доминирующее положение в формально-грамматической организации бессоюзного предложения, первая часть оказывается менее значимой в информативном плане. Говорящий, как правило, считает более важным сообщить адресату о том событии, которое составляет содержание второй части, поэтому вторая часть всегда остается актуально значимой. В то же время нельзя считать, что первая часть лишь вспомогательна, служит средством для включения в контекст второй части. Она тоже важна, актуальна с точки зрения говорящего. Все бессоюзное предложение, как правило, имеет два центра актуализации: в первой части логически выделяется предикат, во второй логическое ударение может стоять на любом из компонентов. Поэтому среди предложений с изъяснительно-объектными отношениями в испанском языке по коммуникативному намерению говорящего лица выделяются два вида высказываний: сообщающие и побудительные.

Сообщающие бессоюзные сложные предложения рассматриваемого типа разграничиваются в зависимости от типового значения первой части на три большие группы.

1) Предложения, имеющие типовым содержанием сообщение о каком-то событии, которое составляет объект-содержание акта речи, чувственного или рационального восприятия лица-субъекта. Субъектом здесь может быть только лицо. Круг предикатов в таких предложениях не широк. В первой части употребляются глаголы, предикативные наречия, краткие прилагательные и причастия, фразеологические сочетания со значениями: а) речи — hablar, contestar, declarar, informar, explicar, mentir, confesar, negar, prometer и другие; б) чувственного восприятия — ver, mirar, leer, escuchar, sentir, adivinar, se ve, se oye и так далее; в) интеллектуального восприятия — pensar, reflexionar, comprender, determinar, saber, notar, creer, recordar, olvidar, soñar, imaginar, decider и так далее. Примеры:

Yo, como el médico, tengo que hacer recordarselo: Usted todavía está enfermo (Dobles);

Entonces pensé: la memoria es el pago por lo más querido que le quitan al hombre (Cortázar).

Категориальная семантика первой части накладывает ограничения и на формально-грамматическую устроенность. Если процесс говорения или восприятия мыслится как активная, целенаправленная деятельность лица, то это значение передается конструкцией «Именительный падеж существительного (или местоимения) + глагол + ...». Неопределенно-личная конструкция простого предложения встречается редко, только при глаголах говорения. Между глаголами первой части предложения и предикатами второй нет видо-временной соотнесенности, они допускают любые видо-временные сочетания частей бессоюзного предложения. Содержание предложений данной разновидности таково, что роль субъекта в них не центральна, позиция субъекта в первой части не актуализирована. Позиция субъекта становится факультативной, когда он известен из ситуации или контекста. Тогда первая часть представляется усеченной конструкцией:

No le tienen miedo porque lo saben: él no goza de su confianza (Perez- Reverte).

Информативная факультативность субъекта действия первой части делает возможным оформление ее безличной конструкцией. Например:

Era evidente: el batallón estaba preparandose para el combate, con mucha inquietud estaban esperando la señal (Nervo).

2) Предложения с типовым значением «сообщение о событии и утверждение его реальности посредством указания на определенное психическое (волевое и интеллектуальное) состояние говорящего лица»:

Estaba felíz; no lo dudaba: mañana se casará con él (Martinez);

Salcedo estaba seguro: Minevrina se convertiría en su esposa, en la madre de sus hijos, en su vida (Delibes).

В таких предложениях, как и в конструкциях первой разновидности, основную информативную нагрузку несет на себе вторая часть. Первая часть не столько сообщает, сколько убеждает собеседника принять передаваемую второй частью информацию как реальный факт. Для предложений данной разновидности характерно сочетание семантически одноплановой, передающей один, довольно узкий тип событий первой части, с семантически разноплановой, передающей любое событие второй частью. Действительно, первая часть таких предложений передает только психическое состояние уверенности лица в истинности сообщаемого им факта. В ней не может быть выражено даже противоположное состояние неуверенности, сомнения говорящего в реальности события. Так, невозможно бессоюзное предложение *Dudo: él vendrá (Я сомневаюсь: он придет),* но вполне нормативно *No lo dudo: (que) él vendrá (Я не сомневаюсь: (что) он придёт).*

3) Предложения с типовым содержанием «сообщение об эмоциональном состоянии (или отношении) лица, которое вызывает у него воспринимаемый событийный объект». Примеры:

Es maravilloso observarlo: sus puntos de vista son idénticos (Matute);

Es lamentable: no pude conseguir que se quedarán en casa (Delibes) .

В таких предложениях коммуникативное задание говорящего реализуется в равной мере и первой, и второй частями: второй частью говорящий извещает собеседника о каком-то актуальном для того событии, вызвавшем изменения его эмоционального состояния, также актуально значимые для говорящего. Здесь можно говорить об информативной уравновешенности частей, их взаимодополнении при передаче общей ситуации высказывания. Первая часть оформляется как двукомпонентная конструкция личного или безличного типа. В качестве предиката в ней употребляются немногочисленные глаголы, краткие прилагательные и причастия, слова категории состояния, передающие различные эмоциональные состояния субъекта-лица: lamenter (сожалеть), preocuparse (тревожиться), alegrarse (обрадоваться), sorprenderse (удивляться), tener miedo (бояться), es extraño (странно), es sorprendente (удивительно), и другие. Для первой части предложения наиболее обычен план настоящего, реже

прошедшего времени. Первая часть имеет реальный модальный план. Вторая часть предложения передает любое событие, она ни в формальном, ни в семантическом отношении не ограничивается составом первой части.

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительно-объектными отношениями между частями по коммуникативному намерению говорящего лица также представляются в испанской речи и побудительными высказываниями:

Que no se te olvide: la risa es una de las mejores armas usada por la mujer durante siglos tanto para el ataque como para la defensa (Cortázar);

Pues, acordáos: la desdicha es el vínculo más estrecho de los corazones (Cortázar).

В таких предложениях передается побуждение особого рода: говорящий воздействует на собеседника не с целью побудить его к совершению физического действия, а с целью совершения какого-то интеллектуального, речевого или эмоционального действия. Здесь возможны все три разновидности сложных предложений, которые были описаны при рассмотрении сообщающих изъяснительных бессоюзных конструкций. В первой части возможны предикаты со значением речи, мысли, эмоционального состояния. Первая, побудительная часть, передавая побуждение собеседника к определенному восприятию какого-то событийного объекта, о котором сообщается во второй части, отличается сравнительно малой информативностью. Вторая часть информативно более насыщенна: именно она называет событие-объект, которое должно быть воспринято субъектом первой части.

Чем менее значим побудительный план всего высказывания, тем более факультативной становится в нем позиция первой части. Пределом утраты побудительной функции является превращение ее в особого рода слово-обращение к собеседнику:

O y e: ¿no te apetece descansar un poquito de las lecciones?

Такие предложения возможны и без первой части, основную информативную нагрузку несет в них вторая часть.

Вторая часть передает основной диктальный план события и даже при актуально значимой первой части не может превращаться в факультативный компонент конструкции. Ни семантическая структура второй части, ни ее формальная организация не зависят от первой. Она может представлять собой предложение любого логико-семантического типа. По целеустановке она может быть предложением повествовательным, вопросительным или восклицательным:

¿Estás listo?; no te olvides, hijo: nos está esperando tu madre (Delibes)*;*

Confésenlo Ustedes: ¿esta historia la han inventado en el estado mayor? (Perez-Reverte)

Данный тип бессоюзных сложных предложений широко представлен в разговорной речи испанского языка, в равной мере в языке художественной литературы, более избирательно в публицистическом и научном стилях речи, значительно реже его можно встретить в текстах, относимых к деловому стилю.

Список литературы

1. Васильева-Шведе, О. К. Синтаксис предложения [Текст] / О. К. Васильева-Шведе, Г.В. Степанов // Теоретическая грамматика испанского языка : учебник для инстов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. школа, 1981. – 303 с.
2. Зильберт, Б. А. К вопросу о принципах классификации сложных бессоюзных предложений [Текст] / Б. А. Зильберт // Очерки по русскому языку и стилистике: уч. пособие. – Саратов, 1967. – 370 с.

А.Н. Петрова
Воронеж, Россия

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИМЕНАРЕЧЕНИЯ В США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Антропонимические традиции развиваются вместе с обществом. Именники различных эпох существенно отличаются друг от друга. Объясняется это различным восприятием имен в отдельные эпохи, различной социальной оценкой определенных типов имен, обращением к различным мотивировкам имен, продиктованным требованиями эпохи [Суперанская 1977: 7]. В каждую историческую эпоху имя в обществе выполняет свои специфические функции, и в разные периоды отношение людей к именам различно.

Английские и американские имена в настоящее время представляют плотно сплетенный клубок из имен традиционных и современных. Нам хотелось бы остановиться на необычных именах, которые дают своим детям известные люди. Одна из причин, почему знаменитости дают странные имена своим детям, - то, что некоторые из них полагают, что необычное имя обеспечит их детям известность в будущем. Однако существуют примеры обратного. В книге «FreakOnomics» описывается случай, как в конце 1950-х в Нью-Йорке отец назвал одного своего сына Looser «Неудачник», а второго - Winner «Победитель». Looser сделал успешную карьеру, а Winner 30 раз попадал в тюрьму за различные преступления, от бытового насилия до кражи со взломом.

В Интернете недавно был проведен опрос среди 2300 человек на тему «Самое странное имя, данное ребенку знаменитости». В результате голосования почетное первое место заняла дочь Фрэнка Заппы по имени Moon Unit «Спутник луны». Мы

выделили несколько современных тенденций именования: «Голливудских детей». Мы можем выделить несколько тенденций наименования:

- в честь выдающихся людей XX столетия

Ava (от имени актрисы Авы Гарднер) – дочь Риз Уизерспун; дочь Эйдана Куинна; дочь Джона МакЭнроя

Lennon (от фамилии участника группы «Биттлз» Джона Леннона) – сын Лаэма Галлахера

Roman (в честь режиссера Романа Полански) - сын Кейт Бланшетт

Truman (вероятно, от фамилии американского президента Гарри Трумана) – сын Риты Уилсон и Тома Хэнкса

- в честь персонажа книги

Atticus (один из главный персонажей знаменитой книги «Убить пересмешника») – сын Тони Адамс; сын Дэниела Болдуина

Gulliver (от имени главного героя произведения Д.Дефо «Путешествие Гулливера») – сын Гарри Олдмана

- в честь античных личностей

Aurelius (имя римского императора Марка Аврелия) – сын Элль Макферсон

Homer (от имени древнегреческого философа) – Ричард Гир

Phinnaeus Walter (от имени римского императора) – сын Джулии Робертс и Дэнни Модера

- в честь библейского героя

Levi Roan Green (от имени библейского персонажа Левия) – сын Умы Турман и Итана Хоука

Moses (имя библейского героя Моисея) – сын Гвинет Пэлтроу и Криса Мартина

- в честь музыкальной группы

Zeppelin (от названия группы Led Zeppelin) – сын Джонатана Дэвиса

- заведомо уменьшительно-ласкательные имена:

Betty Kitten («Бетти-Котенок») – Джейн Голдман и Джонатан Росс

Little Trixie («Маленькая Трикси») – дочь Боба Гелдофа

- именование нарицательными существительными, обозначающими плоды

Apple («Яблоко») – дочь Криса Мартина и актрисы Гвинет Пэлтроу

Peaches («Персики») – дочь Боба Гелдофа

Hazel Patricia («Лесной орех») – дочь Джулии Робертс

- именование нарицательными существительными, обозначающими цветы и цветение

Blossom «Цветение» – дочь Кейси Эйнсворт

Dandelion («Одуванчик») – сын Кейта Ричардса.

Honeyblossom («Медовое цветение») – дочь Боба Гелдофа

- именование нарицательными существительными, обозначающими музыкальные инструменты

Banjo («Банджо») – сын Рэчел Гриффитс

- именование красивыми сочетаниями слов

Blue Angel «Синий ангел» – сын Дэйва Эванса

Bluebell Madonna («Колокольчик» «Мадонна») – дочь Джерри Халливел

God'iss Love («Богиня Любви») - дочь Лил Мо

Indiana August («Август в Индиане») – сын Саммер Феникс и Кейси Аффлека

Heavenly Hirani Tiger Lily (Небесная Тигровая Лилия) – дочь Майкла Хатченса и Полы Йетс

- именование нарицательными существительными, обозначающими космические объекты

Luna («Луна») – дочь Фрэнка Лэмпарда

Moon Unit «Спутник луны» - дочь Фрэнка Заппы

- именование нарицательными существительными, связанные с «самолетной тематикой»

Ace («Ас») – Натали Эпплтон и Лайам Хоулет

Jet («Реактивный самолет») – Джон Траволта и Келли Престон

Rocket («Ракета») – дочь Роберта Родригеса

- именование нарицательными существительными, обозначающими явления природы

Autumn («Осень»), **Ocean** («Океан») – дети Фореста Уитакера

- именование нарицательными существительными, называющим род занятий человека

Moxie Crimefighter («Смелый борец с преступностью») – дочь Пенн Джулиетт

Pilot Inspektor («Пилот-Инспектор») сын Джейсона Ли

Pirate («Пират») – сын Джонатана Дэвиса

Racer («Гонщик»), **Rebel** («Мятежник») - дети Роберта Родригеса

Rider Russell («Наездник» Расселл (от фамилии актера Курта Расселла)) – сын Кейт Хадсон и Криса Робинсона

Sailor («Моряк») - сын Кристи Бринкли

Scout («Разведчик») – дочь Брюса Уиллиса и Деми Мур

- именование нарицательными существительными, обозначающими животное

Puma («Пума») – дочь Эрика Баду

Rufus **Tiger** («Тигр») – сын Роджера Тейлора

- имена, образованные от географических названий

Assisi (от названия города) – дочь Джейд Джаггер

Brooklyn (район Нью-Йорка) – сын Дэвида Бекхема

Chester (город в Англии) – сын Рита Уилсон и Том Хэнкс

Dakota (от названия американского штата) – дочь Мелани Гриффит и Дон Джонсон

Dixie Dot («Южная точка», Dixie – название южных штатов США) – дочь Анны Райдер Ричардсон

Kingston (столица Ямайки) – сын Гвен Стефании и Гевина Росдейла

Ireland (от названия страны Ирландия) – дочь Алека Болдуина и Ким Бейсингер

Paris (Париж) – сын Майкла Джексона

- иностранные имена

Johan Riley **Fyodor** Taiwo (данный антропоним включает в себя русское личное имя Федор) – сын Хайди Клум и Сила

Lourdes и **Rocco** (испанское и итальянское имена) – дочь и сын Мадонны

Maddox («Сын лорда») – сын Анджелины Джоли

Romeo (Ромео) – сын Дэвида Бэкхема

Suri (с иврита «Принцесса», с фарси «Красная роза») – дочь Тома Круза и Кейти Холмс

Zahara («Светящаяся») – дочь Анджелины Джоли

- имена, образованные от иностранных слов

Amandine – (с фр. «миндальный крем») - дочь Джона Малковича

Bibi **Belle** (с фр. «красавица») - Анна Райдер Ричардсон

Cruz (от исп. «крест») – сын Дэвида Бекхема

Geronimo («Ура!») – сын Алекса Джеймса.

Milo (от греч. «яблоко») – сын Лив Тайлер и Ройстона Лэнгдона

Pax (с вьетнамского «светлый, добрый») - сын Анджелины Джоли

Shiloh Nouvel (с иврита «Новый подарок», «Новый миротворец» или «Новый Мессия») – дочь Бреда Питта и Анджелины Джоли

Tallulah **Belle** (с фр. красавица») – дочь Брюса Уиллиса и Деми Мур

- имена, образованные от имен/фамилий родителей

Coco (от первых слогов имени и фамилии матери **Co**urtney **Co**x) – дочь Дэвида Аркетта и Кортни Кокс Аркетт

Prince «Принц» и **Prince Michael II** «Принц Майкл II» – сыновья Майкла Джексона

Taj (вероятно, от первого слога фамилии отца T[ai]ler) – сын Стивена Тайлера

Willow (образовано от имени отца Will) – дочь Уилла Смита. Интересно, что его сын носит имя, образованное от имени матери Jaden от Jada.

- просто странные имена

Audio Science («Аудио-Наука») – дочь Шаннин Соссамон

Daisy Boo («Ромашка «фу») – дочь Джулс Нортон

Denim («Деним», «Джинс») – сын Тони Брэкстон

Diezel Ky (возможно, от нарицательного существительного diesel «дизельный двигатель») – сын Тони Брекстон

Dweezil (возможно, от нарицательного существительного diesel «дизельный двигатель») - сын Фрэнка Заппы.

Elijah Bob Patricius Guggi Q (данный антропоним состоит из личного имени Элайджа, деривата Боб (< Роберт) и ирландского сленга) – сын Боно.

Fifi-Trixibelle (возможно, от фр. belle «красавица» и сленгизма trixie «в тройной мере», Fifi – популярное имя для маленькой собачки) – дочь Боба Гелдофа

Fortuna Daphne Bay («Фортуна Дафна Бухта») – дочь Мелани Браун

Jermajesty («Ее Величество») – дочь Джермэйн Джексон

Misty Kid («Мистический малыш») - дочь Шарлин Спитери. **Phoenix Chi** («Феникс Чи») – дочь Мелани Браун

Seven «Семь» – сын Эрики Баду

Sonnet («Сонет»), **True** («Правдивый») – дети Фореста Уитакера

Rumer Glenn – дочь Деми Мур и Брюса Уиллиса

Ziggi – сын Боба Марли

Zola – дочь Эдди Мерфи

Zooey - сын Дэвида Боуи

Любопытно, что жажда новизны в именах среди знаменитостей не так уж сильно повлияла на поклонников, которых они пытаются впечатлить. Простые британцы предпочитают называть детей традиционно: Томас, Дэниел, Уильям, Эмили, Люси и Софии (по результатам статистики, ежегодно публикуемой в газете «Times»). На протяжении 10 лет в Англии лидировало мужское имя Джек. Простые имена свидетельствуют, что мир имен знаменитостей и имен простых людей разделяет

огромная пропасть. Однако и среди простых американцев и англичан встречаются любители необычного. Например, на Гавайских островах в одну из школ города Гонолулу поступила младшая дочь владельца одного из местных ресторанов. Ее имя и фамилия состоят из 102 букв и в переводе на русский язык означает: «многочисленные прекрасные цветы гор и долин начинают наполнять Гавайи в длину и ширину своим благоуханием». А семья Джексон из города Чикаго назвала своих детей: Meningitis (менингит), Laryngitis (ларингит), Appendicitis (аппендицит), Peritonitis (перитонит), Tonsillitis (тонзиллит).

В русском языке, конечно, имен Яблоко или Принц нет, и вряд ли будут, но некоторые необычные тенденции все же заметны. Появляется много вычурных или старинных имен, которые считаются устаревшими. Петербургская актриса Анна Ковальчук назвала дочку Злата, что объясняет следованием церковному календарю. Примерно в то же время старорусские имена дал своим близнецам певец Александр Малинин: Устинья и Фрол. Известная актриса Рената Литвинова назвала дочку Ульяной, певица Наталья Королева дала своему сыну имя Архип.

Популярны также и древнееврейские или древнегреческие имена. Так, популярная телеведущая Тутта Ларсен назвала сына Лука, а актриса Ольга Будина – Наумом. Еще лет 10 - 15 назад практически не встречались такие детские имена, как Таисия, Стефания, Макар, Игнат, Арсений, Ариадна, но в настоящее время такие древнегреческие имена как, например, Макар (сын актрисы Марии Шукшиной), Арсений (сын Алексея Кортнева) уже стали чем-то привычным и обыденным. Имена греческого происхождения Таисия (дочь телеведущей Юлии Меньшовой), Стефания (дочь певца Дмитрия Маликова), Ариадна (дочь балерина Анастасии Волочковой) многим кажутся исконно русскими. Отдельно хотелось бы упомянуть солиста группы «Ума Турман» Владимира Кристовского, который дал своим дочерям очень необычные иностранные имена: Станислава, Мия, Ясмин. Иностранные имена дали своим детям Николай Басков (Бронислав), и певица Маша Макарова (Мирра и Роза). Двойные иностранные имена тоже являются определенной тенденцией именаречения: Анна-Мария – дочь актера Михаила Ефремова; Елизавета-Анна – дочь телеведущей Елены Ханги.

На известных людей могут оказывать влияние и другие «звезды». Например, олимпийский чемпион по фигурному катанию Евгений Плющенко собирался назвать своего первенца Кристианом, в честь знаменитого футболиста Криштиану Роналдо. Многие странные имена связаны с национальностью либо самих знаменитостей, либо их супругов. Певица Алсу назвала свою дочку Сафиной, т.к. в Татарстане, откуда она родом, это очень распространенное имя.

Впрочем, из всего вышесказанного нельзя сделать вывод, что российские звезды нарекают своих детей только вычурными именами. Например, одно из самых популярных имен Мария, носят дочери актрисы Анастасии Мельниковой, певца Максима Леонидова, актера Олега Табакова.

В то же время, как констатируют в органах загса, звездный вклад в копилку рождаемости и звездное же стремление к оригинальности никак не повлияли на формирование первой «десятки» самых популярных детских имен. В рамках Интернет-форума «Переполох» был проведен опрос среди мам и будущих мам. Среди женских имен самыми популярными стали Софья, Василиса, Дарья, Мария. В рейтинге мужских имен лидерами являются Тимофей, Ярослав (все Славы), Максим, Арсений, Даниил, Дмитрий. Нельзя сказать, что все эти имена являются широко распространенными, но это только доказывает то, что в каждом поколении существует своя мода на имена. В раннюю советскую эпоху, например, было модным придумывать коммунистические имена: Рэм (революция, Энгельс, Маркс), Мэлор (Маркс, Энгельс, Октябрьская революция), Оюшминальд (Отто Юльевич Шмидт на льдине). В одном из сел Киргизии отец по имени Цилиндр дал своему новорожденному сыну имя Поршень. Также зарегистрированы имена Канализация, Юрист, Трактор, Идея Делегатовна; имена из таблицы Менделеева: Радий, Ванадий, Рутений, Иридий; минералы Рубин, Гранат, Изумруда; географические названия: Алтай, Гималай, Казбек, Волга, Онега, Амур и все названия месяцев, начиная с января и заканчивая декабрем. Много имен было образовано от революционных лозунгов, названий учреждений: Икки (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала), Роблен (родился быть ленинцем), Ремизан (революция мировая занялась), Ревдит (революционное дитя), Цас (центральный аптечный склад), Гласп (Главспирт), Райтия (районная типография).

Из всего высказанного мы можем сделать вывод, что «звездные» родители больше склонны к эпатажу в выборе имени для своих детей, чем обычные люди, хотя и в том, и в другом обществе бывают неожиданные исключения. Безусловно, в США и Великобритании необычное имя «звездного» малыша является почти нормой, что, к счастью, нельзя сказать о российских знаменитостях. Выбирая необычное, вычурное, странное имя для своих детей родители вряд ли думают о том, как сложится судьба ребенка с таким именем. За выбором необычного имени чаще всего стоит желание выделиться из толпы, показать свою оригинальность, «звездный» статус. Это могут быть также религиозные, политические причины, желание рассказать всему миру о своих увлечениях таким неординарным способом.

Список литературы

1. Суперанская, А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) [Текст] / А.В. Суперанская // Историческая ономастика: Сборник статей / Под ред. А.В. Суперанской.— М.: Наука, 1977 .— 308с.

2. Levitt, Steven D., Dubner, Stephen J. Freakonomics [Revised and Expanded]: A Rogue Economist Explores the Hidden Side of Everything. - Изд: William Morrow, 2006. – 336с.

О.А. Пичугина
Челябинск, Россия

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ВОЛХВ»

Реминисценция – термин для русского литературоведения относительно новый, отчасти этим объясняется отсутствие четкой дефиниции этого художественного явления. Кроме того, сама природа реминисценции достаточно неопределенная. Однозначное выделение в тексте реминисценции порой затруднено. Анализ реминисценций строится не только и не столько на фактах, сколько на догадках и предположениях. Для того чтобы выделить и проанализировать античные реминисценции в романе Дж. Фаулза «Волхв» необходимо дать определение реминисценции как таковой.

Все литературоведы признают, что реминисценция основывается на использовании какого-либо элемента другого произведения искусства. Также сходятся мнения и в том, что реминисценции могут быть как сознательными, так и не осознанными.

С. И. Кормилов связывает реминисценцию с понятием «чужое слово»: «Реминисценция - художественный прием, предполагающий использование «чужого слова» - элементов другого произведения для создания нового или же бессознательное воспроизведение этих элементов в новом тексте» [Соловьёва 1997: 497].

Наиболее обширное определение реминисценции находим у В. Е. Хализева. «Этим термином (реминисценция) обозначаются присутствующие в художественных текстах «отсылки» к предшествующим литературным фактам: отдельным произведениям или их группам, напоминания о них. Реминисценции, говоря иначе, - это образы литературы в литературе» [Хализев 1999: 253].

К наиболее распространенной форме реминисценции Хализев относит цитирование. При этом цитата может быть точной и неточной, выделяться кавычками или оставаться неявной, подтекстовой.

Вместе с тем сфера реминисценций значительно шире области цитирования как

такового. Реминисценциями нередко становятся простые упоминания произведений и их создателей вкупе с их оценочными характеристикам. Так, в 6 главе I части романа М. де Сервантеса священник и цирюльник разбирают книги, прочитанные Дон Кихотом, чтобы часть их сжечь, и беседуют о них, так что образ литературы (преимущественно рыцарских романов) создается при полном отсутствии цитирования.

Также В. Е. Хализев подчеркивает близкое родство литературной реминисценции и отсылок к произведениям других видов искусств, как реально существующих или существовавших (памятник готической архитектуры в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» или моцартовский реквием в маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»), так и вымышленных писателем («Доктор Фаустус» Т. Манна или «Портрет» Н. В. Гоголя).

Бахтин и Виноградов говорят о проблеме «чужого слова» в целом, не выделяя из нее отдельные составляющие, в частности реминисценции. Современные исследователи продолжают заниматься исследованием проблемы использования «чужого слова». Среди них Е. Б. Рогачевская, И. П. Смирнов, Л. А. Машкова. Данные литературоведы для обозначения заимствованных элементов используют термины «цитирование» и «аллюзия».

Реминисценция рассматривается частью современных литературоведов как один из подвидов аллюзии. Другие исследователи разводят эти термины, не отрицая при этом единства их сущности.

Ю. М. Лотман и З. Г. Минц расширяют рамки использования «чужого слова». Под ним они понимают не только прямое или косвенное цитирование. Они вводят термин цитата - «метонимия» или «мифологема», под которым они понимают «свернутое до имени - чаще всего до имени собственного - «осколки» мифологического текста, «метафорически» сопоставляющие явления из миров мифа и истории и «метонимически» заимствующие целостные сюжеты и ситуации» [Лотман 1981: 54].

Таким образом, реминисценцией может быть не только непосредственно «чужое слово» из какого-либо текста, но и знак, указывающий на этот текст. Кроме того, З. Г. Минц считает, что к реминисценциям могут относиться не только знаки словесных текстов, но и знаки - заместители произведений несловесных искусств (картин, музыкальный произведений и т. д.). Реминисцентная природа рассматриваемых случаев в том, что отсылка к внесловесному произведению также вызывает в сознании читателя значительные образы или мелодию текста источника. Следовательно, значительно расширяется спектр произведений, которые могут выступать в качестве источников реминисценций.

Как мы видим, единой точки зрения ни на проблему «чужого слова» вообще, ни реминисценции, в частности, в современном литературоведении не существует. В нашей работе под реминисценцией мы понимаем использование в литературном произведении элемента другого произведения литературы или искусства, вызывающее у читателя воспоминания об этом произведении, необходимые для более полного и точного понимания творческого замысла заимствующего автора.

Исходя из всего вышесказанного, можно выделить разнообразные группы реминисценций, рассмотрим некоторые из них:

1. Пространственная реминисценция. Автор использует художественное пространство произведения – первоисточника. Одной из ярких пространственных реминисценций «Волхва» можно считать отсылку к греческому Олимпу. Учитывая античный контекст всего романа, можно расценивать ряд описаний Фраксоса и Бурани, как отсылку к этому греческому раю.

Phraxos was beautiful. There was no other adjective; it was not just pretty, picturesque, charming – it was simply and effortlessly beautiful [Fowles 1985: 52].

«Фраксос прекрасен. Другие эпитеты к нему не подходят, его нельзя назвать просто красивым, живописным, чарующим - он прекрасен, явно и бесхитростно» [Фаулз 2001: 52].

Величественная красота Фраксоса напоминает красоту мифической горы Олимп – резиденции верховных античных богов, места, где живет сам Зевс.

Еще большее сходство с Олимпом приобретает Бурани.

Immediately to the west of the bay with the cottages the ground rose steeply into a little cliff that ran inland some hundreds of yards, a crumbled and creviced reddish wall; as if it was some fortification for the solitary villa that lay on the headland beyond [Fowles 1985: 69].

«С той стороны обжитой бухты вздымалась крутая скала, вдававшаяся в глубь острова на несколько сотен ярдов - красноватый откос, покрытый осыпями и трещинами, скала служила словно бы крепостной стеной одинокой виллы, стоявшей на мысу позади нее» [Фаулз 2001: 70].

Каждый раз, приходя к Кончису, Николас совершает восхождение, подобно греческому герою, поднимающемуся на Олимп. Вилла Кончиса восхищает Эрфе, но при этом она подавляет его своим величием, как подавляет красота божественных дворцов простых смертных.

It stood, white and opulent, like Swiss snow, and made me feel sticky-palmed and uncouth [Fowles 1985: 80].

«Белая и роскошная, ..., она сковывала, лишала уверенности в себе» [Фаулз 2001: 81].

Олимп – дом высших античных богов. Данная пространственная реминисценция в романе однозначно ассоциирует образ Кончиса с образом древнегреческого бога Зевса, хозяина Олимпа. Даже крестьянина, который единственный из всех жителей Бурани общается с внешним миром, зовут так же, как олимпийского бога посланника – Гермес.

2. Образная реминисценция. В основе данной группы лежит использование отдельного образа другого литературного произведения или системы образов. На использовании образных реминисценций построены, к примеру, произведения, использующие «вечные образы» литературы (Дон Жуан, Фауст, Гамлет и т.д.)

Кончис, один из главных героев романа являет собой целую галерею образов античных богов. Безусловно, первый образ, с которым стоит соотнести образ Кончиса при анализе реминисценций, связанных с античными богами, - это образ верховного бога греческого пантеона - Зевса.

Зевс - «отец богов и людей, царь среди богов» [Ильин 1990: 213]. Дворец Зевса находился на Олимпе.

На параллель Кончис - Зевс указывает прямая реминисценция: в разговоре с Николосом о крестьянине - слуге, Кончис заявляет:

“. . . If you question Hermes, Zeus will know” [Fowles 1985: 83].

«Когда расспрашивают Гермеса, Зевс не остается в неведении»

[Фаулз 2001: 83].

Первая характеристика Кончиса - хозяин виллы, хозяин полновластный, чьей воле беспрекословно подчиняются все окружающие, будь то слуги или гости, хозяин не в значении «работодатель», а в значении «повелевающий чужой жизнью». Что в сочетании с пространственной реминисценцией Бурани - Олимп дает прямое указание на соотнесение образа Мориса с образом верховного олимпийского бога. «С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей: счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть» [Кун 1981: 23 – 24].

Несмотря на не слишком внушительную внешность, Кончис производит на окружающих необыкновенное впечатление, можно сказать, он восхищает и подавляет людей, которые начинают добровольно подчиняться его воле. По истечении некоторого времени даже внешний облик Кончиса начинает казаться Николасу обликом древнего бога:

The dark figure raised on the white terrace; legate of the sun facing the sun; the most ancient royal power. He appeared, wished to appear, to survey, to bless, to command; *dominus* and domaine [**Fowles 1985: 139**]**.**

«Темный силуэт на высокой белой террасе, солнечный легат приветствует светило, мощь античных царей. Он казался стражем, кудесником, повелителем, владение и владетель» [Фаулз 2001: 141].

Еще один мотив, связанный с образом Кончиса, позволяет соотносить его с Зевсом - это мотив вездесущности. И Лилия, и Роза постоянно напоминают Николасу, что Кончис обладает способностью видеть их и следить за их действиями, где бы они не находились:

“Everything we say, he hears. He knows” [**Fowles 1985: 201**]**.**

«Все, что мы говорим, он слышит. Он знает» [Фаулз 2001: 204].

Зевс, как известно, с Олимпа также видел все, что происходит в мире, и укрыться от его взора простому смертному не было возможности.

3. Мотивная или сюжетная реминисценция, вызывающая воспоминание о другом литературном произведении через использование элементов его сюжета или мотива.

Среди множества других реминисценций этого типа в романе «Волхв» можно упомянуть и мотив воскрешения, созвучный мифу об Орфее и Эвридике.

В самой фамилии главного героя «Волхва» заложена античная реминисценция. Эрфе - созвучно имени великого мифического певца Орфея.

В основе мифа об Орфее и Эвредике лежит мотив воскрешения любимой, который в соответствии с античной традицией трансформируется в мотив вызволения из царства мертвых.

Соотнося образ Эрфе с образом Орфея, Фаулз трансформирует известный архетип, более того выворачивает на изнанку сущность архетипа, не связанную с мотивом воскрешения: античный Орфей - символ абсолютного, совершенного художника, персонификация представлений человека о таланте. В характеристике Николоса также довольно значительная часть отводится его творческим занятиям, но по иронии Фаулза античный гений трансформируется в бездарность. После крушения отношений с Лилией, для Эрфе основной задачей становится встреча с Алисон. И часть элементов сюжета, не имеющих на первый взгляд никакого отношения к мифу об Орфее и Эвредике, приобретают иное значение. Как и Эвридика, Алисон умирает. «Пресекает ее жизнь» чрезмерная доза снотворного - тот же яд. Последним подарком Алисон Николосу становится букет цветов. И главное, ассоциация Кончиса и его помощников к

концу романа с обитателями царства Аида становится достаточно прочной.

The more I read, the more I began to reidentify the whole situation at Bourani – or at any rate the final situation – with Tartarus. And Tartarus was where Eurydice went when Orpheus lost her [**Fowles 1985: 593**]**.**

«Чем больше я читал, тем определеннее Бурани – особенно на заключительной стадии – отождествлялся для меня с Тартаром. … Именно в Тартар спустилась Эвредика, разлученная с Орфеем» [Фаулз 2001: 624].

Пусть Алисон по сюжету воскресает без участия Эрфе, для него она по-прежнему мертва, так как находится во власти Кончиса. Встреча Орфея с Эвредикой в подземном царстве - встреча живого человека с бесплотной тенью: «Привел быстрый, как мысль, Гермес тень Эвредики. С восторгом смотрит на нее Орфей. Хочет Орфей обнять тень Эвредики, но остановил его бог Гермес, сказав: «Орфей, ведь ты обнимаешь лишь тень» [Анастасьев 1997: 202]. Для Эрфе Алисон во время возвращения в Лондон - тоже лишь тень. При первом появлении она вообще лишь видение. При втором также подчеркивается ее бестелесность:

I watched her move between the tables: her smallness, that slightly sullen smallness and slimness that was a natural part of her sexuality [**Fowles 1985: 659**]**.**

«Я смотрел, как она лавирует меж столиками: такая маленькая, вызывающе маленькая и тщедушная, такая желанная в своей крохотности [Фаулз 2001: 655].

Античные реминисценции формируют мифологическое пространство романа «Волхв». С их помощью Фаулз создаёт двоемирие романа, разделяет реальный мир, в котором изначально жил герой и территорию чуда, в которую он впоследствии попадает. Античные реминисценции имеют в романе «Волхв» не только сюжетообразующую но и мифопорождающую функцию, они вводят в роман пласт, содержащий элементы мифологического сознания и приобретают концептуальную функцию.

Список литературы

1. Анастасьев, Н. А. У слов долгое эхо (к спорам о постмодернизме) [Текст] / Н.А. Анастасьев // Сквозь шесть столетий. Метаморфозы литературного сознания: Сборник в честь семидесятипятилетия Л.Г. Андреева. – М.: Диалог, МГУ. - 1997. – С.307 – 329.
2. Ильин, И.П. «Постмодернизм»: Проблема соотношения творческих методов в современном романе Запада [Текст] / И.П. Ильин // Современный роман: Опыт исследования. – М. 1990. – С.255 – 279.
3. Кун, Н. А Легенды и мифы Древней Греции [Текст] / Н.А. Кун. - Челябинск: Юж. - Урал. кн. изд-во., 1981. - 464 с.
4. Лотман, Ю.М., Минц, З.Г. Литература и мифология [Текст] / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. Уч. записки Тарт. ун-та. Тарту. - 1981. – Выпуск 546. – С. 54.
5. Соловьёва, Н.А. Метаморфозы поэтического воображения: между метафорой и метонимией [Текст] / Н.А. Соловьева // Сквозь шесть столетий. Метаморфоозы

литературного сознания: Сб. в честь 75-летия Л.Г.Андреева. – М.:Диалог, МГУ.- 1997. – С.292-305.

6. Фаулз, Дж. Волхв [Текст] / Дж. Фаулз; пер. с англ. Б. Кузьминского. - М.: Махаон, 2001. – 704с.

7. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В.Е. Хализева. – М.: Издательство «Высшая школа», 1999. – 398 с.

8. Fowles, J. The Magus [Text] / J. Fowles. – Laurel, New York, 1985.

Е.Б. Плаксина
Екатеринбург, Россия

О ХАРАКТЕРЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАГОЛОВКА И ТЕКСТА

Основная функция заголовка заключается в представлении содержания текста. Способы этого представления нашли отражение в перечне функций газетных заголовков, а также в определении отношений между текстом и заголовком. Отношение между текстом и заголовком может отражаться различными способами. Согласно проанализированному нами материалу, газетные заголовки могут отражать содержание статьи: «*Быстрее всего дорожает жилье низкого качества*» (Известия); «*Независимая газета» будет зависеть от помощника Германа Грефа*» (Известия); а могут быть «закодированными»: «*Слишком дорогие рабочие*» (Ведомости); «*Жилье. Очередь длиною в жизнь*» (АиФ). Заголовки с антитезой российской прессы, имеющиеся в нашей картотеке, в рамках данной классификации распределяются следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1
Сведения о представленности различных видов заголовков с антитезой в российской прессе, %

Название газеты	Заголовки, отражающие содержание статьи	Закодированные заголовки
«Российская газета»	31	69
«Ведомости»	25	75
«Известия»	34	66
«Аргументы и факты»	42	58

По нашим данным можно сделать вывод, что независимо от издания заголовки второго вида наиболее распространены в российской прессе, для них характерна завуалированность материала. К первому же виду относится наименьшее число заголовков с антитезой.

Аналогичный анализ газетных заголовков мы осуществили на материале заголовков с антитезой французской прессы, что позволило пронаблюдать способ

подачи материала французскими журналистами. Нам удалось разграничить имеющиеся заголовки на заголовки, отражающие содержание статьи, и заголовки, по которым трудно судить, о чем идет речь в тексте, закодированные. Приведем данные, полученные в процессе анализа нашей картотеки (см. таблицу 2).

Таблица 2
Сведения о представленности различных видов заголовков с антитезой во французской прессе, %

Название газеты	Заголовки, отражающие содержание статьи	Закодированные заголовки
«Le Monde»	54	46
«Libération»	62	38
«Le Figaro»	43	57

Из таблицы видно, что в изданиях «Le Monde» и «Libération» преобладают заголовки, прочитав которые можем судить о содержании статьи, например: *«Libéria: le président libérien Charles Taylor mis en accusation pour crimes de guerre et crimes contre l'humanité»* (Le Monde), («Либерия: президент Либерии Шарль Тайлор обвиняется в военных преступлениях и преступлениях против человечности»). Из заголовка понятно, что в нем содержится один из тезисов текста, благодаря чему читатель с легкостью может определить тему данного текста, сюжет и степень важности этой информации для себя. В этом случае у адресата есть выбор: читать или не читать. В заголовке указывается конкретная страна, имя президента этой страны и то, с чем связано упоминание этого имени. Рассмотрим следующий заголовок: *«Les Taïwanais manifestent pour la paix et contre la Chine»* (Le Monde) («Тайваньцы выступают за мир и против Китая»). В приведенном нами заголовке также легко определяется тема статьи, которая касается отношения жителей Тайваня к Китаю. *«Pour Ségolène Royal et contre Nicolas Sarkozy»* (Libération) («За Сеголен Руаяль и против Николя Саркози») – статья описывает предвыборную гонку, характеризуя шансы ее лидеров. Заголовок *«Dans la presse française, la "pugnacité de Royal" face au "calme de Sarkozy"»* (Libération) («Во французской прессе "напористость Руаяль" против "спокойствия Саркози"») отражает тему текста: в статье дается описание поведения лидеров предвыборной гонки, о чем можно заключить, прочитав заголовок.

В газете «Le Figaro» заголовки, по которым можно судить о содержании самой газетной статьи, представлены меньшим количеством, чем закодированные заголовки. Приведем примеры из этого издания: *«Royal et Bayrou entre accords et désaccords»* (Le Figaro) («Руаяль и Байру между соглашениями и разногласиями»). Прочитав заголовок, читатель будет пребывать в уверенности, что статья посвящена непростым отношениям

в предвыборный период между кандидатами. *«La vérité noire et blanche de Michel Rio»* (Le Figaro) («Черная и белая правда Мишеля Рио») – приведенный заголовок будет вполне конкретным «информатором содержания статьи» в том случае, если читателю знакомо имя, употребленное в названии. Судя по названию, в тексте статьи содержится библиографический материал.

На раскрытие содержания статьи влияет ее расположение. Каждая газета имеет несколько рубрик: политика, экономика, культура, спорт и др. В зависимости от того, где расположена статья, ее содержание можно спрогнозировать, хотя чаще это будут лишь догадки. Например, если статья размещена на странице газеты, посвященной политике, и указано конкретное имя, то речь пойдет о человеке, имеющем отношение к этой области, о его действиях и т.д. Очевидно, что присутствие в заголовке личных имен, названий стран или городов, которые связаны с тем или иным событием, помогает спрогнозировать содержание статьи.

Обратимся ко второй группе заголовков, которые характеризуются как закодированные. В газетах «Le Monde» и «Libération» они представлены наименьшим числом примеров. *«Vivre et laisser mourir»* (Le Monde) («Жить и позволить умереть»); *«Noir et blanc»* (Le Monde) («Черное и белое»); *«Qui perd, qui gagne?»* (Le Monde) («Кто теряет, кто выигрывает?»); *«Les murs ont la parole»* (Libération) («Стены умеют говорить»); *«Les gagnants, les perdants»* (Libération) («Выигравшие, проигравшие»). По данным заголовкам трудно судить, какой теме они посвящены, какие проблемы в них затрагиваются и раскрываются.

Журналисты газеты «Le Figaro» чаще используют для поддержания интереса читателей закодированные заголовки. Приведем примеры: *«Pauvre petite femme riche»* (Le Figaro) («Бедная богатая женщинка»). Прочитав данный заголовок, читатель с трудом догадывается или не догадывается, о ком или о чем пойдет речь. Единственная информация, которая содержится в заголовке: героиня статьи – обеспеченная особа женского пола. *«Le chaud et le froid»* (Le Figaro) («Тепло и холод») – по заголовку можно только предположить, что речь пойдет о климате, хотя тема статьи может приобрести неожиданный поворот: в тексте может появиться описание не тех фактов, которых ожидал читатель. По приведенным заголовкам трудно спрогнозировать, о чем пойдет речь в тексте статьи, так как они не содержат в себе каких-либо ключевых слов, направленных на предугадывание темы. Обратившись к данным, полученным в процессе выборки из российских и французских газет, мы обнаружили, что число закодированных заголовков в российских изданиях превосходит в процентном

соотношении количество аналогичных заголовков во французской прессе, для которой более характерно применение заголовков, отражающих тематику статьи.

Наиболее интересными для рассмотрения нам показались «закодированные заголовки». Следует отметить, что активное включение мыслительных процессов характерно для современной рекламы. Заголовок наряду с другими функциями реализует рекламную функцию, что обусловливает его кодовый характер. А.С. Подчасов такие заглавия называет дезориентирующими: «Газетные заголовки, которые вводят читателей в заблуждение относительно содержания текста, логично назвать дезориентирующими, и они могут иметь несколько разновидностей: 1. Заголовки, предсказуемость которых сведена к минимуму. 2. Заголовки, представляющие собой один из тезисов публикации. При этом для автора совсем не важно, что «заголовочный» тезис не отражает сути текста, а порой и опровергается в нем. 3. Заголовки, представляющие собой прямое искажение, подтасовку содержащихся в тексте фактов. 4. «Дефектные» заголовки, смысл которых остается загадкой после прочтения текста» [Подчасов 2000: 53]. Иллюстрируя сказанное, заметим, что в нашем материале встречаются заголовки всех видов: 1) *«Буря в стакане воды»* (Российская газета) – статья о 13-ой сессии Совета государств Балтийского моря в польском Щецине; *«Вреда больше, чем пользы»* (Ведомости) – статья о том, как Всемирный банк оценил олигархов; 2) *«Приглашение в тюрьму с доплатой»* (Российская газета) – статья о том, что сотрудники тюрем по приказу директора Федеральной службы исполнения наказаний могут рассчитывать на повышение премий за образцовую службу; 3) *«1% доверия»* (Ведомости) – статья о том, что россияне не верят ни милиции, ни прокуратуре, ни судам; *«Вклад «безотзывной»* (Ведомости) – статья о том, что банки скоро могут отказывать вкладчикам в досрочном возврате денег; 4) *«Сыр без мышеловки»* (Российская газета) – статья о том, что европейские политики предпочитают не замечать проблем русскоязычных граждан Прибалтики и бесцеремонного поведения стран Балтии по отношению к России; *«С широко закрытыми глазами»* (Ведомости) – статья о том, что в российских компаниях с сотрудниками не принято церемониться. Можно сделать вывод, что использование подобных заголовков – это «рекламная акция» журналиста для привлечения внимания читателя порой не к самому актуальному материалу. Не всегда связь между заголовком и текстом можно ясно увидеть, порой требуется серьезное прочтение текста для того, чтобы объяснить выбор журналиста.

Список литературы

1. Подчасов, А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах [Текст] / А.С. Подчасов // Русская речь. – 2000. – № 3. – С. 52-55.

Г.А. Погребняк
Самара, Россия

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ М. Г. УСПЕНСКОГО «ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ»

В. В. Виноградов в своей работе «Стилистика. Теория комической речи. Поэтика» справедливо отметил большое значение собственных имен, прозвищ, фамилий в художественной литературе. Подбор имен ставит перед писателем задачу наиболее точно, полно и ярко выразить доминирующие черты характера героя. Согласимся с мнением В. Виноградова, что подбор имени персонажа в художественной литературе – «…очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов 1963: 83].

В романах М. Г. Успенского значительную роль играют аллюзии, возникающие на основе личных имен. В качестве исходного пункта было выбрано определение, данное словарем иностранных слов: Аллюзия – стилистическая фигура, заключающаяся в соотнесении описываемого с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка [Словарь иностранных слов 1989: 28].

И. С. Христенко определяет аллюзию как стилистическую фигуру «преференциального характера, где в качестве денотатов выступают две ситуации: референтная ситуация, выраженная в поверхностной структуре текста и подразумеваемая ситуация, содержащаяся в совокупности общих фоновых знаний адресанта и адресата» [Христенко 1993: 7].

Понятие аллюзия тесно связано с понятием имплицитного смысла. Имплицитные сведения содержатся в так называемом вертикальном контексте, под которым понимается не явно выраженная историко-филологическая информация, содержащаяся в тексте. В.С. Виноградов пишет по этому поводу следующее: «Обычными категориями вертикального контекста являются аллюзии, символы, реалии, идиоматика, цитаты и т. п.

Вертикальный контекст может заключать, во-первых, ту скрытую информацию, которая обусловлена самим языком и независимую от намерений отправителя текста.

Во-вторых, вертикальный контекст может целиком зависеть от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, социальный и т. п. факт, отсылка ко вторичному тексту и вторичной ситуации. Характерным приемом реализации подобного вертикального контекста является аллюзия. Индикаторы аллюзии могут соотносить как с филологической информацией (филологический вертикальный контекст), так и с

реальной действительностью прошлого или настоящего (социальный или событийный вертикальный контекст).

Аллюзии первого типа основываются на прототексте, которым обычно являются тексты произведений отечественной и зарубежной литературы, мифологические и фольклорные источники, пословицы, поговорки, афоризмы, различные цитаты (полные, сокращенные, пересказанные, деформированные и т. д.). Во втором случае основой является протореальность (протоситуация). связанная с событиями и фактами самой действительности. Такие аллюзии не сводятся к определенному текстовому первоисточнику, а соотносятся с явлениями и объектами бытия и нашими представлениями о них» [Виноградов 2001: 41].

Опираясь на данную схему, обратимся к аллюзиям на основе личных имен и топонимов в произведении М. Г. Успенского. Главный герой романа «Там, где нас нет», Жихарь – неоднозначный персонаж, сочетающий в себе противоречивые качества. Его имя – аллюзия к Жихарке из сказки, где старая ведьма хотела изжарить мальчика в печи. Имя содержит намек на личные качества героя, т.к. оно созвучно со словом «ухарь» - удалец, лихой малый. На протяжении повествования богатырь неоднократно демонстрирует эти качества.

Его антагонист в романе - князь Жупел Кипучая Сера. Кипучая Сера – аллюзия к дьявольскому происхождению персонажа, ведь по поверьям, от дьявола пахнет серой. Согласно словарю С. Ожегова, жупел – нечто, внушающее страх, отвращение; то, чем пугают.

Сам Жупел прошел путь из грязи в князи в буквальном смысле (аллюзия к известной пословице). По словам одного из героев романа, таков, в сущности, генезис любой власти. Комическим средством в данном случае является овеществление, опредмечивание метафорического выражения. Внешний вид персонажа подтверждает имя, данное ему.

Любопытны детали: вид глаз – типа змеиных (хитрость, коварство) и выросты на голове, образующие корону. Выросты напоминают рога, что позволяет сделать предположение о дьявольской природе власти Жупела. Однако этот персонаж не внушает страха, несмотря на свои деяния. Эти имена несомненно относятся к первому типу аллюзий. К этому же типу относится и перечисление соседей Многоборья, где жил Жихарь. Перечень окружающих народов с их краткими характеристиками вызывает в памяти «Повесть временных лет». По аналогии с ПВЛ, где названия племен происходят или от имен: от братьев Радим и Вятко – радимичи и вятичи или от места проживания: «Древляне – от лесной земли своей» [Карамзин 1988:41].

У М. Г. Успенского: Стрекачи – от «задать стрекача».

Сандвичи (со щитами на груди и спине) – от сандвича, где фарш с двух сторон обложен половинками булки.

Неутомимые толкачи – от глагола «толкать».

Говорливые спичи – от англ. Speech – речь, доклад.

Разнеженные шлепанцы – от домашних тапок, символа неги и лени (аллюзия к домашним туфлям Обломова).

Расчетливые чистогане – от слова «чистоган», доход, прибыль.

Веселые бонвиване – от салонного слова 19 в. «бонвиван», гуляка, прожигатель жизни.

Названия племен выстроены в форме ритмизованной прозы. Каждая строка начинается с И, что создает структурный параллелизм предложений (анафора).

Что касается племен и народов, необходимо упомянуть еще один – адамычей, на земли которых забредут во время своих странствий Жихарь и Яр-Тур. Название народа происходит от Адама, первочеловека. Автор избрал просторечную форму названия на –ычи (вместо –овичи). Это исконный, пранарод, от которого пошли все остальные племена и нации.

Царствующие фамилии представлены не только одним Жупелом. Вскоре мы встречаем царя Барбоза и дочь его Апсурду. Комический эффект создается путем обыгрывания звучания слов, используя фонетические законы русского языка.

Барбоз – оглушение звонкого согласного в конце слова.

Апсурда – ассимиляция согласных звуков по глухости.

Таким образом, имя царя фонетически идентично слову «барбос», коим пренебрежительно называют дворовых непородистых собак.

Свиту князя составляют разные люди, среди которых выделяется похабник Фуфлей. Его имя представляет собой контаминацию слов «фуфло» и «Еремей» (Авдей и т.п.). Жаргонное слово «фуфло» имеет значение «ложь» или «что-то негодное, плохого качества». Т.о., персонаж – лжец и «гнилая натура», что подкрепляется ещё одной его характеристикой – похабник.

Однако есть и благородные люди, среди них - варяг Нурдаль Кожаный Мешок. Имя варяга, как и другие имена его соотечественников, встречающиеся в романе, построено по древнескандинавским канонам: к имени прибавляется прозвище, характеризующее человека. Например, Олав Святой, Торир Собака, Харальд Прекрасноволосый, Эйнар Кровавая Секира и т.д.

Прозвище метко характеризует варяга, его запасливость и бережливость.

Имена соотечественников Нурдаля окрашены тонкой иронией: ярл Брюки Золотой Лампас - имя ярла – намек на командную должность героя (золотые лампасы носит высший командный состав). Наблюдается анахронизм – во времена викингов лампасов не было; скальд Хрюндиг Две Колонки - имя скальда образовано от названия фирмы «Грюндиг», производящей аудиоаппаратуру. Прозвище Две Колонки намекает на голосистость скальда.

К королевскому роду принадлежит еще один герой, товарищ Жихаря - Яр-Тур,он же Артур. При толковании имени возможны 2 варианта:

Аллюзия к характеристике героя «Слова о полку Игореве» яр (ярого) тура Всеволода. Аллюзия подтверждается и рогами на шлеме рыцаря.

Одновременно – аллюзия к герою легенд королю Артуру.

В обоих случаях аллюзия основана на прототексте.

Личные имена в романе М. Г. Успенского зачастую отсылают читателя к другим произведениям русской и зарубежной литературы. Это замечание относится к аллюзиям первого типа, которые являются средствами интертекстуальных связей. Согласно энциклопедии Кругосвет «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, термин, введенный в 1967 теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [www.krugosvet.ru]. Особенность произведений М. Г. Успенского в том, что «расшифровать» хотя бы большую часть интертекстуальных ссылок может лишь эрудированный читатель.

Список литературы

1. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория комической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1963.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.С. Виноградов. — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
3. Карамзин, Н.М. Предания веков [Текст] / Н.М. Карамзин. - М.,1988.
4. Скандинавская мифология [Текст] : энциклопедия. - М-СПб., 2006.
5. Словарь иностранных слов. 18-е изд. [Текст] - М., 1989.
6. Успенский, М.Г. Приключения Жихаря. Фантастические романы [Текст] / М.Г. Успенский. - М., 2006.
7. Христенко, И. С. Лингвостилистические особенности аллюзии как средства создания подтекста (на материале романа М. де Сервантеса «Дон Кихот» и произведений Б. Переса Гальдоса) [Текст] / И.С. Христенко. - М., 1993.

Л.В. Разумова
Чита, Россия

К ВОПРОСУ О НОРМАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Наряду с английским, испанским, немецким, португальским языками французский язык принадлежит к числу международных языков, распространенных на различных территориях, находящиеся за пределами этих стран.

Целью настоящей статьи является уточнение взаимоотношений, складывающихся в настоящее время между региональными формами французского языка и языковым стандартом французского языка Франции.

В течение долгого времени французские словари и грамматики преследовали цель описания парижского узуса, предпочитая не замечать многочисленные отклонения от этого узуса, существовавшие и продолжающие существовать и поныне как во Франции, так и за ее пределами. Однако разработка в последней трети двадцатого века ряда документов в области языкового строительства (прежде всего в Квебеке) показывает меняющиеся отношения франкофонов других стран к стандартному французскому языку Франции, его норме, а также их меняющиеся отношения к своей собственной региональной форме (варианту) французского языка.

Констатируя сложившееся к настоящему времени положение в области нормализации региональных форм французского языка, бельгийская исследовательница М.-Л. Моро [Moreau 1997] отмечает, что в ряде франкофонных стран уже существуют собственные языковые нормы французского языка. В настоящее время речь идет, таким образом, не о разработке этих норм, а скорее о признании факта их существования, даже если до этого они не были эксплицитно описаны и легитимизированы. Отмечая это же положение дел в области нормализации вариантных форм французского языка, некоторые лингвисты называют эти нормы **имплицитными [**Vézina 2000]**,** подчеркивая отсутствие в большинстве случаев нормативных документов, поясняющих языковой статус этих региональных форм.

В каком отношении к языковому стандарту французского языка Франции находятся эти недавно ставшие осознавать себя как отдельные национально-территориальные нормы французского языка?

Как отмечает ряд исследователей [Bal 1977; Moreau 1997; Vézina 2000; Klinkenberg 2008], экспликация этих национальных норм сложна как в методологическом, так и в научном, а также идеологическом планах.

Так, несмотря на то, что французский язык демонстрирует ряд легко устанавливаемых территориальных отклонений от стандартного языка Франции

(например, в Бельгии, Квебеке, Швейцарии и в других франкофонных странах), все же большинство носителей французского языка данных регионов склонны считать, что «их» французский язык мало чем отличается от стандартного французского языка Франции. Так, уточняя это положение, Д. Ламонд отмечает, что обиходно-литературный стиль, которым пользуются франкофоны Квебека, мало отличается от его аналога во Франции [Lamonde 1998].

Необходимо отметить одно общее свойство всех национально-территориальных норм французского языка, проявляющееся в настоящее время: **все эти нормы эксплицируют себя в той или иной степени только в области лексики.** Так, в различных франкофонных странах стали появляться словари, отражающие словарную специфику французского языка, распространенного на той или иной территории. Среди недавних словарей квебекизмов отметим, например, Dictionnaire du français plus (1988), Dictionnaire québecois d'aujourd'hiu (1992), для Бельгии – Inventaire des particularités lexicales du français en Belgique (1994), Dictionnaire du français en Belgique (1998), для Швейцарии – Dictionnaire suisse romand (1997). Лексические регионализмы Африки представлены в словаре Iventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire (1998). В области фонетики и грамматики, несмотря на наличие ряда существенных отклонений от языковой нормы Франции, описательные работы немногочисленны.

В связи с этим закономерна постановка следующего вопроса: **являются ли отмечаемые лексические отклонения достаточным основанием для признания существования того или иного территориального стандарта французского языка** (например, бельгийского, квебекского, швейцарского и др.)? Отметим попутно, что количество лексических единиц, отклоняющихся от стандартной лексики Франции, невелико. Так, количество квебекизмов, отмечаемых в словарях квебекизмов, не превышает десяти тысяч, бельгицизмы представлены еще скромнее – их насчитывается не более 2-3 тысяч [Клоков 2007].

Ученые осознают сложность выбора, который ставит этот вопрос.

С идеологической точки зрения приверженность политике дальнейшей разработки национальных стандартов французского языка может быть расценена в рамках франкофонного сообщества как попытка разрыва отношений с этим сообществом, попытка самоидентификации, граничащей с самоизоляцией, а в дальнейшем, возможно, – и с креолизацией французского языка на конкретной территории. Отказ же от дальнейших разработок национально-территориальных стандартов французского языка означает, по сути, нежелание признать сложившиеся в течение длительного времени своеобразные фонетические, лексические и

грамматические черты, которые стандартный язык Франции приобрел на этих территориях. Последствия такого решения могут быть не менее тяжелыми. Они могут привести к все большему разрыву между стандартизированной формой языка (языковым стандартом) и ее конкретной реализацией (узусом) на конкретной территории.

Каков же выход?

Как отмечают многие исследователи [Moreau 1997; Lafontaine 1998; Calvet, Moreau 1998; Vézina 2000; Klinkenberg 2008] взаимоотношения между французским языком Франции и любой региональной формой французского языка не исчерпывают себя в настоящее время лишь отношениями оппозиции. Наоборот, кажется, в последнее десятилетие пришло понимание того, что, во-первых, построить корректное описание территориальной формы французского языка невозможно без обращения и учета языкового стандарта французского языка Франции. Признается, что даже если этот языковой стандарт и не отражает полностью речевую практику носителей региональных форм французского языка, он все же остается для них авторитетным источником, регламентирующим их языковую практику. Во-вторых, если обратиться к области лексики, которая и породила в семидесятые годы двадцатого века изоляционистские настроения, нельзя не признать того факта, что в основе попыток разработки лексических региональных норм всегда использовался корпус текстов, написанных с учетом лексического фонда и грамматических правил языкового стандарта французского языка Франции. Употребляя термины «эндогенная/экзогенная нормы», Р. Везина указывает на их более чем условный характер применительно к языковому стандарту французского языка на территории Квебека [Vézina 2000]. Исследователь отмечает, что «даже если условно допустить существование некоего эндогенного языкового стандарта в Квебеке, придется все же признать, что этот квебекский языковой стандарт питается элементами экзогенного языкового стандарта Франции, лишь дополняя этот последний, а, не модифицируя его существенно» [Vézina 2001: 407]. Отметим, что случаи перехода лексических единиц из региональных форм французского языка в его стандартную французскую форму имеются, но они немногочисленны. Так, в последние годы из квебекского варианта в стандартный французский язык перешли слова «courriel», «clavardage» «niaiseux», а также ряд немногочисленных единиц из других территориальных вариантных форм французского языка Бельгии и Швейцарии.

Впрочем, в последние годы меняется также и отношение французского академического сообщества к территориальным вариантам французского языка. Положение, согласно которому вариативность есть неотъемлемое условие существования любого языка, получает все чаще конкретное подтверждение в

академических словарях, издаваемых во Франции. Так, в 1972 году в словаре Bordas впервые появились списки региональной лексики Канады, Бельгии и Швейцарии. В дальнейшем эти списки уточнялись и дополнялись в словарях Le Petit Robert (издание 1977), Le Petit Larousse illustré (издания 1989 и 1997гг.). В 2007 году Le Petit Robert включил в свой словник ряд регионализмов Квебека и Швейцарии. А издание 2008 года этого же словаря содержит более трехсот регионализмов Бельгии, а также ряд регионализмов Люксембурга, африканских стран и Антильских островов.

Список литературы

1. Клоков, В.Т. Французский язык в Бельгии [Текст] / В. Т. Клоков – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2007. – 184 с.
2. Bal, W. Unite et diversité de la langue française [Texte] W. Bal //Rebouillet, André et Tetu, Michel. Guide culturel: civilisations et littératures d'expression française. – P.: Hachette. – 1977. – P. 5-28.
3. Calvet, L.-J. et Moreau, M.-L. Une ou deux normes? Insécurité linguistique et normes endogènes en Afrique francophone [Texte] / L.-J. Calvet, M.-L. Moreau – P.: Didier-Erudition, 1998. – 211 p.
4. Klinkenberg, J.-M. La crise des langues en Belgique [Texte] [Электронный ресурс] / J.-M. Klinkenberg // Режим доступа: http://www.cslf.gouv.qc.ca/publications/PubF102/F102ch4.html, 2008, свободный.
5. Lafontaine, D. Attitudes linguistiques [Texte] D. Lafontaine // Moreau, M.-L. Sociolinguistique. Les concepts de base. – Mardaga: Sprimont. – 1997. – P. 56-60.
6. Lamonde, D. Le maquignon et son joual. L'aménagement du français québecois [Texte] / D. Lamonde. – Montréal: Liber, 1998. – 168 p.
7. Moreau, M.-L. Le bon français de Belgique. D'un divorce entre norme et discours sur la norme [Texte] M.-L. Moreau // Blampain, D. et al. Le français en Belgique. Une langue, une communauté. – Louvain-la-Neuve: Duculot. – 1997 – P. 391-399.
8. Vezina, R. La norme du français québécois: l'affirmation d'un libre arbitre normatif [Texte] R. Vezina //Ploudre, M. et al. Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie. – Québec: Les éditions Fides et les publications de Québec – 2000 – P. 395-411.

Г.Д. Распаева
Челябинск, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Для современной лингвистики характерен повышенный интерес к закономерностям функционирования прецедентных феноменов. Прецедентные феномены – единицы, имеющие вербальное выражение, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества [Красных 1997: 63]. Среди прецедентных феноменов выделяются вербальные: прецедентное имя и прецедентное высказывание – и вербализуемые: прецедентный текст и прецедентная ситуация.

В рамках настоящей статьи остановимся на рассмотрении прецедентных имен в произведениях Л. Н. Толстого. Тексты писателя характеризуются использованием прецедентных имен, сферой-источником, которых является Библия. Согласно определению Д. Б. Гудкова, прецедентным называется имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [Гудков 2003: 108]. Прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро которой составляют его дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты [Красных 2003: 198]. Дифференциальные признаки прецедентного имени могут включать характеристику предмета: 1) по внешности; 2) по чертам характера; 3) актуализироваться через прецедентную ситуацию [Красных 2003: 199].

Рассмотрим некоторые примеры.

1. Прецедентные имена характеризующие личность/явление по внешности.

Из себя Елисей был мужичок невысокий, черноватенький, с курчавой бородкой и, по своему святому – Елисею-пророку, с лысиной во всю голову [Толстой, Л. Н. Два старика / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 12 т. М.: Правда, 1987. Т.9. Г.1. С.289].

В данном примере внешнее сходство героя Елисея с пророком Елисеем выражает также их добродетельный образ жизни.

2. Прецедентные имена характеризующие личность по чертам характера (включая проявление характера в действиях, поведении).

… и хор торжественно запел, что очень хорошо прославлять родившую Христа без нарушения девства девицу Марию, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то херувимы, и большей славы, чем какие-то серафимы [Толстой, Л. Н. Воскресение / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 12 т. М.: Правда, 1987. Т.10. Г.39. С.144].

Прецедентное имя Мария характеризует кроткий и смиренный нрав, полное доверие Богу.

3. Прецедентное имя актуализирует прецедентную ситуацию.

И в голову мне приходит страшная, безобразная мысль о том, что она, как жена Урии, хочет скрыть уже совершенный грех свой и что она затем в такой неурочный час идет ко мне [Толстой, Л. Н. Крейцерова соната / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 12 т. М.: Правда, 1987. Т.11. Г.22. С.150].

Прецедентное имя Урия актуализирует ситуацию из Ветхого Завета, в которой жена военачальника Урия проявляет неверность к своему мужу и, которого убивают в неравном бою.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что прецедентные имена в текстах Л. Н. Толстого участвуют в выражении экспрессивной, эмоциональной оценки, а также их употребление способствует созданию в сознании читателей ярких образов.

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 288с.
2. Красных, В. В.”Свой” среди “чужих”: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 375с.
3. Красных, В. В., Гудков, Д. Б., Захаренко, И. В., Багаева, Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц [Текст] / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. – Сер.9. – Филология. – 1997. - №3. – С. 62-75.

О.А. Рубанова
Ростов-на-Дону, Россия

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Побудительное высказывание определяется в лингвистике как выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата [Смирницкий 1959: 343]. С целью повышения воздействующей силы побудительного высказывания говорящие могут осознанно или неосознанно использовать различные языковые средства. Объектом исследования данной статьи являются языковые средства выражения субъективной модальности, способные усиливать воздействующую функцию побудительных высказываний.

Категория модальности, с точки зрения достижения коммуникативной задачи говорящего (воздействие на поведение адресанта), представляется "…как управляемый и осуществляемый говорящим процесс выбора имеющихся в распоряжении языка средств, модусная аранжировка говорящим своих речевых поступков с целью регулирования собственных и чужих интенций" [Конюшкевич 2000: 69], побуждения слушающего к действию и изменения его поведения.

Одним из наиболее распространенных способов выражения модальности являются модальные глаголы, модальные слова и модальные частицы, которые могут выполнять функцию усиления речевого воздействия.

Использование того или иного *модального глагола* в побудительном высказывании может изменять семантический подтип этого высказывания (от приказа до просьбы) и, соответственно, выражать намерение говорящего и коммуникативную

установку высказывания в резкой категоричной форме или мягкой вежливой форме, оказывая определенное воздействие на слушающего.

В ходе нашего анализа выяснилось, что в побудительных высказываниях могут использоваться следующие модальные глаголы:

а) модальные глаголы *can, may, could, might,* (*мочь, уметь, хотеть, желать),* которые употребляются в сочетании с неопределенной формой инфинитива для выражения:

– разрешения совершить действие: Now you can go (Gr. Green); Можешь сказать родителям, что ты принят (А. Берсенева);

– просьбы: Could you give me some cold water? (B. Shaw); Можно мне взять книгу? (П. Яковлев);

– запрета совершить действие: You can't cross the street (B. Shaw);

– совета, намека: You might make a little less noise (D. Francis); Вы могли бы поменьше шуметь (П. Яковлев);

б) модальные глаголы *must, have to, be to, need, (долженствовать, подлежать, иметь, приходиться, сметь),* употребляемые в сочетании с неопределенной формой инфинитива для выражения:

– долженствования, необходимости совершить действие (must): You must be back at two o'clock (L. Block); Вы должны доверять сыну (И. Шмелев);

– необходимости совершить действие в силу определенных обстоятельств (have to): You will have to read this book (R. Thomas); Вам придется прийти завтра (П. Яковлев);

– распоряжений и необходимости совершить действие согласно предыдущей договоренности и заранее намеченному плану (be to): You are always to knock before entering my room (S. Sheldon); Теперь ты должна идти (И. Шмелев);

– запрещения производить действие (must not): You mustn't do it (L.Block);

– строгого запрета (be not to): You are never to speak of this (S. Sheldon); Не смей! Обратно в столовую прогоню (М. Лемперт);

– отсутствия необходимости совершения действия (need not, not have to): You needn't worry about the boy, he will be all right (L. Walker);

в) модальные глаголы *should, ought to,* (*следовать, надлежать, подобать),* которые употребляются в сочетании с неопределенной формой инфинитива для выражения совета или морального обязательства совершить действие: You ought to be very serious about this task (J. Archer); Вам следует держать себя в руках (Д. Донцова);

г) модальные глаголы *shall, will*, употребляемые для выражения волеизъявления, распоряжения, предупреждения, приказа: I must speak and you shall listen. You shall listen (L. Walker);

д) модальные глаголы *will, would*, которые используются для выражения:

– просьбы-побуждения (will, would): Will you be back early today? (L. Block);

– просьбы со значением недовольства, раздражения, нетерпения (will): Will you be quiet! Will you stop arguing! (L. Walker);

– вежливой просьбы-побуждения (более вежливый оттенок высказыванию придают слова please, kindly, а также оборот would you mind): Won't you sit down, please? Would you mind waiting until later? (D. Francis).

Употребление различных *модальных слов* также имеет связь с усилением речевого воздействия [Lakoff 1972: 222-246; Адмони 1986: 18-26] и может достигаться за счет использования различных показателей субъективной модальности с общей семой "уверенность", объединяющей две частные семы: "несомненность" и "очевидность". Применительно к побудительным высказываниям к этим показателям в английском языке относятся модальные слова *certainly, indeed, really, naturally, obviously, clearly, evidently, happily, surely* и модальные словосочетания *of course, no doubt, in fact, in truth* и др. В русском языке к словам, усиливающим речевое воздействие побудительных высказываний, можно отнести лексемы *действительно, обязательно, безусловно, несомненно, определенно, конечно, поистине, бесспорно, непременно, очевидно, разумеется, правда* и др. Побудительные высказывания, содержащие такие модальные слова, звучат настойчиво, требовательно и категорично:

“I urgently need to see you,” said Romanov (J. Archer);

“You should really forget the finer details of your inheritance (J. Archer);

- Вы обязательно *должны* поехать со мной (Н. Нестерова).

Более тактичными и вежливыми оказываются побудительные высказывания, содержащие показатели субъективной модальности с семами "неуверенность", "возможность" "вероятность", которые также способны усиливать семантику побуждения. В английском языке это слова *possibly, probably, perhaps, maybe* и др., в русском языке – *возможно, вероятно, наверное, видимо, видно, по-видимому, кажется, пожалуй, может быть* и др.

Употребление таких модальных слов в побудительных высказываниях может усиливать воздействие: - *вежливой просьбы*: "Then perhaps you could translate a paragraph from a German letter for me?" (J. Archer); - *совета:* "And if you would just forget about Louella, maybe we could talk about something else" (I. Caulder); - *предложения*: - И теперь

нашего повара, видимо, снова можно хвалить, не рискуя натолкнуться на неприятные неожиданности (А. Берсенева).

Указанные выше модальные слова рассматриваются нами в качестве средств, с помощью которых говорящий добивается принятия адресатом его субъективной оценки событий реальной действительности, и тем самым "предопределяется полный или частичный прагмокоммуникативный эффект соответствующих высказываний" [Скутельник 1986: 2].

Распространенным средством достижения желаемого говорящим действия адресата при выражении семантики побуждения служит модальное слово *пожалуйста* (*please, kindly*):

"Stay here. Please do. I hate to say it, but I feel so shaky" (D. Francis);

"Please, Monsieur Brown, come with me (Gr. Green);

- Пожалуйста, поедемте со мной! Это в ваших интересах (Н. Нестерова).

Усиление семантики побуждения может также осуществляться при помощи *модальных частиц*. Т. Дейк отчетливо отметил прагматическую сущность частиц, которые не служат для передачи информации, а помогают подчеркнуть, выделить, усилить речевое воздействие в диалоге [Дейк 1978: 330]. В английском языке к модальным частицам можно отнести только слова *only, just, even*. В русском языке список таких частиц гораздо шире и среди них можно выделить следующие единицы: *же, да, уж, уже, вот, еще, даже, и, то, ведь, а, просто, прямо, все* и др. Приведем примеры:

Just wait, my dear. Just wait (I. Caulder); (а)

- Да ты не бойся, давнее дело… Бери же! (Г. Шолохов-Синявский); (б)

- Ах, балагур, ты уже молчи (И. Шмелев); (в).

Модальные частицы в приведенных примерах усиливают речевое воздействие побудительных высказываний, выполняют "роль своеобразного качественного показателя смыслового веса императивной словоформы" [Виноградов 2001: 501]. Усилительные частицы придают речи выразительность и напряженность, передают эмоциональное состояние говорящего, например, раздраженность, гнев, нетерпение (пример (в)) и т.д.

Итак, категория модальности и языковые средства ее выражения могут выступать регуляторами интенций и поведения адресанта. В данной статье мы рассмотрели такие средства выражения субъективной модальности, как модальные глаголы, слова и частицы. Данные показатели субъективной модальности способны усиливать семантику побудительного высказывания и представлять его в вежливой или категоричной форме.

Список литературы

1. Адмони, В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – М.: Просвещение, 1986. – С. 18-26.
2. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 2001 – 718с.
3. Дейк, Т. Вопросы прагматики текста [Текст] / Т. Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып 8: Лингвистика текста. – С. 259-336.
4. Конюшкевич, М.И. Модальность в свете прагматики [Текст] / М.И. Конюшкевич // Вопросы функциональной прагматики. – Гродно: ГГУ им. Я. Купалы, 2000. – С.58-78.
5. Скутельник, Н.Ф. Модальные слова в текстовой реализации современного немецкого языка [Текст] : автореф. дис.…канд. филол. н. / Н.Ф.Скутельник. – Львов, 1986. – 25с.
6. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1959. – 440 с.
7. Lakoff, R.T. The Pragmatics of Modality [Text] / R.T. Lakoff // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago, 1972. – P. 229-246.

М.В. Румянцева
Костанай, Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (на материале детских рассказов о животных)

Словообразовательные сравнительные структуры представляют собой цельнооформленные компаративные единства, аналогичные по логико-предметному составу раздельнооформленным компаративным структурам. Компаративные деривационно-семантические отношения есть не что иное, как отношения между элементами образного сравнения. Производящая основа выражает то, с чем сравнивается, а словообразующие аффиксы указывают на акт сравнения, то есть выполняют функцию союзов в раздельно-оформленной сравнительной структуре [Огольцев 1987: 7].

Логико-элементный и компаративно-компонентный состав производного слова определяется с учетом его принадлежности к какой-либо части речи. В творчестве русских писателей наиболее часто встречаемой частью речи, участвующей в процессе словообразования с целью сравнения, является имя прилагательное.

Самые прозрачные компаративные отношения выказывают прилагательные, образованные от существительных с помощью формантов *–образн(ый), -видн(ый), -подобн(ый): серповидный спинной плавник; желтые ирисы с мечевидными листьями; веерообразный хвост; правдоподобная история.*

Суффиксы *–оват-, -еват-* имеют значение «похожий частично, в некоторой

степени»: *чудаковатый человек; горьковатый запах дыма; ноздреватое олово.* Суффикс *–чат-* обозначает «похожий на то, что названо производящей основой»: *зубчатые крепости; змейчатые водоросли.* Суффикс *–аст-* несет стилистический оттенок «имеющий что-либо, что обозначено производящей основой, в большом размере, увеличенном виде»: *рыластые чиновники, коренастые ивы.* Самыми малочисленными являются компаративные образования с суффиксами *–инск-, -еск-, -ист-, -ск-: исполинский чертополох, старческая рука, петлистые дороги, библейского вида старцы.*

Компаративным значением обладают и сложные прилагательные, обозначающие оттенки цвета путем сопоставления с предметом, обладающим в той или иной степени этим цветом: *снежно-белые цапли; кровяно-красная ягода; водянисто-голубые глаза; ядовито-желтые цветы.*

Компаративное словообразование в русском языке не свойственно именам существительным. Единственно возможная модель – сложное существительное, в котором сравнительное значение заключено в самом факте наименования предмета двумя словами. Этот способ сравнительного словообразования характерен для творчества М. Пришвина: *рога-лопаты, ноги-ходули, хвост-крыло, побеги-лапки.*

К словообразовательным сравнительным моделям в русском языке относятся также наречия, образованные от основ прилагательных суффиксально-префиксальным способом: *Зато спали они потом крепко, по-детски (К. Паустовский. Прощание с летом). Темнело быстро, по-осеннему (К. Паустовский. Прощание с летом).*

В глагольной словообразовательной компаративной модели сходство фиксируется не как результат сопоставления, а как процесс приобретения предметом признака, характерного для другого предмета. При этом используются морфемы *–иться, -еть, -ничать, -ать, -ить: табуниться, костенеть, обезьянничать, разбойничать, юлить.* Но такие модели – редкость в анализируемых нами текстах: *Туман начинает клубиться над водой (К. Паустовский. Сивый мерин).*

В немецком языке, как и в русском, происходит процесс словообразования сравнительных структур с помощью аффиксов. Самыми распространенными аффиксами со значением сравнения являются форманты *–artig* и *–förmig*, образующие производные прилагательные от имен существительных и конкурирующие друг с другом, хотя каждый из них имеет свою стилистическую окраску. Суффикс *–förmig* употребляется в том случае, если прилагательное обозначает контуры или форму предмета: *das kuppelförmige Dach; der terrassenförmige Canyon; das kugelförmige Nest.* С помощью суффикса *–artig* следует образовывать прилагательное тогда, когда оно указывает на

структуру или содержание предмета: *das schluchtartige Tal; die lanzenartigen Blätter; der trompetenartige Laut.*

Подобие двух предметов или явлений в немецком языке передается и производными прилагательными с суффиксами *–ig (breiig – wie Brei), -lich (kindlich – wie ein Kind), -isch (episodisch – wie eine Episode), -haft (laienhaft – wie ein Laie).* Суффикс *–ig* многозначен. В большинстве своем он выражает наличие какого-либо качества *(mutig)* или каких-либо предметов *(staubig).* Многие прилагательные на *–ig* имеют два различных значения: наличия и подобия, которые бывает трудно отличить *(bergig, eckig, lockig).* Из-за такой размытости значений предпочтение при словообразовании отдается формантам *–artig* и *–förmig: breiig – breiartig, kugelig – kugelförmig*. Суффикс *–lich* выражает сравнительные отношения лишь в сочетании с рядом определенных существительных: *freundlich, feindlich, menschlich, väterlich, mütterlich.* Суффикс *–isch* тоже неоднозначен. Прежде всего, он выражает происхождение, принадлежность *(russisch).* Значение сравнения он имеет в том случае, если образует прилагательные от одушевленных существительных, называющих личность или животное (*weibisch, sklavisch* или *äffisch, schweinisch*). Заметим, что некоторые прилагательные могут от одного и того же существительного образовываться двумя способами: с помощью суффиксов *–lich* и *–isch.* Тогда они имеют разную стилистическую окраску: прилагательные на *–lich* – нейтральную, а прилагательные на *–isch* – оценочную. Например, *kindliche Gesichtszüge* (детские черты лица) и *kindisches Benehmen* (несерьезное, дурашливое поведение) [Deutsche Wortbildung 1992: 56].

Распространены в немецком языке и прилагательные с суффиксом *–haft,* который несет в себе три значения: наличие чего-либо *(schmackhaft),* склонность к определенному поведению *(lachhaft)* и сравнение *(traumhaft).* Не смотря на то, что существительные, от которых образуются прилагательные с помощью суффикса *–haft,* являются стилистически нейтральными, многие прилагательные имеют негативное переносное значение: *Er drückte seine Gedanken nebelhaft aus* [Buscha 1998: 211-212].

Специфической особенностью немецкого языка в словообразовании является существование сравнения в композитной форме. Компаративные композиты типа *maisgelb, fingerdick* представляют собой активно развивающуюся словообразовательную группу немецкого языка. Такие прилагательные имеют формальную структуру «Formel (ein) AB = (ein) B», где A обозначает первый конституент, определяющий компонент, определитель, (Bestimmungswort), B – второй конституент, определяемый компонент, основное слово (Grundwort). Например, *spiegelglatte Wasseroberfläche (Wasseroberfläche, die glatt wie ein Spiegel ist)* – конституент A *spiegel-* представляет собой

модифицированное существительное *der Spiegel*, а конституент В – *glatt* – прилагательное. Семантически А-конституент есть носитель названного, порожденного в В-конституенте отличительного признака. Так, в словосочетании *spiegelglatte Wasseroberfläche* представлен признак *«glatt sein»,* которым обладает денотат слова *Spiegel.* С другой стороны, семантическая роль А-конституента – агент сравнения: существительное *Wasseroberfläche* обладает признаком *«glatt sein»* в таком его проявлении, как это характерно для существительного *Spiegel.* В-конституент выражает сам отличительный признак, по которому сравниваются между собой два предмета, то есть является основанием сравнения [Зевахина 2003: 4].

Наиболее продуктивными типами композитных сравнений являются двучленные образования: *die armdicke Schlange; die milchweiße Hülle.* Но встречаются композиты и с трехчленной структурой, при этом разветвление структуры чаще происходит влево, то есть первый конституент в свою очередь представляет собой сложное слово: *suppentellergroße Schildkröte, funkelnagelneue Wohnung.*

Как видим, композитные сравнения – это в большинстве своем сложные прилагательные, реже они встречаются в своем субстантивном или наречном употреблении: *Trompetenschrei, Perlaugen, Perlgrau, muckmäuschenstill*.

Итак, в русском и немецком языках функционирует способ образования слов с целью передачи сравнительных отношений, а именно образование прилагательных от существительных суффиксальным способом. В обоих языках сравнительные структуры, образованные по описанным нами моделям, характеризуются тем, что значение целого складывается из значений их составляющих. Типологической особенностью немецкого языка является существование компаративных композит-комплексов, в основном имеющих структуру «основа существительного + прилагательное». В отличие от русского языка, где сравнительные модели образуются от всех самостоятельных частей речи, в немецком языке компаративные модели от глаголов не образуются.

Список литературы

1. Зевахина, Т.С. Метафорика ситуационного образа: когнитивный анализ устойчивых сравнений [Электронный ресурс] / Т.С. Зевахина. - Режим доступа: www.dialog-21.ru/Archive/2003/Zevahina.htm, свободный.

2. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения русского языка [Текст] / В.М. Огольцев. – СПб, 1992. – 276 с.

3. Buscha, J. Grammatik in Feldern [Текст] / J. Buscha und andere. – Verlag für Deutsch, 1998. – 487 s.

4. Deutsche Wortbildung, Hauptteil 5: Adjektivkomposita und Partizipialbildungen [Текст] / ed. By Maria Pümpel-Mader // Sprache der Gegenwart. Band LXXX. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1992. – 140 s.

Ю.Н. Русина
Гомель, Беларусь

О МОДЕЛЯХ ЗНАЧЕНИЙ МЕРОНИМОВ КЛАССА НАИМЕНОВАНИЙ НЕОТЧУЖДАЕМЫХ ЧАСТЕЙ

На современном этапе развития лингвистики особую значимость приобретают исследования, ориентированные на анализ зафиксированного в значениях лексических единиц знания о свойствах и признаках объектов реальной действительности. Когнитивный подход к изучению семантики языковых единиц становится все более популярным (см., например, исследования А.Вежбицкой, Дж.Лакоффа, Дж.Пустейовского, Е.В.Рахилиной, Р.М.Фрумкиной, а также работы молодых исследователей [Ивашкевич 2003, Олейник 2001] и многих других).

Объектом исследования в данной работе являются *меронимы*, или партитивы, английского языка – субстантивные имена, репрезентирующие в языковой системе глобальное отношение «часть–целое». К меронимам мы относим те имена существительные, в структуре значений которых присутствует сема партитивности (*part* ‘часть’) в качестве общекатегориальной семы (или архисемы) лексического значения, позволяющей отнести обозначаемую сущность к классу частей целого, например: *handle* 2.‘the part of an object that you use for holding it’ [Longman Dictionary].

Насколько нам известно, исследование всего пласта меронимов современного английского языка с целью выявления того, какой опыт, какие знания о частях целого человек фиксирует в значениях единиц, обозначающих эти части, до сих пор не проводилось.

Предпринимаемый нами анализ семантических признаков, зафиксированных лексическими значениями существительных-меронимов, дает возможность определить, какие свойства объектов реальной действительности оказываются приоритетными при вычленении частей из целых объектов, какая информация об окружающей действительности хранится в значениях меронимов, т.е., иными словами, какое знание сопутствует знанию о том, что нечто является частью целого.

В данной статье ставится задача рассмотрения моделей значений меронимов, принадлежащих только к одному из выделенных нами ранее классов – классу наименований *неотчуждаемых* частей. Меронимы, являющиеся наименованиями неотчуждаемых частей, характеризуются следующим идентифицирующим значением партитивности: *«часть как структурный элемент объекта, существующий только в составе целого»* (ср. подход к подобным единицам в работе Л.В.Глобиной [Глобина 1995]). В этот класс входят такие единицы, как *part 1., apogee, apex 3., crux, middle 1., blade 2., flat 6., clause 1., cuff 1., muzzle 3., slide 6., snout 1., head 1., heart 1.* и др.

Анализ значений отобранных меронимических единиц показал, что в данном классе выделяются два подкласса: подкласс «Часть различных целых» и подкласс «Часть определенного целого».

Определяющей чертой единиц, входящих в подкласс «Часть различных целых», является широкая сочетаемость, т.е. любой мероним, принадлежащий данному подклассу, приложим к потенциально неограниченному числу объектов окружающей действительности: *bottom* 1.‘the lowest part of something’ (*низ* ‘нижняя часть чего-либо’).

Для единиц подкласса «Часть определенного целого» характерно то, что каждая единица этого подкласса обозначает часть какого-то одного определенного объекта действительности, например: *sleeve* 1.‘a part of a piece of clothing…’ (*рукав* ‘часть предмета одежды’). Меронимические единицы, принадлежащие к подклассу «Часть определенного целого», образуют разветвленную систему, состоящую из таких лексико-семантических групп (ЛСГ), как «наименования частей тела человека», «наименования частей тела животных», «наименования частей растений», «наименования частей видов пространств», «наименования частей артефактов» и других.

В своей статье основное внимание мы направляем на описание моделей значений меронимов именно данного подкласса. В более ранних наших работах указывалось, что значения меронимических единиц, помимо интегрального признака ‘партитивность’, включают и другие семантические признаки, отражающие результаты процесса познания людьми окружающей действительности. В значениях меронимов рассматриваемого подкласса зафиксированы следующие признаки: ‘партитивность’, ‘функция’, ‘локативность’, ‘темпоральность’, ‘общая организация и характеристика’, ‘лицо’, ‘размер’, ‘форма’, ‘тактильность’, ‘цвет’, ‘происхождение’, ‘оценка’, ‘материал’.

Поскольку объем статьи не позволяет подробно описать распределение указанных признаков в значениях рассматриваемых единиц, ограничимся лишь краткими выводами. В ходе анализа было выявлено, что значимость различных признаков для рассматриваемых единиц неодинакова. Проведенный анализ показал, что для большинства ЛСГ меронимов данного подкласса *типичным* (т.е. свойственным более 50% единиц) является либо признак ‘функция (назначение)’, либо ‘локативность’, либо оба признака. Признак *‘функция’* указывает либо непосредственно на функциональную роль той или иной части в составе целого, либо на цель использования той или иной части целого человеком: *heart* 1.‘the organ in your chest which pumps blood through your body’; *bit* 5.‘the sharp part of a tool for cutting or making holes’; *bedroom* 1.‘a

room for sleeping in', где *room* 1.'a part of the inside of a building…'.

Признак *'локативность'* фиксирует в значениях меронимических единиц информацию о местоположении данной части в целом, о ее расположении относительно других частей, о расстоянии между этой частью и каким-то объектом: *hip* 1.'one of the two parts on each side of your body between the top of your leg and your waist'. Он является единственным типичным признаком для наименований *частей пространства* (*west* 2.'the western part of a country or area'), для названий *частей объектов, относящихся к сфере космос, земля, природные образования* (*summit* 2.'the top of a mountain', где *top* – 1.'the highest part of something'). Объяснить этот факт можно, по-видимому, тем, что части данных объектов чаще всего осознаются человеком как занимающие определенное положение в пространстве, поэтому информация об их местоположении и является наиболее существенной для семантики называющих их единиц.

В большинстве случаев именно сочетание признака 'партитивность' с типичными признаками 'локативность' и 'функция' формирует семантику меронимов рассматриваемого класса.

Статус типичного имеет и семантический признак '*темпоральность*', но только в группе «наименования частей временного континуума»: *evening* 1.'the end of the day and early part of the night, between sunset or the end of the day's work and bedtime'.

Примечательно, что *перцептивные признаки* не являются типичными ни для одной группы меронимов класса наименований неотчуждаемых частей. Данный факт свидетельствует о том, что в ходе познания окружающей действительности информация о размере, форме и других чувственно воспринимаемых свойствах частей того или иного объекта предстает как менее важная, по сравнению со знанием об их функциональных и локативных характеристиках.

Значения отдельных меронимических единиц рассматриваемого подкласса могут содержать, учитывая и признак 'партитивность', от двух до семи компонентов. Наиболее распространенными являются двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные модели значений.

Двухкомпонентные структуры обычно представляют собой взаимодействие признака 'партитивность' с одним из типичных признаков – 'локативностью' или 'функцией', например, **'партитивность'+ 'локативность'**: *kernel* 1.'the part inside the stone of some fruits'; **'партитивность' + 'функция'**: *stamen* 'the male part of a flower that produces pollen'; *compressor* 'a machine or part of a machine that compresses air or gas'.

Основу *трехкомпонентных* моделей значений наиболее часто формируют комбинации признака 'партитивность' с одним из типичных признаков и признаками

‘лицо’, ‘форма’ и др., либо комбинация общекатегориального признака с двумя типичными, например: **‘партитивность’+‘функция’+‘локативность’**: *gill* 1.‘one of the organs on the sides of a fish through which it breathes’; **‘партитивность’+‘функция’+‘форма’**: *blade* 1.‘the flat cutting part of a tool or weapon’; **‘партитивность’ + ‘функция’ + ‘лицо’**: *cab* 2.‘the part of a bus, train, or truck in which the driver sits’.

Эти же комбинации признаков в большинстве случаев присутствуют и в *четырехкомпонентных* моделях: **‘партитивность’ + ‘функция’ + ‘лицо’ + ‘локативность’**: *fo'c'sle* ‘the front part of a ship, where the sailors live’; **‘партитивность’+‘функция’+‘лицо’+‘общая характеристика’**: *bridge* 3.‘the raised part of a ship from which the officers control it’ и др.

Таким образом, взаимодействие в значениях меронимов общекатегориального признака ‘партитивность’ с другими семантическими признаками лежит в основе различных моделей значений меронимических единиц. Вариативность этих семантических моделей обусловлена различиями в типах и степени представленности семантических признаков в значениях меронимов, что зависит от принадлежности рассматриваемых единиц к той или иной семантической области.

Список литературы

1. Глобина, Л.В. ЛСП партитивной лексики в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.В. Глобина; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1995. – 18 с.

2. Ивашкевич, И.Н. Перцептивные признаки как семантические компоненты лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.Н. Ивашкевич. – Минск, 2003. – 120 л.

3. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

4. Олейник, М.И. Семантика предметных имен (на материале современного англ. языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.И. Олейник. – Минск, 2001. – 126 л.

5. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

6. Семантика и категоризация [Текст] / Р.М. Фрумкина [и др.]; Ин-т языкознания; отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

7. Pustejovsky, J. The Generative Lexicon [Text] / J. Pustejovsky // Computational Linguistics. – 1991. – Vol. 17, Issue 4. – P. 409–441.

8. Wierzbicka, A. Lexicography and Conceptual Analysis [Text] / A. Wierzbicka. – USA: Karoma Publishers, Inc. Ann Arbor, 1985. – 368 p.

9. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. – 4-th edition with Writing Assistant. – UK: Pearson Education Limited, 2005. – 1950 p.

Г.А. Рыбачёк
Оренбург, Россия

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОМ СИНТЕЗЕ ТЕКСТА

Поскольку текст имеет сложную и многоаспектную природу он изучается с разных позиций: лингвистики текста (И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, Е.А. Реферовская); стилистики текста (В.В. Виноградов, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик); психолингвистики (Л.Н Мурзин, Л.В. Сахарный, А.Ю. Сорокин), онтологии текста (К.И. Белоусов, А.Ю. Корбут, Г.Г. Москальчук) и др.

В лингвистике текста, предметом которой является текстообразование, изучается процесс построения (синтеза) текста в рамках модели: предложение – к ССЦ (или СФЕ) – фрагмент – текст (О.И. Москальская, И.Р. Гальперин, З.Я Тураева). Попытка рассмотрения синтеза текста, ведущегося с уровня организации простого предложения, была предпринята в работе И.Ю. Моисеевой, где единица описания – член предложения, рассматривалась как составляющая более крупных блоков (синтаксических групп), а далее – в составе текстовых факторов, состоящих из ограниченного перечня синтаксических групп (И.Ю.Моисеева). С позиций рассмотрения текста как семантико-смыслового образования текстовый синтез видится как последовательный процесс объединения минимальных семантических компонентов в образования все большей степени общности, например, микротемы – субтемы – подтемы – тема текста (А.И. Новиков), пропозиции в макропропозиции (Ван Дейк) и др. Кроме того, получена достоверная модель, описывающая процесс синтезирования темы текста из составляющих его микротем (К.И.Белоусов). Однако представленные исследовательские стратегии исследуют процесс синтеза единичных (конкретных) текстов.

В данной работе мы рассмотрим процесс образования *типа текста*, начиная с уровня его мельчайших семантических единиц и заканчивая уровнем структурного целого. На данном этапе исследование является пилотажным, проведенным на материале 10 текстов игровых инструкций. Исследовательская программа изучения структурного синтеза текста состоит из нескольких этапов.

Первый этап – это денотативный анализ структуры текста. Под денотатом понимается любое индивидуальное представление о реальном или воображаемом объекте, которое имеет, или может иметь какое-то языковое соответствие в виде слова – понятия [Комлев 2006: 83].

В нашей работе мы основываемся на научном труде А.И. Новикова «Семантика текста и ее формализация» и берем за основу методы и способы анализа текста, которые

позволяют определить смысловые элементы и их связь в тексте. Проанализируем один пример:

У кого длиннее

Формируются две команды: в одной мужчины, в другой женщины. По сигналу игроки каждой команды начинают снимать с себя одежду и выкладывать в линию. У каждой команды своя линия. Команда, сделавшая самую длинную линию из одежды, побеждает.

В данном примере мы выделили следующие денотаты:

1) формируется две команды; 2) мужчины и женщины; 3) по сигналу; 4) игроки каждой команды; 5) начинают снимать с себя одежду и выкладывать в линию; 6) у каждой команды своя линия; 7) команда, сделавшая самую длинную линию из одежды побеждает.

Второй этап – метод графосемантического моделирования, который включает в себя:

1) компонентный анализ выделенных денотатов. Компонентный анализ состоит в изучении содержательной стороны текста с целью разложения значения на минимальные семантические составляющие [Кузнецов 1986: 8]. Например, компонентный анализ денотата *формируется две команды* состоит из следующих компонентов: *приобретать законченность, два, команда, коллектив, спорт*. Значение данного денотата разложили на минимальные семантические образования на основе словарных дефиниций, используя толковый словарь С.И. Ожегова. Например, ***формировать*** – «*приобретать законченность»* [Ожегов 1999: 856], ***команда*** – «*спортивный коллектив»* [Ожегов 1999: 286]. Проведя компонентный анализ 10 текстов, мы выделили 213 компонентов.

2) полевый анализ текста. На данном этапе выделяются наиболее частотные компоненты, которые кладутся в основу семантических полей. Составляется перечень полей. Поле – это совокупность сем, объединенных неким общим признаком. Например, в одно из самых значимых семантических полей *реквизит* (0.16 %) были включены такие смысловые компоненты: ласты, бинокль («надев ласты и бинокль»); покрывало («потребуется покрывало»); воздушные шарики («выдается 5-10 надутых воздушных шариков») и др. Подобным образом были выделены остальные семантические поля, имеющие разное значение в выборке и имеющие разную способность к образованию семантических связей.

В результате проведения полевого анализа было получено 20 семантических полей: *игроки, реквизит, требования игры, действия игроков, действия ведущего,*

эмоциональность, модальность, пространство, организатор, посторонние, части тела, победа, количество, размер, качество, разновидность, время, вид деятельности, запреты, принадлежность.

Наиболее значимыми среди них являются следующие семантические поля: «игроки» (0.17%), «реквизит» (0.16 %), « действия игроков» (0.13 %).

3) построение семантического графа, представляющий собой структуру смыслового пространства и состоящую из семантических полей (см. рисунок 1). Данный метод позволяет репрезентировать объект в виде системы, состоящей из иерархичных элементов.

На рисунке 1 видно, что семантическое пространство текстов игровых инструкций представляет собой структурированную целостность. В данную модель не вошли статистически незначимые поля, сила связи которых не превышает порог достоверности.

Ядерными компонентами в данной модели являются такие смысловые группы, как «*реквизит» и « игроки».* Они наиболее валентны, так как имеют 10 и 9 связей соответственно, а сила их связи превышает силу связи остальных компонентов. Ядерные компоненты группируют вокруг себя периферийные компоненты («*действия игроков», «количество», «качество», «действия ведущего», «требования игры», «размер», «части тела», «пространство», «модальность», «ВСПП»),* сила связи (мера устойчивости) которых незначительна, а валентность достаточно низкая, что подтверждается статистическим подсчетом в процентах.

В данной модели также выявляется тупиковый компонент (*«вид деятельности»*, включающий само понятие игры), который связан только с одним ядерным компонентом *(«игроки»*), а для того, чтобы построить смысловое пространство, необходимы и другие компоненты, помогающие в реализации игры. «Для того чтобы игра состоялась, «другой» не обязательно должен в ней действительно участвовать, но всегда должно присутствовать нечто, с чем играющий ведет игру и что отвечает встречным ходом на ход игрока» [Хейзинга 1992: 92].

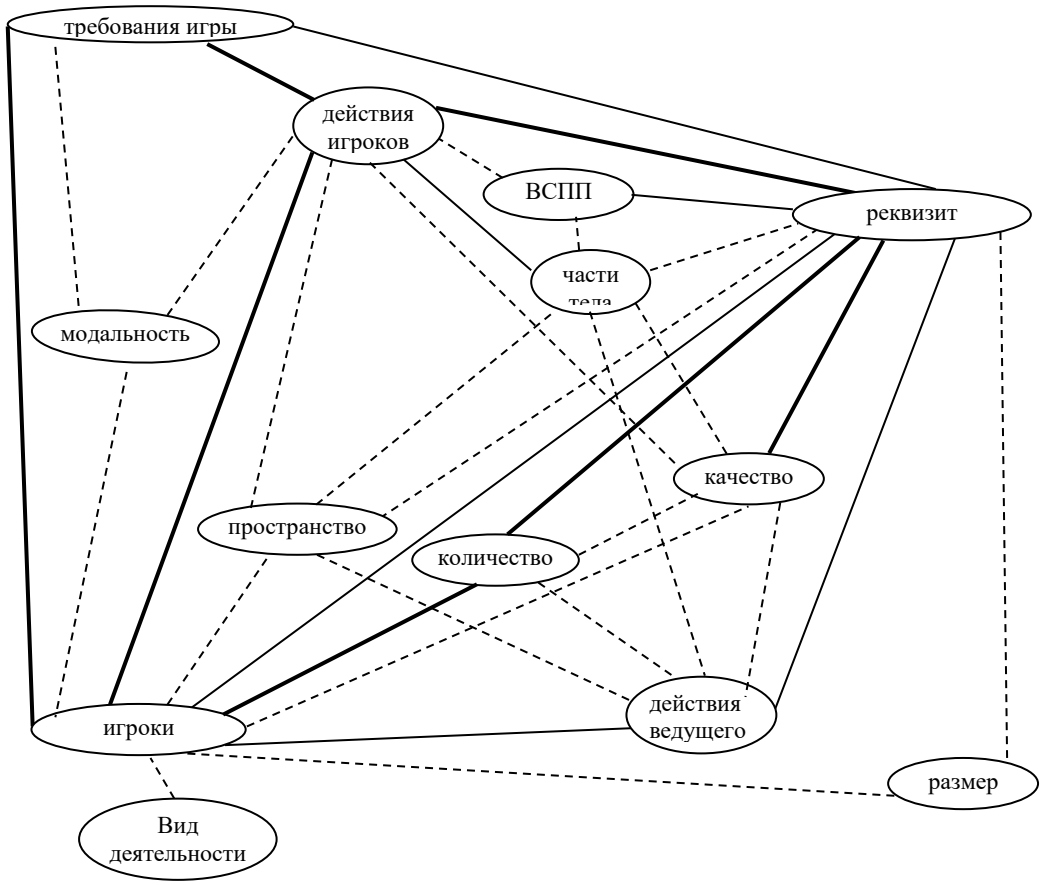

Рисунок 1. Графосемантическая модель смыслового пространства текстов игровых инструкций

Итак, согласно построенной графосемантической модели мы можем утверждать о значительной роли компонентов *«игроки»* и *«реквизит»,* имеющих наибольшую силу связи и валентность и являющихся необходимыми участниками в построении смыслового пространства.

В данной работе мы попытались построить структурную целостность текста на семантическом уровне, используя методы денотативного анализа и графосемантического моделирования, позволившие представить текст в виде смысловой целостной структуры.

Список литературы

1. Белоусов, К. И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста [Текст] : дис. …док. филол. наук / К.И. Белоусов. – Оренбург, 2005.- 374 с.
2. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н.Г. Комлев. – Изд.3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.
3. Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу [Текст] / А.М. Кузнецов. – Москва. «Наука», 1986. – 126 с.
4. Моисеева, И.Ю. Синергетическая модель текстообразования [Текст] : дис. … док. филол. наук / И.Ю. Моисеева. – Оренбург, 2007. – 329 с.
5. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация [Текст]/ А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

6. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова.– 4-е изд., дополненное.– М.: Азбуковник, 1999.– 944 стр.
7. Хейзинга, И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня [Текст] / И. Хейзинга. – М.: Прогресс, Академия, 1992. - 464 с.

Ш.А. Сабитова
Алматы, Казахстан

О ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Данная статья посвящена проблеме изучения газетного текста (дискурса) Республики Казахстан (РК). Обращение к этой проблематике обусловлено тем, что в последнее время в Республике Казахстан происходят значительные перемены, которые находят отражение в языке СМИ. В связи с этим на первый план выдвигается проблема понимания современного газетного текста, его особой прагматической ориентации, а также тех языковых стилеобразующих факторов, которые характеризуют современный публицистический стиль.

В соседних государствах, например, в России и Казахстане происходят существенные изменения в функционировании русского языка, и, прежде всего, в сфере массовой коммуникации, предопределенные экстралингвистическими факторами – глобальными переменами в политической и экономической жизни данных государств.

В Казахстане появилось множество новых газет и журналов, отражающих различные позиции, соответствующие определенной тематике. Пресса РК успешно завоевывает и виртуальный мир.

По-прежнему, актуальными в современной журналистике остаются традиционные исследования системы жанров.

В наши дни интервью - многоликий феномен, изучение которого интересно и очень важно с разных точек зрения. Жанр интервью (И), выступающий в двух своих разновидностях – И-печатное и И-звучащее – характеризуется рядом существенных признаков, среди которых можно отметить публичность, официальность, наличие определенной цели, обращенность к адресату [Земская 1988: 41].

Описывая газетный текст, следует помнить его экспрессивный и оценочный характер, его информационную и воздействующую функцию, которая создается особой языковой тканью, сочетанием стандарта и экспрессии, а также особым соотношением эксплицитной и имплицитной информации. Определяющую роль играет прагматическая

ориентация газетного текста, которая рассматривается как передача информации с запрограммированной установкой на ее социальную оценку в заданном направлении.

Жанр интервью дает большое разнообразие примеров такого взаимодействия. Его структурно-композиционные и языковые особенности связаны с общей прагматической установкой, назначением этого типа диалогического текста: получить интересные для широкой публики сведения о каком-либо факте, событии, лице и передать их в СМИ. Среди коммуникативно-прагматических факторов, оказывающих непосредственное влияние на структуру и словесно-речевые характеристики интервью, в первую очередь следует назвать: 1) цель интервью и тему; 2) социальный статус и языковую компетенцию интервьюируемого; 3) вид масс-медиа (телевидение, радио или пресса).

При большом разнообразии интервью типология жанра окончательно не разработана, так как самые разные признаки могут быть положены в основу классификации. Наше исследование строится преимущественно на текстах И-печатного, так как этот материал наиболее доступен для сравнительно-хронологического анализа. Мы основывались на том фактическом материале, который дает казахстанская газетная публицистика. Прежде всего – это газеты: *«Казахстанская правда», «Экспресс К», «Литер», «Комсомольская правда. Казахстан», «Аргументы и факты. Казахстан» и др*. Кроме обследованных газетных текстов привлекались интервью, опубликованные в ряде общественно-политических, литературно-художественных, научно-популярных журналов, а также в некоторых специальных изданиях разных лет (например, публикации записей бесед-интервью с некоторыми общественными и государственными деятелями, деятелями искусства и др.).

Жанр интервью как тип текста со времени своего становления (начала века) претерпел ряд изменений, касающихся стилистики, структуры (типологии), характера функционирования, что в значительной степени определяется социальным контекстом, социальными условиями существования.

Тексты интервью, одного из информационных жанров современной публицистики, отражают основной конструктивный принцип газетного языка: чередование стандарта и экспрессии. Однако стилистику этого жанра характеризуют ряд особенностей, имеющих собственно генетические корни: текст создается двумя коммуникантами, интервьюирующим и интервьюируемым, и в основе его лежит устная публичная речь, устный публичный диалог. Определяющее влияние на язык интервью оказывает и особая цель, основная прагматическая установка: получить из первых рук какие-либо интересные для широкой публики сведения, касающиеся политики, науки, литературы, искусства, деятельности нашего современника. Отсюда разнообразие тем,

многоликость, многоголосье интервьюируемых, что в свою очередь определяет и оправдывает широкий разброс в использовании языковых средств, разностильность языковых единиц, смешение и совмещение в одном тексте разных стилистических приемов, вольное обращение со словом и т.д. Есть основание считать интервью межстилевым жанром (ср. также эссе, научно-популярная статья, публичная лекция и некоторые другие) и, опираясь на многообразие языковых средств, показать лишь наиболее характерные его черты.

Одной из главных характеристик интервью является *текстовая модель*, представляющая, как правило, четырехчастную формально-семантическую структуру: заголовок, зачин, основная часть и концовка. Как показывает материал последних десятилетий, эти структурно-композиционные черты остаются достаточно стабильными.

Телевидение и радио каждый день предлагают нам десятки интервью, многие из которых являются частями сериалов, представляют постоянные рубрики типа: Герой дня, Особо важные персоны, Бомонд, Момент истины, Час пик, Лицом к городу, Кто есть кто, и др. [Голанова 1997: 82].

Следует выделить, что отличительной особенностью подобных диалогов-интервью является определенное равноправие, равенство социальных ролей собеседников. Интервьюируемые известны и интересны широкой публике как активные политические или государственные деятели, деятели науки, искусства, представляющие разные части спектра современной жизни. Но и интервьюеры, как правило, известные журналисты, ведущие оригинальных радио- и телепрограмм, яркие индивидуальности. Эта ситуация показывает особую тональность, особый, новый тип публичного диалога. Каждая такая передача имеет свой «имидж», свой речевой облик, который во многом создается ведущим, что не мешает обычно проявляться принципу сотрудничества или соавторства.

Например, в казахстанской газете *«Экспресс К»* приводится материал молодой журналистки Галимы Габдуллиной, которая взяла интервью-мнение у Розы Рымбаевой. Народная любимица, звездная певица Роза Рымбаева пристально следит не только за состоянием отечественной эстрады, но и за политическими преобразованиями нашего государства. Журналистке Г.Габдуллиной удалось с ней провести беседу и взять интервью. Материал написан в виде вопросов и ответов.

Ср.: Галима:

-Некоторые артисты, называя себя аполитичными, в душе являются убежденными «околополитиками». Вы относитесь к их числу?

Роза Рымбаева:

-Таковыми им следует быть, поскольку среди настоящих патриотов есть и артисты. Их немного, но они есть…Мне также хочется быть достойной зрителя. Я за то, чтобы самосовершенствоваться, за жизненную модернизацию. Могу сказать, что деятели культуры всегда хотят лучших условий для творчества. Нам кажется, что мало внимания уделяют этой проблеме. Мизерное количество концертов, скудный гастрольный график препятствуют распространению нашего искусства. А за политической жизнью слежу достаточно пристально, ведь это мой прямой гражданский долг (газета «Экспресс К», 31 мая, 2007) .

Следует отметить, что все разнообразие современных интервью, и звучащих, и печатных, отражающих разнообразие тем и интервьюируемых, трудно свести к какой-либо одной классификации. С точки зрения коммуникативно-речевого поведения интервьюера можно выделить два наиболее общих типа:

Инициатор беседы, журналист традиционно вежлив, ведет разговор корректно, придерживаясь известных правил и норм публичного общения, соблюдая коммуникативно-этикетную дистанцию. Для ведущего характерно подчеркивание в той или иной степени, в той или иной форме своего уважения к собеседнику и т.д. Для поддержания речевого контакта активно используются реплики-подхваты, повторение сказанного собеседником и другие средства выражения согласия.

Другой тип представляют собой беседы, которые ведут журналисты новой волны, известные своей психологической и языковой раскрепощенностью, поведенческой свободой, индивидуальной речевой маской [Голанова 1997: 94].

Характерной особенностью текстов современного диалога-интервью стало использование коммуникантами сниженной лексики, единиц разговорно-просторечной сферы, что нарушает традиционную стилистику публичных диалогов. Эти и некоторые другие черты (смешение разных стилистических средств в одном тексте, вольное обращение со словом и т.д.) присущи в той или иной степени всем участникам публичного общения и свидетельствуют об изменении отношения к нормам литературной речи и об изменениях самой нормы. Итак, тексты современного интервью отражают значительные изменения в языковых вкусах и речевом поведении нашего современника.

Таким образом, текст представляет собой основную единицу коммуникации. Текст есть та среда, в которой реализуются функции языковых средств разных уровней - лексического, грамматического, стилистического.

Список литературы

1. Земская, Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения [Текст] / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи. - М., 1988. - С. 41.

2. Голанова, Е.И. Изменения в жанре интервью [Текст] / Е.И. Голанова // Русский язык. - Opole, 1997. - С.82-94.

М.В. Савельева
Курган, Россия

ВИД ГЛАГОЛА И ИМПЕРАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

В русском языке граница между иллокутивными и перлокутивными речевыми актами часто проходит внутри видовых пар: в форме несовершенного вида (НСВ) глагол является иллокутивом, а в форме совершенного вида (СВ) — перлокутивом – «речевой акт с реальным, достигнутым результатом, причем запланированным заранее» [Гловинская 1992: 124]. Это утверждение справедливо для следующих иллокутивных глаголов с императивной семантикой, образующих видовые пары: агитировать — сагитировать; молить / умолять – умолить; просить / упрашивать – упросить; вынуждать – вынудить; задорить / раззадоривать – раззадорить; заставлять – заставить; отговаривать — отговорить; уговаривать – уговорить; убеждать — убедить; принуждать – принудить; подбивать – подбить; уськать / науськивать – науськать; провоцировать – спровоцировать; уламывать – уломать; манить / сманивать – сманить; склонять – склонить. Например,

Иллокутивный акт: Верите ли, Станислав Филиппович на прошлой неделе у меня тут в ногах валялся, *умолял* сказать, состою ли я в связи с Бурляевым. Я выгнала его и велела без вызова не показываться. Какова "сотрудница", а? (Акунин «Статский советник»)

Перлокутивный акт: В прошлом деле с Черной Мессой этот отважный поп, собрав целый хор местных батюшек, *умолил* святого Иоанна Воина вступиться за Лукошкино, и тот поразил своим копьем самого Вельзевула. Сейчас небольшое, компактное чудо тоже было бы очень кстати… (Белянин «Летучий корабль»)

Иллокутивный акт: Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно. Те же, которых я специально *заставлял* читать «Правду», – теряли в весе (Булгаков «Собачье сердце»)

Перлокутивный акт: Я все еще помнил, кто я такой; помнил даже, какого рода нужда *заставила* меня описывать бесконечные круги по центральной части города… (Фрай «Энциклопедия мифов»)

Иллокутивный акт: Противно, когда тебе безответственно морочат голову всяческие астрологи-хироманты и прочие официальные представители чудесного. Они словно бы *вынуждают* нас становиться скептиками – просто для того, чтобы не

чувствовать себя одураченными (Фрай «Энциклопедия мифов»)

Перлокутивный акт: <…> печальное происшествие с белкой *вынудило* всю местную живность поспешно эвакуироваться на другой берег озера, от греха подальше (Фрай «Энциклопедия мифов»)

Такие видовые пары позволяют нам построить следующие предложения:

1) Он уговаривал меня, но не уговорил. Он уламывал, но не уломал. Он подбивал (кого-либо что-либо сделать), но не подбил (на этот поступок).

2) Он уговаривал меня и, наконец, уговорил. Он уламывал и, наконец, уломал. Он подбивал (кого-либо что-либо сделать) и, наконец, подбил (на этот поступок).

Иллокутивные глаголы, допускающие употребление в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения, называются перформативными. Перформативные глаголы с императивной семантикой (просить, предлагать, приказывать и т.п.) нельзя использовать в предложениях типа (1) и (2):

1*) Он просил меня, но не попросил. Он предлагал мне это, но не предложил. Он приказывал мне (сделать что-либо), но не приказал (этого сделать).

2*) Он просил меня и, наконец, попросил. Он предлагал мне (сделать что-либо) и, наконец, предложил (это сделать). Он приказывал мне (сделать что-либо) и, наконец, приказал (это сделать).

Данные примеры показывают, что в этих неправильных предложениях форма СВ не указывает на возникновение новой ситуации, она лишь повторяет ситуацию, которая задается формой НСВ. Перформативный глагол НСВ, выраженный формой прошедшего времени, используется в своей дескриптивной функции. Он информирует нас о достижении цели действия, фиксирует лексически целостное, завершенное действие.

Перформативные глаголы в перформативном употреблении всегда имеют форму НСВ. Е.В. Падучева, Л.Н. Шведова, Ю.Д. Апресян объясняют это тем, что перформативы всегда результативны, признак целостности, завершенности действия выражен в их семантике [Падучева 1996: 164; Шведова 1984: 101; Апресян 1988: 76-78]. Ю.С. Маслов называет перформативные глаголы с императивной семантикой (просить, требовать, советовать) глаголами «непосредственного, непрерывного эффекта», обозначающими «такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», безуспешными» [Маслов 1948: 314].

Указанные нами императивные иллокутивные глаголы НСВ, имеющие перлокутивные пары СВ, являются дескриптивами и не способны употребляться в перформативной форме. Отметим, однако, что в список попали и явные

перформативные глаголы: *просить, молить / умолять, агитировать.* Говоря о глаголе *просить,* Е.В. Падучева использует понятие «семантической деривации» [Падучева 1996: 162], когда перформативный глагол имеет такое лексическое значение, при котором он не может выполнять перформативную функцию, в данном случае, это значение многократного повторения просьбы. В данном значении глагол *просить* входит в видовую пару не с глаголом *попросить,* а с глаголом *упросить* [см. Гловинская 1992: 124-129]. Явление семантической деривации справедливо для всех процессуальных единиц со значением побуждения, в семантической структуре которых явной является сема «длительность, многократная повторяемость действия». В высказываниях данная сема находит свое выражение в обстоятельствах времени таких, как *постоянно, два часа, каждый день* и тому подобных. Сравним перформативное и дескриптивное употребление глаголов *просить, умолять, агитировать* в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения.

Перформатив: – *Прошу* вас минуту обождать. Я п-переоденусь (Акунин «Левиафан»)

Дескриптив: Два часа уже *прошу* его поменять лампочку (разговорная речь)

Перформатив: — И здоровье не то уже... Почитай, что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочки. Им расти, а мне приданое готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом *молю* пощадить! (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»)

Дескриптив: Каждый день *умоляю* его бросить курить.

Перформатив: - Что за нелепый вопрос? Разумеется, я проголосую. Глупо не воспользоваться прямым избирательным правом в столь нелегкое для России время. Я всех *агитирую* проявить активность (разговорная речь, социологический опрос перед выборами)

Дескриптив: Теперь постоянно смотрю на небо, жду выходных, начиная с понедельника, а на дачу езжу только в плохую погоду! А так же постоянно *агитирую* всех друзей и знакомых прыгать со мной, потому что для человека не летать - огромное лишение! По-моему, это одно из условий нормальной жизни... (сообщение на форуме сайта http://hobby.rin.ru).

Процессуальные единицы (ПЕ) с императивной семантикой можно разделить на группы в зависимости от их видового значения и от того, какие речевые акты они формируют:

1) перформативы: употребляются только в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения; видовое значение

специфично – глагол в НСВ обозначает завершенное действие; формируют иллокутивные речевые акты с директивной иллокутивной целью;

2) перформативные иллокутивные ПЕ (в неперформативном употреблении): употребляются во всех формах, кроме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения; имеют формы СВ и НСВ в общем, неспецифичном значении; формируют иллокутивные речевые акты с различными иллокутивными целями;

3) дескриптивы: не допускают перформативного употребления, форма 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения выполняет дескриптивную функцию; ПЕ в форме НСВ формируют иллокутивные речевые акты, а в форме СВ — перлокутивные.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке [Текст] / Ю.Д. Апресян // Русистика сегодня. – М.: Наука, 1988. – С.57-78.
2. Гловинская, М.Я. Русские речевые акты и вид глагола [Текст] / М.Я. Гловинская // Логический анализ языка. Модель действия / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1992. – С. 123-130.
3. Маслов, Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке [Текст] / Ю.С. Маслов // Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. Т. VII. Вып.4. – М., 1948. – С. 306-316.
4. Падучева, Е.В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464с.
5. Шведова, Л.Н. Трудные случаи функционирования русского глагола [Текст] / Л.Н. Шведова. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 110с.

М.В. Савельева
Курган, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОБУЖДЕНИЯ

Процессуальные единицы обладают категориальным значением «процессуальность», которое на лексико-фразеологическом уровне может быть выражено глаголами и процессуальными фразеологизмами, на морфологическом уровне – разными морфологическими категориями (лица, времени, наклонения, вида, залога), создавая тем самым морфологическую семантику процессуальности, а на синтаксическом уровне – категориями предикативности и модальности. Процессуальные единицы со значением побуждения также обладают субкатегориальной семой «отношение» и индивидуальными семами [Лебединская 1987: 4-5; Лебединская 1999: 102-103].

Высказывания, содержащие процессуальные единицы со значением побуждения, являются иллокутивными речевыми актами, и сами процессуальные единицы являются иллокутивными. Иллокутивный акт – это речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления; другими словами, это действие, совершаемое человеком в процессе речи и посредством речи с какой-то определенной целью. Иллокутивная цель речевого акта, по определению З. Вендлера, - это ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего [Вендлер 1985: 243]. Дж. Серль называет иллокутивную цель побудительных речевых актов директивной. Она заключается в том, чтобы «заставить кого-либо другого (других) сделать нечто: в произнесениях говорящий пытается побудить слушающего реализовать линию действий, репрезентируемую пропозициональным содержанием» [Серль 1986: 252]. Таким образом, императивный иллокутивный речевой акт – это действие, совершаемое говорящим в процессе речи и посредством речи с целью побудить слушающего к выполнению определенного действия. Это может быть просьба, приказ, мольба, принуждение и т. д.

Дж. Остин и его последователи делят иллокутивные единицы на дескриптивные и перформативные. Перформативные единицы (перформативы) называют действие и являются центральным звеном в его осуществлении (Я приказываю вам действовать). Дескриптивные (дескриптивы) описывают содержание речевого акта (Он приказал нам действовать). Дж. Остин в работе «Слово как действие» утверждает, что предложение является перформативным, когда производство высказывания является осуществлением действия, т.е. в этом случае происходит не просто говорение, а высказывание, содержащее перформативные единицы, эквивалентно действию [Остин 1986: 27]. Как правило, для перформативов наиболее характерно употребление в форме 1 лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения.

Все иллокутивные процессуальные единицы со значением побуждения являются дескриптивами, но далеко не все могут быть перформативами. Отметим, что от общего числа употреблений процессуальных единиц со значением побуждения перформативы составляют около 10% (около 150 из 1500). Наиболее частотным является глагол *просить*, причем от общего числа употреблений (около 300), как в форме перформатива, так и в форме дескриптива, перформативы составляют около 37% (более 110). Это объясняется тем, что глагол *просить* обладает общей, нейтральной семантикой – «обращаться с просьбой, побуждая выполнить ее» [МАС2 т.3: 520], «склонять к исполнению желаемого» [БАС т.11: 1353]. Глагол лишен сем «авторитарности»,

«силового воздействия», «настойчивости», «категоричности», поэтому, в рамках теории вежливости перформативный глагол *просить* является наиболее оптимальным для использования в высказываниях, направленных на создание ситуации неконфликтного общения. Одной из причин высокой частотности употребления перформатива *просить* также является многозначность этой единицы, которая, на наш взгляд, зависит от ситуации произнесения речевого акта. В частности, в большом академическом словаре и в толковом словаре русского языка под редакцией Ушакова как оттенок первого основного значения приводится «предлагать (предложить) сделать что-либо» с пояснением, что в данном значении глагол *просить* «употребляется как вежливая форма обращения или приказания» [БАС, т.10: 1325] «или как категорическое предложение» [Ушаков т.3: 999]. Например,

— Мне надо осмотреть место преступления. — Захлопнув планшетку, я (сыскной воевода – прим. автора) поднялся и кивнул царю: — *Прошу следовать* за мной (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). В этот момент оглушительный трезвон над ухом оборвал разговор. Филипп Филиппович сказал в трубку: «да»… Покраснел и закричал: – *Прошу не отрывать* меня по пустякам. Вам какое дело? – и он с силой всадил трубку в рогульки (Булгаков «Собачье сердце»). В.В.Путин: «*Прошу рассматривать* прошлогоднее и нынешнее послания Федеральному Собранию как единую программу действий, как нашу совместную программу на ближайшее десятилетие» (из послания Федеральному Собранию РФ).

Перформативами также являются глаголы *попросить, молить, умолять, заклинать, требовать, призывать, велеть, повелевать, приказывать, предписывать, предлагать, наказывать, советовать, рекомендовать, приглашать, отправлять, посылать, звать, позволять, разрешать, запрещать, поручать, обязывать, агитировать.* Анализ словарных дефиниций показал, что некоторые перформативы с императивной семантикой имеют синонимичное толкование, что позволяет объединить их в синонимические ряды или группы.

Группа ПРОСЬБА: *призывать, агитировать, предлагать, попросить, просить, молить, умолять, заклинать* образуют группу с глаголом *просить* в роли нейтрального или исходного члена ряда. Выше мы уже отмечали, что в зависимости от ситуации общения в семантической структуре процессуальной единицы *просить* (сов. в. *попросить*) появляется компонент «категоричность», что находит свое отражение в формулировках значений этого глагола в толковых словарях. Особенно четко сема «категоричность» проявляется в перформативном употреблении формы совершенного вида *попросить*. Речевой акт при этом обозначает более категоричную форму просьбы

[Апресян 1986: 215] или «обозначает требование, а не просьбу» [Гловинская 1992: 129]. Возрастает обязанность адресата выполнить каузируемое говорящим действие. Например,

- Я вас *прошу быть свидетелем* оскорбления, а вас *попрошу пожаловать* в участок, - проговорил Версилов (Достоевский «Подросток»). – А вас, Штирлиц, я *попрошу остаться*.

Единицы *молить, умолять, заклинать* представляют собой настойчивую страстную просьбу с ярко выраженным униженным положением говорящего. В этом случае явной становится субъективность интересов говорящего, что и мотивирует необходимость осуществления адресатом каузируемого действия. Единицы *призывать, агитировать, предлагать* выражают категорическое побуждение, несмотря на отсутствие авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено, или нет. Дифференцирующими семами здесь являются «настойчивость, повелительность, воздействие с целью склонить к выполнению какого-либо действия». Например,

Настоятельно *агитирую* всех *пойти* к врачу! Хотя бы к психиатру в поликлинике (Сообщение из форума "Дневник худеющей дамы" от 6/9/2002). У детей кровотечение, переливать НЕЧЕМ. Пожалуйста, если Вы можете сдать кровь этой группы, позвоните нашему координатору по донорам Лидии (495) 517-2286, info@donors.ru. Я Вас просто *умоляю распространить* это объявление (Сообщение на форуме «Сон разума» от 9 декабря 2007г.).

Заметим, что в трактовке значений глагола *предлагать* наблюдаются некоторые разногласия. Так, как основное, второе, значение глагола *предлагать*, при его употреблении с неопределенной формой, во втором издании малого академического словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дается следующее значение – «попросить кого-либо сделать что-либо, попросить заняться чем-либо» [МАС2 т.3: 365]. В большом академическом словаре и в первом издании малого такое употребление глагола зафиксировано как оттенок второго значения: «приглашать принять участие в чем-либо, заняться чем-либо [МАС1 т.3: 501]; просить сделать что-либо» [БАС т.11: 124]. Основным же вторым значением в большом академическом является «высказать кому-либо какое-либо желание, намерение, с целью склонить к исполнению этого желания, намерения» [БАС т.11: 123]. Заметим, что это определение синонимично определению значения процессуальной единицы *просить*: «обращаться с просьбой, склонять к исполнению желаемого» [БАС т.11: 1353]. Как отдельное, третье, значение в БАС и четвертое в МАС1 и в словаре под редакцией Ушакова, и как оттенок второго

основного значения в малом академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой, представлено следующее значение *предлагать* – «(с неопр.) предписывать, требовать выполнения чего-либо» [БАС т.11: 124], «(с инф.) предписать, потребовать выполнения чего-нибудь (офиц.)» [Ушаков т.3: 715] и «потребовать выполнения чего-либо, предписать что-либо» [МАС1 т.3: 501; МАС2 т.3: 365]. Отметим, что данные значения единицы *предлагать* являются релятивными, так как они не обозначают собственно процессов, а выражают отношение говорящего к действиям, которые названы процессуальной единицей в форме инфинитива, а точнее, они выражают побуждение говорящим адресата к выполнению определенного действия.

Проведем анализ семантических компонентов релятивных значений глагола *предлагать.* С одной стороны, в семантической структуре *предлагать* мы отмечаем отсутствие сем «неоспоримой авторитарности», «авторитета говорящего» и «категоричности» и наличие сем «ненасильственного побуждения адресата к исполнению того, что говорящий желает или считает необходимым» и «свободы выбора у адресата выполнять каузируемое говорящим действие или нет», что свидетельствуют о том, что процессуальная единица *предлагать* относится к группе «просьба». С другой стороны, в других определениях мы отмечаем наличие сем, свойственных группе «приказ» и, в частности, процессуальной единице *требовать*: «настойчивость», «повелительность», «категоричность». Семы «авторитарности», «авторитета говорящего», «вероятности и возможности применения говорящим санкций в отношении адресата» следуют из ситуации произнесения речевого акта. Сравним употребления *предлагать* в речи, для этого введем условное обозначение, так *предлагать*$_1$ относится к группе «просьба» в силу более высокой продуктивности употреблений, а *предлагать*$_2$ – к группе «приказ», в связи с более высокой зависимостью данного значения глагола от ситуации общения. Например,

Сыскной воевода в беседе с царем: - Вы бы кроме этого слова выучили ещё и правильное понимание законности, правопорядка и презумпции невиновности! - поугрожал я, хотя Горох уже забыл о вездесущем дьяке, переключась сугубо на собственные проблемы. - Ладно, *предлагаю*$_1$ тело польской принцессы пока никуда *не переносить*, ничего *не трогать* и лишнего *шуму не поднимать*. Кстати, она одна приехала? (Белянин «Отстрел невест») - А я *предлагаю*$_1$ *пойти* в кино. Что думаете? (разговорная речь – нет сем «авторитарности, категоричности, настойчивости», есть сема «выбора») Надворный советник в беседе с губернатором (неравенство социального положения, нет сем «авторитарности, категоричности, принуждения»): - <…> Владимир Андреич, тут, изволите ли видеть, сметочка на окончание росписи Храма. *Предлагаю*$_1$

дать заказ господину Гегечкори, преславный живописец, и образа мыслей самого похвального. Сумму запрашивает немалую, но ведь и сделает в срок – человек слова. Вот здесь бы подпись вашу; и считайте, что дело исполнено (Акунин «Смерть Ахиллеса»). Миноносец «Сирануи», приблизившись к «Нахимовцу» на 8-10 кабельтовых, поднял сигнал по международному своду: «*Предлагаю*$_2$ крейсер *сдать* и *спустить* кормовой флаг, в противном случае никого спасать не буду («авторитарность», «категоричность», «ультиматум» и возможность применить санкции)» (Новиков-Прибой «Цусима», т.2, 4) Сыскной воевода в беседе с подчиненными: «<…> Попрошу всех вниз. Положение очень сложное, практически критическое, посему *предлагаю*$_2$ *провести* мозговой штурм». «Эта… в смысле, чьи ж мозги штурмовать будем?» – нервно поёжился Митя. Бабка тоже не выразила волны здорового энтузиазма… Воевода: «Это значит, что все мы сядем за стол и начнём с бешеной скоростью предлагать любые, самые абсурдные, способы максимально быстрого решения поставленной задачи. Мы должны заставить циркачей раскрыться! Просто обязаны, и подчёркиваю, абсолютно любыми средствами. Кому что взбредёт!» («авторитет», «повелительность», «вероятность применения санкций» - социальное положение и должностная позиция говорящего, «категоричность», «настойчивость» - сложность, безвыходность ситуации и крайняя необходимость принятия срочных мер, направленных на ее разрешение, отсутствует сема «свободы выбора у адресата») (Белянин «Летучий корабль»).

Группа ПРИКАЗ: *приказывать, велеть, повелевать, наказывать, предписывать, поручать, обязывать, требовать, предлагать*$_2$*, направлять, отправлять, посылать* обладают семами «авторитарности» и «категоричности» и образуют высказывания, в которых побуждение направлено «сверху вниз»: говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат побуждения выполнит каузируемое действие. Эта уверенность основана либо на социальном праве говорящего, либо на возможности говорящего в данной ситуации применить определенные санкции по отношению к адресату. Например,

Эраст Петрович Фандорин, статский советник: <…> Как полномочный представитель его сиятельства («авторитарность» - указание на социальную позицию) *приказываю* немедленно (усиление категоричности) *освободить* задержанных (Акунин «Статский советник»). «Я не прошу, а *требую раскрыть* это преступление», - заявил глава республики. («авторитарность» и «категоричность») (статья на сайте www.riadagestan.ru). Вследствие приказа казанского коменданта г[осподина] генерал-майора Чертова от 13-го ч[исла] марта сего за № 12-м *предписываю* начальникам

отделений и командиру гарнизонной артиллерийской 2-й роты *уволить* по возможности в понедельник на один день, то есть 16 ч[асов], нижних чинов и кантонистов магометанского исповедания для празднования и приношения жертвы по установленным магометанского закона правилам. Подписал: генерал-майор Мазараки (подпись). (Приказ командира Казанского порохового завода № 71 от 14 марта 1836 г.). Президент РФ не обошел вниманием и вопрос о защите мирного населения: «*Обязываю* всех должностных лиц, ответственных за проведение мероприятий по восстановлению в Чеченской Республике конституционного порядка, *не применять* насилия против мирного населения, *взять* его под защиту». (Хроника вооруженного конфликта. 1994. Декабрь.) В.В. Путин: "Ни Пелагея Григорьевна, ни другие наши пенсионеры таким нашим усилиям не порадуются, - сказал президент. - Считаю необходимым и *поручаю* правительству *пересмотреть* планы по темпам роста доходов пенсионеров. И не в следующем, 2008 году, поднять пенсии в целом на 285 рублей совокупно, а уже с 1 декабря текущего 2007 года поднять базовую часть пенсии, как минимум, на 300 рублей" (статья на сайте www.newsru.com от 11 октября 2007г.). Я, султан, сын Мухаммеда, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога, владелец царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, необыкновенный рыцарь, никем непобедимый воин, неотступный хранитель гроба Господня, попечитель самого Бога, надежда и утешение мусульман, смущение и великий защитник христиан - *повелеваю* Вам, запорожским казакам, *сдаться* мне добровольно безо всякого сопротивления и меня Вашим нападками не заставлять беспокоиться". Султан турецкий Мухаммед IV. (Переписка султана Мухаммеда IV с запорожскими казаками Предложение Магомета IV-го). – Всё понятно, немедленно *отправляю* стрельцов *разыскать* человека с огнестрельной раной в ноге. Устанавливаем за ним слежку, но под бездоказательный арест не берём (Белянин «Дело трезвых скоморохов»).

Группа РАЗРЕШЕНИЕ / ЗАПРЕТ: *разрешать, позволять, запрещать* не содержат семы «необходимости» каузируемого действия. Семантико-прагматической особенностью глаголов этой группы является наличие следующих обязательных условий: 1) адресат заинтересован в выполнении или невыполнении определенного действия; 2) существуют препятствия или ограничения для выполнения или невыполнения этого действия; 3) говорящий способен и компетентен ликвидировать или не ликвидировать эти препятствия; 4) говорящий предполагает или доподлинно уверен в том, что адресат заинтересован в выполнении или невыполнении каузируемого действия. Например,

– И Митьке сказал, и тебе настрого приказываю – за территорию отделения не выходить! Может быть совершена вторичная попытка отбить у нас ценного свидетеля… Ждать! Утром *разрешаю действовать* по обстановке. А сейчас – пропусти! (Белянин «Летучий корабль»). — Вот и ладушки... — кивнула Баба Яга. — Садись, герой, *дозволяю* тебе с нами чаю *откушать*. Хорошо рассказывал, честно, а я уж грешным делом подумывала, будто опять про свои подвиги врать будешь. (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). Я *запрещаю* вам *отлучаться* из Москвы до особого распоряжения (Акунин «Статский советник»).

В последнем примере у единицы *запрещать* есть семы «авторитарности» и «категоричности», что сближает эту единицу с единицами группы «приказ», что было отмечено еще А. Вежбицкой [Вежбицка 1985: 263]. Изотов называет запрет «прохибитивным коррелятом» как приказа, так и разрешения [Изотов 2007: 15]. Мы не станем относить процессуальную единицу *запрещать* к группе «приказ», так как от приказов она отличается наличием в значении оттенка «заинтересованности адресата в выполнении или невыполнении определенного действия».

Группа СОВЕТ: *советовать, рекомендовать* обладают семой «полезности для адресата» и имеют в структуре своего значения «совершение каузируемого действия в интересах адресата».

- А теперь, - улыбаюсь, - будем продолжать в том же духе... Это, кстати, дрянной пирог. Из полуфабриката. *Советую* поступить, как я: сливки слизать, желе и клубнику - в рот, а тесто – в трэш!.. Помнишь шарлотку, которую готовила Ленка? (Фрай «Энциклопедия мифов»). Перед началом работы я *рекомендую придти* на консультацию, т.к. для того, чтобы работа была эффективной нужно детально просмотреть ситуацию (сайт Ирины Рэй).

Группа ПРИГЛАШЕНИЕ: *приглашать, звать* обладают семами «способности говорящего заинтересовать адресата выполнить определенное каузируемое действие» и «правомочности говорящего обеспечить успешное выполнение адресатом этого действия».

- Я *приглашаю* вас *пообедать* (Фрай «Энциклопедия мифов»).

Перформативы являются одним из средств максимально быстрого и успешного достижения цели общения. Иллокутивные процессуальные единицы с императивной семантикой в их перформативном употреблении четко описывают намерение говорящего, классифицируя речевой акт как приказ, просьбу, разрешение, запрет, совет или приглашение, и тем самым настраивают адресата побуждения на определенную реакцию, они задают, программируют дальнейшее поведение адресата.

В заключение укажем причины, почему некоторые процессуальные единицы со значением побуждения не допускают перформативного употребления. З. Вендлер называет такие глаголы «квазипобудительными» [Вендлер 1985: 246]. Это такие единицы как, например, *подзадоривать, принуждать, подбивать, подстрекать, надоумливать, провоцировать, склонять, уламывать, науськивать* и нек.др. Постараемся определить причины того, что эти глаголы не являются перформативами. Начнем доказательство от противного. Допустим, что перечисленные выше единицы являются перформативными, то есть могут употребляться в речи в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога: «Я подстрекаю Вас действовать», «Я провоцирую Вас сделать что-либо», «Я науськиваю Вас совершить кое-что» и т.п.

Заметим, что подобные перформативы содержат явный «подрывной фактор» [Вендлер 1985: 244], то есть своим появлением в высказывании они полностью разоблачают «недобрые» намерения говорящего, подрывая его авторитет в глазах адресата побуждения, чем ставят под угрозу возможность достижения иллокутивной цели высказывания. З. Вендлер называет такую ситуацию «иллокутивным самоубийством».

Являясь глаголами побуждения, глаголы *подзадоривать, принуждать, подбивать, подстрекать, надоумливать, провоцировать, склонять, уламывать, науськивать* и нек.др. предают высказываниям директивную иллокутивную цель: от адресата требуется, чтобы он что-то сделал, а не просто возымел какое-то мнение. Говорящий, который подбивает, подначивает, принуждает и уламывает, преследует эту цель, но старается скрыть ее, чтобы адресат не догадался, что он жертва, что его побуждают совершить что-то глупое, опасное, преступное. Например, когда мы говорим, что кто-то *подстрекает* кого-то к какому-то действию, мы имеем в виду, что то, чего *подстрекатель* хочет добиться, является, на наш взгляд, дурным, опасным или нежелательным. Поэтому при перформативном употреблении подобных единиц возникает очевидный конфликт. Сказав, например, «Я подстрекаю Вас сделать что-либо», я бы имела в виду, что я хочу, чтобы Вы сделали это, но с другой стороны, я считаю, что это будет опасно или нежелательно, то есть делать этого, по идее, не стоит. Поэтому делаем вывод, что для избежания «иллокутивного самоубийства» и для создания условий неконфликтного и эффективного общения глаголы типа *подстрекать* лишены способности перформативного употребления, они являются только дескриптивными. Например,

Ну почему я не могу привнести в это время что-нибудь действительно дельное, полезное, прогрессивное, научно-революционное? Это же надо! Показал дураку, как изготавливать порох. Ведьмочку *надоумил кидаться* тарелками в бабушек. Чертей *заставил вылизывать* пыльную, каменистую территорию. Рыцарям продемонстрировал элитное искусство сражения врага в честном бою нижним бельем с бантиками. Монахов искусил рисованием голых женщин на дверях. Гоблинов толкнул на исполнение пируэтов фигурного катания на промасленных полах (Белянин «Свирепый Ландграф»).

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре [Текст] / Ю.Д. Апресян // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 45. – 1986. – №3. – С. 208-223.
2. Вежбицка, А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицка; перевод с англ. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 16: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.
3. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство [Текст] / З. Вендлер; перевод с англ. А.А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 16: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.
4. Гловинская, М.Я. Русские речевые акты и вид глагола [Текст] / М.Я. Гловинская // Логический анализ языка. Модель действия. – М.: Наука, 1992. – С. 123-130.
5. Изотов, А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен [Текст] : автореф.дис. …доктора филол.наук / А.И. Изотов. – М., 2007. – 53 с.
6. Лебединская, В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка [Текст] : учебное пособие по спецкурсу / В.А. Лебединская. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
7. Остин, Дж.Л. Слово как действие [Текст] / Дж.Л. Остин; перевод с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 17: Теория речевых актов / Общ. ред. Б.Ю. Городетского. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
8. Сёрль, Дж. Р., Вандервекен, Д. Основные понятия исчисления речевых актов [Текст] / Дж.Р. Сёрль; перевод с англ. А.А. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 18: Логический анализ естественного языка / Общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242-263.
9. [БАС] Словарь современного русского языка в 17-ти томах [Текст]. – М.: Академия наук СССР, 1951-1964.
10. [МАС1] Словарь русского языка. В 4-х томах [Текст]. – М.: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1957 – 1961.
11. [МАС2] Словарь русского языка в 4-х томах [Текст] / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1983.
12. [Ушаков] Толковый словарь русского языка в 4-х томах [Текст] / Под. ред. проф. Д.И. Ушакова. – М., 1939.

Д.А. Савинов
Магнитогорск, Россия

ФЕНОМЕН XXI ВЕКА – ОБЩИЙ И СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖАРГОН

На современном этапе ученые-лингвисты обращают пристальное внимание на изучение реального функционирования языка в разных коммуникативных сферах, на социально ограниченные формы существования языка, обращаются к явлениям живой речи носителей языка, отмечают широкое проникновение в кодифицированный литературный язык разговорной, просторечной и жаргонной лексики. Социальное членение общества на разные обособленные социальные группы приводит к появлению языковой дифференциации, отражающейся в функционировании общих и профессиональных жаргонов [Антропова 2005; Арутюнова 1999; Стернин 1998 и др.].

Общий и специальный жаргоны по своему социальному и коммуникативному статусу отличаются как друг от друга, так и от других форм существования языка. В научной литературе отмечается, что выделение круга носителей жаргона не представляет трудности: это или представители разных профессиональных групп, владеющие определенной профессией или специальностью, и занимающиеся ею в течение длительного времени. Носители специального жаргона – это представители рабочих, инженерно-технических и интеллектуальных профессий, которые имеют высшее или среднее специальное образование и проживают в городе. Такой неоднородный состав носителей обуславливает неоднородность жаргона, в нем выделяются специальные профессиональные жаргоны, отличающиеся друг от друга специфическими лексическими особенностями, связанными с особенностями профессиональной производственной сферы. На жаргоне непринужденно общаются в разговоре на темы: “автомобиль и автомобильный сервис”, “личность автолюбителя как водителя”, “водитель и пассажир”, “общение”, “деньги”, дают обозначение отдельным социальным ролям родителей, друзей, близких родственников и т.п.

Существенной особенностью носителей данной формы существования английского языка является то, что они, кроме жаргона, владеют еще какой-либо другой формой языка – языком общелитературным или местным диалектом. Иначе говоря, они диглоссны (или полиглоссны): в профессиональной среде, для целей непринужденного профессионального общения они используют профессиональный жаргон, для целей официального, в особенности письменного общения – специальный подъязык, а вне этих ситуаций, при общении на непрофессиональные темы они пользуются литературно-разговорным языком, то есть использование жаргона зависит от условий общения – ситуации, цели, темы, адресата.

Профессиональные жаргоны не случайно привлекли внимание социолингвистов, так как большая языковая мобильность и различные изменения в языковом поведении носителей отмечаются именно в период их профессионального становления. Английские профессиональные жаргоны детерминированы социальной неоднородностью общества, состоящего из различных социальных производственно-профессиональных групп. Свой внешний структурный статус приобретают английские профессиональные жаргоны автолюбителей, программистов, медиков, железнодорожников, металлургов, летчиков.

Во внутренней структуре английских жаргонов можно выделить две группы коммуникативно-языковых средств: а) средства, совпадающие с единицами общенационального языка, б) арготические слова и обороты, дублирующие официально принятые в соответствующей форме слова или термины в их метафорическом образном переосмыслении, что характеризует особенность профессиональных жаргонов. Например, **band-aid** - дословно: *медицинский пластырь*, в бизнесе: *быстрое и временное решение крупной проблемы*.

С социолингвистической точки зрения профессиональные жаргоны присущи тем носителям групп, которые длительное время получали специальное профессиональное образование (ср. проф. жаргон из языка спортсменов и бизнесменов: **play hardball** - "играть жестко", а в бизнесе это означает: *занять твердую позицию по отношению к чему-либо или кому-либо*).

Представители организованных профессиональных групп перенимают профессиональный жаргон группы, тем самым, подчеркивая свою принадлежность к той или иной профессии: **hole-in-one** у игроков в гольф означает: *попасть в лунку одним ударом*, а у бизнесменов приобретает другое значение: *успешная сделка с первой попытки*; **cold call:** в буквальном значении «холодный звонок» означает в бизнесе: *звонок с целью продажи без предварительных контактов или договоренности*, а в бизнес-школе: *методика преподавания, когда профессор произвольно выбирает слушателя из аудитории для обсуждения бизнес-кейса, то есть конкретных проблем предприятия, агентства* и пр. [Электронный словарь LINGVO 12 (2007)]. Особенно часто жаргоны встречаются в разговорной речи носителей языка, работающих в различных сферах сервиса.

Профессиональный жаргон как одна из форм существования английского языка функционирует в обиходно-разговорной речи, потому что он имеет тесную связь с повседневной жизнью личности и затрагивает широкие слои носителей литературного языка – спортсменов, инженеров, автомобилестроителей, журналистов, которые длительное время получали специальное профессиональное образование и которым

поэтому свойственна профессиональная жаргонная дифференциация и языковая экономия. Следует заметить, что в современных условиях профессиональные жаргоны развиваются в высокоинтеллектуальных областях деятельности человека – физика, химия, космонавтика, компьютеризация: stickiness: *привлекательность, способность веб-сайта удерживать посетителей*; gearhead - 1) *зубчатый редуктор* 2) *человек с техническим образованием или опытом работы* 3) *человек, помешанный на автомобилях и двигателях*.

Английский специальный жаргон является предметом научных исследований. Стремление автолюбителей к небрежному употреблению языковых вариантов, отличных от литературной нормы, во все времена обогащали язык яркими метафорами, речевыми идиоматическими выражениями, причем каждое поколение употребляет свои любимые слова:
deer in the headlights: "олень в свете фар", *испуганный, удивленный, человек, застигнутый врасплох*; **PC Plod** – *скромный и заурядный (сельский) полицейский* (от Police Constable Plod, имени героя популярных детских рассказов об игрушечном полицейском, медлительном, неповоротливом, но справедливом и добром). Носители жаргона, например, английские водители, употребляют вместо литературно-нейтральных слов модные жаргонные слова в переносном значении, например: **hitting on all cylinders:** *плавный ход автомобиля*, в бизнесе: *компания, работающая "как часы"*; **nerd:** 1) тупица, идиот, недоумок; зануда; отталкивающий тип (от имени героя детской книжки - человека, неприятного во всех отношениях); 2) "ботаник", умный, но социально неприспособленный тип личности, обычно ассоциируемый с компьютером или другими техническими инновациями, **screw up:** *испортить, провалить, выставить себя в неудачном свете.*

Ввиду того, что носители общего и специального жаргона составляют довольно многочисленный и социально активный слой в структуре англоязычного общества, лексические жаргонизмы проникают в другие формы существования языков, в частности в устную разновидность литературного языка (**sexy:** описательное прилагательное, используемое по отношению к новой, увлекательной и заманчивой идее; **geek**: 1) чокнутый, помешанный (на чём-л.) (особенно о человеке, которого ничего кроме компьютеров не интересует), 2) гнусный тип).

Таким образом, в английском языке существует такая форма языка, как специальный и профессиональный жаргон, которая полностью еще не изучена в современной зарубежной социолингвистике, однако, как известно, профессиональные

жаргоны – это активно используемые коммуникативные средства, обладающие особыми чертами.

Список литературы

1. Антропова, Л.И. Формы существования языка: социокультурно-коммуникативный подход [Текст] : монография / Л.И. Антропова.- Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2005. – 148 с.

Е.В. Самылина
Шадринск, Россия

К ВОПРОСУ О МОНО- И ПОЛИСЕМИИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ФРАЗЕО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ»

Носитель языка в состоянии высказывать свои мысли чётко, ясно и выразительно, если при этом он владеет достаточным лексическим запасом, хорошо знает грамматические особенности языкового строя и уместно использует образные средства выражения. Вопросы однозначности и многозначности, так или иначе, коснутся говорящего при выборе слов и фразеологических единиц, соответствующих той или иной конкретной ситуации общения.

Фразеологизмам русского и английского языков присуща способность вступать в такие же семантические связи и отношения, в какие вступают слова; тем самым им свойственно проявление таких свойств как, как моносемия (однозначность) и полисемия (многозначность).

Так как изучение семантических свойств всей фразеологической системы русского и английского языков практически невозможно, с учетом этого нами отобрана микросистема процессуальных единиц, семантически ориентированных на человека. В фокусе нашего внимания находится фрагмент фразеологической системы русского и английского языков, представленный соответственно 346 и 320 процессуальными фразеологизмами со значением физического состояния, которые содержат сему состояния – признак, характеризующий субъекта как пассивного носителя состояния.

Сравнительному исследованию семантических свойств подвергнуты процессуальные фразеологические единицы русского языка (термин А.М. Чепасовой) и глагольные фразеологизмы английского языка (термин А.В. Кунина, Н.Н. Амосовой, И.В. Арнольд), которые мы также именуем процессуальными. Обоснованием данному факту мы приводим то, что «решающим фактором в квалификации фразеологизма как процессуального считается не формальное присутствие в его составе глагольного компонента, а способность этой единицы обозначать действие, процесс» [ЧФШ 2002:

20]. Но, следует заметить, что глагол непременно присутствует в составе каждого фразеологизма и является его стержневым.

Под моносемией (греч. «один», «знак») обычно понимается однозначность слова, когда отдельное слово-знак имеет единственное значение, выражает один сигнификат и употребляется для обозначения одного денотата. [Алефиренко 2004: 205] Данное понятие употребляется и по отношению к фразеологическим единицам, в частности, в нашем исследовании моносемантичные процессуальные фразеологизмы определены как единицы, обладающие одним значением.

Полисемия (греч. «многозначный») – наличие у единицы языка более одного значения – двух или несколько. Часто, когда говорят о полисемии, имеют в виду, прежде всего, многозначность слов как единиц лексики. Лексическая полисемия – способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности [ЛЭС 2002: 382].

Е.И. Диброва представляет многозначность как универсальное языковое явление, присущее подавляющему большинству слов любого «живого» (современного) языка. Это даёт основание говорить о законе многозначности слова, о регулярных способах развития лексической полисемии [Диброва 2002: 375].

По мнению Р.З. Гинзбург, моносемантичные слова составляют незначительный процент от всей лексической системы английского языка, а большинство английских слов полисемантичны [ЛАЯ 1979: 33].

В учебных пособиях русского языка имеются сведения о 80 % многозначных слов. По мнению авторов, цифра эта выведена умозрительно, без подсчётов и чрезмерна завышена. Сомнительная цифра побудила авторский коллектив во главе с В.М. Бурмако обработать 4-х томный «Словарь русского языка» на 83 тысячи слов, где многозначными оказалось 26, 7 % слов [Бурмако 2001: 32].

Многозначность является внутренним свойством фразеологической единицы, тогда как омонимия, синонимия и антонимия представляют собой проявление системных отношений между разными единицами. В большей степени полисемия характерна для глаголов, а в меньшей – для процессуальных фразеологизмов, так как последние имеют более сложную семантическую структуру, обусловленную их раздельнооформленностью [Казачук 2004: 241].

Известные английские фразеологии А.В. Кунин, Н.Н. Амосова полагают, что полисемия в области фразеологии явление реальное и развивающееся, но большинство фразеологических единиц моносемантичны [Амосова 1963: 93]. Поэтому, в сфере

фразеологии многозначность проявляется в меньшей степени, чем в сфере лексического состава языка.

В нашем исследовании, данный факт обоснован тем, что 274 (79 %) процессуальные единицы русского языка и 271 (85 %) процессуальная единица английского языка, выражающие физическое состояние, обладают одним значением. Например: *сложить свои кости* – «умереть», *накладывать на себя руки* – «кончать жизнь самоубийством», *мороз до костей пробирает* – «чувствовать озноб», *дело идёт на поправку* – «выздоравливать», *shut one's lights* – «умереть», *have a spark in one's throat* – «испытывать постоянную жажду», *steal a glance* – «украдкой взглянуть», и другие.

Полисемантичные процессуальные единицы русского языка, выражающие физическое состояние лица, составляют 21 % (72 единицы) от общего количества фразеологизмов (346 единиц), которые относятся к общей фразео-семантической группе «физическое состояние». В английском языке численность полисемантичных процессуальных единиц насчитывает лишь 15 % (49 единиц) от общего числа фразеологизмов (320 единиц).

Таковыми являются единицы, которые характеризуют либо пребывание лица в охватывающем весь его организм состоянии, либо характер физических ощущений в той или иной части тела человека. Например, **состояние смерти**: *протянуть ноги* – 1) умереть (о человеке), 2) сдохнуть (о животном); *совать голову в петлю* – 1) вешаться, 2) предпринимать что-то заведомо рискованное; *to die a natural death* – 1) умереть своей смертью, 2) сходить на нет; **состояние рождения**: *увидеть свет* – 1) родиться; 2) быть изданным, обнародованным; *to come into the world* – 1) родиться, 2) выйти в свет (о произведении); **состояние деятельности мозга**: *сходить с ума* – 1) становиться сумасшедшим, 2) совершать безрассудные поступки; *to flip one's lid (wig)* – 1) прийти в бешеный восторг, 2) рехнуться, 3) разозлиться; **состояние здоровья**: *становиться на ноги* – 1) выздоравливать, 2) становиться самостоятельным, 3) улучшать своё материальное положение; *to get one's brains* fried – 1) получить солнечный удар, 2) находиться под действием наркотиков; **ощущение физической силы или усталости**: *выбиваться из сил* – 1) изнемогать от работы, 2) прилагать чрезмерные усилия, *to be in the saddle* – 1) быть хозяином положения, 2) быть в хорошей рабочей форме, и другие.

Наглядное представление о количественном соотношении моно- и полисемантичных процессуальных русских и английских фразеологических единиц (ФЕ), выражающих физическое состояние, можно получить в следующей таблице.

ФЕ	ФЕ русского языка	ФЕ английского языка
Многозначные (полисемантичные) ФЕ	72 (21 %)	49 (15 %)
Однозначные (моносемантичные) ФЕ	274 (79 %)	271 (85 %)
ВСЕГО:	**346 (100 %)**	**320 (100 %)**

Сравнительное количественное соотношение фразеологизмов русского и английского языков показало, что полисемия присуща в большей степени процессуальным единицам русского языка. Как язык аналитического типа английский язык изобилует в большей степени омоформами [Амосова 1963: 25].

Если слово может обладать от 5 до 100 значений как в русском, так и в английском языке, то фразеологические единицы в силу сложности значения, структурности состава и более позднего появления в языке обычно обладают двумя или тремя и реже большим количеством значений.

Подавляющее большинство процессуальных фразеологизмов как русского, так и английского языков имеют два значения. Фразео-семантическая группа «физическое состояние» насчитывает 63 единицы в русском языке и 42 английские единицы, обладающие двумя значениями, что проиллюстрировано в таблице.

Количество значений	ФЕ русского языка	ФЕ английского языка
2 значения	63	42
3 значения	7	4
4 значения	-	1
5 значений	2	1
6 значений	-	1
ВСЕГО:	**72**	**49**

Единичными являются фразеологические единицы с четырьмя и шестью значениями в английском языке. Фразеологизмы с подобным количеством значений отсутствуют в русском языке.

Например, английский фразеологизм *to give way* имеет, по данным нашей картотеки, шесть значений: 1) отступать, пропускать, 2) идти на уступки, соглашаться, 3) испортиться, сдать (о здоровье), 4) потерять самообладание, контроль, 5) прибавить ходу, 6) понизиться в цене (об акциях).

В нашей работе мы относим данную единицу к фразео-семантической подгруппе «общее состояние здоровья», которая, в свою очередь, входит в общую фразео-

семантическую группу «физическое состояние», на основе выделенного третьего значения - «испортиться, сдать (о здоровье)».

Something seemed *to give way* in his heart. (Что-то неладное творилось у него с сердцем.) (W.S. Maugham. Of Human Bondage. Chapter 75.)

Единица *to come to pieces* обладает пятью значениями: 1) потерять человеческий облик, 2) рухнуть, провалиться, 3) потерять самообладание, 4) расшататься (о нервах), 5) подорвать здоровье. В исследовании нас интересует пятое значение «подорвать здоровье», которое относит данный фразеологизм к фразео-семантической подгруппе «общее состояние здоровья».

Faye was never really well again. She would make a little gain and then *go to pieces.* (Ей становилось немного лучше, а затем она снова выходила из строя.) (J. Steinbeck. East of Eden. Part II. Chapter 21.)

В русском языке две единицы обладают пятью значениями. Например, фразеологическая единица: *раскрыть (разинуть) рот* – 1) начинать что-то говорить, 2) быть крайне рассеянным, 3) крайне изумляться, 4) заслушаться, сильно увлечься, 5) доверчиво поддаваться уговорам.

Плавильщиков же был удивительный чудак, человек умный, учёный, писатель…; начнёт, бывало, говорить о театральном искусстве, так *рот разинешь*. (С. Аксаков. Яков Емельянович Шушерин и современные ему театральные знаменитости.) (4 значение)

Фразеологизм *быть на ногах* также имеет пять значений – 1) находиться в стоячем положении, 2) встать ото сна, проснуться, 3) быть в хлопотах, заботах, 4) быть здоровым, 5) перенести болезнь без постельного режима.

Спали они (лётчики) не раздеваясь, и на рассвете, когда пришли их будить, *были* уже *на ногах*. (В. Саянов. Небо и земля.) (2 значение)

Молодой организм раз победив болезнь, быстро справлялся с её остатками. Недели через две Пётр *был* уже *на ногах*. (Короленко. Слепой музыкант.) (4 значение)

Если между значениями многозначного слова существует семантическая связь, выражающаяся в наличии у них общих элементов смысла – сем [ЛЭС 2002: 382], то и все значения многозначной фразеологической единицы имеют общие семы, которые не позволяют ей распадаться на омонимы [Бурмако 2001: 35]. Так и в рассмотренным ранее многозначных фразеологических единицах русского и английского языков, наблюдается связь между всеми их значениями.

Многозначные процессуальные фразеологические единицы русского и английского языков своеобразно связаны с семантическими категориями. Вслед за И.Г. Казачук мы полагаем, что один и тот же фразеологизм в разных значениях может

относиться к одной или разным семантическим категориям, внутри одной семантической категории – к одной или разным субкатегориям, группам или подгруппам [Казачук 2004: 241].

Некоторые полисемантичные фразеологизмы в нашей картотеке в отдельных значениях связаны с разными субкатегориями, фразео-семантическими группами и подгруппами.

Так, русский фразеологизм *отдать (отбросить) концы*, имеющий два значения: 1) умирать, 2) удирать, убегать – в первом значении имеет субкатегориальную сему «состояние», групповую сему «физическое состояние», подгрупповую сему «смерть».

Начальство здесь в двух лицах представлено – медицинский лейтенант и чуть живой сержант – не сегодня завтра *концы отдаст*. (В. Астафьев. Сашка Лебедев.)

Во втором значении данная единица имеет субкатегориальную сему «деятельность», групповую сему «физическая деятельность», подгрупповую сему «перемещение в пространстве».

Подхожу, понимаешь, к дому. Смотрю: в саду кто-то стоит, к дереву прижался, но штык выдал. Я, понятно, *отдал концы*. Вот к тебе и притопал. (Н. Островский. Как закалялась сталь.)

Ряд фразеологических единиц разными значениями относится к одной субкатегории, фразео-семантической группе и даже подгруппе.

Например, английский фразеологизм *die in one's boots (die with one's boots on)* имеет два значения: 1) умереть за работой, на своём посту, 2) умереть насильственной смертью. В первом и во втором значении он имеет субкатегориальную сему «состояние», групповую сему «физическое состояние», подгрупповую сему «смерть». Однако наличие дополнительных качественных сем в значениях является основанием для отнесения этого фразеологизма к разным подмножествам: 1) с семой «за работой», 2) с семой «насильственно».

I suppose I'll have to retire one day, but that's a long way off. I'd much rather *die in my boots*. (Gr. Green. The Heart of the Matter. Book I. Part I. Chapter II.) (1 значение)

If you keep on slinging your six-shooter around loose…you will…*die with your boots on*. (J. Miller. Life Amongst Modocs.) (2 значение)

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
2. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 207 с.
3. Бурмако, В.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / В.М. Бурмако. – Челябинск, 2001. – 111 с.

4. Диброва, Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч.1 [Текст] / Е.И. Диброва. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 544 с.
5. Казачук, И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категория бытия и отношения) [Текст] : монография / И.Г. Казачук. – Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. – 310 с.
6. Лексикология английского языка [Текст] / Р.З. Гинзбург, С.С. Хидекель, Г.Ю. Князева. – М.: Высшая школа, 1979. – 269 с. [ЛАЯ]
7. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. [ЛЭС]
8. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк [Текст]/ Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. – 304 с. [ЧФШ]

Т.В. Семёнова
Челябинск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ В ЗЕРКАЛЕ АНТОНИМИИ

В лингвистике термин «эмоция» и «чувство» обычно употребляются как синонимы поскольку независимо от того, назвать ли страх, радость, удивление эмоцией или каким-нибудь другим словом, это явление будет представлять собой переживание человеком своего отношения к тому, что он познает или делает, к другим.

Эмоции – особая, своеобразная форма познания и отражения действительности, т. е. в них человек выступает одновременно и объектом и субъектом, т. е. эмоции связаны с потребностями, лежащими в основе мотивов его деятельности. В психологии принято различать эмоции и чувства, понятия «эмоция» и «чувства» противопоставляются. Эмоции рассматриваются как более простые и элементарные, первичные кратковременные исходные психические явления, специфические реакции на конкретные события, оценку. Чувства являются более сложными, производными, вторичными по сравнению с эмоциями.

Следует отметить, что психологи говорят, об универсальности эмоций, перечень которых отражает общечеловеческий опыт осмысления психической жизни человека.

Исходные эмотивные смыслы относятся к разряду универсальных, общечеловеческих и составляют психологическую картину личности, отражают её основной психологический уклад. Однако их лексическая манифестация имеет национальную специфику. Исходные эмотивные смыслы пронизаны антонимическими связями и представляют полюса одного чувства. По Апресяну Ю. Д. пара слов с противоположным значением образует антонимическую парадигму [Апресян 1995: 285]. В основе их семантического соотношения находится общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противопоставленность значений. Парадигматические свойства антонимов описываются

обычно так: антонимы имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения. При этом имеется семантическая общность свойственная антонимам, которая проявляется в «соотносительности значений» [Шанский 1964: 145] или в их принадлежности к одной «лексико-семантической парадигме» [Шмелев 1964: 62]. Обязательным для антонимов является обозначение качественных признаков, допускающих градуирование. Во многих работах по антонимии рассматриваются вопросы их классификации. Основой для различных классификаций служат следующие признаки: а) точность антонимического противопоставления двух значений (точные – приблизительные), б) степень совпадения – несовпадения сочетаемости (полные – частичные), в) число антонимических значений двух слов, г) морфологическая структура антонима (однокорневые – разнокорневые), д) тип языковых единиц, которыми представлена данная академическая пара. Таково основное содержание традиционной теории антонимии.

Существуют ещё две идеи, которые выходят за рамки традиционных представлений. Первая, связывающая антонимию и отрицание, высказана в определении Вебстеровского словаря: «Антоним – это слово, противопоставленное другому слову …таким образом, что оно отрицает все до единой содержащиеся в нем импликации» [Webster’s new dictionary of synonyms 1968: 190].

Вторая идея тесно связана с первой и состоит в утверждении семантической ассиметричности антонимов: один из антонимов семантически сложнее, чем другой [Wierbicka 1968: 157].

Речь пойдет о лексической репрезентации эмоций в английском языке, представленных в оппозиции. Так как именно эмоциональный концепт, который является этнически, культурно обусловленным сложным структурно-смысловым, как правило, лексически и/или фразеологическое вербализованным образованием, включающем в себя помимо понятия, образ и оценку, дает возможность сопоставления концептуальных систем, закрепленных в разных языках [Ключникова 1973: 27].

interest	indifference
joy	sorrow
grief	joy
anger	composure
aversion	love
contempt	respect
fear	disrespect
guilt	innocence

Рамки данной статьи не позволяют представить весь накопленный материал, однако можно утверждать лингвистическая манифестация эмоций обусловлена этнопсихологией и национально-культурной спецификой.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: « Восточная литература», 1995.- 472с.
2. Ключникова, З. Е. Лексико-грамматическая характеристика глаголов в русском языке [Текст] : автореф. дис. канд. филол.наук / З. Е Ключникова. - Алма-Ата, 1973. - 27с
3. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1964. - 145с.
4. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Высшая школа, 1964. - 62с
5. Webster’s new dictionary of synonyms [Text] - Springfield (Mass.), 1968.
6. Wierbicka, Anna Negation – a studying the Deep Grammar [Text] / Anna Wierbicka. - MIT, 1967.

Г.Г. Семкина
Омск, Россия

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АКТА ЗАПРЕТА В СИСТЕМЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В известных классификациях речевых актов среди директивных речевых актов обычно упоминаются акты запрета. Общим для директивных (побудительных) актов является то, что в них проявляется стремление говорящего добиться совершения чего-либо от слушающего «приспособить реальность к словам» по известному выражению Дж.Серля [Серль 1986]. Помимо запрета директивными речевыми действиями считаются приказы, просьбы [Лайонз 2003: 271], поручения, разрешения, приглашения, подстрекательство, подзывание, склонение [Васильев 1971, цитир. по Кобозева 2000: 127], а также требования, советы, вопросы [Р.Бах и Р.М.Харниш 1979, цитир. по Кобозева 2000: 129]; включают сюда часто и согласие, отказ и др. Бросается в глаза, что списки директивных речевых действий состоят из разноуровневых образований и сильно различаются по охвату коммуникативных ситуаций, т.е. «исследователи исходят из разной степени абстракции при выделении той или иной группы речевых актов [Формановская 2002: 117]. В них включаются как акты широкой сферы применения (вопросы, требования), так и акты достаточно узкой сферы использования (подстрекательство, подзывание, приглашение). Совершенно очевидно, что требование и приказ могут включать в себя запрет, а просьба не делать чего-либо может рассматриваться как разновидность запрета. Не совсем отвечающими понятию

директивы (побуждения) представляются речевые акты согласия, отказа, разрешения. Совет, скорее, входит в сферу репрезентативов, а не директивов - по схеме Дж. Серля «Х убежден, что А….» [Серль 1986: 181-185].

Таким образом, место речевого акта запрета оказывается не совсем четко определенным. Не установлено, какие директивные акты соответствуют ему по уровню, какие могут считаться включающими, и, соответственно, более объемными, а какие, наоборот, сами включаются в акт запрета.

Существенным признается разграничение речевых актов на коммуникативные и конвенциональные, при котором к конвенциональным относятся, по мнению М.Л.Макарова, ритуализированные речевые действия [см. Карасик 2002: 117]. Представляется не совсем оправданным, что запрет (запрещение) включается этим автором в конвенциональные речевые акты наряду с крещением, арестом, бракосочетанием, голосованием и др. Гораздо уместнее, на наш взгляд, было бы отнесение акта запрета к коммуникативным актам в рамках данной классификации.

Еще одна классификация представлена Крекелем [см. Карасик 2002: 117], который субкатегоризирует речевые акты по трем признаками: 1) ориентация на говорящего либо слушающего; 2) ориентация на когнитивную, интерактивную, акциональную сферу; 3) ориентация на настоящее, прошедшее или будущее. По первому признаку можно заключить, что речевой акт запрета ориентирован на слушающего. По отношению к двум другим признакам положение речевого акта запрета оказывается столь же неопределенным, как и в других классификациях. Так, по второму признаку, по-видимому, он ориентирован и на интерактивную, и на акциональную сферу (хотя ближе к акциональной); а по третьему признаку запрет может быть ориентирован и на настоящее, и на будущее.

В классификации А.А.Романова запреты относятся к инструктивам, а приказы и требования к инъюнктивам [Романов 1988: 55], что, на наш взгляд, не совсем оправдано, поскольку приказ можно считать формой требования, а запрет – его разновидностью. Термин «инъюнктив» в отношении акта запрета использует и Н.И.Формановская, уточняя, что это одно из речевых действий, основанных на высоком статусе и власти говорящего [Формановская 2007: 322]. Такого же мнения придерживается и В.И.Карасик [Карасик 2002: 119]. Он выделяет статустно-маркированные (сюда, как обычно, в общем списке относятся приказы, требования, просьбы, мольбы, предписание, запреты) и статусно-нейтральные речевые акты (утверждения, повествования, описания). В данном случае не совсем точным представляется выбор основания для классификации. Различия первых и вторых вышеназванных типов речевых актов скорее в реакции слушающих:

если требования, просьбы и т.п. предполагают реакцию в виде действия, то утверждения, повествования, описания такой реакции не предполагают. (Отметим, что именно на этом основании подразделял директивные и утвердительные высказывания Ч.Фриз. [Fries 1952: 29-53])

Что же касается статусной маркированности, то наблюдения показывают, что запреты не зависят от статуса собеседников и могут быть совершены говорящими любого статуса по отношению к слушающим любого статуса. Так, в следующем примере речевой акт запрета произносится собеседником более низкого статуса: “Smither,” said Soames, “we’re all indebted to you”. – “*No, Mr. Soames, don’t say that!* It’s pleasure – he’s such a wonderful man!” [Galsworthy 1967: 181].

Однако, общей тенденцией в отношении статусов собеседников в ситуации запрета (более 80% случаев) является равенство статусов, запреты практикуются скорее в среде достаточно близких друг другу людей, например: “Forgive me if I seemed unresponsive. The truth is, Harris was round here this morning - “ George said: “*Say no more, I understand*” [Jerome 1976: 32]. Естественно, что неравенство собеседников может отразиться на форме выражения акта запрета, в частности, форма с модальным shall обычно используется вышестоящим по отношению к нижестоящему: “Another time, Lord Arthur, but the Duchess is anxious. I’m afraid I must go”. “*You shall not go*. The Duchess is no hurry”. “Ladies should not be kept waiting, Lord Arthur,” said Mr.Podger [Wild 1994: 60].

Однако следует отметить, что в ситуациях, участниками которых оказываются люди, не являющиеся близкими друг другу, запреты как подвид требований в большинстве случаев не применяются, они видоизменяются в рекомендации, советы, предложения, пожелания и т.п. для обеспечения успешности и бесконфликтности коммуникации. Соответственно, акт запрета как вид требования всегда является прямым и не может быть косвенным, в отличие от многих других речевых актов. Сама суть этого речевого акта предполагает предоставление адресату возможности ясно понять требование говорящего, поскольку, как уже было отмечено, запреты имеют место обычно среди достаточно близко знакомых людей.

Не претендуя на окончательное определение положения акта запрета в классификациях речевых актов, позволим себе высказать предположение, что видами директивных актов одного уровня можно считать требование и просьбу, которые действительно имеют своей иллокутивной целью добиться чего-либо от слушающего, но отличаются способом достижения иллокутивной цели. Требование может носить как положительный, так и отрицательный характер, и отрицательным требованием, то есть требованием не делать чего-либо, является запрет. При этом и собственно требование

(«положительное» требование сделать что-либо), и запрет могут носить нейтральный характер, когда статус не является существенным для ситуации общения, и характер приказа при более высоком статусе говорящего и наличии у него соответствующей данной ситуации необходимости отдавать приказы. Таким образом, запрет, по нашему мнению, является одним из подвидов директивного акта требования. Каждый из этих подвидов (мы называем их «собственно требование» и «запрет») может быть реализован либо в нейтральной форме, либо в форме приказа.

Список литературы

1. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 331с.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. –М.: УРСС, 2000. – 350с.
3. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика [Текст] / Дж. Лайонез. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 397с.
4. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [Текст] / А.А. Романов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 187с.
5. Серль, Дж.Р. Классификация речевых актов [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. –С. 170-194.
6. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 215с.
7. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Икар, 2007. - 478с.
8. Fries, Ch. The Structure of English [Text] / Fries. – N.Y., 1952. – 205p.
9. Galsworthy, J. To Let [Text] / Galsworthy. – Penguin books, 1967. – 239p.
10. Jerome, K.J. Three Men in a Boat [Text] / Jerome. – M.: ВШ, 1976. – 158p.
11. Wilde, O. Selected Prose [Text] / Wilde. – Penguin books, 1994. – 443p.

Н.Г. Сивцева
Иркутск, Россия

ИНДЕКСАЛЬНОСТЬ НЕФАЗОВЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК ОСНОВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК НАЧАЛЬНОСТИ И КОНЕЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционно к лексемам, способным репрезентировать концепты «начало» и «конец», относят так называемую фазовую лексику [Тиунова 1990; и др.], которая понимается как «система языковых средств различных уровней, служащих для обозначения фазисных характеристик действия предельного характера: начало и конец» [Давыденко 1985: 63].

Однако в рамках когнитивных исследований многие ученые отмечают, что в определенной речевой ситуации даже лексемы, не имеющие в своей семантической структуре семы фазовости, могут репрезентировать некий начальный или конечный предел. В связи с подобным расширением понятия фазовости С.Ю. Семенова предлагает

выделять в фазовых отношениях в лексике четыре языковых явления, которые включают в себя всю совокупность ядерных фазовых смыслов, компонентов, коннотаций и ассоциаций:

1) ядерные фазовые смыслы, репрезентированные чисто фазовыми словами, близкими к семантическим примитивам;

2) компоненты конца или начала в семантической структуре нефазовых лексем (*заголовок* размещается в *начале* статьи);

3) привычные фазовые коннотации (коннотация старости, т.е. конца в слове *морщина*);

4) свободные фазовые ассоциации (предельная степень признака в словосочетании *жгучий брюнет*) [Семенова 2002].

На наш взгляд, способность нефазовых именных лексем репрезентировать отношения начала и конца напрямую обусловлена индексальностью. Так, например, в «наивной» картине мира лексема *sunrise* репрезентирует начало дня, утро. При последовательном анализе употребления этой лексемы в речевой ситуации можно обнаружить ее синкретизм. Так, пример *Although owls normally hunt at night and are hardly ever seen in daylight, there have been hundreds of sightings of these birds flying in every direction since sunrise* [Rowling: 3] можно интерпретировать двояко: либо совы не прекратили летать в *начале* дня, либо они продолжили летать после *окончания* ночи.

Подобный фазовый синкретизм свойственен многим объектам действительности, имеющим отграничивающие характеристики, так, например, *door* предполагает и вход, и выход из помещения, в то же время более конкретные лексемы *entry, entrance* вербализуют только вход, а *exit* – только выход. Данное явление объясняется метафорой пути и зависит от точки зрения наблюдателя. Если человек находится внутри некоторого помещения – вместилища, то дверь оязыковляется лексемой *exit*, так как концептуализируется конец пути в пространственно-временном континууме: *People throughout the reptile house screamed and started running for the exit* [Rowling: 12]. Если же человек находится в начале своего пути, направленного вовнутрь помещения или некоторого пространства, концептуализированного как вместилище, то дверь репрезентируется лексемами *entry, entrance: The Dursleys bought Dudley and Piers large chocolate ice creams at the entrance ...* [Rowling: 11].

Таким же образом можно проанализировать и ряд других примеров, в которых содержится указание на прохождение определенного пути в пространстве или, метафорически, во времени: *Those <possessions> that she did take, therefore, were the fruit of a thoughtful selection* [Levin 2002: 221] – результат тщательного отбора представляет

собой итог или (конец) деятельности; *She was reluctant to take the cruel step of finding work, for the shrank with extreme sensitiveness and shyness from new contact, new situations* [Lawrence 1995: 303] – предпринять какой-либо шаг означает начать (вступить в) новую фазу действия.

На наш взгляд, одним из ярких примеров репрезентации характеристик начальности и конечности нефазовыми лексемами служит употребление лексемы *gloom* в произведении Д. Лоуренса «Радуга». В семантике этой лексической единицы нет фазовых характеристик, в толковых словарях она определяется как *partial or total darkness*. Однако она может репрезентировать начало и конец зрительного восприятия в следующих примерах:

а) *Then he pushed open the door, and the great, pillared gloom was before him, in which his soul shuddered and rose from her nest* [Lawrence 1995: 168];

б) *He had felt, before, that could he but go through the great door and looked down the gloom towards the far-off, concluding wonder of the altar, that then, with the windows suspended around like tablets of jewels emanating their own glory, then he had arrived* [Lawrence 1995: 172].

Оба примера описывают посещение собора главным героем. В примере (а), первое, что он зрительно наблюдает и воспринимает, это мрак, метафорически вербализующий грань перехода из мирского существования в духовное, который репрезентирует «начало» собора для него. Очевидно, это связано с метафорой начала пути, вхождения в новый круг существования и осмысления. В примере (б), уже выходя из собора, он оглядывается и видит все тот же мрак, однако теперь он является для него «концом» собора, тем, что он оставляет позади себя, в прошлом. Таким образом, лексема *gloom* образует своего рода рамку (предел) для данного этапа процесса восприятия; первое и последнее, что зрительно воспринимает главный герой – это мрак, символизирующий непосредственно собор и метафорически причастность к религиозной духовной жизни.

Таким образом, идея пути позволяет разным лексемам овеществлять отношения начала и конца. Вероятно, это связано с тем, что любое перемещение, «образуется переходом из исходного пункта в пространстве (в котором объект находился в начальный момент времени) в конечный пункт (в который объект попадает в конечный момент времени)» [Шмелев 2002: 181].

Кроме того, восприятие человека, с одной стороны, представляет собой целостный процесс, с другой стороны, восприятие какой-либо ситуации все же линейно и последовательно. Эта особенность позволяет нефазовым единицам репрезентировать

отношения начала и конца. Рассмотрим следующий пример: *Over the edge <of the hole> there peeped a clean-cut, boyish face, which looked keenly about it, and then, with a hand on either side of the aperture, drew itself shoulder high and waist high, until one knee rested upon the edge* [Doyle 1994: 52]. Наблюдатель описывает ситуацию, когда человек выбирается из ямы. В данном случае важным представляется именно последовательное восприятие наблюдателем всего пути человека: сначала он видит лицо, затем появляются рука, плечо, туловище и, наконец, колено. Таким образом, лексема *face* репрезентирует начало пути и непосредственного наблюдения этого пути, а лексическая единица *knee* – их окончание.

Часто репрезентация отношений начала и конца нефазовыми лексическими единицами связана с общепринятой системой отсчета перед началом какого-либо действия. Так, в примере *"At the count of three! One ... two ... wait for it, wait for it ... and three!"* [Saxton 1992: 21] представлена ситуация, в которой дети ожидают момента, когда можно будет задуть свечи на торте «на счет три»; лексема *three* является синкретичной, так как она репрезентирует в данном случае и конец напряженного ожидания, и начало ожидаемого действия. В высказывании *He knew his plan was going to come to nought two minutes later ...* [Saxton 1992: 158] взаимодействуют два явления: научная картина мира, подразумевающая определенную систему отсчета, и наивная алгебраическая картина мира, в которой ноль является и началом какой-либо системы отсчета и ее концом (ср. рус. «начать с нуля» и «сводиться к нулю»).

Таким образом, индексальный характер естественного языка обусловливает способность нефазисных лексических единиц представлять характеристики начальности и конечности в речевой деятельности. Наблюдатель, воспринимая определенную ситуацию, или говорящий, пользуясь феноменологическим знанием, могут репрезентировать концепты «начало» и «конец» посредством нефазисных лексем, основываясь на избранной точке отсчета, определенной системе пространственно-временных координат и направлении движения.

Список литературы

1. Давыденко, Л.Н. Способы выражения значения фазисности в современном английском языке [Текст] / Л.Н. Давыденко // Лексическое значение в системе языка и в тексте: Сборник научных трудов. – Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1985. – С. 61-68.

2. Семенова, С.Ю. К типологии фазовых компонентов, коннотаций и ассоциаций русских лексем [Текст] / С.Ю. Семенова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – С. 155-168.

3. Тиунова, С.П. Средства выражения фазовости в современном английском языке [Текст] / С.П. Тиунова. – Томск: ТГУ, 1990. – 168 с.

4. Шмелев, А.Д. Из пункта А в пункт В [Текст] / А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – С. 181-194.

5. Doyle, A.C. The Adventures of Sherlock Holmes [Text] / A.C. Doyle. – London: Penguin Books Ltd, 1994. – 302 p.
6. Lawrence, D.H. The Rainbow [Text] / D.H. Lawrence. – England: Wordsworth Editions Limited, 1995. – 418 p.
7. Levin, I. A Kiss Before Dying [Text] / I. Levin. – M.: Айрис-пресс, 2002. – 384 p.
8. Rowling, J.K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone [Electronic Resource] / J.K. Rowling. – CD-disc «Современная англоязычная литература для изучающих английский язык». – 326 p.
9. Saxton, J. The Glory [Text] / J. Saxton. – Grafton: HarperCollins*Publishers*, 1992. – 396 p.

Е.В. Скворцова
Ижевск, Россия

НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОБЛЕМНОЙ СТАТЬИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)

Согласно мнению некоторых авторов, пресса это не более чем источник информации. Однако, проведенный нами предварительный анализ показал, что наряду с выполнением своей основной функции, а именно – информирование читателя, современная проблемная статья является мощным средством воздействия на аудиторию. Центром любой проблемной статьи является серьезный общественный вопрос, требующий разрешения. Автор статьи исследует и выносит на обсуждение общественную проблему, предлагает и обосновывает пути её решения. Таким образом, в общественную дискуссию вовлекается и читатель. К печатным изданиям, для которых характерен подобный тип статей, можно отнести «Le Figaro», «Le Nouvel Observateur», «Le Monde», «Le Point» и некоторые другие.

С целью повышения эффективности воздействия на читателя, автор прибегает к различным средствам художественной выразительности, что уже само по себе влечет изменения в характере лексических единиц, используемых в тексте статьи, в сторону большей оценочности. Появляются всевозможные переосмысления значений слов, эмоционально-оценочная лексика, в большом объеме создаются новые «особые слова, специально предназначенные для экспрессивных и художественных целей» [Виноградов 2006: 124] – неологизмы, а именно индивидуально-авторские неологизмы. Такие неологизмы могут создаваться по различным продуктивным и малопродуктивным словообразовательным моделям, при этом существует тенденция: чем менее характерной является словообразовательная модель, по которой образуется неологизм, тем ярче эффект, производимый новообразованием. Ярким примером подобного словообразования может служить название статьи, опубликованной в журнале «Le Nouvel Observateur», которое звучит следующим образом: *«Catastroïka»* (способ

образования телескопия). Данное слово можно отнести к разряду потенциализмов. Под потенциализмами Виноградов В.С. понимает «новые лексические единицы, которые создаются на основе высокопродуктивных словообразовательных моделей», и «авторская индивидуальность почти не влияет на их создание», что и делает их похожими на другие слова языка. Но необходимо отметить, что данный факт ни в коей мере не умоляет их яркости и индивидуальности, а наоборот вызывает большее доверие читателя.

Подобного рода неологизмы несут в себе огромный «оценочный потенциал» - «коннотацию» [Телия 1986: 67]. По сути оба понятия (неологизм и коннотация) имеют множество связей, порой они даже неразрывны, это касается в основном авторских неологизмов. Именно создав неологизм, автор максимально может выразить свое отношение к поднятой проблеме, оценить (чаще всего негативно) то или иное явление, факт, а не только обозначить его. Таким образом, неологизму «прививается» коннотация. Немаловажную роль в этом процессе играет «словотворческая экспрессивно-эмоциональная информация»[Виноградов 2006: 61]. Однако, возникает вопрос о том, что же является «первым»: неологизм или коннотация. С психологической точки зрения коннотация может рассматриваться как источник возникновения неологизма, но это верно лишь для ступени «автор – неологизм», то есть для того, кто его создал. Согласно этому, первое, что возникает это оценка и лишь затем её словесное выражение. Но с точки зрения лингвистики, дело обстоит иначе. На ступени «читатель – неологизм», именно форма диктует смысл (читатель «наделяет» форму своими собственными значениями).

До сих пор речь шла исключительно об авторских неологизмах, но следует отметить, что помимо таких новообразований в тексте проблемных статей встречаются и простые неологизмы. Они чаще всего создаются для того, чтобы назвать новое явление или предмет. Одним из таких неологизмов стало слово *«phishing»:*

«Cette crapulerie ingénieuse mais techniquement enfantine s'appelle le phishing... Après les semeur de virus, les hachers forceurs de cyberserrures et les deverseurs d'e-mail non solicités, les phishers sont-ils applés à devenir le nouveau cauchemar des internautes?» [NO]

Перевод: «Такая хитроумная, но простая в исполнении уловка называется «фишинг»… После всевозможных распространителей вирусов, хакеров-взломщиков станут ли так называемые «фишеры» новым кошмаром для пользователей сети Интернет?»

Слово *phishing* (преступления в сети Интернет, связанные со сферой банковских услуг) представляет слияние английских слов *phreaking* – фрикинг

(несанкционированное подключение к защищенным телекоммуникационным сетям) и *fishing* (рыбалка), которое так созвучно с французским словом *pêche*... Таким образом, слово *fishing* в данном случае играет роль основы неотягощенной эмоциональным компонентом, а слово *phreaking* – роль «суффикса субъективной оценки», который и придает образовавшемуся неологизму отрицательную коннотацию.

Необходимо заострить внимание на том, что «неологизм оказывает влияние на структуру высказывания» [Сергеева 2001: 143]. В тексте появляются слова-маркеры (в данном случае это глагол *s'appeler*), с помощью которых автор акцентирует внимание читателя на введение в текст необычной лексической единицы, как бы подготавливая его.

Итак, очевидно, что авторский неологизм является неотъемлемой частью современной проблемной статьи, так как служит для выполнения одной из важнейших функций современной печатной прессы – вовлечение читателя в «общественно-политическую полемику». Неологизм становится «ядром» статьи, подчиняющим себе все окружающее пространство, «диктует идею» статьи. Таким образом, характер проблемной статьи становится все более и более острым, тем самым, привлекая внимание большого круга читателей.

Список литературы

1. Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы [Текст] / В. С. Виноградов. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.
2. Сергеева, А. Б. Структурные особенности текста при вводе в речь неологизма [Текст] / А.Б. Сергеева // Текст 2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы. Материалы всерос. научн. конф. 24-27 апреля 2001. Часть 1. – Ижевск, 2001. – 179 с.
3. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

Сокращения: NO – Le Nouvel Observateur

Е.А. Скородумова
Челябинск, Россия

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА-РЕАКЦИИ

Риторические вопросы – это вопросительно оформленные высказывания, лишенные коммуникативного признака запроса информации и выполняющие основную речевую функцию какого-либо сообщения логико-интеллектуального характера. Задавая риторический вопрос, говорящий не ожидает ответа от слушающего (заранее зная ответ или будучи уверенным в том, что ответа, по крайней мере на данный момент, дать нельзя).

Риторические вопросы зачастую употребляются в качестве ответной реплики. Специальный анализ свидетельствует о широком многообразии конструктивных разновидностей риторического вопроса-реакции (РВР).

Риторические вопросы являются одним из самых распространенных способов эмоционального реагирования на содержание инициирующей реплики диалога. Они тесно соотнесены с формой и смыслом предшествующей реплики, заимствуют у нее часть словесного материала и являются ответом на запрашиваемое. Содержание ответной реплики определяется двумя основными факторами – лингвистической формой и ее характеристиками относительно формы первой части ДЕ, следовательно, для описания прагматики и семантики ответной реплики необходимо принимать во внимание структурно-семантические особенности инициирующей реплики ДЕ.

Специальный анализ свидетельствует о широком многообразии конструктивных разновидностей риторического вопроса-реакции (РВР), используемых в английских художественных текстах. Приведем примеры использования различных конструктивных видов РВР.

РВР в форме общего (неместоименного) вопроса –

“When am I going to see you again?”

“Do you want to see me again?” (W. S. Maugham, Theatre)

Встречаются также общие вопросы с отрицанием:

“Why d’you suppose they do it?”

“Don’t you know?” (W. S. Maugham, The Razor’s edge)

РВР в форме специального (местоименного) вопроса –

“You think I’m just imagination? Just imagination?”

“What else can you be?” (H. G. Wells, The Invisible Man)

РВР в форме дизъюнктивного вопроса (с присоединенной вопросительной частью) –

“And you really think that was love?”

“Well, it’s what most people mean by it, isn’t it?” (W. S. Maugham, Theatre)

РВР в форме вопроса с прямым порядком слов (декларативного вопроса)

“What do you suggest?”

“You’re quite sure there’s no chance of either of the pilots recovering in time?”

(J. Castle A. Hailey, Flight into Danger)

РВР в форме альтернативного вопроса –

Mangan: I look like the fellow that was too clever for all the others, don't I? If that isn't a triumph of practical business, what is?

Hector: Is this England, or is it a madhouse? (B. Shaw, Four plays)

Сам по себе вопрос не является в строгом смысле сообщением, он является таковым только вкупе с данным на него ответом. Ответ, который следует непосредственно за вопросом, ассоциируется с импликатурой, которую из собственно риторических вопросов слушатель выводит самостоятельно, и таким образом суждение, навязываемое извне, воспринимается как собственное.

К.А. Слуцкая
Нижневартовск, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ШРИФТА В КОНКРЕТНОЙ ПОЭЗИИ

В последнее время изучению и анализу невербальных средств коммуникации уделяется огромное внимание в разных областях знаний, в том числе и в лингвистике. Современного поэта не может не волновать то, как его творение выглядит на бумаге. В результате стремительного развития компьютерных технологий, стало несложно изменять длину строки, расстояние между строфами, а также размер и, что не мало важно, цвет шрифта. Интересно наблюдать за тем, как все эти метаморфозы изменяют смысл самого произведения.

Стихи, в которых графический рисунок строк или выделенных в строках букв складывается в изображение какой-либо фигуры или предмета называют фигурными, визуальными или конкретными.

Шрифт, так же как и цвет, представляет собой один из основных элементов композиционной структуры произведения конкретной поэзии, совмещая в себе вербальную и невербальную части стихотворения. С этой точки зрения интересно рассмотреть художественные возможности, которыми обладает шрифт.

«Словарь иностранных слов и выражений» определяет шрифт [нем. Schrift] как: 1) рисунок, начертание букв; 2) типографский материал в виде литер, воспроизводящих какой-либо алфавит, а так же цифры и знаки, применяемые для набора текста в печати; 3) в настоящее время – совокупность символов какого-либо текстового набора. [4] Как видно из определения, шрифт служит для фиксации заданного текста. Бесспорно, основное назначение любой надписи – передать людям информацию, однако на нас воздействует не только то, *что* написано, но и то, *как* это написано (цвет, размер, особенности каллиграфии и пр.) В зависимости от начертания букв одно и то же слово

может производить разное впечатление на читателя: буквы могут быть выстроены в ряд, идти под углом, стоять плотно друг к другу или наоборот – растянуться. В наше время развивающихся компьютерных технологий такие метаморфозы скорее правило, нежели исключение.

Говоря о шрифте, как о графическом стилистическом приеме, хочется отметить использование заглавных букв в именах нарицательных для обращения или олицетворения, что придает тексту торжественную окраску. Порой, целые слова и даже фразы могут быть набраны большими буквами, что заставляет их «громко» звучать. Другим важным средством логического и смыслового выделения слов в тексте является курсив, которым обозначается все, что требует особого внимания со стороны читателя или является «инородным» по отношению к данному тексту.

Таким образом, сегодняшний поэт должен не просто удержать в памяти все вышеперечисленное, работая с материалом стихотворения, но и удачно сочетать свои знания с воплощением их в визуальный образ. В этом смысле поэта-конкретиста можно сравнить с дизайнером, поскольку в нашем мире рекламы, где творчество граничит с ожесточенной борьбой за место под солнцем, основная задача дизайнера так организовать форму, размер и стиль букв в тексте рекламы, чтобы привлечь внимание потенциальных клиентов. Однако, работа поэта намного деликатнее и значимее, так как он должен проявить больше внимания и такта, вырабатывая стратегию типографического стиля. В его работе форма, размеры и количество букв и слов могут либо стать физически ощутимой частью стихотворения, либо привнести нотки резонанса в произведение, а значит и в человеческие души.

Выразительные возможности шрифта усиливаются за счет добавления цвета. Стандартный вариант написания: черными буквами на белом фоне. Однако если это же самое произведение изобразить красными буквами, к примеру, на черном фоне – очевидной станет смысловая нагрузка, спрятанная в цвете.

Е.Е. Анисимова выделяет семь основных функций шрифта в политических плакатах [1] (на наш взгляд, креолизованные тексты, к коим относятся плакаты, могут включать в себя и конкретную поэзию, поскольку основной идеей создания и тех и других является донесение информации до читателя в форме нестандартной визуализации сообщения, с той лишь разницей, что плакаты носят больше политический или рекламный характер, а стихотворения – лирический и философский):

1) **Аттрактивная** функция привлекает внимание читателя, обеспечивает удобство или дискомфорт при чтении (в зависимости от цели написанного произведении), задает ритм.

2) **Смысловыделительная** функция позволяет обратить внимание читателя на наиболее значимые объекты в произведении, несущие большую смысловую нагрузку. Это достигается через изменение гарнитур и кегля шрифта.

3) **Экспрессивная** функция определяется характером, замыслом и творческой манерой автора. Староанглийский стиль написания слов (Old English Text) уносит читателя на несколько эпох назад, а рукописный шрифт (*Kunstler Script*) подчеркивает «интимность» сообщения. Такая информация предназначена лично каждому и создает атмосферу доверия и эмоциональной нагрузки.

4) **Характерологическая** функция позволяет читателю вызвать ассоциации, связанные с эпохой, нацией или средой создания произведения. Так, например, имитация почерка известных деятелей культуры, науки и искусства может привнести дополнительный смысл в произведение.

5) **Символическая** функция тесно связана с предыдущей, однако здесь читатель ассоциирует шрифт с неким абстрактным понятием: радость, легкость, скорбь, тоска и пр.

6) **Сатирическая** функция – способность шрифта участвовать (вместе с другими средствами) в создании иронического, комического, юмористического эффектов. Так, к примеру, очень часто используется «витееватый» шрифт для шуточных стихотворений.

7) **Эстетическая** функция шрифта это то, как он воздействует на эстетические чувства читателя, его художественная выразительность и образность.

Все эти функции, на наш взгляд, реализовались в произведении конкретной поэзии Майкла Гарофало “Ugh”.

В данном примере на первый план выходит слово, которое не может не привлечь внимание из-за удачного сочетания его значения и точно подобранного шрифта для усиления этого значения. Словарь дает следующее определение междометию *ugh*: “sound…made to indicate disgust or horror” [Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English 1995:1290]. (Звук…издаваемый для выражения отвращения или ужаса). И на самом деле, какие еще чувства могут возникнуть у читателя при взгляде на эти три жирные буквы, расползшиеся по бумаге и стекающие черными грязными пятнами отвращения? Интересно, что образность на этом не заканчивается: слова, представленные в верхней части стихотворения (crime, sadism, murder, rape, disaster, genocide, invasion, etc) несут явное негативное значение, которое подчеркивается и усиливается их цветовым решением и размером, формой шрифта: красные оттенки цвета боли и крови, сочетаясь с наклонным написанием и разнообразием шрифтов, выдают

нестабильность и обреченность ситуации, хаос и смятение не только в душе у читателя, но и в мировом масштабе.

Если даже не знать значений слов, а просто взглянуть на стихотворение, представляется картина из фильмов ужасов. Данная идея поддерживается не только доминирующим в стихотворении красным цветом, но и вертикальным написанием слов в нижней его части. На этом этапе стихотворения читатель чувствует обреченность, смешанную с леденящим сознание ужасом последствий, которые перечислены в форме относительно одинаковых «кровавых» струек – слов, написанных одним шрифтом, только разным размером: что-то ранит глубже, что-то - меньше.

Безусловно, это одно из самых ярких произведений, где роль шрифта, его расположение в пространстве в удачном сочетании с цветовым решением произведения, не просто дополняет, но становится физически ощутимой частью стихотворения, которое, будучи написано в обычном стиле, на белом листе черными чернилами, потеряло бы свою ценность и экспрессивность – то самое, что выделяет конкретную поэзию из других литературных жанров.

Список литературы

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)[Текст]: учебное пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов.- М.:Издательский центр «Академия», 2003.-128с.

2. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык [Текст]: Учебник для вузов.-4-е изд., испр. и доп. - М.: Флинта: Наука, 2002.- 384 с.

3. Тоотс, Виллу. Современный шрифт [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://www.rosdesign.com/design/fontofdesign.htm

4. Словарь иностранных слов и выражений/ Авт.-сост. Е.С. Зенович. – М.: Олимп: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000.-784 с.

5. Garofalo, Michael P. Concrete Poems, Visual Poetry.[Электронный ресурс]// Режим доступа: www.gardendigest.com/concrete/concr1.htm

6. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English/ Editor Jonathan Crowther. Oxford University Press, 1995.-1428 с.

Г.М. Соколова
Армавир, Россия

ПРАГМАТИКА ЭМОТИВНОСТИ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

При реализации основной функции языка – быть средством общения, обмена мыслями между людьми – вся совокупность языковых единиц, разноуровневых средств и возможностей выражения мыслей и эмоций поступает в распоряжение участников общения и используется ими в зависимости от содержания высказываний, от целей коммуникации, сопровождающих ее чувств и условий. Языковые средства используются, как правило, не нейтрально, а целесообразно интенциональной установке говорящего. Высказывания строятся таким образом, чтобы наиболее четко акцентировать внимание слушающего или читающего на том главном и на тех деталях, которые отправитель речи считает существенными, способными определенным образом воздействовать на адресата. Способность текста оказать на рецептора воздействие, затронуть его чувства, вызвать определенную эмоциональную реакцию, побудить к каким-то действиям, вызывать у него прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществить прагматическое воздействие на получателя информации, принято называть прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом текста [Комиссаров 1990: 209].

В коммуникативно-прагматических исследованиях прослеживается тенденция трактовать вербальное выражение эмоций, т.е. эмотивность, как коммуникативную интенцию высказывания. «Адресант всегда отягощает свое творение личностным интересом, своей эмоциональной позицией, своей субъективной картиной мира, по собственному вектору переструктурирующей семантику лексических, грамматических и стилистических решений, упаковывающих осмысление коммуникативных ситуаций» [Шаховский 2004: 154]. Именно преднамеренность, произвольность употребления языковых средств, способных выражать эмоции, позволяет рассматривать эмотивность как интенцию высказывания. По мнению В.И. Болотова, всякое нарушение норм в тексте (языковых и содержательных) может стать источником эмоционального воздействия текста [Болотов 1981: 19].

Языковые и речевые средства, функция которых заключается в отражении и трансляции эмоций говорящего, определяют в лингвистике как эмотивные смыслы. В художественном тексте сосуществуют различные эмотивные смыслы в их разнообразных взаимодействиях, что порождает богатство эмотивного содержания текста, его эмоциональное многоголосие, полифонизм эмоциональных тонов, отражающих сложную палитру чувств, создаваемую автором. Совокупность всех

эмотивных смыслов принято определять как эмоциональную тональность произведения. Структурация эмотивных смыслов в тексте и выделение среди них доминанты опосредованы авторской интенцией. Эмоционально-смысловая доминанта задает общую эмоциональную тональность текста, которая по своему генезису интенциональна. По мнению М.Ю. Олешкова, содержание эмоциональной тональности основано на эмоциональной оценке компонентов коммуникативного акта и состоит в выражении эмоционального отношения к ним. «Выбранное» говорящим языковое средство, выражающее его эмоциональное состояние, и адекватные реакции адресата является экспрессивным средством коммуникации, так как выполняют функцию активизации адресата при передаче ему установок и оценок говорящего. Эмоциональная тональность является действенным механизмом воздействия на эмоциональную сферу адресата с целью изменения его эмоционального состояния [Олешков 2006: 67].

По наблюдениям ученых, эмоциональная тональность текста формируется всей совокупностью эмотивных смыслов, присутствующих в тексте, поэтому она зависит от всего содержания текста в целом и, прежде всего, от его эмотивного содержания, которое может быть эксплицировано в тексте по-разному: эмоции могут описываться и выражаться. Констатация эмоционального отношения и экспрессивное выражение эмоций – это два различных способа осуществления эмотивной интенции, при реализации которой используются и различные языковые средства. Констатация эмоций предполагает употребление лексических средств, обозначающих эмоции, а для экспрессивного способа выражения эмоций служат специализированные синтаксические конструкции и другие грамматические средства. В качестве иллюстрации сравним конструкции из нашей картотеки, демонстрирующие пропозициональный и экспрессивный способы выражения нервного напряжения:

1. *Ich bin nervös, unruhig, gequält von unangenehmem Vorgefühl, denn ich weiß niemanden auf der Welt, der aus Freundschaft zu mir käme [Zweig 2001: 103]. - Я нервничаю, чувствую беспокойство, меня мучит дурное предчувствие, так как я не знаю никого на свете, кто по дружбе пришел бы ко мне [Цвейг 1994: 351].*

2. *Ja also… warten Sie… ja also, das war so. Ich sitze da droben in meinem verfluchten Nest, sitze wie die Spinne im Netz, regungslos seit Monaten schon [Zweig 2001: 103]. - Да, так вот… постойте… да, вот как это было. Сижу я там, в своей проклятой дыре, сижу неподвижно, как паук в паутине, уже целые месяцы [Цвейг 1994: 350].*

В первом контексте коммуникант пропозиционально описывает свое эмоциональное состояние, используя лексику, обозначающую конкретные эмоции: *nervös - нервный, unruhig - беспокойный, gequält von unangenehmem Vorgefühl –*

терзаемый неприятным предчувствием. Во втором фрагменте экспрессивность высказывания выражается рядом стилистических приемов: обрыв фразы, повтор, парантетическое внесение. Коммуникант из-за волнения не может закончить свою мысль, запинается (что выражено и графически), дважды начинает высказывание.

А.П. Певзнер, ссылаясь на З.Я.Тураеву, отмечает, что каждый текст обязательно обладает поверхностным и глубинным уровнем [Певзнер 2006: 182]. Глубинная структура – это идейно-тематическое содержание текста, это авторские интенции. Поверхностная структура – это лингвистическая форма, в которую облечена глубинная структура. Подчеркнем, что эмотивность как категория текста присуща всем его уровням. На поверхностном уровне эмоции могут транслироваться посредством эмотивной лексики, эмотивного синтаксиса, эмотивной просодики. Примером имплицитного выражения эмоций может служить подтекст, являющийся еще одним способом выражения коммуникативной интенции. В.Е. Хализев определяет подтекст как скрытый смысл высказывания, вытекающий из соотношения словесных значений с контекстом и особенно – речевой ситуацией [цит. по: Певзнер 2006: 182]. Ряд лингвистов относят подтекст к прагматической структуре текста, подтверждением чего можно считать наблюдение, что основным маркером подтекста является нарушение стандартного функционирования языковых единиц.

Мы также склонны рассматривать отклонение от норм речи как обусловленное авторской интенцией, направленной на реализацию прагматических целей, и, соответственно, относим подтекст к прагматической структуре текста, причем наличие подтекста содержит дополнительную эмоциональную информацию, репрезентируемую автором, поэтому подтекст также является способом эмоционального воздействия. Например, о наличии подтекста в новелле С. Цвейга «Письмо незнакомки» свидетельствует набор стилистических средств, которыми автор выражает свое отношение к описываемому событию. Так, многократный дистантный повтор высказывания *Du erkanntest mich nicht* и семантически контрастные ему высказывания (напр.: *Ich war immer um dich, immer in Spannung und Bewegung. Ich kannte jede deiner Gewohnheiten, jede deiner Krawatten, jeden deiner Anzüge… [Zweig 2001: 160*]), содержат в себе указание на негативное отношение автора к объекту речи, хотя в новелле прямые авторские оценки героев отсутствуют.

Таким образом, каждое высказывание имеет коммуникативную направленность и адресованность. Основная цель высказывания – воздействие на адресата, которая определяет выбор средств – лексических и грамматических, адекватных коммуникативной интенции высказывания. Наличие эмотивных конструкций в тексте

делает его эмоционально насыщенным, что позволяет более ярко, образно воспринимать повествование. Воздействуя через эмотивные конструкции на эмоциональную сферу реципиента, автор заставляет его волноваться и переживать, а это является показателем успешности контакта адресата и адресанта.

Список литературы

1. Болотов, В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности [Текст] / В.И. Болотов. – Ташкент: Фан, 1981 – 116с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Олешков, М.Ю. Эмотивность как психолингвистическая категория [Текст] / М.Ю. Олешков // Личность, речь и юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. – Ростов н/Д., 2006. – С. 65-69.
4. Певзнер, А.П. Подтекст как составная часть художественного дискурса [Текст] / А.П. Певзнер // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: Материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2006. – С. 181-185.
5. Шаховский, В.И. Проблема эмотивного текста [Текст] / В.И. Шаховский // Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 33-69.
6. Шаховский, В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации [Текст] / В.И. Шаховский // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сборник научных трудов / ВГПУ. – Волгоград: Издательство ЦОП «Центр», 2004. – С. 147-168.
7. Цвейг, С. Избранные произведения в 2-х томах [Текст] / С. Цвейг. – Т. 1. – М., 1957. – 559 с.
8. Zweig, S. Novellen [Text] / S. Zweig. – Ростов н/Д., 2001. – 320 s.

Н.В. Стренева
Оренбург, Россия

К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАФФИТИ

В последнее время появляется все больше работ, посвященных изучению различных сторон «живой» коммуникации, в частности, описанию разговорной речи (Л.В. Щерба, Г.О.Винокур, Е.А. Земская, О.Б. Сиротинина, и мн. др.). Объектом рассмотрения данной работы являются тексты граффити, которые, несмотря на большую распространенность, входят в область малоизученных явлений. Подобные проявления языкового сознания считаются «отрицательным языковым материалом» [Щерба 1974: 24]. Хотя, как показывает анализ публикаций, в последнее время ученые уделяют изучению подобного материала все больше внимания. Б.Н. Норманн, отмечая, что «не стоит отворачиваться от подобных фактов, не закрывать на них глаза, не считать их «низкими» или недостойными внимания – все они, вплоть до самого пустякового слова-паразита, суть проявления человеческого духа», предметом своего изучения видит

«лингвистику каждого дня». Его интересует «речевая среда обитания, а также то, как человек ее воспринимает и – для себя – организует» [Норманн 1991: 36-37]. Граффити, как отрицательный языковой материал, одновременно является важным элементом «языковой среды» студента.

Данная работа рассматривает некоторые аспекты пространственной организации граффити. Мы исследовали граффити с точки зрения их пространственного расположения на объекте написания – парте. Общеизвестно, что парты в учебных аудиториях не являются «чистым листом». Они – скопление разнообразных записок, заметок, стихов и т.д.

А.Я. Бродецкий считает, что человек существует в двух пространствах: физическом и психологическом. «Пространство физическое – безграничное реальное пространство, где человек существует как физическое тело. Пространство же психологическое – это пространство, в котором проходит та или иная деятельность человека, ограниченное пределами этой деятельности» [Бродецкий 2000: 169]. Таким образом, молодой человек создает свой текст именно в психологическом пространстве, ограничивая свою деятельность пределами парты или стены. А.Я. Бродецкий выделяет «элементарную частицу» психологического пространства, называя ее «топономой». «Топонома – это не просто то или иное место в пространстве, а комплекс стереотипных ассоциаций, связанных у человека с такими понятиями как верх, низ, фронт, тыл, право, лево и центр-Я и областями пространства, заключенными в пределах этих ассоциативных координат» [Бродецкий 2000: 169]. Таким образом, любой объект, в нашем случае текст, может быть скоординирован по трем осям психологического пространства.

Глядя на парту, студент выбирает, в какое конкретное место поместить свое изречение или рисунок (креолизованный текст). Молодой человек не случайно выбирает место написания «своего» текста. Согласно А.Я. Бродецкому, «заполнение пространства происходит согласно мизансценической сетке. … Знаковая система любой формы визуального общения между людьми, в быту, на сцене, в живописи, в кино и т.д. – основана на одной и той же знаковой системе, на одной и той же топономике» [Бродецкий 2000: 150]. Автор называет сетку «психологически оправданной разметкой» [Бродецкий 2000: 150] и приходит к выводу об ее оптимальности. Данную сетку представляется возможным наложить на любую ограниченную в пространстве поверхность, независимо от ее размеров. Мизансценическая сетка включает в себя: а) главные топономы (точки 1,3,5,7,9,11, а также 0), б) дополнительные топономы (точки 2,4,6,8,10,12 и две производные 0 (смещенные левый и правый центры)), в)

акцентирующие топономы (точки со знаком *). Данные точки явились центрами секторов, на которые мы условно разбили всю сетку. Мы также добавили 4 угловых сектора (2**, 4**, 8**, 10**) так как в нашей выборке встретились тексты, написанные в данных областях пространства (рис. 1).

Попытка наложить мизансценическую секту на «не театральную поверхность» – парту, с нашей точки зрения, может быть оправдана следующими положениями: а) для студента парта – это своего рода сцена, где он выражает свои эмоции и чувства; б) он пишет на парте не только и не столько для себя – ему нужен зритель/читатель.

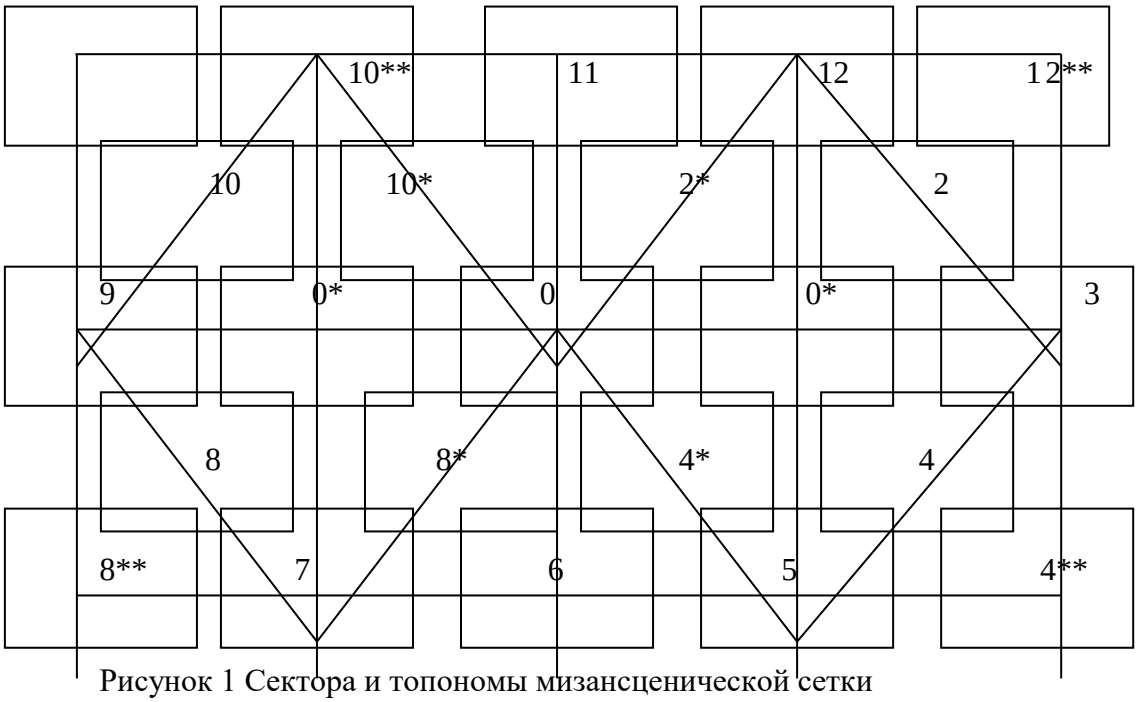

Рисунок 1 Сектора и топономы мизансценической сетки

Мы сделали фотоснимки и исследовали 34 поверхности (парты), на которых было написано 496 текстов. Таким образом, средняя графическая плотность составляет около 14,4 текстов на поверхности. Необходимо отметить, что мы старались делать фотоснимки парт с возможно большим количество текстов. Наложив мизансценическую сетку на фотографию парты, мы получили упорядоченный обзор скопления текстов в определенных местах поверхности, назовем их точками приложения активности субъекта. Естественно, количество текстов в любой точке – различно, как и число текстов на поверхности.

На данном этапе возникает вопрос о месте наблюдения и наблюдаемом пространстве. Поскольку парта рассчитана на два человека, следует ли рассматривать ее как психологическое пространство одного человека? Вероятно, нет. Ведь, сидя за партой, студенты, как правило, разграничивают свои психологические пространства.

Таким образом, мы наложили мизансценическую сетку на фото условной половины парты.

Графическая плотность текстов в секторах главных топоном (точки 1,3,5,7,9,11, а также 0) оказалась самой насыщенной. Так, если средняя графическая плотность составляет 14,4 текстов, то в любом секторе данного ряда количество текстов значительно больше.

Центральное пространство изученных объектов (сектор 0) является наиболее заполненным. Каждый автор, считая свое «произведение» более важным, стремится расположить его как можно ближе к центру своего психологического пространства. Так, количество текстов в данном секторе более чем в 3 раза превышает среднюю графическую плотность. Центральная топонома, как наиболее значимая, соответствует понятию "красный угол". Поскольку цель создания каждого текста – передача информации, его просто необходимо расположить так, чтобы содержание дошло до читателя. Поскольку «исходная точка отсчета находится у кончика носа» [Бродецкий 2000: 169], отсюда, вероятно, закономерность расклеивать различного рода объявления на уровне носа стоящего человека среднего роста.

Достаточно заполненными являются смещенные левый и правый центры сетки. Здесь количество текстов в 2 раза превышает среднюю графическую плотность. Дополнительные сектора – топономы (точки 2,4,6,8,10,12) заполнены меньше, хотя в большинстве секторов количество текстов больше, чем средний показатель. Исключение составляет сектор 12, где отмечено достаточно большое количество текстов.

Количество текстов в секторах акцентирующих топоном (точки со знаком *) не превышает среднюю графическую плотность. То же следует сказать и о четырех угловых секторах (2**, 4**, 8**, 10**). В нашей выборке встретился лишь один текст, написанный прямо на углу. Что, вероятно, объясняется бытующим мнением о скоплении отрицательной энергии на углах. («Не садись на угол за столом», балующихся детей ставят в угол, чтобы создать им дискомфорт и успокоить и т.д.) Даже если текст располагается в непосредственной близости от окончания парты, на плоскости он расположен поперек как бы скрывая этот угол, снимая его остроту. Эти тексты больше тяготеют к секторам 2,4,8 и 10, поэтому мы добавили две звездочки, не меняя цифровой индекс. Особо следует сказать о пространстве нижнего левого угла. Расположенный в левом нижнем углу пространства объект будет иметь стереотипное значение левого нижнего угла или значение тех, общих для всех людей ассоциаций и переживаний, связанных с понятием «левый нижний угол». Но, не смотря на то, что это место

считается самым «неблагополучным», мы зафиксировали наличие одного «произведения» в данной области пространства.

Таким образом, расположение текста тесно связано с психической деятельностью и результатом высказывания является выбор вектора направления психической устремленности. То есть автор текста сам выбирает что писать и самое главное – какую часть пространства заполнить. Чем дальше удаленность от центра, тем меньше графическая плотность текстов.

Если парта чиста – перед автором масса свободного пространства. Но, как правило, свободного места просто нет, и создатель текста «вынужден» поместить свой «шедевр» либо на оставшееся свободное пространство, либо «наложить» результат своей деятельности «поверх» уже существующих текстов. Такое «наложение» довольно часто можно наблюдать на досках объявлений, где, не смотря на наличие свободного места, одно объявление наклеивают на другое.

Список литературы

1. Бродецкий, А.Я. Внеречевое общение в жизни и в искусстве: Азбука молчания [Текст] : учеб. пособие для творческих учеб. заведений, фак. педагогики и психологии / А.Я. Бродецкий. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 192 с.
2. Норманн, Б.Ю. Лингвистика каждого дня [Текст] / Б.Ю. Норманн. – Мн.: Выш. шк., 1991. – 303 с.
3. Щерба, Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. − Л.: Наука, 1974. − С. 24 − 39.

С.М. Струкава
Гомель, Беларусь

СЕМАНТЫЧНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА КАМПАЗІТАЎ З ФАРМАНТАМ *КОЛЬВЕК*-: ДЫЯХРАНІЧНЫ АСПЕКТ

У мове сучасных беларускіх перыядычных выданняў пад уплывам рэфарматарскіх ідэй, арыентаваных на выкарыстанне адметных лексічных сродкаў, можна сустрэць кампазіты з фармантам *-кольвек*, напр.: “*Хочацца спадзявацца, што рэцэнзаваная кніга прымусіць каго-кольвек задумацца над тым, хто мы, адкуль мы, што прынеслі ў гэты свет*” [Паўлавец 1999: 106]. Формы такога тыпу вядомы некаторым беларускім гаворкам: *які-кольве* ‘які-небудзь’ (Лоеўскі р-н), *штокольвек* ‘што-небудзь’ (Ігналінскі, Смаргонскі р-ны) [Слоўнік беларускіх гаворак 1986: 501]. Гісторыя ўзнікнення такіх кампазітаў звязана са старажытнай лексемай *кольвекъ*, якая ў спалучэнні з прэпазіцыйнымі займеннікамі і прыслоўямі ўтварала адну сэнсавую адзінку, вызначэнне семантыкі якой патрабуе апеляцыі да кантэкставых яе ўжыванняў у

пісьмовых помніках пісьменнасці (старажытнарускіх і старабеларскіх). У “Жалованнай грамоте великого князя Александра Витовта Литовскимъ Евреямъ”, датуемай 1388 годам, лексема *колвекъ* зафіксавана І.Сразнеўскім у складзе бівербальных выразаў: ***которыи колвекъ*** ‘хто-небудзь’ (*И тежъ могъ бы Жидъ взяти именемъ заставы, всякіе речи, которые бы были ему заставлены, которымъ колвекъ именемъ были вымовени* ***гдh колвекъ*** ‘дзе-небудзь’: *Тежъ естли бы Жидове гдh собh выбрали у школh, гдh колвекъ, тамъ маютъ сужоны быти* [Срезневский 1989, I: 1259].

Неазначальныя займеннікі, утвораныя з дапамогай фарманта *-кольве* (*-кольвек*) даволі шырока прадстаўлены ў старабеларускіх пісьмовых помніках дзелавога і юрыдычнага пісьма XV-XVI ст.: *коли бы хто якого ж кольвекъ стану был найденъ явне подойзъраный* [Статут 1588, I: 4], *маеть ся перво на которомъ колвекъ вряде близшомъ в томъ гоненью оповедати* [Статут 1588, I: 7]; *коли-колвекъ подскарбій земскій nhнези выбиралъ, тогды завжды ее неровно болшъ прихоживало* [Гістарычны слоўнік 1996: 207]; *и тэж коли бы хто, обмовляючи, кого-колве винил ку соромоте або ку страченю головы, а шло бы о горло або о имене, або о которое-колве каране* [Статут 1529: 32]; *и инших которых-колве накладов на себе не принял в тот час, коли тое дедицство записал* [Статут 1529: 110]; *..иж волно будеть всякому дедичу, отложивши перед правом пенязи, а заставленых держаней дедицства своего допустити.. так за правом своим прирожоным, так тэж яко-колве инак набытым* [Статут 1529: 111].

Варыянты значэння, звязаныя з умовамі выкарыстання неазначальных займенніка ў на *-кольве* (*-кольвекъ*), спосабы прадстаўлення актанта сітуацыі, выражанага дадзенымі займеннікамі, апісаны даследчыцай Ж.І.Яромай [Ерома 2005] на аснове аналізу юрыдычных помнікаў старабеларускай пісьменнасці (Статут 1529 г., Статут 1588 г.). Згодна з яе назіраннямі неазначальныя займеннікі на *-кольве* (*-кольвекъ*) ужываліся ў сферы адрасата і прадмета нормы ў кантэксце ўмоўных сказаў з указаннем акалічнасцей, якія маглі прыводзіць да юрыдычнай адказнасці. У сферы адрасата нормы займеннік *-кольве* не дае поўнай дэскрыпцыі, ён указвае на актанта сітуацыі як індывіда ў спалучэнні з займеннікам-прэпазітам *хто*, напрыклад: *а хто бы колве з них оный лист отвороныи, прочотчи, в себе заховал…, тогды таковыи впадаеть у вину господарскую* [Статут 1529: 34]. Варыянт значэння неазначальнага займенніка тут можа быць вызначаны як ‘кожны з людзей’, паколькі юрыдычная норма права, у якой прадстаўлена пэўная праблема, была абавязковай для кожнага жыхара Вялікага княства Літоўскага.

У кантэксце прадмета нормы ў выказваннях, суаднесеных з планам будучага, неазначальны займеннік на *-кольве* (*-кольвек*) у спалучэнні з займеннікам-прэпазітам, набываў значэнне ‘усё роўна што (хто, які, чый, як і г.д.)’: *што бы колве после положеня*

позву из оного именя взял [Статут 1529: 112]. Тут юрыдычная норма ўказвае на дзеянне закону незалежна ад каштоўнасці прадмета, які быў узяты з маёмасці пад заклад.

Ва ўмоўных сказах, дзе рэалізуецца гіпотэза рэгуліруючых норм, неазначальныя займеннікі могуць мець значэнне ‘чыйсьці (якісьці, дзесьці)’: *естли бы хто хотел кому записати которым спадком, .. веновное або материстое, або которая- колвекъ близкость* [Статут 1529: 65].

Сустракаюцца выпадкі ўжывання неазначальнага займенніка ў кантэксце сітуацыі-альтэрнатывы са значэннем ‘адзін з двух’: *мети мають по которою ко^{л}ве датою латы^{и}скою або рискою даны во^{л}носи*. У дадзеным фрагменце, як зазначае Ж.І.Ярома, “існуюць дзве альтэрнатывы, адна з якіх у будучым запоўніць актантавую пазіцыю (руская або лацінская дата), г. зн. дадзенае значэнне мае ў аснове прымету дыз’юнктыўнасці (альтэрнатыўнасці) і прымету актантавай пазіцыі, паколькі ў фокусе паведамлення знаходзіцца будучая запоўненасць або магчымасць запаўнення актантавай пазіцыі” [Ерома 2005: 253].

Увогуле, значэнне займенніка-кампазіта абумоўлена значэннем першай яго часткі, якую ў старабеларускіх тэктах маглі прадстаўляць займеннікавыя словы *который-* (*котрый-*), *каковый-*, *какий-*, *хто-* (*кто*): *которыйкольвекъ* (*которыйколвекъ*) ‘які-небудзь, хто-небудзь’, ‘дакладна не вызначаны (неазначальны са словамі *день*, *година*), *котрыйколвекъ* ‘які-небудзь’, *каковыйкольвекъ* ‘любы, які б то ні было’, *какийкольве* ‘усякі’, *ктокольвекъ* (*хтокольве*, *ктокольве*) ‘хто-небудзь’.

Даволі часта ў помніках дзелавога пісьма фармант *-кольве* (*-кольвек*) ужываўся з прэпазітам *коли* і меў, на нашу думку, не толькі значэнне ‘калі-небудзь’, але і значэнне акалічнасці часу ‘калісьці’: *працовистые а накладные стараня в тых всихъ справахъ, которые его милости коли колвекъ отъ насъ злецоны были; колижъ колвекъ ку пожитку своему взялъ, тотъ, будучи о томъ позванъ до права* [Гістарычны слоўнік 1996: 207]), хаця "Гістарычны слоўнік беларускай мовы" падае кампазіты *коликолвекъ коликолве, коликолвекъ* з адным значэннем – ‘калі-небудзь’, а вось кампазіты *колкоколвекъ* і *колиськольвекъ* тут двузначныя і маюць адпаведныя значэнні: ‘колькі-небудзь’, ‘некалі, калі-небудзь’ [Гістарычны слоўнік 1996: 207].

На базе фарманта *-кольвек* утворана складанае прыслоўе *однокольвекъ* (*одноколвекъ)* ‘толькі’: *Уставуем и даемъ моц… судити и справовати всихъ становъ, почавшы ѡт вышшого, ажъ до низшого ѡднако и ѡдноста^{s}не, хто ѡнокольвекъ в томъ повете имень# свои мети бUдуть* [Гістарычны слоўнік 2003: 47].

Постпазіцыйнае *-кольвекъ* А.Булыка расцэньвае як неазначальную часціцу, якая прыдавала адпаведным словам значэнне неакрэсленасці ці абсалютнасці. Значэнні

кампазітаў з гэтай часткай ён вызначае наступныя: *ачкольвекъ* ‘хоць; нягледзячы на тое, што’, *гдекольвекъ* (*кгдекольвекъ, гдыкольвекъ* і інш) ‘дзе-небудзь’, *которыйкольвекъ* ‘які-небудзь’, *ништокольвекъ* ‘нішто’, *хтокольвекъ* ‘хто-небудзь’, *штокольвекъ* ‘што-небудзь’, *якийкольвекъ* ‘які-небудзь’, *якокольвекъ* ‘як-небудзь’ [Булыка 1973: 31-32]. У старабеларускіх тэкстах знаходзяць адлюстраванне і кампазіты *откулькольвекъ* (*одкулькольвекъ*, *откольковольвекъ*), *кудовакольвекъ, кудыкольвекъ* з адпаведнымі значэннямі: ‘адкуль-небудзь’, ‘куды-небудзь’.

Фармант *-кольве* (*-кольвек*) быў успадкаваны старабеларускай мовай са старажытнарускага перыяду і замацаваўся ў ёй пад уплывам польскай мовы, у якой ён з’яўляецца літаратурнай нормай да апошняга часу (польск. *-kolwiek*).

Неазначальныя займеннікі і прыслоўі з фармантам *-кольвекъ* (*-гдекольвекъ, хтокольвекъ, якійкольвекъ*) адносяцца да групы лексем з непрадуктыўнымі афіксамі, якім у сучаснай беларускай літаратурнай мове няма эквівалентаў, здольных у поўнай ступені перадаць сэнс слова і яго вобразна-стылёвую афарбоўку. У сучаснай беларускай літаратурнай мове і дыялектах, як лічаць некаторыя даследчыкі, “функцыю афікса *-кольве* (*-кольвек*) выконвае постфікс *-небудзь*” [Сучасная беларуская літаратурная мова 1997: 87-88]. З гэтым меркаваннем можна пагадзіцца толькі часткова, паколькі вышэйназваныя займеннікі – жывая з’ява сучасных беларускіх гаворак, прынамсі, паўночна-заходніх гаворак Беларусі і яе пагранічча, у якіх яны трывала замацаваліся, відавочна, пад польскім уплывам, напр.: *штокольвек* ‘што-небудзь’ (Ігналінскі, Смаргонскі р-ны). Дадзены займеннік у гэтых жа гаворках зазнаў фанетычнае відазмяненне: *штоколік*, *штоколек*.

У беларускіх гаворках ужываюцца і формы з мадыфікаваным фармантам *кольвек* тыпу *дзекольвечы*, *штокольвечы, што-кольвечы* ‘што-небудзь’ (Ваўкавыскі р-н) [Сцяшковіч 1972: 564], якія ўзыходзяць да даўняй традыцыі ўжывання форм *гдекольвекъ*, *штокольвекъ*.

Спіс літаратуры

1. Булыка, А. Лексічныя запазычанні ў беларускім дзелавым помніку сярэдзіны XVI стагоддзя [Тэкст] / А.М. Булыка // Беларуская мова і мовазнаўства. – 1973.– №1. – С. 28-35.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы [Тэкст] / склад. А.М.Булыка і інш.; рэд. А.М.Булыка. – Мн.: Беларуская навука, 1996. – Вып.XV. – 311 с.; Мн.: Беларуская навука, 2003 – Вып. XXII. – 299 с.
3. Ерома, Ж.И. Формы местоимений на *-кольве* (*-кольвек*) в Первом Литовском статуте в связи с референцией юридического высказывания [Тэкст] / Ж.И.Ерома // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я.Купалы. Серыя І. 2(32). – Гродна, 2005. – 260 с.
4. Паўлавец, Дз. З гісторыі айчыннай лінгвістыкі / Дз. Паўлавец // Роднае слова .– 1999. – №3.– С. 106-114.

5. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча [Тэкст] / уклад.: Ю.Ф.Мацкевіч, А.И.Грынавецкене і інш; рэд. калегія: Ю.Ф.Мацкевіч і інш.; рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – T.V. – 563 с.

6. Срезневский, И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. [Тэкст] / И. Срезневский. – Т.I. Ч.2. – Москва: Книга, 1989. – 1420 стб., 807 с.

7. Статут Великого княжества Литовского 1529 [Тэкст] / Под ред. К.И.Яблонскиса. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – 253 с.

8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 [Тэкст] / Пад агульнай рэд. І.П.Шамякіна. – Мінск: Бел. Сав. Энцыклап., 1989. – 571 с.

9. Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія: Вуч. дапаможнік [Тэкст] / Н.В. Гаўрош, М.Ц. Кавалёва, Н.М. Нямковіч і інш.; пад рэд. Яўневіча. – Мінск: Выд. Ул. М. Скакун, 1997. – 288 с.

Л.М. Хамитова
Набережные Челны, Россия

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Детство – это период усиленного развития, изменения и обучения [Обухова 1995: 13]. Не только ученые понимают, что это период парадоксов и противоречий, без которых невозможно представить себе процесс развития. Детский мир очень сильно отличается от взрослого. Начиная писать произведения для детей, поэт, в первую очередь, должен хорошо изучить психологические особенности детей, так как ребенок – это именно тот читатель, для кого и о ком написаны эти стихотворения.

Мир детской литературы очень разнообразный, яркий по содержанию, в тоже время построен так, что дети со всей тонкостью души переживают за своих любимых героев в рассказах, сказках, с интересом читают басни, и, конечно же, стихи.

Детскую поэзию нового периода по праву представляют – Шаукат Галиев, привнесший в детскую поэзию свои смелые юмористические приемы, Закия Туфайлова, так глубоко чувствующая душу ребенка, Марзия Файзуллина – мастерица порадовать малыша неожиданными поэтическими чудинками, Роберт Миннуллин – передающий сложные переживания современного ребенка и другие.

Обратим более пристальный взгляд на поэтический мир поэтов, в которых более ярко раскрылись новые тенденции развития детской литературы. Новая эпоха на первый план выдвинула поэта Шауката Галиева. И вот уже полвека поэт остается верен делу, которому посвятил себя. Детская поэзия в творчестве Ш.Галиева занимает центральное место. Именно стихотворения, посвященные детям, являются зеркалом всего творческого пути Ш.Галиева. Духовный и поэтический рост поэта, вся его эстетическая биография – поиски, эксперименты, новизна – нашли отражение именно здесь.

Роберт Миннуллин – стремится отразить действительность в юмористическом аспекте, основываясь на таких детских качествах, как шаловливость, проворство. Правда, в его стихотворениях маленький герой сам обычно изображается серьезным и деловым. А вот совершаемые им действия, мысли, его психологическое своеобразие, наивность показывается в противоречии с действительностью, миром взрослых. В результате возникают юмористические ситуации.

В старину полагали, что дети не разделяются на взрослых и детей, считали, что душа не имеет возраста. И в таком взгляде скрыта потрясающая по силе философия. Об этой простой истине задумываешься вновь и вновь, листая «взрослые» и «детские» книги Ш.Галиева и Р.Миннуллина. Искренние, щемящие душу строки, окрыленные мелодией, задумчивая, мудрая лирика, овеянная светлой улыбкой, как-то очень естественно сочетаются с озорными и одновременно очень глубокими стихотворениями для детей.

Опыт детства – это самая тонкая, самая сокровенная наша связь с родной землей и родным языком. Творчество поэтов – Ш.Галиева и Р.Миннуллина – раскрывающееся на их родном татарском языке во всем своем многообразии и богатстве, любимо не только татарскими детьми, но благодаря талантливым переводчикам известно и понятно многонациональной России.

Любовь и признательность маленьких читателей – это ли не самая высшая оценка их творчества. В их стихотворениях с удивительной психологической точностью раскрывается детская душа: веселая и легко ранимая, наивная и прозорливая, добрая и непосредственная. Простые строчки представляют многоголосное и многоцветное сложное сочетание детских впечатлений. Яркие, быстро запоминающиеся образы, остроумные сравнения, игровые элементы – вот лишь некоторые особенности палитры поэта-художника в описании непростых отношений маленького человечка с окружающим миром.

Особенно хочется подчеркнуть глубокое знание поэтов тонкостей отношений, деликатность и предусмотрительность в обращении с детской душой. Порой, казалось бы, наивное письмо, игриво-шутливый тон, выбранные поэтами, являются как бы защитным экраном, призванным оберегать детские души от ожогов и ударов суровой реальности.

Личные имена собственные, прозвища и фамилии в детском художественном тексте – это ценный эстетический компонент в системе средств художественной выразительности. Как было отмечено раньше, имя собственное относится к наиболее выразительным, ярким и специфическим элементам. Поскольку любое художественное

произведение представляет собой «автономный вербальный мир», слова, в том числе и имена собственные, приобретают в нём свою собственную значимость. Специфика образно-художественного осмысления слова сказывается и на функциях собственных имён, включенных в состав литературного произведения.

В настоящее время резко актуализировалось необходимость изучения детской поэтической ономастики, представляющей собой любые имена собственные (поэтонимы) в художественных литературных произведениях, принципы их создания, стилевые особенности, функционирование в тексте, восприятие их читателем, а также мировоззрение и эстетические установки автора.

В наши дни, очень часто употребляется термин «поэтическая ономастика». Об этом говорится во многих трудах ученых: М.В. Карпенко («Русская ономастика»), В.А. Никонова («Имя и общество»), А.В. Суперанской («Общая теория имени собственного»), О.И. Фоняковой («Имя собственное в художественном тексте»).

Что касается изучения татарской поэтической ономастики, следует подчеркнуть, что эта область является совершенно не изученной. В тюркологии, и в татарском языкознании в частности, существуют лишь отдельные труды, посвященные изучению семантики и функции имен собственных в литературных произведениях как средства создания художественной образности. В русской лингвистике проблемы детской поэтической ономастики изучены также недостаточно глубоко.

В татарском языкознании имеется ряд статей и диссертационное исследование, посвященное изучению языка детских татарских поэтов Ш.Галиева и Р.Миннуллина. Ономастическое же пространство этих детских авторов в монографическом плане специально никем не исследовалось.

Список литературы

1. Обухова, Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы [Текст] / Л.Ф. Обухова. – М.: Тривола, 1995.

Т.В. Хвесько
Тюмень, Россия

ТОПОНИМИЯ КАК ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С земледелием, кочевым образом жизни связано обозначение наиболее значимых объектов. Наибольшей стабильностью, как правило, характеризуются наименования относительно крупных и социально значимых объектов – рек, озер, гор, крупных населенных пунктов. Понятно, почему это происходит: в качестве широко известного

адреса они должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения будет невозможным.

Естественно, поэтому, что именно наиболее устойчивые названия как реликты древних исчезнувших языков привлекают внимание этнолингвистики, решающей проблемы этногенеза и этнической истории. Однако анализ хронологической ранней топонимии наталкивается зачастую на непреодолимые препятствия. Учет всех возможных факторов, влиявших в течение столетий и даже тысячелетий, в том числе возможное неоднократное заимствование, сопровождающееся незакономерными фонетическими изменениями и фактами народной этимологии, чрезвычайно сложен [Фролов 1996]. Однако в обилии топонимического материала практически всегда можно найти подтверждение каких-то языковых и праязыковых фонетических закономерностей, особенно если оперировать отдельно взятыми топонимами. Этимология отдельного топонима должна опираться на анализ обширного материала, который позволяет выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимических изысканий.

Если попытаться выявить, на каких свойствах топонимии базируется ее этнолингвистическая ценность, то следует прежде всего отметить массовость топонимического материала. Есть возможность оперировать большими количествами названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных, отрывочных археологических свидетельств. Значительный этноисторический потенциал топонимии связан и с возможностью относительной хронологической интерпретации топонимов. Правда, в распоряжении топонимистов не так уж часто имеются собственно языковые критерии типа падения редуцированных в древнерусском языке в XII веке или великий сдвиг гласных в германских языках. Поэтому топонимия часто вынуждена обращаться к внеязыковым критериям, связанным не с названием, а с объектом называния: формирование ареалов археологических структур, климатические изменения и т.д. С другой стороны, по мере углубления ономастических исследований становилось ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся хронологической последовательностью. Определенные топонимные модели продуктивны некоторое время, и это дает исходную возможность к поиску хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели.

Далее, чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических

системах тех территорий, на которых происходило или происходит языковое контактирование, присутствуют топонимы иноязычного происхождения; именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой ономастики для решения этногенетических проблем. В индоевропеистике традиция была заложена в прошлом веке Г. Краэ и В. П. Шмидтом, которые на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финно-угроведении одними из первых были Шегрен, Кастрен и Европеус, из которых первые два разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя в топонимии Европейского севера, а последний объяснял истоки загадочной топонимии на территории Финляндии из угорских языков.

Современное исследование в данном направлении выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации, а также осознало необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой – преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топосистем.

Названия видов населенных пунктов также могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения. Топонимы такого рода не являются сколько-нибудь надежными маркерами, указывающими на древнее население, но они помогают сориентироваться и сузить круг поисков.

Косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений (урочища *Боги, Богова Гора, Болванское, Медвежьи Моляны, Молебное* и т. п.), но подобные факты сложно отделять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной христианской терминологии. Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает из того, что топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в целом ряде случаев мотивы называния – даже при ясной этимологии – остаются затемненными, все же содержание топоосновы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связна с тем, что название не заложено в самом объекте. Идентификация или иначе выбор признака, отраженного в самом названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который

создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных естественногеографических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории. Замечено, например, что названия, которые даются народом, находившемся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на какие-то события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим [Матвеев 1971]. Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца или его социальное положение. Первый этап появления топонимии именуется словом «прагматизм», т.к. топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основной пафос номинации – географическая реалия как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим объекты ландшафта получают названия: не существует безымянных водоемов: даже те, что располагались в глуби лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, водных дорог. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) – в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья – интересуют топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те его представители, которые имеют определенную практическую ценность для человека, ибо они находили широкое применение в жизни местного населения. Их использовали в народной медицине: bram (ракитник), boc (береза), fern (папоротник), beos (полевица) и др. Именно этим обусловлено появление топонимов: Bramhall, Bruckhurst, Farnham, Beeston.

Утилитарная направленность топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры населения. Сельское хозяйство – основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир. Такая же характеристика свойственна топонимии, распространенной на территории южной Карелии.

Своеобразие топонимии Зауралья состоит в том, что она значительно более образна, в ней ощущается персонификация реалий окружающей природы, в ней сильны мифологические представления. В этом факте отразилось, видимо, отношение к миру, к природе в условиях промысловой культуры, значительные элементы которой до сих пор сохраняются, а в недавнем прошлом были преобладающими. На протяжении почти четырехсотлетнего изучения западно-сибирского региона и формирования его населения главными задачами были анализ этносостава и мест расселения, социальное положение, занятия, быт, общие особенности языка, фольклора, положительное воздействие русского участия в освоении региона и т. д. Можно условно наметить этапы, определяющие динамику изучения этнолингвистической истории в топонимии Западной Сибири.

Современный этап исследований Сибири (20-ые – 80-ые гг. XX в.) отличается научным подходом к всестороннему объяснению общественных явлений в их эволюции. Дифференцированные пути географического, историко-этнографического, историко-социального и филологического аспектов изучения проблемы, возросла роль языковедческого фактора, о чем свидетельствует появление большего числа лингвистических работ, среди которых выделяются и собственно топонимические.

Лингвистические критерии при изучении происхождения дорусских ойконимов удачно применял Г. Ф. Миллер. В последующих исследованиях также отмечаются попытки лингвистической интерпретации топонимики, в плане народного этимологизирования названий в прошлом. Весомый вклад в топонимические исследования Сибири внесли А. К. Матвеев, Б. А. Серебренников, Е. И. Ромбандеева.

Таким образом, русское освоение Западной Сибири, начавшееся после XII в., нашло известное отражение в научных изысканиях по проблемам восточной русской экспансии, этнической истории и контактов русского и коренного населения, строительства городов и сельских поселений. В последнее время обострился интерес к вопросам региональной топонимии.

Среди проблем исторического формирования системы русской топонимии в Сибири первостепенным является выявление источников возникновения лексической базы топонимии. Одной из основных задач ономастического исследования, по мнению А. А. Белецкого, является задача культурно-исторического, географического, лингвистического и хронологического описания [Белецкий 1972]. Наиболее поздним слоем в топонимии Западной Сибири, как справедливо отмечает И. А. Воробьева, является русская топонимия [Воробьева 1977], отличающаяся от русской топонимии Центрального региона России спецификой хронологизации и пространственного

размещения топонимических пластов. Система русской топонимии Зауралья, на наш взгляд, за четыре столетия своей эволюции обнаруживает аспекты собственной стратиграфии. Однако основные ее тенденции нельзя рассматривать изолированно от общерусской топонимики, так как в том или другом случае несомненна их генетическая связь.

Таким образом, состав русского населения предопределил особенности складывания русской топонимической системы Сибири. Она формировалась, во-первых, за счет усвоения пришельцами географических названий аборигенного населения, во-вторых, путем переноса названий из европейской части России, в-третьих, за счет постоянно возникавших новых названий, в-четвертых, за счет развития эндемических процессов, возникающих на основе контаминации многих диалектов и языков старожильческого говора. Следствием всего этого явилось создание региональной русской топонимической системы Зауралья, отличающейся лексическим многообразием.

Список литературы

1. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания [Текст] / А.А. Белецкий. – Киев: КГУ, 1972. – 209с.
2. Воробьёва, И. А. Топонимика Западной Сибири [Текст] / И.А. Воробьева. – Томск: ТГУ, 1977. – 150 с.
3. Матвеев, А.К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования [Текст] / А.К. Матвеев. // Этимология. – 1971. М.: Наука, 1973. – С.332-355.
4. Фролов, Н. К. Семантика и морфемика топонимии Тюменского Приобья [Текст] / Н.К. Фролов. – Тюмень, 1996.

Е.Ю. Хорошко
Белгород, Россия

РОМАНСНЫЙ ВОКАТИВ

Изучение романсов дает основание говорить о насыщенности текстов обращениями. Романс представляет собой замкнутую, необыкновенно цельную структуру, одним из элементов которой является, безусловно, обращение. Хотя функционально по большому счету романсное обращение не отличается от обращения, например, в лирическом стихотворении, балладе, элегии или поэме, но тем не менее оно содержит и некоторую собственно-романсную специфику.

Частотность вокативов, на наш взгляд, объясняется спецификой музыкально-поэтического жанра. Одни романсы целиком строятся как своеобразное развернутое обращение к возлюбленной (возлюбленному): *Не пой, **красавица**, при мне / Ты песен Грузии печальной: / Напоминают мне оне / Другую жизнь и берег дальний.*

(А.С. Пушкин). Другие романсы по характеру обращений основаны на стремлении лирического героя поделиться своими чувствами, переживаниями с кем-либо. Это могут быть и «персонифицируемые денотаты»: птицы, бытовые предметы, явления природы, абстрактные понятия. *О чем, о чем в тени ветвей / Поешь ты ночью,* ***соловей****? (П. Катенин).* ***Мечты, мечты,*** */ Где ваша сладость? / Где ты, где ты,* ***Ночная радость?*** *(А.С. Пушкин).*

Обращение лирического героя к явлениям природы, к светилам, сердцу, памяти, мечте (составляющим внутреннего мира) тесно связано “с внутренней речью говорящего, умоляющего, призывающего обожествляемые внешние миры, различные объекты природы к определенным действиям. При этом изменяется характер их общения. Оно может быть условно названо ситуацией внутреннего монолога, который обладает “слабым признаком” диалога, т.к. говорящий не ожидает ответа. <…> В этой ситуации реальным адресатом, т.е. слушающим, реципиентом, является сам говорящий. Луна, звезды и т.п. – это лишь свидетели. Поэтому в этом случае форма речи говорящего – внутренний монолог, хотя и обращенный ко 2-му лицу адресата” [Панина 2002: 110].

Прегнантность (яркость, насыщенность) романсной образности создается подчас именно на базе обращения, которое нередко оказывается смысловым центром текста. Очевидно, при изъятии обращений текст семантически опустошается, становясь на порядок менее эмоциональными. В этом легко убедиться на следующем примере, где романсное развернутое обращение выразительнее, эффектнее и оригинальнее основного текста: ***Минувших дней очарованье,*** */ Зачем опять воскресло ты? / Кто разбудил воспоминанье / И замолчавшие мечты? (В. Жуковский)* ***Прошедших дней очарованья****, / Мне вас душе не возвратить! (А. Дельвиг).*

Процент обращений в романсах, казалось бы, высокий, но сами обращения далеко не всегда оригинальны, зато в их эмоциональности и экспрессивности сомневаться не приходится. В романсе прослеживается “интимизация текста” посредством использования обращений как на монолексемном уровне (*красавица, милый, дорогая…*), так и посредством развертывания монолексемных обращений (*мой, милый+…*). Обнаруживается также высокий уровень дублирования, повторов обращений, причем не только в пределах одного текста, но и в пределах всего жанра, то есть повторов на интертекстуальном уровне. Жанр вырабатывает свой “риторический идеал” обращения: *милый друг, мой свет, соловей, звезда и др.*

Сохраняющийся интерес к анализу обращений объясняется несколькими причинами. Во-первых, яркостью и выигрышностью самой позиции, ее семантико-грамматической и глубиной (интимизацией) и выпуклостью (экспрессией). Во-вторых,

обращения привлекают исследователей своим прагматическим эффектом, возникающим при включении в текст практически любого обращения.

Обратимся к пошаговому анализу обращений изучаемых нами текстов романсов, остановимся лишь на некоторых позициях, наиболее свойственных романсному обращению.

Типы дистанций общения, влияющие на выбор обращения в романсе. Публичный и социальный типы дистанции нехарактерны для жанра романса, тогда как персональный (имена, оценочные характеристики) и интимный (ласкательные имена, оценочные, более личные характеристики) типы дистанций легко иллюстрируются романсными контекстами, что объясняется особенностями жанра. *Не уезжай, ты мой, голубчик! Ах, пожалей же меня, дорогая...* Интересно проследить, как герои обращаются друг к другу, как величают друг друга в романсе: *мил друг, милый, подруга молодая, мой незабытый друг, дорогая, милая, мой друг прекрасный, мой свет, мой нежный друг, моя любимая, моя радость и др.*

Эпитет *милый (ая)* в романсах весьма частотен, как и синонимичные ему эпитеты: *любезная, любимый...* Романс интимизирует подчас даже отвлеченные понятия, абстракции: *любовь, радость, свет…*

Позиция обращения. Обращение в романсе способно занимать в предложении все три известные позиции: инициальную **(35 %)**, конечную (19 %) и интерпозитивную (46 %) (мы учитывали, естественно, рамки предложения – не поэтической строки). ***Ямщик***, *не гони лошадей! / Мне некуда больше спешить (Н. Риттер). Где ты,* ***юность****, без конца и края, / Отчего так быстро пронеслась (Б. Тимофеев). О чем, о чем в тени ветвей / Поешь ты ночью,* ***соловей?*** *(П. Катенин).*

Объем обращения. На этом уровне можно выделить монолексемные, одиночные и полилексемные, распространенные обращения. *Тихо шептала мне чудная, светлая: / "****Милый****, поверь мне!.. навеки твоя" (Е. Гребенка)* ***Очи черные, очи страстные****! /* ***Очи жгучие и прекрасные!*** */ Как люблю я вас! (А. Пугачев).* Выбор соотносимого с адресатом речи объема понятия нередко зависит от стилистической или коммуникативной функции, которую выполняет обращение в поэтическом тексте. В апеллятивной функции обращения, не осложненные экспрессивно-оценочными стилистическими оттенками, по большей части отличаются простотой синтаксической структуры. Это однословные обращения, содержащие в себе обозначение адресата речи. С усложнением коммуникативной задачи и с увеличением стилистической нагрузки меняется и структура обращений. Однако сказанное вовсе не означает, что монолексемные обращения не становятся носителями экспрессивно-оценочных

значений. Мелиоративно-оценочные обращения: *милый*, *любимый* весьма выразительны.

Обращения в романсах часто сочетаются с притяжательными местоимениями, наречиями, прилагательными, что придает обращению большую теплоту, подчеркивает степень близости участников драмы, звательная интонация при этом несколько приглушается. Хотя в романсах преобладают полилексемные, **распространенные обращения**, но "прокрустово ложе" романсной строки не позволяет увлекаться развертыванием обращения. Многие распространенные обращения стали своеобразными эмблемами романсного жанра: *Звезда надежды благодатная, Звезда любви волшебных дней (В. Чуевский), Очи черные, очи страстные! / Очи жгучие и прекрасные! (Е. Гребенка). Протекших дней очарованья (А. Дельвиг). О память сердца (К. Батюшков). Мой нежный друг (И. Аркадьев).*

Диминутивы в романсных обращениях. Среди форм обращений в жанре романса встречаются и диминутивы: *милая крошка, мой голубчик, моя душечка, голубушка, голубка.* "Прибавление уменьшительно-ласкательного суффикса есть прибавление не только к слову, но и к тому, что оно означает, положительно окрашенного чувства. Диминутив соответствует формуле: слово + любовь, или еще слияннее: слово-любовь" [Харченко 1998: 57].

Морфологическое выражение обращений. Имена собственные в позиции романсного обращения парадоксально единичны. Например, из 212 романсов [Русские романсы 2001] всего лишь три романса содержат женское имя в функции вокатива. *Скучно, грустно… Завтра, **Нина**, / Завтра к милой возвратясь... (А.С. Пушкин.). Подобно розе нежной, / Ты, **Юлия**, цвела… (В. Капнист). Плачет, стонет, сердцем ноя, / Ходит милого вокруг, / Но…увы! Прелестна **Хлоя**! / Не проснется милый друг! (И. Дмитриев).*

Среди имен нарицательных естественно принимают на себя функцию наименования адресата персонифицированные предметы: части тела человека, некоторые животные, предметы и конкретные, и отвлеченные.

Такое раскладывание материала обращений «по полочкам», хотя и позволяет пронаблюдать специфику романсного обращения, но несколько отдаляет от идеи значимости обращений в романсе. Обращения усиливают диалогическую стилистику романсного текста, выражаемая ими почти всегда положительная оценка адресата (он /она же предмет страданий!) работает на этику текста и жанра в целом, обращения оживляют сюжетный слой текста, при них весь текст срабатывает как посвящение.

Рассмотрев типы дистанций общения, позицию обращения в контексте, способы морфологического выражения обращений, мы приходим к выводу, что романсное

обращение можно рассматривать и расценивать как жанровый спецификатор, значимое стилистическое средство. Хотя обращения в романсе подчинены общелирическому стандарту употребления, вместе с тем в романсе вырабатывается и свой специфический набор как самих обращений, так и способов их трансляции на малом пространстве текста. Таким образом, обращение, романсный вокатив весьма важное стилистическое средство для понимания жанровой специфики романса, и изучение обращений в романсе позволяет выявить жанросозидающие их свойства и признаки.

Список литературы

1. Панина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории [Текст] / А.Ф. Панина. – М., 2002. – 368 с.
2. Харченко, В.К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль [Текст] : монография / В.К. Харченко. – М.: Современный писатель, 1998. – 240 с.
3. Русские романсы [Текст]. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001 – 288 с.

Р.А. Шаова
Нальчик, Россия

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ С СУФФИКСАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале СМИ и Интернета)

Сегодня при исследовании производных слов современный лингвист не может не отталкиваться от семиотической триады, а отталкиваясь от неё, не признавать, что в настоящее время прагматика и семантика являются зеркалом коммуникативной стороны любого естественного языка. Окказиональные слова реализуют, прежде всего, прагматические интенции автора, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными характеристиками, становясь одновременно носителями индивидуально-авторской семантики.

В связи с этим в данной работе рассматриваются особенности функционирования производных слов с суффиксами субъективной оценки как единиц с ярко выраженной экспрессией и оценочностью. Материалом исследования послужил язык средств массовой информации (СМИ) и Интернета.

В русском языке новые слова появляются не как следствие бедности языка, а как доказательство богатства его выразительных средств (внутриязыковой фактор). Известно, что морфемы русского языка помимо денотативного, содержат также коннотативное или прагматическое значение. Причём такой особенностью обладают корневые и служебные аффиксы, например, суффиксы субъективной оценки. Так, актуализация прагматического содержания служебного аффикса происходит, прежде всего, в комбинации с корневым аффиксом, служащим для него миниконтекстом.

С другой стороны, сильный поток эмоционально-оценочных слов в современном русском языке отражает, прежде всего, проявление активного личностного начала, связанного с новыми социальными условиями, возникающими в результате развития общества (экстралингвистический фактор).

Сегодня на страницах периодической печати можно встретить множество производных слов с суффиксами субъективной оценки, содержащие особые прагматические интенции автора. Так, например, в следующих примерах интересна функция суффиксов ***–ик***, ***-чик***, которые одновременно создают коннотацию ласкательности или уничижительности и реализуют грамматическую функцию, указывая на род объекта высказывания: *«**Жирик** шёл по государственной думе, его оскорбил депутат Савельев из фракции Родина. **Жирик** плюнул в него, после чего завязался потасовка»* (МК №4, 2006); *«**Жирик** и Серёга наносят ответный удар»* (заголовок статьи) (КП №7, 2005); *«**Жирик** в Ираке»* (заголовок статьи) (КП №13, 2006); *«**Чубайсик** отдал свою секретаршу Кудрину»* (Жизнь №17, 2005); *«…чиновнику нормальный оклад платить, а не **чубайсикам**»* (Жизнь №17, 2005); *«На Урале один из депутатов от Единой России инициировал создание детского журнала «**Единороссик**». Интересно, какие же названия можно придумать для детских журналов от других партий. К сожалению, некоторые партии не имеют оригинального названия, так, что и название у журналов будут не интересные: **СПСёнок**, **КПРФик**, **ЛДПРчик**. …но есть и интересные варианты названий: **Яблочко**, **Родинка** и конечно хит сезона **Пенсионерчик** (это о партии пенсионеров), Либерал-**демократик**, **Коммунистик**, **Правосильчик**»* (Интернет). Как отмечает А. Вежбицкая, формы, образованные от женских имён типа *Светик,* ощущаются как ласковые игривые «искажения», использующие для экспрессивных целей «чисто мальчишеский характер» суффикса ***–ик***. Такие формы подразумевают «особые отношения», в то время как аналогичные мужские формы такого не предполагают [Вежбицкая 1977: 108]. В рассматриваемых примерах с суффиксом ***-ик*** нарицательность женского имени позволяет применить его к человеку мужского пола, причём все перечисленные коннотации уменьшительности, ласкательности, игривости и «особенного» отношения сохраняются.

В «Русской грамматике» отмечается, что существительные с суффиксами субъективной оценки ***–чик*** имеют уменьшительное значение, сопровождающееся экспрессией ласкательности, уничижительности; иногда только ласкательное экспрессивное значение [Русская грамматика 1982: 208]. Так, в приведённых примерах с суффиксом ***–чик*** реализуется прежде всего положительная коннотация уменьшительности и ласкательности.

Следует отметить, что в некоторых случаях в семантике суффикса ***–чик*** субъективность может быть связана с выражением негативной оценки. Например: *«…особую накалку страстей привносят всякие лужковцы,затулинцы и* ***жириновчики*** *- меньше бы они туда со своей шпаной ездили бы меньше бы проблем было - наши же…»* (МК №19, 2006); *«Пузатые* ***бизнесменчики*** *строят церкви и храмы якобы во благо общества,* ***....*** *И по прежнему "пузатые* ***бизнесменчики"*** *будут строить церкви - уже новой религии…»* (Жизнь №10, 2007); *«****...*** *либерализму проявляли только крупные предприниматели, все прочие бизнесмены и* ***бизнесменчики*** *не имели ровным счётом никаких идеологических предпочтений»* (МК №13, 20); ***«…****А всякие рязанские и другие провинциальные* ***шоуменчики*** *не в состоянии организовать то, о чем заявлялось вначале и тем более не в состоянии вывести…»* (Жизнь №16, 2005); *«Так то ж в анекдоте, а вот нашего пана Василия просто обокрали всяческие супер-стилисты и топ-менеджеры, шоумены и* ***шоуменчики****… Так что разговор может быть..»* (МК №26, 2007). В приведённых примерах суффикс ***–чик*** содержит отрицательную коннотацию. Важно отметить, что данный суффикс не меняет значение слова, но уменьшительность, присутствующая в денотате суффикса ***–чик,*** создаёт негативную оценку.

Уменьшительно-ласкательную коннотацию содержит также суффикс субъективной оценки ***–ка.*** Например: *«…какие там* ***Путинка***, ***Жириновка***, ***Грызловка***, ***Зюгановка****? Давайте сразу* ***«Верховносоветка»*** *на худой конец* ***«Госдумовку»»*** (Интернет); *«…пахнет пиаром –* ***Косорыловка-Зюгановка*** *или настойки на желудях* ***«Жириновка»»*** (МК №25, 2005); *«Вслед за* ***Путинкой*** *в России может появиться водка* ***Медведевка»*** (заголовок) (МК №33, 2007); *«Компания Инсо-энерго от лица неназванного заказчика подала пакет заявок на регистрацию знаков Царь-медведь, Медведик и* ***Медведевка*** *в отношении алкогольных и безалкогольных напитков»* (Жизнь №36, 2007); *«…как только Путина не называют. Назови же Явлинского* ***«Гришкой»*** *или «Явлиноидом» что будет… Забудут, что они интеллигенты и демократы»* (КП №18, 2006). В данных примерах кроме уменьшительно-ласкательного значения суффикс ***–ка*** имеет также уничижительную окраску с элементами издёвки.

Негативную коннотацию содержат следующие суффиксы субъективной оценки – ***ек***, ***-ушк***. Например: *«При задержании* ***правозащитничек*** *держал в руках плакат…»* (Жизнь №10,2007); *«..мы от правды и сами ни от йоту. Причём это звёзды мирового уровня. В отличие от наших эстрадных* ***певичек*** *и артистов, которые и стали известны, то только в России»* (Жизнь №4, 2008); *«В прошлом году певец и композитор устроили в честь себя, любимого, весёлую* ***пирушку*** *и концерт»* (МК №4, 2008); *«по словам его знакомых любящий до беспамятства свою* ***«татушку»*** *молодой человек*

сильно переживает за здоровье своего будущего ребёнка» (Жизнь №47, 2007); *«В одной из элитных столичных клиник под Новый год* ***«татушка»*** *родила сына»* (Жёлтая газета №1, 2008). В приведённых примерах суффиксы субъективной оценки ***–ек*** и ***–ушк*** реализуют уменьшительно-уничижительное значение с элементами иронии и издёвки. Так, в слове ***«татушка»*** суффикс ***–ушк*** придаёт негативную оценку личности Ю. Волковой. Причём компонент уничижительности усиливается кавычками, который придаёт слову *тату* обратный смысл.

Интересны также производные слова с суффиксом ***–ец***: *«Один* ***путинец*** *уничтожен и трое ранены в Ингушетии»* (заголовок) (КП №1, 2008); *«Ярый* ***путинец*** *попал в психушку»* (МК №7, 2005); *«В ходе боя в Дагестане один* ***путинец*** *ликвидирован и двое ранены»* (КП №9, 2007); *«Единоросс и* ***жириновец*** *выведены из состава одной из Маловишерских УНК по протесту прокуратуры»* (КП №35, 2005); ***«Жириновец*** *Абельцев подал в суд на Немцова, который назвал Думу «рабскоподхалимажной»»* (Жизнь №26, 2006); *«В партиях и движениях.* ***Жириновец*** *от единороссов?»* (заголовок) (МК №13, 2006). В данных единицах с суффиксом ***–ец*** реализуется уменьшительно-уничижительное значение с некоторой издёвкой.

Таким образом, суффиксы субъективной оценки в современном русском языке связаны с выражением пёстрой и противоречивой гаммы эмоций и оценок. Следует отметить, что значения наименований лиц с такими суффиксами не могут быть выведены только из их морфемного состава. Помимо функций сообщения, они могут выражать также различные эмоции говорящего. При этом необходимо учитывать как семантику производящего слова, так и ситуацию актуализации семантики и прагматики производного.

Список литературы

1. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н.С. Валгина. – М., 2001.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1977.
3. Русская грамматика [Текст]. – Том I, Наука. – 1982.
4. Солганик, Г. Я. Язык современной публицистики [Текст] / Г.Я. Солганик. – М., 2007.
5. Юдина, А.Д. Окказионализмы на страницах периодики [Текст] / А.Д. Юдина // Русская речь. – №5. – 1999.

Сокращения

1. Жёлтая газета – (ЖГ);
2. Жизнь за всю неделю – (Жизнь);
3. Комсомольская правда – (КП).
4. Московский комсомолец – (МК);

А.Ю. Швидченко
Магнитогорск, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОНДА БИБЛЕИЗМОВ

В нашем докладе мы предполагаем обсудить то, что представляет собой фонд библейских крылатых выражений (библеизмов) сегодня, какие его единицы употребляются наиболее активно, какие менее, и что на сегодняшний день можно причислить к архаизмам – вышедшим из широкого употребления библеизмам.

В первую очередь необходимо отметить, что фонд крылатых выражений каждого языка формируется на определенном этапе его развития. Мы предполагаем, что этот этап является знаковым, так как обусловлен высоким уровнем развития материальной и духовной культуры его носителей.

Библия – беспрецедентное культурно-религиозное явление для христианских народов. На протяжении веков Писание оказывало всеобъемлющее влияние на духовную, культурную, социальную и политическую жизнь людей, на фоне которого процессу концептуализации подверглись библейские образы и ценности. Таким образом можно предположить, что Библия является источников таких концептов, как *Бог, грех, человек, вера, надежда, любовь*. Эти концепты существуют в языке отчасти в форме библеизмов.

Итак, библеизмы – это любые крылатые единицы, независимо от их семантико-синтаксической структуры, генетически связанные с Библией.

Интерес к исследованию библеизмов за последнее десятилетие заметно возрос, но если большая часть работ исследователей посвящена изучению грамматических особенностей библеизмов, их сопоставительному анализу по отношению к другим языкам, их формированию и функционированию в речи, влияние Библии на литературу XIX-XX веков и использованию библейских реминисценций в произведениях русской литературы 1960-1980-х годов, а также вопросу функционирования библеизмов в языке современных светских и духовных газетах, их анализу с точки зрения прецедентности, то для нас в первую очередь представляет интерес роль библеизмов в формировании языковой картины мира различных социальных групп носителей языка. В первую очередь нами была поставлена задача определить степень употребления различных библеизмов, определить вышедшие из употребления и наиболее активно используемые библеизмы, подтвердить предположение С.Г. Займовского [Займовский 1930: 18], что употребление крылатых выражений, и в частности библеизмов, характерно для речи образованных людей.

На основе сплошной выборки из фразеологических словарей и словарей крылатых слов ([Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000],[Бирих 2005],[Серов 2003],[Телия 2006],[Быстрова 1992], [Тихонов, Ломов 2003], [Бирих, Мокиенко, Шулежкова 1998]) был собран комплекс библеизмов, насчитывающий 812 библейских крылатых слов и выражений, полностью вошедший в опросник. В опросе приняли участие 256 человек в возрасте от 17 до 84 лет, представители различных профессий и социальных групп, с различным вероисповеданием и уровнем образования. Мы предположили, что использование библеизмов индивидуально для каждого носителя языка, потому как встречать крылатые выражения в литературе или СМИ и употреблять их самому не одно и то же: использование человеком определенных библеизмов обусловлено социальным опытом человека, воздействием окружающего мира, его культурой и образованием, ситуацией общения. Особый интерес для нас представляет вопрос, в какой степени влияет знание текста Библии на употребление библеизмов, идентифицируют ли носители языка библейское выражение с его источником. В свете вышесказанного, участникам опроса было предложено указать источник или автора каждого выражения, назвать его значение, указать, часто, редко или впервые встречается каждое выражение, и часто, редко или совсем не употребляется самим опрошенным. Кроме того, участникам опроса было предложено указать, где им встречается каждое выражение (разговорная речь, литература, СМИ) и в конце опросника ответить на вопрос, читали ли они Библию. Помимо этого им предлагалось указать фамилию, имя и отчество, возраст, пол, образование и профессию.

Итак, на основе результатов опроса можно сделать следующие выводы.

1. Носители языка, даже незнакомые с текстом Писания, а также носители языка, исповедующие другую религию, широко употребляют в речи библеизмы.

2. Исследование подтвердило, что носители языка знакомы со многими библейскими выражениями, но употребляют не все из них.

3. Предположение С.Г. Займовского полностью подтвердилось: опрошенные с высшим образованием, тем более с высшим гуманитарным образованием, знакомы с большим количеством библейских крылатых слов и выражений, чем остальные. То же самое можно сказать и об их употреблении.

4. Результаты исследования, касающиеся частоты употребления библеизмов можно передать в виде диаграммы (рис. 1), в центр которой помещены библеизмы первой группы, то есть часто употребляемые всеми опрошенными, например *блудный сын, божий суд, брать грех на душу, бросить камень в кого-либо, каждому свое, видеть в чужом глазу соринку, а в своем бревна не замечать* и так далее.

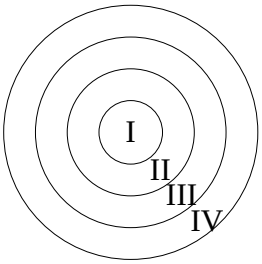

Рис.1. Диаграмма употребления библеизмов

Ко второй группе следует отнести библеизмы, которые отмечены участниками опроса, как часто встречающиеся в СМИ и литературе, но редко употребляемы ими. Особенно это характерно для носителей языка, незнакомых с текстом Библии. Анализ библеизмов второй группы показал, что в основном это выражения, появившиеся в результате переосмысления проповедей и притч, содержащие характеристики библейских персонажей и требующие хорошего знания текста Писания для их последующего правильного употребления, например *воскрешение Лазаря, Голгофа, египетский суд, масличная ветвь, альфа и омега, беден как Иов, поклоняться золотому тельцу.*

К третьей группе относятся библеизмы, которые встречаются редко и практически не употребляются носителями языка, например *опоясать чресла, от Понтия к Пилату* (означает долгие проволочки и бюрократию), *под своей смоковницей, приносить жертвы Молоху, служить Мамоне, раздирать на себе ризы.*

К четвертой группе относятся библеизмы, полностью вышедшие из употребления: *Адамовы веки, Адамова голова, семь тощих коров, во многоглаголании нет спасения, жена Пентефрия, звезда от звезды разнствует во славе, заднюю созерцать, купель силоамская, Мафусаилов век, кимвал звучащий* и так далее.

Анализ первой и второй группы показал, что границы между двумя группами довольно размыты, что не мешает нам отметить намечающуюся тенденцию: в фонде библеизмов русского языка существует пласт библейских крылатых выражений, обладающих более нейтральной стилистической коннотацией, что обеспечивает им высокую степень употребления по сравнению с другими библеизмами. Подобные библеизмы не содержат антропонимов, архаизмов, зоонимов, фитонимов и топонимов, которые указывали бы на их источник, как остальной комплекс библеизмов. Кроме того, эти выражения автономны по своему смысловому содержанию, то есть для понимания значения не требуют «отсылки» к контексту Библии, например: *брать грех на душу, быть на седьмом небе, бить себя в грудь, Бог знает, во веки веков, все как один, каждому свое, за семью печатями, капля в море* и так далее.

Выяснилось также, что носители языка не ассоциируют эти выражения с Библией, а идентифицируют их либо как устное народное творчество (поговорки) – *в чужом глазу соломинку видеть, а в своем бревна не замечать*, либо как высказывания исторических личностей. Так, библейские выражения «кто не работает, тот не ест» и «да будет свет» большинство опрошенных приписывают В.И. Ленину, а выражение «кто к нам с мечом придет от меча и погибнет» – Александру Невскому.

Итак, чем нейтральнее стилистическая коннотация библеизма и его смысловая независимость, тем выше степень его употребления.

Список литературы

1. Займовский, С.Г. Крылатые слова. Справочник цитаты и афоризма [Текст] / С.Г. Займовский. – М.; Л.; Госиздат, 1930. – 493 с.
2. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие [Текст] / С.Г. Шулежкова. – М.: «Азбуковник», 2001. – 288 с.

О.С. Шиляева
Магнитогорск, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА УСТНЫХ ФОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Достижения этнолингвистики и социальной диалектологии дали импульс развитию социолингвистических и культурологических исследований в рамках фундаментальных проблем взаимоотношения языка, общества и культуры. Ученые на материале конкретных языков - норвежского, немецкого, французского, итальянского, американского и других (Р. Белл; У. Лабов; Д.Х. Хаймс; И.И. Челышева; А.Д. Швейцер) признавали, что конкретные формы существования языка являются специфическими для данной этнической и социальной группы и дифференцируются по принципу принадлежности говорящего к определенному социальному слою общества. В связи с чем изучался язык отдельных социальных слоев: литературный язык представителей интеллигенции, язык служащих и учащихся, обиходно-разговорный язык рабочих и местный диалект фермеров.

Особый интерес для развития концепции корреляции этнических, языковых и социальных различий представляют данные о том, что между социальными группами внутри отдельных регионов возникают языковые конфликты, вызванные употреблением диалекта и стандартного литературного языка, так как диалект рассматривали как язык, которым пользовались низкие по социальному происхождению слои населения в кругу семьи и друзей, а литературный язык, в противоположность диалекту, рассматривался как язык высокого престижа [Ammon 1986].

Исследовав социальную дифференциацию форм существования языка по этническому, ареальному, социально-групповому, возрастному признакам, а также по профессиональной принадлежности и полу, мы получили следующие характеристики употребления литературного языка по социально дифференцированным слоям населения: а) литературный язык в письменной форме; б) литературный язык в устной форме или разговорный язык, близкий к литературному языку; в) городская устная речь.

Как показывают наблюдения проблемы отношения языка, общества и культуры могут быть поняты только в рамках взаимоотношения стандартного литературного языка и диалектов, которые представляют самостоятельное значение для современных лингвистических исследований. Существенным при таком подходе является значимость использования языка как средства трансляции культуры для раскрытия функциональных закономерностей этнического языка, где под культурой понимается духовное освоение действительности [Нещименко 1994].

Литературно-разговорный язык или обиходно-разговорный язык, близкий к литературному, употребляется в повседневных ситуациях непринужденного общения; именно им пользуется носитель стандартного литературного языка, когда он оказывается в незнакомой, чужой, непривычной для него ситуации в разговоре при нейтральных или далеких отношениях с собеседником, которого он близко не знает, из тех, кто не равен ему в социальном отношении. Литературно-разговорный язык – это самостоятельная форма существования современного литературного языка, употребляющаяся на всей территории Великобритании. Это тот язык, на котором носитель стандартного литературного языка спонтанно говорит со своими коллегами по университету как в рабочее время, так и в обстановке дружеских неформальных контактов, в интервью с журналисткой.

Вот пример речи одного и того же носителя английского стандартного литературного языка в официальной обстановке, когда он говорит в соответствии с литературной нормой (The majority is against. Poll after poll reveals no sign that US voters want to legalize any drug. ‘Большинство против. Опрос за опросом не обнаруживает ни малейшего признака того, что избиратели в США хотят легализовать какой-либо из наркотиков.’) и в ситуации неофициальной (When you are high pot relieves many symptoms. ‘Когда ты под кайфом «травка» приносит облегчение’) [Чужакин 1998: 149], и тогда его речь – иная по лексике.

Следует кратко остановиться на исторических условиях процесса формирования английского литературно-разговорного языка, который так же, как и процесс становления английского стандартного литературного языка, растянулся на столетия.

Отечественные ученые, исследуя условия формирования общенациональной разговорной формы литературного языка, указывали на то, что сущность литературного языка в его устной форме пыталась осмыслить в то время образованная часть английского общества. Свои представления о литературно-разговорном языке образованные горожане связывали с коммуникативно-прагматическим фактором – со стремлением к достижению простого, понятного и “доступного” для всего народа общенационального английского языка [Ярцева 2004], который обладал бы свойством “надрегиональности” и служил бы достижению взаимопонимания между носителями английского языка. Но на пути сближения письменной и устной традиций английского литературного языка препятствием являлись различные диалекты и различные языковые и литературные традиции, сохранявшиеся в английских землях. По предположению В.Н. Ярцевой, вопрос о вариантах английского языка является столь же актуальным для современности как и для прошлого, хотя эта варьированность совсем иного порядка [Ярцева 2004: 249]. В связи с этим некоторыми учеными дискутируются вопросы о “нормах литературно-разговорной речи”, и применительно к литературно- разговорному языку на современном этапе считаем уместным употребление данного термина, так как данная форма существования языка является относительно автономной, обладает статусом социокультурного языка общения, который позволяет пользоваться им в неофициальных коммуникативных ситуациях.

Перейдем к характеристике статуса современного английского литературно-разговорного языка, а также определим круг носителей данной формы существования английского языка, их социальный состав и установим совокупность языковых реализаций. Некоторые ученые полагают, что, сформировавшись позднее, чем английский стандартный литературный язык, литературно-разговорный язык существует как форма средняя между стандартным литературным языком и внелитературными формами и реализуется в ситуациях, где по различным причинам не требуется “чистая” литературная форма [Босак 1988: 247].

В основном это связано с попытками ученых разработать новые модели стратификации английского обиходно-разговорного языка и унифицировать связанные с этим процессом терминологические обозначения. В частности, существующие для определения феномена литературно-разговорного языка разнообразные термины свидетельствуют о сложности стоящей перед учеными проблемы. Разные авторы при определении английского литературно-разговорного языка берут разные его признаки (“высокая разговорность”, “высокий разговорный язык”, “повседневная

употребительность”, “стандартность”, “разговорный стандартный язык”, “надрегиональность”).

Но так как литературно-разговорный язык содержит многочисленные языковые региональные особенности (прежде всего, в произношении слов, грамматических формах и словаре), то в этом случае ученые встают перед проблемой отграничения литературно-разговорного языка от другой разговорной формы – общерегионального обиходно-разговорного языка. Английский литературно-разговорный язык в произношении отдельных слов и в интонационном оформлении высказываний обладает многими чертами, свойственными общерегиональным обиходно-разговорным языкам – английскому, уэльскому, шотландскому. Без региональных фонетических и лексических вариантов этот язык редко можно услышать в “чистом виде”, например, poverty – *poortith* ‘бедность’ [Маковский 2005: 80]. Но факты такого отграничения социолингвисты ищут, однако, не столько на экстралингвистическом уровне, сколько на языковом – фонетическом, морфологическом, потом на лексическом и синтаксическом. Но именно экстралингвистические факторы определяют выбор языковых средств носителями литературно-разговорного языка. Литературно-разговорный язык, как и английский стандартный литературный язык, имеет свои языковые особенности и управляется своими коммуникативными ситуациями.

Таким образом, литературно-разговорный язык – достаточно самостоятельная социолингвистическая форма существования со своим набором единиц, сочетающихся друг с другом по присущей этой форме правилам. Он используется при иных, чем стандартный литературный язык, условиях общения говорящих, находящихся между собой в неофициальных отношениях. Его носители – это современные носители английского литературного языка, различающиеся по этническим, социальным и культурным характеристикам, но для которых владение обеими формами существования английского языка – естественное явление, и таким образом носители языка – диглоссны.

Список литературы

1. Босак, Я. Разговорность как динамический фактор [Текст] / Я. Босак // Новое в лингвистике. Вып.20. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.– М.: Прогресс, 1988.– С. 243-252.

2. Маковский, М.М. Английская диалектология: Современные английские территориальные диалекты Великобритании [Текст] / М.М. Маковский. – М.: КомКнига, 2005. – 184с.

3. Нещименко, Г.П. Язык и культура в истории этноса [Текст] / Г.П. Нещименко // Язык – Культура – Этнос. – М.: Эдиториал УРСС, 1994. – С. 30-31

4. Чужакин, А. Мир перевода – 3. Practicum plus [Текст] / А. Чужакин. – М.: Валент, 1998. – 192с.

5. Ярцева, В.Н. Развитие национального литературного английского языка [Текст] / В.Н. Ярцева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288с.
6. Ammon, U. Explikation der Begriffe ‘Standardvarietät’ und ‘Standardsprache’ auf normtheoretischer Grundlage [Text] / Ammon // Sprachlicher Substandard / (Hrsg.) von Günter Holtus und Edgar Radtke. – Tübingen: Niemeyer, 1986.– S. 1-64.

И.Н. Щекотихина
Орел, Россия

К ВОПРОСУ О ЕДИНИЦАХ ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА

В настоящей статье мы обращаемся к вопросу о единицах внутреннего лексикона в рамках рассмотрения проблемы соотношения воспроизводимого и творимого в речи. Воспроизводимое мыслится как извлекаемое из лексикона, а творимое, соответственно, как порождаемое непосредственно в речи. Вопрос, в частности, состоит в том, какого рода единицы человек извлекает из лексикона. Оговоримся сразу, что речь идет о единицах поверхностного яруса, или яруса словоформ, по А.А. Залевской [Залевская 1990], образуемого психическими (ментальными) репрезентациями языковых форм, т.е. о том, что входит в инвентарь средств вербального выражения прочего психического содержания. Как отмечает сама А.А. Залевская, в этом ярусе «должны храниться единицы разной протяженности – от отдельных словоформ до типовых фраз, частотность употребления которых приводит к целостному «переживанию» последних индивидом без расчленения их на составляющие элементы» [Залевская 1990: 76]. Данное положение побуждает исследователя к выявлению и описанию всего многообразия «целостно переживаемых» единиц. Задача представляется крайне сложной, и возможность ее решения вызывает некоторое сомнение в связи с разноплановостью речевой деятельности, различиями в строе языков, особенностями индивидуального лексикона (идиолекта) и т.д. Однако можно попытаться высказать некоторые предположения о разновидностях этих единиц и их свойствах.

Статусом единиц внутреннего лексикона, помимо слова, наделяются фразеологические единицы, штампы, клише, пословицы, поговорки, цитаты, афоризмы и т.п. Эти единицы, обладая семантической целостностью и более или менее стабильной формой, вполне вписываются в указанный промежуток от словоформы до типовой фразы. Свободные высказывания обычно не включаются в состав единиц лексикона, поскольку они «не столь четко соотнесены с повторяющимися ситуациями, <…> не столь легко ассоциируются со стабильными сущностями из окружающего мира или его отдельными фрагментами» [Человеческий фактор в языке 1991: 100].

Однако область того, что трактуется как воспроизводимое в речи, постоянно

расширяется в связи с осмыслением понятия языкового/речевого стереотипа как единицы функциональной, характеризующейся определенной коммуникативной, жанровой, стилевой, тематической, индивидуальной, социальной, маркированностью (см., например, работы Т.Ф. Дельской, Т.М. Николаевой, Т.В. Булыгиной, М.П. Котюровой, Н.Г. Брагиной, В.А. Рыжкова, О.Г. Жуковой и др.). Уточняется трактовка терминов «клише», «штамп», «формула», «шаблон», «стандарт». Вводятся новые термины для обозначения различных типов стереотипных единиц: «коммуникативные стереотипы», «текстовые стереотипы», «фразеосхемы», «устойчивые синтаксические конструкции», «функционально интегрируемые единицы» и т.п. Эти единицы различаются структурно-содержательными параметрами, степенью устойчивости и стабильности состава. О наличии в лексиконе единиц постоянно-переменного состава (частично заполненных лексикой грамматических фрагментов) говорит Р. Джекендофф [Jackedoff 2002]. Кроме того, автором не исключается возможность толкования поэтических размеров и стихотворных форм в качестве подобных конструкций с переменными, входящих в лексикон наряду с самими текстами. Б.М. Гаспаров [Гаспаров 1996] еще более расширяет перечень «стационарных частиц» языкового опыта человека – коммуникативных фрагментов, составляющих его мнемонический лексикон: отдельные словоформы и даже их «осколки», готовые словесные группы, синтактико-интонационные фигуры с опорными словами, целые готовые реплики-высказывания, различные риторические «жесты», отдельные куски текстов и речений и т.п. Данные единицы характеризуются целостностью присутствующего в нашей памяти звукового и графического образа, имеющего подвижный и множественный характер; коммуникативной, тематической, жанровой, стилистической, эмоциональной «заряженностью»; динамической заданностью, т.е. способностью быть готовым средством языкового выражения в сочетании с пластичностью, возможностью видоизменяться, адаптироваться к условиям и задачам коммуникации.

Все эти факты свидетельствуют о размывании границ между воспроизводимым и создаваемым в речи (что ведет к пониманию соотношения стереотипного и творческого как континуума), о более динамичном и гибком понимании свойства целостности единицы, о возможности градации единиц лексикона по свойству «заданности» в нем (готовности к употреблению). Такая возможность имеет определенные когнитивные основания.

Во-первых, это обусловлено «субстратными» характеристиками, т.е. особенностями функционирования нейронной сети: характером накопления и взаимодействия «следов памяти», принципами их организации, в частности,

способностью создания взаимно подкрепляющих групп узлов, силой связей между узлами и, соответственно, скоростью распространения активации между ними (ср. понятия «стабильная коалиция», «функциональная система», «динамический стереотип» и т.п.).

Во-вторых, индуцированная нейронной материей психическая сущность (в данном случае репрезентация вербальной единицы) как единица универсально-предметного кода (по Н.И. Жинкину) может иметь разный характер в смысле полноты этой репрезентации.

Если исходить из того, что репрезентация языковой формы соотнесена с определенным ментальным содержанием (а посредством него с определенной референтной областью, ее отдельными фрагментами), то это ментальное содержание во многом задает целостность и устойчивость формы. Чем типичнее, стереотипнее содержание, чем чаще оно «востребовано», чем больше однозначности в соответствии между этим содержанием и некой формой, тем более это способствует стереотипизации и стабилизации формы. Однако, чем протяженнее форма, чем больше в ней композиционных составляющих, чем больше связей (узлов) формируют ее репрезентацию, тем больше простора для ее вариативности (произвольной и непроизвольной).

Трудно строить предположения о том, в каком виде хранится языковая форма в состоянии «нулевой» активации, но активированное состояние может достигаться по-разному: либо мгновенным возбуждением всех сложившихся во время предыдущих операций со стимулом связей (и тогда единица воспроизводится полностью), либо возбуждением каких-то отдельных «запечатленных» связей и дальнейшим распространением активации по вербальной сети в поиске необходимых для «достройки» формы единиц.

В случаях типичности, «банальности» передаваемого содержания бывает сложно установить степень связанности/свободы всех компонентов полученной формы. Например, по итогам проведенного нами анкетирования, направленного на выявление единиц, которые респонденты могли бы использовать для описания особенностей студенческой жизни, выявляются цепочки единиц (от слова до высказывания), вербализующих определенные понятия (концепты), в частности «льготный проезд»: «проездной», «проездной билет», «покупать проездные билеты», «возможность покупать проездные билеты», «мы можем покупать проездные билеты», «мы можем покупать проездные билеты дешевле, чем люди, которые работают», «студент может покупать проездные билеты и ездить со скидкой на поезде, если форма обучения очная».

Данные единицы отличаются степенью конкретности и аналитичности в представлении указанного концепта, и по мере конкретизации смысла, расчленения его на составляющие стабильность формы становится более зыбкой, хотя, как мы видим, в этих единицах выделяется стабилизирующее ядро, лежащее в основе идентификации единицы. При этом в последних двух единицах, представляющих собой в целом свободные высказывания, вычленяются другие типовые сочетания слов.

Акты речевого творчества, в отличие от описанных случаев, характеризуются «нахождением» необычных, нетривиальных связей (ассоциаций) как между языковыми формами, так и между формой и содержанием, а также осуществлением подобных операций при формировании вербализуемого содержания, и могут осуществляться на уровне форм разной протяженности и композиционности.

В данной статье мы едва коснулись некоторых аспектов рассматриваемой проблемы, преимущественно ее «формальной» стороны, и не затронули содержательных (семантических, прагматических) и прочих параметров функционирования единиц лексикона, которые самым непосредственным образом вплетены в сложнейший механизм внутреннего лексикона и связаны с вопросами стереотипного и творческого в речевой деятельности человека.

Список литературы

1. Гаспаров, Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования [Электронный ресурс] / Б.М. Гаспаров // Режим доступа: http:/www.gummer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gasp/index.php/. 1996, свободный.
2. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование [Текст] / А.А. Залевская. – Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 204, [1]с.
3. Кубрякова, Е.С., Шахнарович, А.М., Сахарный, Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / [Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный]; Отв. ред. Е.С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – 238, [1]с.
4. Jackendoff, Ray S. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution [Текст] / Ray Jackendoff. – Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2002 – XIX, 477, [1]p.

Р.А. Эфендиева
Нальчик, Россия

ОЦЕНКА И ЭМОТИВНОСТЬ КАК ОСНОВНЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Прагматическими по своей целенаправленности являются прежде всего такие элементы фразеологической семантики, как оценка и эмотивность, составляющие вместе взятые ядро коннотации фразеологических единиц. Если понимать под прагматическим содержанием фразеологизма «сумму коннотаций» [Скляревская 1997: 6], то оценка и

эмотивность составляют также ядро прагматической информации фразеологизмов, хотя в сумму коннотаций входят и многие другие коннотативные характеристики: социальные, культурные, этические, исторические, экспрессивные.

Одним из главных прагматических компонентов внутренней формы ФЕ является **оценочность**, которая представляет собой один из значимых семантических комплексов, в котором находят своё выражение и культурно-национальная специфика, и особенности личностной картины мира говорящего. Оценка как феномен имеет длительную историю изучения. Ей уделяли внимание в области философии, психологии, культурологии и, конечно, лингвистики. Под оценкой в лингвистике понимается результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально. Это означает, что оценочный компонент может быть закреплён или в высказывании, или в структуре значения, он всегда направлен на предмет речи или объект языковой номинации с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное. В лингвистике оценка изучалась как обязательный компонент коннотации [Телия 1986: 23] лексических и фразеологических единиц, как макрокомпонент семантической структуры слова или фразеологизма [Телия 1990, Арутюнова 1988], как один из факторов создания экспрессивности. Однако, проблема лингвистического статуса оценки вызывает до сих пор неоднозначное отношение к себе в силу противоречивости её характера. Как известно, причиной образования ФЕ с оценочным значением является потребность носителей языка в процессе общения экспрессивно выразить своё отношение к объекту речи. Значительное количество исследователей характеризуют оценку в языке как проявление эмоциональности, то есть интерпретируют объект с психолингвистических позиций, анализируют взаимодействие эмоционального и оценочного в структуре значения.

«Оценка зависит от денотации» [Телия 1997: 74], денотативное содержание фразеологизма является основой создания оценочного отношения говорящего индивида, а этот последний соотносит свои оценки с ценностной картиной мира, установившейся в том языковом социуме, в котором живёт индивид и в котором протекает его мыслительно-речевая деятельность. При рассмотрении оценки как собственно лингвистического понятия, отражающего определённые отношения субъекта оценки относительно ценности/неценности её объекта, необходимо учитывать, взаимодействие и взаимопроникновение субъективных и объективных факторов. Любое высказывание, содержащее оценку в той или иной степени предполагает наличие субъекта оценки, то есть лица, и объекта, то есть предмета, к которому эта оценка относится. «Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки

к её объекту, в то время как объективный (дескриптивный, живой, признаковый) компонент ориентируется на главные свойства предметов или явлений, на основе которых выносится оценка» [Вольф 1985: 22-23].

В речи оба фактора проявляются следующим образом: рассуждая о предмете, говорящий сообщает не только о его свойствах, но и о своём отношении к ним; объективность же проявляется, когда оценочные определения содержат те признаки объекта, которые соответствуют инвариантной картине мира данного национально-культурного сообщества. Субъект выражает оценку, основываясь как на своих собственных чувствах, переживаниях и эмоциях, так и с учётом действительности. Объект оценки предполагает постоянное присутствие целого комплекса объективных свойств, то есть дескриптивных признаков, которые ему приписывает субъект. По выражению Е.М. Вольф, в мире оценок действует «не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникаций» [Вольф 1985: 203]. Фразеологизмы с оценочным значением связаны с ценностным отражением мира. Ценностная же картина мира определённого социума включает набор ценностей, выражающихся в оценках, предполагает наличие оценочных стереотипов и норм, оценочной шкалы и ориентиров оценки. Оценочный компонент идиомы так или иначе связан с информацией о ценности, которая отображается в денотации идиомы. При этом выражение оценки может осуществляться либо в нейтрально-логической форме, либо в экспрессивно-эмоциональной.

Оценочное значение принято рассматривать как один из видов модальности, которые сопровождают языковые выражения. В.Н. Телия даёт следующее определение оценочной модальности: «Это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией (точнее – каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащих в основе оценки» [Телия 1986: 22-23]. Оценка действует в контексте мнения, в диапазоне «хорошо-плохо», и эта шкала является основой той модальной рамки, которую оценочность задаёт высказыванию.

Субъективная оценка тесно связана с проблемой эмоциональности, экспрессивности речи, так как её выражение чаще всего сопровождается эмотивностью, а также определённой экспрессией; нередко субъективная оценка, выраженная в каком-либо языковом знаке, влечёт за собой обязательное проявление эмотивности. **Эмотивность** действует в контексте чувства – отношения, в диапазоне «одобрение -

неодобрение», и эта шкала является основой той модальной рамки, которую эмотивность задаёт высказыванию. Интересная интерпретация проблемы соотношения экспрессивности и эмотивности представлена в работе В.И. Шаховского, который пытается разрешить эту проблему на основании способности слова выполнять коммуникативные и гносеологические функции. Эмотивность рассматривается им как свойство языкового знака, его способность выражать эмоциональность, а экспрессивность как способность эмоционально воздействовать на реципиента [Шаховский 1994: 20]. Эмотивность ФЕ, как правило, тесно связана с оценкой, (например, «с жиру беситься» (прост., неодобр.), «из грязи вышел в князи» (пренебр.) и т.д.); экспрессивность может быть и не связана с оценкой, или с определённым местом на шкале оценок, которое может меняться на оценочной шкале в зависимости от контекста.

В эмотивно окрашенных ФЕ мы имеем дело с двойной оценкой: на оценку, образующую денотативное содержание фразеологизма, как бы накладывается коннотативная оценка, которая может быть мотивирована образно-ассоциотивным представлением об объекте. Эмотивный компонент имеет самое существенное значение для прагматики фразеологических единиц, поскольку семантика этого компонента адекватна его прагматическому статусу. Эмотивность сложным образом взаимодействует с оценкой. Оценка может обойтись без эмотивности в случае её нейтрально-логического выражения. Эмотивность же всегда включает в себя и оценку, усиливает субъективный фактор во фразеологизме, всегда экспрессивна и в этом смысле коннотативна. Эмотивность фразеологизмов составляет ядро их коннотации. Объективная оценка как компонент коннотативного блока фразеологического значения чаще всего основана на функции ФЕ называть какое-либо оценочное понятие. ФЕ, содержащие субъективную оценку, являются эмоционально и экспрессивно окрашенными, а следовательно, и стилистически маркированными. Такие ФЕ помимо образной мотивации включают в себя целый комплекс ассоциаций, вне- и внутриязыковых, которые обусловливают их эмоциональное восприятие, «индивидуализируют» их осмысление.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988.

2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка) [Текст] / Е.М. Вольф. – М., 1985.

3. Скляревская, Г.Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? [Текст] / Г.Н. Скляревская // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб., 1997. – С.6-14.

4. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1986. – 145 с.
5. Телия, В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении. [Текст] / В.Н. Телия // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М., 1990.
6. Телия, В.Н. Лингвистическая прагматика в словаре [Текст] / В.Н. Телия // Виды реализации и способы описания. Сборник статей. – СПб., 1997 – С.74-76.
7. Шаховский, В.И. Типы значений эмотивной лексики [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. - 1994.- №1. – С.20-22.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Н.В. Аксёнова
Томск, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАКУНАРНОСТИ

Актуальность работы заключается в том, что в настоящее время понимание того, как переводчик выполняет перевод, является очень важной и еще не полностью изученной проблемой. При переводе с одного языка на другой переводчик руководствуется своим словарным запасом, знанием языка, его структурой, пониманием формирования слов, знанием особенностей национальной культуры. Немаловажным фактором являются личные характеристики и наклонности, знание психологии, а также социальная среда, в которой вращается переводчик. В работе исследуется влияние таких факторов, как характеристики ментальности и характеристики языковой личности.

С психологической точки зрения наиболее сложной областью перевода является область перевода идиом, так как для перевода идиом недостаточен только один словарный запас. Эта недостаточность обусловливается наличием лакун в идиомах.

Таким образом, цель работы заключается в том, чтобы доказать, что в работе переводчика важны не только характеристики языковой личности, но и характеристики ментальности, такие, как интуиция, использование ассоциаций, знание особенностей ментальности.

Основной задачей работы является эмпирическое исследование среди двух групп испытуемых студентов, одна из которых изучает иностранный язык в качестве своей будущей профессии и вторая, изучающая иностранный язык как предмет, не являющийся специальным и основным.

В данном эксперименте испытуемым необходимо было осуществить перевод идиоматических выражений.

Новизна исследования заключается в том, что опытным путем доказали, что в психолингвистической переводческой деятельности характеристики ментальности не менее важны, чем характеристики языковой личности.

Данное исследование было проведено среди студентов второго курса факультета иностранных языков и факультета психологии ТГУ. Перед выполнением эксперимента испытуемым были разъяснены правила и цели данной работы. Испытуемые должны были в течение сорока минут перевести предложенные им идиомы в количестве десяти штук с английского языка на русский. Данные идиомы были заимствованы из книги Пархамович Т.В. [Пархамович 1997: 120].

Полный список идиом для перевода приведен в таблице 1.

Табл. 1. Список идиом для перевода

№	Идиома	Дословный перевод	Русский эквивалент
1	Have all eggs in one basket	Иметь все яйца в одной корзине	Ставить всё на карту
2	Have a ready tongue	Иметь готовый язык	За словом в карман не лезть
3	Cheek brings success	Смелость приносит успех	Смелость города берёт
4	Between the devil and the deep blue sea	Между дьяволом и глубоким синим морем	Между молотом и наковальней
5	Buy a pig in a poke	Купить свинью в мешке	Купить кота в мешке
6	Devil will pay	Дьявол заплатит	Чёрт ногу сломит
7	Cut one's teeth	Наточить зубы	Собаку съесть
8	Till the cows come home	Пока коровы не вернутся домой	Когда рак на горе свиснет
9	Frighten the horses	Испугать лошадей	Дразнить гусей
10	Castles in Spain	Замки в Испании	Воздушные замки

Чтобы упростить задачу перевода, данным студентам в помощь были предоставлены англо-русские словари. Испытуемым запрещалось консультироваться друг с другом.

Для оценки влияния характеристик ментальности и языковой личности, испытуемым предложили выделить главные факторы, повлиявшие на перевод идиомы. Среди этих факторов были отмечены следующие: интуиция, хорошее знание языка, предшествующий опыт, знание перевода отдельных слов, ассоциативные связи, знание особенностей ментальности.

Факторы №2-4 относятся к характеристикам языковой личности, а факторы №1, 5, 6 к характеристикам ментальности. Каждый испытуемый мог выбрать любое количество этих факторов.

По истечении данного времени испытуемые отдавали работы преподавателю. После того как работы были собраны, каждая из них оценивалась следующим образом. Во-первых, в каждой работе проверялось число непереведенных идиом. Во-вторых, среди переведенных идиом оценивалась корректность переводов. Таким образом, по каждой работе рассчитывалось три показателя: число правильных переводов идиом, число неправильных переводов и число непереведенных идиом. Помимо этого, фиксировались главные факторы, повлиявшие на перевод идиом для каждого испытуемого. Результаты сохранялись в таблицах EXCEL для каждого факультета отдельно.

Первая выборка составила 20 студентов второго курса факультета психологии очного и очно-заочного отделения. Уровень владения иностранным языком испытуемых – Pre-Intermediate.

При сравнении результатов испытуемых получились следующие цифры. Студенты ФП правильно распознали 28% переводов идиом против 17% переводов, осуществленных студентами ФИЯ. Если говорить о проценте перевода (т.е. проценте тех идиом, которые перевели тем или иным образом), то студенты факультета психологии перевели 76% идиом, а студенты ФИЯ –52%. Таким образом, можно говорить о том, что студенты ФП, даже не зная точного перевода, на некотором интуитивном уровне пытались уловить перевод. Возможно, часть студентов рисковала тем, что существует вероятность дать неверный ответ, однако, они всё же брали на себя эту ответственность. В это же время студенты ФИЯ оставили половину идиом без перевода, предпочитая “не рисковать”. Примечателен тот факт, что только 2 (или 13%) испытуемых ФИЯ против 12 (или 60%) испытуемых ФИЯ выполнили перевод всех идиом.

Если говорить о корректности переводов осуществленных испытуемыми, то в данном случае можно выделить следующие факты. 45% испытуемых ФП дали по 4 правильных перевода. Среди работ студентов ФИЯ максимум 3 корректных перевода. Эти 3 корректных перевода наблюдаются только в 27% работ. Другими словами, испытуемые ФП не только больше перевели идиом, чем испытуемые ФИЯ, но и показали более качественный перевод (больший процент корректных переводов). Среди всех переводов студентов ФИЯ правильных оказалось 32,6%. В работах испытуемых ФП среди всех переводов 53,8% были правильными.

Если оценивать каждую идиому, то четыре идиомы: №4, 6, 7 и 9 не смог корректно перевести ни один испытуемый. По другим идиомам получаются следующие данные. Процент испытуемых ФП, распознавших переводы идиом №1, 3, 5, 10, превышает аналогичный процент испытуемых ФИЯ. Процент испытуемых ФИЯ,

корректно выполнивших перевод идиом №2 и 8, не намного превышает аналогичный процент испытуемых ФП.

Оценка попытки перевода следующая. Испытуемые ФП гораздо чаще переводили идиомы №1, 3, 4, 5, 6, 7, 9 и 10, чем испытуемые ФИЯ. В то время как испытуемые ФИЯ по аналогичному показателю превысили ФП только в случае двух идиом – №2 и 8.

Наиболее простыми идиомами для испытуемых ФП показались идиомы (в порядке усложнения) №5, 2, 10 и 3. Для испытуемых ФИЯ (в порядке усложнения) №2, 8, 5. Если учитывать степень восприятия, то получится, что наиболее простые идиомы для всех испытуемых (в порядке усложнения) №2, 5, 10. Переводимость этих идиом объясняется наличием очень близких аналогов в русском языке. Наиболее сложные идиомы №6, 7, 9 и 4. Эти идиомы не смог корректно перевести никто. Также очень мал процент испытуемых, которые сделали попытку перевода. Сложность перевода этих идиом объясняется большой отдаленностью дословного перевода и его русского аналога.

В результате выполнения данного исследования были получены следующие выводы:

1. Студентами ФП был предоставлен более качественный перевод идиом, так как они анализировали множество ассоциаций идиом и выделяли наиболее правдоподобные, для студентов ФИЯ было наиболее важным фактором соответствие переводимого слова с русским аналогом.

2. Студенты ФП, не обладающие богатым опытом перевода, испытывали меньшее психическое напряжение, связанное с незнанием перевода отдельных слов, чем студенты ФИЯ.

3. С увеличением количества правильных переводов у всех испытуемых наблюдалось усиление влияния параметров ментальности и уменьшение значения характеристик языковой личности.

4. Характеристики ментальности превалируют над характеристиками языковой личности в психолингвистической переводческой деятельности.

Следовательно, можно считать, что именно со знанием национальной ментальности людей, говорящих на иностранном языке, в большей степени связана эквивалентность перевода.

Список литературы

1. Пархамович, Т.В. 1000 русских и 1000 английских идиом [Текст] / Т.В. Пархамович.– Минск, Попурри, 1997 – 128с.

Н.А. Бизяева
Челябинск, Россия

КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНСТРУКЦИЙ К ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ТОВАРАМ

Текст любого жанра подчиняется общим закономерностям построения речевого произведения в его завершенности. «Для любого речевого акта остается в силе прежде всего всеобщий закон, на основе которого строится данное высказывание, а именно закон структурной организации этого высказывания» [Колшанский 1975: 25]. Еще советские исследователи 20-х годов XX в. обратили внимание на текст, как на явление, поддающееся структурации. «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

Членение разных типов текста обусловлено разными принципами. Поскольку данная статья посвящена композиционной структуре потребительской инструкции к товарам российских и зарубежных производителей, основное внимание будет уделено тем принципам, которыми руководствуются при членении именно этого типа текста.

«Основное предназначение инструкции: сообщить значимые объективные сведения и предписать связанные с ними необходимые действия, регламентировать действия человека. Значит, коммуникативное задание, которое несет текст инструкции, – сообщение сведений и предписание действий» [Алексеева 2004: 292].

Главенствующим принципом членения текстов, не выполняющих эстетико-познавательную функцию (потребительская инструкция – один из таких текстов) И.Р. Гальперин считает логическую организацию сообщения. Логическая последовательность и закономерность связей обеспечивает легкое декодирование сообщения читателем.

Материалом для настоящего исследования послужили руководства по эксплуатации к бытовым приборам зарубежных и российских производителей (Casio, ConAir, Moulinex, Nikon, Olympus, Panasonic, Praktica, Rowenta, Scarlett, Samsung, Siemens, Sony; «Делсот», Нововятский механический завод, Пензенский машиностроительный завод, «Сантек», Саратовское электроагрегатное производственное объединение, «Стинол» и др.).

Цель исследования – проанализировать руководства по эксплуатации к бытовым приборам зарубежных и российских производителей на предмет их композиционной структуры. Нормы, или конвенции, жанра имеют большое значение, поскольку различия между ними становятся наиболее очевидными при выходе за пределы одного языка и одной культуры. Помимо рассмотрения особенностей потребительской инструкции как на английском, так и русском языках нам представляется важным также осветить данный вопрос на материале переведенных инструкций (направление перевода – с английского языка на русский).

Как англоязычные, так и русскоязычные инструкции характеризуются наличием некоторых базовых композиционных блоков, а именно:

- общие сведения о товаре,
- технические данные,
- устройство товара,
- подготовка к работе,
- порядок работы,
- техническое обслуживание,
- неисправности и методы их устранения,
- требования безопасности,
- гарантийные обязательства,
- адреса организаций, производящих гарантийный ремонт.

Однако помимо этого как в англоязычных, так и в русскоязычных инструкциях имеются дополнительные блоки, характерные для одной культуры и нехарактерные для другой. Так, инструкции к товарам российского производства помимо вышеперечисленных разделов включают в себя следующие:

- свидетельство о приемке и продаже товара,
- талоны на техническое обслуживание.

Кроме того, иногда в них можно наблюдать такие разделы как:

- обращение к покупателю,
- приложения

- разъяснение используемых терминов,

- советы, рекомендации (например, рецепты блюд – электровзбивалка ВР-201 «Элита»; рекомендации по лечению и профилактике заболеваний органов дыхания мелкодисперсными аэрозолями – ультразвуковой ингалятор «Муссон–1М»).

Что касается обращения к покупателю, то оно есть не во всех инструкциях. Иногда руководства по эксплуатации начинаются с поздравления покупателя в связи с приобретением товара или со слов благодарности, что он остановил свой выбор на товаре именно этой фирмы. В некоторых англоязычных инструкциях можно наблюдать отдельные обращения к гражданам Великобритании, Канады, США. В последнем случае возможно обращение к жителям каких-либо конкретных штатов США (пример из инструкции к цифровому фотоаппарату фирмы Nikon Coolpix 7900:

Notice for customers in the State of California

WARNING: Handling the cord on this product will expose you to lead, a chemical known to the State of California to cause birth defects or other reproductive harm. Wash hands after handling.)

В инструкциях к бытовым приборам зарубежных производителей помимо вышеперечисленных базовых разделов можно встретить следующие факультативные информационные блоки:

- комплектность,
- торговые марки,
- алфавитный указатель,
- глоссарий терминов,
- декларация соответствия тем или иным стандартам и нормативным документам,
- охрана окружающей среды.

Вопросу охраны окружающей среды в англоязычных инструкциях уделяется гораздо больше внимания, нежели чем в русскоязычных. Так, в англоязычных инструкциях часто дается информация об утилизации товара. Например, «At the end of the product’s useful life, please dispose of it at appropriate collection points provided in your country» (эпилятор фирмы Braun – Silk·épil EverSoft 2075). Помимо этого в англоязычных инструкциях можно наблюдать следующее – Printed on recycled paper.

Интересно, что такая часть потребительской инструкции, как декларация соответствия, в которой указывается модель изделия, наименование предприятия и его адрес, все стандарты и нормативные документы, которым соответствует изделие, фамилия и подпись уполномоченного лица, далеко не всегда имеется в англоязычных инструкциях. Однако необходимо отметить, что на многих англоязычных инструкциях имеется знак, указывающий, что продукт соответствует европейским требованиям по безопасности, охране здоровья, окружающей среды и защите потребителя.

Специфичной особенностью некоторых англоязычных инструкций является то, что они содержат два раздела: 1) раздел для покупателя, 2) раздел для специалиста, производящего установку и обслуживание данного товара.

Таким образом, в данной работе выявлены отличия в структуре англоязычных и русскоязычных потребительских инструкций. Для англоязычных инструкций не характерен строго фиксированный состав информационных блоков. Нет также и строго определенной последовательности этих блоков. Что касается инструкций к товарам российского производства, то они более унифицированы. Ранее они печатались в типографиях; очевидно, что к их оформлению предъявлялись строгие требования. В настоящий момент в России действует ГОСТ Р ИСО/МЭК 37-2002. Данный стандарт содержит общие принципы и подробные рекомендации по подготовке и изложению всех видов инструкций, которые могут быть необходимы или полезны покупателю потребительских товаров.

Что касается переводных инструкций, то в большинстве случаев речь идет не о «перетекстовке», а именно о переводе (А.Ф. Келлетат говорит о том, что профессиональный переводчик, имеющий дело с рекламными каталогами, проспектами и инструкциями по употреблению, осуществляет не перевод, а «перетекстовку»). Потребительские инструкции, как правило, переводятся с английского языка на русский с сохранением практически всех информационных блоков, за исключением тех моментов, которые предназначены исключительно для граждан других государств, например, Великобритании, США, Канады, и нерелевантны для российского потребителя.

Список литературы

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст] / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.
3. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: 1975.

Н.И. Борковец
Челябинск, Россия

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В ходе переводческой деятельности происходит своеобразный лингвистический эксперимент по коммуникативному приравниванию высказываний и текстов на двух языках. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и

структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций [Комиссаров 1999: 15].

Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные склады мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки.

Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, также связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах.

Именно требование верно и полно (адекватно) выразить то, что уже выражено ранее средствами другого языка, породило проблему переводимости и побудило В. Гумбольдта написать следующее: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой решить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» [Гумбольдт 1964: 43].

Кроме того, в языке выделяются также так называемые функциональные стили – совокупности языковых средств преимущественно употребляющихся в определенных сферах общения.

Перевод художественной литературы резко контрастирует с переводом других текстов. Язык художественных произведений характеризуется образными средствами, индивидуальным стилем автора. Основная задача в этом виде перевода – передать художественно-эстетические достоинства оригинала, его индивидуально-авторские особенности создать полноценный художественный текст на языке перевода. Для достижения этой главной цели переводчик может быть более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста.

Широко употребляются технические термины в качестве метафор в художественной литературе. Это можно объяснить с точки зрения «рациональной номинации» [Глушак 1986].

Технические термины, использованные в качестве метафор, являются очень эффективным средством экспрессии. Экспрессивный механизм действует главным

образом за счет нарушения регулярности - путем переносов, образности, нарушения привычной сочетаемости слов.

Технические метафоры вызываются к жизни не только «жаждой экспрессии», но и утилитарными соображениями и лакунами в номинативной системе. [Девкин 1986: 73].

В переводе метафоры концентрируются и особенно отчетливо проявляются все те проблемы и задачи, которые свойственны переводу вообще. На переводчика здесь возлагается самая сложная и ответственная задача - сделать все так, чтобы читатель мог максимально приблизить себя к носителю языка оригинала и почерпнуть всю глубину смысла и ассоциаций, заложенных в данной фигуре. Переводчик может считать свою цель достигнутой только тогда, когда читатель перевода не только осознает смысл, но, что, может быть, и важнее, ощутит весь эмоциональный эффект, адресованный читателю оригинала. Метафора, являясь средством сложной информации, естественно требует в переводе полного сохранения всей своей информативности. Иначе возникает угроза утраты ее семантической сложности, а значит и самой метафоры.

Здесь как бы дает о себе знать онтологическая сущность метафоры- metaphora «транспорт», которая требует обязательно транспортировать из одного языка в другой всю многослойность значений и эмоций. В самой метафоре изначально уже заложена двусмысленность. Переводчику необходимо довести до читателя не только основной, но и подразумеваемый, вторичный смысл, заложенный где-то на периферии лексического понятия, но который имеет равноценное основному значение, а часто, может быть, даже главенствующее. Сложность такой задачи усиливается еще и тем, что метафора, как известно, вызывает определенную ассоциативную цепь в сознании, исходящую из основного лексического образа. Переводчику необходимо подобрать такие лексические средства, которые от основного образа дадут в языке перевода именно такую же цепь ассоциаций, какую предполагал автор оригинала. Это может составлять определенную трудность при переводе не столько из-за различия культурно-исторических традиций, сколько из-за возможного несовпадения лексико-семантического объема значения слов.

Необходимо стремиться к тому, чтобы элементы метафоры воссоздаваемой в переводе, были связаны между собой не только в переносном смысле, но и в прямом. Подобный переводческий подход можно условно обозначить как закон соблюдения единства метафоры.

В художественном переводе должны быть сохранены созданные автором образы, так как сглаживание образов ведет к тому, что стиль автора теряет своеобразие, обезличивается при переводе. Способы передачи лексических фигур речи при переводе

зависят также от того, является ли образ общенародным (языковым) или индивидуальным (авторским). В каждом языке имеется своя система метафор, которой люди, говорящие на этом языке, пользуются в процессе общения. С другой стороны, автор создает свои собственные образы, характерные лишь для его индивидуальной манеры. Лучшим способом перевода общенародного образного средства является подыскивание образного эквивалента или образного аналога, т.е. общенародной единицы языка в русском языке, имеющей тот же самый смысл. Однако метафоры не всегда совпадают по форме и содержанию в различных языках.

Такие совпадения характерны для оборотов, имеющих интернациональное распространение. Встречаются также образные обороты, совпадающие по значению, но расходящиеся по образности. Могут быть случаи, когда оборот в одном языке употребляется метафорически, а в другом - нет. Часто образное выражение, имеющее тот же самый смысл в русском языке, будет создан на основе иного образа.

Кроме случаев полного или частичного соответствия при передаче метафор возможно и полное расхождение образов. В тех случаях, когда в русском языке нет образной единицы, аналогичной по смыслу, переводчику приходится учитывать характер образа и его роль в конкретном контексте, для того, чтобы решить: следует ли сохранить образ в переводе или его можно заменить другим образом.

Следует также различать живые образы(image bearing expressions) и стершиеся образы, своего рода «окаменелости» (fossils), в которых образные черты стерлись. Живой образ воссоздается в переводе, вымерший образ передается по смыслу.

При переводе часто используется метод компенсации, т.е. способ перевода, при котором какая-либо потеря восполняется в другом месте или каким-либо другим путем. Уделяется также внимание приему экспрессивно-прагматической конкретизации при переводе метафор, который позволяет наиболее полно передать как ее логическую сущность, так и общую эмоциональную тональность. Случаи неизбежной экспрессивной конкретизации при переводе метафор обусловлены тем фактом, что каждый язык имеет свои одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы верно передать иной образ или фразу, в переводе их иногда следует совершенно изменить. Соответствующий образ, так же как и соответствующая фраза, состоят не всегда в видимом соответствии слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального.

Итак, систематизировав все вышесказанное, можно выделить следующие способы перевода метафоры:

1) Подыскивание образного аналога в языке перевода.

2) Создание дословного эквивалента.

3) Описательный перевод.

4) Замена образа оригинала на принятый в языке перевода образ.

5) Метод компенсации.

6) Метод экспрессивно-прагматической конкретизации.

7) Нейтрализация метафоры.

Сопоставительный анализ немецких художественных текстов и их переводов показывает, что все-таки в 75 % при переводе сохраняется внутренняя форма технической метафоры. В подтверждение этого можно привести несколько примеров:

(1) «Gestatte, Genosse, ich bin *nur ein Schräubchen*! » [Strittmatter 1971: 150]

«Извини меня, товарищ, но я *всего только винтик*». [Штритматтер 1984: 138].

(2) «Die Abbruchfahrzeuge waren aus dem Amazonas gebrochen *wie Panzers in eine Schlacht* » [Grün 1982: 266].

«Механизмы, предназначенные для слома строений, вырвались из Амазонки, *как танки в бой*» [авт. пер.].

Следующие примеры наглядно показывают, что метафорический образ при переводе несколько трансформируется:

(3) «Dann treff ich dich *kalte Schraube* im Himmel nicht, denkt Mampe» [Strittmatter 1971: 164].

«Ну, значит, тебя, *худое сверло*, я на том свете не встречу», - думает Мампе [Штритматтер 1984: 149].

И в немецком, и в русском предложениях сохраняется техническая метафора, но переводчик в данном случае отказался от идентификации денотата, а использовал новую номинацию. В немецком тексте словосочетание «kalte Schraube» дословно переводится, как «холодный болт». Вероятно, исходя из контекста, переводчик решил, что метафора «худое сверло» более наглядна, образна, понятна.

Анализируя исходные тексты и тексты перевода, встречаешь ряд примеров, из которых видно, что немецкая техническая метафора сохраняется в русском переводе:

(4) «…, die andere, weil sie *auf diesem lärmenden Karussell* wieder einmal erkannte, dass sie schon viel zu alt für alles dies geworden war und

besser Verkäuferin» geblieben wäre, … » [Kant 1974: 296]

«… другая *среди шума и суеты* вдруг снова понимала, что она слишком стара для всего этого – уж лучше бы она осталась продавщицей» [Кант 1987: 234].

В этом примере слово «das Karussell» из исходного текста в тексте перевода не упоминается как таковое. Те же самые признаки, качества описываются при помощи

других словосочетаний: «шум», «суета». И то, что в оригинале подразумевается, в переводе эксплицитно выражено.

(5) «Cajetan Lechner atmete schwer in dem nun überheizten Raum. Sein Herz war *nicht zuverlässig*;…» [Feuchtwanger 1975: 227].

«Каетану Лехнеру тяжело дышать в чересчур натопленной комнате. Его сердце уже *перестало быть надежным механизмом*» [Фейхтвангер 1988: 233].

В немецком тексте использована нейтральная лексическая единица: «nicht zuverlässig sein». В русском переводе соответственно взят вариант: «не быть надежным механизмом», то есть появляется технический термин для уточнения значения, конкретизации.

И в этом случае мы можем говорить об эквивалентности перевода, что является одним из центральных понятий теории перевода по В.Н. Комиссарову, и обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. А.В. Федоров, используя вместо термина «эквивалентность», термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника (Федоров 1983).

Список литературы

1. Баранов, А.Н. Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики [Текст] / А.Н. Баранов // Известия АН. Сер. лит. и яз.1997. Т. 56. № 1.
2. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. М., 1988.- С.11-26.
3. Гак, В.Г., Григорьев, Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык [Текст] / В.Г. Гак. – М.: «Интердиалект». – 1997. – 456с.
4. Галеева, Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. [Текст] / Н.Л. Галеева. – Тверь: ТГУ, 1999. – 153с.
5. Глушак, Т.С., Грушевая, И.Л., Шалимо, В.П. Осуществление рациональной номинации в коммуникативных сферах науки и техники [Текст] / Т.С. Глушак // Общие и частные проблемы функциональных стилей. Москва. 1986. – 216с.
6. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397с.
7. Гумбольдт, В.фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода [Текст] / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М., 1984, С. 37-300.
8. Девкин, В.Д. Псевдоэкспрессия [Текст] / В.Д. Девкин // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986. С. 69-77.
9. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 1999. – 192с.
10. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: [Текст] / И.А. Стернин. – Изд-во Воронеж. Ун-та, 1985. – 171с.
11. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. [Текст] / А.В. Федоров. – 4-е издание. – М.: Высш. шк., 1983.

А. Б. Бушев
Тверь, Россия

РИТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ ПРЕССЫ

Современные коммуникативные технологии (система Интернет) делают возможным представление разнообразных аутентичных тексты источников открытого доступа США. Изучению подвергается корпус разножанровых текстов военного перевода современного английского языка последних лет – вопрос, актуальный для переводческой практики военных переводчиков.

Рассмотрим специфику перевода текстов публицистических жанров, ставящих во главу угла речевое воздействие, пропаганду и доходчивость.

Газетно-информационный материал. Здесь представляется необходимым знание эквивалентности основной общественно-политической лексики, оборотов газетной речи, важнейших стилистических черт публицистики, переводческих трудностей, способностей анализа отдельных языковых явлений. Становится важным автоматизм установления англо-русских языковых параллелей = как примерно одно и то же содержание выражается на двух языках.

В представленном ниже новостном сообщении жирным курсивом выделены традиционные клише публицистического языка – завсегдатаи газетных полос. Надо отметить, что в выделении специфики клишированности газетного языка заметны труды многих ученых – В. Г. Костомарова, Г. В. Чернова.

Нельзя не заметить, что частые повторы и варьирование определенных слов и сем (например, counterterrorism, global campaign) сами по себе создают стойкую картину приемлемости информации, отождествляются с определенным автоматизмом восприятия. Распевание на разные лады одного и того же – стойкая и эффективная техника внушения. Это, между прочим, было показано нами при анализе текстов гипносуггестии.

WASHINGTON, May 21, 2002 v While the ***lethal threat*** terrorism casts on the world is not new, "the world's resolve to defeat it has never been greater," said Secretary of State Colin Powell May 21.

Powell, introducing the State Department's annual Patterns of ***Global Terrorism***, said the world has answered President Bush's ***call for a coalition against global terrorism***.

The report, mandated by Congress, puts ***the global campaign against terrorism*** in perspective. The 2001 version features a country-by-country listing of what these nations have done ***to support the campaign against global terrorism.***

"For some nations this means new ***counterterrorism laws***, ***tighter border security and increased financial controls,*** " said Ambassador Francis X. Taylor, the State Department's Coordinator for ***Counterterrorism*** who wrote the report. "For others, it means contributing military assets to operations in Afghanistan. For others still, it is an ***aggressive sanctioning of terrorist groups*** in order to curtail their ***criminal activities***."

Powell said the United States and its coalition allies have destroyed the al ***Qaeda sanctuary*** in Afghanistan and ended the ***oppressive Taliban regime***. "But the ***continuing campaign against terrorism*** isn't only about Afghanistan and ***bringing*** the perpetrators, planners and abettors of the Sept. 11 attacks ***to account***," he said. "It is also about bringing the international community's combined strengths to bear against the ***scourge of terrorism*** and its many manifestations throughout the world."

Taylor said the report lists successes to date in the war on terrorism and charts the way ahead. "By the end of last year 1,000 al Qaeda operatives had been arrested in more than 60 countries," Taylor said. "Today, that figure stands at 1,600 operatives in 95 countries. But al Qaeda has not been defeated and operatives from other terrorist groups still ***pose an equally deadly threat***."

Other nations need help in *fighting the cancer of terrorism***, Powell said. The United States has launched a train and equip program with Georgia to develop that country's counterterrorism capabilities. Other U.S. forces are working with the government of Yemen "***to root out*** al Qaeda cells and to ensure that Yemen is not used as** *a base for terrorist organizations*."

Подчеркнутыми в тексте оказались лексемы, которые – наряду с иными риторическим приемами создания смыслов – создают смысл “коварный враг”, берущий заложников, тайно планирующий свою вездесущую деятельность, убивающий и поэтому должный быть убитым.

Пониманию предсказуемости, доходчивости, легкости усвоения и пропагандистского характера газетных материалов способствует система жанров как устоявшихся риторических моделей текстов в информационной сфере***. Жанрово-стилистической разнообразие общественно-политических текстов*** представлено прежде всего газетной, журнальной статьями, статьей в энциклопедии, в справочнике, книгой политического содержания, документами официально-делового стиля (выдержки из коммюнике, уставов международных организаций). Отдельными жанрами идут географическая справка, историческое описание, политологическая аналитика, ораторская речь, художественная публицистика, фельетон. В свою очередь, газетная статья подразделяется на краткую, информационную, передовицу, обзор, комментарий,

в зависимости от качественности и направленности издания и т.д. Структура подачи новостей на серверах ведущих информагентств, наличие системы гиперссылок, рубрикации. Отсылок к материалам справочного характера являет прекрасную возможность совершенствования постижению специфики вышеперечисленных жанров.

Так, в качестве ***основных характеристик информационного сообщения*** отметим разнообразие тем, недопущение просторечия, жаргона, высокого стиля, предпочтение нейтрального порядка слов, преобладание когнитивной информации над эмоциональной (проблема оценки в новостном жанре значима).

Для ***интервью***, которое представляет собой публичный диалог существенными характеристиками являются: сообщение когнитивной информации и эмоциональной. Использование средств с яркой эмоциональной окраской, запланированность диалога (подготовка и продумывание интервьюера, определенные заготовки интервьюируемого), важность при переводе стиля интервьюируемого, в нем жаргона, диалекта, образности, синтаксиса, словечки т.д. При этом отметим, что не все реплики корреспондента могут представлять собой вопросы. Они могут быть оформлены как утверждение, сомнение. Ответы осуществляются не всегда в рамках темы, могут быть отклонения. Стиль вопросов и ответов может быть достаточно единым, а может и контрастировать – и в переводе эти отличия нельзя нивелировать.

Жанрово-стилистические проблемы представим на примере информационного сообщения:

- Номинативность заглавия, синтаксис заглавия.
- Развертывание сообщения – индуктивное и дедуктивное
- Констатация факта, пересказ, оценка
- Специальные обороты газетно-политического языка
- Распространенность бытового словаря в газетном языке (в английском шире)
- Стиль газетной публицистики. Полемика образность, разговорность. Важность знания номенклатуры учреждений, партий, мероприятий.

Жанроведению в журналистике посвящена работа А. А. Тертычного (2000). Жанр трактуется как способ отображения автором действительности. В газетно-журнальных материалах выделяются фактографические, аналитические и наглядно-образные жанры. Среди жанров для фиксации сведений (событий, ситуаций как череды событий) выделяются ***информационная заметка, хроника, отчет, интервью, репортаж.***

Информационный жанр в западных англоязычных средствах масс-медиа ***новостной рассказ (news story)*** – основная масса информационных потоков, осуществляющих мониторинг событий. Современные коммуникативные технологии

обеспечивают ежедневное чтение основных газет, издаваемых в мире, и сообщений новостных агентств (www. yahoo.com). Риторическая компетенция коммуникатора требует различения разных жанров в пределах данной группы:

Заметка – небольшие размеры изучения определенного предмета выступления, где кратко, обычно без разговора о глубине изучения, методах, авторском отношении, подается новость о событии, явлении, проблеме, человеке. В пределах данного пучка жанров можно выделить специфичные в риторическом отношении ***анонс, аннотацию, минирецензию, блицпортрет, миниобозрение, миниисторию, минисовет.***

Информационная корреспонденция подразумевает, что объем публикации такого рода может включать не только фактологическое описание предмета, но и некоторые элементы оценки, предписания, прогноза. В отличие от репортажа автор, как правило, не присутствует на событии. Его оценки менее эмоциональны. Вот отчет об утверждении нового госсекретаря США:

Powell Outlines Cautious New Foreign Policy

By Jonathan Wright

WASHINGTON (Reuters) - Secretary of State-designate Colin Powell on Wednesday laid out a cautious new foreign policy based on U.S. ``national interests'' and the use of force abroad only for clear political objectives.

Powell told the Senate Foreign Relations Committee that President-elect George W. Bush would also review policy in some key areas, including Iraq, North Korea and the Middle East.

But he dismissed speculation that under Bush the United States would turn inwards and ignore the world.

``There is no inclination whatsoever to have our nation withdraw from the world into a fortress of protectionism or an island of isolation," Powell told a confirmation hearing.

Информационный отчет, информационное интервью, блиц-опрос, вопрос-ответ (ответы редакции на вопросы телезрителей) **имеют языковые, риторические и переводческие особенности.**

Для ***репортажа*** характерны развернутое применение метода наблюдения о необычном событии, эффект присутствия, эффект сопереживания и стремление вызвать эмоциональный отклик.

Умения и понимания требуют работа с ***корреспонденцией, статьей, обозрением, обзором выступлений СМИ, рецензия, комментарий, литературно-***

критической статьей – материалами, где проведены анализ, исследование, истолкование событий, процессов, ситуаций. Там применен арсенал риторических приемов объективного информирования и манипулятивного воздействия. Сходные риторические особенности имеет ***информационный и аналитический отчет*** - освещение словесной работы людей- выступлений, содержания и смысла речей, объяснение, оценка, программа.

Аналитическая корреспонденция, аналитическое интервью, аналитический опрос, беседа, комментарий требуют представления законов построения жанров.

Если информационное сообщение отвечает на вопросы *что? где? когда? как*?, то комментарий *что действительно? при каких обстоятельствах? почему? кому это выгодно ? какова ситуация? что делать? как лучше? какие существуют различия, противоречия? как проявляется направление развития? каковы его стратегия и тактика?*

В сфере переводческой и коммуникативной культуры поднимается вопрос о научении ***рефлективным техникам комментирования***. Необходимо в любой, а особенно руководящей и профессиональной деятельности уметь направлять внимание аудитории на важные новые факты, оценивать их, связывать комментируемое явление в связь с другими событиями, выявлять причины этого события, формулировать прогноз развития комментируемого события, обосновывать с помощью примеров необходимые способы поведения и решения задач.

Рефлексированию подлежат предмет прецеденты, мотивы, цели структура доказательного рассуждения (детализация, сравнение, противопоставления, интерпретация, обращение к предыстории события). Рассказ о событии привносит следующие структурные элементы комментария – формулировку возникших вопросов, формулировку тезисов, выводы.

С вопросами художественно-публицистического обобщения информации ***(пропаганда, передовица, текст прессы рекреационного характера, очерк, фельетон, памфлет, эпиграмма***) переводчик сталкивается при подготовке текстов с иными риторическим задачами.

Комплексный коммуникативный курс, охватывающий жанроведческие теории, практику публичных выступлений, искусство убеждать, проблемы взаимоотношений между людьми и информацией, прикладной психологии, проблемы языкового представления знаний особенно актуален для практических коммуникаторов – переводчиков. Этот курс предсиавляется синтезом старой и новой риторики с акцентом на использование новых коммуникативных технологий.

Список литературы

1. Чернов, Г. В. Основы синхронного перевода [Текст] / Г.В. Красных. – М., 1987.
2. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати [Текст] / А.А. Тертычный. – М., 2000

А.А. Вахрушев, Н.М. Нестерова
Пермь, Россия

СЛОВО В КАРТИНЕ МИРА: О МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ «СООТВЕТСТВИЯХ» В ПЕРЕВОДЕ

Not every word in one language has an exact equivalent in another. Thus, not all concepts that are expressed through the words of one language are exactly the same as the ones that are expressed through the words of another.

A. Schopenhauer[24]

Известно, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или, другими словами, «языковую картину» мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний, и «навязывается» в качестве обязательной всем носителям языка.

Пользуясь словами, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Именно слова обеспечивают так называемое своеобразие обозначений явлений действительности в разных языковых системах. Так, например, Х. Ортега-и-Гассет, сопоставляя испанское слово *bosque* (лес) и его немецкое словарное соответствие *wald,* отмечает громадное различие между теми реальностями, которые эти слова обозначают. Это различие “так велико, что не только сами реалии совершенно не соответствуют друг другу, но и почти все вызванные ими эмоциональные и духовные отзвуки” [Ортега-и-Гассет: 6]. Именно данное «своеобразие обозначений» при переводе проявляется в феномене так называемых «несоответствий».

Несоответствие «словарных соответствий» при переводе, вызванное тем, что «разные языки - это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [Гумбольдт: 349], отмечали как философы-романтики начала XIX века, так и философы XX века. В реальности причины межъязыковых вербальных несоответствий кроются не только в гумбольдтовском различном видении предмета,

[24] Ни одно слово в одном языке не имеет полного эквивалента в другом. Поэтому не все понятия, выражаемые словами одного языка, полностью соответствуют понятиям, выражаемым словами другого языка. (Перевод А.В.)

обозначенного данными словами, но и в том, что слово как элемент языковой системы неразрывно связано с другими элементами данной системы. Значение каждого слова оттеняется, обогащается значениями других слов, особенно тех, которые находятся с ним в родственных отношениях - парадигматических и синтагматических, синонимических и антонимических, семантических и формальных. Связи эти очень прочные, и «вырвать» слово из этого так сложно переплетенного вербального пласта.

Кроме того, несмотря на контекстные ограничители, слово в тексте предстает в ореоле всех своих семантических возможностей, в разной степени высвечиваемых в речевом произведении. Обогащается слово и индивидуальной семантикой, представленной, как говорил П. Флоренский, «совокупностью почти неуловимых эмоциональных оттенков, которыми определяется самое проникновенное из того, что говорящий вот сейчас, в данном случае вкладывает в произносимое им слово» [Верещагин, Костомаров: 296].

Не согласиться с этим нельзя. Вот и получается, что словарь как главный инструмент переводчика превращается для него, по словам Набокова, во «вражеский стан». Убедиться в этом совсем не сложно, достаточно сравнить семантику слова оригинала и его «эквивалентного» соответствия в тексте перевода. Такое сравнение (процесс которого сам по себе является очень занимательной лингвистической операцией) неизбежно приведет нас к тому, что при наложении содержательных структур слов оригинала и перевода мы получим три зоны в их соответствии друг другу: зону их пересечения, зону слова оригинала, которая остается нетранслированной, и зону слова перевода, его собственных внутриязыковых значений, которых нет у слова оригинала".

Для выявления названных зон нами были проанализировано 30 лексических соответствий, взятых из повести А.С.Пушкина “Капитанская Дочка” и ее английского перевода, выполненного Натали Даддингтон (Natalie Duddington) в 1936 году. Для анализа были использованы следующие словари: ABBYY Lingvo, Многоязычный электронный словарь; Большой толковый словарь русского языка, Под. ред. Д.Н.Ушакова; OXFORD. Advanced Learner’s Dictionary.

Рассмотрим два примера: С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в *дядьки*.

At the age of five I was entrusted to the groom Savelyich, *who was assigned to look after me,* as a reward for the sobriety of his behavior.

Зона слова оригинала	Зона пересечения	Зона слова перевода
«…*дядьки*…»		«…*to look after*…»
1) слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье (истор.); 2) воспитатель, гувернер, наставник, наставитель, учитель; 3) мужчина приставленный для ухода или надзора за ребенком, пестун; 4) прислуга.	Следить, ухаживать, заботиться.	1) следить глазами, взглядом; 2) присматривать, ухаживать за (кем-л., чем-л.), заботиться о (ком-л., чем-л.); 3) убивать (разг.).

В данном случае при переводе происходит замена устаревшего, стилистически окрашенного слова на нейтральное, которое не передает полностью оттенка слова-оригинала. Как видно, из сопоставления словарных дефиниций исходного слова и его перевода, зона пересечения весьма незначительна. Остаются «неохваченными» в переводе такие составляющие значения русского слова, как слуга, наставник, воспитатель, учитель.[25]

2. “Эй, *ямщик*!— закричал я…”
"Hey, *driver!*" I cried.

Зона слова оригинала	Зона пересечения	Зона слова перевода
«…*ямщик*…»		«…*driver*…»
возница, кучер на почтовых, ямских лошадях	кучер	1) лицо, направляющее движение чего-либо; 2) погонщик скота, гуртовщик; 3) кучер; 4) надсмотрщик.

Опять при переводе происходит замена устаревшего и стилистически окрашенного слова на нейтральное. В данном случае русское и английское слова имеют пересечение в значении «кучер». Однако при сравнении слова «ямщик» (тюрк.) и слова «кучер» (от нем. Kutcher) можно также выявить «несоответствие» или точнее сказать *не полное соответствие*:

«Ямщик»	Зона «несоответствия»	«Кучер»
Возница, крестьянин на яму (поселении), для почтовой гоньбы на своих лошадях, за что он освобождался от подушного налога.	*…крестьянин на яму, для почтовой гоньбы на своих лошадях, за что он освобождался от подушного налога…*	Возница, работник, который правит запряженными в экипаж лошадьми.

Таким образом, и в данном случае можно говорить только о частичном пересечении семантики русского и английского слов.

[25] Кстати, с нашей точки зрения, слово «дядька» в значении *слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье (истор.)*, может быть переведено как *under-tutor; usher (истор.)*. Это позволит более точно отразить смысл, заложенный автором оригинала, и в какой-то мере сгладить «несоответствия».

Как известно, переводческие соответствия делятся на словарные, т.е. закономерные, и на те, которые отсутствуют в словарях. Но в то же время и словарные на практике оказываются “несоответствиями”. Так, А.А. Потебня, отмечая, что “семантика слова значительно превосходит все то, что обычно отражается в словарях”, и понимая смысловую несоизмеримость слов разных языков, утверждал, что никогда “слово одного языка не покрывает слова другого” [Потебня]

Представляется, что проведенный нами анализ является эмпирическим доказательством мнения У. Эко, который писал: «Переводить – всегда значит "счищать" часть последствий, предполагавшихся словом оригинала. В этом смысле при переводе *никогда не говорится то же самое*. Истолкование, предшествующее всякому переводу, должно установить, сколько возможных последствий, вытекающих из данного слова, можно «счистить» и каковы эти последствия. При этом мы никогда не можем быть вполне уверены, что не потеряли какой-нибудь ультрафиолетовый отсвет, какую-нибудь инфракрасную аллюзию». [Эко: 52]. Наш анализ показал, что такие «аллюзии» и «отсветы» были в переводе пушкинского текста были утеряны, что еще раз доказывает, что в процессе перевода сталкиваются две «картины мира», контуры которых никогда не совпадают.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка: около 60000 слов [Текст] / сост. и науч. ред. Д.Н.Ушакова. – М.: ООО ”Издательство Астрель”, 2004. – 1268с.
2. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова. [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров.– М.: Русский язык, 1980.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. [Текст] / В. Фон. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль: в 4 т. – М.: Терра, 1995.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов. [Текст] / С.И. Ожегов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой. - 20-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 1988. - 750 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода [Текст] // Хосе Ортега-и-Гассет. Что такое философия. – М.: Наука, 1991. – с. 336-352
7. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – М., 1958. – 536 с.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Гослитиздат, 1960.
9. ABBYY Lingvo. Многоязычный электронный словарь.
10. OXFORD. Advanced Learner’s Dictionary. Oxford University Press. 2003. – 1430 с.
11. www.prolex.net/Pushkin/oeuvre/prose/captdau.htm
12. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе [Текст] / У.Эко. Перев. с итал. А.Н. Коваля. – Спб.: «Симпозиум», 2006. – 574с.

Т.В. Волкодав
Краснодар, Россия

ПЕРЕСКАЗ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX вв.

Многие исследователи прошлого столетия отмечали необходимость сосуществования различных переводов для прочтения произведения на разных уровнях представителями разных возрастных групп [Гаспаров 1988: 29-62]. Наличие в *детской* литературе нескольких переводов одной и той же книги встречалось довольно часто, поскольку этот жанр представлялся менее обязывающим, оставляющим простор для пересказа, переделки, “адаптации для ребенка”.

Современный израильский лингвист Zohar Shavit отмечает, что переводчик детской литературы XIX–XX вв. имел право в процессе перевода изменять сюжет, язык, главные характеристики героев, добавлять, адаптировать, сокращать текст при условии, что он руководствовался двумя главными принципами. Во-первых, переводчик должен был создавать приемлемый текст перевода, как с точки зрения воспитания и образования детей, так и в соответствии с нормами и требованиями общества определенной эпохи. Во-вторых, переводчик должен был ориентироваться на критерии общества, согласно которым оценивалась способность ребенка понимать текст [Shavit Zohar 1986: 112].

Наряду с сохранением морализирующего, дидактического и образовательного характера детской литературы, считается, что в XX веке доминировал второй принцип [Shavit Zohar 1986: 114]. В процессе перевода детской литературы переводчик должен был ориентироваться на модели, существующие в ПЯ. Если модели ИЯ не существовали в ПЯ, то переводчик изменял текст путем опущения или добавления необходимых элементов. В соответствии с этой стратегией были переведены, точнее, пересказаны на разные языки мира такие произведения, как «Робинзон Крузо», «Путешествия Гулливера», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» и т.д. В результате, они перешли из разряда взрослой литературы в детскую.

Прагматическая адаптация такого рода означает сокращение и упрощение текста, реципиентом которого является ребенок. Решение переводчиков прибегнуть к опущениям в тексте, как правило, было продиктовано двумя главными критериями: нормами нравственности в рамках детской системы и предполагаемым уровнем детского восприятия. Если фрагменты текста не могли быть удалены, поскольку они были напрямую связаны с сюжетом, то переводчики адаптировали фрагмент путем замены смущающих их элементов. Если переводчик чувствовал, что ребенок будет не способен понять какой-либо фрагмент произведения или уловить суть иронии, то он производил

изменения в тексте путем его удаления или адаптирования до определенного уровня детского осмысления. По этой причине переводчики во многих странах опустили диалог между Робинзоном и его отцом о классовом неравенстве, саркастичные ремарки М.Твена в адрес взрослых в произведении «Том Сойер», включающие в себя ироничное отношение к жизни и к взрослым, что не соответствует тем ценностям, которые ребенок должен для себя почерпнуть из детской литературы.

Как правило, различные философские, социальные и прочие рассуждения, которые не влияли на дальнейшее развитие сюжета, считались слишком сложными для понимания ребенка и удалялись из текста перевода. Однако трудности вызывала передача сложного строения вторичного мира в тексте, который из-за опущений переводчики не могли раскрыть в полной мере. Так, многие переводчики в разных странах мира преподнесли все происходящее в сказке «Алиса в стране Чудес» как сон, руководствуясь тем, что в произведениях для детей требовалось четкое разграничение между реальностью и фантазией.

В истории развития художественного перевода в России были периоды, когда перевод практически отождествлялся с переделкой, пересказом, сокращенным изложением и другими адаптациями текста. В отечественной практике перевода детской литературы также известны такие пересказы, как "Буратино, или Золотой ключик" Л. Толстого или "Волшебник Изумрудного города" А. Волкова, в основу которых легли сказки иностранных писателей. Однако особого рассмотрения заслуживает такое произведение, как «Винни-Пух».

Александр Борисенко в своей статье «Песни невинности и песни опыта. О новых переводах «Винни-Пуха» пишет: «С переводами Бориса Заходера все не так просто. Его талантливой рукой были отброшены многие фрагменты, а то и целые главы таких книг, как “Винни-Пух”, “Мэри Поппинс”, “Алиса в Стране чудес”; его переводам неизменно сопутствуют добавления и композиционные изменения — недаром в любой из упомянутых книг вы увидите характерную упреждающую пометку: “пересказал Борис Заходер”. Зато с “Винни-Пухом” и “Мэри Поппинс” попадание в интонацию и дух подлинника оказалось настолько точным, что пропущенные главы, непереведенные посвящения и прочие вольности остается только принять как данность — ибо дети, говорящие по-русски, будут вновь и вновь слушать на ночь Алана Милна и Памелу Трэверс в пересказах Бориса Заходера… А победителей, как известно, не судят. Конечно, во многом эта ситуация уникальна. Прежде всего потому, что речь идет о детской литературе, при переводе которой особенно трудно достичь такой степени органичности языка и юмора». [Борисенко 2002: 51]

В предисловии к первому изданию Б. Заходер объясняет детям, что он «выучил» Винни и его друзей русскому языку, добавляя, что по-английски они все же говорят лучше. Другими словами, его перевод — прекрасно выполненная адаптация с большими и меньшими пропусками в тексте [Электронный ресурс]. Действительно, текст Б. Заходера не всегда буквально следует за оригиналом. Ряд находок, отсутствующих у А. Милна (например, разнообразные названия песен Пуха — Шумелки, Кричалки, Вопилки, Сопелки, Пыхтелки — или знаменитый вопрос Пятачка: «Любит ли Слонопотам поросят? И *как* он их любит?»), удачно вписывается в контекст произведения.

Среди других произведений, претерпевших адаптацию, необходимо отметить те, которые принадлежат к жанру фэнтези. В 1990 году был опубликован сокращенный перевод фэнтезийного произведения "Повесть о Кольце", выполненный З. А. Бобырь. Как утверждает Н. Семенова, в советское время полноценный перевод книги не пропустили бы в печать, поскольку произведение "Повесть о Кольце" несет на себе следы "идеологической чистки". В связи с этим, переводчица З. Бобырь оставила без перевода описание саруманових порядков и многочисленные стихотворения, однако, включила сюжетное добавление – историю испепеляющего венца, которая отсутствует в оригинале [Электронный ресурс]. Кроме того, текст перевода отличается особенностями, свойственными детской волшебной сказке, поскольку именно к этому жанру переводчица отнесла данное фэнтезийное произведение, которое, по сути, стирает границы между «взрослой» и детской литературой. Жанровой определенности переводчица добилась как стилистическими средствами – простотой и незамысловатостью изложения, так и своеобразной переводческой "редактурой" текста: согласно требованиям волшебной сказки, все герои повествования представлены схематично, а поведение их явно оценивается – причем либо однозначно хорошо, либо однозначно плохо.

В пересказе фэнтезийного произведения "Властелин Колец" издательства "Северо-Запад" (1993 г.) переводчики Н. Григорьева и В. Грушецкий стремились показать читателю только то, что являлось самым главным в произведении, опустив все то, что, по мнению переводчиков, было несущественным и не имело дальнейшего сюжетного развития. Таким образом, переводчики сократили почти наполовину начало второй части книги третьей, повествующее о походе отряда Арагорна и военных подвигах на землях Рохана. В седьмой главе "Хельмова Падь" отсутствуют занимавшие примерно две страницы сцены обсуждения предстоящей битвы и описания первого штурма крепости. В главе "Фангорн" отсутствует описание местности, по которой идут

маршем энты; в главе "Белый всадник" - то, как Арагорн обследует землю, разыскивая следы хоббитов, включая рассуждения Гэндальфа о судьбе Боромира. Кроме того, в тексте перевода переставлены местами две сцены: сначала Гэндальф повествует о своем поединке с Балрогом, а затем - о предательстве Сарумана (в оригинале порядок сцен обратный). В главе "Теоден" оставлены без перевода описания чертога Теодена и окружающей местности, путешествия, а так же сокращена до нескольких фраз беседа Гэндальфа и его спутников со стражником. Некоторые короткие сцены и диалоги заменялись пересказом на протяжении всего текста перевода [Электронный ресурс].

Таким образом, рассмотрение основополагающих принципов прагматической адаптации при переводе детской литературы XIX–XX вв. показало, что каждое произведение требовало своего, всегда индивидуального подхода в процессе пересказа с учетом особенностей адресной группы, эпохи и личности переводчика.

Список литературы

1. Борисенко А. Песни невинности и песни опыта. О новых переводах «Винни-Пуха» [Текст] / А.Борисенко. – Иностранная литература. – 04/2002.
2. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм. Поэтика перевода [Текст] / М.Л.Гаспаров. - М., 1988.
3. Руднев В. Винни Пух и философия обыденного языка [Электронный ресурс] / В.Руднев // Режим доступа: http://www.winnie-the-pooh.ru/online/lib/pooh.txt, свободный.
4. Семенова Н.Г. "Властелин Колец" в зеркале русских переводов [Электронный ресурс] / Н.Г.Семенова // Режим доступа: http.://www.koi.kulichki.com/tolkien/textrus.html, свободный.
5. Shavit Zohar. Poetics of Children's Literature [Текст] / Zohar Shavit. – The University of Georgia Press, London, 1986.

Р.З. Габдракипова
Оренбург, Россия

ТАКСИСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ

Прошло уже более 40 лет со времени выхода известной статьи Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», в которой, как принято считать, он одним из первых выделил таксис в самостоятельную категорию. С тех пор понятие таксиса прочно вошло в обиход современной, преимущественно, отечественной лингвистики. Основная специфика данной категории, по мнению Р. О. Якобсона, состоит в том, что «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972: 101]. Именно поэтому данная категория стала связываться последующими исследователями с выражением хронологических отношений (одновременность/ разновременность) между

событиями (действиями) безотносительно к моменту речи, а данной проблематике посвящен целый ряд исследований на материале языков различного строя.

В то же при изучении существующей литературы, посвященной таксису, обращает на себя внимание тот факт, что целый ряд аспектов, касающихся формы, содержания, да и самого лингвистического статуса этой категории, трактуются исследователями с весьма различных, порою далеко расходящихся, позиций.

Одни из них, например О. С. Ахманова, С. Беленькая и А. И. Бородина(Akhmanova, Be1enkaya, 1975; Бородина, 1975) связывают таксис исключительно с оппозицией «перфект: неперфект», передающей, как известно, отношение «предшествования», и отводят ему тем самым статус преимущественно морфологической категории. Что касается семантико-синтаксических и лексико-семантических аспектов и условий функционирования данной оппозиции, то они, как правило, в исследование не включаются и этими авторами не описываются. Другие исследователи, например А. В. Бондарко, Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева (Бондарко 1984; 1985а; 1985б; ТФГ 1987; Акимова, Козинцева 1985; ТФГ 1987), рассматривают таксис как функционально-семантическую категорию, базирующуюся на взаимодействии семантических элементов разных языковых уровней: морфологического (видовые оппозиции), лексико-грамматического (определенные союзы, предлоги, наречия), синтаксического (определенные типы полипредикативных предложений). Третьи, например М.Ю.Рябова, исследовавшая таксисные отношения на материале английского языка, стремятся учесть не только данный морфологический, но и другие аспекты плана выражения данной категории, прежде всего синтаксический. По сути, к средствам выражения категории таксиса, автор относит почти все существующие типы полипредикативных высказываний как сентенциального, так и сверхфразового уровня.

Следует еще раз подчеркнуть значимость недифференцированных временных соотношений в общей системе вариативности ситуаций зависимого и независимого таксиса. Если учесть, кроме того, распространенность отношений частичной одновременности и частичной разновременности, которые могут сближаться с отношениями недифференцированного типа, то отсюда следует вывод о важной роли элементов неопределенности, «нестрогости» в языковых значениях таксиса. Полная, строгая одновременность или разновременность действий передается в необходимых случаях при помощи специальных языковых средств, однако чаще всего для целей общения оказывается необходимым и достаточным выражение неполной, нестрогой одновременности или разновременности. Во многих же случаях, различие одновременности/разновременности вообще в речи не актуализируется и значение

таксиса сводится к общей совмещенности предикатов в едином периоде времени. Иначе говоря, сохраняется лишь то единство периода времени, охватывающего компоненты полипредикативного комплекса, которое составляет основу таксисных отношений.

Анализ языкового материала наглядно показал и ту особенность языковой интерпретации смысловых соотношений действий во времени, которая заключается в сопряженности собственно временных соотношений с аспектуальными признаками и тесно связанными с ними признаками локализованности/нелокализованности ситуаций во времени. Актуальные признаки характеризуют не только каждое действие в отдельности, но и их сочетание в пределах полипредикативного комплекса. Представленная выше система семантической вариативности в сферах зависимого и независимого таксиса во всем основном определяется взаимодействием соотнесенности действий во времени с их аспектуальной характеристикой.

Та роль, которую в системе вариативности аспектуально-таксисных отношений играют элементы семантики обусловленности и характеризации в их взаимодействии с собственно временными и аспектуальными отношениями, позволяет судить о значимости в сфере таксиса явлений межкатегориального взаимодействия. Сопряженность взаимодействующих категориальных элементов, подчиненных доминирующей семантике, связанной с разными аспектами идеи времени - характерная особенность таксиса.

Категория таксиса представляет большой интерес. Эта категория является одной из основных и наиболее важных глагольных грамматических категорий. Таксис реализуется в бипредикатных (полипредикатных) конструкциях, в которых грамматическими средствами маркируется временная локализация одной (синтаксически зависимой) ситуации относительно другой (синтаксически независимой). В то время как проблема таксисной категории часто рассматривается и освещается как в российских, так и в зарубежных работах по лингвистике, комплекс возможных способов перевода таксисных отношений (а именно временной отнесённости между действиями: одновременности –разновременности, предшествования, следования) остается практически неизученным. Между тем данная проблема весьма актуальна для теории перевода. Так, в жестком режиме дефицита времени переводчик должен решать проблему заполнения в картине мира ПЯ, что налагает на него большую ответственность. Устный переводчик должен постоянно работать над расширением содержимого своей долговременной памяти, пополняя ее переводными эквивалентами, если речь идет о переводе устойчивых словосочетаний, или же умело пользоваться навыком перифраза, если не происходит автоматического

извлечения лексических соответствий из верхних слоев долговременной памяти. Особенно остро вопрос несовпадения различных языковых картин встает при переводе метафор. Игнорирование национальной специфики ассоциаций, лежащих в основе метафорических переносов, может привести к неверному восприятию смысла высказывания и неадекватной реакции на перевод. Несмотря на то, что различия в языковых картинах мира существуют, они не до такой степени принципиальны, чтобы мешать переводчику адекватно донести смысл высказывания.

Список литературы

1. Акимова, Т.Г., Козинцева, Н.А. Зависимый таксис// Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. [Текст] / Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева . - Л., 1987.-С. 257-274.
2. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. - Л., 1984.-133с.
3. Бондарко, А.В. Таксис//Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. [Текст] Таксис. / А.В. Бондарко. - Л., 1987.-С. 234-242.
4. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике. Вступительная статья [Текст] //Новое в зарубежной лингвистике./ В.Г. Гак. - М., 1989.
5. Золотова, Г.А. К вопросу о таксисе [Текст] // Исследования по языковедению./ Г.А. Золотова. - СПб., 2001.
6. Золотова, Г. А. Категория времени и виде с точки зрения текста [Текст] //ВЯ. 2002 №3./ Г. А. Золотова.
7. Мурясов, Р.З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии [Текст] / Р.З. Мурясов //ВЯ, 2001 №5. Наука 2001.- С. 86-112
8. Полянский, С. М. Одновременность/разновременность и другие типы таксисных отношений [Текст] // Теория функциональной грамматики. / С. М. Полянский.- Л.: Наука 1987.- С. 243-255.
9. Полянский, С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса [Текст]. / С. М. Полянский. - М.: ВШ,1990.-282с.
10. ТФГ. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст] – Л.: Наука, 1987.-347с.
11. Храковский, В. С. Категория таксиса [Текст] //ВЯ. 2003 №3./ В. С. Храковский – С 32-35.
12. Шендельс, Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике [Текст] / Е. И. Шендельс. - М.,1970.- 207с.
13. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол// Принципы типологического анализа языков различного строя [Текст] / Р. О. Якобсон – М.: Просвещение, 1972. – С. 95-113.
14. Duden 1995 – Der Grosse Duden. Bd.4.Grammatik. Mannheim, Leipzig, Wien,Zurich, 1995.
15. Helbig G., Buscha J. 1996 –Deutsche Grammatik. Leipzig, Berlin, Munchen, Wien,Zurich, 1996.

Н.И. Герасимова
Ростов-на-Дону, Россия

«ПРИМЕЧАНИЯ» КАК ПРОДУКТ РЕФЛЕКСИИ ПЕРЕВОДЧИКА В ФИЛОСОФСКОМ ПЕРЕВОДЕ

«Примечания переводчика» (в дальнейшем – «ПП») рассматриваются нами как продукт рефлексии переводчика в отношении семантико-когнитивной структуры текста и когнитивной базы реципиента перевода.

В порядке предварительных замечаний следует отметить, что философские сочинения традиционно считаются трудными для перевода не только потому, что требуют специальных знаний, но, прежде всего, в силу специфики самой дисциплины. Философия, по мнению Бертрана Рассела, представляет собой «размышление о предметах (matters), точное знание о которых еще невозможно», а назначение философии «состоит в том, чтобы понять, что существует множество вещей, кажущихся нам известными, но на самом деле нам неизвестны» [Рассел 1999: 84]. Иначе говоря, заставить нас усомниться в истинности знания. Не случайно еще Ф. Шлегель уподоблял философию тексту, который одновременно продолжение и начало - текст, который «не кончается» [Шлегель 1983: 294]. Освоение содержательности философского текста предполагает наличие рефлексии, выступающей не только средством организации понимания, но и средством развития текста, изначально «открытого» для интерпретации.

Из сказанного напрашивается вывод о том, что все средства текстопостроения оригинального философского произведения, благодаря которым собственно и создается «открытость» текста, являются релевантными для перевода и подлежат обязательной репрезентации в переводе.

В нашей статье «ПП» анализируются на материале сборника статей американского философа Нельсона Гудмена «Способы создания миров». Они группируются нами в соответствии с основными объектами рефлексии переводчика (текст – когнитивная база реципиента).

Обоснование средств перевода

Данную группу «ПП» составляют разъяснения, появление которых в переводе обусловлено трудностями лингвистического характера. Анализ сочинений Гудмена показывает, что все они в высшей степени насыщенны художественными средствами, характерными для постмодернистской литературы (игра слов, каламбур, обыгрывание внутренней формы слова и т.д.). Нами выделяется два основных вида средств, применяемых переводчиком в «ПП» для воссоздания стиля оригинала и уточнения семантики слова.

1. *Цитирование на языке оригинала* с целью сохранить непередаваемую игру слов. Предназначено для читателей, владеющих английским языком. Например:

«Суть этого суждения, насколько я понимаю, заключается в следующем: не обращайте внимания на сознание, сущность не существенна, а материя не имеет значения» (Пер. М.В. Лебедева) [Гудмен 2001: 211]. «ПП»: В оригинале непереводимая игра слов «…never mind mind, essence is not essential, and matter doesn't matter».

2. *Уточнение семантики посредством комментирования внутренней формы слова*. Данный способ применяется переводчиком в том случае, когда передача содержания слова в полном объеме затрудняется в силу расхождения возможностей исходного и переводящего языков. Например:

«Сервантес, Босх и Гойя не меньше, чем Босуэлл, Ньютон и Дарвин, принимают, разрушают, переделывают и снова принимают знакомые нам миры, преобразуя их примечательными и иногда причудливыми, но в конечном счете *распознаваемыми* способами» (Пер. М.В. Лебедева) [Гудмен 2001: 220].

«ПП»: В оригинале: *re-cognizable*. - Гудмен подчеркивает префикс *re-*, указывающий на повторность действия. Внутренняя форма английского термина recognizable (распознаваемый) примерно соответствует значению «вновь познаваемый».

Прогнозирование уровня понимания текста реципиентом

Эта группа «ПП» самая многочисленная. Так как философские тексты относятся к «специальным» текстам, то предполагается, что когнитивная база автора и читателей в общих чертах совпадает. В переводе же информационная структура философского текста может стать лакунарной для читателя, обладающего иными, чем у автора, фоновыми знаниями. В связи с этим возникает необходимость введения в текст дополнительного комментария.

Выбор единиц перевода в качестве объекта комментирования определяется переводчиком в результате прогнозирования когнитивной базы реципиента. Заполнение информационных лакун осуществляется посредством введения текстового, главным образом пословного и построчного, разъяснения в «ПП». С точки зрения применяемых способов перевода можно выделить три основные группы «ПП», направленных на расширение когнитивной базы реципиентов.

1. *Описательный перевод реалий* в форме культурологической или энциклопедической справки. Например:

«Стиль – это сложная характеристика, выступающая как индивидуальная и групповая подпись, которая выдает Рене, Уистлера, или же Бородина, которая отличает

раннего Коро от позднего, барокко от рококо, бауле от пауэн» (Пер.М.В. Лебедева) [Гудмен 2001: 150].

«ПП»: Названия племен Западной (Французской Территориальной) Африки и, соответственно, стилей их прикладного искусства.

2. *Дублирование иноязычных «вкраплений»*

Иноязычные «вкрапления» в работах Гудмена довольно многочисленны. Несмотря на то, что иноязычные «вкрапления», согласно современным требованиям, подлежат прямому переносу в переводе, в анализируемом нами сборнике статей, все они (или практически все) транслируются в текст перевода в исходной форме, а затем в «ПП» дублируются в форме перевода. Данная практика свидетельствует о том, что иноязычные вкрапления в тексте оригинала оцениваются переводчиком как «непонятные» для русскоязычного читателя. Например:

«… мы должны дать самой философии совет, который философы охотно дают кому угодно, но только не философии, а именно совет взирать на нее *sub specie aeternitatis*» (Пер. Т.А. Дмитриева) [Гудмен 2001: 280].

«ПП»: Под знаком вечности (лат.).

3. *Интерпретация аллюзий или смысловая реконструкция денотата*

Особое место в системе художественных средств Гудмена занимают аллюзии, реминисценции и каламбуры. Их задача – «выбить» мышление из привычной колеи, заставить его «работать». К излюбленным средствам автора относятся аллюзии, реферирующие к культуре. Естественно, что понимание таких аллюзий требует от читателя солидного «культурного багажа» и, в первую очередь, хорошего знания современной англо-американской литературы. Например:

«Молнии в пустыне уже начали пригибать голову и закрывать глаза на меру всех вещей. И дети спасителей черничного пирога искушаются звучащим символом» (Пер. Е.Е. Ледникова) [Гудмен 2001: 281].

«ПП»: Аллюзии на тему творчества Р. Фроста.

Не менее сложными для понимания являются аллюзии, связанные с философской проблематикой. Например:

«Хотя понятие без восприятия *пусто*, восприятие без понятия *слепо*[26], оно совершенно не поддается применению» (Пер. М.В. Лебедева) [Гудмен 2001: 123].

«ПП»: В данном случае Гудмен вольно цитирует знаменитое утверждение Канта из «Критики чистого разума».

[26] Здесь и далее в примерах, взятых непосредственно из текста перевода – курсив Н. Гудмена

Как показывает проведенное нами исследование, информация «ПП» носит оперативный характер. Разъяснения вводятся в текст с целью облегчить понимание перевода текста непосредственно по ходу его прочтения. Избыточная информация просветительского характера и концептуальное комментирование в отношении философских идей, художественных средств и их функции в тексте встречается в «ПП» сравнительно редко (напр.: [Гудмен 2001: 118)].

В большинстве случаев текстовые разъяснения «ПП» сосредоточены на экстралингвистическом фоне произведения, прояснение которого позволяет активизировать в переводе те средства текстопостроения (игра слов, аллюзии, реминисценции и т.д.), которые, по замыслу автора, способны вызывать рефлексию читателя. Осуществляя комментирование, переводчик обеспечивает должный уровень понимания имплицитного содержания текста в переводе и, тем самым, дает возможность тексту «работать». В связи с этим уместно напомнить высказывание М.Л. Гаспарова о том, что перевод начинает интерпретацию текста, а комментарий ее продолжает [Гаспаров 2004]. Деятельность переводчика философского текста, как показывает анализ «ПП», полностью подчинена задаче воссоздания семантико-когнитивной структуры оригинального философского текста на том уровне «открытости» и, в то же время, доступности пониманию, на котором возможно дальнейшее развитие идеи текста в ходе его интерпретации реципиентом.

Список литературы

1. Гаспаров, М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования [Текст]/ М.Л. Гаспаров // Новое литературное обозрение. – 2004. - № 66. – с. 70 – 74.
2. Гудмен, Н. Способы создания миров [Текст] / Н. Гудмен; пер. с англ. / - М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. - 376 с.
3. Рассел, Б. Искусство философствования [Текст] / Б. Рассел. Искусство мыслить; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – с. 13 – 80
4. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. - М.: Искусство, 1983.

Н.Г. Гончар
Пермь, Россия

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ КАК СУЩНОСТНОЕ СВОЙСТВО ПЕРЕВОДА

Методологическим основанием исследования является системный подход, вытекающий из закона системности, сформулированного Ю.А. Урманцевым в рамках общей теории систем, согласно которому «любой объект есть объект-система и любой объект-система принадлежит хотя бы одной системе объектов данного рода» [Урманцев 1988: 48]. По мнению ученого любые материальные и идеальные объекты представляют

собой динамические системы, представляющие собой противоречивое единство полиморфизма и изоморфизма, симметрии и асимметрии, гармонии и дисгармонии.

Цель предпринятого исследования - выявление асимметрии как сущностного свойства процесса перевода, определение ее характера и воздействия на результат перевода, который с позиции концепции переводческого пространства может быть как гармоничным, так и дисгармоничным.

В рамках работы в качестве систем будут представлены язык, культура и перевод, что потребовало прежде всего системного представления языка и культуры как системы, а также специфики их взаимодействия в переводе как системе.

Напомним, что системность как существенная сторона языка была отмечена как зарубежными лингвистами (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, члены Пражской лингвистической школы и др.), так и основоположниками отечественного языкознания (Ф.И.Буслаевым, А.А.Потебней, И.А. Бодуэном де Куртенэ и др.) Современное языкознание трактует языковую систему как «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» [БЭС 2000: 452].

Культура рассматривается учеными как знаковая целостность. Так, Ю.М. Лотман определяет культуру как «гибкий и сложно организованный механизм познания», как знаковую систему, организованную определенным образом с помощью некоторой суммы правил. Именно «момент организации ... выступает в качестве определяющего признака культуры [Лотман 2004: 395 - 396].

Системный подход при исследовании процесса перевода использовался отечественными учеными Н.К. Гарбовским и Л.В. Кушниной. Так, Н.К. Гарбовский представляет общесистемное видение процесса перевода: «Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта к другому» [Гарбовский 2004: 214].

Проявлением системности перевода с позиции «передачи системы смыслов» является концепция переводческого пространства Л.В. Кушниной. Перевод трактуется исследователем как «синергетическая система взаимодействия языков и культур, которая разворачивается в рамках переводческого пространства как пространства

естественного эксперимента» [Кушнина 2004: 23]. Термин «переводческое пространство» впервые введен Л.В. Кушниной и определяется как форма бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия, как открытая, саморазвивающаяся система взаимодействия смысловых полей [там же: 114]. В рамках данной системы транспонируются единичные (дифференциальные) смыслы, а также интегральный смысл целого текста (суперсмысл). Интегральный смысл - результат синергетического взаимодействия дифференциальных смыслов.

В связи с тем, что характеристиками любой системы согласно В.Н. Садовскому являются связи и отношения между элементами системы, единство с окружающей средой, целостность, иерархичность, [Садовский], характеристиками системы перевода согласно Н.К. Гарбовскому являются целостность, структурность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность, множественность описания, многоуровневость, необходимо рассмотреть системные характеристики переводческого пространства Л.В. Кушниной. 1. Целостность переводческого пространства обеспечивает образ-гештальт текста в качестве центрального компонента развивающегося и саморазвивающегося переводческого пространства и целостного идеального видения текста перевода, как основного поля переводческого пространства. 2. Структура переводческого пространства представлена иерархией полей, каждое из которых является носителем единичного (дифференциального) смысла: фактуальный смысл, отражающий содержание текста; иррадиирующий смысл как отражение энергетического поля; ассоциативно-семиологический смысл как отражение фатического поля; модальный смысл как отражение поля автора; индивидуально-образный смысл как отражение поля переводчика; рефлективный смысл как отражение поля реципиента. 3. Целостное функционирование системы обеспечивается взаимодействием (синергией) всех ее полей, результатом которого является интегральный смысл целого текста перевода (суперсмысл). Взаимодействие полей переводческого пространства подтверждает наличие связей и отношений между элементами, образующими систему. 4. Взаимозависимость и единство с окружающей средой проявляется в фатическом поле (поле культуры) [Кушнина 2004].

Процесс перевода является, таким образом, системой транспонирования смыслов текста с целью создания гармоничного текста перевода.

Таким образом, в переводческом пространстве, которое моделирует перевод как систему, происходит не просто взаимодействие текстов двух языков и культур, но взаимодействие систем языков и культур, что может привести к их столкновению, причиной которого является этноязыковая асимметрия. Отметим, что термин

«этноязыковая асимметрия» введен в нашем исследовании для обозначения двупланового явления: межъязыковой и кросс-культурной асимметрии. Напомним также, что термин «межъязыковая асимметрия» употребляется Н.К. Гарбовским, но исследователь толкует его в первую очередь как межъязыковую лексическую асимметрии [Гарбовский 2004]. Мы понимаем под межъязыковой асимметрией явление, которое проявляется при сопоставлении систем языков как лексическая, грамматическая, фонетическая асимметрия. Кросс-культурная асимметрия проявляется при сопоставлении систем культур как асимметрия концептов, фреймов, стереотипов, невербального поведения и др. Не всегда представляется возможным зафиксировать проявления данных типов асимметрии в системе перевода в изолированном виде, в таком случае речь может идти о комплексном явлении - этноязыковой асимметрии.

На основании лингвопереводческого исследования, мы пришли к выводу о дихотомическом характере этноязыковой асимметрии, влияющем на результат перевода. В одном случае она приводит к переводческим ошибкам и несоответствиям, порождая дисгармонию, квазиадекватность и квазиэквивалентность, в другом случае она приводит к гармоничному тексту перевода, который становится достоянием другого языка и другой культуры вследствие синергии симметричных и асимметричных смыслов текстов взаимодействующих языков и культур.

Лингвопереводческий эксперимент, для которого был выбран отрывок из романа Т. Бруссига «Am kürzeren Ende der Sonnenallee» («Солнечная аллея») и варианты его перевода, выполненные профессиональным переводчиком М. Рудницким и студентами старших курсов переводческого отделения ПГПУ, показал, что системы смыслов текстов оригинала и перевода не совпадают и носят асимметричный характер.

Genau so wenig gewöhnte er sich an die tägliche Demütigung, die darin bestand, mit Hohnlachen vom Aussichtsturm auf der Westseite begrüβt zu werden, wenn er aus seinem Haus trat – ganze Schulklassen johlten, pfiffen und riefen “Guckt mal `n echten *Zoni*!” oder “*Zoni,* mach mal winke, winke, wir wollen dich knipsen! [Th. Brussig 2001: 9].	Еще труднее было привыкнуть к каждодневным, когда бы он ни вышел из дома, унижениям, выражавшимся в издевательском смехе капиталистических недорослей на смотровой площадки на крыше многоэтажной башни, что нависала над их улицей с запада, - эти буратино там оттягивались чуть ли не целыми классами при виде Михаэля начинали ржать, свистеть улюлюкать, орать: «Смотри-ка, живой *зонни*!» *Зонни – это в смысле житель восточной зоны.* Или: « Эй*, зонни,* сделай ручкой, мы тебя щелкнем!» [Т. Бруссиг 2004: 9, пер. М. Рудницкий]

Предметом анализа стало фатическое поле переводческого пространства, т.е. поле культуры, порождающее ассоциативно-семиологический смысл, центром которого является лексема *Zoni*. Немецкое *Zoni* - ироничное почти оскорбительное наименование граждан ГДР, произошло от названия Советской зоны (Sowjetische Besatzungs*zone*) в Германии, которая, прежде всего со стороны ФРГ называлась неуважительно восточная зона (Ost*zone*) или просто зона (*Zone*). Данное понятие использовалось также после образования ГДР, чтобы поставить под сомнение государственный суверенитет страны. После падения Берлинской стены в 1989 году наряду с названием *Zoni* появилось также *Ossi* (житель Восточной Германии, гэдээровец) в противопоставление с *Wessi* (житель Западной Германии, фээргэшник).

Профессиональный переводчик выбрал для перевода немецкого *Zoni* вариант *зонни* с последующим разъяснением, студенты выбрали следующие варианты перевода *Zoni – цони, осси, зэк*.

На наш взгляд ни один из вариантов перевода нельзя признать гармоничным, так как ассоциативно-семиологический смысл не был передан: русскоязычному читателю остается неясным смысл лексем *цони, осси, зонни*, отсутствующих в русском языке. Ремарка переводчика не передает коннотативное значение данного понятия. Лексема *зэк* имеет в русском языке совершенное иное денотативное значение, которому соответствуют в немецком языке *Häftling* (заключенный) или *Knacki* (отсидевший в тюрьме, бывший зэк). Выбор данной русской лексемы объясняется незнанием истории Германии и/или непониманием контекста.

Проведенный лингвокультурологический переводческий анализ фрагмента романа Т. Бруссига выявил межъязыковую (лексическую) асимметрию, проявляющуюся в отсутствии в русском языке лексемы с соответствующими денотативным и коннотативным значениями, и являющуюся, на наш взгляд, следствием кросс-культурной асимметрии, выражающейся в данном случае в исторически обусловленной асимметрии концептов «образ немцев в собственных глазах», «противоречия Восток – Запад Германии» и стереотипа восприятия другого.

Таким образом, этноязыковая асимметрия, как сущностное свойство перевода, предполагает две противоположные переводческие стратегии. В данном случае была выбрана стратегия, приведшая к дисгармонии и как следствие к непониманию коммуникантов, принадлежащим к разным системам языков и культур. Их взаимодействие в переводческом пространстве как системе оказалось неэффективным, следовательно, дисгармоничным.

Список литературы

1. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник [Текст] / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. Кушнина, Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход. Дис. ... докт. филол. наук. [Текст] Пермь, 2004
3. Лотман, Ю. М. Л80 Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. — С.- Петербург: «Искусство - СПб», 2004. — 704 с.
4. Садовский, В.Н. Система [Электронный ресурс] / В.Н. Садовский // Режим доступа свободный, просмотрен 5.02.08. http://www.forrum.ru/index.php?showtopic=10856&hl=%F1%E8%F1%F2%E5%EC%ED%FB%E9+%EF%EE%E4%F5%EE%E4
5. Урманцев, Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония [Текст] / Ю.А. Урманцев. – М.: «Мысль», 1988. – С. 38 – 124.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.: ил.

Иллюстративный материал:

1. Brussig, Thomas. Am kürzeren Ende der Sonnenalle. / Th. Brussig. – Frankfurt/Main:Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. – 157 S.
2. Бруссиг, Томас. На нашем кончике солнечной аллеи. Пер. с немецкого М. Рудницкого. [Текст] / Т. Бруссиг. – М.: Слово/slovo, 2004. –188 с.

Ю.В. Звонарева
Челябинск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННОЙ МЕТАФОРЫ «НАВОДНЕНИЕ – ЭТО ВОЙНА /БОРЬБА» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (на примере текстов о природных катастрофах)

Слово «метафора» происходит от двух др. греч. слов «мета» — между, после, через; «фора» — движение, перенесение. В классической риторике метафора относится к тропам (от греч. tropos — поворот) или риторическим фигурам, которых насчитывается три основных типа: метафора, метонимия и оксиморон. Традиционно, метафора понимается как свернутое сравнение, как соотнесение двух значений благодаря их сходству: «щечки — розы, зубки — кораллы». «Механизм соотнесения значений видится как выделение двух классов объектов («щеки» и «розы») и нахождения между ними признаков, присущих им обоим («шелковистость», «розовый цвет», «нежность» и т.п.), которые, однако, опускаются (что и отличает метафору от сравнения: «щечки похожи своей шелковистостью и т.п. на розы») [Баранов, Паршин 1990: 21].

Прежде чем приводить примеры метафор, необходимо объяснить значение лексем, получивших метафорическое значение. Мы говорим, прежде всего, про военную метафору, поэтому необходимо разобраться с понятием «войны». Итак, «война – это

конфликт между политическими образованиями (государства, племена, политические группировки и т.д.), происходящий в форме военных действий между их вооружёнными силами. Основным средством достижения целей войны служит организованная вооружённая борьба как главное и решающее средство, а также экономические, дипломатические, идеологические и другие средства борьбы» [Ефремова 1989: 345]. Борьба, свою очередь, в прямом значении – «это рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого, свалив его с ног», а в переносном – «столкновение противоположных общественных групп, направлений, течений, в котором каждая сторона старается одержать победу» [Ефремова 1989: 231]. Данные определения свидетельствуют о том, что борьба, как и война, присуща не только живым существам, но и не живым, поэтому неудивительно, что природные катастрофы воспринимаются как война, а действие сил природы как военные действия.

Наводнение, и, связанные с ним действия человека, часто воспринимается как военные действия, а средства, используемые для прекращения затопления, как виды вооружения.

Обратимся к примерам:

«**Frankfurt wappnet sich**. Höhepunkt der Oder-Flutwelle am Samstagabend erwartet» [SZ 18.7.1999:9].

«**Франкфурт готовится к бою** в ожидании кульминации наводнения на Одере в субботу вечером» [SZ 18.7.1999:9].

Глагол «wappnen» (готовиться, снаряжаться, вооружаться) указывает в преддверии ожидающегося наводнения на оборонительную подготовку, связанную с необходимостью защиты населения при разливе реки Одер. В соответствии с этимологией глагола, он определённо относится к лексико-семантическому полю понятия «войны». Благодаря своему значению «защита» глагол четко указывает на оборонительную тактику, возникающую в отношении наводнения.

«Brandenburg rüstet sich für die Flutwelle. Der Pegelstand nähert sich bedrohlich dem höchsten Wert seit 1930, am Samstag soll er sogar darüber liegen» [SZ 18.7.1999:10].

«**Бранденбург готовится (снаряжается) к наводнению**. Уровень воды угрожающе поднимается до высшей отметки с 1930 года, в субботу же вода будет здесь» [SZ 18.7.1999:10].

Употребление военной метафоры указывает на приготовления для предотвращения катастрофы. В данном случае мы также можем наблюдать наличие

метонимии. Наводнение является процессом, который во многих случаях выражается с помощью метафоры, особенно в публицистике.

«In Polen kämpfen unterdessen Zehntausende Soldaten und freiwillige Helfer mit den Wassermassen, die den Unterlauf der Oder erreichten, wo der Strom die Grenze zwischen Deutschland und Polen bildet» [SZ 19.7.1997: 12].

«**В Польше между тем десять тысяч солдат и добровольцев борются с потоками воды**, достигшими нижнего течения Одер, где река образует границу между Германией и Польшей» [SZ 19.7.1997: 12].

В основе метафоры борьбы лежит воображаемая ситуация физической человеческой силы и опыта столкновения. Но в тоже время существует культурный опыт войны, способствующий пониманию ситуации, и осознанию опасности, которую представляет вода.

«Wassermassen» (водные потоки) указывают на большое количество воды, с которым стремятся справиться люди. Борьба в данном случае подразделяется, как и большая битва, на определённые временные отрезки и периоды, на которых метафорическое представление может привести к раскрытию самого различного военно-метафорического потенциала, и время в данном случае играет решающую роль.

«**Kampf gegen Sintflut**» [SZ 18.7.1999:8]

«**Борьба против всемирного потопа**» [SZ 18.7.1999:8]

В данном случае понятно, что «Sintflut» (всемирный потоп)- это метафора. При употреблении подобного рода метафоры, автор статьи добивается более сильного воздействия информации на читателя, хотя речь идёт о наводнении 1997 года в Чехии, Польше и Германии. С другой стороны «Sintflut» (всемирный потоп) можно рассматривать как метафору человеческих грехов, и фраза в этом случае обладает совершенно иным воздействием. Нужно обратить внимание на исторический потенциал метафоры, т.к. тема борьбы всегда предполагала наличие двух действующих лиц, в данном случае речь идет о борьбе человека с природой. Если подробнее рассмотреть метафору «Sintflut» (всемирный потоп), то становится ясно, что употребление метафоры является конвенциональным, если речь идёт о больших массах воды, приводящих к потопу, в тоже время борьба подразумевает под собой распространение сил соперника.

«Dennoch bemühen sich die Einsatzkräfte verzweifelt, das Loch zu stopfen. ***Der Kampf gegen die Wassermassen wurde zum Wettlauf gegen die Zei***t» [SZ 24.7.1997:1].

«Тем не менее, брошенные на борьбу со стихией силы отчаянно стремятся залатать дыру. **Борьба с водяными потоками превратилась в состязание в беге со временем»** [SZ 24.7.1997:1]**.**

Превосходящее положение воды особенно чётко представлено в данном примере, т.к. метафоризированное в виде борьбы сдерживание воды дамбой было с учётом всё время возрастающего уровня и угрожающего ослабления дамбы переметафоризированно с помощью спортивной метафоры в состязание между человеком и временем (абстрактным понятием). Онтологическая метафора превращает время в нечто совершенно конкретное. Метафора подчёркивает драматичность подобной ситуации, неблагоприятный исход которой, также как и проигрыш в состязании, повлечёт за собой негативные последствия. Время является важным фактором, ведь от быстроты совершаемых действий (например, эвакуации) зависит жизнь многих людей.

«***Erst bei großer Zeitnot*** und wenn Lebensgefahr besteht, sollen Menschen gegen ihren Willen aus den betroffenen Gebieten gebracht werden» [SZ 26.7.1997:2].

«**Только при отсутствии времени** и если существует опасность для жизни, люди должны быть эвакуированы против их воли из затапливаемых областей» [SZ 26.7.1997:2].

В общем и целом граничный интервал между двумя противниками в рамках военного столкновения обозначается в виде линии фронта. При этом нужно обратить внимания, что эта линия может быть обозначена в виде линии ожидания события так и в виде линии защиты или нападения. Недостаток времени или его отсутствие является часто решающим фактором при ведении военных действий.

Schließlich wurde der ***Kampf aufgegebe***n. Der Sprecher des Potsdamer Innenministeriums, Manfred Fuger, sagte, alle ***Kräfte wurden nun auf die Verteidigung der noch intakten Deiche in den anderen Hochwassergebieten Gerichte***t» [SZ 24.7.1997: 1].

«В конце концов, **от борьбы отказались**. Спикер Министерства Внутренних дел Потсдама Манфред Фугер заявил, что **все силы были направлены на защиту ещё невредимых дамб (целых, в рабочем состоянии) в других областях подвергаемых затоплению**» [SZ 24.7.1997:1].

Определённая тактика кажется необходимой, сдать слабые позиции, чтобы защитить более перспективные. В этом отношении «der Kampf mit dem Wasser» (борьба с водой) на линии обороны ведёт к соответствующим действиям и наличию команд по спасению людей, которые метафорически представлены как «Kräfte» (силы). Контекст острой опасности заставляет людей обращаться к метафоре для передачи полноты чувств, связанных с опасностью.

«Die Helfer versuchten, die Schwachstellen mit einem Ringdeich zu stabilisieren. Aus der Luft wurden Sandsacke von Hubschraubern abgeworfen. ***Soldaten versuchten zudem, eine zweite Deich-Verteidigungslinie aufzubaue***n» [SZ 26.7.1997:1].

«Добровольцы пытались укрепить непрочные места с помощью кольцеобразной дамбы. С воздуха с вертолётов сбрасывались мешки с песком. **Солдаты тем временем пытались построить вторую линию обороны (дамбу)**» [SZ 26.7.1997:1].

Метафора вновь используется для демонстрации остроты ситуации. Создаётся впечатление, будто вода уже почти прорвала «первую линию обороны» и сооружение «zweite Deich-Verteidigungslinie» (вторая линия обороны) является необходимой мерой. Сооружение этой линии указывает на решительные действия людей, на их желание бороться со стихией изо всех сил.

«Das stimmt wohl: ***Die Lage an der Oder in Ostbrandenburg hat sich so zugespitz***t, dass die Offiziellen den Superlativ «Jahrhunderthochwasser» schon nicht mehr für ausreichend erachten» [SZ 24.7.1997: 3].

«Это действительно так: **положение на Одере в Восточном Бранденбурге так обострилось**, что официальные власти признают превосходную степень «наводнения столетия» уже недостаточной» [SZ 24.7.1997:3].

Материализации метафоры происходит в данном случае благодаря лексеме «Lage» (положение, обстановка, ситуация), она точно передаёт положение дел, но не даёт указания на исход происходящего. Хотя «Lage» (положение) определённо можно отнести к метафорике борьбы, ведь любой процесс опасный для жизни людей необходимо соотносить с борьбой как с основным принципом выживания. Когда дамбы прорывает, и уровень воды становится всё выше и выше, речь идёт уже о «Jahrhunderthochwasser» (наводнении столетия).

«***Nach dem Dammbruch auf breiter Front spitzt sich die Situation dort dramatisch z***u. Wenn das Wasser schnell sieben Meter erreicht, die tiefer liegende Dörfer Niederung vollaufen werden» [SZ 26.7.1997:1].

«**После прорыва дамбы на широком фронте ситуация там драматически обостряется**. Если вода достигнет отметки в семь метров, находящиеся в низине деревушки будут затоплены» [SZ 26.7.1997:1].

Понятие «Front» (фронт) в данном предложении не полностью раскрывает своего значения, т.к. понятие колеблется в контексте наводнения на Одере между двумя значениями «Stirnseite» (фронта) и «Kampfgebiet» (района боя), последнее из которых допускает категоризацию в смысле военной метафорики и метафорики боя, которая основывается на имплицитной антропоморфизации.

«***Die Bundeswehr hat den Auftrag, jeden Platz, der zu halten ist, zu verteidige***n», sagte der Bundeskanzler» [SZ 30.7.1997:10].

«Федеральный канцлер заявил, что **Бундесверу приказано защищать каждый сантиметр земли**» [SZ 30.7.1997:10].

Принимая во внимание действительно безнадёжное положение после прорыва дамб, заявление Федерального канцлера о поддержании позиций является важным. Но поддержание позиций в данном случае не связано, к счастью, с потерей человеческих жизней, скорее это внушает мысль о продвигающемся вперед противнике (воде). Метафорически это можно представить в виде защиты от нападающего.

«***Die Bundeswehr will die zweite Verteidigungslinie entlang der Alten Oder bis Donnerstag auf 8, 50 Meter erhöhe***n. Grundlage sind die alten ***Schlafdeiche*** von drei Metern Hohe» [SZ 30.7.1997:10].

«**Бундесвер собирается до четверга увеличить вторую оборонительную линию вдоль Старого Одера на 8,5 метра**. Фундаментом послужат **спящие дамбы** высотой 3 метра» [SZ 30.7.1997:10].

Креативная метафора «Schlafdeiche» (спящие дамбы) обозначает в данном случае дамбы, которые после мероприятий по обвалованию проведённых Фридрихом II перестали выполнять свои функции. Состояние этих сооружений представляется метафорически как спящее, т.е. неактивное.

«Der beispiellose ***Kampf Tausender Helfer zur Rettung des Deichs*** konnte

vergebens sein, auch wenn am Donnerstag ein besonders gefährlicher Risse durch den Einsatz von Drainagetechnik unter Kontrolle gebracht werden konnte. An mehreren Stellen des Deiches wurden neue Risse entdeckt. «***Das ist ein Kampf um Meter und Sekunde***n», sagte der brandenburgische Innenminister Alwin Ziel» [SZ 1.8.1997:1].

«Неслыханная **борьба тысяч добровольцев за спасение дамбы** могла быть тщетной, если бы в четверг особенно опасные трещины не были бы взяты под контроль благодаря введению тренажной техники. Во многих местах образовались новые трещины. Министр внутренних дел Бранденбурга Алвин Циль заявил, что это **борьба за метры и секунды**» [SZ 1.8.1997:1].

Метафора подчёркивает драматичность ситуации и указывает на проведение мер по предотвращению дальнейшего разрушения. Метафора, тем не менее, в данном случае кажется неподходящей, т.к. необходимые меры защиты представлены как меры борьбы.

«Im gesamten Oderbereich stehen die Deiche weiter unter großem Druck. ***«Die***

Chancen gegen die Kraft der Natur ist sehr gering. Fest steht: ***Der Deich wird bis zur letzten Sekunde verteidig***t. Er ist aber schon völlig zerfleddert», sagte Innenminister Ziel» [SZ 1.8.1997:1].

«Министр Внутренних дел Циль заявил, что во всех областях вблизи реки Одер дамбы всё ещё находятся под большим давлением. **Шансы в борьбе против сил природы очень малы**. Точно одно: **дамбу будут защищать до последней секунды**. Но она уже почти разрушена» [SZ 1.8.1997:1].

Рассмотренные примеры обращают наше внимание на то, что отношение человека к природе является отношением защищающегося к нападающему. Наводнение выступает как живое существо, которое обладает эмоциями, чувствами и имеет определённый план. Подобное отношение людей к наводнению объясняется наличием у человека культурного опыта войны, а также связанных с этим опытом ассоциаций. Поэтому при переводе мы должны обращать особое внимание на метафоры и добиваться того же самого воздействия метафоры в переводном тексте, что и в оригинальном. Метафора является одним из самых распространённых средств в публицистике, а также служит языковым выражением сознательной оценки говорящих происходящей ситуации, а нашем случае оценки природной катастрофы - наводнения. С помощью метафоры также раскрывается бессознательное сопоставление человеком наводнения с войной, его ассоциации. Сопоставление с войной является не случайным, засилье военной метафоры свидетельствует о милитаризации общественного сознания. Концентрация «агрессивной» лексики в текстах современных СМИ служит подтверждением нарастания агрессивности в обществе, превращения ее в один из способов мышления о мире. Примером может служить использование в современных газетах военной лексики. Употребление военных терминов в неспециальных текстах имеет целью создать у людей определенный эмоциональный настрой. В современной газете военная лексика уже не имеет достаточно ярко выраженной положительной или отрицательной окраски, но, тем не менее, при помощи образных средств воссоздается ситуация вербальной агрессии и важнейшим стилистическим приёмом, который используется в немецкой журналистике, является метафора.

Милитаризация определяет мировоззрение людей и их поведение, т.к. встав на точку зрения военной метафоры, мы начинаем искать такие пути разрешения конфликта, которые подсказываются реальными военными действиями. Военная метафора не оставляет нам никакого выбора - оппонент враг и нам следует его уничтожить морально и физически. Давление развернутого метафорического поля войны на общественное сознание приводит к его милитаризации, подготавливая социум к действиям, ведущим к

материализации метафоры (уничтожить, разбить, ликвидировать, подавить сопротивление). Именно в описании окружающей среды всё «вымощено» метафорами: с одной стороны, с помощью метафор упорядочивается абстрактное понятие «природа», с другой стороны, метафоризация природных феноменов структурирует другие абстрактные понятия. Посредством связи абстрактного понятия с предметным понятием метафора делает абстрактное доступным познанию. Поэтому, выражая те или иные понятия, мы должны полностью отдавать себе отчёт в происходящем и адекватно оценивать ситуацию. Метафора в свою очередь поможет нам в этом осмыслении и сделает нашу жизнь более полной и яркой.

Список литературы

1. Ефремова, О.П. Семантические процессы в лексике [Текст] / О.П. Ефремова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Изд. 1-е. - М.: Русский язык, 2000.- 95с.
2. Баранов, А. Н. К построению словаря терминов когнитивной науки [Текст] / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Когнитивные исследования за рубежом: Методы искусственного интеллекта. – М.: 1990. – 189с.
3. Большой немецко-русский словарь: в 3 т./ Авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Феличева и др.; Под общ. рук. О.И. Москальской.- Изд. 6-е.- М.: Русский язык, 2000.-760с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И Ожегов, Н. Ю. Шведова; указ. соч. - М.: Азъ, 1992.- 678с.

Список источников иллюстративного материала

1. Süddeutsche Zeitung: Gründer «Firma «Süddeutscher Verlag».- 2005, Mai-.- München, 2005-.- Abonnement- Tageszeitung 2005, № 1-43.- 444.974 Expl.; 2005, № 1(43)-67(89).
2. Focus: Nachrichtenmagazin/ Gründer «Firma «Hubert Burda Media».-2005, Juni- . – München: Hubert Burda Media, 2005- . - Wochenmagazin.- ISSN 0943-7576. 2005, №1-4.

Электронные источники

1. www. caritas-international.de
2. www.pik-potsdam.de
3. www.wortschatz.uni-leipzig.de
4. www.zeitung.de
5. http://cogsci.berkeley.edu/lakoff/
6. http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/metaphor.htm
7. http://www.cs.bham.ac.uk/~jab/ATT-Meta/Databank/
8. http://www.ac.wwu.edu/~market/semiotic/lakof_met.html
9. http://www.edge.org/3rd_culture/lakoff/lakoff_p1.html
10. http://mason.gmu.edu/~montecin/metasites.htm

К.К. Калмыков
Караганда, Казахстан

ПРОБЛЕМАТИКА ПОИСКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕТАЯЗЫКЕ

Вопрос передачи историко-политических терминов в различных языках ещё не был предметом специального исследования в науке. Многочисленные исследования посвящены в основном проблеме политического дискурса и общественно-политической лексике. Что касается историко-политического метаязыка, то в этом направлении практически ещё не было целенаправленных исследований. Для выявления особенностей историко-политического метаязыка и выделения его в особую профессиональную группу мы обратились к произведениям известного немецкого учёного в области истории Йоахима Феста. Как известно, для описания любого подъязыка следует обращаться к трудам ведущих специалистов-практиков в данной области. В трудах упомянутого известного историка, историко-политический метаязык представлен, на наш взгляд, наиболее системным образом. В процессе работы с этой терминосистемой нами были выделены следующие группы историко-политической терминолексики.

- названия различных научных направлений, школ, доктрин в рамках историко-политической науки: *консерватизм, прагматизм, социал-дарвинизм, диктатура пролетариата, геополитика, классовая борьба, Monroe-Doktrin;*
- названия политических направлений, программ, курсов и тому подобное: *колониализм, терроризм, политика окружения, интервенция, Bodenreform, политика встряски, политика возмездия, макиавеллизм, шовинизм, Desperadopolitik, мирное сосуществование, интервенция, Ancien Regime, Antiklerikalismus, Annexionspolitik, интернационализм, экспансия, гегемония, большевизм, мирное сосуществование;*
- названия социальных групп, классов, человеческих сообществ: *дворянство, аристократия, рабочий класс, третье сословие, буржуазия, плебей, мещанин;*
- термины, номинирующие различные формы государственного и общественного устройства: *демократия, монархия, диктатура, анархия, автократия, деспотия, плутократия, цезаризм, графство, президентское правительство;*
- обозначения и наименования различных понятий, введённых самими политическими лидерами: *Blut-und-Eisen Politik, Achse Potsdam-Moskau, Sichelschnitt, Affenwald, bidingungslose Kapitulation, энергия «Катилины»;*
- названия и обозначения различных войн: *Abessinienkrieg, Sitzkrieg, amerikanischer Bürgerkrieg, Deutscher Krieg, phoney war, тридцатилетняя война, первая мировая война, вторая мировая война.*

- названия различных политических, революционных движений, переворотов и путчей: *Arbeiterbewegung, Aufstandsbewegung, Bewegung der Blockfreien, интернационализм, Hitlerbewegung, Pariser Kommune, советская революция, движение Шенерера, капповский путч, Röhmputsch;*
- названия различных политических партий, союзов, соглашений, пактов: *Antihitlerkoalition, Antibolschewistische Liga, Alldeutscher Verband, Antikomminternpakt, Bayerische Volkspartei, Bund Oberland, Bund sozialer Frauen, Arbeitsgemeinschaft der vaterländischen Kampfverbände, Deutscher Kampfbund, Locarnopakt, Nichtangriffspakt, Kellogpakt, große Koalition, Dreimächtepakt, Doppelmonarchie;*
- наименования приверженцев различных политических движений: *Alldeutsche, Pazifisten, социал-демократы, ультрароялисты;*
- названия различных исторических сражений: *Battle of Britain, Hermannsschlacht, Schlacht von Noreia, Schlacht von Königgratz, Schlacht von Tannenberg, Schlacht vom Teutoburgerwald, Seeschlacht von Salamis, Лейпцигское сражение;*
- топонимы, номинирующие исторические империи и республики: *Englische Empire, Drittes Reich, Französische Dritte Republik, Römischer Weltreich, Веймарская республика, Карфаген, Лотарингия;*
- названия различных титулов: *Oberabschnitsführer, Oberamtmann. Obergruppenführer, эрцгерцог, Pascha, дуче;*
- наименования отрядов: *Schutzstaffeln, преторианцы*;
- названия различных исторических приказов и декретов: *Flaggenbefehl, Nero-Befehl, Reichstagsbrandverordnung;*
- названия исторических народностей, племён, династий*: кимвры, тевтоны, Габсбурги, Haus Hohenzollern, Germanentum;*
- различные исторические реалии: *концентрационный лагерь, гау, имперский справочник германского общества, Marsfeld, Ostmark, Parteilokal, Sturmlokal*;
- термины, номинирующие названия различных тактик, спецопераций и планов: *фишрейхер, план Юнга, план Дауэса, Барбаросса, Операция «Грюн».*

Большинство учёных придерживаются мнения, что термины не вызывают особых затруднений при переводе. Тем не менее, С.И. Влахов и С.П. Флорин [Влахов, Флорин 1986: 274] включают термины в категорию «непереводимого в переводе». Обосновывается это тем, что лишь в идеале термины однозначны, лишены образности и синонимов.

Поскольку объекты переводческого исследования вычленяются на основе их релевантности для процесса перевода [Комиссаров 1980: 200], то мы считаем, что

подъязык истории и политики представляет собой довольно интересный пласт лексики, поднимающий большое количество вопросов в плане адекватности.

Естественно, что большая часть терминов переводится с помощью константных переводческих соответствий. В случае с метаязыком истории и политики речь идёт о таких терминах как Klassenkampf - class struggle - классовая борьба, Der Versailler Vertrag - The Treaty of Versailles - Версальский договор, Die “Los-von- Rom-Bewegung” - the Away-from-Rome Movement - движение «Прочь от Рима! Другими словами, калькированный перевод позволяет говорить о межъязыковой полной синонимии. Это ещё раз подтверждает вывод, сделанный В.С. Виноградовым [Виноградов 2001: 68], заключающийся в том, что сама материальная действительность, которая в целом одинакова для всего человечества и отражена в понятиях, закрепленных в лексических единицах, предопределяет существование межъязыковых лексических соответствий.

Тем не менее, существуют термины, бросающие переводчику определённый вызов.

Рассмотрим их в порядке нарастания сложности. Как правило, немецкие термины – сложные слова, переводящиеся на английский и русский языки терминологическими словосочетаниями, часто имеющими разъяснительный характер: Achsenmächte - Axis Powers - державы «оси», Affenwald - ape jungle - обезьяний лес, Antihitlerkoalition - anti-Hitlerite coalition - антигитлеровская коалиция, Flaggenbefehl - flag order - приказ о флагах.

Однако, несмотря на разъяснительный характер при переводе, некоторые из этих терминов для непосвящённого реципиента нуждаются в дальнейшем более детальном пояснении. Так, к примеру, понятие *приказ о флагах* – это приказ под конец второй мировой войны, изданный в Германии о расстреле лиц мужского пола в тех домах, где будут вывешиваться белые флаги.

Самым сложным делом представляется передача понятий, где от переводчика предполагается соответствующее и определённое знание истории.

Рассмотрим, к примеру, такие понятия как Alldeutsche, “Ausgleich”, Doppelmonarchie, Anstreicher aus Braunau. Имея дело с такими понятиями, переводчик не обойдётся здесь просто калькированием (буквальным соответствием на языке перевода). Если поступать таким образом, то получится список слов, которые будут представлять для слушателя непонятную или неверно переданную смысловую нагрузку: все немцы, “уравнение”, двойная монархия, маляр из Браунау. Но, если переводчик идентифицирует данные термины как принадлежащие к историко-политическому подъязыку, опираясь при этом на знание истории, то получится совсем другая картина: понятие Alldeutsche будет передано соответствием *пангерманисты,* непонятное

уравнение окажется *уравнением прав*, *двойная монархия* станет *австро-венгерской монархией*, а вот незнакомый никому маляр из Браунау предстанет перед реципиентами переводного языка никем иным как Адольфом Гитлером! И хотя в русском варианте данное выражение принято переводить как «мазила из Браунау», оно подразумевает именно Гитлера, так как это выражение является исторически-сложившимся перифразом. Если перевод делается для реципиентов, компетентных в области истории, то будет достаточно, опираясь на знание истории, прибегнуть к описательному переводу данной безэквивалентной лексики или же воспользоваться принятым соответствием в родном языке. Однако если перевод совершается для непрофессионалов и для широкого круга лиц, то переводчику при устном переводе следует сделать пояснительную вставку, а при письменном переводе – внести пояснение в виде примечания в самом тексте, либо в качестве сноски. В нашем случае пангерманисты – это приверженцы возникшего в конце 19-го столетия политического движения, требовавшего усиление немецкого национального сознания; “уравнение прав” – государственно-правовое преобразование Австрии в австро-венгерскую монархию на основе договора между императором Францем Иосифом I как королём Венгрии и представителями венгерской нации в венгерском парламенте в 1867 году; австро-венгерская монархия – название союза между двумя монархиями после известного «уравнения прав» в 1867 году. Последнее выражение нами уже было разъяснено, но здесь стоит отметить, что при его переводе нужно просто знать некоторые исторические факты, связанные с рождением Гитлера в городе Браунау на Инне и его несбывшейся надежде стать художником, откуда потом и вошёл в употребление перифраз “мазила из Браунау”.

Список литературы

1. Влахов, С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе [Текст] / С.И. Влахов, С.П.Флорин. – М., 1986. – 381с.
2. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1980. – 210с.
1. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение [Текст] / В.С. Виноградов. – М., 2001. – 222с.

Л.В. Кушнина, Л.В. Енбаева
Пермь, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СУЩНОСТНОЕ СВОЙСТВО ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Идея диалога, которая разрабатывается в лингвистике, начиная с учения М.М.Бахтина о структуре диалогических текстов, исследований московско-тартуской школы Ю.М.Лотмана о диалогичной природе процесса восприятия текста, работ

французских постструктуралистов в области интертекстуальности приобретает новый импульс в связи с современными воззрениями в области синергетической лингвистики и синергетики перевода.

В основе нашего понимания диалога лежит лотмановское положение о принципиальном полиглотизме текста как семиотической системы, о гетерогенности и гетероструктурности естественного человеческого языка, для которого в роли другого языка выступает иконический, пространственный, мифологический языки. При этом «другим» при восприятии и понимании текста является также другой интеллект, другое сознание, другая личность. Согласно Лотману, сам по себе текст ничего генерировать не может, он должен вступать в контакт с другим текстом, другим сознанием, другим интеллектом: «Текст как генератор смысла, мыслящее устройство, для того чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания. Чтобы активно работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура - в культуре» [Ким Су Кван 2003: 123].

Мысли Лотмана и его последователей о диалогической природе текста, сознания, культуры, о динамике и генерации смысла, возможного только в процессе диалогического обмена, приобретают особую актуальность, если другим текстом признается текст перевода в прямом смысле этого слова, а другим сознанием оказывается сознание переводчика - медиатора культур. Современная эпоха уже названа исследователями эпохой переводов, что связано с потребностью интеллектуалов разных стран усвоить наследие мировой науки: «Тесня друг друга, переводы обрушиваются на нас неудержимым потоком, несущимся вперед со скоростью, которая, кажется, опережает появление оригинальных работ» [Хапаева 2005: 8]. В связи с этим появляется необходимость углубления теоретических изысканий и расширения эмпирических исследований в области перевода, переосмысления существующих моделей перевода, их интеграции в новые парадигмы современного гуманитарного знания, включающего в себя, среди прочих, синергетическое мировидение.

Как показали результаты наших исследований в области синергетики перевода, смысловой моделью которого является переводческое пространство, развитие межкультурного диалога в переводческом пространстве, подчиняется тем же общим принципам и закономерностям, что и внутрикультурный диалог. Напомним, что переводческое пространство представляет собой полевую структуру, ядром которой является содержание и генерируемый в нем фактуальный смысл, а периферией – поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента) и текстовые

поля (энергетическое и фатическое). Подчеркнем, что ядро обусловливает инвариант перевода текста, а периферия порождает вариативность смыслов.

Как следует из описания полей переводческого пространства, наиболее ярко закономерности межкультурного диалога проявляются в фатическом поле, которое расценивается нами как смысловое пространство двух контактирующих культур: культуры автора и культуры реципиента. Переводчик как медиатор двух культур генерирует в своем сознании все возможные интертекстуальные связи, порождаемые родной культурой, что становится своего рода темой текста перевода и одновременно он постигает все потенциально существующие интертекстуальные связи иноязычной культуры, что можно сравнить с ремой текста перевода. Именно такая тема-рематическая цепочка приводит переводчика к порождению гармоничного текста перевода как качественного речевого продукта, в котором смыслы текста перевода соразмерны, гармоничны смыслам текстам оригинала. Образно говоря, такое тема-рематическое сцепление можно рассматривать как диалог, поскольку текст как «думающее устройство» (термин Лотмана) предполагает нечто «известное мне» - родную культуру, т.е. тему и «нечто неизвестное или малоизвестное мне» - иноязычную культуру, т.е. рему.

Развивая далее идеи Лотмана, подчеркнем, что новый смысл порождается, среди многих других факторов, как результат контакта с культурным контекстом, с интертекстом, с фатическим (культурологическим) полем. Важнейшую роль в этом процессе играет поле переводчика, смысловое наполнение которого характеризуется индивидуально-образным восприятием текста и его глубинного смысла - подтекста, отражающего личностную переводческую картину мира, его когнитивный и эмоциональный опыт, включенный в процесс дешифровки иноязычного и инокультурного текста.

В целом, каждая переводческая ситуация обусловливает порождение уникального текста перевода как результат синергии смыслов всех полей переводческого пространства.

Процесс транспонирования смыслов текста из одного языка в другой, из одной культуры в другую в каждом конкретном случае сопровождается неповторимым «наращиванием» смыслов, т.к. диалог «своего» и «чужого», динамическое взаимодействие темы и ремы неизбежно порождают новые смыслы. Эта новизна обусловлена и личностью переводчика, и личностью реципиента, а также временем создания перевода, которое может либо совпадать с временем создания текста, либо следовать за ним. Что касается восприятия текста реципиентом, его временные рамки

также могут совпадать с временем создания текста перевода или следовать за ним. Так в переводческое пространство включается переводческое время, что позволяет различать время автора, время переводчика, время реципиента, и что детерминирует порождение новых темпоральных смыслов в переводческом пространстве.

Наблюдая процесс смысловой организации текста в переводческом пространстве с позиций синергетики, мы расцениваем его как открытую неравновесную систему в ходе ее становления в условиях новых управляющих параметров – языка, культуры, темпоральности. В этом случае система сама создает специфические структуры, что и называется самоорганизацией [Хакен]. Возникающие структуры или так называемые параметры порядка проходят своеобразную стадию конкуренции, называемую «перемешивающим слоем». В переводческом пространстве «перемешивающий слой» связан с вариативными смыслами и возможностями их перевода и введения в новую культурную среду, т.е. преимущественно с фатическим полем.

Как показали результаты исследований лирики нонсенса на примере различных вариантов перевода сказки Л.Кэролла «Алиса в стране чудес» с английского языка на русский, синергетический эффект обусловлен следующим «параметрами порядка»: контекстуальный параметр, совпадение смысловых фокусов, фактуальный параметр, прецедентный параметр, корреляция между диффференциальными смыслами и фактами культуры и др.

Так, в сентенции Герцогини, вынесенной в качестве эпиграфа, действует прецедентный параметр: в подчиненном положении оказывается отсылка к видоизмененной пословице «Take care of the pence, and the pounds will take care themselves».

Следовательно, распад произведения в переводческом пространстве оборачивается обнаружением ценности каждого инвариантного и вариативного смыслов, что приводит к их интеграции за счет выделения параметров порядка.

Изучение этого процесса с позиций синергетики на материале лирики нонсенса, как некоем предельном случае, приведет к раскрытию некоторых закономерностей смыслопорождения и смыслоупорядочения при переводе, к уточнению существующей синергетической модели перевода в виде переводческого пространства.

В раках уточнения данной модели был выполнен также лингвопереводческий анализ повести Л.Е.Улицкой «Искусство жить» и ее перевода на французский язык, выполненный С. Бенеш.

Приведем фрагмент анализируемого текста.

«*Проклятые эти кабачки не выходили из головы несколько дней. Наконец купила пять бледных, глянцевитых, ровненьких…Поздно вечером пожарила, а утром наскоро приготовила соус и попросила Гришку завести продукты питания Лиле. Кроме кабачков образовался салат свекольный и творожная замазка. Зубов у Лильки практически не было. Мозгов тоже было немного. И красоты. Собственно, состояла она из большого жидкого тела и тихой доброты…*» [Улицкая 2006: 193].

«*Ces maudites courgettes lui avaient trotté dans la tete pendant plusieurs jours. Elle avait fini par en acheter cinq, un peu blafardes, lustrees et bien rondes... Elle les avait fait frire pendant la nuit, avait préparé une sauce en vitesse le lendemain matin, et avait demandé à Gricha d'aller porter ces produits alimentaires à Lilia. Aux courgettes étaient venues s'ajouter une salade de betterave et une pâte à tartiner au fromage blanc.Lilia n'avait pratiquement plus de dents. Et pas beaucoup de cervelle non plus. Ni de beauté. En fait, elle était constituée d'un gros corps flasque et de bonté tranquille..* [ulitskaia, 2007 : 128].

Прежде всего, подчеркнем, что перевод, выполненный профессиональным франкоязычным переводчиком, опубликован во Франции, что позволяет признать его в целом качественным продуктом, в нашей терминологии, гармоничным. Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы гипотетически выстроить ход размышлений переводчика в поисках гармонизации смыслов текстов оригинала и перевода в переводческом пространстве, в которое мы включаем и переводческое время.

Начнем анализ с переводческого времени. Если в оригинале читаем «поздно вечером», то в переводе «pendant la nuit», что в буквальном переводе означает: « в течение ночи», «ночью», если автор оригинала пишет «несколько дней», то переводчик выбирает «pendant plusieurs jours», т.е. буквально «в течение многих дней».

Объяснение этого явления лежит в феномене переводческого времени, которое, по нашим наблюдениям, обладает различной культурно обусловленной окрашенностью для автора и реципиента – русского писателя и французского читателя. Вероятно, для французского переводчика концепт «поздний вечер», подразумевающий приготовление блюда из кабачков, что занимает достаточно много времени, оказывается гораздо ближе к концепту «ночь», т.к. поздний вечер – это и вечер, и наступление ночи. Для французского переводчика при его «монохронности» более естественным представляется выбор концепта «ночь», что позволяет ему более точно локализовать временные рамки описываемого автором события. Таким образом, с позиций переводческого времени данный вариант перевода представляется гармоничным.

Гармонизация смыслов в фатическом поле переводческого пространства подразумевает, что переводчик не ограничивается в своем поиске ни адекватными

словарными соответствиями, ни эквивалентными межъязыковыми соответствиями, которые складываются из имеющихся в его индивидуальном переводческом багаже переводческих трансформаций. Источником гармонизации является, во-первых, образ-гештальт текста, который возникает в сознании переводчика как невербализованнный смысл, своего рода коррелят понимания текста. Во-вторых, последовательное выполнение переводчиком трех взаимосвязанных мыслительных операций (девербализация, понимание, ревербализация). В-третьих, постижение переводчиком смысла в каждом поле переводческого пространства при условии доминирования некоторых дифференцированных смыслов с последующей синергией смыслов. В свою очередь, интегральный смысл представляет собой не сумму смыслов, а некое новое качество с «приращенным» смыслом за счет переводческого времени и вариации отдельных смысловых полей переводческого пространства.

Прокомментируем представленный выше перевод с позиций фатического поля. Начнем с перевода имен собственных. Если автор оригинала называет героев повести «Гришка» и «Лилька», подчеркивая обыденность, незатейливость их существования, то в переводе их имена нейтрализуются: «Gricha» и «Lilia», что, естественно, не приводит к гармонии. С другой стороны, переводчику чрезвычайно трудно понять и «девербализовать» такое сочетание как «творожная замазка», но ему удается использовать переводческую трансформацию: «une pate à tartiner au fromage blanc», что позволяет французскому читателю ясно представить, о каком творожном блюде идет речь. В данном случае в качестве параметра порядка выступает корреляция между дифференциальным смыслом, формируемым в фатическом поле и фактом культуры, а именно, рецептом приготовления «творожной замазки». С одной стороны, параметр порядка «упорядочивает» смысл текста перевода, пройдя стадию конкуренции с другими параметрами порядка. С другой стороны, он не исключает, что при возникновении новой конфигурации переводческого пространства, если, например, тот же текст переводится другим переводчиком, появляются новые перспективы разворачивания переводческого пространства, и соответственно, новые параметры порядка, что введет текст перевода в иной интертекст.

Характеризуя текст перевода в целом, приходим к заключению, что переводчику удалось «уловить» тот неуловимый смысл, который создает уникальный образ текста и его персонажей. Та переводческая гармония, которой удалось добиться переводчику в результате синергии смыслов, вводит текст перевода в мир франкоязычной словесности, обеспечивая разворачивание тема-рематической прогрессии двух культур и подлинный межкультурный диалог. Французский читатель, также как и русский,

почувствует и безобидную женскую ложь, и ту нежность, которую испытывает автор к своим героям. Атмосфера «женского романа» передана переводчиком таким образом, что позволяет признать перевод гармоничным, и его вхождение во французский язык и культуру состоявшимся.

Итак, синергетический подход к проблемам перевода, его рассмотрение сквозь призму переводческого пространства, фокусирование внимания исследователей на межкультурном диалоге как сущностном свойстве процесса перевода, нацеленного на вхождение текста в иной язык и иную культуру, подводит нас к построению синергетической модели перевода, открывающей новые смысловые горизонты для всех субъектов переводческой коммуникации.

Список литературы

1. Ким Су Кван Основные аспекты творческой эволюции Ю.М.Лотмана. [Текст] / М., 2003.
2. Кушнина, Л.В.Языки и культуры в переводческом пространстве. [Текст] / Л.В. Кушнина. – Пермь, 2004.
3. Лотман, Ю.М. Семиосфера. [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб., 2004.
4. Хакен, Г., Хакен-Крелль. Тайны восприятия, [Текст] / Г. Хакен. – М., 2002.
5. Хапаева, Д. Герцоги республики в эпоху переводов. [Текст] / Д. Хапаева. – М., 2005.

Е.Н. Лапковская
Гродно, Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА БЕЛОРУССКИЙ

В настоящее время уже не вызывает сомнений необходимость лингвистического изучения теории и практики перевода нучной и технической литературы. Область применения этой дисциплины не только лингвистическая. Поэтому перевод научной и технической литературы необходимо рассматривать и с позиций языкознания (при исследовании общеязыковых вопросов), и с позиций научно-технических (при рассмотрении терминологии).

Когда скульптор высекает скульптуру из камня, он руководствуется не только своим первоначальным замыслом, но и конкретными свойствами имеющегося у него материала. Ему приходится принимать во внимание то, как крошится камень под резцом, каковы его сопротивляемость, твёрдость, исходные недостатки. Иначе говоря, медиум (материал) играет в процессе творчества активную роль и, в известном смысле, определяет конечный результат. «The medium is the message (Медиум есть сообщение, послание)» — писал Маршал Мак Люан. Это значит, что при переводе один язык играет

роль посредника, медиума, при помощи которого передаётся смысл изложенного ранее на другом языке. При этом, конечно, необходимо учитывать свойство, качество и возможности языка, на который делается перевод. Дословный перевод реально не существует. Даже при переводе с одного родственного языка на другой некоторые изменения неизбежны.

Любое действие, как отмечает А.Н.Леонтьев, кроме своего интенционного аспекта, имеет и свой операционный аспект. Можно сказать, что операции — это способы осуществления определённых действий. В отношении к переводу операционные умения и навыки можно охаракктиризовать как умение пользоваться разнообразными приёмами перевода. Эти приёмы — готовые решения, которые можно применить на практике.

Сравнительный анализ оригинальных и переводных текстов даёт возможность поделить все приёмы перевода на два вида: подстановки (основаны на максимально возможном структурно-смысловом пралелизме языка оригинала и языка перевода) и трансфармации (используют отход от возможного структурно-смыслового паралелизма текста оригинала и текста перевода).

Другими словами, с подстановками мы имеем дело, когда переводим слово в слово, строку в строку, только подставляя вместо слов и словосочетаний одного языка слова и словосочетания другого языка, а при трансформациях текст перевода в определённой степени отличается от текста оригинала. Например: *Наша учительница замечательный человек. Не правда ли? — Наша настаўніца цудоўны чалавек. Хіба не так?*

Разделение приёмов перевода на подстановки и трансформации основано на наличии (или отсутствии) в обоих языках так называемых языковых паралелей. Такие паралели существуют между любой парой языков, потому что когда бы их не было вообще, то перевод с одного языка на другой был бы невозможен.

Общность происхождения восточнославянских языков, близость их историческгого развития и взаимодействие на современном этапе обусловили наличие в белорусском и русском языках одинаковых или близких слов, словосочетаний, обращений. Вместе с тем, в любом языке отражена единственная, самобытная и неповторимая картина видения мира, што приводит к существованию текх слов, словосочетаний и обращений, что отличают один язык от другого.

При сравнении оригинальных и переводных текстов были выявлены следующие виды соответствий между русско-белорусскими взаимопереводами.

1. Языковые единицы в языке оригинала и перевода имеют постоянные равнозначные соответствия (эквиваленты), которые обычно не зависят от контекста. Эти соответствия могут целиком совпадать по своему строению и значению, иметь одинаковое написание и произношение (абсолютные эквиваленты), они взаимозаменяемые в любых контекстах: *вид деятельности* (руск.) — *від дзейнасці* (бел.), *выбор — выбар, голова — галава, глухие дети — глухія дзеці, заикание — заіканне, запоминание — запамінанне, навык — навык, одарённость — адоранасць, память — памяць, паника — паніка, переживание — перажыванне, слепые дети — сляпыя дзеці, школа — школа* и т.д. Такие термины имеют одинаковое или близкое звучание и написание, грамматическую форму, компоненты, стилистическую окраску, имеют одинаковое значение.

Постоянные соответствия, которые совпадают по значении и функции, могут: иметь совсем другую звуковую оболочку (написание и произношение): *движение — рух, возраст — узрост, игра — гульня, речь — маўленне, состояние — стан*; совпадать по строению: *психология научной организации труда — псіхалогія навуковай арганізацыі працы*; отличаться падежом: *благодарить ученика — дзякаваць вучню*; отличаться падежом и предлогом: *смеяться над поступком — смяяцца з учынку*; иметь совсем другой образ (для фразеалогизмов): *плестись в хвосте — казу пасвіць*.

Такие соответствия целиком охватывают значение всего слова или выражения и взаимозаменяемы в любых контекстах.

Постоянные соответствия могут совпадать по значению, но иметь некоторое отличие в стилистической окраске: *предоставить — даць, изложить — выкласці, изъявить — выказать, предвкушение — чаканне, предумышленный — наўмысны* и т.д. Слова русского языка имеют выразительный оттенок книжности, в белорусском языке их соответствия стилистически нейтральны, избавлены книжности.

2. Языковые единицы в оригинале и в переводе имеют вариантные соответствия, это значит такие соответствия, которые устанавливаются между словами или выражениями, если в языке перевода для передачи того или иного значения существует несколько вариантов и необходимо выбрать один из них. Например, русскому слову *любовь* соответствуют в белорусском языке слова *каханне* и *любоў.* В зависимости от конкретной речевой ситуации мы выбираем соответствующее слово: или *любоў да Радзімы*, или *каханне да дзяўчыны*.

Такой выбор может быть несложным, если каждыое из соответствующих слов целиком охватывает значение всего слова другого языка, совпадают и их лексические коннотации: *затем — затым, потым; зря — дарэмна, дарма, марна; одарённость —*

адоранасць, таленавітасць, здольнасць; назваться — назвацца, назваць сябе; изображение — выява, відарыс; выражение — адлюстраванне, выяўленне и другие.

Выбор в таком случае осуществляется путём обычной языковой подстановки, потому что каждое из предложенных соответствий подходит по смыслу. Другое дело, когда несколько из приведённых соответствий отличаются оттенком значения, частотностью употребления, стилистической окраской или другими эмоционально-образными оттенками.

При выборе необходимого соответствия часто приходится учитывать частичное соответствие единиц оригинала и перевода, когда то, что в одеом языке одним словом (или полным словосочетанием), в другом языке называется несколькими словами (или словосочетании): *слабослышащие (тугоухие) дети — дзеці, якія маюць слабы слых (тугавухія).*

Чаще всего при переводе с одного языка на другой переводчик стоит перед выбором одного варианта из нескольких предложенных. Это выбор определённой единицы из синонимического ряда, и выбор конкретного значения многозначной единицы, и разграничение омонимов и т.д. В двуязычных терминологических словарях к одному слову в левой части приводят другой раз несколько слов в правой части.

3. Языковые единицы оригинала не имеют соответствий в языке-переводчике. Это так называемая безэквивалентность, но её нам надо понимать как полное отсутствие в языке-переводчике средств передачи соответствующих языковых единиц оригинала. Под безэквивалентностью единиц обычно понимают только то, что они не имеют готовых соответствий (слов или выражений), которые можно взять и подставить вместо них в переводе. Например: *Она благоговела перед своим учителем. — Яна ставілася з глыбокай пашанай да свайго настаўніка; отчество — імя па бацьку, превознести — вельмі ўзнесці, расхваліць* и т.д.

Белорусский язык имеет систему средств, которые употребляются для замены несвойственных ей причастий при переводе с русского. Самыми распространёнными являются сложные предложения (определительные, дополнительные, подлежащные). Например: *Улица, ведущая к школе, проходила мимо библиотеки. — Вуліца, якая вяла да школы (у бок школы), праходзіла каля бібліятэкі. Уровень развития речи у слабослышащих детей определяется главным образом степенью нарушения слуха. — Узровень развіцця маўлення ў дзяцей, якія маюць слабы слых, вызначаецца галоўным чынам ступенню парушэння слыху.*

Некоторые причастные обороты передаются причастными и деепричастными словосочетаниями: *«Что-то здесь не так», — сказал остановившийся учитель. —*

«Штосьці тут не так», — сказаў настаўнік, спыніўшыся. Причастия могут передаваться: а) прилагательными: *дрожащая речь — дрыготкае маўленне, взаимно погашающиеся платежи — узаемна пагашальныя плацяжы*; б) существительными: *расказывающий повысил голос — апавядальнік павысіў голас, председательствующий встал — старшыня ўстаў*; в) глаголами: *Дети, спешившие на урок, бежали быстро. — Дзеці спяшаліся на ўрок і беглі хутка*; г) определениями-придатками: *стимулирующие вещества — рэчывы-стымулятары*.

Переводчик, который работает не механически, заинтересован в определённом выборе языковых средств. Перевод — это не простое возобновление свей совокупности элементов оригинала, а сложный и сознательный поиск разнообразных вохможностей их передачи. Мастерство перевода предусматривает и умение использовать определённый тип трансформаций, от этого умения будет зависеть полноценность текста перевода.

М.В. Ласкова
Ростов-на-Дону, Россия

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Явление ложной эквивалентности относится к проблемам, традиционно обсуждаемым теорией перевода. Это проблема включает изучение понятий «интернациональная лексика», «квазиинтернациональная лексика». Последняя выявляется путём анализа пар слов разных языков, совпадающих или близких по форме, общих по происхождению, но расходящихся в семантике.

Для теории и переводческой практики вопрос квазиэквивалентной лексики должен рассматриваться, по нашему мнению, с привлечением следующей информации:

- асимметрия знаков в межъязыковом сопоставлении;
- межъязыковая синонимия, омонимия и паронимия;
- типы несоответствий между словами, составляющими пару «ложных друзей переводчика»;
- процесс глобализации языка/языков и появление в связи с этим новых квазиэквивалентных слов;
- изменения в социальной и культурной сфере, что вызывает семантические сдвиги слов, проявляющиеся и в парах «ложных друзей» переводчика в результате смен ценностных ориентиров.

При сравнении английского и русского языков можно выявить большое количество слов, имеющих сходное написание и звучание. В основном это

заимствования, как правило, из латинского, греческого, французского языков (parliament, method, theory, organisation и др.), которые могут, как помогать, так и мешать переводчику.

Помощь они оказывают в тех случаях, когда за внешним сходством стоит совпадение значений. Независимо от контекста *zinc* - цинк, *chameleon* – хамелеон, *classical music* – классическая музыка. Такая лексика называется интернациональной.

Однако слово, заимствованное другим языком может обрести новое значение, его семантическая структура может полностью измениться. Такие слова называются псевдоинтернациональные или «ложные друзья переводчика». Они не так опасны, когда их значения настолько расходятся со значениями сходных с ними русских слов, что ближайший контекст исключает возможность неправильного понимания, а следовательно перевода: *to read a magazine* не переведут как *«читать магазин»* или *to lay somebody under an obligation* как *«положить кого-либо под облигацию»*.

Но эти же слова в другом окружении могут неправильно ассоциироваться со своим двойником в ПЯ.

Ср.: I have no obligations. I like this magazine.

Необходимо помнить, что у ряда слов в обоих языках сходство часто формальное: *decade* и русское *«декада»* означают определённый отрезок времени, но первое – *десятилетие*, а второе – *десять дней*. *Buiscuit* и *«бисквит»* относятся к гастрономической сфере, но первое – *сухое печенье, галета*, второе – *выпечка из сладкого сдобного теста*.

Ср.: She has a very fine complexion. – У неё чудесный цвет лица.

Well, he must be a lunatic. – Он должно быть сумасшедший (не лунатик).

This is a literal translation of the text. – Это буквальный перевод (а не литературный) текста.

This boy is very intelligent. – Это умный (а не интеллигентный) мальчик.

Большую опасность несут в себе слова, которые при наличии общего значения с соотносимыми русскими словами имеют и другие значения, не присущие последним.

Ср.: fiction – это не только фикция, но и художественная литература; officer – не только офицер, но и чиновник, полицейский. В этих случаях страховкой от ошибок может быть лишь внимательный анализ контекста и проверка всех значений по словарю [Романова 2004: 26-27].

Ср.: The African nation of Togo has sent more physicians and professors.

Можно перевести это предложение следующим образом: «Африканское государство Того отправило больше врачей и профессоров во Францию, чем Франция в

Того». Однако логическая неувязка в рамках внутрифразового контекста должна насторожить переводчика: врач может быть профессором и наоборот. Английское предложение не содержит в себе этого логического сбоя, так как *professor* имеет значение и *«преподаватель»*.

Иногда выбор нужного соответствия в переводе диктуется экстралингвистическими факторами и переводчику необходимо обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают читатели оригинала. Слово может иметь не только лингвистический контекст – оно живёт и в контексте определённой эпохи и культуры. За сходной оболочкой в разных языках могут стоять различные понятия, связанные с жизнью и историей данной страны.

Ср.: У носителей русского языка слово «революция» связано с событиями 1917 г., у англичан the Revolution – с происшедшим в 1688 г. свержением с престола Якова II, у американцев – с войной за независимость 1775-1783 г.г.

Таким образом, во избежание ложных ассоциаций в переводе нередко приходится отказываться от внешне сходного соответствия и использовать обозначение, явное и недвусмысленное для читателей.

The American Revolution was, in truth, a close parallel to the wars of national. – Война за независимость в Америке – прямой прототип национально-освободительных войн.

В другом контексте слово *revolution* реализует своё другое значение, описанное в словаре с явно отрицательными коннотациями.

The revolution in Chile was headed by Pinochet. – Переворот в Чили возглавил Пиночет.

Наличие фоновых знаний у переводчика поможет ему правильно перевести такое сочетание как *Emancipation Proclamation* – название закона об отмене рабства, который был принят правительством президента Линкольна.

Таким образом, ложная эквивалентность остаётся актуальной проблемой в рамках современного переводоведения.

Список литературы

1. Акуленко, В.В. О ложных друзьях переводчика [Текст] / В.В. Акуленко. – М., 1969.
2. Борисова, Л.И. Ложные друзья переводчика [Текст] / Л.И. Борисова. – М., 2002.
3. Будагов, Р.А. Ложные друзья переводчика [Текст] / Р.А. Будагов // Мастерство перевода. – М., 1971.
4. Романова, С.П., Коралова А.Л. Пособие по переводу с английского на русский [Текст] / С.П. Романова, А.Л. Коралова. – М., 2004.

Е.В. Мордовская
Костанай, Казахстан

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Сопоставление текстов исходного языка и языка перевода с учетом изменений лексико-грамматических форм, семантических соответствий, логических связей и экстралингвистической действительности, дает возможность вывести закономерности перевода, отражающие компетенцию лиц, владеющих двумя языками, закономерности, которые, в свою очередь, могут послужить «орудием объективной оценки ряда существенных аспектов самих переводов» [Гак 1979: 21]. Задача переводчика заключается не в передаче одной из возможных интерпретаций, а в создании предпосылок для воспроизводства всех граней содержательности, чтобы реципиент мог восстановить максимальное количество возможных интерпретаций данного текста [Галеева 1999: 278].

Как отмечает Л. В. Кушнина, изучение самого процесса перевода до сих пор является актуальным. Механизм этого процесса определяется поисками смысла [Кушнина 2004: 15]. Расхождение когнитивных пространств носителей ИЯ и ПЯ предопределяет, какими могут оказаться расхождения в ИТ и ПТ.

В когнитивном пространстве переводчика знания исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ) пересекаются. И чем больше объем совпадения, тем легче выбирать соответствующие средства выражения в ПЯ, то есть сознательно установить отношения между языковыми репрезентациями ИЯ и ПЯ. Переводческое пространство отражает переводческую картину мира и представляет реально существующие процессы и отношения, которые возникают при переводе текста с одного языка на другой, транспонировании его из одной культуры в другую. Если способы смыслообразования и их воспроизведение в переводе будут доступны как теоретически, так и в практической деятельности переводчика, перевод обогатит мировую культуру. Именно в установлении тождества когнитивных пространств разных культур и заключается их взаимодействие.

Концептуальная основа перевода определяется когнитивно-профессиональной компетенцией переводчика, различными психологическими факторами, социальными условиями восприятия перевода, концептуально-жанровыми особенностями текстов на ИЯ и ПЯ. Переводчик должен обладать фоновыми и базовыми знаниями, составляющими его когнитивную базу и исходного языка и языка перевода, так как именно они и позволяют осуществлять коммуникацию. Однако при проецировании ИТ в свое когнитивное пространство переводчик может обнаружить некоторую несоотнесенность собственных когнитивных структур с теми условиями, которые были

заданы оригиналу автором. В этом случае происходит «неактуализованность переводчиком интенциональных смыслов», то есть конечного образа высказывания, созданного в концептуальной системе автора ИТ при порождении им данного оригинала [Нефёдова 2003: 52].

Только сравнительный анализ текстов ИЯ и ПЯ позволяет проследить транспонирование образов, являющихся динамическими единицами смысла. Перемещаясь в переводческом пространстве, данные смысловые единицы обеспечивают транспонирование текста ИЯ в текст ПЯ.

Теоретики перевода соглашаются относительно главной задачи переводчика: переводчик должен сохранить инвариантный смысл, сформированный контекстом и ситуацией общения, так как достичь полной адекватности оригинала и перевода в смысловом, эмоциональном, культурологическом и других аспектах практически невозможно [Нефёдова 2003: 42].

Когнитивный подход к явлениям языка, в нашем случае к переводу, позволяет увидеть известные факты языка в новом свете, а также охарактеризовать, как происходит понимание языка и как представлен язык и его единицы в нашем сознании. В процессе чтения иноязычного текста сначала происходит его восприятие на перцептивном уровне в виде мысленного представления. «…высказывание – это скорее ключ к конструированию модели, чем чертеж, по которому она могла бы быть построена» [Джонсон-Лэрд 1988: 235]

Как отмечалось выше, без сопоставления текста перевода с оригиналом невозможно объективно оценить функционирование различных элементов языка в разных языковых культурах. Обнаружение явных ошибок в переводе может позволить говорить о том, что одним из основных факторов появления качественного перевода является совпадение когнитивных пространств автора и переводчика. При переводе сложных текстов, содержащих большую когнитивную информацию, переводчик стремится к буквальному переводу. Хотя буквализм в данном случае понимается как средство сохранения в переводе идентичности авторской мысли, то есть обеспечение конструктивной ценности семантико-структурной близости ИТ и ПТ в рамках общественного предназначения перевода. Переводчик несет ответственность за недостаточность или ошибочность своего понимания, которые транслируются в культуру перевода. Индивидуальное когнитивное пространство каждой личности уникально. Однако существование в каждом лингво-культурном сообществе определенных традиций, которые зафиксированы в виде представлений и знаний, входящих в ментальные образования, должны обуславливать примерно одинаковое

расположение определенных когнитивных структур в ментальной сфере и совмещенном когнитивном пространстве у автора ИТ и переводчика. Соотнесенность определенных участков ментальных сфер индивидов определяет образование «зон» пересечения, обеспечивающих взаимопонимание автора ИТ, переводчика и реципиентов.

Ряд переводческих исследований затрагивает в качестве переводческих трудностей передачу национального колорита, разного рода реалий, восполнение лакун (С. Влахов, С. Флорин, А. Попович, Ю. А. Сорокин). Путем выбора близких по смыслу единиц перевода достигается общность содержания оригинала и перевода, то есть эквивалентность.

Воспроизводя содержание оригинала, переводчик осознанно использует ряд технических приемов, которые копируют формы и структуры языка оригинала, что позволяет преодолевать типичные переводческие трудности. На когнитивном уровне переводчик может столкнуться с рядом переводческих трудностей, для решения которых ему потребуется ввести новый термин. Например, он может использовать заимствования иноязычной формы путем транскрибирования (*akimat, akim, файл, интерфейс* и др.) и калькирование путем перевода каждого элемента в отдельности с последующим объединением переведенного в единое целое (*universal personal code, common accounting center, заднескамеечник* и др.).

Однако заимствованные реалии нуждаются в пояснении, так как когнитивные пространства англоговорящего реципиента с наименьшей вероятностью содержат подобные языковые репрезентации: *Akim (глава города, района, области) – regional or local governor; Akimat (орган местного самоуправления) – the official seat of the regional or local governor; Bolashak (детская образовательная программа) – the Future program; Maslikhat (местный представительный орган) – the members of regional governments; Mazhilis (нижняя палата Парламента) – the Lower Chamber of the Kazakhstani Parliament; Oralman (репатриант в Казахстан) – a Kazakh repatriate.*

Большое значение приобретает здесь когнитивная база, которая включает в себя энциклопедические знания автора, переводчика и реципиента и их знания о конкретной ситуации в момент речи. Несомненно, у реципиента возникнет вопрос относительно значения данных языковых репрезентаций, что, в свою очередь, может привести к непониманию текста перевода. И в данном случае мы говорим о некотором сужении модуса восприятия текста перевода англоговорящим реципиентом.

Иногда происходит расширение значения отдельных слов в переводе под влиянием единиц оригинала, в связи, с чем мы можем утверждать о существующей связи и взаимопроникновении семантических сфер восприятия и знания. Например,

Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Казахстан на пороге ***нового рывка вперед*** *в своем развитии. (Kazakhstan's strategy of joining the world's 50 most competitive countries. Kazakhstan is on the threshold of* ***a major breakthrough*** *in its development). Успешная интеграция Казахстана в мировую экономику – основа* ***качественного прорыва*** *в экономическом развитии страны. (Kazakhstan's successful integration into the world economy is the basis for* ***a qualitative breakthrough*** *in the country's economic development).*

Концепт «*прорыв*» имел негативное значение «*поломка, отставание, невыполнение задания*». Первичное восприятие английского «*break*» также можно охарактеризовать как «*to come apart, to crack, to collapse*». Но английское соответствие «*breakthrough*» получило положительную коннотацию «*успех, выдающееся достижение*». Под влиянием английского концепта в русской когнитивной базе «*прорыв*» стало употребляться в положительном смысле, что видно из примеров выше.

Реализуя когнитивный подход к изучению переводческих закономерностей на базе анализа речевых ошибок, возможно показать, что контекст влияет на процесс узнавания и последующего выбора концептуальных единиц. Переработка информации при переводе носит когнитивный характер, поскольку трансформирующей константой является когнитивная система человека. Знания, полученные переводчиком путем когнитивной переработки информации, реализуются в форме различных ментальных репрезентаций, в частности ментальных пространств, которые обусловлены функционированием оперативной памяти человека, охватывающей все участвующие в переработке информации единицы когнитивной системы. Поступающая в оперативную память (новая) информация систематизируется и соотносится с уже имеющимися знаниями. В процессе перевода происходит отыскание определенных сведений, затем связываются одно понятие с другим, одна категория с другой, иными словами, совершается некая классификация явлений и сличаются поступающие сигналы с тем или теми, которые были известны ранее.

Язык – это то, что дано в качестве особых способностей его носителю, это определенный объем ресурсов и средств, служащих проведению речевой деятельности, то, что обеспечивает ряд процессов, связанных с вербализованными знаниями, – порождение и восприятие речи, чтение, письмо, перевод. Переводчик выполняет роль не «вербального перекодировщика», он интерпретирует смысловой код, который был заложен в исходном тексте (ИТ). Изучая соотношение мыслительных и языковых структур, мы получаем возможность говорить о наличии диффузного «ментального» преобразователя, опосредующего связь мышления с естественным языком, состоящим, в

свою очередь, из мельчайших структурных элементов – концептов [Нефёдова 2003: 46]. Носители ИЯ и носители ПЯ, получив одинаковую информацию, находятся в неравных условиях восприятия текста из-за привычности его формы для одних и непривычности для других ввиду несовпадения национально-культурных стереотипов в когнитивных пространствах.

Итак, процесс восприятия и понимания высказывания начинается с анализа синтаксических структур и лексических значений и продолжается путем их свертывания во внутренней речи и понимании замысла и мотива сообщения. Реципиент, читая текст перевода, не просто выполняет ряд мыслительных операций, а выстраивает в сознании упорядоченную систему смыслов как результат взаимодействия смысловых полей всех субъектов переводческой коммуникации.

Одним из важнейших способов преодоления лингвоэтнического барьера является применение разнообразных трансформаций. Переводчик стремится к адекватной мере переводческой трансформации, которая является весьма существенной характеристикой качественного перевода.

Среди основных видов переводческих трансформаций назовем опущение, добавление, изменение порядка слов, изменение грамматических форм оригинала, лексические замены и другие. При выполнении трансформаций необходимо следовать ряду принципов: мотивированность трансформации, то есть необходимо достигнуть равноценности воздействия ИТ и ПТ на своих адресатов; экономность трансформации, то есть за счет меньших семантико-структурных отступлений от оригинала; принципиальная ограниченность меры переводческих трансформаций, иными словами, трансформации не должны вести к «перелицовке», ставящей под сомнение производность переводного текста от исходного [Латышев 2001: 21].

Приведем пример, в котором буквальный перевод воспроизводит коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего нарушаются нормы и узус языка перевода: *Если объект* ***сдадут на бумаге****, а потом несколько месяцев будут доделывать… (If the work* ***is completed on paper****, but in realist is continued…).* «*To be completed on paper*» не вызывает в мозгу англоговорящего реципиента должного эффекта, ведь завершенность на самом деле ассоциируется с задержками и проволочками в работе. Таким образом, при соединении единиц «*to be completed*» и «*to be continued*», принадлежащих к несовместимым, контрастным когнитивным ситуациям, могут привести к смысловому абсурду.

Итак, приняв тот факт, что переводческое пространство как система смыслотранспонирования является смысловой моделью процесса перевода, мы

приходим к выводу о том, что порождение гармоничного текста перевода является результатом выделения в когнитивном пространстве переводчика коррелирующих образов текстов оригинала и его перевода. Исследование когнитивного переводческого пространства должно идти от когнитивно-концептуальных структур к лексическим, так как когнитивная организация является фактором, обеспечивающим концептуальную постоянность лексических единиц. В процессе понимания текста оригинала из семантической памяти выделяется необходимая информация и, в результате совмещения когнитивных пространств, для установления связи с требуемой информацией актуализируются относящиеся к теме сведения об окружающем мире. Перевод же представляет собой огромный лингвокогнитивный эксперимент, в ходе которого когнитивные пространства говорящего и реципиента сопоставляются, приравниваются, заменяют друг друга в процессе коммуникации.

Процесс перевода расценивается как ряд последовательных трансформаций, выбор которых непосредственным образом связан с наполнением когнитивного пространства переводчика. Это не только чисто языковое, но и сложное когнитивное явление, осуществляя который, каждый человек использует, как и свои языковые знания и способности, так и самые разнообразные экстралингвистические знания о мире, обществе, культуре; и характеризуется рядом языковых и когнитивных операций, поскольку стратегии переводческих решений выбираются когнитивной системой переводчика в зависимости от характера коммуникативной ситуации.

Переводческий процесс, таким образом, представляет собой восприятие текста на ИЯ, понимание его и концептуальное представление, сопоставление когнитивных пространств и синтез текста на ПЯ. Чтобы текст на ПЯ произвел должный эффект на реципиента, необходим прямой когнитивный подход к тексту. Максимально возможное совпадение когнитивных пространств переводчика на ИЯ и ПЯ позволяет наиболее полно сохранить в переводе идентичность авторской мысли, увеличить количество адекватных замещений исходного текста переводным, а также повысить объективность процесса перевода и переводческих решений. Переводчик не должен быть источником ошибок, мешающих восприятию передаваемой в ходе общения информацию. Итак, основными причинами множественности переводов одного и того же текста можно выделить: 1) различная интерпретация текста различными переводчиками из-за различия их когнитивных пространств; 2) несовпадение значений соответствующих слов, отражающихся в когнитивной базе в двух языках; 3) выбор переводчиком вида перевода, той цели, которую он стремится достигнуть, для максимального приближения к

авторскому замыслу и совмещения когнитивных пространств автора текста и когнитивных пространств реципиента и 4) слабое знание иностранного языка.

Список литературы:

1. Гак, В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ [Текст] / В. Г. Гак. // Тетради переводчика. Вып. 16. – М., 1979. – С. 11 – 21.
2. Галеева, Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода [Текст] / Н. Л. Галеева. – Дисс … д-ра филол. наук. – Тверь, 1999. – 352с.
3. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения [Текст] / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234 – 257.
4. Кушнина, Л. В. Языки и культуры в переводческом пространстве [Текст] / Л. В. Кушнина // Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2004. – 163с.
5. Латышев, Л. К., Провоторов, В. И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе [Текст] / Л. К. Латышев, В. И. Провоторов. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001. – 136с.
6. Нефёдова, Л. А. Когнитивный подход к интерпретации текста [Текст] / Л. А. Нефёдова. – Учеб. пособие / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2003. – 70с.

И.Н. Ремхе
Магнитогорск, Россия

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБЛАСТИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Стратегический подход к принятию переводческих решений становится актуальным среди современных исследователей. Это обусловлено всеобщим научным интересом к мыслительным процессам, связанным с получением, хранением, организацией и использованием информации и знаний. Обсуждения, касающиеся применения стратегий принятия решений, т. е. выбора вероятностной программы действий, занимают значительное место в работах по психологии, лингвистике и переводоведению. И это не случайно, так как стратегии раскрывают суть мыслительной деятельности, имеющей место во всех областях человеческого существования.

Сопоставительный анализ переводов, наряду с методом интроспективного анализа, показал, что ход мысли технического переводчика при выполнении различных переводческих операций подчиняется определенной логике. Это свидетельствует о существовании сформированной системы стратегических процедур, которая применяется при переводе. Выделяя в специфике технического языка присутствие типичного (общих закономерностей) и частного (индивидуального речевого воплощения), мы будем говорить о действиях технического переводчика в соответствии с прототипической и адаптивной стратегией.

Прототипическая стратегия переводчика состоит в вычленении из текста и мысленной передаче на язык перевода того, что наиболее узнаваемо, а именно:

- типичное логико-семантическое построение предложения, соответствующее прототипической фрейм-структуре;
- известные переводчику термины и сопутствующие слова общеязыковой и специальной лексики, знание которых ситуативно обусловлено и составляет часть структуры ментального лексикона технического переводчика;
- наиболее типичные грамматические конструкции, перевод которых производится на основе знаний специфики английского и русского языков.

В отношении последнего из перечисленных моментов стоит заметить, что к типичным грамматическим конструкциям относятся те, которые характерны для конкретного языка в целом с учетом их индивидуального проявления в техническом стиле, то есть с учетом частотности использования тех или иных грамматических явлений в текстах научно-технического языка. Таким образом, под действие прототипической стратегии в переводе подпадают различные обороты (причастные, герундиальные, инфинитивные, деепричастные), придаточные обстоятельственные и определительные предложения, ряд сочинительных союзов, связывающих однородные члены предложения (*as well as – так же как и …, not only … but also – не только … но и, either … or – или … или*), а также грамматические средства, реализующие принцип объективности изложения.

В отличие от прототипической стратегии, адаптивная стратегия используется в случае возникающих сложностей, если применение прототипической стратегии оказывается недостаточным.

Рассмотрим основные случаи обращения к адаптивной стратегии при переводе текстов технических докладов и статей.

Адаптивные действия переводчика предопределяются спецификой переводимых материалов. Напомним, что, во-первых, технические статьи и доклады относятся к речевым источникам обмена наиболее современной научно-технической информацией о новейших разработках и нововведениях, и, во-вторых, данные материалы предоставляются авторами из различных стран и не подвергаются тщательному редактированию, что проявляется в наличии в текстах лексико-грамматических и стилистических ошибок. Обе указанные характеристики создают определенные трудности при переводе, к которым, в частности, можно отнести:

- перевод сложных терминологических групп;

- экспликацию логических связей, скрытых за витиеватостью синтаксической структуры предложения;
- устранение в переводе многословия или тавтологии, присутствующих в тексте оригинала;
- мысленное редактирование грамматических ошибок, способных затруднить понимание текста оригинала.

При учете выделенных случаев применения адаптивной стратегии, складывается определенное понимание понятия адаптации при переводе технических статей и докладов:

1) Адаптация в смысле «упрощения» текста с нарушенными или недостаточно определенными логико-синтаксическими связями. В данном случае происходит мысленное «восстановление» логико-семантических отношений высказывания путем мысленного переконструирования текста в соответствии с нормами научно-технического изложения. В результате подобной адаптации, объектом перевода становится уже мысленно «восстановленный» текст.

2) Адаптация в смысле «приспособления». Это касается, в основном сложных терминов, перевод которых не должен идти вразрез с реальной ситуацией в описываемой технической области. Для этого необходим не только более тщательный разбор логических отношений между компонентами термина и глубокий анализ контекста, но и привлечение когнитивных знаний переводчика, активация ассоциативных связей наряду с мысленным представлением ситуации, связанной с описываемым явлением научно-технической действительности.

В целом действия технического переводчика осуществляются в направлении от простого к сложному, начиная с вычленения типичных моментов, составляющих суть прототипической стратегии и заканчивая наиболее сложными моментами, требующими определенной адаптации в переводе. Таким образом, при переводе технических материалов возникает потребность в применении обеих стратегий.

Н.В. Семенова
Уфа, Россия

РУССКИЙ «АВОСЬ»: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или "языковую картину мира". Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у

него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. При сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения. Наиболее важные для данного языка идеи повторяются в значении многих языковых единиц и являются поэтому "ключевыми" для понимания картины мира. Можно считать лексическую единицу некоторого языка "ключевой", если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком. Анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд особенностей русского видения мира и "русской ментальности". Существенную роль в русской языковой картине мира играют такие слова, как *душа*, *судьба*, *тоска*, *жалость*, *удаль* и некоторые другие. Особое место занимают так называемые " мелкие слова", т.е. модальные слова, частицы, междометия. Сюда относится, например, знаменитое слово ***авось***. Первоначально оно обозначало нечто, находящееся поблизости. Указательная частица со значением "вот", конкретизируясь в "вот оно [самое ближайшее от меня] ", постепенно сплавлялась с ассоциациями о быстром, моментальном предоставлении кому-либо этого "оно". Так ***авось*** стало обозначать и "вдруг", и "если", и - "может быть". Модальное значение послужило истоком его второго осмысления как " неожиданное везенье, счастливый случай, удача". Это же смысловое движение вело, в свою очередь, и к мифологическому – разумеется, заведомо шутливому, ироничному восприятию ***авося*** как ***Авося***. В стихотворении А.П. Вяземского "Русский бог" это слово стало титулом беспечного и бесхозяйственного божества:

Бог ухабов, бог метелей,
Бог проселочных дорог,
Бог ночлегов без постелей,
Вот он, вот он, русский бог.

Это слово обычно переводится на западноевропейские языки при помощи слов со значением "может быть, возможно". Однако ***авось*** значит вовсе не то же, что просто "возможно" или "может быть". Модальные слова *может быть*, *возможно* и подобные могут выражать гипотезы относительно прошлого, настоящего или будущего. ***Авось*** же всегда проспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дела − ***Авось*** *живы будем* - ***авось*** *помрем; Поживи в рабах,* ***авось*** *будешь в господах; Ждем-пождем,* ***авось*** *и мы свое найдем*. Чаще всего авось используется как своего рода оправдание беспечности, когда речь идет о надежде не столько на то, что случится некоторое благоприятное событие, сколько на то, что удастся избежать какого-то крайне нежелательного последствия. Наиболее типичными контекстами для ***авося*** являются следующие предложения – ***Авось***, *обойдется*; ***Авось***, *ничего*; ***Авось***, *пронесет*. Такие установки на ***авось*** обычно призваны обосновать

пассивность субъекта установки, его нежелание предпринять какие-либо решительные действия (например, меры предосторожности). "Мелкие слова" подобного рода являются трудно переводимыми на другие языки. По словам профессора А.Д. Шмелева, "это совсем не означает, что никакой носитель иного языка никогда не может руководствоваться выраженными в этих словах внутренними установками. Но отсутствие простого и идиоматичного средства выражения установки, безусловно, бывает связано с тем, что она не входит в число культурно значимых стереотипов" (Шмелев 2000:358). Так, носитель английского языка может "*действовать* ***на авось***", но важно, что язык в целом "не счел нужным" иметь для обозначения этой установки специального модального слова. Рассуждения о слове ***авось*** наводят на мысль о его уникальности. Известный переводчик Павел Палажченко отмечает в своем "Несистематическом словаре": "Надежда на везение, удачу, вообще говоря, может быть свойственна людям независимо от языка, на котором они говорят. Трудно сказать, по какую сторону океана с большим энтузиазмом покупают лотерейные билеты. О человеке, который покупает лотерейные билеты, вообще не говорят, что он действует ***на авось***. Так скорее скажут о человеке, который не чинит крышу, готовую обвалиться, или строит атомную станцию без надлежащей системы защиты. Вопреки разуму он надеется, что ничего плохого не случиться, - что "обойдется" или "пронесет" (Палажченко2005:8). При анализе возможных английских эквивалентов слова ***авось*** следует рассматривать два вполне идиоматичных, но не столь сжатых и емких выражения – **cross-your-finger mentality** и **helter-skelter**. Первое вполне адекватно русскому ***авось***, а фразовые определения, которые пишутся через дефис при словах *mentality, approach, mindset, attitude* помогают при переводе некоторых специфически русских слов и понятий. В русско-английском фразеологическом словаре Софьи Лубенской предлагаются следующие комментарии в описании модальных слов ***авось*** *да* ***небось***; ***авось***, ***небось*** *да* ***как-нибудь*** **–** *used to describe sb's lack of discipline, idleness, lack of initiative, or negligence /sb. does nothing, thinking, assuming,, or hoping that things will work out by themselves without his efforts.* Предлагаемые автором английские эквиваленты таковы: **somehow or other/some way or other/one way or another it will work out** и **things will turn out all right**. Выражение ***на авось*** комментируется в упомянутом словаре таким образом – *to venture smth. counting on good fortune, success, even though chances may be against success*. Далее следуют адекватные варианты перевода: **on the off-chance**; **hoping for the best**; **trusting to luck**; **chance it**. Приводятся также окказиональные случаи перевода данного модального слова – **by guess or by God** и **in a hit-or-miss fashion**. Упоминаемые в книге А.Д. Шмелева выражения *обойдется* и *пронесет* можно передать как **let's hope for the**

best или **we'll muddle through somehow** (последний вариант подчеркивает несколько иную жизненную установку носителей английского языка - умение стойко переносить жизненные испытания и доводить дело до конца). Что касается слова **helter-skelter**, оно имеет целый ряд сходных по смыслу слов - **confused and hurried**; **haphazard**; **flighty**; **scatterbrained**. В переводе их на русский язык выявляются разнообразные варианты, начиная от *легкомысленности* и *небрежности* и заканчивая типично русскими – *бестолковщина*, *кавардак* и *тяп-ляп*. Значение "расчет на случайное везение" в нашем обороте породило обиходное, весьма прозаическое слово ***авоська*** – хозяйственная сумка из сетки. Мотивировка здесь очевидна: ***авоська*** - это такая легкая продуктовая сумка, которую удобно носить с собой в расчете на неожиданную и случайную покупку ("***авось*** что-нибудь да и купишь"). Английские варианты этого слова довольно интересны – **perhaps bag**; **net shopping bag** и **string bag**. В современном русском языке слово авось чаще используется не в "прямом режиме", в функции модального слова, а в качестве краткого и яркого обозначения соответствующей обстановкеи т.е. как существительное или в составе наречного выражения ***на авось***.

Вероятно, наклонность "дразнить счастье, играть в удачу" больше свойственна русским и, несмотря на многовековые крушения надежд, мы верим, что "великорусский ***авось*** нас *когда-нибудь* и *куда-нибудь все-таки* выведет".

Список литературы

1. Зализняк, А.Л., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст]: Сборник науч. статей. – Языки славянской культуры/ А.Л. Зализняк и др. - М.: "Язык. Семиотика. Культура. " , 2005. – 544с.
2. Мокиенко, В.М. Почему так говорят? От авося до ятя [Текст]: историко-этимологический справочник по русской фразеологии/ В.М. Мокиенко. – СПб.: "Норинт", 2003. - 510с.
3. Палажченко, П.Р. Несистематический словарь [Текст]: Русско-английский/Англо-русский словарь/ П.Р. Палажченко. – М.: " Р. Валент", 2005. – 247с.
4. Лубенская, С. Русско-английский фразеологический словарь [Текст]: Словарь русско-английских идиоматических соответствий/ С. Лубенская. – СПб., 2004. – 1002с.
5. Шмелев, А.Д. " Широта русской души" [Текст]: Логический анализ языка. Языки пространств/ А.Д. Шмелев. – М., 2000. – с.357-368.

А.Ю. Серебрякова
Златоуст, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ И. КАНТА РАЗЛИЧНЫМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ

Наряду с общими особенностями перевода неопределенно-личных и безличных конструкций в текстах И. Канта, каждый переводчик имеет свои собственные предпочтения, осуществляя выбор эквивалентных средств, служащих для передачи идей

немецкого философа на русском языке. В нашем исследовании мы попытались выявить индивидуальные особенности перевода неопределенно-личных и безличных конструкций различными переводчиками на примере работы И. Канта «Критика способности суждения».

Первое свободное изложение «Критики способности суждения» под названием «Начертание Естетики, извлеченное из кантовой «Критики естетического суждения», сделанное В.Г.Анастасевичем, появляется в журнале «Улей» в 1812 г. В.Г. Анастасевич попытался донести до читателей смысл нововведений Канта в области эстетики и познакомить с ее основными понятиями. Часть текста представляла собой перевод третьей «Критики». Подобная публикация была важным шагом в ознакомлении российской публики с идеями Канта, хотя кроме слишком вольного перевода и пересказа «Критики способности суждения» к недостаткам изложения надо отнести использование множества архаичных и вскоре вышедших из употребления выражений и оборотов. На примере перевода 1812 г. видно, с какими трудностями происходит становление русскоязычной эстетической терминологии. Понятия «прекрасного» и «возвышенного» именуются пока «изящным» и «высоким».

Позднее появляются и другие подробные изложения «Критики способности суждения» с переводом отдельных фрагментов, выполненные Н. Гротом, И. Панаевым и др. Первый полный перевод «Критики способности суждения» был сделан Н.М. Соколовым в 1898 г. Ему присущи многие достоинства: основные принципы третьей кантовской «Критики» были поняты и изложены верно; переводчик внедрил в сознание русского читателя точные и очень близкие кантовскому звучанию термины. Благодаря этой трудной переводческой деятельности последнее критическое сочинение немецкого мыслителя начинает приобретать глубокое влияние на умы русских мыслителей. Во многом этому способствовало нахождение адекватно передающих смысл кантовского текста благозвучных русских выражений и слов.

Почти до середины 60-х годов XX века перевод Н. М. Соколова продолжал оставаться единственным. Новый перевод «Критики способности суждения» был осуществлен и опубликован в 1966г. в V томе сочинений Им. Канта в шести томах. Огромной заслугой издателей и редакторов — Т.И. Ойзермана, А.В. Гулыги, В.Ф. Асмуса, Ц.Г. Арзаканьяна, М.И. Иткина, Е.Я. Басина — явилось стремление сделать текст современно звучащим и точным.

Еще одна заслуга издателей состоит в публикации первого введения к «Критике способности суждения», отсутствовавшего в немецком издании 1790 г. и других годов и впервые появившегося на немецком языке лишь в 1914 г. в издании Э. Кассирера.

Перевод введения был сделан Ю.Н. Поповым. Этот перевод так же имеет ряд недостатков. Во-первых, был утрачен присущий XVIII веку старомодный и многословный способ подачи материала; фразы стали более короткими, что не соответствовало неторопливой манере кантовского повествования. Во-вторых, ряд важных, но различных для самого Канта понятий “Wohlgefallen”, “Lust” и ”Vergnügen” переведен одинаково как «удовлетворение».

Перевод М. Левиной, опубликованный в 1994 г. — сначала отдельным томом в издательстве «Искусство», а затем в V томе восьмитомного юбилейного издания под редакцией А. Гулыги — это высокопрофессиональный и во многих отношениях более точный перевод.

И последний по времени вариант перевода «Критики способности суждения» был осуществлен Н.В. Мотрошиловой в IV томе сочинений И. Канта в 2001 г.

Нами были проанализированы переводы «Критики способности суждения», сделанные Н.М. Соколовым, Ю.Н. Поповым, М. Левиной и Н.В. Мотрошиловой. Сравнивая переводы всех перечисленных выше авторов, мы уделяли особое внимание индивидуальным особенностям перевода неопределенно-личных и безличных структур. Полученные данные мы оформили в виде таблицы

Переводчик	Вид конструкции в тексте перевода			
	НЛК	БК	Л	Другие
Соколов Н.М.	9 1,7 %	349 62,3 %	174 31 %	28 5 %
Мотрошилова Н.В.	11 1,9 %	401 71,6 %	117 20,9 %	31 5,6 %
Попов Ю.Н.	17 3,1 %	383 68,3 %	136 24,3%	24 4,3 %
Левина М.	7 1,3 %	183 32,7 %	351 62,6 %	19 3,4 %

Анализ разных переводов «Критики способности суждения» показал, что все переводчики имеют свои индивидуальные особенности и предпочтения. Так, М. Левина, чаще других, использует при переводе НЛК и БК конкретно-личные предложения, Н.М. Соколов — безличные, а Н.В. Мотрошилова и Ю.Н. Попов выбирают в качестве эквивалентов НЛК и БК в текстах переводов неопределенно-личные конструкции, что хорошо видно на следующем примере.

Н.В. Мотрошилова переводит НЛК *“wenn man dazusetzt”* неопределенно-личным предложением *«если присоединяют»:*

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn man nur dazusetzt objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist [Kant 2001: 178].	Можно, однако, пользоваться этим же выражением также и для логического количества суждения, если только к этому присоединяют объективную всеобщезначимость в отличие от чисто субъективной, которая всегда есть эстетическая всеобщезначимость [Мотрошилова 2001: 179].

Аналогичный перевод мы наблюдаем и у Ю. Н. Попова:

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn man *nur* dazusetzt *objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist [Kant 2001: 178].*	*Можно, однако пользоваться этим же выражением также и для логического количества суждения,* если *только к этому* присоединяют *объективную общезначимость в отличие от чисто субъективной, которая всегда есть эстетическая общезначимость [Попов 1995: 157].*

Н.М. Соколов переводит данное предложение с помощью безличной конструкции *«если при этом указать»:*

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn man nur dazusetzt *objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist [Kant 2001: 178].*	*Можно пользоваться этим выражением и для логического количества суждения,* если при этом указать, *что эта общезначимость, в отличие от чисто субъективной, которая всегда эстетическая, объективна [Соколов 1898: 57].*

М. Левина переводит то же самое предложение личной конструкцией *«значимость присоединяется»:*

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn man nur dazusetzt *objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist [Kant 2001: 178].*	*Этим же выражением можно, пользоваться и для обозначения логического количества суждения,* если только к этому присоединяется *объективная всеобщая* значимость, *— в отличие от только субъективной, которая всегда бывает эстетическою [Левина 1994: 82].*

Таким образом, анализ разных переводов «Критики способности суждения» показал, что переводчики используют различные конструкции в качестве синтаксических эквивалентов неопределенно-личных и безличных предложений. Но эти расхождения не влияют на понимание читателем текстов философа, т.к. затрагивают лишь нижний уровень адекватности — уровень эквивалентности и не сказываются на

прагматической ценности перевода. Следовательно, все конструкции, используемые различными переводчиками в качестве синтаксических эквивалентов НЛК и БК, можно считать равнозначными в плане прагматической адекватности текстов оригинала и переводов.

Список литературы

1. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языке [Текст] / И. Кант. Т. 4: Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения» (пер. Н. Мотрошиловой).— М.: Наука, 2001. —1120с.
2. Кант, И. Критика способности суждения (пер. М. Левиной) [Текст] / И. Кант. — М.: Искусство, 1994. —398с.
3. Кант, И. Первое введение в «Критику способности суждения». Критика способности суждения (пер. Ю.Н. Попова) [Текст] / И. Кант. — С-Петербург: Наука, 1995. — 498с.
4. И. Кант. Критика способности суждения (пер. Н.М. Соколова) [Текст].— С-Петербург. Изд-е книжного магазина М.В. Попова, 1898.— 502 с.

Т.С. Талалай
Оренбург, Россия

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В последние годы сопоставительное изучение языков все чаще привлекает внимание ученых. Много работ посвящено сравнению русского и германского языков. В этих работах дается либо сопоставление ряда языковых явлений, либо углубленное сопоставление одного явления.

А.В. Федоров отмечает следующие случаи расхождения между двумя языками, наблюдаемые при сопоставлении подлинников и переводов:

1) В языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода;
2) В языке перевода есть элементы, не имеющие формального соответствия в языке подлинника;
3) В языке перевода есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам подлинника, но отличающиеся от них по выполняемым функциям (26, 120).

* При передаче значения слова в переводе обычно приходится произвести выбор между несколькими представляющимися возможностями перевода. Здесь следует выделить три наиболее характерных случая:

1) в языке перевода нет словарного соответствия тому или иному слову подлинника;

2) соответствие является неполным, т.е. лишь частично покрывает значение иноязычного слова;
3) различным значениям многозначного слова подлинника соответствуют разные слова в языке перевода, в той или иной степени точно передающие их.

Тот случай, когда совершенно однозначному слову подлинника находится твердое однозначное же соответствие – практически наиболее редок; такая однозначность соответствия возможна, в сущности, лишь по отношению к термину.

*В настоящее время в русском языке есть целый ряд научных терминов, еще не имеющих определенного лексического соответствия в других языках. Таковы термины **«закономерность», «идейность», «партийность»,** которые вызывают трудности при переводе на многие западно-европейские языки, требуют расширительно-описательного перевода в применении к данному контексту.

Если в немецком языке слово **«Gesetzmäβigkeit»** и по смыслу и даже по семантико-морфологической структуре точно соответствует русскому существительному **«закономерность»**, то например, во французском возможны лишь окказиональные и частичные соответствия **«loi», «conformité à la loi», «régulier»** и т.д., зависимые уже от конкретного контекста. Существительное **«идейность»** передается по-немецки лишь приблизительно-сложным словом **«Ideengehalt»** (что соответствует также русскому «идейное содержание») или **«Ideenreichtum»** (что также может служить переводом сочетания «идейное богатство»).

Отсутствие точных и постоянных лексических соответствий тому или иному термину отнюдь не означает 1) ни невозможности передать его смысл в контексте (хотя бы и описательно и не одним словом, а несколькими), 2) ни его непереводимости в будущем. История каждого языка рассказывает о постоянных изменениях словарного состава в связи с постоянными изменениями в жизни общества, с развитием производства, культуры, науки. Вместе с развитием и обогащением словаря увеличиваются и возможности перевода.

*Русский язык знает ряд сложных существительных, обозначающих чаще всего технические реалии и вошедших в русский язык одновременно с возникновением в нашем материальном быту данных реалий. Таковы слова **«паровоз», «пароход», «водопровод», «громкоговоритель», «пылесос».** Используются они, конечно, и в переводах, подобно любым другим словам, но возникли они не при переводе и не для целей перевода, а непосредственно в общенародном языке. Самый состав и строение некоторых из этих слов при сравнении их с соответствующими по смыслу словами других языков показывают, что возникли они самостоятельно, что в них нет чего-либо

переводного (сравним, например: **«пароход» –** и англ. **«steamboat»,** нем. **«Dampfer», «Dampfschiff»).**

*Слово, выражающее непосредственную связь со специфическими фактами из жизни той страны, на язык которой делается перевод, не может быть полноценным образом использовано для передачи реального понятия из жизни другой страны, другого народа. Так, немецкие сложные существительные **Henneke-Bewegung, Henneke-Arbeiter**, связанные с именем немецкого рабочего Хеннеке, инициатора массового движения за повышение производительности труда в ГДР, не могут быть применены в переводе русского художественного, публицистического или научного текста, так как они неизбежно вступили бы в противоречие с его реальным смыслом, с местом действия и с местной приуроченностью фактов, в нем упоминаемых.

*Могут быть указаны 2 основных типа грамматического расхождения между языком подлинника и языком перевода.

Первый случай – тот, когда в языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода. (Например, наличие категории артикля и разница между определенным и неопределенным артиклем, сложные формы прошедшего времени в ряде романских и германских языков, при отсутствии этих особенностей в русском языке).

Второй случай – тот, когда в языке, на который делается перевод, есть элементы, не имеющие формального соответствия в языке подлинника, а между тем неизбежно применяемые при переводах (например, форма вида глагола, широко развитая флективная система, наличие причастий активной формы прошедшего времени и пассивной формы настоящего времени в русском языке при отсутствии этих особенностей в тех или иных романских, германских и других языках).

*Несоответствия в грамматике двух языков и вытекающая из них невозможность формально точно передать значение той или иной грамматической формы постоянно компенсируется с помощью других грамматических средств или же средств словарных. Словарное богатство и разнообразие грамматических форм, специфических для русского языка, создает особо благоприятные условия при переводе на наш язык.

При сопоставлении немецких сложных существительных с русскими сложными существительными мы обнаруживаем, что их соотношение не укладывается в рамки какого-либо одного пункта данной классификации.

В немецком языке словосложение является ведущей словообразовательной тенденцией. Большая часть словарного состава – сложные слова. Исключительно

продуктивно словосложение как способ образования слов, обозначающих предметы и явления, т.е. в разряде имен существительных.

Подавляющее большинство немецких сложных существительных составляют определительные сложные существительные, где первый компонент относится ко второму как определитель к определяемому, причем эта определительная связь никак формально не выражена и в каждом случае реализуется по-разному: ***z.B.: Schreibtisch, Wandzeitung, Teekanne, Kühlschrank ua***. В качестве первого компонента может выступать основа любой части речи, но наиболее распространены сложные существительные с субстантивным первым компонентом.

«В немецком языке сложное существительное не только обозначает предметы и явления, но обладает также способностью выражать самые разнообразные отношения, которые могут существовать между ними, то есть может выражать отношения, передаваемые свободным синтаксическим словосочетанием» (10,38).

В.М. Павлов приходит к выводу, что сложное существительное в немецком языке является «двуприродным образованием, занимающим промежуточное положение между синтаксисом и лексикой и включающим в себя моменты того и другого» (17,187).

Синтаксический характер сложных существительных проявляется в легкости и простоте образования их в процессе речи для выражения целого ряда атрибутивных отношений, причем характер этих отношений в одних случаях ясен из семантики компонентов, например: ***Sommernacht, Balkontür, Fluchtversuch***, а в других конкретизируется в контексте.Приведем 2 примера из повести Э. Штриттматтера «Тинко»: ***«Ich soll bei Kimpels leere Kartoffelsäcke ausborgen gehen. (S.7)»***-«Мне велят сходить к Кимпелям и взять у них мешки под картошку» и ***«Man hat vergessen. Den Kartoffelsack hat man ihm abgenommen.»*** (S.388)-

«Нет,забыли. Отняли мешок с картошкой и отпустили».

Здесь сложное существительное ***Kartoffelsack*** в обоих случаях конкретизируется по-разному в тексте, причем в первом случае это происходит в рамках одного предложения с помощью слова ***leere***, а во втором случае понимание данного значения сложного слова связано со значением ситуации.

В немецком языке различаются 2 типа сложных существительных. Существительные первого типа (так называемые лексические) возникают в процессе словопроизводства для обозначения предметов и понятий. Они обладают единым лексическим значением, существуют в языке в качестве готовых словарных единиц, входят в словарный состав языка.

Существительные второго типа (так называемые синтаксические) возникают в процессе речи для выражения разнообразных отношений между предметами и явлениями. Это окказиональные сложные существительные, не входящие в словарный состав языка, как не могут в него входить и разнообразные словосочетания, возникающие и распадающиеся в процессе речи.

Словосложение как способ развития словарного состава языка используется как в русском, так и в немецком языке, однако, если в немецком языке словосложение является ведущим способом словообразования имен существительных, то в русском языке главную роль играет суффиксация.

В немецком языке словосложение может использоваться и как средство выражения синтаксических отношений индивидуально в речи, в то время как в русском языке оно принадлежит «языку как системе».

Следовательно, немецким сложным существительным синтаксического типа в русском языке нет формально-грамматического соответствия. Сопоставление сложных существительных в немецком и русском языках может идти по двум линиям:

1) в плане межъязыковой лексико-грамматической синонимии - выяснение лексико-грамматических соответствий немецким сложным существительным в русском языке;
2) в стилистическом плане – выяснение адекватности русских переводов сложным существительным немецкого языка в соответствии с той ролью, которую они играют в стилевой системе данного автора.

Список литературы

1. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков [Текст] / Б.А. Абрамов // Учебник для вузов. / Под ред Н.Н. Семенюк, О.А. Радченко, Л.И. Гришаевой. М.: Владос, 1999. – 187 с.
2. Адмони, В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – М.: 4-е издание. – Просвещение, 1986. –336 с.
3. Бергман, Н.А., Нотанзон М.Д. Грамматика немецкого языка [Текст] / Н.А. Бергман. – Учпедгиз, М.: 1981. –254 с.
4. Вашунин, Бергман Н.А. Субстантивные сложные слова в немецком языке [Текст] / Н.А. Бергман. М. 1990. – 158 с.
5. Зиндер, Л.Р., Строева, Т.В. Современный немецкий язык [Текст] / Л.Р. Зиндер. – М., 1987. – 258 с.
6. Крушельницкая, К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков [Текст] / К.Г. Крушельницкая. М.: 1981. – 383 с.
7. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка [Текст] / М.Д. Степанова. – М.: Изд-во лит-ры на ин. языке, 1983. – 320с.
8. Степанова, М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке [Текст] / М.Д. Степанова. – М.: Высшая школа, 1985. – 290с.

Е.А. Титова
Челябинск, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКОВЫХ ПОВТОРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ

Одним из наиболее часто встречающихся приемов представления прагматического аспекта в поэтическом тексте являются различного рода звуковые повторы. Так, произведение Г. Говарда *The soote season, that bud and blome furth bringes*… обладает большим количеством аллитераций и ассонансов, которые способны особым образом воздействовать на читателя. Необходимость передачи звуковых повторов можно определить, рассмотрев переводы этого произведения на русский язык, выполненные Г. Русаковым и В. Роговым.

Таблица 1.

Henry Howard, Earl of Surrey	*Г. Русаков*	*В. Рогов*
The soote season, that bud and blome furth bringes,	*Пора упругих почек и расцвета*	*Пришла пора, когда земля цветет:*
With grene hath clad the hill and eke the vale;	*Опять зеленым выстелила дол*	*Зеленым затканы и холм и дол,*
The nightingale with fethers new she singes;	*Вон соловей сменил перо для лета*	*В обнове сладко соловей поет,*
The turtle to her make hath tolde her tale.	*И голубь с милой воркотню завел.*	*Гурлящий голубь милую обрел,*
Somer is come, for every spray nowe springes;	*Весна пришла! Трава насквозь прогрета.*	*Раскован у ручьев журчащий ход,*
The hart hath hong his olde hed on the pale;	*Свой старый рог олень одел на кол.*	*Олень, рога роняя, бьет о ствол,*
The buck in brake his winter cote he flinges;	*Зайчиха тоже в летнее одета,*	*В лесную чащу лань линять идет*
The fishes flote with newe repaired scale;	*Плавник язей речную гладь вспорол.*	*У резвой рыбки в серебре камзол,*
The adder all her sloughe away she slinges;	*Змея линяет – новая примета,*	*Змея из выползины прочь ползет,*
The swift swallow pursueth the flyes smale;	*А мошкара стрижу – готовый стол.*	*Стал ласков к легкой ласточке Эол,*
The busy bee her honey now she minges;	*Пчела-трудяга в хлопотах с рассвета.*	*Поет пчела, копя по капле мед,*
Winter is worn that was the flowers bale.	*Зиме конец, цветам черед пришел!*	*Зима зачахла, всякий злак взошел,*
And thus I see among these pleasant thinges	*И только мне не в радость радость эта:*	*Бежит беда от счастья и щедрот -*
Eche care decays, and yet my sorrow springes.	*Моей тоске доныне нет ответа.*	*И только мне не избежать невзгод!*

Первое, что обращает на себя внимание при прочтении оригинального произведения – построчная аллитерация. В каждой из 14 строк автор использует повторы звуков различного качества, и получается следующая картина:

1) [s] +[b]: soote, season + bud, blome, **br**inges - неприятное сочетание;
2) [h]: hath, hill;
3) [n]: nightingale, new, singes;
4) [t]: turtle, to, tolde, tale;
5) [spr]: spray, springes – неприятное сочетание;
6) [h]: hart, yath, hong, his, hed;
7) [b]: buck, **br**ake – неприятное сочетание;
8) [f]: fishes, flote;
9) звукобуква a + [s]: adder, all, away + sloughe, slinges;
10) [sw] + [s]: swift, swallow + pursueth, flyes, smale;
11) [b]: busy, bee;
12) [w]: winter, worn, was;
13) [s]+[z]: thus, see, these, pleasant, thinges;
14) [k] +[s-z]: care, decays, sorrow, springes – неприятное сочетание.

В шести строках из четырнадцати появляется аллитерация [s] либо звукосочетаний с ним. Причиной такого повтора, по-видимому, является начало произведения, где автор говорит о весне как о счастливой, спокойной поре (soote season). Частое употребление этого звука может создать гармоничное ощущение. Тем не менее, в произведении Г. Говарда этого не происходит. Аллитерация [s] постоянно «прерывается» появлением других звуков различного характера. При этом среди них практически не встречается «мажорных», это в основном «темные» и «нейтральные» звуки, а сонорный [w] в данном контексте можно охарактеризовать как напряженный. Также отметим присутствие неприятных звукосочетаний [br], [spr]. В результате спокойствие «разрушается», и реципиент чувствует напряжение, неустойчивое положение. Обращает на себя внимание рифмообразующая эпифора – неблагозвучное сочетание, в котором используются заднеязычные согласные и «напряженный» [z] - [ŋgiz] (*bringes, singes, springes, flinges, slinges, minges, thinges*). Это создает дополнительные негативные эмоции у читателей.

Как правило, в случае нарушения гармонии возникают неприятные чувства, поэтому использование большого количества [s], которое способно создать атмосферу спокойствия, а затем – её разрушение за счет появления звуков другого плана, усиливают отрицательные ощущения у адресатов. Возникает дисгармония, ярче всего проявляющаяся в последней строке, где наблюдается аллитерация «темного» [k], «напряженного» [r] и неблагозвучного сочетания [spr]: *eche **c**are de**c**ays, and yet my so**rr**ow **springes***.

Таким образом, Г. Говарду удается передать свои чувства: несмотря на счастливое время года, ему грустно, причем именно весной его тоска усиливается. Звукоизобразительные средства в этом сонете помогают автору вызвать соответствующие эмоции у читателей.

Подобный эффект был вызван следующими фоническими приемами:

1) построчной аллитерацией, способствующей созданию негативных впечатлений за счет «разрушения» гармонии в результате противопоставления «минорных» и напряженных звуков звуку [s];
2) рифмообразующим напряженным сочетанием [ŋgiz], которое усиливает отрицательные впечатления;
3) явным неблагозвучием и обилием «темных» звуков в последних строках, которые вызывают дополнительные негативные эмоции.

В результате сочетания всех фонических компонентов этого произведения автору удается ярко продемонстрировать свои чувства и вызвать отклик в душах читателей.

В переводе Г. Русакова построчная аллитерация не сохраняется. В то же время отмечается противопоставление русских «светлых» звуков [м], [н], [л] и напряженного [р] и обилие неблагозвучных сочетаний [пр], [рк], [тр] [гр], что способствует созданию контраста гармония-дисгармония: ***П**о**р**а у**пр**угих **п**очек и **р**асцвета опять з**еле**ным выст**е**л**ила** д**ол**, в**он** соловей с**менил** п**е**ро **для** л**е**та и голубь с **милой** в**ор**котню зав**ел**. Весна **пр**ишла! **Тр**ава насквозь **прогр**ета….*

Несмотря на это, ощущение изменчивости не воссоздается. Г. Говард выработал «систему» противопоставления спокойствие – напряжение, причем начинал он со звука [s], то есть идея «спокойствия» должна была «обмануть» в начале произведения, чтобы потом, разрушив это состояние, достичь впечатляющего эффекта. У Г. Русакова произведение начинается с «неприятных» сочетаний, и это не имеет подобного оригиналу эффекта, ощущение конфликта затем не проявляется так же ярко, как в оригинале. Рифмообразующие звуки, в отличие от подлинника, не содержат напряженных сочетаний. Последняя строка, являясь наиболее яркой в плане создания негативных ощущений у Г. Говарда, в тексте перевода не обладает такой силой воздействия. Наоборот, у Г. Русакова эта строка – благозвучна, так как, несмотря на присутствие «темных» звуков, здесь появляется большое количество «мажорных» и отсутствуют неприятные сочетания. На наш взгляд, текст перевода вызывает больше положительных, нежели отрицательных эмоций, что не в полной мере совпадает с коммуникативным намерением автора оригинала.

Думается, что Г. Русаков передал лишь фактуальную информацию (описание весны), не придавая особого значения эстетическому оформлению оригинала, и проигнорировал это в переводе. В результате коммуникативный эффект ПЯ значительно отличается от ИЯ. Опущение звукоизобразительных особенностей переводимого текста приводит к возникновению эмоций другого плана, прагматика текста перевода не совпадает с оригинальной.

В. Рогов же в своем переводе обратил особое внимание на звуковое оформление оригинального произведения, поэтому он использует схему, схожую с той, что создал Г. Говард:

1) [п]+ [р]: пришла, пора
2) [з]+[л, н]: зеленым, затканы, холм, дол
3) [сл]: сладко, соловей
4) [г]+ [л] +[рл]: гурлящий, голубь, милую, обрел
5) [р]+[рч]: раскован, ручьев, журчащий
6) [ол]+[ро]: олень, ствол + рога, роняя
7) [л]: лесную, лань, линять
8) [р] + [з]: резвой, рыбки, серебре, камзол
9) [з]+ [п]: змея, выползины, прочь, ползет
10) [л]: стал, ласков, легкой, ласточке, Эол
11) [п]: поет пчела, копя, по, капле
12) [з -л]: зима, зачахла, злак, взошел
13) [б’]:бежит, беда
14) [**з**б- в**з**г]: избежать, невзгод – неприятное сочетание

В отличие от оригинального текста, где ощущение спокойствия создавалось при помощи звука [s], В. Рогов чаще всего использует [л], который, являясь «мажорным», способен вызвать у читателей положительные эмоции. Но, как и в произведении Г. Говарда, этот эффект разрушается появлением большого количества звуков другого качества, в том числе и сочетаний с самим звуком [л]. Можно обратить особое внимание на то, что в этом тексте противопоставление гармонии-дисгармонии, как и в переводе Г. Русакова, выражается при помощи чередования [л]-[р], но благодаря использованию аллитерации «темных», наряду с напряженным [р], этот конфликт проявляется намного ярче.

Недостатком перевода В. Рогова, как и в первом случае, является тот факт, что начало стихотворения сразу «погружает» читателя в «неблагозвучие», и лишь потом появляется противопоставление ему, в то время как в тексте Г. Говарда первое

впечатление положительное. Но этот момент компенсируется наличием очень удачных аллитераций [пр], [г-л-рл], [рч], [зп], [зб], [взг], в которых ярко обрисовывается главная коммуникативная задача: показать несоответствие внешнего состояния природы и душевных переживаний поэта.

Рифмообразущим звуком в тексте перевода В. Рогова является «темный» [о]. Бесспорно, он не передает того напряжения, которое мы наблюдали в оригинале [ŋgiz], но, являясь «минорным» и появляясь практически в каждой строке, усиливает негативные впечатления.

В последних строках так же, как и у Г. Говарда, встречаются неприятные для слуха сочетания [др], [збж], [взгд] и обилие «темных» звуков [б'], [т], [ж], [о], [г]: *…**бежит беда от счастья и щедрот** – и **т**олько мне не и**збежат**ь не**взгод!***, что вызывает у реципиента дополнительные негативные ощущения.

Таким образом, В. Рогову удается за счет использования аллитерации передать эмоции, схожие с теми, что возникают при прочтении оригинала. При этом переводчик в незначительной степени отступает от звукового оформления подлинника, что неизбежно при переводе текста с одного языка на другой. Стоит отметить неточность передачи некоторой фактуальной информации (*the hart hath hong his olde hed on the pale* (заяц сменил старую шкурку) – в лесную чащу лань линять идет; *the swift swallow pursueth the flyes smale* (быстрые ласточки преследуют мошек)– стал ласков к легкой ласточке Эол), благодаря чему В. Рогов сумел сохранить звуковые повторы, что в данном случае намного важнее.

Так, в переводе В. Рогова фонических условий для создания негативных впечатлений и выполнения коммуникативных намерений автора оригинала присутствует больше, чем в переводе Г. Русакова. Перевод В. Рогова выигрывает за счет сохранения звуковых повторов, которые являются отличительной чертой переводимого текста.

Таким образом, сохранение звуковых повторов можно считать необходимым условием для создания прагматически адекватного перевода.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение [Текст] / И.С.Алексеева.- СПб.: Издательство «Академия», 2004.- 273с.
2. Бархударов, Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода // Теория и критика перевода [Текст] / Л.С. Бархударов. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. - 239с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л.С. Бархударов. - М.: Междунар. Отношения, 1975 -239с.
4. Воронин, С. В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982 -244с.
5. Воронин, С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании [Текст] / С.В. Воронин.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. -199с.

6. Гачечиладзе, Г.Р. Художественный перевод [Текст] / Г.Р. Гачечиладзе. - М.: Советский писатель, 1980. -255с.
7. Гончаренко, С.Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод/Поэтика перевода: Сборник // Составл. С.Ф. Гончаренко [Текст] / С.Ф. Гончаренко. – М.: Радуга, 1988. -235с.
8. Гончаренко, С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии [Электронный ресурс] / С.Ф. Гончаренко, 2005 // http://orus.slavica/org/node/1734
9. Горбачевский, А.А. Оригинал и его отражение в тексте перевода: Монография [Текст] / А.А. Горбачевский. – Челябинск, 2001. – 202 с.
10. Комиссаров, В.Н. Теория перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990.-250с.

Н.П. Чепель
Рязань, Россия

ПРИЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Верное понимание художественного произведения зависит от знания культуры и истории народа, на языке которого создавалось литературное творение. Социокультурный уклад определенной национальной общности имеет свои особенности, отражающиеся в лексике и составляют в ней фоновую информацию, передающую сведения о национальных формах, видах и проявлениях духовной и материальной культуры [Виноградов 2001: 58].

Одним из лексических средств выражения национального и исторического своеобразия литературного произведения являются реалии, т. е. слова которые обозначают понятия и предметы, связанные с эпохой произведения (эпохой его написания или описываемой в нем эпохой). Использование реалий помогает автору произведения создать тот достоверный фон, на котором разворачивается действие, создаются художественные образы, а также реалистически воссоздать картину описываемой эпохи.

В процессе перевода сохранение национально-культурных и исторических особенностей художественного произведения является одной из важнейших прагматических задач, стоящих перед переводчиком. Поэтому те элементы подлинника, которые непосредственно связаны с культурой и историей данного народа, т.е. так называемые исторические реалии, требуют к себе особого внимания.

Проблема компенсации тех потерь информации, которые могут возникнуть при передаче реалий (как лексических единиц, обозначающих явления, отсутствующие в культуре ПЯ), тесно связана с одной из важнейших категорий прагматики – прагматической пресуппозицией, отражающей ассиметрию фоновых знаний, различный

социально-культурный опыт носителей ИЯ и ПЯ. Самое непосредственное отношение к проблеме реалий имеет тот класс пресуппозиций, который Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева относят к прагматическим презумпциям, касающимся знаний и убеждений говорящих. “Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся — в частности, известным слушателю” [Арутюнова, Падучева 1985: 39]. Отсюда следует, что понятие прагматической презумпции тесно связано с понятием фоновых знаний, исходных знаний, имплицитно присутствующих в высказывании.

Перевод вносит значительные поправки в прагматические презумпции исходного текста. Если отправитель исходного текста считает P само собой разумеющимся, следовательно, известным читателю текста оригинала, то из этого еще не следует, что данная прагматическая презумпция остается в силе и для читателя перевода - носителя другого языка и другой культуры [Швейцер 1988: 155-156]. Как результат этого – многое, понятное и очевидное для носителей ИЯ, оказывается неясным или вообще непонятным для носителей ПЯ. Безусловно, переводчик не может не учитывать этого в своей деятельности. Следовательно, одним из детерминантов переводческих действий на этапе создания текста перевода является установка на получателя перевода, его фоновые знания, социально-психологические характеристики и культурную среду.

Незнакомство рецепторов перевода с элементами иноязычной культуры (коими являются и русские исторические реалии) может потребовать введения в текст перевода дополнительной информация, ссылок и примечаний, поясняющих неизвестные наименования, явления и факты, т.е. осуществить прагматическую адаптацию текста перевода.

Когда речь идет о переводе, то ни автор оригинала, ни читатель текста перевода, не в состоянии проверить, насколько элементы культурного фонда, представленные в переводе, соответствуют реальному положению вещей, так как оба они находятся по разные стороны культурного барьера. В таком случае вся ответственность возлагается на переводчика, который выступает в качестве эксперта относительно обеих культур – исходной и принимающей. Реалии культуры ИЯ как бы фильтруются переводчиком, который может либо сохранить их в тексте перевода без изменений, либо адаптировать их к культуре ПЯ.

«Нет такого слова, - отмечает А. В. Федоров, - которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространенным сочетанием слов данного языка» [Федоров 1983: 154]. Такой перевод нередко является по существу переводом не самой единицы, обозначающей реалию, а ее толкованием. Он позволяет,

однако, достичь высокой степени понятности для рецептора перевода при достаточно высокой точности:

В переводах произведений русской классической литературы встречаются описания различного характера. Некоторые представляют собой сравнительно краткие объяснения при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, как, например:

Через пять минут – колокольчик! ...и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную… [Пушкин «Станционный смотритель»: 59]

Five minutes later comes the sound of bells and a state-messenger flings on the table an order for fresh horses [Pushkin "The Stationmaster", пер. I. & T. Litvinov].

В других случаях переводчики дают более подробные толкования соответствующих предметов и понятий. Такие описания нередко сопровождаются изменениями синтаксических конструкций:

Орловский мужик невелик ростом, сутуловат…ходит на барщину…ест плохо, носит лапти… [Тургенев «Хорь и Калиныч»: 5]

The Orel peasant is small of stature, round-shouldered…discharges husbandry-service for the lord of the manor…eats bad food and wears plaited slippers of linden bark… [Turgenev "Khor and Kalinitch", пер. I.F. Hapgood]

Согласно нашим исследованиям, для передачи значений некоторых реалий переводчиками используется в качестве способа перевода только описание:

завалинка - earthen bank round (of) a hut

зеленя - winter fields (crops), green fields of winter rye

околица - village boundaries

предбанник - anteroom of (to) the bathhouse, porch of the bath-house

хлебосол - hospitable host, a fine man who dispenses hospitality.

Нередко переводчики используют сочетания двух способов – транслитерации или калькирования и описательного перевода. Описание дается непосредственно в тексте, в сноске или в специальном глоссарии:

…на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! У хохлов тыквы называются кабаками, а кабаки шинками… [Чехов «Человек в футляре»: 162]

…and that her mamma lived at the farm, and that they had such pears, such melons, such *kabaks!* The Little Russians call pumpkins *kabaks* (i.e., pothouses*), while their pothouses they call *shinki*… [Chekhov "The Man in a Case", пер. C. Garnett]

(* pothouses: taverns, pubs; the pun is that the Russian word for tavern, *kabak*, means "pumpkin" in Ukrainian – Tr.)

Данный пример является дословным переводом предложения оригинала. Транслитерированная реалия *kabak* сопровождается пояснением непосредственно в тексте. Ниже следует комментарий, который разъясняет читателю перевода игру слов, использованную автором оригинала. Таким образом, хотя текст перевода и наполнен разного рода дополнениями, но они, на наш взгляд, помогают английскому читателю лучше понять смысл предложения.

Или ещё примеры. Используя в качестве соответствий кальки, переводчик также сопровождает их комментариями:

«Я раз насилу ноги унес, а еще у мирного князя был в гостях» [Лермонтов «Герой нашего времени»: 348].

“I barely escaped once with my life and at the house of a neutral prince* at that.” [Lermontov “A Hero of Our Time”, пер. V. Nabokov]

(Notes: *Mirnoy Knyaz'*. This term designated a local chief-tain who took no sides in the war between the Caucasian tribes and the Russians.)

В некоторых случаях переводчики, разъяснив однажды значение переводимой единицы, в дальнейшем используют в тексте транслитерацию или кальку уже без объяснений.

Комментарии и примечания используются и в тех случаях, когда непосредственно в тексте применяется аналог или сжатое описание реалии, граничащее с генерализацией, а в сноске или в глоссарии дается развернутое объяснение:

Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина… [Гоголь «Шинель»: 480]

Originally he was simply called Grigory and was the serf of some landowner… [Gogol “The Greatcoat”, пер. Chris. English]

(Notes: «…*serfs of some landowners*…» – in Russia serfdom gave landowner the right to dispose of the body, labour and property of the serfs in his possession. Serfdom was abolished by the Emancipation of the Serfs Act in 1861.)

На основании анализа случаев использования описательного перевода, можно сделать вывод о том, что такой способ перевода русских исторических реалий является достаточно эффективным, при условии, что переводчику удается выразить средствами языка перевода самые существенные признаки переводимого понятия, самые важные в данном контексте компоненты значения.

Кроме того, отсутствие у получателей оригинала и перевода одинаковых прагматических презумпций вынуждает переводчика сопровождать пояснениями и комментариями транслитерированные реалии, кальки и аналоги, т.е. осуществлять прагматическую адаптацию исходного текста для обеспечения адекватного понимания текста рецептором перевода.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы, категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С. 3 – 43.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.С. Виноградов.— М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224с.
3. Гоголь, Н.В. Избранные сочинения в двух томах. – Т. 1. [Текст] / Н.В. Гоголь - М.: Худож. лит., 1984. – С. 475 – 499.
4. Лермонтов, М.Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени [Текст] / М.Ю. Лермонтов. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 342 – 474.
5. Пушкин, А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина [Текст] / А.С. Пушкин. // В книге Пушкин А.С. Капитанская дочка. Проза. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 30 – 82.
6. Тургенев, И.С. Записки охотника [Текст] / И.С. Тургенев. – М.: «Изд-во АСТ», 2003. – 295 с.
7. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1983. – 303с.
8. Чехов, А.П. Человек в футляре [Текст] / А.П. Чехов. // В книге Чехов А.П. Дом с мезонином: Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 158 – 169.
9. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер . – М.: Наука, 1988. – 215с.
10. Chekhov, A. The Man Who Lived in a Case. Tr. by Constance Garnett. [Электронный ресурс]: http: //chekhov2. tripod.com
11. Gogol N. The Greatcoat. Tr. By C. English and G. McDougall. // In Gogol N. The Government Inspector. Selected Stories. – M.: Raduga Publishers, 2000. – P. 247 – 283.
12. Lermontov M. A Hero of Our Time [Текст]. Tr. by Vladimir Nabokov. – N.Y.: Doubleday Anchor Books. Doubleday & Company, Inc. Garden City, 1958. – 210p.
13. Pushkin A. The Tales of Late Ivan Petrovich Belkin [Текст]. Tr. by Ivy & T. Litvinov. // In Pushkin A. Selected Works in Two Volumes. – Vol. 2. Prose Works. – Moscow: Progress Publishers, 1974 - P. 10 -75.
14. Turgenev I. Memoirs of a Sportsman [Текст]. Tr. by Isabel F. Hapgood. – Boston. N.Y.: The Jefferson Press., 1903. – 640p.

Н. И. Щипакина
Ставрополь, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ТЕКСТАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ

Перевод тематических групп лексики в специальном дискурсе вообще и в пространстве религиозного текста в частности обусловлен контекстуальной фоновой информацией и интенциональной составляющей, характерной для соответствующего типа текста. Достижению эквивалентности при переводе лексических единиц религиозной тематики служат переводческие трансформации. При этом эквивалентность для нас – это, прежде всего, коммуникативно-функциональный признак, который складывается из равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов. Оптимальной классификацией переводческих трансформаций, которая могла бы послужить достижению эквивалентности такого типа при переводе лексики религиозной тематики, является система переводческих приемов Я. И. Рецкера [Рецкер 2004], включающая конкретизацию, дифференциацию и генерализацию значений в переводе, смысловое развитие, целостное преобразование, компенсацию потерь и антонимический перевод.

Одним из приемов устранения лексико-контекстуального несоответствия в переводческой практике является **дифференциация** значений. Дифференциация используется, когда нужно передать значение широкого абстрактного понятия без его уточнения в переводе [Рецкер 2004: 47]. В следующем примере дифференцируются значения абстрактной лексемы *academic*: *It was possible in the spring of this year to carry through a meeting in Qatar between Muslim and Christian* ***academics*** [www.cofe.anglican.org]. – *Весной этого года в Катаре появилась возможность провести универсальный диалог между мусульманскими и христианскими* ***богословами.*** В словарях рассматриваемая лексема имеет следующие значения: 1. академик, ученый; 2. теоретические доводы, аргументы. В ткань религиозного дискурса ни одно из этих значений не вписывается, поэтому мы дифференцируем значения данной лексемы, уподобляя свой перевод логике религиозного дискурса, и получаем в итоге вариант *богослов*. Таким образом, в данном случае мы используем трансформацию «Дифференциация значений», получая при этом более конкретный эквивалент лексемы в переводящем языке вместо лексической единицы с абстрактным значением в исходном языке.

Прием **конкретизации** значения в переводе с английского языка на русский обуславливается тем, что словам в русском языке свойственна большая конкретность,

чем английским лексическим эквивалентам [Рецкер 2004:48]. В русском языке имеется гораздо большее количество слов для наименования священнодействий. В английском языке многие священнодействия обозначаются нейтральной лексикой: *He told me he had* ***signed Stephen's body with the cross****, and said a specially adapted prayer of commendation* [www.cofe.anglican.org]. - *Он* ***осенил тело Стивена крестным знамением*** *и произнес специальную заупокойную молитву.* В переводе на русский язык необходимо конкретизировать целый ряд нейтральной англоязычной лексики: англо-русский словарь дает несколько соответствий глаголу sign: *подписывать, подавать знак, отмечать* в данном случае явно не подходят. В переводе пришлось конкретизировать лексику не на основании словарных соответствий, а в соответствии с правилами сочетаемости слов русского языка: *he had signed Stephen's body with cross – Он* ***осенил*** *тело Стивена* ***крестным знамением***.

Под **генерализацией** мы вслед за Я. И. Рецкером понимаем «замену частного общим, видового значения родовым» [Рецкер 2004:50]. Прием генерализации значений встречается реже, чем два предыдущих вида переводческих трансформаций. Это связано не только особенностями русского и английского языков, но еще и тем, что в религиозных произведениях не может быть лишней ни одна йота – все содержимое оригинала должно войти в текст перевода. Тем не менее, прием генерализации необходимо применять в соответствии стилистическими нормами, принятыми в русском языке: ***In less ecumenical age*** *the Church of England might have taken satisfaction from the fact that its priestly vocations are running well ahead of those of other major Christian denominations* [www.cofe.anglican.org]. – ***В былое время*** *Англиканская Церковь могла бы довольствоваться тем фактом, что призвания ее священнослужителей идут заметно впереди, по сравнению с призваниями духовенства других основных христианских деноминаций.* Дословный перевод выделенного фрагмента английского текста *в менее ойкуменический век* очень терминологичен, поэтому мы заменим в переводе данное словосочетание нейтральным родовым понятием *в былое время*, т. е. в то время, когда Церкви были более автономны, применив тем самым трансформацию «Генерализация».

Прием **смыслового развития** заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. Сюда относятся различные метафорические и метонимические замены, производимые на основе категории перекрещивания [Рецкер 2004:51]. Для передачи одного и того же содержания средствами другого языка часто безразлично, какой формой слова будет выражено это содержание. Предмет может быть заменен признаком, процесс предметом, признак предметом или процессом. Когда прием смыслового развития применяется при переводе

глагольных сочетаний, можно наметить четкие закономерности замен и установить взаимосвязи между процессом (действием или состоянием), его причиной или следствием: *Some congregations see the young when they are* ***christened****, then scarecely ever again until they themselves have children* [www.cofe.anglican.org]. - *Во многих конгрегациях молодежь видят только на* ***крестинах,*** *и вряд ли кто-то из них снова появится в церкви до того, как приведет туда своих детей.* В переводе процесс, когда крестят, заменен его внешним атрибутом – обрядом крещения.

Антонимический перевод - это «использование противоположного понятия в переводе, что влечет за собой замену утвердительного предложения отрицательным или отрицательного – утвердительным» [Рецкер 2004:54]. Он может быть применен в стилистических целях для предания высказыванию контрастности и большей выразительности на фоне предыдущих утвердительных предложений, последовательно описывающих сменяющие друг друга действия: ***And of course there was that music****: the African band Frititi singing Kuku with exuberant shrieks and much banging of hand-drums*[www.cofe.anglican.org]. - ***Не обошлось, конечно, без музыки****: африканский ансамбль «Фритити» исполнил песню «Куку», сопровождая исполнение энергичными выкриками и постукиванием в ручные барабаны.* Вместо почти нейтрального: *и там, конечно, была музыка,* как будто происходило освещение важного музыкального события, целесообразнее было выразить через антонимический перевод, что помимо прочих мероприятий, сопровождающих интронизацию новоизбранного Архиепископа Кентерберийского, были также и музыкальные.

Прием **целостного преобразования** можно кратко определить как синтез значения без непосредственной связи с анализом: «преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи – от отдельного слова до синтагмы, а порой и целого предложения. Причем преобразуется не по элементам, а целостно, так, что видимая связь между внутренней формой единиц ИЯ и ПЯ уже не прослеживается» [Рецкер 2004:60]. Необходимость задействования целостного преобразования диктуется разными лексико-семантическими способами описания одних и тех же ситуаций средствами того или иного языка. При помощи целостного преобразования довольно часто передаются культуронимы, в том числе с религиозной семантикой: *Three days later, in* ***Palm Sunday*** [www.cofe.anglican.org]...- *Тремя днями позднее в* ***Вербное Воскресенье****...*Словосочетание *Palm Sunday* следует передавать в русском языке как Вербное Воскресенье, т. к. это соответствует нормам культуры переводящего языка и это мотивирует замену прилагательного *пальмовое* на *вербное*.

Компенсацией потерь в переводе следует считать замену непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это предоставляется удобным по условиям русского языка [Рецкер 2004:64]:

But Stephen, whom we adopted, was truly a gift from God. So it was important to me to take part in the service at which we ***handed him back into God's care*** [www.cofe.anglican.org]. В переводе данного предложения для сохранения образности высказывания была применена компенсация. Буквальный перевод: *«Мы вручили его назад в Божью заботу»* неминуемо придает комический и явно нелепый оттенок всему высказыванию, что представляется совершенно недопустимым для передачи такого рода событий. Нейтрализация стиля предложения также нежелательна. Поэтому в переводе целесообразным выходом из сложившейся ситуации оказался перенос метафоричности с одного элемента предложения на другой: *Стивен, которого мы усыновили, стал для нас по-настоящему Божьим даром. Поэтому для меня оказалось важным участие в этой службе,* ***на которой мы снова предали его в руки Божьи***. Благодаря использованию переводческих трансформаций нам удалось передать содержание всего предложения в совокупности с его стилистической окраской и смыслом. В частности, сохранена метафорическая связь со словом *рука*: английский глагол *to hand* оригинального текста в переводе компенсировался фразеологизмом: *предавать в руки Божьи.*

В результате исследования специфики лексических переводческих трансформаций в религиозном тексте можно сделать вывод о том, что наиболее частотны здесь конкретизация значений (30% исследованных случаев), затем следует дифференциация значений (20%), генерализация (15%), смысловое развитие (15%), целостное преобразование (10%), компенсация потерь при переводе (6 %), антонимический перевод (4%).

Список литературы

1. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я. И. Рецкер. – М.: Валент, 2004. – 240 с.
2. The Church of England today [Электронный ресурс] // www.cofe.anglican.org

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллина Лилия Рафаиловна - аспирант кафедры контрастивной лингвистики и переводоведения ТГГПУ, г. Казань, e-mail: lilioven@mail.ru

Авдеева Надежда Петровна - ассистент кафедры русской и классической филологии Саратовского государственного медицинского университета, e-mail: avdeevanp@rambler.ru

Агаркова Ольга Анатольевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и МПФЯ факультета иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: agarkova1612@rambler.ru

Аксёнова Наталия Валерьевна - преподаватель кафедры ЕЯ ИМОЯК Томского политехнического университета, e-mail: polozova15@rambler.ru

Аманкулова Жулдыз Курбаналиевна - студентка 4 курса педагогического факультета ЕНУ им.Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан), e-mail: Zhuldyz_kun@mail.ru

Андрющенко Ольга Константиновна - аспирант кафедры индоевропейского и восточного языкознания Инновационного Евразийского университета, преподаватель кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Арсеньева Дарина Владимировна - аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: darsenyeva@yahoo.com

Атакьян Гаянэ Самвеловна - преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Анапского филиала Сочинского государственного университета туризма

Афанасьева Мария Владимировна - преподаватель кафедры английского и французского языков НТГСПА (г. Нижний Тагил), e-mail: evgkop@mail.ru

Бабаян Роксана Эдвартовна - ассистент кафедры английской филологии Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета), e-mail: roksanaeduarda@yandex.ru

Бакалинский Михаид Луисович – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода с английского языка факультета иностранной филологии Запорожского национального университета (Украина), e-mail: mbakalinsky@setka.zp.ua, m.bakalinsky@mail.ru

Барышева Светлана Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: sve-barysheva@yandex.ru

Бейсембаева Сауле Толеутаевна - старший преподаватель кафедры теории и практики немецкого и 2-го иностранного языка Центрально-Казахстанского университета «МГТИ – Лингва» г. Караганда (Казахстан), e-mail: b.saule2003@list.ru

Белоусов Константин Игоревич - доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного университета, e-mail: konbel@mail.ru

Бизяева Наталья Александровна – преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: luiza@csu.ru

Битнер Марина Александровна - старший преподаватель Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, e-mail: MBitner@Mail.ru

Богатырь Ирина Васильевна - специалист по научной и учебной работе факультета Высшей Школы Международного Бизнеса Южного Института Менеджмента, соискатель Кубанского государственного университета, e-mail: information@hsib.ru

Богданова Людмила Ивановна - доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: LIBogdanova@mtu-net.ru

Борисов Аркадий Александрович – преподаватель кафедры теории и практики перевода Ставропольского государственного университета, e-mail: borisow.07@mail.ru

Борковец Наталья Ивановна - кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета

Булгарова Белла Ахмедовна - студентка второго курса магистратуры (кафедра общего и частного языкознания) филологического факультета РУДН, г. Москва, e-mail: Bulg_Bella@mail.ru

Буренкова Светлана Витальевна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры лексики и фонетики немецкого языка Московского педагогического государственного университета e-mail: burenkova_anna@mail.ru

Бухарова Гульнур Харуновна - кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского языка факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, e-mail: buharova_g@mail.ru

Бушев Александр Борисович - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университеа в г. Твери, e-mail: alex.bouchev@list.ru

Вагнер Кира Рустемовна - преподаватель Института экономики, управления и права, г. Казань, e-mail: kirawagner@mail.ru

Вахрушев Александр Александрович – аспирант Пермского государственного технического университета, e-mail: tom_mamont@mail.ru, vaa@reductor-pm.com

Винантова Ирина Владимировна - студентка 5 курса факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: vinantov@mail.ru

Виноградова Светлана Григорьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры международной бизнес-коммуникации Тюменского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: Gosha264@yandex.ru

Власян Гаянэ Рубеновна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: VlasyanGR@csu.ru

Волкодав Татьяна Владимировна - кандидат филологических наук, старший преподаватель Кубанского института информзащиты (Краснодар), e-mail: WOOLFTVVV@mail.ru

Воронина Любовь Валентиновна - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Рязанского автомобильного института им. Дубынина, e-mail: lyubavoronina@rambler.ru

Воропаева Виктория Сергеевна - преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: viktoria_v.83@mail.ru

Габдракипова Римма Завдатовна - ассистент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского государственного университета, e-mail: grimma.007@rambler.ru

Гагарина Наталья Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Удмуртского государственного университета в г. Воткинске, e-mail: kultura17@mail.ru

Гайда Радослав Евгеньевич – докторант Педагогической Академии им. Комиссии Общественного Образования в Кракове, (Польша), e-mail: Radoslaw.gajda@comarch.pl

Галлямова Гульнара Рафаиловна - ассистент кафедры иностранных языков №2 Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: traum.g@mail.ru

Гацура Наталья Игоревна - преподаватель кафедры английской филологии Омского государственного университета, e-mail: nagatsura@mail.ru

Гашкова Маргарита Григорьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, e-mail: gaschkowa@r66.ru

Герасимова Наталья Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета, e-mail: gueras@yandex.ru

Гильфанов Равиль Тагирович - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Международного института финансов, управления и бизнеса Тюменского государственного университета, e-mail: rawil_51@mail.ru

Говорухо Роман Алексеевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета, ст. н. стр. сектора романских языков Института языкознания РАН, e-mail: govorroman@mail.ru

Голованов Игорь Анатольевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, e-mail: ligol@csu.ru

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета, e-mail: ligol@csu.ru

Головина Ирина Викторовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка факультета иностранных языков Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, e-mail: golovina-tula@yandex.ru

Гончар Наталья Георгиевна - старший преподаватель кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Пермского государственного педагогического университета, e-mail: NatiGon@yandex.ru

Горбушина Марина Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и связей с общественностью филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Новокузнецке, e-mail: marinagorbushina@yandex.ru

Григорова Наталья Сергеевна - ассистент кафедры английской филологии Тюменского государственного университета, e-mail: ngrigorova@utmn.ru, grinalia@hotmail.com

Гриднева Наталия Александровна - аспирант, преподаватель кафедры германских языков Международного института рынка (г. Самара), e-mail: gridnevaimi@mail.ru

Гуслякова Наталья Викторовна - ассистент кафедры иностранных языков естественно-научных и экономических специальностей Ставропольского государственного университета

Давлетбердина Алия Радионовна - инспектор по работе со студентами, аспирант Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права (г. Уфа), e-mail: aliya5455@rambler.ru

Дрыгина Юлия Анатольевна – ассистент, Белгородский государственный университет, e-mail: drygina@bsu.edu.ru

Дудченко Людмила Юганесовна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода, аспирант кафедры английского языка Псковского педагогического университета им. С.М.Кирова, e-mail: doudchenkol@rambler.ru

Елистратов Алексей Алексеевич - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: asha91@rambler.ru

Ельцова Мария Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета, e-mail: maria_eltsova@mail.ru

Железнова Юлия Владимировна – аспирант, старший преподаватель кафедры романских языков ФПИЯ Удмуртского государственного университета, e-mail: juliajeleznova@udm.ru

Житникова Любовь Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета

Жуманбекова Нуркеш Зейнулловна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова (Казахстан), e-mail: nurkesh@mail.ru

Заболотнова Марина Владимировна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета

Закорко Светлана Валерьевна – аспирант кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, e-mail: svetlana_zakorko@mail.ru

Звездакова Ирина Викторовна - старший преподаватель Чайковского филиала ПГТУ, e-mail: IrinaZvezdakova@yandex.ru

Звонарёва Юлия Васильевна - преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: forte-x@mail.ru

Зелянская Наталья Львовна - кандидат филологических наук, докторант Алтайского государственного университета, e-mail: zelyanskaya@mail.ru

Зникина Людмила Степановна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Кузбасского государственного технического университета (г. Кемерово), e-mail: znikina@mail.ru

Золотарева Светлана Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета

Иванова Екатерина Павловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: eivanova2003@mail.ru; eivanova@mail.lanck.net

Исенбаева Галина Ивановна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой французского языка, теории и методики преподавания французского языка Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: isenbaeva@rambler.ru

Ичкинеева Дилара Ахметовна – аспирант Оренбургского государственного университета, e-mail: ichkineeva@rambler.ru

Кабанова Евгения Владимировна - аспирант, преподаватель кафедры немецкой филологии факультета иностранных языков Омского государственного университета, e-mail: evgeniyakabanova@yandex.ru

Калмыков Константин Николаевич - старший преподаватель кафедры немецкого и второго иностранного языка Центрально-Казахстанского университета «МГТИ-Лингва» (Казахстан), e-mail: ctruth@nursat.kz

Каменева Вероника Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии №2 Кемеровского государственного университета, e-mail: russia_science@mail.ru

Карабыков Антон Владимирович - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, e-mail: meavox@mail.ru

Карданова Мадина Аслангериевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета

Карымсакова Рахиля Даулетбаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан), e-mail: rakhilya.11@mail.ru

Квашнина Елена Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета, e-mail: lena-kv@mail.ru

Килина Лилия Фаатовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории Удмуртского государственного университета, e-mail: kilin@idz.ru

Кравченко Оксана Викторовна - соискатель кафедры русского языка и методики начального обучения Таганрогского государственного педагогического института, e-mail: oksanka_2007@mail.ru

Крапивенский Анатолий Соломонович - соискатель кафедры социологии управления Волгоградской академии государственной службы, e-mail: krapivensky@rambler.ru

Крохмальник Антон Юрьевич – аспирант Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Беларусь), e-mail: antony@mail.gomel.by, tony3333@rambler.ru, antony1@tut.by

Кудрявцева Надежда Борисовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории французского языка, Московского государственного лингвистического университета, докторант, e-mail: nkoudriavtseva @ mail. ru

Кузнецова Александра Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры языка СМИ и рекламы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета, e-mail: kuznecova@philol.rsu.ru

Кузьмичева Вита Анатольевна - кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка Белгородского государственного университета, e-mail: VKuzmicheva@bsu.edu.ru

Курбанова Ольга Владимировна - аспирант кафедры русского языка социально-гуманитарного факультета Дагестанского государственного технического университета, e-mail: tarki86@mail.ru

Кусова Маргарита Львовна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Кучеренко Кристина Ивановна - ассистент, Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина, e-mail: mkad2006@yandex.ru

Лаврищева Екатерина Владимировна - аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков специальных дисциплин ЕГУ им. И.А. Бунина, г. Елец, e-mail: eklav@mail.ru

Лапковская Елена Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистических дисциплин и методик их преподавания педагогического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Беларусь), e-mail: terminy@tut.by

Ласкова Марина Васильевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой перевода и информатики Педагогического института Южного Федерального университета, e-mail: Pr_Laskova@rambler.ru

Лещинская Ольга Георгиевна - аспирант кафедры русского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: leshh-olga@yandex.ru

Лопатина Ксения Викторовна - аспирант кафедры романской филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, e-mail: xeny4@yandex.ru

Лубожева Лионелла Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного института, e-mail: Lionella2002@rambler.ru

Лукашанец Анастасия Борисовна - преподаватель кафедры фонетики Минского государственного лингвистического университета (Беларусь), e-mail: frenchstudent@yandex.ru

Лыкова Надежда Николаевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии Тюменского государственного университета

Ляпкова Эльвира Маратовна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой французского языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: liapkova@csu.ru

Ляпун Светлана Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: Lyapun_sv@inbox.ru

Майорова Ирина Адольфовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета (филиал в г. Таштаголе), e-mail: tashtagol@kuzstu.ru

Матвеева Галина Григорьевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Педагогического института Южного Федерального университета, e-mail: gegemat2337633@rambler.ru

Матросова Инна Александровна - ассистент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, e-mail: union1997vin@mail.ru

Мейрамова Салтанат Акимовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии педагогического факультета ЕНУ им.Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан), e-mail: saltanat.m@mail.ru

Менщикова Юлия Николаевна – преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных специальностей Курганского государственного университета

Минина Светлана Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Орловской региональной академии государственной службы в г. Брянске, e-mail: s_minina@mail.ru

Михайлова Елена Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры языков Белорусской государственной академии музыки (Беларусь), e-mail: mikhailovarv@mail.ru

Мордовская Елена Вячеславовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан), e-mail: helen_kust@mail.ru

Москальчук Галина Григорьевна - доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: mna@house.osu.ru

Москвичева Евгения Александровна - аспирант общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: eugenie-m@yandex.ru

Муллинова Ольга Александровна - кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета (Краснодар), e-mail: mulinka@mail.ru

Муругова Елена Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Педагогического института Южного Федерального университета, e-mail: murugova@aaanet.ru

Мустакимова Галина Васильевна - кандидат филологических наук, доцент Костанайского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: mustak59@mail.ru

Наличникова Инна Анатольевна - ассистент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: nal-inna@yandex.ru

Никифорова Светлана Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории Удмуртского государственного университета, e-mail: snikif@list.ru

Обвинцева Надежда Валерьевна - преподаватель английского языка Миасского педагогического колледжа, аспирант Челябинского государственного педагогического университета

Овчинникова Мария Геннадьевна - ассистент преподавателя кафедры английской филологии Тюменского государственного университета, e-mail: mgeo@mail.ru

Омарова Аклима Каирденовна - кандидат искусствоведения, доцент, проректор по стратегическому планированию и научной работе Казахской национальной консерватории им. Курмангазы, (Казахстан)

Переверзева Наталия Александровна - аспирант, преподаватель кафедры романской филологии факультета романо-германской филологи Воронежского государственного университета, e-mail: natalia-pereverzeva@rambler.ru

Петрова Алёна Николаевна - преподаватель английского языка кафедры английского языка в профессиональной международной деятельности факультета романо-германской филологии

Воронежского государственного университета, e-mail: mia7@yandex.ru

Пичугина Ольга Александровна - преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: polar_star_olga@mail.ru

Плаксина Елена Борисовна - старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета, e-mail: ebplaksina@pochta.ru

Погребняк Григорий Анатольевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Самарского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: gpogreb@mail.ru

Разумова Лина Васильевна - кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора института по научной работе, кафедра французского языка факультета иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, e-mail: lina.razumova@mail.ru

Распаева Гульжан Джамбуловна – преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: gdraspaeva@csu.ru

Ремхе Ирина Николаевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета

Рубанова Ольга Андреевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики факультета лингвистики и словесности Педагогического института Южного Федерального университета, e-mail: rolga2007@inbox.ru

Румянцева Марина Васильевна - старший преподаватель кафедры романо-германских и восточных языков Костанайского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: rumyansev@rambler.ru

Русина Юлия Николаевна - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Беларусь), e-mail: jrusina@mail.ru

Рыбачёк Галина Александровна - ассистент кафедры РФМПФЯ Оренбургского государственного университета, e-mail: galina251979@mail.ru

Рязанцева Дарья Борисовна - преподаватель кафедры общей лингвистики, аспирант Южно-Уральского государственного университета, e-mail: lingda@mail.ru

Сабитова Шынар Алимхановна - кандидат филологических наук, доцент, заместитель зав. кафедрой международной журналистики Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан), e-mail: Sabitova.Shinara@ mail.ru

Савельева Мария Владимировна - старший преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета, e-mail: t_maria@mail.ru

Савинов Денис Александрович – старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 Магнитогорского государственного технического университета, соискатель кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета

Самылина Екатерина Викторовна - ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания, аспирант Челябинского государственного педагогического института, e-mail: katrin_viktorovna@rambler.ru

Семенова Наталья Васильевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, e-mail: pussinboots05@mail.ru

Семёнова Татьяна Валерьевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета

Семкина Галина Григорьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, e-mail: gsemkina@yandex.ru

Серебрякова Анна Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в г. Златоусте, e-mail: serebrjakova_a@mail.ru

Сивцева Наталья Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета, e-mail: s_nataly77@mail.ru

Скворцова Екатерина Владимировна – ассистент кафедры романских языков ФПИЯ Удмуртского государственного университета, e-mail: skvortzova2008@yandex.ru

Скородумова Елена Андреевна – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: ele-s@mail.ru

Слуцкая Ксения Александровна - ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания Нижневартовского государственного гуманитарного университета, e-mail: crazyhazy@yandex.ru; nggu_eld@nvtel.ru

Соколова Галина Михайловна – преподаватель Армавирского государственного педагогического университета, e-mail: pu5@list.ru

Стренева Наталья Владимировна - старший преподаватель Оренбургского государственного университета, e-mail: konbel@mail.ru

Струкова Светлана Михайловна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры белорусского языка Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины (Беларусь), e-mail: strukova@gsu.unibel.by

Талалай Татьяна Сергеевна – ассистент кафедры НФиМПНЯ Оренбургского государственного университета

Титова Елена Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: titova_helen@list.ru

Хамитова Ландыш Мударисовна - кандидат филологических наук, доцент Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права, e-mail: Lan-khamitova@yandex.ru

Хвесько Тамара Владимировна - кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Тюменской государственной медицинской академии Росздрава, e-mail: khvesko@inbox.ru

Хорошко Елена Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Белгородского юридического института, e-mail: sever77.72@mail.ru

Цалко Татьяна Васильевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языка СМИ и рекламы факультета филологии и журналистики Южного Федерального университета, e-mail: tat-tsalko@yandex.ru

Чепель Наталья Павловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета, e-mail: chenat_74@mail.ru

Шаова Рузана Амирбиевна - магистрант-филолог Кабардино-Балкарского государственного университета, e-mail: ruzanna_shaova@mail.ru

Швидченко Анна Юрьевна – преподаватель кафедры иностранных языков №1 Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: heidelbeere82@yandex.ru

Шиляева Ольга Сергеевна - ассистент кафедры иностранных языков №1 Магнитогорского государственного технического университета, соискатель кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета

Щекотихина Ирина Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка факультета иностранных языков Орловского государственного университета, e-mail: schek@orel.ru

Щипакина Наталья Ивановна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Ставропольского государственного университета, e-mail: schipnat@bk.ru

Эфендиева Росина Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Кабардино-Балкарского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Абдуллина Л.Р. (Казань, Россия)
Особенности семантической организации газетного текста (на материале французского и татарского языков) *3*

Авдеева Н.П. (Саратов, Россия)
Структурно-функциональные особенности произнесенной внутренней речи персонажей в произведениях А.П, Чехова *6*

Агаркова О.А. (Оренбург, Россия)
Этикетные заимствования русского языка *10*

Андрющенко О.К. (Павлодар, Казахстан)
Прагматические особенности коммуникативного акта предвыборной листовки *13*

Арсеньева Д. В. (Санкт-Петербург, Россия)
Семантика и прагматика языковых единиц метатекста на примере романа В. Набокова «Отчаяние» *17*

Атакьян Г.С. (Майкоп, Россия)
Прагматический характер рекламы туризма и отдыха в прессе *22*

Афанасьева М.В. (Нижний Тагил, Россия)
Нейтральная лексика английского языка *26*

Бабаян Р.Э. (Волжский, Россия)
Категория отношения в лингвистике *31*

Бакалинский М.Л. (Запорожье, Украина)
К вопросу о кодировании информации в социолекте итало-американской мафии *34*

Барышева С. Г. (Нижний Тагил, Россия)
Речевая характеристика как экзистенциальный статус героя в позднем творчестве Э. Хемингуэя *36*

Бейсембаева С.Т. (Караганда, Казахстан)
О некоторых прагматических свойствах умолчания в немецком языке *38*

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. (Оренбург, Россия)
Заглавие текста как категория филологической рефлексии *43*

Битнер М.А. (Красноярск, Россия)
Функциональная модализация прилагательных со значением случайности *47*

Богатырь И.В. (Краснодар, Россия)
Понятие прагматики и семантики текста *52*

Богданова Л.И. (Москва, Россия)
Русские глагольные антонимы в лингвопрагматическом аспекте *54*

Борисов А.А. (Ставрополь, Россия)
Описание природы как средство обеспечения текстовой когерентности (соцоипрагматический аспект) *58*

Булгарова Б.А. (Москва, Россия)
Особенности функционирования ЛСГ существительных-наименований мимики, показывающей расположение к смеху в произведениях М. Булгакова *62*

Трудности, возникающие при исследовании эмотивной лексики русского языка *66*

Буренкова С.В. (Омск, Россия)
Вербализация СТРАХА в лексике и фразеологии немецкого языка (материалы к словарю) 69

Бухарова Г.Х. (Уфа, Россия)
Функционально-прагматический подход к анализу фольклорного текста (на материале эпоса «Урал-батыр») 73

Вагнер К.Р. (Казань, Россия)
Предикативная сочетаемость ЛСГ «Птицы» (на материале русских и английских метеорологических народных примет) 77

И.В. Винантова, Г.Р. Власян (Челябинск, Россия)
Прагматические особенности косвенных речевых актов, выраженных в форме вопроса 81

Виноградова С.Г. (Тамбов, Россия)
Перекатегоризация английских процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте по типу «Процессуальность» → «Свойство» 84

Воронина Л.В. (Рязань, Россия)
Синкретизм семантики финитива 87

Воропаева В.С. (Челябинск, Россия)
О внутренней форме и мотивированности односложных терминов 91

Гагарина Н.Н. (Воткинск, Россия)
Проблема классификации окказиональных сложных слов (композитов) в русском языке 95

Гайда Р. Е. (Краков, Польша)
Лингвостилистическая характеристика языка рекламы (на примере газетной рекламы) 99

Галлямова Г.Р. (Магнитогорск, Россия)
Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в немецком языке 111

Gatsura N.I. (Omsk, Russia)
The emotive system of the story "Gioconda's smile" by A.Huxley 114

Гашкова М. Г. (Екатеринбург, Россия)
Экспрессивное и эмоциональное в стилистике 121

Гильфанов Р.Т. (Тюмень, Россия)
Немецкие модальные глаголы как лексические средства выражения ирреальных действий 124

Говорухо Р.А. (Москва, Россия)
О некоторых конвенционализированных особенностях русских и итальянских высказываний 127

Голованов И.А. (Челябинск, Россия)
Фольклорный текст в коммуникативно-прагматическом аспекте 132

Голованова Е.И. (Челябинск, Россия)
Фразеологизм как инструмент фиксации и продуцирования профессионального знания 136

Головина И. В. (Тула, Россия)
Die besonderheiten des gebrauchs der phraseologismen in den zeitungsübers chriften 140

Горбушина М.М. (Новокузнецк, Россия)
Семантические характеристики терминов-антропонимов 143

Григорьева Е.А. (Чебоксары, Россия)
Эвфемистические наименования субъектов ирреального мира в русских народных говорах 145

Гриднева Н.А. (Самара, Россия)
Словари цитат в современной лексикографической парадигме.....149

Гуслякова Н.В. (Ставрополь, Россия)
Коммуникативная корреляция адресант-текст-адресат как детерминант прагматических параметров заголовка в прессе (на материале газетных текстов переходного периода) 153

Давлетбердина А.Р. (Уфа, Россия)
К вопросу определения структуры и семантики устойчивых сравнений 157

Дрыгина Ю.А. (Белгород, Россия)
Семантические характеристики глаголов, репрезентирующих подфрейм управления государством в современном английском языке 160

Дудченко Л.Ю. (Псков, Россия)
Реализация православного компонента в англоязычных наименованиях русских икон.....164

Елистратов А.А. (Челябинск, Россия)
К вопросу о способах словообразования спортивных жаргонизмов.....168

Ельцова М.Н. (Пермь, Россия)
Моделирование напряжения простого предложения.....172

Епимахова А.Ю. (Челябинск, Россия)
Влияние иноязычных заимствований на коммуникативное сознание (на материале англоязычных наименований сферы профессиональной деятельности) 177

Железнова Ю.В. (Ижевск, Россия)
Сопоставительный анализ лексем parenté – родство в рамках семантического поля «Родственные отношения».....180

Житникова Л.В. (Челябинск, Россия)
Особенности номинации профессионального деятеля в Международном словаре профессий 183

Жуманбекова Н.З., Мейрманова К.С. (Кокшетау, Казахстан)
К вопросу о типологии моделей внутренней формы компаративных фразеологических единиц немецкого, русского и казахского языков.....187

Заболотнова М.В. (Челябинск, Россия)
К вопросу о роли префиксов お（«О»）и ご（«ГО»）в японском языке 191

Закорко С.В. (Уфа, Россия)
Особенности ассоциативной структуры технических терминов 194

Звездакова И.В. (Чайковский, Россия)
Реализация эзотерического плана в поэтическом тексте 198

Зникина Л.С., Майорова И.А. (Кемерово, Россия)
О совмещенных сложных предложениях в научном стиле немецкого языка.....202

Золотарева С.А. (Махачкала, Россия)
Фразеологические единицы с прагматической установкой на комический эффект в речи телеведущего «Пока все дома» *206*

Иванова Е.П. (Санкт-Петербург, Россия)
Новое в семантизации лексической единицы в лексикографии *210*

Иксанова А.А. (Уфа, Россия)
Древнетюркские надписи и их значение в развитии башкирской поэзии *213*

Исенбаева Г.И. (Орск, Россия)
Методика системного анализа (СА) как средство извлечения и производства знания о возможном мире текста *216*

Ичкинеева Д.А. (Оренбург, Россия)
О зависимости дискретности семантики текста от его физических параметров *220*

Кабанова Е.В. (Омск, Россия)
Особенности вербализации универсального перцептивного опыта человека в немецких и русских температурных прилагательных *223*

Каменева В.А. (Кемерово, Россия)
Английская фразеология - гарант сохранности андроцентричности языка *228*

Карабыков А.В. (Омск, Россия)
Прагматика Обета в Ветхом Завете *232*

Карданова М.А. (Нальчик, Россия)
Лексический повтор в тексте Евангелия от Иоанна *235*

Карымсакова Р.Д. (Алматы, Казахстан)
О семантико-прагматических функциях оценочных имен лица русского языка *239*

Е.Н. Квашнина (Челябинск, Россия)
«Отслоения научной терминологии» как источник образования фразеологизмов *244*

Килина Л.Ф. (Ижевск, Россия)
«Повесть временных лет»: семантика и прагматика языковых единиц категории оценки *248*

Кравченко О.В. (Таганрог, Россия)
Депрагматизация как семиотический механизм порождения абсурда в тексте *252*

Крапивенский А.С. (Волгоград, Россия)
Семантика и фоносемантика как маркер восприятия метода убеждения в рекламных сообщениях *255*

Крохмальник А.Ю. (Гомель, Россия)
К вопросу о значении окулесических единиц в литературных текстах на примере романа М.А. Шолохова «Поднятая целина» *259*

Кудрявцева Н.Б. (Москва, Россия)
Стилистический потенциал предложений с однородными членами во французском языке *263*

Кузнецова А.В., Цалко Т.В. (Ростов-на-Дону, Россия)
Роль речевых ошибок в деформации образа события в СМИ *267*

Кузьмичева В.А. (Белгород, Россия)
Влияние межфреймовых процессов на особенности семантики и синтаксиса глагольных лексем *269*

Курбанова О.В. (Махачкала, Россия)
Эмоционально-экспрессивные средства отражения авторской эвалюативности (на материале стихотворения Максимилиана Волошина «Красная пасха») 273

Кусова М.Л. (Екатеринбург, Россия)
Фразеологические единицы в дискурсе современной публицистики.....276

Кучеренко К.И. (Елец, Россия)
О социальной обусловленности семантических преобразований лексики современного немецкого языка.....280

Лаврищева Е.В. (Елец, Россия)
Особенности семантики немецких фразеологических единиц с компонентом «Die Hand».....284

Лещинская О.Г. (Омск, Россия)
Функционирование некодированных единиц в речевом жанре жалобы (на материале городской устной речи).....287

Лопатина К.В. (Воронеж, Россия)
Прагматический аспект функционирования имен реальных исторических лиц в художественном произведении (на примере романа К.Х. Селы «Улей») 292

Лубожева Л.Н. (Челябинск, Россия)
Специфика освоения экономической лексики средним носителем языка 296

Лукашанец А.Б. (Минск, Беларусь)
Полифункциональность просодии и семантическая структура просодических единиц.....299

Лыкова Н.Н. (Тюмень, Россия)
Общее наименование наказания в старофранцузском и древнерусском языках 304

Ляпкова Э.М. (Челябинск, Россия)
Национально-культурный аспект функционирования наименования лиц по профессии 308

Ляпун С.В. (Майкоп, Россия)
Языковой повтор как прием реализации функции воздействия (на материале современной газетной публицистики).....312

Марчук Т.А. (Белгород, Россия)
Лексические средства выражения смысловых отношений 316

Матвеева Г.Г. (Ростов-на-Дону, Россия)
К истории формирования прагмалингвистики как науки 320

Матросова И.А. (Абакан, Россия)
Некоторые семантико-синтаксические особенности глагола "melt" в современном английском языке 323

Meiramova S.A., Amankulova Zh. (Astana, Kazakhstan)
The issue of idiomaticity of the text in the pragmatical context 328

Менщикова Ю.Н. (Курган, Россия)
Прагматическая модальность текста.....332

Минина С.В. (Брянск, Россия)
Непонимание и коммуникативный дискомфорт.....336

Михайлова Ю.С. (Белгород, Россия)
Квазисинонимы «работа» и «труд» в русском и английском языках 340

Москальчук Г.Г. (Оренбург, Россия)
Проблемное поле «лингвистика текста» *343*

Москвичева Е.А. (Волгоград, Россия)
Аксиологичность пословичной паремики и фразеологии *348*

Муллинова О.А. (Краснодар, Россия)
Парадигматика процессуального поля передачи информации *351*

Муругова Е.В. (Ростов-на-Дону, Россия)
К вопросу о прагматике словообразовательных средств *354*

Мустакимова Г.В. (Костанай, Казахстан)
Семантика и прагматика собирательных имен в русской и казахской языковой картине мира (на материале произведений Ч. Валиханова) *358*

Наличникова И.А. (Оренбург, Россия)
Эпистемическая модальность в немецких афоризмах *361*

Никифорова С.А. (Ижевск, Россия)
К истории терминологии христианства: композиты с начальным мъного – в древнерусской гимнографии *366*

Обвинцева Н.В. (Миасс, Россия)
Понятие отношения и его выражение в языке *369*

Овчинникова М.Г. (Тюмень, Россия)
Вариативность фразеологических единиц в романе С. Моэма «Луна и грош» *373*

Омарова Л.Р. (Махачкала, Россия)
Православное слово в контексте социальной прагматики *377*

Переверзева Н.А. (Воронеж, Россия)
Бессоюзные сложные предложения с изъяснительно-объектными отношениями между предикативными частями в испанском языке *380*

Петрова А.Н. (Воронеж, Россия)
Новые тенденции именаречения в США, Великобритании и России *385*

Пичугина О.А. (Челябинск, Россия)
Античные реминисценции в романе Дж. Фаулза «Волхв» *392*

Плаксина Е.Б. (Екатеринбург, Россия)
О характере отношений заголовка и текста *398*

Погребняк Г.А. (Самара, Россия)
Личные имена в романе М. Г. Успенского «Там, где нас нет» *402*

Разумова Л.В. (Чита, Россия)
К вопросу о нормализации территориальных вариантах форм французского языка *406*

Распаева Г. Д. (Челябинск, Россия)
Прецедентные имена в произведениях Л.Н. Толстого *409*

Рубанова О.А. (Ростов-на-Дону, Россия)
Средства выражения субъективной модальности как способ усиления речевого воздействия побудительных высказываний *411*

Румянцева М.В. (Костанай, Казахстан)
Особенности функционирования словообразовательных сравнительных структур в русском и немецком языках (на материале детских рассказов о животных) *415*

Русина Ю.Н. (Гомель, Беларусь)

О моделях значений меронимов класса наименований неотчуждаемых частей.....*419*

Рыбачёк Г.А. (Оренбург, Россия)
К вопросу о структурном синтезе текста.....*423*

Сабитова Ш.А. (Алматы, Казахстан)
О прагматическом аспекте газетного текста Республики Казахстан.....*427*

Савельева М.В. (Курган, Россия)
Вид глагола и императивные речевые акты.....*431*

Семантическая классификация процессуальных единиц со значением побуждения.....*434*

Савинов Д.А. (Магнитогорск, Россия)
Феномен XXI века – общий и специальный жаргон.....*444*

Самылина Е.В. (Шадринск, Россия)
К вопросу о моно- и полисемии русских и английских процессуальных фразеологизмов фразео-семантической группы «Физическое состояние».....*447*

Семёнова Т.В. (Челябинск, Россия)
К вопросу об эмотивной лексике в зеркале антонимии.....*453*

Семкина Г.Г. (Омск, Россия)
К вопросу о месте акта запрета в системе речевых актов.....*455*

Сивцева Н.Г. (Иркутск, Россия)
Индексальность нефазовых существительных как основа репрезентации характеристик начальности и конечности в английском языке.....*458*

Скворцова Е.В. (Ижевск, Россия)
Неологизмы как средство воздействия (на материале проблемной статьи на французском языке).....*462*

Скородумова Е.А. (Челябинск, Россия)
Структурно-семантические особенности риторического вопроса-реакции.....*464*

Слуцкая К.А. (Нижневартовск, Россия)
Художественные возможности шрифта в конкретной поэзии.....*466*

Соколова Г.М. (Армавир, Россия)
Прагматика эмотивности как коммуникативной интенции высказывания.....*470*

Стренева Н.В. (Оренбург, Россия)
К вопросу о пространственной репрезентации граффити.....*473*

Струкава С.М. (Гомель, Беларусь)
Семантычная характарыстыка кампазітаў з фармантам кольвек-: дыяхранічны аспект.....*477*

Хамитова Л.М. (Набережные Челнины, Россия)
Поэтическая ономастика произведений для детей.....*481*

Хвесько Т.В. (Тюмень, Россия)
Топонимия как этноисторический источник.....*483*

Хорошко Е.Ю. (Белгород, Россия)
Романсный вокатив.....*488*

Шаова Р. А. (Нальчик, Россия)
Семантика и прагматика производных слов с суффиксами субъективной оценки в современном русском языке (на материале СМИ и Интернета).....*492*

Швидченко А.Ю. (Магнитогорск, Россия)
Современное состояние фонда библеизмов.....496

Шиляева О.С. (Магнитогорск, Россия)
Этнокультурная специфика устных форм литературного языка.....499

Щекотихина И.Н. (Орел, Россия)
К вопросу о единицах внутреннего лексикона.....503

Эфендиева Р.А. (Нальчик, Россия)
Оценка и эмотивность как основные прагматические компоненты семантики фразеологизмов.....506

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Аксёнова Н.В. (Томск, Россия)
Психологическое исследование лакунарности.....510

Бизяева Н.А. (Челябинск, Россия)

Композиционная структура англоязычных и русскоязычных инструкций к потребительским товарам.....514

Борковец Н.И. (Челябинск, Россия)
Закономерности перевода технической метафоры с немецкого языка на русский в художественном тексте.....517

Бушев А. Б. (Тверь, Россия)
Риторическая культура чтения прессы.....523

Вахрушев А.А. , Нестерова Н.М. (Пермь, Россия)
Слово в картине мира: о межъязыковых «соответствиях» в переводе.....528

Волкодав Т.В. (Краснодар, Россия)
Пересказ как разновидность прагматической адаптации при переводе детской литературы XIX–XX вв.....532

Габдракипова Р. З. (Оренбург, Россия)
Таксисные отношения в переводе.....535

Герасимова Н.И. (Ростов-на-Дону, Россия)
«Примечания» как продукт рефлексии переводчика в философском переводе.....539

Гончар Н.Г. (Пермь, Россия)
Этноязыковая асимметрия как сущностное свойство перевода.....542

Звонарева Ю.В. (Челябинск, Россия)
Особенности перевода военной метафоры «Наводнение – это война/борьба» в публицистических текстах (на примере текстов о природных катастрофах).....547

Калмыков К.К. (Караганда, Казахстан)
Проблематика поиска переводческих соответствий в историко-политическом метаязыке.....555

Кушнина Л.В., Енбаева Л.В. (Пермь, Россия)
Межкультурный диалог как сущностное свойство процесса перевода в свете синергетического подхода.....558

Лапковская Е.Н. (Гродно, Беларусь)
О некоторых особенностях перевода текстов с русского языка на белорусский.....564

Ласкова М.В. (Ростов-на-Дону, Россия)
Ложные друзья переводчика как объект переводческих решений 568

Мордовская Е. В. (Костанай, Казахстан)
Реализация трансформационных преобразований при переводе ментальных репрезентаций.....571

Ремхе И.Н. (Магнитогорск, Россия)
К вопросу о применении стратегического подхода в области технического перевода 577

Семенова Н.В. (Уфа, Россия)
Русский «авось»: особенности перевода.....579

Серебрякова А.Ю. (Златоуст, Россия)
Особенности перевода философских текстов И. Канта различными переводчиками.....582

Талалай Т.С. (Оренбург, Россия)
Лексико-грамматические вопросы перевода немецких сложных существительных на русский язык.....586

Титова Е.А. (Челябинск, Россия)
Прагматическая значимость передачи звуковых повторов при переводе поэзии.....591

Чепель Н.П. (Рязань, Россия)
Приемы компенсации фоновых знаний при переводе исторических реалий.....596

Щипакина Н.И. (Ставрополь, Россия)
Лексические трансформации как средство обеспечения переводческой эквивалентности в текстах религиозной тематики 601

НАШИ АВТОРЫ **605**

СОДЕРЖАНИЕ.....**618**

Научное издание

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Сборник статей участников
IV международной научной конференции
25-26 апреля 2008 года
Челябинск

Том 3

Формат 60x84 1/8. Бумага ВХИ 80 гр. Объем 78,3 усл. п. л.
Тираж 200 экз. Заказ №625

ГОУ ВПО «Чел ГУ», 454021, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129

ООО «Издательство РЕКПОЛ», 454048, г. Челябинск, пр. Ленина, 77
Изготовлено в полном соответствии с качеством
предоставленных оригиналов заказчиком
в ООО «РЕКПОЛ», 454048, г. Челябинск, пр. Ленина, 77,
тел.(351) 265-41-09, 265-49-84